АКАДЕМИЯ НАУК СССР КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Русские народные сказки Карельского Поморья

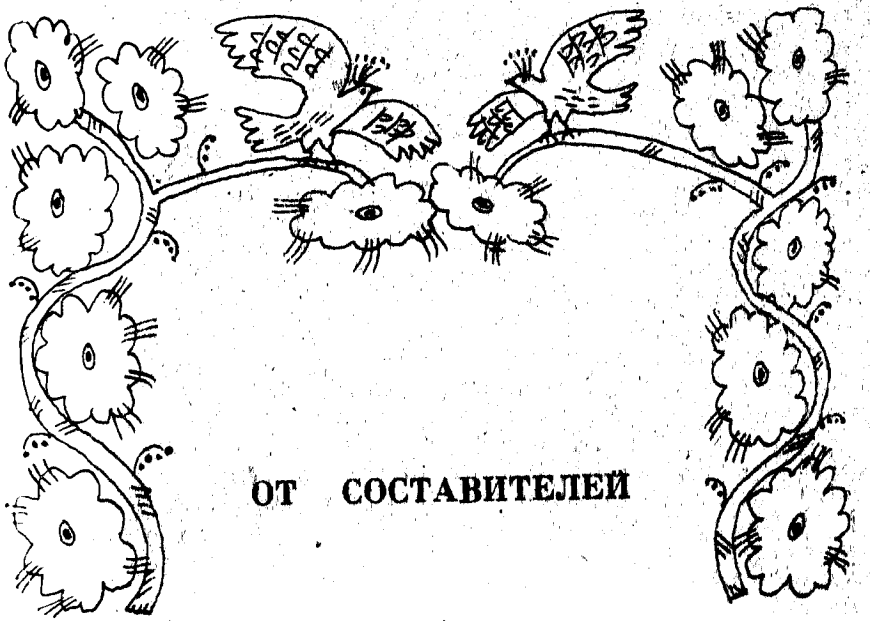
ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАРЕЛИЯ» ПЕТРОЗАВОДСК 1974

РФ
Р89

Составители
А. П. Разумова, Т. И. Сенькина

Редактор
кандидат филологических наук
И. М. Колесницкая

© «Карелия», 1974



ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Настоящий сборник состоит из русских сказок, записанных на Карельском побережье Белого моря — в Лоухском, Кемском и Беломорском районах. При составлении его были использованы архивные материалы Карельского филиала АН СССР, собранные в разные годы, начиная с 1930 по 1958; тексты, записанные составителями с 1965 по 1968 год, расшифрованы с магнитофонной записи.

При отборе материала для публикации составители стремились наиболее полно представить в сборнике сказочную традицию Поморья, опубликовать сказки от обширного круга исполнителей из разных населенных пунктов, показать разнообразие сюжетов, бытующих на Севере. В сборник вошли тексты, лучшие в художественном отношении и наиболее полно раскрывающие сюжет.

Общий обзор сказочного репертуара Карельского Поморья сделан во вступительной статье, здесь же отмечены некоторые особенности поморских сказок по жанровым группам, даны краткие характеристики наиболее интересных исполнителей.

Принцип составления сборника аналогичен изданию «Севернорусских сказок в записях А. И. Никифорова», подготовленному В. Я. Проппом. Сказки в сборнике помещены по деревням с севера на юг и на восток, внутри каждой деревни по исполнителям в порядке алфавита. Нумерация сказок сплошная.

Все тексты озаглавлены. В квадратных скобках указаны названия сказок по указателю Аарне — Андреева, в круглых скобках — названия,

данные составителями сборника, без скобок — названия, данные самими исполнителями.

Ввиду неодинаковой степени точности фиксирования материала при записи фольклорных текстов, унификация произведена в направлении привычного литературного произношения. Не воспроизводятся в текстах такие фонетические особенности, как цоканье и оканье, все слова в общепринятом произношении передаются орфографически, например, *делается* вместо *делаеца*, *рассказ* вместо *раскас* и т. д. Не подвергнута изменению народная морфология. Сохранены местные особенности словообразования и словоизменения, например, несоответствие некоторых падежных окончаний современным литературным: *в роте* вместо *во рту*, *в лесе* вместо *в лесу*, *в тюрьмы* вместо *в тюрьме*, на *чердаку* вместо *на чердаке;* древняя форма винительного падежа личного местоимения третьего лица женского рода: *ю* вместо *ее*, особенности образования местоимений: *оттуль* вместо *оттуда*, *эдак* вместо *так*, *евова* вместо притяжательного местоимения *его;* сокращенное произношение глаголов *дёржа*, *берё*, *идё;* стяжение гласных: *поживат*, *достават*, *полагат*. Сохранены также особенности народного синтаксиса, например употребление страдательной формы причастия вместо совершенного вида глагола: *«У братьев тоже принесены подарки»; «было у него от матерей отнято»;* употребление при инфинитиве именительного падежа вместо винительного: *«Река надо перейти»*. Полностью сохранена местная лексика. Значение малоупотребительных слов дано в словаре, некоторые диалектные и искаженные слова объяснены в сносках, например: *сбелет — побелеет*, *кряду — сразу*, *как-не — как-нибудь* и т. д.

В сборнике имеются: список исполнителей, составленный в алфавитном порядке с указанием страниц, на которых публикуется материал, касающийся данного лица; примечания, содержащие некоторые наблюдения по поморской сказке; опись сказочного материала Поморья, хранящегося в архиве Карельского филиала АН СССР с объяснением принципа ее составления; список сокращений.

СКАЗКИ И СКАЗОЧНИКИ КАРЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ

Собирание и изучение русской сказки Карелии началось значительно позже, нежели других видов устного народного творчества. Давно уже были известны сборники былин П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, причитания Е. В. Барсова, широко прославившие Олонецкий край, а сказки долгое время оставались еще не выявленными. Впервые об олонецкой сказке стало известно только в начале XX века из сборника Н. Е. Ончукова, опубликованного в 1908 г.[1], до этого времени отдельные тексты появлялись лишь в разрозненных изданиях[2]. Но и немногочисленные старые записи представляют для нас большую ценность, они содержат более ранние варианты, свидетельствуют о давней сказочной традиции в бывшем Олонецком крае.

Первым изданием русских сказок Карелии советского времени был сборник П. П. Коренного из Заонежья, в него вошли 15 сказок, записан-

[1] Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). Сборник Н. Е. Ончукова. Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии, т. XXXIII. СПб., 1908.

[2] Освещение этого вопроса имеется в статьях: Н. П. Андреев. Русские сказки в Карело-Финской ССР. Фольклор Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1941. В дальнейшем Андреев; В. Г. Базанов. Изучение сказки в Карелии. Народная словесность в Карелии. Петрозаводск, 1947; М. К. Азадовский. О русской сказочной традиции в Карелии. Русские сказки в Карелии (старые записи). Петрозаводск, 1947. В дальнейшем — Карельск.

ных от матери собирателя в деревне Северной Толвуйской волости и в деревне Космозеро[1]. Исключительный интерес представляют собой сказки, собранные в Заонежье в 1926 году И. В. Карнауховой и А. И. Никифоровым. Заонежские записи Карнауховой вместе с печорскими, мезенскими и пинежскими опубликованы в сборнике «Сказки и предания Северного края»[2]. Записи А. И. Никифорова изданы лишь в 1961 г. В. Я. Проппом[3]. Крупнейшими русскими сборниками, содержащими записи текстов с территории Карелии, остаются — издания сказок М. М. Коргуева[4] и Ф. П. Господарева[5]. И, наконец, последним по времени изданием является научно-популярный сборник «Перстенек — двенадцать ставешков», составленный К. В. Чистовым, где наряду с известными по публикациям сказками помещены тексты, записанные тоже на территории Карелии, но не издававшиеся ранее[6].

Богатая русская сказочная традиция Карелии представлена в публикации далеко не полно. Очень интересным в фольклорном отношении является район Карельского побережья Белого моря. Во вступительной статье к изданию сказок М. М. Коргуева А. Н. Нечаев показал, что целый ряд причин обусловил богатство и разнообразие устного народного творчества этого края. Карельский берег Белого моря заселен преимущественно русскими. Заселение его происходило в отдаленное время. Первые сведения об освоении русскими Поморья относятся к XI—XIII векам.[7] Обживая новые земли, переселенцы частично ассимилировали аборигенов этих мест — карелов и саамов. Но большей частью русские поселения не сливались с местными, образуя вдоль побережья Белого моря узкую полосу поморских деревень. Русских привлекали в Поморье богатые морские промыслы, бойкий в то время морской торговый путь. Крупные торговцы-промышленники и монастыри держали в своих руках промыслы, «лучшие земли». Являясь официально государственными, крестьяне на самом деле находились в полной зависимости от них. Протест против угнетателей, мечты о счастье нашли отражение в устном народном творчестве.

Расположенное далеко от центра России, Поморье жило не изолированно. Находясь продолжительное время в составе Новгородской ве-

---

[1] П. Коренной. Заонежские сказки. Петрозаводск, 1918.

[2] И. В. Карнаухова. Сказки и предания Северного края. Academia, 1934.

[3] Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. Издание подготовил В. Я. Пропп. М. — Л., 1961. В дальнейшем — Никиф.

[4] Сказки Карельского Беломорья. Т. I, кн. 1 и 2. Под общей редакцией проф. М. К. Азадовского, проф. Б. А. Ларина, акад. И. И. Мещанинова, А. А. Чапыгина. Запись, вступит. ст. и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939. В дальнейшем — Корг.

[5] Сказки Ф. П. Господарева. Подготовил Н. В. Новиков. Петрозаводск, 1941.

[6] Перстенек — двенадцать ставешков. Избранные русские сказки Карелии. Составитель К. В. Чистов. Научная редакция Н. Полищук. Петрозаводск, 1958. В дальнейшем — Чист.

[7] Очерки истории Карелии, т. 1. Петрозаводск, 1957, стр. 43.

чевой республики (XIV—XV вв.)[1], а позднее Московского государства (с конца XV в.)[2] этот край испытал влияние новгородской и московской культуры. Широкие торговые связи способствовали проникновению сюда не только русских, но и иностранных влияний. В Поморье раньше, чем в других областях русского государства, начала развиваться грамотность, а вместе с нею проникала и книга. Известно, что на распространение письменности на Севере определенное влияние имели монастыри в раннем периоде их деятельности. Некоторое культурное воздействие на население оказали народные певцы-скоморохи, бежавшие на Север от царского преследования.

До наших дней в Поморье дожили почти все фольклорные жанры: народные песни с напевами, записанные в последнее десятилетие, свидетельствуют о прекрасной сохранности песенной традиции[3], в архивах имеются неизданные записи из Поморья пословиц и поговорок, загадок и быличек, былин и баллад, рассказов о морских промыслах, о жизни в прошлом. Немалое место среди этого фольклорного богатства занимают сказки. В силу ряда обстоятельств в дореволюционное время русский фольклор Карельского берега Белого моря не был предметом специального изучения. Среди богатейших материалов известных этнографов В. Харузиной[4], А. А. Жилинского[5], С. В. Максимова[6] и некоторых других исследователей Севера, побывавших в Карельском Поморье, если и имеются, то лишь немногие фольклорные записи, публикации же текстов были редкие. Сказки пытался собирать С. Максимов, но его записи не увидели света. В одной из своих статей он пишет: «От поньгомской[7] старухи я успел записать пять сказок, прибавил к ним еще десяток в Холмогорах, уступленный смотрителем уездного училища, и весь этот сборничек вручил Якушкину, для передачи Ал. Ник. Афанасьеву. Павел Иванович, бродивший по деревням за песнями апостольским способом с узелком, в котором хранилась вся его наличная движимость, — узелком этим соблазнил в вагоне Николаевской дороги недоброго соседа, который и износил обе его запасных рубахи, а мой сборник и его заметки на клочках искурил в цигарках»[8].

Н. Е. Ончуков записывал сказки преимущественно в Архангельской губернии (в Олонецкой, по его словам, производились лишь «слу-

---

[1] Очерки истории Карелии, т. I, стр. 83.

[2] Там же, стр. 78.

[3] См.: С. Кондратьева. Русские народные песни Поморья. М., «Музыка», 1966; Русские народные песни Карельского Поморья. Составители: А. Разумова, Т. Коски, А. Митрофанова. Л., «Наука», 1971.

[4] В (е р а) Х (а р у з и н а). На Севере (Путевые воспоминания). М., 1890.

[5] А. А. Жилинский. Крайний Север Европейской России. Петроград, 1919.

[6] С. В. Максимов. Год на Севере. Изд. 2, ч. 1, 2. СПб., 1864.

[7] Поньгома — деревня Кемского района КАССР, расположенная на Карельском побережье Белого моря, входила в состав Кемского уезда Архангельской губ.

[8] Живая старина. Вып. 1, 1897, стр. 53.

чайные записи»). С территории современной Карелии (бывшего Кемского уезда Архангельской губернии) в этот сборник вошли три сказки из Сумского Посада, пять из деревни Вирма и три текста из деревни Ковда Кандалакшского района (берег Белого моря). Около сорока сказок в записи писателя М. М. Пришвина в сборнике помещено из деревень Койкиницы, Корельского острова и Морской Масельги, из так называемого «Выгозерского края».

В 1911 году во втором номере «Известий Архангельского общества изучения русского Севера» было опубликовано 17 поморских сказок из деревень Колемжа, Лапино и Сумского Посада (бывшего Кемского уезда). Эти превосходные записи принадлежали политическому ссыльному Г. Цейтлину. Долгое время скромное собрание Цейтлина оставалось почти незамеченным, его сказки не были учтены и при составлении указателя сказочных сюжетов Н. П. Андреева[1], лишь при издании текстов русских сказок Карелии в дореволюционных записях составитель сборника профессор М. К. Азадовский ввел их в научный обиход[2]. В записи Цейтлина представлены варианты известных сюжетов: «Волшебное кольцо» (Ук. 560), «Безручка» (Ук. 706), «Счастье» — сочетание сюжетов под заглавием «Чудесная птица» (Ук. 567) и «Рога» (Ук. 566), «Марья-царевна» (Ук. 313 1), «Поп и работник» из серии сказок типа «Балда» и другие. Публикации этих текстов, дополненные биографическими сведениями об исполнителях, представляют несомненный интерес.

Более планомерное изучение фольклора Карельского Поморья началось в советское время. Основным организатором этой работы был Карельский научно-исследовательский институт культуры (КНИИК), в настоящее время Институт языка, литературы, истории Карельского филиала АН СССР, совместно с фольклорной комиссией при Институте этнографии АН СССР (ныне сектор фольклора Института русской литературы (Пушкинский дом АН СССР). Начиная с 30-х годов в районы Карельского Поморья для записи фольклора выезжали неоднократные экспедиции, в них участвовали сотрудники КНИИК, фольклористы и студенты Ленинградского и Московского университетов, ученые фольклорной комиссии Института этнографии АН СССР: А. М. Астахова, И. В. Карнаухова, И. М. Колесницкая, А. Н. Нечаев, Э. В. Померанцева, Н. С. Полищук, К. В. Чистов и другие[3]. Особо следует отметить большую научно-организационную и научную деятельность по изучению Карельского Поморья, главным образом на ранних этапах исследования этого района, известного ученого, доктора филологических наук, профессора А. М. Астаховой, непосредственного участника и руководителя ряда поморских экспедиций. Еще в 30-е

---

[1] Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. В дальнейшем — Ук.

[2] Карельск.

[3] Многие собранные материалы хранятся в архиве Карельского филиала АН СССР; материалы, собранные студентами Московского государственного университета, находятся в фольклорном архиве МГУ.

годы при изучении особенностей фольклора Карельского Поморья советские ученые обратили внимание на широкое бытование здесь сказок. В это время были выявлены крупные сказочники — Матвей Михайлович Коргуев из села Кереть Лоухского района и Федор Николаевич Свиньин из Сумского Посада Беломорского (бывшего Сорокского) района. Сказки Коргуева, как известно, представляют замечательное явление в фольклоре Карелии. Двухтомное научное издание его текстов получило мировую известность. В рецензиях неоднократно отмечался исключительный по своим размерам репертуар сказителя, оригинальность его дарования, яркое индивидуальное мастерство[1]. Действительно, М. М. Коргуев — непревзойденный мастер волшебно-героической сказки, он сохранил в своей памяти огромное количество сюжетов, его тексты являются богатейшим материалом для изучения творческой лаборатории одного крупного сказочника. Однако наиболее полное представление о состоянии сказочной традиции края может быть в том случае, когда известен репертуар как наиболее талантливых, так и рядовых исполнителей. Об этом говорилось и при издании сказок Коргуева. «Ряд вопросов, связанных с изучением народного творчества, — пишет А. Н. Нечаев во вступительной статье к сборнику, — может разрешаться и должен быть разрешен на материале, собранном в плане сплошной записи, точно так же, как и в литературе, многое становится ясным лишь в результате изучения не только великих мастеров, но и рядовых писателей и поэтов. Повторяю, что каждый лишний вариант той или иной сказки может иметь и имеет в исследовательской работе большое значение. Поэтому стремление собирателя записать как можно больше текстов от наибольшего количества исполнителей — вполне оправдано, если при этом до конца исчерпывается репертуар крупнейших исполнителей»[2].

В 1938 г. Карельским научно-исследовательским институтом культуры был организован специальный отряд по собиранию поморских сказок, в состав которого входили студенты Ленинградского университета — Алексеев Н. Н., Ленсу Е. Я., Хайкина Л. В., Шнеерсон М. А. Руководила отрядом И. М. Колесницкая. Работой был охвачен Беломорский (бывший Сорокский) район, населенные пункты: Сумский Посад, Колежма, Вирма, Пертозеро, Сухонаволоцкое, Выгостров и г. Беломорск (бывший г. Сорока). Собиратели выявили талантливых сказочников и записали от них великолепные тексты. Из всех коллекций сказок Поморья, хранящихся в архиве Карельского филиала АН СССР,

---

[1] И. Кутасов. Сказки Карельского Беломорья. «На рубеже», 1940, № 1, стр. 41; В. Базанов. Родина народных певцов и сказителей. «На рубеже», 1940, № 2—3; В. Базанов. Мастерство сказки. «Литературный современник», 1940, № 10—11, стр. 208; В. Базанов. Мастер волшебно-героической сказки. «Красная Карелия», 1940 г., 22 марта; Устное народное творчество и работа с носителями фольклора — содоклад на I съезде советских писателей Карело-Финской ССР. «На рубеже», 1941, № 1—2.

[2] См.: Корг., кн. 1, стр. XXVIII.

наиболее крупным собранием являются материалы отряда И. М. Колесницкой, содержащие 148 разнообразных текстов, преобладающее большинство из которых составляют волшебные сказки. На основании этих записей был подготовлен сборник, но издание его не состоялось, рукопись погибла во время войны. Тексты сказок[1], сохранившиеся биографические справки о некоторых сказочниках и авторский вариант вступительной статьи использованы при составлении данного сборника наряду с другими многочисленными записями сказок Поморья[2].

С 1939 по 1969 год обследование поморских населенных пунктов продолжалось. За эти годы ученые расширили район изучения, значительно пополнили представление о фольклоре Поморья в целом, о репертуаре и бытовании поморской сказки в частности. Наблюдения над бытованием сказки, тексты, записанные в последние (1964—1968) годы дают представление о современном состоянии сказочной традиции в этом северном районе. Общими усилиями ученых установлено, что сказка в Поморье имела довольно широкое распространение, здесь известны интересные сказочники, многие яркие тексты записаны и от рядовых исполнителей.

Имевшиеся в нашем распоряжении сказки были собраны разными лицами на протяжении нескольких десятков лет. Естественно, что на записи текстов в какой-то мере отразились и характер задач, определявших собирание фольклора в то или иное время, интерес и вкусы ученых, возглавлявших эту работу. Во вступительной статье к изданию сказок А. И. Никифорова В. Я. Пропп справедливо отмечает, что в русской собирательской работе существовали разные точки зрения: одни фольклористы старались «найти лучших сказочников и записать лучшие сказки»[3], как например Н. Е. Ончуков, А. А. Шахматов, братья Б. М. и Ю. М. Соколовы, Д. К. Зеленин, О. Э. Озаровская, М. К. Азадовский и некоторые его ученики. Другие же собиратели, в частности А. И. Никифоров, изучали сказки, как массовое явление. Никифоров «стремился к широкому охвату исполнителей, записывая сказки от людей всех возрастов, всех родов занятий, грамотных и неграмотных, от хороших, средних и плохих исполнителей, от мужчин, женщин, подростков и детей»[4]. Участники экспедиций в Поморье работали в одних случаях с избранными сказочниками, другие производили массовые записи. Так, в 1937 г. собирательница Е. Родина записывала сказки только от одной исполнительницы — К. Е. Редкиной, в 1941 г. собиратели З. Рутковская, Г. И. Телкин и другие записывали от В. П. Меньшикова, А. Е. Старикова и А. К. Богданова. Отдельные экспедиции охватили большее количество населенных пунктов, их записи представлены

---

[1] АКФ, коллекция 29.

[2] Рукопись «Поморские сказки» (неполный экземпляр) готовилась в 1939 г. И. М. Колесницкой, М. А. Шнеерсон. Не издана. Фонд 1, опись 39, № 35, 243 л.

[3] Никиф., стр. 8.

[4] Там же, стр. 9.

значительным количеством сказочников, но репертуар каждого из них не всегда исчерпывался полностью. В итоге публикуемые и представленные в описи нашего сборника сказки собраны от 121 исполнителя, почти две трети из них женщины, преобладающий возраст сказочников — старше пятидесяти лет.

Данная статья не претендует на полноту анализа репертуара сказок Поморья, в ней будут отмечены лишь некоторые особенности сказочной традиции, даны краткие сведения о наиболее интересных исполнителях. Обращает на себя внимание богатство и разнообразие сохранившихся в Поморье сюжетов. Здесь известны сказки о животных, волшебные, новеллистические, занимательные анекдоты, иногда встречаются легендарные; записаны рассказы, основанные на реальных событиях, иногда в них отражены известные сказочные мотивы, отнести же такие тексты к какой-то жанровой разновидности сказок не представляется возможным.

Наблюдения показали, что каждая из этих разновидностей имеет своих мастеров-исполнителей. Одни интересуются больше волшебной сказкой, они не рассказывают анекдотических, другие предпочитают короткий анекдот и не берутся за исполнение волшебных сказок. Мастерство многих сказочников-поморов характеризуется высоким уровнем словесного исполнительного искусства. Немало ярких артистически рассказанных текстов записано на магнитофон в 60-е годы. Талантливые сказочники и сказочницы так же, как и песенницы, известны среди местного населения и пользуются всеобщим уважением. Их активное отношение к содержанию в процессе рассказа, проявляющееся в замечаниях по поводу поступков героев, усиливает интерес слушателей.

Наиболее широко в Поморье представлены волшебные сказки, особо яркие их тексты, сохранившие традиционные эпические формы, записаны в 30-е и 40-е годы. Но и в последние годы, когда выявлять сказочников становится значительно труднее, прежде всего удается записать волшебные сюжеты. Более половины публикуемых в настоящем сборнике текстов составляют волшебные сказки. В репертуаре волшебных сказок Поморья широко представлены известные сюжеты русской сказочной традиции: «Три царства» (Ук. 301), «Кащеева смерть в яйце» (Ук. 302), «Чудесное бегство» (Ук. 313), «Подмененная невеста или жена» (Ук. 403), «Марко богатый» (Ук.461), «Волшебное кольцо» (Ук.560); популярны также сюжеты: «Амур и Психея» (Ук. 425 А), «Морозко» (Ук. 480 В), «Золушка» (Ук. 510 А), «Конек-Горбунок» (Ук. 631), «Чудесные дети» (Ук. 707) и многие другие. Их нельзя рассматривать обособленно от сказок, записанных в других русских областях, особенно в северных, в них те же герои, те же мотивы и образы, поэтические приемы. Но поморские записи все же представляют собой некоторое своеобразие в сравнении с традиционными русскими сказками, в них есть свои оттенки. Целый ряд волшебных сказок Поморья отличается

сложностью сюжетов, объем их часто превышает 25—30 страниц, в основной текст сказочники вводят дополнительные эпизоды, объединяя их вокруг главного стержня, число препятствий, которые обычно должен преодолеть герой, увеличивается, а их трудности усиливаются. На это обстоятельство обратили внимание составители сборника беломорских сказок И. М. Колесницкая и М. А. Шнеерсон, а также А. Н. Нечаев при изучении репертуара М. М. Коргуева[1]. Нагруженная различными событиями сказка в Поморье особо ценится и в настоящее время. Исполнители коротких анекдотических или животных сказок, признавая приоритет длинных волшебных, нередко отказываются рассказывать свои «прибаутки» для записи; обычно в таких случаях собирателя отсылают к другим, более авторитетным сказочникам. «А вы подьте к Гаврилычу, он хороши, долги сказки знает, заведет, так на всю ночь, а то и не на одну хватит». В деревне Вирма Беломорского района 80-летняя Степанида Ивановна Головина, рассказав несколько великолепных сказок о животных, была удивлена, что мы записываем их на магнитофон. «Да что вы, женки? Куда вам с этима сказкамы? Хороша сказка, так она ведь долга. А много ли этой сказки? Тьфу!»

Стремление к контаминации сюжетов прослеживается в сказках целого ряда поморских исполнителей — П. Я. Никонова, Н. А. Бахилева, В. П. Меньшикова, А. Е. Старикова, А. К. Богданова, М. Ф. Валдаева, в отдельных сказках Е. Н. Ладиной, Е. В. Рохмистовой и других. Возможно, что такое отклонение от традиционного построения того или иного сказочного сюжета не случайно для Поморья. Интерес к сложным сказкам мог быть связан с условиями быта и труда поморов: ведь обычно сказки рассказывались во время вынужденного отдыха, на морском лове рыбы и зверя, в лесной избушке на охоте или при заготовке леса[2]. Заметим, что длинные сказки записаны большей частью от мужчин. Старый помор Тимофей Семенович Зайков из деревни Шуерецкое, не один десяток лет проработавший на рыбных промыслах, рассказывает: «Работал я много, с девяти годов на море, сорок лет проработал на ёлах. Не один раз тонул, да вот живой остался. Теперь все прожито, старику конец приходит. А повидали мы хороших и плохих людей, да и послушали немало. На промыслах собирались рыбаки отовсюду: с Мурмана, с Терского берега и с нашей, карельской стороны. Ходили мы в море на ёлах, лодки у нас таки были... Рыбу богачам сдавали, хозяева у нас были — Галанин и Амосов. Зарабатывали неодинаково, когда попадет рыба, а когда и нет, всяко бывало. Хуже всего, как шторм падет, сидеть без дела иногда приходилось по несколько суток. На море как соберутся в избушке, так чего только не наскажут. Вот как там сказки говорили, так ой, ой, ой... Батюшки!.. Какие страшные... Всю ночь проговорят! Большие-то сказки, так они хороши,

---

[1] См.: Корг., кн. 1, стр. XLIX.

[2] Подобное явление отмечено первыми советскими собирателями фольклора Поморья. См.: А. Астахова. Карельские фольклорные экспедиции (1931—1933 гг). «Советская этнография», 1934, № 1—2, стр. 217.

я любил их слушать, да и читать люблю. Теперь-то никого не боимся, ни бога, ни черта»[1]. Промыслы способствовали распространению сказок по всему побережью, в бригадах происходил как бы обмен репертуаром, каждый из сказочников предлагал вниманию слушателей свою сказку, более занимательную, более длинную, а иногда и мало известную. Побывавшие на море рыбаки привозили сказки в свои родные места, рассказывали их дома во время долгих зимних вечеров. Сказки были одним из занятий на вечорках и посиделках, широко бытовали они и среди детей. А. Т. Сопунова из Колежмы замечала: «Как осенямы, да зимамы придут суседи да все кругом меня соберутся и слушают, а я им рассказываю». Благоприятствовали развитию сказочной традиции в Поморье лесные промыслы. И. М. Колесницкой пришлось производить записи от мастера волшебной сказки Н. Д. Клевина на месте его работы на сплаве леса. В своем дневнике она пишет: «На берегу реки Суны, запруженной лесом, очень тихой в этом месте, за 5 километров от Сумского Посада, на лесной лужайке, окруженной зарослями ольховника и березняка, на бревнах перед маленькой сторожевой избушкой располагался сказитель и ровно, спокойно начинал свою сказку»[2]. Во время записи сказок Клевину было 56 лет, в молодости он ходил на промысел, был на военной службе, по возвращении домой стал сторожем на сплаве леса, жил один в лесной избушке у реки. Свои сказки рассказывал рабочим, приходившим к нему в свободное время. В его репертуар входят только волшебные сказки. Для встречи с собирателями сказитель специально готовился. Ровный, красочный язык, спокойный медленный тон рассказа, продуманность каждой детали — все это свидетельствовало о серьезном и любовном отношении исполнителя к сказке. Никифор Дмитриевич обильно украшал свои сказки поговорками, меткими яркими выражениями. Особой чертой сказок Клевина является большая, по сравнению с другими сказками, динамичность.

Одним из интересных исполнителей «долгих» сказок является Петр Яковлевич Никонов из деревни Сухонаволоцкое. Бывалый помор, сын разорившегося судовладельца, с ранних лет работал он по найму, ходил на судах в «Норвегу». Большую часть сказок усвоил от отца, память о котором как о замечательном рассказчике сохранилась надолго среди местных жителей. Сказки Петра Яковлевича Никонова сложны по сюжету, он придает им максимум занимательности, усиливает действие неожиданными обстоятельствами. Собиратели отмечают, что П. Я. Никонов рассказывал свои сказки очень внимательно и подробно, обдумывал каждое выражение, заменял неудачное слово другим, стараясь ничего не пропустить и не сказать лишнего. Язык сказок Никонова яркий и образный, развивающееся действие строго мотивировано, подробно разработаны детали.

---

[1] АКФ 1, 127, 63 и 68.
[2] АКФ 1, 39, 35, стр. 16.

Основой сказки П. Я. Никонова «Заколдованное царство» (№ 34 наст. сборника) является широко популярный сюжет «Царевна-лягушка» (Ук. 402). В сравнении с известными по публикации вариантами сказка Никонова своеобразна. В нее включен ряд мотивов, не встречающихся в других текстах на данный сюжет. Обычно три брата, чаще царские сыновья, по совету или приказанию отца находят своих невест там, куда попадают их стрелы. У Никонова этому предшествует совершенно новый эпизод: Мухомор превращает царство в болото за то, что царь не отдал за него замуж свою дочь, избранница чародея становится лягушкой. Если в других известных вариантах превращение девушки в лягушку не показано, то в тексте Никонова, благодаря мотивированной завязке, оно объяснено. Сюжет «Царевна-лягушка» в публикуемой сказке помогает разрешению другой задачи — снятию чар с царства. Дополнительные мотивы есть и в конце сказки Никонова: с помощью животных герой ищет жену, находит смерть Кощея-чародея, сжигает его замок. Используя волшебное кольцо, герой попадает в царство, которое после смерти чародея освобождается от колдовства.

В основе другой сказки Никонова (№ 35 наст. сборника) лежит сюжет «Молодильные яблоки» (Ук. 551), но в сравнении с известными вариантами текст этот необыкновенный. По заданию отца королевские сыновья едут за живой водой, молодильными яблоками и Жар-птицей. У росстани герой принимает решение ехать по третьей, нерасчищенной дороге (такого мотива нет в основном сюжете). Сказитель вводит в свой текст новый сюжет — «Три царства» (Ук. 301 А), разрабатывает его очень подробно, вплетает мотивы, несвойственные основному сюжету. В некоторых вариантах герой освобождается из подземелья с помощью Нагай-птицы, которая делает ему эту услугу в награду за спасение ее птенцов. В данной сказке складывается иная ситуация: вводится образ слепой старухи, которую герой вылечивает от слепоты при помощи живой воды. Образ слепой старухи — повелительницы птиц — чаще присутствует в сюжете «Пойди туда, не знаю куда» (Ук. 465 А), откуда, вероятно, он и попал в сказку Никонова. Чудесная птица прилетает от девицы-героини, которой она помогает снарядить корабли для ее возвращения к Ивану-царевичу. Этот эпизод внесен в сюжетную ткань начала сказки, с которым сказитель связывает его целым рядом других событий. С помощью птицы Иван-царевич попадает на землю, присутствует на свадьбе братьев. Обычно в сюжете «Три царства» герой, спасая трех девушек, на одной из них женится сам, а на двух его братья. В сказке Никонова, где произошло соединение двух сюжетов, герой во второй части сказки уже женат, его жена приедет к нему через семь лет, она обладательница живой воды, играющей большую роль в развитии сюжета. Не нарушая общей линии, сказитель вводит дополнительный образ — охотника, который и женится на третьей девушке. Сказка завершается приездом царевны с сыновьями, герой женится на своей избраннице. Таким образом, переплетая сюжеты, связывая их традиционными мотивами, сказитель создает сложную и более занимательную сказку.

Подобное наблюдение сделано И. М. Колесницкой относительно сказочника Н. А. Бахилева. Это грамотный, начитанный исполнитель, в некоторых его сказках чувствуется книжное влияние. От Бахилева записано семь текстов, все они со сложным контаминированным сюжетом, детальной разработкой подробностей, повторяющимися эпизодами, содержат традиционные формулы. Сказочные сюжеты этого исполнителя представляют большой интерес. В них переплетаются книжные и фольклорные мотивы, причем в таком сочетании они почти не встречаются. Сказка Бахилева «Иванушка-пастушок» (см. опись № 392) состоит из ряда мотивов традиционных сюжетов: «Медный лоб» (Ук. 502), «Три царства» (Ук. 301 А), «Волшебное кольцо» (Ук. 560), «Победитель змея» (Ук. 300 А). В противоположность Никонову, который сохраняет составные части сюжета полностью со всеми входящими в них мотивами, Бахилев эти составные части подвергает значительному изменению. Так, в первой части сказки «Иванушка-пастушок» из сюжета «Волшебное кольцо» сохранился лишь мотив помощи богатырей, благодаря которой герой добивается руки царской дочери и выполняет поручение царя (пасет коров). Кольцо, как чудесный предмет, здесь отсутствует. Мотив найма Иванушки-пастушка к царю в пастухи заимствован исполнителем из других сказочных сюжетов, включен и мотив борьбы героя с мужичком с ноготок, который встречается обычно в сюжете «Трех царств». И, наконец, уже после свадьбы героя начинается вторая часть сказки, построенная на мотиве борьбы со змеем. Однако и этот мотив здесь несколько видоизменен. Мотив «змееборца» обычно контаминируется в сюжете с путешествием героя за живой водой и спуском его в подземное царство. В сказке Бахилева эта часть не представлена. Вместо единоборства вводится отправление героя на войну с рыцарями против царя — нечистой силы, сватающегося к жене Ивана-пастушка. Таким образом здесь создается сказка, составленная не из традиционных сюжетов, а путем контаминации отдельных сказочных мотивов.

Исключительный интерес представляет сказка Бахилева «Про короля Султана» (см. опись наст. сборника № 391), построенная путем контаминации сюжетов (Ук. 873 и 518) и отдельных мотивов. Традиционен здесь лишь мотив борьбы чертей (в некоторых сказках — леших) за наследство и получение солдатом Сенькой чудесных предметов (скатерти-самобранки, шапки-невидимки, ковра-самолета и рожка). Сочетание же других мотивов в таком виде, как они даны у Бахилева, в сказочной традиции не встречается. При тщательном рассмотрении этой сказки становится очевидным, что в основе ее лежит широко известный в Поморье сюжет «Василиса Премудрая». Сравнивая варианты этого сюжета со сказкой Бахилева, можно найти ряд общих моментов: в сказке Бахилева у царя волшебника двенадцать дочерей, герой трижды выбирает из них себе невесту (у морского царя тоже двенадцать дочерей). Предупреждение солдата — выбирать ту, у которой «мушинка побежит по лицу», некрасивую, старую, горбатую, сходно с предупреждениями, которые дает герою Василиса Премудрая перед

выбором невесты. В сказке о «Василисе Премудрой» герой спасается с Василисой, переезжая по мосту-полотенцу, которое затем обрезают, и морской царь падает в море. Подобный мотив есть в сказке Бахтиева: герой с невестой едут по мосту впереди свадебного поезда, солдат при помощи волшебной палочки разрушает мост, конец поезда вместе с волшебником гибнет в реке. Таким образом, путем присоединения к основному сюжету ряда мотивов появляется своеобразная сказка. Заметим, что в таком сочетании и переработке сказочные мотивы не встречаются в известных вариантах, за исключением сказки № 7 из сборника Соколовых «Сказки и песни Белозерского края», причем обе эти сказки находятся в связи со сказкой о Василисе Премудрой.

Можно привести и другие примеры контаминации: сказка В. П. Меньшикова из Керети «Крестьянин-охотник» (АКФ 48, 5) состоит из трех сюжетов: «Ворон-помощник» (Ук. 553), «Чудесное бегство (Ук. 313 А), «Пойди туда, не знаю куда» (Ук. 465 А). В таком соединении в известных сборниках сказка также не встречается. Сюжет «Чудесное бегство» чаще известен в соединении с сюжетами Ук.313 С, 313 1, 315 А (см. Балашов, № 6, 48 56; АКФ 29, 46; 29, 38; 29, 98), а сюжет «Пойди туда, не знаю куда» (Ук. 465 А) в большинстве известных вариантов не контаминируется. Началом сказки Меньшикова «Крестьянин-охотник» служит сюжет «Ворон-помощник» (Ук. 553): крестьянин стреляет в орла, ранит его, щадит, откармливает, орел несет его в свое государство, дочери орла — девушки-лебеди одаривают крестьянина. Сюда вплетается сюжет 313 А: орел просит крестьянина отдать ему то, чего он дома не знает. Сын крестьянина отправляется к орлу, по дороге он встречается с девушками-лебедями (дочерями орла), одна из них помогает герою выполнить трудные задачи. Эта сказка, как и многие другие, показывает, каким образом исполнитель, контаминируя сюжеты, создает иную по содержанию и композиции сказку. Сложной является также сказка «Никифорово чудо» (опись № 295, публикуем текст № 45), имеющая распространение в Поморье, но неизвестная в других русских областях. Здесь мы встречаемся с соединением нескольких самостоятельных мотивов, причем лишь один из них известен в русской сказочной традиции.

Исследователи и собиратели фольклора Севера (Н. Е. Ончуков, М. А. Колосов, П. Н. Рыбников, А. Д. Григорьев) еще в дореволюционное время не раз отмечали влияние былинной эпической традиции на северную сказку, к этой мысли их приводили сами материалы. Об этом же писали и советские ученые — Н. П. Андреев в статье «Русские сказки в Карело-Финской ССР», М. К. Азадовский во вступительной статье к сборнику «Русские сказки в Карелии». Карельское Поморье не славилось широким бытованием былинного эпоса, однако многие былинные сюжеты известны населению этого края. Богатство эпической традиции на Севере в целом не могло не отразиться на

сказках Поморья. Правда, в последние годы сказки на былинные сюжеты встречаются редко, в отдельных текстах воспроизводятся эпизоды былин на сюжеты об Илье Муромце, мотивы из былин «Садко»: остановка корабля среди моря, опускание героя на морское дно. Взаимодействие сказок с былинами проявляется в использовании сказочниками былинной обрядности (описания проявления силы героя: «У кого ногу, у кого руку оторвет», проба силы: «Если бы золото кольцо было в земле, всю бы землю перевернул», обращение к герою: «Какого ты роду, какого ты племени, какого отца сын, каким именем тебя зовут?»).

Иногда связь сказки с былиной является условной, когда в сказочных текстах присутствуют лишь имена былинных героев: в сказке «Марко Богатый и Василий Бессчастный» (АКФ 58, 34) героем является не Марко, а Садко; имя Алеши Поповича встречается в сатирических сказках, но с былинным героем его связывает лишь происхождение (герой — сын попа).

По мере исчезновения былин из живого бытования реже можно услышать их мотивы и в сказках, но самое положительное отношение к былинным героям сохраняется среди поморов до настоящего времени. В процессе собирательской работы не раз приходилось слышать прозаические рассказы, героями которых являются богатыри русских былин. Примером может служить рассказ помора Т. С. Зайкова из Шуерецкого об Илье Муромце: «Вот про богатырей хороши сказки рассказывали, да стихи пели, но их хорошо знали с Корелы, что до Петрозаводска, а мы поморы, наши предки еще во времена Ивана Грозного сюда бежали. Налоги были большие, вот подальше от царского глазу и селились здесь. Слышал я, был такой богатырь — Илья Муромец. Ничего не боялся, на смерть шел. А сила у него была такая, что землю сулился перевернуть. Илья границы наши защищал, пулеметов-то раньше не было, так в рукопашный бой, а были такие стрелы, такие большущие. Илья Соловью-разбойнику такой-то стрелой глаз со косицей выбил. Во, как стрелял! У меня вон картина есть — там и Илья, и Добрыня Никитич, и Алеша Попович». Зайков постоянно обращал наше внимание на картину Васнецова «Богатыри», украшающую стену его избы. «Как пойдут чистить дорожки, как начнут трепать такие-то богатыри, так фу-у-у, что ты!.. Вот сила какая была... А Илья самый крепкий, самый сильный, самый мудрый был. Про Илью я и книги читал. Эти богатыри совместно стали работать, Россию-то защищать, на границе стояли они.

А Соловей-разбойник? Сидел он там, да людей пугал. Вот Илья Муромец раз идет, глядит, три дороги там. На столбу написано: «одна дорога идет на жизнь, а другая на смерть». Подумал: «А пойду на смерть, однако одна будет, а двух не будет, одной же не миновать». Подъезжает, а Соловей-то-разбойник как засвистел... Лошадь на ноги, на колени пала.

— Эх, трус, — лошади своей, — испугалась! Ну-ка, слезай, — Соловью-разбойнику.

Он стрелу и спустил, ранил его, он упал. И повез его... привез Соловья. А у царя пир был такой. Поинтересовался государь:

— Неужели от этого свиста пасть можно?

Может я неправильно помню? Но я читал, что у царя гостьба была и царь велел Соловью вполголоса свистнуть. А он осерчал и свистнул во всё. Все пали»[1]. Здесь нет ни сказочного сюжета, ни целенаправленного рассказа об Илье Муромце, но чувствуется, что Т. С. Зайков хорошо знает былинных героев, искренне симпатизирует любимому русскому богатырю, подчеркивает его силу, ум, находчивость, мудрость, умение сплотить своих товарищей при защите Родины.

Русские сказки Карельского Поморья сохранили разнообразие сюжетов, красоту слова общерусской традиции. Вместе с тем, давние, тесные социально-экономические и культурные связи, непосредственное общение карельского и русского населения оказывали определенное воздействие на развитие духовных богатств этих двух народов. Проблема взаимовлияния карельского и русского фольклора сложна и изучена еще недостаточно. Но в работах ученых, исследующих материальную и духовную культуру карел, ряд вопросов уже получил освещение. Рассматривая проблему русско-карельских фольклорных связей на материале русского героического эпоса и вариантов руи «Калевалы», В. Я. Евсеев выявляет причины общности ряда мотивов и сюжетов у народов северо-западных окраин СССР и, прежде всего, у карел и русских[2]. Автор считает, что «одной из основных причин возникновения общих мотивов в фольклоре разных народов являются сходные социально-экономические условия жизни этих народностей и их культурные связи». В другой работе В. Я. Евсеева связи между карелами и русскими прослеживаются на жанре сказок[3]. Он отмечает, что от карел, например, записаны сказки на сюжеты «Золотая рыбка» (Ук. 555), «Мертвая царевна» (Ук. 709), «Чудесные дети» (Ук. 707) пушкинской редакции. Исполнителям-карелам в какой-то степени были известны пушкинские версии, но вместе с тем исследователь отмечает, что с сюжетами этих сказок карелы были знакомы и до пушкинских текстов.

У. С. Конкка, подробно изучавшая карельскую сказку, также обращает внимание на взаимовлияние русской и карельской сказочной традиции, на сильное влияние русской народной и отчасти русской литературной сказки на сказочное творчество карел[4]. Она считает, что

---

[1] АКФ 1, 127, № 68 и 69.

[2] В. Я. Евсеев. Руны Калевалы и русско-карельские фольклорные связи. «Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР», 1948.

[3] В. Я. Евсеев. Карельские варианты пушкинских сказок. «Известия Карело-Финского филиала АН СССР», 1949, № 3, стр. 75—88.

[4] Карельские народные сказки. Издание подготовила У. С. Конкка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1963 г.; У. С. Конкка. Карельская сатирическая сказка. М.—Л., «Наука», 1965, стр. 16—17.

в карельском репертуаре нередко встречаются заимствованные русские сказки, которые еще не получили присущую карельской сказке художественную форму, и в то же время указывает, что и русские сказки «в свою очередь в какой-то степени испытывали на себе влияние карельского сказочного эпоса», хотя такие факты, по наблюдению У. С. Конкки, встречаются гораздо реже. Вопросы эти представляют большой интерес и требуют дальнейшего изучения.

При составлении данного сборника нам удалось наблюдать некоторое сходство вариантов отдельных сказок поморских и карельских записей. Особенно наглядно это сходство обнаруживается в волшебных сказках. Сравнение некоторых сюжетов карельских и русских сказок из Поморья показывает, что отдельные поморские тексты содержат элементы, более присущие карельской традиции, чем русской. В качестве примера могут служить сюжеты «Подмененная невеста или жена» (Ук. 403 А), «Золушка» (Ук. 510 А), «Чудесные дети» (Ук. 707), где национальные карельские черты наиболее ярки.

Сюжет «Подмененная невеста или жена» довольно распространен как среди русских в Поморье, так и среди карел. В архиве Карельского филиала АН СССР имеется двенадцать поморских вариантов данного сюжета, среди карел записано более тридцати вариантов[1]. В поморских сказках прослеживаются две версии сюжета, одна из них менее популярна среди поморов. В нашем распоряжении имелось всего два текста этой версии, записанные от М. М. Коргуева[2] и от Е. М. Савина из деревни Кереть[3]; подобный вариант известен также по сборнику Афанасьева № 127 в записи из Липецкой области. Сюжетные отличия вышеназванных вариантов незначительны: царевич по портрету выбирает невест; ягична (у Коргуева), служанка (у Афанасьева), бабушка (у Савина) выкалывает невесте глаза и заменяет ее своей дочерью. Слепая девушка вышивает полотенце (ковер, корону), продает его за глаза и возвращает себе зрение. Ягична убивает девушку и вынимает душу (сердце). С помощью мальчика царевич находит тело невесты, оживляет его и женится на своей избраннице. Ягична наказана.

Иное развитие имеет другая, более популярная в Поморье версия, в которой прослеживается близость ее к карельским сказкам: брат сватает сестру за царевича, их браку мешает баба-яга, она губит невесту (топит в море, превращает в утку, лебедь или рыбку) и заменяет своей дочерью. Невеста попадает в зависимость к морскому царю (водяному), она появляется из моря только на цепи, царевич разрубает цепь, освобождает невесту, состоится их свадьба.

В поморских вариантах этой версии обнаруживаются мотивы, сходные с карельскими сказками, тогда как в других известных русских сказках на данный сюжет этого сходства мы не находим. Прежде всего прослеживается композиционная близость карельских

---

[1] См. КНС I, примечание № 19; КНС II, примечание № 15.
[2] См. Корг., № 14.
[3] АКФ 58, 1.

и поморских вариантов. В ряде поморских текстов, так же как и в карельских, раскрывается мотив нежелания сестры выйти замуж за царевича. Заметим, что этот мотив встречается лишь в севернокарельских сказках[1]. У исполнительницы Е. В. Рохмистовой (АКФ 29, 47) сестра (невеста) не хочет идти замуж потому, что она верна наказу родителей. «Не поезжай, братец, нечего ездить нам к царю на свадьбу. Татуха да мамка сказали: «Никуда не ездить, вместе живите». Героиня хочет остаться жить около прялицы своей матери, пока хватит ее жернова: «Нет, уж не поеду, пока в подполье мамкинова жернова хватит, дотоль и не поеду». Брат ломает прялицу и жернов и таким образом снимает препятствия к ее замужеству. В публикуемом тексте П. В. Микковой (№ 20) сестра хочет остаться жить только в «родительских уголках». Брат разрушает дом, развеивает пепел и отдает замуж сестру. В карельских сказках мотив нежелания сестры выйти замуж разработан более подробно. Так, в тексте А. С. Богдановой из района Калевалы (КНС I, 19) при первом предложении брата выйти замуж за царевича сестра говорит: «Не выйду я за царевича, пока при помоле не изотру ручной жернов отца да матери». На второе предложение она отвечает: «Не выйду, пока не дотолку ступку, отцом сделанную, и не изотру подолом сарафана порог, отцом сделанный». По совету царевича брат разрубает жернов, ступку и порог. Сестра спускается в подполье, хочет молоть — у нее рассыпается жернов; идет на сарай толочь — рассыпается ступка; переступает порог — он тоже рассыпается. Препятствия к замужеству сняты. «Верно, теперь уж надо идти», — говорит сестра.

Общей с карельскими сказками данного сюжета является и такая деталь: в карельской сказке девушка (невеста), выходящая из озера, обращается с просьбой к собачке, эта просьба выражена в стихотворной форме. В поморских вариантах девушка, появляющаяся из моря, обращается с просьбой к пивоварам, форма обращения в отдельных поморских вариантах тоже стихотворная, в виде плача.

При сравнении поморских и карельских вариантов другого, широко известного в Поморье сюжета «Золушка» (Ук. 510 А) также обнаруживается некоторая близость. Прежде всего отметим сходство в названии сказок: карельской «Черная овца»[2], поморской — «Про черную овечку»[3]. Проследим сходство в развитии сюжета: мать с дочерью ищут утерянную овцу; встретившаяся им в пути баба-яга (в карельской сказке Сюоятар) превращает мать в овцу, а сама становится на ее место. Такая завязка в других известных русских текстах на данный сюжет не встречается.

В севернокарельском варианте (КНС I, 28) содержится контаминация двух сюжетов (510 А и 409 — «Мать-рысь»). Падчерицу, ставшую женой царевича, Сюоятар превращает в важеньку (олениху),

---

[1] См. КНС I, стр. 19; ср. текст № 19, там же.
[2] См. КНС I, 28.
[3] См. № 21 наст. сборника.

а сама становится на ее место. Царевна-важенка прибегает кормить своего ребенка, сбрасывает с себя шкуру, царевич сжигает шкуру, находит свою настоящую жену. Подобная контаминация в русских сказках встречается редко, в Карелии же записано два варианта — из Пудожского[1] и из Беломорского районов[2]. Кроме того, в одной из поморских сказок эпизод превращения молодой матери в олениху записан в качестве самостоятельной сказки[3].

Сходство поморских вариантов с карельскими на сюжет «Золушка» прослеживается по целому ряду других атрибутов сказки. В большинстве русских вариантов Золушка оставляет на балу башмак или туфлю, в поморских вариантах, так же как и в карельских, она оставляет разные предметы: в первый раз башмак, затем кольцо, перчатку на скобе двери, а иногда еще и шляпу (в карельской сказке чепчик). Совпадают также задания, которые мачеха дает падчерице с тем, чтобы препятствовать ее появлению на балу: предлагает девушке отделить золу от крупы, отсортировать одну крупу от другой, сложить в короткий срок ею разрушенную печь, отделить воду от простокваши и т. п. Как и в карельских сказках, в поморских вариантах встречается мотив тесания ног (обрезание перстов, обрубание пальцев) у родных дочерей бабы-яги, когда царевич примеряет туфлю, желая отыскать невесту. В роли мачехи в поморских вариантах, так же как и в карельских, чаще выступает баба-яга. Она и превращает мать героини в черную овцу. Приняв образ овцы, мать заботится о благополучии и счастье дочери. Перед смертью мать (овца) дает наказ дочери не есть ее мяса, собрать кости и закопать их в землю. На могиле вырастают цветы (в карельском варианте — ветка березы); только добрая бабушка (в карельских сказках старая вдова) знает тайну чудесного свойства выросшего на могиле растения, она и помогает девушке в выполнении трудных заданий мачехи. Кстати, добрая бабушка является положительным персонажем и других поморских сказок.

В Поморье известны две версии сюжета «Чудесные дети» (Ук. 707). Одна из них близка к пушкинской, другая народная, которая содержит немало элементов, близких к карельским вариантам. В этом случае также отметим прежде всего сходство в развитии сюжета карельских и поморских сказок. Сравним публикуемый текст № 11 и карельские варианты (КНС I, 48; КНС II, 38), отличающиеся от общеизвестных русских сказок[4]. В нашем тексте, как и в карельских, героиня обещает принести «в трех брюхах по три сына» (выдержанная троичность), подобного рода обещания встречаем в вариантах, записанных на Севере. В большинстве известных русских сказок девушка обещает родить одного сына-богатыря, или двух сыновей и одну дочь, семь сыновей и т. д.

---

[1] Чист., стр. 26.
[2] АКФ 79, 890.
[3] АКФ 126, 80 — фонотека 1012/3.
[4] Афанасьев, № 284; Карельск. № 14, из Беломорского района; Гура, стр. 238.

Противником героини в сравниваемых нами текстах выступает баба-яга (яженя), в карельских сказках Сюоятар, она трижды подменивает сыновей щенками, котятами, воронятами, тогда как в известных русских сказках противниками являются большей частью сестры героини.

В нашей сказке, как и в карельской, Иван-царевич сам замуровывает жену в бочку и бросает в море, в русских сказках это делают сестры. Близким к карельским сказкам является редкий для русских вариантов мотив сохранения матерью одного из сыновей в собственной косе (в подушке, в рукаве, под пазухой), в карельских сказках мать прячет сына в головном уборе «сороке» или под грудью[1]. Сходство карельских и русских сказок данного сюжета прослеживается и по мотиву поиска братьев: сын отправляется на поиски братьев с колобками, испеченными на материнском молоке. Подобный мотив, кроме Поморья, встречаем в основном в вариантах из северных областей, например, в сборнике Афанасьева — № 284 (из Архангельской области), у Гуры — стр. 233 (из Вологодской области), у Худякова — № 85 (из Нижегородской области). Кроме тех сюжетов, где сходство атрибутов в вариантах поморских и карельских сказок было уже указано, можно назвать и другие, например, «Свиной чехол» (Ук. 510 В), «Девять братьев и сестра» (Ук. 533 А), «Медведь и три сестры» (Ук. 311), «Про Рака Раковича» (Ук. 425), «Про Ивана-сосновича» (Ук. 301 А) и т. д. Дальнейшее более тщательное изучение местных и северокарельских традиций представляет большой интерес и оно должно быть продолжено. Очевидно, что давнее общение карелов и русских, их экономические и культурные связи находили отражение в развитии духовных богатств. Изучение взаимовлияния, современного состояния сказочной традиции на Севере интересно и потому, что общение карелов и русских становится все более тесным; в связи с развитием промышленности на Севере происходит перемещение населения, растет количество смешанных браков, продолжаются активные процессы языкового смешения. В лексике поморского населения, в том числе и в речи сказочников, нередко встречаются слова прибалтийско-финского происхождения.

В Поморье записаны сказки, мало распространенные в русской традиции, но варианты их все же встречаются на Севере и зафиксированы в сборнике Ончукова «Северные сказки» и в сборнике бр. Соколовых «Сказки и песни Беловерского края», а также в записях из некоторых других областей. Сравнение текстов показывает несомненную близость поморских сказок к северным вариантам. Типично северной является завязка сказки Н. Д. Клевина «Наплот-молодец» — сюжет «Безногий и слепой богатырь» (Ук. 519). Содержание сказки Клевина следующее: родители отправляют сына на плоту по течению реки, его выносит в море, герой попадает на борт плывущего корабля, встречается с Иваном-

[1] Сохранение сына в собственной косе встречаем в сказке А. С. Филатовой из Беломорского района, записанной Цейтлиным. См. Карельск., 14.

царевичем. У Клевина это выражено следующим образом: «Вынесло его на море, у него был нож, веревки перерезал и очутился на воле. Вдали виден парус, плывет корап, он к кораблю поближе, корап к нему ближе. Плыл, плыл к самому кораблю, захватился за борт.

— Не будет ли места для меня на корабле?

Доложили капитану, выходит капитан.

— Где же твое место? — спрашивает.

— Мое место у грот-мачты.

— Ну, заходите, — говорит»[1].

Таково начало сказки на распространенный сюжет «Мишка-Катома», где море, как известно, не упоминается. Подобное начало данного сюжета имеется только в сборнике Ончукова № 117. Больше того, вместо обычных колодцев у Клевина появляется озеро живой и мертвой воды.

Целый ряд сюжетов и мотивов, свойственных лишь северным сказкам, большей частью связан с морем. В одних сказках мореходство является занятием героя, он или сам снаряжает корабль, или нанимается матросом и совершает морское путешествие, в других действие развертывается у морского царя или водяного; иногда развитие основного действия происходит на острове, окруженном морем. Морской колорит ярко проявляется в распространенном сюжете «Подмененная невеста или жена» (Ук. 403 А), чаще имеющем основным героем Зарю-царевича[2]. Герой с сестрой едут к царевичу по морю на карбасе (на корабле, парусном судне), в пути баба-яга сбрасывает девушку в море. В некоторых текстах путешествие брата и сестры в лодке разработано исключительно подробно. Выше уже отмечалось, что мотив остановки корабля в поморских сказках встречается довольно часто, в ряде случаев он служит началом сказки «О Василисе Премудрой»[3]. Можно предположить, что такие мотивы возникли на Севере, то есть в той обстановке, с которой тесно связана вся жизнь исполнителей. Возможно, что своим морским колоритом (действие в подводном царстве у морского царя, героиня — дочь царя) и привлекает их сказка о Василисе Премудрой, ее знают и любят очень многие. Отдельные эпизоды этого сюжета встречаются во многих других поморских текстах.

Сказки Поморья впитали в себя черты жизни своего края: элементы труда, быта, окружающей природы. В отдельных случаях повествования такого рода в сказках представляют собой яркую картину со множеством характерных северных деталей. Свою сказку «Никифорово чудо» исполнитель К. Я Игнатьев начинает подробным описанием реального рассказа о лове рыбы:

«Это было давно. На берегу Белого моря в одной рыбацкой деревушке проживали старик со старухой, и было у них три сына... Выеха-

---

[1] № 50 наст. сборника, стр. 250.

[2] Ближний к поморским вариант имеется в сборнике Смирнова — № 32, записанный в Вологодской губернии. Другие русские тексты на данный сюжет отличаются от северных записей.

[3] См. примечание к тексту № 48 наст. сборника.

ли они как-то на тоню, заметали невод, немного пришло рыбешки — на две рыбацких ухи. Сварили уху. Дело к вечеру. Истопили избушку, зажгли ложку с тресковым жиром и начали рассказывать разные истории...»[1] В сказке подробно говорится о рыбной ловле, о появлении неизвестного невидимого человека, о разматывании и сматывании сетей в мотки ниток, а затем о превращении их в сети. Так начинает исполнитель сказку, составленную из занимательных эпизодов, не имеющих параллелей в указателе сказочных сюжетов. Среди сказок Поморья немало таких примеров, когда на фоне суровой северной природы, упорной борьбы человека с нею возникает мужественный образ рыбака. В одном из текстов исполнительница Сопунова говорит: «Пала погода, буря, и погиб их корап. И вси утонули, только один хозяин вышел из воды. Лодку-то снесле с корабля и он попал в лодку без весел, и эту лодку носило по морю, и он попал на пустой остров. Вышел когда на остров и стал искать кругом себя спичек, а спички были в кожаном мешку, так не промокли. И зажгал огня. Сидит у огня, и думает»[2]. Затем герой ее сказки попадает на куйпогу, ловит там морского зверя, питается им и тем самым спасается от гибели. Е. В. Рохмистова рисует такие подробности при морском путешествии брата и сестры: «...собрались да поехали к царю на свадьбу с сестрой. Сестра села в корму, а брат на весла и поехали к царю на свадьбу»[3]. Сказительница рисует типичный северный ландшафт: «Яга опять побежала вперед, побежала лесом, выскочила на наволок опять и кричит». Подобные детали хорошо известны только местному жителю.

На репертуар Поморья несомненное влияние оказала книга. Население Поморья в большинстве своем грамотное, немало грамотных среди исполнителей-женщин. Многие из них рассказывают, что они читали раньше и чем интересуются сейчас, нередко любимыми книгами называют сказки. Немало читала в молодости А. С. Никитина, от которой записана сказка «Двенадцать диких лебедей», представляющая собой пересказ сюжета одноименной сказки Андерсена. Подобную же сказку составители сборника записали от А. И. Суслоновой (дочери А. С. Никитиной) в Сумском Посаде Беломорского района, от А. И. Ефремовой в деревне Калгалакше Кемского района. Большой интерес к чтению сказок проявляют старики — братья Зайковы из села Шуерецкое Беломорского района. Таких примеров можно привести очень много.

Знакомство сказителей с книгой пополняло репертуар Поморья сюжетами книжного происхождения. Здесь известны сказки в обработке русских и зарубежных писателей, сказки, почерпнутые из лубочной литературы («Еруслан Лазаревич», «Английский милорд», «Франциль Венециан» и другие).

---

[1] АКФ 1, 125, 87.
[2] АКФ, колл. 29, 97.
[3] АКФ 29, 47.

Неоднократно приходилось слышать и записывать отрывки — пересказ «Конька-Горбунка» Ершова, известны в Поморье арабские сказки, с большой любовью рассказываются сказки братьев Гримм. В некоторых поморских сказках прослеживается их связь с древнерусскими повестями, такими, как «Повесть о Карпе Сутулове», «О падении Вавилонского царства» и некоторыми другими.

Отдельные исполнители рассказывали, что сказку «О жар-птице и сером волке» они знают с картинок (так сообщила А. С. Никитина из Сумского Посада), а окончание ее текста, по-видимому, заимствовано из одноименной сказки В. А. Жуковского, которую она читала. Ни народная сказка «О жар-птице», ни лубочная сказка не имеют в конце такого сплетения мотивов, совершенно не связанных с основным сюжетом: поездка за гуслями, смерть Кощея на острове Буяне, ворон, оживляющий Ивана-царевича, приезд волка и другие. Исполнительница Никитина могла запомнить все эти мотивы и передала их довольно точно. Вариант Жуковского, как и другие литературные сказки, по-видимому, вошел в местную традицию, так как в Сумском Посаде был записан второй вариант этой сказки от исполнителя Привалова.

Совершенно очевидно, что на народную традицию Поморья оказали влияние и сказки А. С. Пушкина, в частности, сказка «О рыбаке и рыбке». В нашей описи имеется более 10 текстов на этот сюжет, причем бо́льшая часть из них близка к пушкинской версии, отдельные сказители сохраняют в памяти десятки строф пушкинского текста. Популярная в Поморье сказка «О рыбаке и рыбке» обросла местными деталями. Отдельные исполнители восприняли пушкинский текст устным путем. Неграмотная исполнительница Е. В. Рохмистова рассказывала, что сказку о золотой рыбке слышала в молодости; вместе с этим черты влияния пушкинской сказки в ее тексте совершенно очевидны, то есть в этом случае влияние литературной сказки на народную произошло, вероятно, очень давно. В Поморье широко известны и другие сказки Пушкина — «О царе Салтане», «О мертвой царевне», встречаются мотивы сказки «О попе и работнике его Балде», особенно широко используется мотив найма работника за щелчки.

На материале литературной сказки строил многие свои тексты своеобразный сказочник Ф. Н. Свиньин. Записанные от Свиньина сказки испытали такое сильное литературное воздействие, что мы не сочли возможным поставить их в один ряд с другими поморскими сказками, поэтому не поместили в данном сборнике.

В бытовых сказках Поморья так же, как и в волшебных, отражены черты, присущие общерусской сказочной традиции, многие из них имеют сатирическую направленность. Но в целом бытовых сказок рассказывается значительно меньше, чем волшебных, целый ряд бытовых сюжетов среди имеющихся в нашем архиве материалов записаны в единственном варианте. Наиболее полно представлены антипоповские сказки. В них разоблачаются укоренившиеся в народе суеверия, противоре-

чия дореволюционной социальной жизни, наивная вера в потусторонний мир, в чудеса, высмеиваются каноны православного богослужения, отношение к духовенству выражено не только в текстах сказок, но и в репликах исполнителей. («Вот раньше попы были в силе», или «Знаешь, попы обманывать любили раньше».) Такие сказки часто насыщены реалистическими чертами. В одних сказках смелый, находчивый и практичный солдат, оказавшись на том свете, открыто восстает против заведенных на небесах порядков, одурачивает смерть и добивается исполнения своих желаний; в других — в поисках справедливого суда, герой, взяв с собой подарки («всем богам по сапогам, богородице пантуфни»), лезет по веревочной лестнице на небо, но справедливого суда там не находит и, разочарованный, возвращается обратно. В ряде случаев антипоповские сказки имеют локальную прикрепленность, приуроченность их к той или иной местности, где живет исполнитель, как бы утверждает достоверность факта. «Жил здесь поп, в соседней деревне Калгалакше... С новым временем, когда попов прогнали, он расстригся и стал работать вместе с нами, работает и по сие время» (АКФ 56, 203). В сказках Поморья пороки духовенства подмечены очень остро. С особой силой высмеивается основной порок церковнослужителей — жадность. Поп пытается за молебен с крестьянина получить как можно больше денег: «Человек-то бедный, — говорит поп, — уплатит или нет? А мне-то за молебен надо деньжонок немало сорвать, чтобы не один месяц пожить» (АКФ 46, 11). За тяжелый труд работника поп не хочет платить по справедливости: «Поп распорядился: По многу ли вам на день? Они просили по два, а поп говорит по рублю! (Сено косить по по рублю! Сами знаете как трудна работа!)» (АКФ 29, 118). Как обычно, в сказках торжествует справедливость, одураченным оказывается поп. В одной сказке корова бедняка, отданная попу за молебен, возвращается к своему хозяину и приводит за собой девять поповских коров. В другой крестьянин предлагает попу вместо лошади деньги, вырученные за нее, и продает лошадь вместе с котом: лошадь за 20 копеек, кота за 150 рублей. В третьей работник предлагает попу накормить его завтраком, обедом и ужином сразу, чтобы не тратить лишнего времени, а потом заявляет, что православные после ужина не работают. В другой сказке работник требует с попа деньги за мнимо выкошенную траву, а когда поп отказывается заплатить, работник, обманывая его, говорит: «Встань, трава, по-старому». Одурачивание попа иногда достигает особой остроты, работник не боится не только попа, но и божьего наказания. На исповеди он признается попу, что украл у него лошадь, поп вынуждает работника повторить это признание при всем честном народе: «Вот что, братья и сестры, что Иван сейчас будет говорить, это все сущая правда». Используя такую возможность, работник обличает попа: «Вот что, граждане, что есть у нас в деревне рыжих ребят, все они от попа».

Немалое место в антипоповских сказках Поморья занимают сюжеты с катастрофическим исходом любовных похождений духовенства. Проповедуя высокую мораль и нравственность, попы сами часто пренебре-

гали этими правилами. Жена по договоренности с мужем принимает у себя попа, дьякона, дьячка, при появлении мужа она прячет их в ящик с сажей (с перьями). Расправа мужа с «любовниками» жены обычно сурова. В одних сказках муж везет ящик с «живностью» на рынок и «три сатаны» предстают перед толпой собравшегося народа (АКФ 29, 85; 56, 208), в других вариантах стрижет длинные волосы попа.

В антипоповских сказках Поморья выражено критическое отношение народа к церковной службе, нарушению норм богослужения самими же церковниками. Поп требует от прихожан повторять его действия: ногу попу жжет горячий уголь, попавший в сапог, он начинает дрыгать ногой, ложится на пол для того, чтобы снять сапог, прихожане повторяют его действия. Резюме сказителя следующее: «Мужичок, увидя такое церковное служение, вернулся обратно и по сие время не верит в церковное вранье».

Богослужение пародируется в ряде сказок. В одной из них вместо молитв духовные лица поют во время службы веселые песни на церковные напевы. Убедившись в неправильности церковной службы, верующие жалуются архиерею и просят проверить безграмотных попов. Поп просит псаломщика провести службу повеселее, вместо молитвы псаломщик поет песни «Калинку» и «Из-за острова Кондострова». При выяснении оказывается, что такого попа назначила жена: «Что хочу, то и делаю со своим мужем, могу и архиереем назначить!» — восклицает она. Испуганный архиерей убирается восвояси. Возможно, что эта сказка и сложена в Поморье, в известных сказочных сборниках подобный вариант не встречается, но очень близкий текст был записан Н. Е. Ончуковым тоже в Беломорском районе в с. Вирма, бывшего Кемского уезда[1].

Антипоповская тема ярко представлена в сказках исполнителя М. О. Нетужилова из Сумского Посада. Нетужилов рассказывает, что такие сказки он слышал на рыбных промыслах, где работал с ранних лет по найму. В ожидании хода сельди, рыбаки, собиравшиеся из разных деревень, рассказывали самые разнообразные истории, среди них были сказки, насыщенные социальными мотивами, сатирическим содержанием. Михаил Онуфриевич знаток именно такого рода сказок, что связано еще и с его веселым характером, любовью к шутке, к острому словцу, а также с ненавистью к старым порядкам. Это очень эмоциональный рассказчик. Собиратель И. М. Колесницкая сообщает о нем: «Мы пришли к нему вечером после работы. Михаил Онуфриевич только что вернулся с пастбища, «с поскотины», как там говорят, и, видимо, очень устал. На наш вопрос, может ли он рассказывать нам сказки, он ответил односложно, отрывисто и начал что-то бормотать о своей усталости. Мы предложили ему поработать на следующий день, придя к нему на поскотину. Увидев нашу действительную заинтересованность в получе-

[1] См. Онч., № 63.

нии его сказок, Михаил Онуфриевич сразу оживился, глаза у него загорелись, и он начал рассказывать, какие он знает сказки: «Я вам такую сказку заверну! Когда разойдусь, я веселый». И действительно, на следующий день, когда мы пришли к нему, он начал рассказывать, сопровождая свои сказки мимикой, пояснениями, изменением голоса соответственно роли героев сказки. Сначала он говорил медленно, спокойно, затем постепенно оживлялся, начинал жестикулировать, изображать рассказ в лицах, передавая интонации действующих лиц. Рассказывая сказку «Про Силу-зверя», он вскакивал с места, изображал зверей, показывал, как лев душит медведя, голосом подражая рычанию льва. В сказке «Мужик в роли попа» (АКФ 29, 71), имитируя церковную службу, говорил за попа басом, растягивая слова, за дьячка более высоким голосом, скороговоркой. Говорил необычайно живо и выразительно, сохраняя общий серьезный тон, ни разу не улыбнувшись в самых комических местах рассказа»[1].

В сказках Нетужилова выразилось его отношение не только к старой, но и к новой жизни: «Тогда грамоты мужиков не учили (говорит он в сказке «О попе-вымогателе»). Это теперь, знаешь, благодаря Советской власти учить стали, а раньше народ был темный». От Нетужилова записано всего шесть сказок, сюжеты их принадлежат к числу малораспространенных, «долгих» волшебных сказок он не рассказывает, но мастерски исполняет бытовые и короткие анекдотические.

Популярны в Поморье анекдоты о супругах, высмеивающие человеческие пороки: *глупость*, *невежество*, *грубость*, *жадность*, известны сюжеты о неверной жене — «Гость Терентий», «Никола Дубленский». В одной сказке данного цикла муж ищет утонувшую в реке жену против течения: «Она все делала напротив, так ее должно против течения нести», — поясняет исполнитель. Незавидна участь злой и сварливой героини другой распространенной в Поморье сказки «Злая жена в яме». Попав в яму к чертям за свой сварливый характер, она даже им не дает покоя. В сказке «Жена-доказчица» болтливая старуха рассказывает всем о найденном мужем кладе, но показания на суде оказываются неправдоподобными, так как муж, зная характер своей жены, умело обманывает ее.

Представлены в Поморье и такие циклы бытовых сказок, как «состязание человека с чертом», «о пошехонцах», «о дураках». Здесь действия героя развертываются на фоне повседневной жизни народа, отражая черты быта поморов. Героем бытовых сказок всегда является бедняк. Он обличает и пороки духовенства, и пороки своей жены, и всегда остается победителем в состязании с чертом. Для поморских сказок характерно обобщенное понятие об эксплуататоре: царь, помещик, купец, барин — для помора понятие единое. Иногда в одном тексте герой сказки называется сначала купцом, затем царем, а далее барином или королем, но сказок о купцах и барах записано очень мало.

---

[1] АКФ I, 39, 35, стр. 20.

Сказки о животных в сюжетном отношении не представляют большого разнообразия, рассказывает их далеко не каждый исполнитель. Записано 27 сюжетов, к наиболее распространенным из них относятся — «Кот, петух и лиса» (Ук.*61 II), «Пение волка» (Ук.*162), «Волк у проруби» (Ук. 2), «Лиса-повитуха» (Ук. 15), «Ледяная и лубяная хатка» (Ук. 43), реже встречается — «Лиса-нянька» (Ук. 37), «Волк и козлята» (Ук. 123), «Зимовье зверей» (Ук. 130), «Мужик, медведь и лиса» (Ук. 152), «Курица снесла яйцо» (Ук.*241 III) и некоторые другие. В нашем архиве имеется единственная запись из Поморья сказок на сюжеты «Солнце, Месяц и Ворон — зятья» (Ук.*299), «За скалочку гусочку» (Ук. 170), «Медведь и старуха» (Ук.*160 I), «Лев и лошадь» (Ук. 118), «Война грибов» (Ук.*297).

Поморские сказки о животных невелики по объему, иногда они состоят всего лишь из одного эпизода. Некоторые сюжеты бытуют только в соединении с другими, как например сказка «Лиса крадет рыбу с воза» (Ук. I), которая обычно рассказывается в соединении с сюжетом «Волк у проруби» (Ук. 2). «Звери в санях у лисы» (Ук. 158) объединяется с сюжетом «За скалочку гусочку» (Ук. 170) или с сюжетом «Медведь и старуха» (Ук. 160 I); встречаются более сложные контаминации, когда в одном тексте логично объединяются мотивы разных сюжетов. В сказке Е. В. Рохмистовой «Курица» (№ 57 настоящего сборника) объединены сюжеты — Ук. I («Лиса крадет рыбу с воза»), («Волк у проруби»), 20 А («Звери пожирают друг друга») и 20 С («Звери бегут от кончины мира»). Это привело не только к композиционной сложности текста, но и придало сказке очень динамичный характер, что проявилось в стиле, прекрасной разработке диалога зверей, необычной контаминации ряда простых сюжетов.

Главный персонаж поморских сказок о животных — ловкая и хитрая лиса. Присущие ей качества раскрываются не только в содержании сказки, но и подчеркиваются комментариями исполнителей. Иногда вместо лисы главным героем сказки выступает человек: в сказке «Марья-баляковка» (№ 73 настоящего сборника) вместо лисы героиней является болтливая обманщица — женщина; в сказке А. Г. Сотниковой «Про старика и старушку» (№ 68 настоящего сборника) мужик заключает сделку с медведем, умельцем шить лодки.

Сказки о животных в Поморье записаны преимущественно от женщин, рассказываются они детям и воспринимаются исполнителями как детские. На просьбы собирателей рассказать такую сказку обычно следует ответ: «Куда тебе с этой сказкой? Ведь это робячья сказка». И несмотря на такое своеобразное отношение к животной сказке, рассказываются они великолепно. Лучшие образцы известных в Поморье сюжетов публикуются в настсоящем сборнике. Целый ряд женщин обладает неповторимым мастерством исполнения «робячьих» сказок. Прекрасно рассказывают их Парасковья Ефимовна Попова и Анастасия Григорьевна Сотникова из Нюхчи, Павла Васильевна Миккова из Поньгомы, Ефимья Васильевна Рохмистова из Сумского Посада, Анисья Ивановна Попова из Кеми и другие. Удачно передают они диалог, тексты со-

провождаются пением песен. Особый интерес представляют собой сказки, содержащие местные детали. Например, в сказке «Кот, петух и лиса» А. Н. Фоминой кот идет рубить лес в шалгу, где обычно ведут заготовку дров поморы, он берет с собой «топорёнко». В аналогичной сказке П. Е. Поповой лиса выманивает петуха, прельщая его красивыми выездными саночками с золотыми полозьями, живой трепещущейся щучкой, выловленной в озере и т. п.

Самый скудный раздел сказочного репертуара поморов составляют легендарные сказки. В имеющихся текстах лишь частично отражены некоторые легендарные мотивы. Полностью записан сюжет «Крест (образ)-порука» (Ук.*849 В, опись наст. сб. № 62).

Этот известный сюжет носит религиозную окраску: награда за почитание иконы. В поморских же вариантах иногда даже трудно уловить связь сказки с данным сюжетом. В памяти пожилого населения Поморья сохранились былички, они очень популярны и в настоящее время. Наряду с суевериями в них нашел широкое отражение быт поморов. Ввиду того, что составители сборника преследовали одну цель — публикацию сказок, былички не входят в данное собрание.

Из всех населенных пунктов карельского Поморья большее количество сказок записано в двух старинных селах — Керети и Сумском Посаде. Село Керть стало известно в фольклористике после открытия там сказочника Коргуева, имя которого не только как земляка, но и как прославленного исполнителя знает все Поморье. Воспоминания о Коргуеве вызывали законную гордость поморов, способствовали деловым контактам собирателей с исполнителями. Многие сказочники были преисполнены чувства удовлетворения тем, что их сказками тоже интересуются и, возможно, они будут использованы для публикации.

Сказки в Керети записывались в основном в 30—40-е годы, позднее их там уже не было обнаружено, так как многие коренные жители переместились в новые промышленные районы Севера. Наиболее крупными носителями сказочной традиции оказались В. П. Меньшиков, Е. М. Савин, А. Е. Стариков, Е. И. Ладина. В их репертуаре преобладают волшебные сказки, тяготеющие к сложной контаминации. Частое общение этих исполнителей между собой наложило определенный отпечаток и на воспроизведение их сказок, прослеживается удивительное сходство в изложении ряда текстов на волшебные сюжеты. Так, например, близко передано содержание сказки «Иван Сосновец» у М. М. Коргуева (т. I) и у его друга А. Е. Старикова (№ 76 в описи настоящего сборника); почти полностью совпадают тексты сказок на редко встречающийся в русском репертуаре сюжет «Пиковый валет» (Ук. 611 I) — варианты Коргуева (№ 31) и Меньшикова (№ 4 наст. сборника). Наряду с общими явлениями, в сказках Меньшикова, Старикова и Савина можно было бы отметить индивидуальные особенности. Если сказки Меньшикова представляют собой традиционные волшебные сю-

жеты, то в сказках Старикова чувствуется книжное влияние, иногда они очень близки к литературным текстам. В репертуаре Савина наряду с волшебными встречаются бытовые, социально заостренные сказки. К сожалению, репертуар этих трех талантливых исполнителей, по-видимому, до конца не был исчерпан, их сказки записывались только в один приезд собирателей, в отличие от Коргуева, записи текстов от которого производились в течение ряда лет.

Интересной сказочницей из Керети является Евдокия Ивановна Ладина. В ее репертуаре преобладают тоже волшебные сказки. В них исполнительницу главным образом привлекает торжество справедливости. Герои сказок Ладиной в основном добрые, умные, красивые люди, они отличаются большой выносливостью, не гнушаются тяжелой работы, не боятся дальнего пути, не останавливаются перед преодолением трудных препятствий. В большинстве своем сказки Ладиной близки к традиционным. С особой любовью создает она наиболее близкие ей женские образы. Сама Евдокия Ивановна Ладина выросла в большой бедной семье, детей у родителей было более десяти человек, все остались неграмотными. Семнадцатилетней девушкой выдали ее замуж за нелюбимого человека. Может быть именно поэтому с такой теплотой воспевает Ладина в своих сказках идеальную любовь, красоту, ум, доброту своих героинь. Для описания их внешности она использует традиционные сказочные обороты. Героиня сказок Ладиной — умная и отважная девушка. Она смело отвечает проезжему богатому гостю на его вопрос загадками, в супружеской жизни умна и рассудительна. Иногда ее рассудительность перерастает в расчетливость. Так, в одной из сказок, прежде чем выйти замуж, она переодевается старушкой, узнает об обеспеченности своих женихов и предпочитает богатого жениха бедному. Девушка умеет постоять не только за свою честь, но и за честь своих родных. Она выбирает очень своеобразную месть герою за бесчестие своих сестер, расстраивает намечающуюся свадьбу (см. опись № 36).

Наиболее талантливыми сказочниками Сумского Посада являются Н. Д. Клевин, Н. А. Бахилев, М. О. Нетужилов, Е. Е. Рохмистова, А. С. Никитина, А. И. Суслонова. Об особенностях сказочного репертуара первых трех исполнителей уже говорилось в связи с волшебными сказками. Не менее талантливыми оказались исполнители-женщины. Ефимья Васильевна Рохмистова родилась в бедной семье, с девяти лет жила в няньках, а затем плела сети по найму, тогда и начала прислушиваться к сказкам. В момент записи сказок Ефимье Васильевне было 63 года. Репертуар Рохмистовой разнообразный, от нее записано 9 волшебных сказок, 4 новеллистических, 5 сказок о животных и одна легенда. Такое жанровое разнообразие не совсем характерно для сказителей Поморья, среди которых, как уже было сказано, наблюдается как бы некоторая специализация.

Сказки Рохмистовой короткие, сюжет разработан слабее, чем у других сказочников, нередко в нем отсутствует мотивировка. Сказительницу не столько интересует ход интриги в сказке, сколько разработка

эпизодов и деталей. В ее животных сказках прекрасны и неповторимы припевки (см. сказку № 58 настоящ. сборника «Старуха и звери»), тексты пересыпаны репликами и замечаниями. Собиратели отмечали, что в записи сказки Е. В. Рохмистовой утрачивают значительную долю своей яркости, т. к. главная ее способность заключается в умении рассказывать, а на бумаге это не может быть отражено. Ефимья Васильевна меняет голос, передает интонации разговаривающих, смеется в комических ситуациях: в сказке о лисе и волке за лису она говорит скороговоркой, высоким голосом, за волка — низким, растягивая слова, лениво. Часть своих сказок Ефимья Васильевна усвоила от деда, который, судя по рассказам, был крупным мастером-сказочником. Рассказывает она чрезвычайно охотно, особенно удачно передает диалог, который в ее текстах играет роль двигателя действий.

По-своему примечательны исполнительницы из Сумского Посада Анфиса Ивановна Суслонова и ее мать Анна Семеновна Никитина. При более тщательном изучении их сказок можно наблюдать преемственность семейной традиции. Анфиса Ивановна Суслонова рассказала о своей матери следующее: «Моя мама прожила долгую и трудную жизнь, росла она у мачехи, рано отдали ее в няньки, а потом в кухарки. А какое пражда было житье в чужих людях? Училась в школе она два года, очень любила читать, а еще больше любила рассказывать сказки и рассказывала их нам — детям, соседям, которые собирались в дом послушать. Мама знала очень много сказок и историй из книг. Отец был совсем неграмотный, плавал старшим матросом на больших судах, побывал во многих странах: был в Англии, Китае, Италии и других странах, тогда ведь товарами обменивались. Слушал и отец мамины сказки, слушал и частенько плакал, вот какие она знала интересные сказки. Моя мама была гребцом, на веслах возила людей на Соловки, на богомолье туда ездили. Чего только не наскажут, пока едут таку́ долину́. Давно было дело, а помню, мать говорила, что сказки от нее записывал какой-то барин»[1]. Действительно, от А. С. Никитиной сказки записывал Н. Е. Ончуков, в его сборнике «Северные сказки» опубликованы три текста этой исполнительницы («Медведь и три сестры» — № 55, «Вшивые башмачки» — № 56, «Данило-царевич и Настасья» — № 57), тогда А. С. Никитиной было 42 года. А в 1938 году собиратели из экспедиции Колесницкой записали от А. С. Никитиной еще 8 сказок, но ее репертуар, судя по рассказам дочери, и на этот раз, по-видимому, не был исчерпан.

Не все сказки восприняты Анной Семеновной устным путем. Кроме народных ей были известны сказки Пушкина: «О золотой рыбке» (Ук. 555), «О царе Салтане» (Ук. 707), «О мертвой царевне» (Ук. 709), сказка Ершова «Конек-Горбунок» (Ук. 531). Она знала былины, баллады и рассказывала их с большим чувством. Сохраняя сказочную обрядность, употребляя довольно часто формулы, исполнительница

[1] Из личной беседы составителя с А. И. Суслоновой.

стремится к реальному изображению отдельных деталей, ее больше привлекает эстетическая сторона, желание подчеркнуть красоту персонажа. Примером этому служит сказка «Про Зарю-царевича» (см. опись № 418), в которой тонко и поэтично описана красота царевны: «Засмеется — с одного конца золото повьется, а с другого отвивается, дунет — воздух будет, заплачет — жемчуг из глаз посыплется (не так как у меня — слезы), ступит — один след золотой, другой — серебряный». В текстах А. С. Никитиной встречаются выражения, показывающие симпатии сказочницы к смелым, дерзким людям. Так, в сказке «Данило-царевич и Настасья-царевна» герой, находясь в церкви, ведет себя независимо: пришел Данило к заутрени, «стал с царем в ряд, харкнул, плюнул, чуть царю не в бороду, поглядит: царь бороду обтирает»[1]. При повторной записи этой же сказки в 1938 году после этих же слов исполнительница обращает внимание собирателей: «Запиши это.» Любопытно, что именно эту сказку Никитина вторично рассказала почти из слова в слово через 38 лет. Смелый, вольнолюбивый характер матери, по-видимому, передался и детям. А. И. Суслонова рассказывала, что один из ее братьев был сброшен городовым в воду за пение революционных песен, которые он слышал от политических ссыльных.

Некоторые сказки А. С. Никитиной переняла ее дочь Анфиса Ивановна Суслонова. Она никогда не рассказывала для аудитории, но любила слушать и интересовалась сказками с детства. Количественно репертуар Суслоновой в два раза больше репертуара ее матери, ей известны многие литературные сказки: «Конек-Горбунок», «О золотой рыбке», «О мертвой царевне и семи богатырях», «О царе Салтане», «Двенадцать диких лебедей» и другие. Всего от Суслоновой записано 17 текстов. Очень близки по содержанию, композиции, использованию художественных средств следующие сказки Никитиной и Суслоновой: «Девушка, встающая из гроба» — Ук. 307; «Подмененная невеста или жена» — Ук. 403; «Про Рака Раковича» — Ук. 425; «Двенадцать диких лебедей» — Ук. 451 (см. № 416—423; 459—457). Однако колорит традиционной сказки значительно лучше сохранился в текстах А. С. Никитиной.

Из всех исполнителей, представленных в нашем сборнике, две трети составляют женщины, и самое большое количество текстов записано от Павлы Васильевны Микковой из деревни Поньгома Кемского района. Без особого напряжения памяти она рассказала 49 сказок. Павла Васильевна — коренная поморка, всю свою трудовую жизнь посвятила она морю, была рыбачкой, а в пожилом возрасте активно участвовала в сборе водорослей, работала звеньевой. За высокие показатели в труде в 1965 г. ее наградили значком «Отличник социалистического соревнования рыбной промышленности СССР», а в 1970 г. в связи с 100-летним юбилеем со дня рождения В. И. Ленина ей была вручена юбилейная медаль. Павла Васильевна грамотная, хотя в школе

[1] См. Онч., стр. 149.

училась всего один год, из первого класса мать взяла ее домой для помощи по хозяйству. «Грамоте доучивалась я на ликбезе, две зимы ходила, — рассказывает П. В. Миккова, — да читать-то редко приходилось, детей было много, ростила да ухаживала за има́». У Павлы Васильевны доброе приятное лицо, всегда ласковые улыбающиеся глаза, веселый неунывающий нрав. «Как только вступила я в колхоз, избрали меня звеньевой, и так век с народом. Не важничала, не спорила с людьми, все по-хорошему, да с уважением».

Односельчане не раз слушали сказки Павлы Васильевны при поездке по морю, во время чистки водорослей на берегу, на зимних посиделках. В деревне в шутку ее дом называют «штаб-квартирой», она всегда среди друзей и знакомых, в кругу своих и чужих внуков. П. В. Миккова знает не только сказки, но и большое количество песен, частушек, помнит былины и духовные стихи. В 1964—1966 годах от нее записано более 80 песен с напевами. К каждому случаю у Павлы Васильевны есть меткое слово, прибаутка. Друзья ее говорят: «У нашей Павлы воз сказок и два воза песен». Это богатство она стремится передать своим детям и внукам. Две дочери Павлы Васильевны — Таня и Настя — прекрасные исполнительницы старинных народных песен, от внуков Микковой записаны сказки[1] и загадки, песни. Сказки П. В. Миккова слушала еще в детстве от матери — Евдокии Васильевны Редкиной, когда жила с нею в родной деревне Калгалахпе, а также от своей землячки — Капитолины Евдокимовны Редкиной, по прозвищу «Капелька»[2]. Основную часть сказочного репертуара Микковой составляют традиционные волшебные сказки. В некоторых ее текстах (№ 20, 21 настоящего сборника) наблюдается сходство с аналогичными карельскими сказками. В лексике сказочницы встречаются слова карельского происхождения (ка́лайдать — «даже золотом ка́лайдат», ма́лтать — «дает ему вина какого не ма́лтаю уж»)[3]. Несмотря на то, что исполнительница грамотная и читает книги, она предпочитает сказки, усвоенные устным путем, сказок литературного происхождения в ее репертуаре очень мало. В отличие от ряда других поморских сказочников, тяготеющих к сложным сюжетам, у Микковой контаминации встречаются реже. Особенность Микковой-рассказчицы — свободное изложение сюжета. Сказки Микковой не являются раз и навсегда заученными, она талантливый импровизатор. Один и тот же сюжет при повторной записи разрабатывается исполнительницей по-иному (см. опись № 232, 233).

Любимыми сказочными героями Микковой являются простые люди: бедный мужик, осиротевший сын бедняка, падчерица, батрак, реже героем ее сказок бывает царевич. Повествование в сказках Миккова ведет просто и непринужденно, большое место уделяет психологическому изображению героев. Рассказывая о горе жены по поводу исчезновения ее мужа, исполнительница говорит: «Тогда уж она и мечет и рвет, уж

---

[1] См. опись № 198, 199, 247 — 250 наст. сборника.
[2] Сказки К. Е. Редкиной вошли в сборник, см. опись № 164—180.
[3] См. словарь местных слов.

до того плачет, что уж стены обили мягкими подушками» (АКФ 125, 86). В сказках Павлы Васильевны немало бытовых деталей: герой прячет в подполье «золотую сельдянку» (АКФ 125, 86); для показа силы войска исполнительница предпочитает такие сравнения: «А силы стоит, что городовы стены выставлено» (АКФ 124, 93); в другой сказке на предложение царя подарить дворец, герой отвечает: «Не надо мне дворца, завидовать люди будут, что я живу богато. Лучше буду я (жить) в своем доме. Когда развалится хата, тогда и новую построю» (АКФ 125, 35). В сказке «Один слад золотой, другой серебряный» (АКФ 124, 83) царевич просит привезти ему невесту: «Пойди, даю корабль, команду, даю капитанов, механиков, всех даю, только привези». Наряду с современными чертами в сказках этой исполнительницы сохранена традиционная сказочная обрядность, при характеристике героев она использует традиционные сказочные обороты: «Синкобурко, вещий воронко»; «нянькин-мамкин, верные служанки»; «фу-фу, на Руси не бывала, а русского духу нахваталась»; о бабе-яге: «носом угольям грабит, волосами печку пашет, языком стряпню садит». Особое значение в сказках Микковой приобретают концовки и зачины. Если героем сказки является крестьянин, простой человек, исполнительница начинает сказку обычно такими словами: «В давнее время жил один крестьянин (старик)». В сказках, где главным действующим лицом выступает представитель высшего сословия — царь, царевич зачин другой: «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь», реже: «Жил-был царь». Традиционным концовкам Миккова придает бытовой характер, делает их реальными, отмечает свое присутствие среди сказочных героев: «Я там была на свадьбе, Там пир большой был, пива пила, в рот не попало, все по усам текло» (АКФ 124, 41). «Вот тоже я там была, пива-то не дали, угощали только чайком да сладким медком» (АКФ 125, 29).

Бережное отношение к сказкам в Поморье можно было наблюдать в самые последние годы собирания фольклора. *Записывая песни* в городе Беломорске от 63-летней исполнительницы Екатерины Андреевны Сахаровой, мы услышали откровенное ее признание: «Хоть песен я знаю много и все их вам спою, все же больше люблю сказки». Выяснилось, что семейная традиция Сахаровых имеет свою небольшую историю, интерес к сказке проявляют все «от мала до велика». Сказки рассказывает сама Екатерина Андреевна, ее сын — Борис Николаевич — рабочий лесопильного комбината, невестка (жена Бориса Николаевича) — Надежда Ивановна — работница почтамта, прекрасные сказки о животных знает и их шестилетняя дочь Маша. Взрослые в семье Сахаровых поддерживают интерес девочки к сказке. В родословной Сахаровых сказки хорошо знала бабушка Екатерины Андреевны — Екатерина Фоминична Шепетова. Кроме сказок и песен она поведала своей внучке старые бывальщины, связанные с верой в лешего и домового, о мертвецах. Екатерине Андреевне известны не только народные, но и книжные сказки, свободно воспроизводит она сказки Пушкина, а самую любимую из них «О мертвой царевне» хранит

в памяти с детства. «Очень люблю эту сказку, — говорит Екатерина Андреевна, — впервые слышала ее, когда мне было шесть лет, читать еще не умела. А слышала сказку от бабушки, ей тогда 95 лет было. Порато понравилось мне «Мертвая царевна», вот и запомнила на всю жизнь». Борис Николаевич знает сказки «от бабки» по линии отца — Ириньи Филипповны Сахаровой, слушал он их в детстве и от бездомной старушки Федосьи, странствовавшей по Поморью из деревни в деревню, в доме Сахаровых она останавливалась на ночлег и вечерами рассказывала «длинные и страшные сказки».

В репертуаре семьи Сахаровых самые разнообразные сказки: поэтические волшебные, новеллистические, о животных, веселые анекдотические — и в каждой из них при исполнении проявляется своеобразная манера рассказчика[1]. Екатерина Андреевна говорит спокойно, внешние изобразительные приемы ее скупы, нет ни жестов, ни мимики, она вся уходит в глубь событий, взволнованно переживает временные неудачи героя, вместе с ним торжествует победу, осуждает противника. Хороши ее сказки о животных, занимательные детские потешки. Интерес этой исполнительницы тоже сосредоточен на волшебных сказках. Сохраняя сказочную обрядность, увлеченно рассказывает Екатерина Андреевна об «Иване-царевиче и жар-птице», о «Двенадцати диких лебедях», «Аленький цветочек» и другие. Четко обозначены в ее сказках черты местного характера: спасаясь от противника, Василиса в одном случае оборачивает себя избушкой, а жениха рыбаком; в другой раз героиня становится сеткой, а ее избранник лодкой. Герой сказок Сахаровой без особых затруднений справляется с выполнением труднейших поручений: к его услугам и современный транспорт, и почта, где можно отбить телеграмму, и многоэтажное современное здание, где может разместиться целое войско. Тексты многих современных сказочников Поморья реалистичны: нередко в достижении цели герою помогает не чудесный предмет, а его смекалка, образованность. Герои ряда сказок грамотны: попав в подземелье, царевна пишет отцу записку и просит выручить ее. Для выяснения вопросов, связанных со сватовством, царь вывешивает объявление; подслушав разговор трех девиц, царский сын записывает их речи в книжечку. Догоняя своего суженого, девица-поленица преодолевает препятствия не с помощью чудесных предметов, а современными средствами (уничтожает горы взрывчаткой). Черты сказочной фантастики у поморских исполнителей сохраняются, как условная традиционная рамка. Многие обстоятельства трактуются реалистично в волшебных сказках А. Т. Сопуновой. Она переводит в реальный план почти все непонятные ей традиционные отношения: жених-царевич (в сказке «О царе Берендее») воспринимается ею как купец, то есть как более понятная ей социальная категория; в сказке «Отдай, чего дома не знаешь» исполнительница воспринимает Кощея как реальное существо, он дает своему невольнику квартиру, где тот и будет жить.

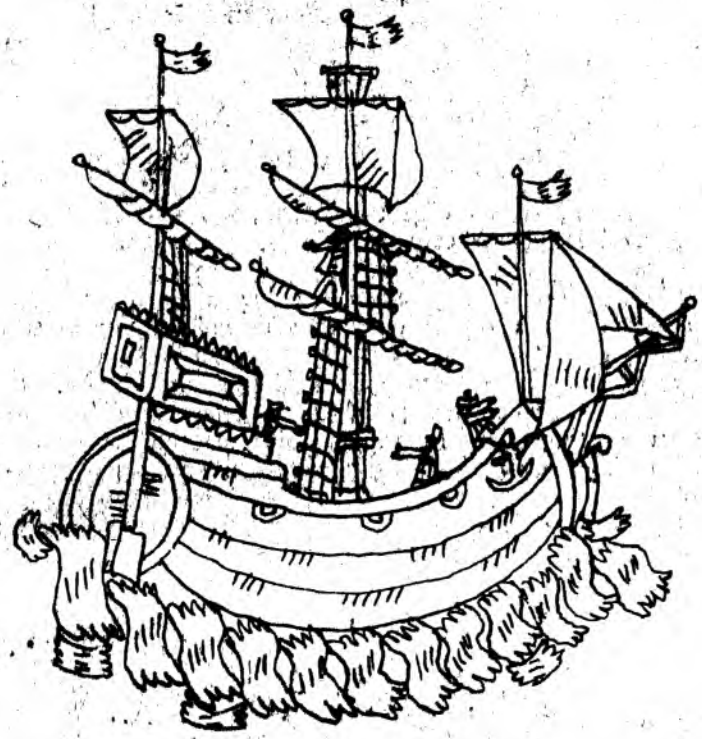
---

[1] См. № 30, 31 наст. сборника, а также опись с 309 по 335.

Таким образом, на протяжении длительного периода времени сказки Карельского Поморья претерпевали изменения. Репертуар расширялся за счет сюжетов, заимствованных из книжных источников, от сказителей других районов. Традиционные сказки не только передавались из уст в уста. На основе старого сказочного богатства строились более сложные волшебные сказки, иногда возникали короткие анекдотические, они становились достоянием народной традиции. Изменения происходили и в языке сказок, что связано с общей культурой и грамотностью сказочников. Многие поморские сказки украшены рифмованными выражениями, большим числом поговорок, что придает им особую яркость. Менее художественны тексты последних лет записи, и это определенным образом связано с бытованием сказок. В 20—30-е годы советского времени собиратели фольклора Поморья отмечали, что сказка живет здесь полнокровной жизнью, заполняет часы досуга рыбаков в домашних условиях и особенно на тонях. Действительно, Карельское Поморье принадлежит к числу тех районов, где сказка сохранилась. Немалое количество традиционных сказок записано и в 60-е годы. Но наблюдения над бытованием показали, что слушающей аудитории современный сказочник не имеет, т. е. активной жизнью сказка почти не живет. За последние три-четыре десятилетия жизнь и быт поморов коренным образом изменились. Довольно тесным и частым стало общение поморов с городом, районными центрами. На глазах вырастают новые промышленные микрорайоны, куда частично перемещается население, особенно молодежь. По-иному организован труд и быт рыбаков, их культурное обслуживание. Старые традиционные формы проведения досуга почти изжили себя. Женщины-поморки замечали, что рассказывание сказок и пение длинных протяжных песен «теперь не в моде», «в пути на тоню едем на моторке, а не на веслах, в таком шуме не только песни петь, а кричать будешь, так никто не услышит». От многих жителей Поморья приходилось слышать, что сказки в свободное время на тонях не рассказывают, в задушевных беседах охотнее делятся воспоминаниями о прошлом. Такие рассказы записаны нами в ряде поморских деревень. В устном бытовании сказки в Поморье встречаются редко, но они остаются любимым чтением детей и многих взрослых.

А. Разумова

ЛОУХСКИЙ РАЙОН



ЧЕРНАЯ РЕКА

Анна Алексеевна Нифакина, 58 л.

1. [ЖИВОТНЫЕ ЗЯТЬЯ]

Жил-был крестьянин да крестьянка. У них было три дочери да сын. Вот они пошли в чистый сад гулять, взяли по кусточкам повалились спать, брат также повалился под четвертый куст. Он проснулся, сестер нет. Пришел домой — сестер нет. Он говорит матери:

— Мама, состряпай подорожников, я пойду сестер искать.

Шел он близко ли далеко, низко ли высоко, пришел, на горы стоит дом. Он подошел, сидит сестра у окошка, и он зашел в дом. Сидит сестра и говорит:

— Ну, куда ты, брателко, зашел? Прилетит орел, тебя расклюет.

А он и говорит:

— Две смерти не будет, а одной не миновать.

Она взяла его покормила и ухоронила. Прилетает ввечерях орел.

— Фу, фу, на Руси не бывал, русского духу не видал. Кто у тебя есть в гостях?

— Муж-кормилец, никого нет, голову чесала да волосья бросила в жараток, видно, волосы шают. А ежели у меня кто пришел в гости, что бы стал ты делать, муж-кормилец?

— А что? Пировать-столовать, свадьбу играть.

Вот оны пировали-столовали, орел и говорит:

— Вот пойдем на крыльцо, а я с крыла на крыло перевернусь, а ты возьми в горсть сколько тебе войдет перьев и завяжи в узелок.

Он ему подарил шестикрылышный кувшин. И вот они распростились, он пошел вторую сестру искать. Вот опять шел близко ли далеко, низко ли высоко. Вот выстал на гору. Стоит дом. У окна сидит сестра. Он заходит в дом, здоровается со сестрой. Вот она опять и говорит:

— Ну, брателко, откуда ты пришел? Я ведь за волком замужем. Волк придет, так тебя съест.

А он и говорит:

— Ну, двух смертей не будет, единой не миновать.

Она его взяла накормила и ухоронила. Вот приходит волк домой и говорит:

— На Руси не бывал, русского духу не видал. Кто у тебя в гостях есть, жена?

— Да никого, муж-кормилец, голову чесала да волосы в поджараток бросила, так видно шают. А ежели кто пришел ко мне в гости, что бы ты стал делать?

— А что делать? Пировать-столовать, свадьбу играть.

Вот она и говорит:

— Выходи, брателко.

Вот он вышел, вот они опять стали пировать-столовать, свадьбу играть.

Зовет его волк на крыльцо.

— Вот я перевернусь, — говорит, — с крыльца, ты возьми шерсти себе, сколько в горсть войдет.

Да взял еще подарил двенадцать горлышков кувшин, и они распростились. Он пошел еще третью сестру искать. Шел, шел опять, близко ли далеко, низко ли высоко. Выстал на гору. Стоит дом. Вот он видит у окна сестру, сидит. Он опять заходит в дом, здоровается с ней, а она говорит:

— Ой, брателко, родимый, откуда ты пришел? Я ведь за медведем замужем, придет ведь он, так съест тебя.

А он говорит:

— Двух смертей не бывать, а одной не миновать.

Он приходит домой и говорит:

— Фу, фу, фу, на Руси не бывал, русского духу не видал. Кто у тебя есть, жена?

А она говорит:

— Нет никого, муж-кормилец, голову чесала, волосы в жараток бросила, так видно шают. А если бы кто пришел, что бы ты сделал, муж-кормилец?

— А что? Стал бы пировать-столовать, свадьбу играть.

Сестра и говорит:

— Выходи, брателко.

Вот он вышел, опять стали пировать. Медведь и говорит:

— Пойдем, я спрыгну, перевернусь, возьми себе шерсти, сколько можешь в горсть, и храни для себя.

Он дал ему еще в подарок скатерку-хлебосолку. И он пошел по городам, посмотреть, как люди живут. Вот он идет в один город, и в одном доме сидит народу полно, поют песни. Он приходит к одной бабушке и говорит:

— Что же это, бабушка, в доме сидит народу много и поют песни?

А она говорит:

— Вот, дитятко, у нас есть одна девушка, кто к ней посватается, она всех в тюрьму садит.

Он говорит:

— Ну-ка, бабушка, сосватай за меня.

А она говорит:

— Нет, дитятко, мне на старости не хочется в тюрьму идти.

Ну, вот он пошел, посватался, она его и посадила. Вот слуги ейны приходят, приносят пищу, а они бросили им все обратно, а сами из шестигорлышка кувшина были и сыты, и пьяны. Вот слуги приходят и говорят:

— Вот ты посадила жениха, так у него есть шестигорлышковый кувшин, они все сыты и пьяны из него. Всю твою пищу бросили, не велели носить.

Она говорит:

— Подьте покупать у него, что он просит за ей?

Вот слуги приходят и говорят:

— Продай кувшин, молодец.

А он говорит:

— Не продажный, а оветный.

— А что за овет?

— А выше коленка платье поднять.

Они пришли и ей сказали. Она и говорит:

— Эта небольша цена, пусть приходит.

Он пришел, она платье подняла, он и отдал кувшин. Второй день опять пищу приносят, они рычат им вслед:

— Такой пищи нам не носите.

Он клал на стол двенадцатигорлышковый кувшин. Опять все были и сыты, и пьяны. Слуги приходят, опять ей говорят. Она и говорит:

— Подите, спросите у него, сколько он просит за его?

А он говорит:

— Не продажно, а оветно.

— А что за овет?

— А до пупа платье поднять.

Слуги приходят и говорят. Она и говорит:

— Ну, овет это небольшой.

Он опять и продал ей кувшин. На третий день опять приходят, они сыты, пьяны. Он опять разложил скатерку-хлебосолку. Вот слуги приходят и опять рассказывают ей. Она опять посылает:

— Подьте, спросите, сколько стоит?

А он говорит:

— А не продажно, а оветно.

— А какой овет?

— На ремни связать нас, меня выше, а ее ниже.

А она говорит:

— Это овет небольшой.

Вот он и продал скатерку-хлебосолку. Их на ремни связали. Ну, вот те други тюремщики и закричали:

— Режьте ремни, гасите огни.

Вот слуги разрезали, огни погасили, тем свадьба закончилась. Они поженились. А тюремщиков всех выпустили. Она утром встает, ему ключи дает и говорит:

— Вот, в одиннадцать комнат ходи, а в двенадцатую не ходи.

А сама уехала воевать. Вот он ходил-ходил по всем комнатам. Думает: «Что она не велела в двенадцатую комнату идти? Дай я схожу». Открыл двенадцатую комнату, там был скован Кощей Бессмертный. Это был ее первый жених. Ну, он ему и просится:

— Отпусти меня, будь добрый, я тебя от трех смертей спасу.

Он в первый день не отпустил. Она приехала, опять ему и говорит:

— Ты в одиннадцать комнат ходи, а в двенадцатую не ходи.

Наутро опять и уехала воевать. Он опять ходил-ходил и зашел посмотреть. Кощей Бессмертный и говорит:

— Отпусти меня, я тебя от трех смертей спасу.

Он на второй день его опять не пустил. Вот она опять на ночь приехала, утром опять уехала на войну. Он опять ходил-ходил, зашел в двенадцатую комнату. Он опять еще больше просит:

— Сделай милость, отпусти.

Он его и отпустил. Он сел на коня да уехал туда, на войну, ей и забрал там. Вот и приезжают обратно с Кощеем Бессмертным. Жена и говорит:

— Что ты наделал, отпустил его? Теперь я не твоя, а его.

А Кощей Бессмертный его взял и прогнал. Вот Кощей Бессмертный и ездит воевать. Она осталась дома.

А у Кощея Бессмертного была кобыла. Он и спрашивает:

— Конь-семиног, взглянь промеж ног, что дома делается?

А тот и говорит:

— Уехала у тебя жена.

— А можем мы ее застать?

— А ну, говорит, два шага шагнуть, я и застану.

Вот они и догнали их. Кощей Бессмертный и говорит:

— Вот я тебе первую смерть и прощаю.

Они опять жили-пожили. Иван опять к ней и пришел, говорит:

— Поедем.

Ну они и поскакали. А Кощей Бессмертный опять воевал. Вот он и говорит коню:

— Конь-семиног, погляди промеж ног, что у меня дома делается?

А конь и говорит:

— Твоя жена опять с Иваном уехала.

— Застанем ли?

— А мне три шага шагнуть.

Поехали и застали. Кощей Бессмертный и говорит:

— Вот я тебя от второй смерти прощаю.

Опять жили-пожили, Кощей Бессмертный опять уехал. Иван пришел к ней и говорит:

— Поедем в третий раз.

Они и поскакали. Кощей Бессмертный опять воевал, воевал, воевал и говорит:

— Конь-семиног, глянь промеж ног, что дома делается?

— А у тебя жена уехала с Иваном.

— Можешь ли застать?

— Застану.

Они их застали, он его убил и сжег.

Вот приходит орел к волку и пошли к медведю.

— Нет, — говорят, — у нас шурина живого.

Орел говорит:

— У меня тело жжет.

И другой говорит тоже и третий. И вот пошли они шурина искать. Вот шли, нашли его, убитый и сожженный. Вот орел и говорит:

— Я пойду за живой водой, а ты, волк, поди за мертвой, а ты, медведь, пепел в кучу складывай.

Вот они принесли живой воды и мертвой. Волк полил мертвой водой, орел живой, Иван проснулся и говорит:

— Долго спал, в пору встал.

А они говорят:

— Кабы не мы, тебе долго спать.

Вот он потом узнал, что эта кобыла стельна у Кощея Бессмертного и родит в эту ночь. Он вырядился старцем и выдавался им на ночь. И слышит, кобыла родила жеребенка. Он взял жеребенка украл, увел в чисто поле, прокормил его сутки и говорит:

— Можешь ли мне служить?

— Нет еще, — говорит, — молод.

Прокормил вторы.

— Можешь ли мне служить?

— Нет еще, молод.

Прокормил третьи сутки и говорит:

— Теперь можешь ли мне служить?

— Теперь могу.

Кощей Бессмертный уехал воевать, а он приходит к ней и все обсказал. Она опять согласилась и они поехали. Вот он воевал, воевал и говорит:

— Конь-семиног, глянь промеж ног, что дома делается?

А конь говорит:

— Уехали.

— А можешь ли застать?

— Не знаю, — говорит, — он на моем сыне поехал, на третьесуточном. Ивана оживили, он и увез у тебя жену.

Вот они ехали, ехали, стали и догонять.

Кобыла и говорит:

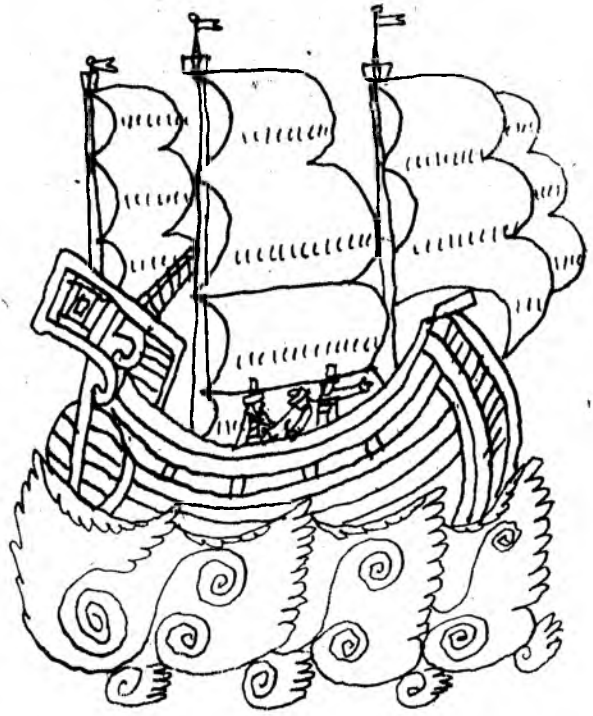
— Сынок, поддай.

А он и говорит:

— Ты, мам, всю жизнь работала, тебе можно и поддать, а я только работать начинаю, мне нельзя поддавать.

Вот он через реку и перепрыгнул. А кобыла и не могла, с Кощеем Бессмертным и потонула. Вот они оттуль воротились да и стали жить-поживать, добра наживать.

И я там была, мед-пиво пила, по усам текло да в рот не попало.



КЕРЕТЬ

Пелагея Матвеевна Волкова, 44 г.

2. ТРИ ВЕНЦА НЕ ДОСКОЧИЛ

В некотором царстве, в некотором государстве жил царь, у него было три сына: Федор-царевич, Василий-царевич и Иван-царевич. А Иван-царевич был грязный, сидел на печке, слиные пули.

Два брата были женаты на царевнах.

В некотором царстве царь извещает о его дочке, какой найдется богатырь, и она будет на балконе сидеть. А если скочит на это крыльцо богатырь и достанет ее кольцо, тот будет ее суженый.

Отец братьев умирает и оставляет всем наследство: Федору и Василию по полуцарства, а Ивана — слиные пули в чистое поле приводит к пещере и кричит:

— Сивко-бурко, вечный барунко, как моему батюшку служил, как моему дедушку служил, так же и мне послужи, Ивану-царевичу.

Конь бежит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет, как скочит, так овраг, как ступит, так яма.

Иван-царевич в ушко залез, в другое вылез, стал красавчиком-прекрасавчиком, ни в сказке сказать, ни пером описать. И вот приводит он (отец) его к пещере и говорит:

— Подними плиту.

Иван плиту поднял и говорит:

— Если бы золотое кольцо было в земле, всю бы землю перевернул.

Тогда отец ему силы сбавил. В пещеру пошел и там осмотрел всю сбрую лошадиную.

— Это, Иванушка, я вам оставлю в наследство, только не говори братьям. И сбрую и коня Сивко-бурко.

И отправились они домой. И после этого отец умёр. Недолго пожил и умер.

Вот царь и извещает еще один раз о его дочери — какой молодец найдется, на балкон скочит, кольцо достанет, тот будет богосуженый. Ну, вот и собираются со всех и изо всех царств храбрецы, чтобы достать невесту, а также выезжают Федор и Василий-царевичи, братья Иванушки — слиные пули. Также и просится Иванушка — слиные пули у братьев, что возьмите и меня туда.

Братья отвечают:

— Куда мы тебя возьмем, ты и нас-то пристрамишь.

Так и уехали, не взяли. Иванушка — слиные пули остался на печке. Когда братья уехали, Иван встает с печки и походит в чисто поле прогуляться. Приходит в чисто поле и кричит:

— Сивко-бурко, вечный барунко, как моему батюшку служил, как моему дедушку служил, так же и мне послужи, Ивану-царевичу.

Конь бежит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет, как скочит, так овраг, как ступит, так и яма. В ушко залез, в другое вылез, стал красавчиком-прекрасавчиком, просто ни в сказке сказать, ни пером описать. Пошел в пещеру, взял лошадиную сбрую и оседлал своего Сивку-бурку, и поскакал в то царство, где царевна сидела на балконе. Прискакал в то царство, где невеста сидела на балконе и скочил, и только трех венцов не доскочил, и помчался обратно. Все кричали:

— Хватай, имай его!

А его и след простыл. Приехал в чистое поле, отпустил Сивку-бурку и пошел домой. В дороге настрелял сорок и ворон и пришел домой. Невестки ругаются, а он и говорит:

— Кто настрелял, тот и кушать будет.

И забрался на печку. Вернулись обратно братья и рассказывают, что какой-то храбрец был, только трех венцов не доскочил. Он и говорит:

— Да, братья, не я ли был-то?

Братья отвечают:

— Такой-то он и был, слиные пули.

Ну и все улеглись спать.

Царь опять объявление вывешивает, что какой-то храбрец найдется на балкон скочит, венец достанет, ну и будет богосуженый. Братья и опять собираются, также и со всех царств-ов. Ну, Иванушка говорит:

— Братья, возьмите и меня.

Они говорят:

— Куда тебя, ты только нас пристрамишь.

Братья уехали, и Иван — слиные пули остался на печке. И тоже Иванушка приходит в чистое поле. Приходит в чистое поле и кричит:

— Сивко-бурко, вечный барунко, как моему батюшку служил, как моему дедушку служил, так же мне послужи, Ивану-царевичу.

Конь бежит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет, как скочит, так овраг, как ступит, так яма. И вот в ушко залез, в другое вылез и стал красавчиком-прекрасавчиком, прямо ни в сказке сказать, ни пером описать. Помчался туда, где ожидала его невеста, как прыгнет, так только одного венца не достал. Все кричали:

— Хватай его, имай!

А его и след простыл. Когда приезжает в чистое поле, отпустил Сивку-бурку, в ушко залез, в другое вылез и стал опять слиные пули. В дороге настрелял сорок и ворон. Невестки ругаются, а он говорит:

— Кто настрелил, тот и есть будет.

И братья приезжают, расхвастались:

— Вот богатырь был, одного венца не доскочил, все искали, поймать не могли.

Иванушка говорит:

— А не я ли, братья, был?

— Такой там и был, слиные пули.

Опять и легли спать. И опять царь извещает, что какой храбрец найдется, венец достанет, тот и будет суженый. Выезжают из всех государств. Поехали и братья. Иван просится:

— Братья, возьмите и меня.

— Куда мы тебя возьмем, ты всех нас пристрамишь.

Ну и братья уехали, Иван остался на печке. И тоже походит в чистое поле. Приходит в чистое поле, кричит:

— Сивко-бурко, вечный барунко, как моему батюшку служил, как моему дедушку служил, так и мне послужи, Ивану-царевичу.

Конь бежит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет, как скочит, так овраг, как ступит, так яма. И в ушко залез, в другое вылез и стал красавчиком-прекрасавчиком, ни в сказке сказать, ни пером описать. Помчался в то царство, где ожидала невеста. Как с размаху прыгнет, так и невесту поцелует и кольцо обручальное возьмет. И все кричат:

— Хватайте, имайте!

А его след простыл. Приехал он в чистое поле, в ухо Сивки-бурки залез, в другое вылез, стал опять Иван — слиные пули. Отпустил Сивку-бурку в чистое поле и сам пошел домой. На дороге опять настрелял сорок и ворон, пришел домой, невестки ругаются, что такой дичи настрелял. А он говорит:

— Кто стрелял, тот и кушать будет.

И опять залез на печку. Вот братья являются и расхвастались, вот такой-то богатырь был, на балкон скочил, кольцо достал и ускакал. Поужинали, все улеглись спать, а Иванушка все на печке сидит. Иванушку — слиные пули захотелось посмотреть кольцо, а ночь была темная. Развернул колечко, все осветило в комнате, как все горит в комнате, братья увидали зарево и заругались:

— Что ты, такой-сякой, сделаешь пожар.

И он свое колечко убрал.

Царь собирает пир на весь мир, созывает бедных и богатых, ну и всех со всех царств, кто отпустит кольцо в чару невесты. Ну, вот и братья собираются на пир, также Иванушка и говорит:

— Братья, возьмите и меня.

— Куда тебе, ты и нас пристрамишь.

Братья уезжают, Иванушка тоже походит в путь-дороженьку, такие же слиные пули, не умывшись, не причесавшись и берет свое драгоценное кольцо. Приходит на пир, все уже гости сидели за столами. Иванушка остановился у порога, смотрел на всех гостей. Когда пир продолжался, то невеста обносила всех гостей вином, кто опустит в стакан кольцо обручальное. Обносила всех, кто за столом и кто не за столом, всех обнесла, только один остался слиные пули. И кольцо никто не пустил. Когда она заходила за стол, то увидела слиные пули на пороге, пошла и говорит:

— Вот один человек остался необнесенный. Батюшка, царь-государь, позволь мне чару поднести.

Когда она поднесла чару, то Иван — слиные пули пустил колечко в чару. Так и окончился на этом пир. А Ивана —

слиные пули помыли, переодели в хорошее платье, а на другой день и повенчали. И царь им отвел небольшой дворец. И они стали жить-поживать и добра наживать.

А у этого царя были еще две дочери, которые были тоже замужем, а также было и два зятя. Было им дано по полуцарству. Ну, вот жили и были. Вдруг у царя стала свинка — золотая щетинка пшеницу покушивать. Вот вызывает царь своих любимых зятей:

— Вот сослужите службу такую-то, поймайте свинку — золотую щетинку.

А Ивана — слиные пули не вызывает. И дает зятевьям самолучших лошадей. Зятевья поехали в чистое поле имать свинку — золотую щетинку. А Иванушка тоже посылает свою жену:

— Сходи к царю-батюшке, спроси лошадь, что я им тоже хочу помочь.

Царь и говорит:

— Дайте ему саму худую лошадь, которая подыхать заводит.

Когда он взял эту лошадь, лицом сел к хвосту и хвост взял в зубы, и поехал мимо царевых окон, чтобы царь видел, как он ездит. Царь очень удивился, что он не умеет ездить на лошадях. Приезжает Иван — слиные пули в чистое поле, убивает эту клячу и говорит:

— Сороки-вороны, вам мясо, а нищие — вам шкура на обувь.

Пришел в чистое поле, вскричал:

— Сивка-бурка, вечный барунка, как моему батюшку служил, как моему дедушку служил, так и мне послужи, Ивануцаревичу.

Конь бежит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет, как скочит, так овраг, как ступит, так яма. И помчался в чистое поле, где свинка — золотая щетинка поедала пшеницу. Увидал ее, как накинет орган[1], так и поймал ее. Приезжает к дороге, раскидывает свой шатер, свинку — золотую щетинку привязывает, а сам улегся спать богатырским сном. А зятевья вернулись обратно, едут обратно без всякой добычи, и один говорит:

[1] Аркан.

— Убьем его и свинку — золотую щетинку возьмем.

Другой говорит:

— Зачем убивать? Спросим, может, дает.

Разбудили богатыря и спросили:

— Продаешь?

— Продаю.

— Сколько просишь?

— Только у рук по пальцу отрезать.

Зятевья посоветовались, что все-таки не дорого берет, все же мы у царя будем жить в чести. И отрезали по пальцу. А он пальцы завернул в носовой платок и помчался в чистое поле. Приезжает, жене и рассказывает все. А царь собирает пир и угощает двух зятевей. Через некоторое время опять царь призывает своих зятевей и объявляет, что у него опять стала кобылица-златогрива ячмень поедать. И опять зятевья согласились, отправляются, а третьего зятя — Иванушка — не приглашают. И вот зятевья помчались в чистое поле для ловли кобылицы-златогривы. Иванушка посылает свою жену сказать царю, что мой муж тоже хочет вам помочь. Царь и говорит своей дочери, что ваш муж не умеет и на лошадях ездить, дал лошадь и ту в чистом поле оставил. Она ему и говорит:

— Царь — великий государь, красота-то не одинакова, а молодость-то одинакова.

Царь велит конюхам дать самохудшую лошадь. Иванушка отправляется, опять поехал мимо царских окон на лошади, хвост взял в зубы. Приехал в чистое поле, лошадь убил.

— Сороки-вороны, вам мясо, а нищие — кожа вам на обувь.

Пошел в чистое поле, вскричал Сивку-бурку. Поехал в чистое поле, видит кобылица-златогрива поедает ячмень. Орга́н накинул и кобылицу поймал. Приехал к дороги, раскинул шатер и сам повалился отдыхать. Мимо этого места проезжают зятевья безо всякой добычи. Увидали шатер и тот же богатырь спал богатырским сном, а кобылица-златогрива была привязана у шатра. И вот один и говорит другому:

— Убьем его!

Второй говорит:

— Зачем убивать, лучше спросим, авось продаст.

Тогда богатыря разбудили, спросили, какая цена. И он сказал, что с ног по пальцу отрезать. Ну, зятевья и согласились, что им по пальцу отрезать, «все-таки у царя в чести будем жить, а оденем сапоги и не видно». Ну и приезжают к царю. Царь опять сделал пир зятевьям хороший, что они поймали кобылицу-златогрицу. А младшего зятя не приглашает. Ну, он своей жене вынимает два пальца и показывает, что зятевья продали ему за кобылицу-златогрицу, а у него поймана была,

а пальцы убирает в чкатулочку. А зятевья дома ругаются на своих жен, что это из-за их батюшки приходится пальцы рубить, и обвязывают их.

Вот опять у царя-батюшки стал олень златорогий поедать пшеницу. Царь опять созывает зятевей. И вот зятевья соглашаются, и дает им самолучших лошадей. И уезжают в чистое поле для поимки оленя златорогого. Иванушка посылает свою жену к батюшку, чтобы дал ему лошадь. Ну, она и говорит отцу:

— Царь — великий государь, дай моему мужу лошадь, он тоже хочет помочь тебе в поимке оленя.

Отец отвечает:

— Он и ездить-то не умеет.

И дал ему самую худшую лошадь. Сел Иванушка на лошадь и поехал против царских окон, так же поехал задом наперед, хвост взял в зубы. Приехал на чистое поле, лошадь убил.

— Вороны-сороки, вот вам мясо, а нищие — вам кожа на обувь.

И скричал свою лошадь:

— Сивка-бурка, вечный барунка, как моему батюшку служил, как моему дедушку служил, так и мне послужи, Ивану-царевичу.

И поехал опять имать. Приехал в поле, увидал, что олень златорогий поедает пшеницу, кинул орга́н и поймал его. Приехал на место к дороги, раскинул шатер и уснул богатырским сном. Мимо проезжали зятевья и увидали, что богатырь спит, и олень златорогий стоит у шатра. Один говорит:

— Давай убьем!

Другой говорит:

— Не честь божья убивать, лучше спросить, может продаст.

Разбудили богатыря и спросили:

— Авось, продашь оленя златорогого?

И Иванушка согласился, и велел вырезать из спины по ремню у каждого. Зятевья вышли на улицу, поговорили и согласились. И поехали дальше. Царь встретил хорошо зятевей, созвал также пир. А Иванушка отпустил лошадь, пришел домой и жене рассказывает, что зятевья согласились вырезать по ремню из спины. Положил ремни в чкатулочку.

Вот захотелось теще сходить проведать, как дочеря живут. Пришла к старшему зятю, бранится, ругается, что пришлось из-за царя-батюшки вырезать из спины по ремню, живут плохо. Также приходит ко второму зятю. Такая же брань и ругань, что пришлось вырезать из-за царя-батюшки ремни из спины. Приходит к младшему, Ивану — слиные пули, под окошко, слушает. Живут хорошо, песни поют, веселятся.

И зять понравился, лучше не надо, ни в сказке сказать, ни пером описать, какой красавчик. И вот пришла домой и рассказывает, что к первому пришла — живут худо, ко второму — тоже, а к третьему — живут хорошо, и зять очень хороший и красивый. Царь не верит и посылает к Иванушку — слиные пули с письмом, зовет на вечер. Пришел слуга к Иванушку, зашел в его палаты и не может слова вымолвить, такой красивый. И вернулся обратно к царю. Царь посылает второго посла. Пришел второй посол и увидал, что лучше на свете, нету. Он приглашает его на гулянье, на бал к царю, а Иванушка отвечает:

— Кто гуляет, пусть гуляет, а ему и дома хорошо.

Пойти на бал отказался. Царю пришлось самому идти, звать на пир. Как пришел, увидел, что такой красивый, перед ним на колени бросился, просил прощенья. Иван отказывался, но отказаться не мог. Ну и пообещался прийти на пир. И царь такой созывает пир, что прямо на весь мир. И пира без этого зятя не открывает. Все гости собрались, приехал и Иванушка со своей женой. Царь сажает его в большой угол, выше зятевей своих. Начался пир. Пировали, веселились, а подвыпили, Иванушка и говорит царю:

— Царь — великий государь, разрешите мне слово вымолвить.

Царь разрешил ему говорить. Он говорит, что очень неприлично, что зятевья на таком большом пиру кушают в перчатках. Пришлось зятевьям перчатки снять. Когда перчатки раздели, у рук не оказалось по пальцу.

— Это, — говорит, — царь-батюшка, свинка — золотая щетинка не они поймали, а я им отдал, а они отрезали по пальцу. Царь-батюшка, прикажи им и ноги раздеть. А это, — говорит, — кобылица-златогрица поймана у меня, а не у них.

После этого велел раздеть и пинжаки, рубашки с себя.

— Это, — говорит, — олень златорогий.

Тогда царь и говорит:

— Ты, Иван, наследником будешь на царстве.

И царство передал Ивану, а зятевьям что хочешь, то и делай. Ну и сказка вся. А Иван с женой стали жить-поживать и добра наживать.

Евдокия Ивановна Ладина, 73 г.

3. [МЕДНЫЙ ЛОБ]

Жил-был царь да царица. У царя был только один сынок и тот небольшой. Вот у него, у царя этого, сад был большой. И вор зашел в этот сад, был он дедушко-угрюмушко дурако-

ватый, колдоватый. Его и захватили, этого старика-угрюмушка, посадили его в тюрьму. Он сидел тамотки, ему еды было мало, питья было мало, голодный. Ну вышел мальчик этот на улицу. Он и говорит ему:

— Выпусти меня, мальчик, на волю, отопри тюрьму.

— А как я тебя выпущу, как ты замкнутый?

— Да ты приди с улицы, заболей, занемоги. Мама тебя будет спрашивать: «Что болит?» Скажи: «Болею порато, маменька, дай мне ключей поиграть».

А у папы-то было по всем городам дано известие, чтобы приезжали смотреть этого дедушку-угрюмушку. Вот мать дала ключи, он поиграл, поиграл да сходил, разомкнул темницу да и выпустил дедушку-угрюмушку. Вот к отцу стали съезжаться цари, князи, бояра. Схватился он, а и дедушка-угрюмушка нету. Ну что ему делать? Ну, царских детей ведь не судят. Ну они думали, да и придумали все князья да бояра, которые съехались, что его на добрую волю отпустить, мальчика. Ну вот царь отпустил его, дал денег, дал солдата служивого и отправил куда глаза глядят. Ну вот они шли, шли, близко ли далеко, низко ли высоко, захотелось царскому сыну Федору-царевичу попить, а питья нигде нету. Опять пошли. Ну шли, шли, опять колько верст прошли, увидели колодец. И говорит служивому:

— Достань мне, служивый, воды напиться, я уже, говорит, не могу.

А служивый ему говорит:

— Доставай сам.

Ну он наклонился, стал воды доставать да и упал в колодец.

— Ой, кричит, служивый, вытяни меня из колодца.

Он и говорит:

— Отдашь мне царское платье, сам мое возьмешь, тогда вытяну, а не отдашь, тогда не вытяну.

Шли, шли, шли, увидели, семь баб берут ягоды и на семь баб один глаз. Вот берет одна, потом другая, потом третья, а они смотрят на их. А Федор-царевич и заговорил:

— Что же, бабоньки, вас семеро, а у вас один глаз?

А они и говорят:

— У нас дедко-угрюмко обрал глаза.

Федор-царевич и заговорил:

— Эй ты, дедушка-угрюмушка, где-ка ты? Иди-ка сюда.

Вот пришел этот старик, всем им направил глаза, и стали с глазами старушки. Старик и говорит Федору-царевичу:

— Как понадоблюсь, ты меня вскричи, я тут и есть.

Вот они опять и пошли. Долго шли, пришли в царство, выдавались к царю на квартиру. А царь жил один, с дочкой только. Царский сын стал на двори конюхом, а солдат вместо него

царевичем. Вот сказали на этого царского сына, что конником был, что он умеет царю (а царь был вдовец) засватать ему в тридевятом царстве Марью-семиволосу. Вот он его призвал.

— Так и так, вот ты можешь, будто, достать Марию-семиволосу, а не достанешь — голова с плеч.

Ну вот он пошел, вышел от него на улицу и вскричал:

— Дедушка-угрюмушка, помоги мне достать девицу за тридевять морей, за тридевять городов, в тридевятом царстве.

Дедушка ему и говорит:

— Будет царь корабль тебе давать, ты не бери, скажи «сам сработаю», а теперь пойдем корабль работать.

Ну, пришел дедушка на берег, обошел кругом, сказал: «Тяп-ляп!» У него и корабль готов. Говорит Федору-царевичу:

— Ты утром ходи около корабля, поколачивай да прикалачивай, будто ты делал.

Ну, вот утром приходит царь, а у него все сделано, все сготовлено, только погрузиться и поехать. Стали своять провизию и все на два года. А старушки, у которых один-то глаз был на семерых, послали по сыну на корабль. Ну, вот собрались и поехали за тридевять морей. Когда эти мужики сбирались, они говорили, что мы всяк на все горазд, кто баню топить, кто звезды считать, кто муку зобать. Вот они и пришли за тридевять морей, за тридевять городов, в тридевято царство, стали в гавань. Пошел сватать за царя Федор-царевич. Пришел, посватался, невеста и говорит:

— Тогда я пойду, если вы у меня весь хлеб съедите, всю муку вызоблете.

Вот он пришел на корабль.

— Ну, кто, ребята, муки зобать?

Выскочили:

— Я! Я!

Он опять и пошел второй раз сватать. А она и говорит:

— Крупу всю съедите, не оставите на одну кашу, тогда и выйду.

Ну вот он и пришел.

— Ну, кто, ребята, крупу есть?

Выскочили:

— Я! Я!

(Про муку и крупу еще.) Вот он пришел, мешок за одну щеку, мешок за другу, третьим подпихнет, всю муку и крупу съел. Ну вот он пошел уж третий раз свататься. Пришел Федор-то-царевич, она и говорит:

— Как все вино выпьете, только тогда пойду.

Он пришел оттуль.

— Ну, кто, ребята, вина пить?

Выскочили:

— Я! Я!

Пришел тамотки, бочку выпил, другую выпил, стали унимать:

— Оставь хоть на свадьбу, довольно пить.

Ну Федор-царевич опять и пошел, что скажет. Пришел, а она и говорит:

— Вот я баню прикажу истопить. Как можешь в этой бане вымыться, так только тогда сватовство сделаем.

Баню истопили, пришли, сказали:

— В баню мыться.

А баня была натоплена дак красна, как кумачна. Вот он пришел в баню мыться, дедушку-угрюмушку вспомянул, дедушка-угрюмушка и пришел к нему. Дедушка взял в угол дунул, в другой плюнул, байна стала холодна.

— Поди, скажи, пусть истопит другу, а в этой я согреться не мог.

Ну больше отпираться нечем. Стали собираться на корабль. Вот недалеко от города отъехали, она взяла да в воду и бросилась, эта Марья-семиволоса. Вот Федор-царевич и говорит:

— Ну, кто море сушить?

Один выскочил:

— Я!

Пил, пил, все море высушил. Она там сидит на камешку на дни. Взял да и на корабль привел. Она, немного отъехали, взяла звездочкой свернулась да и в небо. Вот Федор-царевич и говорит:

— Кто, ребята, звездочки считать?

Один выскочил:

— Я!

Звездочки сосчитал.

— Вот там лишняя звездочка, в ней стреляйте.

Вот стрелили, звездочка и пала на корабль, не звездочка, а Марья семиволосая. Ну вот пришли в гавань, там все встретили их, царь пришел с князьями, с боярами. Приступать стал царь, свадьбу делать, а она и говорит:

— Вот, когда погуляю с Марфой-царевной (дочкой), вот тогда и свадьбу делать будем.

Стала Марфа-царевна спрашивать, что кто тебя доставал? Вот она ей и сказала, что доставал царский сын Федор-царевич. Стали у него спрашивать:

— Ведь ты не солдат, а царский сын?

Долго он не сознавался, а потом сознался им. Потом так сговорились, что Марфе-царевне за Федора-царевича идти, а Марье-семиволосой за царя. Так и сыграли свадебку, сначала дочкину, а потом царя. И пир-то был! Народу-то съезжалося! Я там была, босиком ходила, тепло, хорошо.

Владимир Павлович Меньшиков, 53 г.

4. ВАЛЕТ ЧЕРВЕЙ

Вот жил бывало купец, и он имел обширну торговлю, имел много очень работников, а своей семьи никого не было кроме жены, и имел много кораблей. И ходил все на этих кораблях за границу за товарами, потому что заграничны товары лучше обожали и на них большой спрос был. Вот в одно прекрасное время собрался он идти за границу на трех кораблях. Набрали команды сколько требуется, на каждый корабль отдельно. И вот он пошел, и пала очень сильная буря, и их растрепало и выкинуло на берег. А на берег выкинуло только одного купца, а остальна команда вся погибла, даже неизвестно где. Он оказался на этом острове и не знает, что делать. Весь мокрый, огня разживить никак не может, спички все смокли. Сколько мог отжал свое платье и переоделся, как будто и в ново, и пошел по острову смотреть, что есть ли этта какое живое существо. Сколько он ни ходил, но ничего не мог найти, хотя бы живого человека где увидеть. И так порешил, что необитаемый остров. Вот подходит к горы, така отвесна гора, того и боится, чтоб наверех не упал. Смотрит, выходит старуха из горы.

— О, говорит, купчик, давно я тебя ожидаю. Что ко мне не заходишь?

— Я бы зашел, да не знаю, что ты живешь на острове.

— Давно я уж живу на этом острове. И много у меня было таких, как ты, несчастных людей, все с разбитых кораблей.

И вот теперь тебе отсюда никак не выйти на свою родину. Только одним путем можешь выйти, если согласишься на мое предложение.

— Я не знаю, какое твое будет предложение.

— А вот у меня такое предложение: ежели возьмешь меня замуж, то выйдешь отседа, а не возьмешь, то не выйдешь.

— Нет, бабушка, я замуж тебя не возьму, хотя и не выйду, лучше так помру, но я тебя не возьму, потому что у меня дома есть тоже жена.

Как она его не заставляла, чтобы он ее взял, но он отказался категорически.

— И вот, говорит, бабушка, сколько у тебя комнат есть в этом помещении?

Она отвечает ему:

— Комнат у меня столько есть, сколько в году дней.

— Вот разреши мне комнаты все обойти, ежели я ничего не придумаю, как от тебя выйти, то тогда соглашусь тебя замуж взять.

— Но, ходи и осматривай.

И дала ему месяц сроку, а ежели не успеет обойти, то должен взять ей замуж. И так начал ходить по комнатам. Ну, которы пусты оказались, в тех недолго пришлось быть. И так он ходил-походил и проходил полмесяца. Но она спрашивает:

— Ну, что, нашел ли чего?

— Нет, пока ничего не нашел. Видно, приходится тебя замуж брать и с тобою здесь век проживать.

И опять пошел остальные все осматривать. Вот зашел в одну комнату и там видит, полна комната игральных карт. И вот он начал эти карты перебирать. Колоду перебирает и обратно кладет, втору возьмет, тоже саму кладет, и так он в этой комнаты проводил целых полмесяца. Приходит уже срок, а выходу никак не может найти, чтобы выйти отседа. А сам все перебирает карты. И взял одну колоду чуть не из последних. Стал разбирать и видит там два валета червей. Вот он и смотрит, что же в этой колоде два валета червей? Ни в одной так не было. Перекидывает из руки в руку, перед ним оказался мальчик.

— Что тебе надоть, купец?

— А вот мне надоть, как бы от этой ведьмы выбраться на свою родину?

— Теперь выберешься, как нашел меня, а то бы не выбраться было. Я тебе в этом помогу.

Перебросил карту с руки на руку и ничего не стало, убрал ей в карман и приходит в ту комнату, где была старуха.

— Ну, как? Строк[1]-то пришел. Время свадьбу начинать.

---

[1] Срок.

— Нет, бабушка, я с тобой свадьбу начинать не буду. А буду выбираться, как можно домой скорей.

— Ну, спробуй. Если можь выбраться, то я держать не буду.

— А вот, говорит, попытаю счастья. Пойду на берег к морю и посмотрю, не идет ли какой корап. И я дам сигнал, и он подойдет и возьмет меня.

— Ну, иди, иди. Если будет твое такое счастье, то я не держу.

Вот сколько он ни стоял, но ни одного корабля нигде не мог увидать, чтобы скорей домой уехать от этой проклятой ведьмы. Стоит и думат: как я буду попадать на родину? Здесь лесу никакого нету, ничего не сработашь, ни бота, ни лодки, и никак не выехать. Придется этта век жить. Вот стоит он и думат, очень запечалился. Достал карту, взял с руки на руку бросил и сделался мальчик.

— Что ты, купец, печалуешься?

— Да как же не печаловаться. Надо как-нибудь попасть на родину, а тут никак неможно выйти. Помоги мне, пожалуйста, в этом деле. Я тебе никуды от себя не оставлю.

Вот так они стали придумывать, как надо попасть и что сработать. Вот мальчик и говорит:

— Вот, давай корап работать!

Купец говорит:

— Как же я буду работать, как никакого материалу здесь нет.

— Ты не можешь, так я буду. Иди, скажи старухи, пущай она нам хлеба дает на дорогу, а я буду в это время работать корап.

Купец пошел, а он остался тут на мести. Подошел к берету и вскричал:

— Тяп-ляп и корап!

И корап готовый стоит уже на рейды, оснащенный, паруса привязаны, совсем готов к отходу. Старик идет обратно, видит корап стоит.

Он обрадел...

— Ну, говорит, мальчик, спасибо тебе за это, что ты такой выстроил корап и мы с тобой можем попасть на мою родину.

Сделался мост с берегу до корабля, они взошли на корап, паруса поднялись и судно пошло в море. Он мальчика спрашивает:

— Кто же у нас будет в рулю стоять?

— Тебе, говорит, придется, а мне мальчиком никак быть нельзя.

Вот старуха видит, что купец ушел все-таки с острова.

— Как же он мог выбраться и корап сработать?

Она об этом забыла, что валет червей там был в картах и что он, наверно, его нашел.

— Как же я этого не могла раньше узнать и упустила его? Но все-таки никуда он от меня не уйдет. Я его нагоню.

Старик достал бить эту карту, опять сделал мальчика и спрашивает у него:

— Как курс держать, чтобы попасть на родину?

Он ему указал, как надо держать и потом ему говорит:

— Оглядывайся почаще назад и, может быть, увидишь, будет кака-нибудь приближаться птица, то не допускай близко. А ежели допустишь, то мы утонем с тобой. Это сама будет старуха, она оборется орлом и полетит за нами в погоню и надлетит на корап и плюнет слизу вниз, попадет на корап то корап кряду ко дну пойдет, и мы с тобой погибнем. А ты не допускай до этого. Как только увидишь, достань меня, сделай мальчиком, а остальное я все доделаю.

Вот они шли, шли, долго ли, коротко ли, ветерок попутный тянет, и они все вперед движутся, а хозяин частенько назад поглядывает и заметил, что како-то пятно приближается. Достал карту, сделал мальчика и тот увидал, что летит птица, он взял ружье и выстрелил и утодил прямо в ней, и она стала опускаться вниз и полетела прямо в воду. Мальчик и говорит:

— Вот теперь она не воскреснет через двадцать лет, а потом опять будет жива. Ежели тебя в живых не достанет, то кого-либо из твоей семьи достанет.

И так они идут дальше. Вот шли долго ли, коротко, и стал уже видать ихний город. Народ дожидат, как увидали, что корап идет, думают, что какой идет из-за границы с товарами, а когда подошел ближе, то увидали, что пришел ихний купец. Жена узнала и пошла навстречу и ведет сына под руку. Когда они поздоровались, он спрашивает: «Чей мальчик?» Она сказала, он обрадел, ну и стали теперь жить еще лучше прежнего. В чем у них когда будет нужда, то валет червонный всегда им помогает.

Прошло уже с этого времени порядочно, сын стал уже взрослый, а купец стал старый. И вот он заболел. Когда заболел купец, то взял нашил из кожи разных кушаков двена-

дцать штук и вот один в один все влагал. Из всех двенадцати получился один. В самый последний положил валета червей. Оборвал на стены обои, вырубил в стены скважину и положил сумочку в эту скважину; и замаскировал, так же как и все стены. И об этом никто не знал кроме его. И пусть, думат, не пользуются, так что я из-за него много пострадал. Не через долго времени он умер. Но, и весь капитал остался сыну. Больше наследников у него никого не было, только остался он да еще мать старушка.

Торговля идет очень хорошо и живут куда с добром. Вот не через долгое время и матка умерла. Он остался один.

— Ну, и что я теперь буду делать? Остался один-одинешенек.

И так стал гулять, что даже своего дому не наследует. И что было в магазине товару, то он все прогулял. И даже магазин уже продал, «никуда мне с магазином». Одному немного надоть. И так гулят и гулят без просыпу. И до того догулял, что стало с памяти сбивать его, что не помнит сам себя, что когда делать надо. И вот, наконец, одумался и не стал гулять. А нать думать жениться, наверно, лучше будет, чем одному болтаться. И пошел свататься к одному купцу, но тот говорит:

— Я бы отдал дочерь, но ты очень неисправен. Вы обои будете бедные, что ты такой очень пьяница.

— Нет, говорит, я теперь не пью и больше пить не буду и будем жить и все вернем, которо наше было.

И так он согласился. Раз дочка идет, он согласился ее выдать. Свадебку сыграли, и тогда оны стали жить вмести, и он больше за это дело не занимается. И стали работать вместе и опять наживать капитал вместе, как и раньше. Только одной торговли не хватат. И вот что-то ему вздумалось, переклеивать дом весь стал и начал обои обрывать, и вот наткнулся на эту саму скважину, в которой отца была кладена сумочка с валетом червонным. Взял он эту сумочку и очень обрадел.

— Вот где у моего отца капитал-то схоронен.

И начал открывать: одну открыл, там оказалась другая, втору открыл, там третья и так до одиннадцати открывал и все пусты.

— Что за отец, говорит, глупый? Все пустые сумочки собирал.

Когда открыл двенадцату, то увидал там карту валета червей.

— Вот, говорит, чудак отец! К чему же он эту карту берег и так запрятал? Что с ней делать? Взять разорвать?

А сам с руки на руку берет. И перед ним сделался мальчик.

— Что тебе нужно, купецкий сын?

А он испугался, не знает, что ему и ответить. Когда очнулся, то говорит:

— Почему же ты у отца здесь далеко запрятан был?

— Не знаю, почему он меня далеко запрятал, наверно, чтобы ты не нашел меня. И он меня ценил за то, что я ему помог выбраться от одной волшебницы.

— Так вот, теперь прошу тебя, помоги и мне в моем несчастьи, которо я отцовско прогулял. Можно ли возобновить, чтобы у меня был магазин и все товары, чтобы я мог по-прежнему торговать?

— Это все можно сделать, и это все будет у тебя на месте и будешь жить, как отец.

И вот это все не через долго время оказалось, и зажил по-прежнему. И живет лучше всех. Когда чего не хватает, во всем ему помогал валет червей. И никуда он его не оставлял и всегда при себе держал, и даже жена не знала, что у него есть валет червей. Только один раз как-то ошибся и оставил в своей спальны на полки, но жена этого ничего не знала. Он собрался, на охоту пошел и ушел далеконько. Застигла его ночь, он ночь провел в лесу, остался на другу, а к ним в город пришла какая-то старушка и прямо к евонной жены на квартиру. Та ей спустила. Она ночь переночевала и уходит прочь. Сама говорит:

— Вот что, молодушка, ты дашь мне, чего я у тебя спрошу?

— Я не знаю, говорит, если что подходяще, то могу дать, а не подходяще, то не дам.

— Наверно, будет подходяще и вы не пожалеете. У твоего мужа есть карта, валет червей, и вот дай ты мне его.

— Что ты, бабушка. Я живу сколько времени и не видала его.

— Он в спальной на полке лежит. Вам некуда, дай мнека.

Она сходила, принесла этого валета и отдает старухе. Как взяла старуха этого валета, так у них и дом загорелся, и магазин, и все имущество загорелось, и даже чуть успела выбежать сама. Он услыхал в лёси, что у него несчастье дома приключилось. Взял к лесины привязал веревку и сделал удавную петлю и хочет повеситься. Как раз дело было около самой реки. Он хочет уже сунуть свою голову в петлю, видит старик едет по реки.

Старик кричит:

— Не давись, купеческой сын, послушай, что я скажу: почему оставил карту дома и не сказал жены, чтобы она никому не давала. Вот она отдала той волшебницы, она унесла, и у тебя все достояние сгорело. Не печалуйся об этом, ты иди и разыщешь валета червей у этой самой ведьмы. Хотя и да-

лено он будет упрятан, но он тебе во сне приснится и он тебе расскажет, как надоть его разыскать.

Он поблагодарил старика, отложил все свои худые мысли и пошел кряду[1] в путь-дорогу и даже не взглянул на свой дом, где он был, и также о жены не вспомянул. И пошел своей дорогой, куды глаза глядят. Что будет, то будет, чему быть — не миновать. Шел-шел, долго ли, коротко, скоро сказка сказывается, а дело-то не так скоро делается. И так приходит он к морю, а ему надоть попасть через море на остров. И вот видит, как раз корап отплывает через море. И он просится на корап, чтобы они его взяли. Корабельщики не отказали ему, пригласили его. И вот когда они пошли, пала большая буря опять. И опять их судно начало трепать, и так трепало, что все растрепало судно опять. Все люди погибли, и вот его куда разнесло, кто жив, кто мертв, а его выкинуло на этот остров. И вот он пошел по этому острову. Надоть узнать, есть ли кто живые люди на острове. День прошел — ничего не нашел. Второй прошел — тоже ничего не нашел. На третий день приходит к этой горы, видит, выходит старуха оттуда.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, добрый человек!

— Вот, бабушка, нельзя ли мне пожить у тебя и покорми, пожалуйста, меня. Шли мы на судни, пала больша буря, судно разбило, люди все погибли, вот не знаю, какими судьбами я оказался на этом острове. И вот хожу и рассматриваю, что есть ли здесь живые люди?

— Иди, иди. У меня завсегда бывают люди. Только с разбитых кораблей и бывают, а так не приворачивают, знают, что остров необитаемый.

И так завела его в комнату и начала его кормить. Вот, когда он покушал, то стал спрашивать старуху:

— Скажи, бабушка, как мне отседа выбраться? Приворачивают ли сюда морские суда?

— Тебе от меня никак не выбраться будет. Только можь выбраться, ежели согласишься на мое предложение, то выедешь.

— Како твое предложение?

[1] Сразу.

— А возьмешь меня замуж, тогда выйдешь и со мной вместе поедем. А не возьмешь, то вечно у меня останешься теперь. Был у меня твой отец, отказался от меня, помог ему валет червей, ну, а тебе не поможет. Так что тебе не найти будет, далеко он у меня убран.

— Далеко, близко, а я все-таки постараюсь его разыскать и до тех пор тебя замуж не возьму, пока окончательно убеждусь, что не могу найти валета червей, то тогда соглашусь взять тебя замуж. Теперь ты разреши мне походить по твоим комнатам и рассмотреть, где у тебя что есть, мне надо подумать.

— Но, что же? Ходи, колько хочешь. Ежели за месяц все это не кончишь, то тогда ты должен меня взять замуж и если не найдешь валета червей.

— Постараюсь, бабушка, — говорит.

И вот он начал с того же дня ходить по комнатам. И сколько он ни ходит, нигде ничего не может найти, а времени уж прошло полмесяца и никак ему не приснится во сне валет червей. Но, думат, погиб я здесь. Заходит в одну комнату, видит стоит аналой среди комнаты. И на нем лежит книга очень толстая, а в углу висит большая полка, а на полке камень лежит. Дай, думат, почитаю эту книгу. И стал читать. Читал, читал, до тех пор дочитал, что на полке камень заходил взад вперед по полке. Он бросил чтение, камень успокоился и все стало по-прежнему. И сам устал, повалился отдыхать и заснул так крепко, что ничего не слыхал. Вдруг видит во сне, приходит к нему валет червонный и говорит:

— Ну, молодец, немного ты сам себя не погубил. Больше не читай этой книги, пока меня не достанешь, а иди, старайся меня разыскивай. Иди в следущу комнату, там увидишь люк есть, открой этот люк и спустись вниз. И потом спустишься на лестницу, будет вторая, потом будет третья и когда спустишься на третью, то схватись руками за лестницу и отпустись вниз, в котору сторону падешь головой, в ту сторону иди, ищи меня. Придешь к большому камню, я как раз нахожусь под этим камнем, и ты будешь его отворачивать, но тебе не отвернуть будет. Протяни руку под камень и я тебе попаду в руки и тогда со мной выберемся отседа, а ежели не достанешь меня, то не выбраться тебе будет, тут и погибнешь.

Вот он спал, спал и вскочил, и думат: «Во сне ли видел я, или было привидение какое? Но, что не было, а пойду искать. Старик сказал, что он приснится мне, наверно, он и снился». И вот приходит в ту комнату и, как говорил мальчик, так стал он делать. Открывает люк и спустился в перву лестницу, потом вторую и третью, схватился руками за ступеньку и повес, ноги еще до земли не хватают. Не знает, далеко ли земля или близко, а спуститься надо, раз велел валетик. И вот

он полетел вниз. Долго ли коротко летел, этого я не знаю. Когда прилетел на землю, в котору сторону пал головой, туда и пошел. И пришел к огромному камню. Камня никак не может отвернуть. Сунул руку под камень и как раз попал ему валет червей. Вот он взял его, перебросил с руки на руку, сделался мальчик.

— Ну, купеческий сын, теперь мы с тобой не пропадем. Хотя далеко меня запрятала сестра, но я все-таки показался тебе для той цели, что надоело мне у ней жить, не могу больше переносить, и вот мы выйдем с тобой на волю и будем вместе жить до самой смерти. Она меня овернула валетом червонным, а сестру втору овернула камнем, и вот ты чуть себя не погубил, когда эту книгу читал. Ежели бы еще стал читать, этот камень пал бы на пол, и он бы рассыпался и из него сделалась бы женщина, она бы встала, тебя и задушила. Ну, теперь пойдем в ту комнату, где ты читал.

Приходят в комнату, он ему и говорит:

— Ты читай до тех пор, пока не получится женщина. А я буду стоять наготове, что если она будет на тебя набрасываться, то я с ней расправлюсь.

И вот начал он читать эту книгу. Читал, читал, камень заходил опять на полке, а он не перестает читать и не обращает внимания на камень, что он так сильно уже качается. Камень свалился с полки и рассыпался, и сделалась женщина, и хочет на него наброситься. Как раз выскакивает мальчик, схватил ей в обе руки и разорвал ей пополам.

— Ну, говорит, больше она не воскреснет. Пойдем теперь к нашей чародейке.

Вот они приходят, она видит, что он уже нашел валета червей и хочет на него накинуться, чтобы удушить его, но мальчик успел прежде скочить и ей удушил. Как раз топились печки, и бросил ей в печку, и сжег ей там. Когда она вся сгорела, выгребил золу и рассеял по воздуху.

— Эта, говорит, тоже больше не воскреснет. Закроется этот проклятый замок навеки.

Итак, начали они все, которо драгоценно было прибирать к отходу. Мальчик сработал корап, который стоял уже совсем готовый и на этот корап стали носить все драгоценности замка. И когда все было готово, нагрузили полный корап волота и серебра и стали приготовляться к отходу. Людей больше взять негде, приходится вдвоем идти. Теперь уж этот мальчик никогда не делается картой, а все человеком. И так поплыли во свою родину. Шли, шли, долго ли коротко, наконец, приходят к своему городу. Народ увидал, что какой-то корап идет с заграничным товаром, то все пошли на корап и увидали, что пришел ихний бывший сын купца. Уже они не считали его живым, потому что прошло несколько лет тому времени, и слух

разнесся по всему городу, что явился какой-то купец. Когда узнала жена, что пришел ейный муж, то она пошла посмотреть, что правда ли это есть, что никогда об нем не слыхали, ниоткуда вестей не было. Как же он мог взяться? Приходит и убедилась, что именно он. Но на глаза ему не сдалась и ушла обратно к своим родным. Он когда вышел в город, приходит на то место, где построен у него был дом, который сгорел, то говорит мальчику:

— Сработам здесь дом и будем жить вместе.

— Сейчас, говорит, будет!

Не успел оглянуться, смотрит, уже стоит каменный двухэтажный дом, даже лучше того, что у отца был, и магазин полный товару, а в магазине покупателей и приказчиков полным полно. И вот начали они с ним жить теперь. По городу слух прошел, что опять выстроен такой большой дом каменный, лучше, что и раньше было. И пошел он теперь к этому купцу, где он был женат, и стал звать жену, идет ли с ним вместе жить. Она согласилась.

— Только опять ли сгорит наш дом?

— Нет, теперь до смерти будет безызменный.

И так начали свою жизнь провожать. Этот мальчик подрос большой, тоже споженился и начали вместе жить-поживать и добра наживать. Вот и сказка вся, больше врать нельзя.

5. БАРИН И МУЖИК

Вот жил бывало крестьянин и он занимался все охотой. Ходил, когда что может подстрелить, продаст на базаре и так кормил свою семью. Один раз идет с охоты и несет гуся, а как раз пришлось идти мимо барского дому. Барин увидал, что мужик несет гуся, посылает своего слугу.

— Иди, купи у мужика гуся.

А мужику как-то пало неловко, сколько раз он проходил мимо евонных окон и ни разу барский слуга не выходил спрашивать, когда он что нес, а тут увидал, что несет гуся, и послал слугу. Мужик говорит:

— Нет, я не продам гуся вашему барину. У меня дети съедят не хуже барина.

Слуга доносит барину и сказал, что мужик гуся не продал, даже насмеялся над ним, что барин исть не умеет. Барин разгорячился, что деревенский мужик над ним смеется. Посылает трех человек отобрать у него гуся и отпороть его как следует, чтобы он впредь знал, как над начальством смеяться надо. Так они и сделали. Догнали мужика, отобрали гуся, отпороли его сколько им хотелось. Мужик ничего не сказал, пошел домой с пустыми рукама. И так на этого барина озлился,

что думает, был бы он здесь, я его разорвал бы надвое. Так приходит домой и стал придумывать: «Как бы мне ему отомстить?» Наконец, придумал: «Пойду к барину работы просить». Переоделся в другу одежду, чтобы он не узнал, приходит и говорит:

— Барин, нет ли у тебя какой работы мне?

— Есть у меня работа, только баню срубить мне надо.

— Эта для меня сама хороша работа, только покажи, где лес рубить.

Барин на это согласился. Запрягли лошадь, взяли кучера и поехали втроем лес выбирать. Подъезжает он к своим лесам и показывает, что тут рубить надо.

— Хорошо, это я знаю, только зайдем в лес подальше, там, наверно, лес-то лучше. Сам знаешь пословицу: в лес дальше — дров больше, а также и лесу.

И так они пошли в глубь леса, а кучера оставили у лошади. Мужик приходит к толстому дубу и говорит барину:

— Ну-ко, барин, обхвати этот дуб. Будет ли пригодный к постройке?

Барин взял, обхватил дуб, а мужик достал веревку и привязал барина к дубу, и начал его бить, сколько ему желательно было.

— Помнишь, говорит, ты у меня гуся отобрал и меня отпорол? Вот я теперь и рассчитываюсь тебе за это.

И так он его отпорол, что он остался без сознания, а сам пошел прочь. Идет и видит, работник попадает ему навстречу:

— Где же барин?

— А барин остался в лесу смотреть еще усадьбу.

Сам пошел прочь. Работник пошел до барина. Мужик приходит, видит, стоит лошадь. Сел на лошадь и поехал домой. А работник дошел до барина, видит, что он привязан. Отвязал его, а он чуть жив.

— Что с тобой приключилось?

— Да, вот меня как мужик отпорол. Сумел отомстить. Я и не думал этого.

— Ну, пойдем до лошади, а там на лошадь сядешь — отдохнешь.

И так они отправились попадать к дому. Приходят к тому месту, где была лошадь, и лошади нету.

— Вот дурак-то мужик и лошадь-то украл.

Пришлось на своих ногах идти до дому. Мужик приехал домой на лошади. Подговорил товарища:

— Поедем со мной к барину на работу.

Тот согласился.

— Вот когда будешь подъезжать к своему дому, я слезу раньше, а ты поедешь мимо своих окон, и он увидит, что едет своя лошадь, он выгонит всю прислугу, чтобы отобрать

у тебя. А ты так поезжай, чтобы они нагнать не могли, а я зайду к барину и отпорю сколько мне надо.

И так они и сделали. Не доезжая до барского дому, мужик сошел с лошади, а товарищ поехал вперед. Барин увидал, что едет евонна лошадь, выгнал свою прислугу, чтобы захватить, а мужик в это время зашел к барину в комнату, связал ему руки назад и так его отпорол...

— Вот помни, барин, это тебе второй раз, а еще получишь третий.

Сам ушел обратно, а товарищ объехал кругом и пригнал лошадь к мужику. И так барин после этого заболел, что уже второй раз получил, врачи ходят лечат и ничего не выходит. Вот этот мужик заделался врачом и приходит к барину.

— Барин, я вижу, что вы страдаете от каких-то побоев. Я вас от этого могу вылечить. Только прикажите прислуге всей выйти из дому, тогда я буду лечить.

Прислуга ушла. Он барину велел раздеться. Тот разделся донага. Он взял свою большую пряжку и так отбил барина, что тот без чувства сделался. И говорит:

— Еще ли, барин, будешь мужика обдирать и ни за что стегать за свой товар?

— Нет, больше не буду и дитям закажу, что с мужиками деревенскими плохо тягаться.

Взял он барина деньги, сколько у него было и оставил барина без чувства. Когда пришла вся прислуга домой, то увидали, что барин лежит голый, отпоротый без сознания. Стали его к чувству приводить. Когда он немного очухался, то они ему сказали, что «мужик деньги твои увез».

Он говорит:

— Пусть везет. Больше я с ним тягаться не буду, то он пожалуй, меня до смерти запорет. Все это я ему прощаю, пусть он живет спокойно.

Итак, с той поры больше барин никогда мужиков не обирал.

Егор Матвеевич Савин, 45 л.

6. [ЗВЕРИНОЕ МОЛОКО]

Вот жил-был старик и старуха, у них было детей сын да дочь. Вот старик и старуха умерли, остались сын да дочь. Брат и сестра жили очень дружно. Вот брату задумалось посмотреть живое и мертвое царство, он и говорит сестры:

— Сестра, ты оставайся дома, а я пойду посмотрю живое и мертвое царство.

— Нет, братик, я от тебя никуда не отстану.

— Ну, что ж, если пойдешь — пойдем.

Вот и отправились брат и сестра. Вот они шли, наконец, наткнулись на одну избушку. Бабушка и спрашивает:

— Куда, вы, деточки, пошли?

— А пошли посмотреть, бабушка, живое и мертвое царство.

Вот бабушка и говорит брату, когда вышла сестра:

— Напрасно вы сестру взяли с собой, она много принесет тебе бед.

— Что ты, бабушка, мы так дружно с сестрой.

— Ну, вспомянешь меня.

На прощанье дала бабушка полотенце.

— Вы, говорит, когда отсюда пойдете, повстречается вам река и через эту реку вам будет не перейти. Вот этим полотенцем одним концом махните, сделается мост, а другим концом махнете, моста не будет. Но это полотенце сестры не показывай.

Ну, вот брат и сестра отправились. Вот шли-шли, наконец, дошли они до этой самой реки. Сестра и говорит брату:

— Как мы, братец, перейдем через эту реку?

— А я пойду, сестра, посмотрю, нет ли где мосту, может быть, можно будет где перебрести.

Но река была очень быстрая и глубокая, что пробрести никак невозможно. Брат тогда вынял из сумки полотенце, махнул одним концом, сделался мост, и пошел к сестре. Пришел, где она осталась, и говорит:

— Ну, сестра, я нашел мост.

Вот они пришли к мосту и перешли через этот мост. Вот тогда брат перешел по этому мосту с сестрой, из сумки вынул полотенце, чтоб сестра не увидала, махнул другим концом, моста не стало. И вот они пошли по другому берегу реки. И наткнулись на одну избушку. Избушка эта была в полной исправности, было две комнаты и никто в них не жил. Брат и говорит сестре:

— Что, сестра, остановимся здесь, поживем?

— А что, братец, воля твоя, я с тобой на все согласна.

Вот и живут в этой избушке брат и сестра, брат занимается охотой, а сестра по хозяйству. Вот один день брат ушел на охоту. На другом берегу реки смотрит — человек кричит сестре:

— Эй, красавица, перевези меня на тот берег.

— Никак не могу перевезти вас, лодки нет и река быстрая.

И ушла в избу. Но об этом ничего не говорит брату. На второй день брат опять ушел на охоту, сестра осталась дома. И опять этот же человек и кричит на другом берегу:

— Эй, красавица, возьми меня к себе, что тебе с братом жить, от него нет тебе никакой пользы, от меня ты получишь одно удовольствие.

— Да как же я могу тебя перевезти, если мосту нету?

— А вот я тебя научу: возьми у брата в сумке полотенце, которое от тебя он скрывает, махни одним концом и сделается мост.

Вот сестра зашла в комнату, открыла у брата сумку и взяла полотенце. Пришла на берег и махнула одним концом этим полотенцем и сделался мост. И вот когда этот человек перешел к сестре и говорит:

— Ну, мы теперь с тобой будем жить как муж и жена, но это надо делать так, чтоб брат не узнал. И брата надо будет нам как-нибудь уничтожить.

И сестра согласилась на это.

— Вот скоро уж должен прийти твой брат с охоты, а наутро ты встань и заболей и скажи брату, чтоб брат принес тебе от медведицы молока. А когда он пойдет к медведице, медведица его разорвет и мы тогда останемся свободны от брата.

Сестра так и сделала. Наутро встает больная, не может с постели подняться, охает. Брат приходит:

— Что с тобой, сестрица?

— Не могу, братец, смереточка приходит. Вот я видела во сне, как будто ты принес мне молока от медведицы, я это молоко выпила и сразу сделалась здорова.

— Ну что, сестрица, для тебя я все постараюсь сделать.

Вот и пошел брат искать медведицу, чтобы достать молоко для сестры. Зашел брат в густой, темный лес, видит, лежит медведица и сосут у нее молоко детеныши. Брат взял ружье и хотел эту медведицу стрельнуть.

— Не стреляй меня, Иванушка, я сама с тобой пойду и напою твою сестру своим молоком.

И пошел Иванушка с медведицей и медвежатами. Вот, когда он подходит к своей избушке, а этот жених сестры увидел, что брат идет с охотой и говорит:

— А куда же я?

Сестра говорит:

— Не знаю, куда ты спрятаешься.

— Давай, говорит, я превращусь в веник.

И вот, когда Иванушка зашел в избу со своей охотой, эта охота бросилась сразу на веник, давай веник теребить. Сестра и говорит:

— Уйми, брат, свою охоту. Они растреплют весь веник, что назавтра нечем будет выпахать пол.

Брат унял свою охоту, надоил молока от медведицы, принес к сестре:

— На, сестра, выпей, может, скорее поправишься.

Вот когда повалились спать, охота повалилась возле Ивана а ночью это самое чудовище, что превратилось в веник, сделался человеком и говорит сестре:

— Ну, ты это молоко вылей прочь за окно, а наутро скажи, чтоб он принес молока от волчицы. Эта волчица его не отпустит, разорвет.

Вот наутро брат встал, спрашивает сестру про здоровье:

— Как, сестра, у тебя здоровье?

— А плохо, братец, у меня здоровье, нисколько нет лучше. Вот я сегодня видела, будто ты принес мне молока от волчицы, это молоко я выпила и сразу поправилась.

— Ну что, сестра, для тебя я все сделаю, поищу волчицу, принесу молоко.

Вот брат шел-шел и наткнулся на волчицу, а также в лес с ним пошла и медведица. Иван снял ружье с плеча, хочет стрелять. Волчица заговорила человеческим голосом:

— Не стреляй меня, Иванушка, нужно твоей сестрице молока, дак я пойду с тобой.

— Ну, пойдешь, дак тем и лучше.

Вот идет брат со своей охотой.

— Ну, сестрица, смотри, твой брат идет с волчицей, давай я превращусь в кочергу.

Как только зашел брат в избу, охота набросилась на эту кочергу и давай мять. Сестра и говорит:

— Уйми, брат, свою охоту, а то она всю кочергу вымнет, завтра нечем в печке пошевелить углей.

Брат унял свою охоту, надоил от волчицы молока и дал сестре:

— На, сестра, может, поправишься.

— Спасибо, братец, за твою заботу.

Вот брат поужинал и повалился отдыхать. А охота с ним рядом. Вот, когда все уснули, сестрин любовник опять зашел в спальню и говорит сестры:

— Ты завтра своего брата отправь за молоком к львице, львица его не отпустит, разорвет на куски.

Вот наутро сестра встает, брат пришел и спрашивает:

— Ну как, сестра, здоровье ваше?

— А очень плохо, брат. Вот сегодня во снях видела, будто ты принес молока от львицы.

— Ну что, сестра, пойду принесу от львицы молока, постараюсь для тебя.

Вот брат пошел и охота за ним. Вот брат шел-шел и наткнулся на львицу, львица лежит под деревом и кормит своих детенышей. Иван взял ружье и хочет стрелять в львицу, и львица заговорила человеческим голосом:

— Не стреляй меня, Иванушка, нужно твоей сестры молоко, дак я сама пойду.

— Ну, хорошо, пойдем.

Вот и отправился со своей охотой Иванушка домой. Вот идут к дому, а ухажёр сестры и говорит:

— Смотри, сестра, твой брат опять и идет, львицу ведет. Они меня теперь всего растерзают. Я превращусь в булавку и ты меня втыкни в голову.

Вот брат зашел в избу со своей охотой, охота бросилась на сестру. Брат охоту остановил, отдал от львицы молока сестре.

— На, сестра, может, справишься.

Вот брат закусил и повалился отдыхать. Охота с ним рядом повалилась. Ночью опять из булавки сделался человек.

— Вот, пошли, говорит, брата на мельницу, чтоб он принес тебе мучной пыли. А в мельницу зайдешь, обратно не выйдешь.

Вот наутро брат встал, спрашивает про здоровье сестры:

— Ну как, сестра, у тебя здоровье?

Сестра отвечает:

— Нет нисколько лучше, а все делается хуже. И послушай, брат, меня еще, принес бы ты с мельницы мучной пыли, я эту пыль в воде бы разболтала, выпила и сразу бы стало мне хорошо.

— Ну что, сестра, придется сходить на мельницу, дорогато не особенно близкая, время пройдет много.

Попрощался брат с сестрой и пошел. А также пошла с им и охота. Вот они отошли немного места от дому, охота и говорит:

— Иванушка, вернись обратно, а мы сбегаем до мельницы.

Вот Иванушка и вернулся обратно домой, а охота побежала на мельницу. Вот, тогда сестрин возлюбленный увидал, что Иванушка идет один без охоты:

— Смотри, сестра, твой брат один идет безо всякой охоты. Я теперь от него и скрываться не буду, а заставлю его завтра истопить баню, пусть он пожарится, и я его тогда съем.

Вот зашел брат в избу, видит, у сестры сидит мужчина и говорит Ивану:

— Ну, Иван, ты сейчас от меня никуда не уйдешь, охота твоя оберегать тебя больше не будет, она к тебе больше не вернется. Так вот тебя съем, а с твоей сестрой будем жить.

— Так из-за этого ты, сестра, и болела-то, посылала меня к зверям, чтобы меня растерзали? Ну что ж, сестра, воля твоя, но от тебя я этого не ожидал, хотя меня и предупреждали, чтобы я тебя с собой не брал.

Сестра и отвечает брату:

— А что, брат, мне с тобой жить? От тебя нет ничего хорошего, ты нам только жить мешаешь, а без тебя будет мне жить лучше.

— Ну, спасибо, сестра, за все что ты мне сделала.

— А спасать меня нечего, брат, завтра вставай и топи баню.

Вот на следующий день Иванушка встал, наносил в баню воды, наколол дров, затопил баню. Ну, дрова были сырые, баня топилась очень плохо. Иванушка думает: «Где-то теперь моя охота?» Вот в это время на баню, на крышу прилетела кукушка:

— Ку-ку, ку-ку, Иванушка, а твоя охота трои двери прогрызла, пробирается обратно.

Ну, Иванушка не торопясь в печку дрова подбрасывает. А сестрин возлюбленный одно натоваривает, что «там скорей баню (надо топить)». Вот уж у Ивана баня истопилась. Опять на крыше закуковала кукушка:

— Ку-ку, ку-ку, Иванушка, а твоя охота еще трои двери прогрызла.

Вот баня готова, он и думает: не успеет моя охота мне на помощь. Опять кукушка и закуковала:

— Ку-ку, ку-ку, Иванушка, твоя охота еще трои двери прогрызла и бежит к тебе на помощь.

Иванушка пришел к сестре и говорит:

— Ну, сестра, баня готова, сейчас пойду мыться.

— Парься, парься, да чтоб твое костье лучше выпарилось, чтоб моему мужу было лучше есть.

Вот Иванушка моется, сам и думает: «Не успеет моя охота мне на помощь». А сестрин чудовище пришел к бане, спрашивает:

— Ну, как, попарился?

— Да нет, еще плохо выпарился, не спешись, успеешь меня съесть, лучше выпарюсь, так тебе приятнее есть будет.

Вот это чудовище ушло к сестре, а Иван все парится. Вдруг сделался шум, гром, Иванушка испугался, вдруг в баню ввалилась охота:

— Ну, Иванушка, мы спешили к тебе на помощь, думали, что не застанем тебя. Ну, мы сестриного жениха уничтожим.

Вот спрятались все, пришел чудовище.

— Ну что, Иванушко, попарился?

— Попарился, можете теперь меня кушать.

Как только чудовище зашло в баню, охота набросилась на него и растерзала его на кусочки. И вот, когда с чудовищем она расправилась, спрашивают Ивана:

— Что с сестрой будешь делать?

— А сестры такая же участь. Оставить ей нельзя живую, оставишь — еще хуже наделает зла.

Вот Иванушка вышел из бани, приходит к сестре, сестра удивилася, что он из бани вышел жив-здоров.

— Ну, сестра, не удалось тебе меня уничтожить? Наместо[1] меня будешь сама растерзана со своим чудовищем.

Сестра бросилась к брату, к ногам:

— Братец, пощади меня, больше я никогда не буду тебе зла делать.

— Никакой пощады, сестра.

И велел этой охоты наброситься на сестру. Охота растерзала ее на мелкие кусочки. А кусочки эти собрали в кучу, разложили костер и сожгли на костер, а пепел рассеяли по ветру.

Ну, теперь, Иванушка, сестра больше безопасна, жить тебе больше здесь нечего, а если ты пошел в живое и мертвое царство, ну и пойдем (говорит охота).

Вот и отправились Иванушка со своей охотой. Вот они приходят в город, в этом городе в одном конце веселятся, а в другом плачут. Иванушка остановился у одной старушки на окрайны города.

— Бабушка, спусти меня пожить сколько-нибудь времени. Звери у меня очень смирные, ты их не бойся.

Бабушка спустила его, вот Иванушка и спрашивает:

— Что же, бабушка, у вас в городе одне плачут, другие веселятся, и навешаны траурные флаги?

— Да, дитятко, у нас в городе большое несчастье. Выставает из моря трехглавый змей и в каждый день он просит по одному человеку к себе на съедение. Царь отказать боится, иначе он все царство спалит. Завтра нужно царю отдать свою последнюю дочь змею на съедение. Царь ищет смельчака, чтобы вышел со змеем на поединок, но никто не находится у нас в государстве.

— А что же у вас, бабушка, в городе веселятся некоторые?

— Веселятся те, что у которых очередь прошла, или кого змей не съел. А плачут те, которым скоро придется идти к змею.

Иванушка наутро встал, поел, попил и говорит бабушке:

— Бабушка, я пойду в лес около города, не могу ли нарвать бересты да себе лапти сплести? А охота, если запросится на улицу, ты, бабушка, выпусти.

Вот Иванушка пошел к морю. Приходит, у моря стоит карета, в этой кареты сидит царевна и плачет горькими слезами. Он пришел и говорит:

— Об чем ты, царевна, плачешь?

— Как мне не плакать, привез меня батюшка на съедение к змею, избавить от этой беды никто нас не может.

---

[1] Вместо.

— А я попробую, царевна, может, могу тебя избавить, со змеем побиться.

— Где тебе справиться с ним, добрый молодец.

— Это мы увидим, царевна, кто кого.

Вот из моря показался трехглавый змей. Вышел на берег и говорит:

— Какой сегодня царь милостивый, наместо одного двух прислал.

— Не хвастайся, проклятое чудовище. Чем похвастаешься, тем и подавишься.

Вот стал Иванушка биться со змеем. К этому времени к Ивану подоспела охота. Иванушка срубил голову, охота — две. С этим змеем быстро они справились. Взял Иванушка го́ловы, положил к себе в мешок.

— А ты, царевна, сиди здесь. Я пойду скажу, чтобы за тобой приехали.

Вот Иванушка пошел на квартиру. Приходит и говорит бабушке:

— Бабушка, иди к царю и скажи, чтобы царь ехал за царевной к морю, она жива и здорова. Я проходил мимо царевны, нарвал береста два клуба и она велела передать царю, чтобы за ней ехали.

— Что ты, Иванушка, быть не может!

— Иди, бабушка, иди.

Вот бабушка надернула на ноги лапти и побежала. Пришла к царю, ее слуги пропустили, пала на колени и говорит:

— Царь-батюшка, не вели казнить, а вели слово вымолвить.

— Говори!

— У меня на квартире есть молодой человек. Он проходил мимо моря и видел царевну, что она жива и здорова, велела приехать за ней.

— Ну, бабушка, если ты говоришь правду, то за эту весть ты получишь большое вознаграждение, а за обман прикажу тебя казнить.

— Верно, царь-батюшко, верно.

Царь приказал запречь карету и привезти царевну. Видит у моря царевну живой. Когда ее привезли во дворец, царь устроил пир. На этом пиру была и бабушка, царь, Иванушки

не было, его не могли найти. Царевна не знает, какой был такой человек. Пируют, вдруг влетела в окно стрела, на ней записка: «Царь, подай к завтрашнему дню царевну ко мне на съедение, иначе твое царство будет уничтожено».

У царя веселье пропало, сделались все невеселы.

На следующий день царевна попрощалась со всеми и свезли ее опять к синему морю. Сидит она в карете и плачет.

Иванушко утром встал, бабушке говорит:

— Бабушка, я пойду опять за берестом, а охота, как запросится, так ты выпусти ее на улицу.

— Охота твоя, Иванушка, сидит очень смирно. В прошлый раз вдруг она бросилась на улицу.

— Ты ее, бабушка, выпускай.

Отправился Иванушка. Приходит к морю, а там сидит и плачет царевна. Вот Иванушка пришел, царевна очень обрадовалась.

— Неужели, добрый молодец, ты меня спасешь опять от смерти? Сегодня выстанет шестиглавый змей.

— Попробую, царевна.

Вот море всколыхнулось, поднялся шестиглавый змей и говорит:

— Царь милостивый, двух послал! Ты, Иванушка, убил моего брата младшего, а меня не убьешь.

— Посмотрим!

Стал биться Иванушка с ним. Подоспела на помощь охота. Кто рвать, кто кусать, Иванушка топором голову рубить. Так он и срубил шесть голов. Собрал он головы в мешок. Царевна и говорит:

— Не знаю, как тебя благодарить.

— Это еще не все, меня рано благодарить. Я пошлю, чтобы приехали за тобой.

Приходит он к старухе и говорит:

— Бабушка, иди скажи царю, что царевна жива и здорова.

Старуха пошла. Она и говорит царю:

— Царь-батюшка, твоя дочь царевна жива и здорова, велела ехать за ней.

Царь и говорит:

— Ну, бабушка, если правду говоришь, получишь вознаграждение, нет — казню.

Слуги приехали, посадили царевну в карету и отвезли во дворец. Старуха получила большие подарки. Не успели нарадоваться, как опять в окно прилетела стрела, просит царевну на съедение девятиглавый змей. Запечалился царь и все запечалились, что «кто спасет царевну?» Утром отвезли царевну к морю и оставили ее. Иванушка опять в лес собрался, велел бабушке охоту выпустить на улицу, если она запросится. Вот он пошел. Приходит к морю, видит, сидит царевна и плачет.

— Тебе сейчас будет не справиться, добрый молодец, выйдет девятиглавый змей.

— Попробуем.

Заколыхалось море и показался страшное чудовище — девятиглавый змей.

— Берегись, Иван, меня не уничтожишь.

— Не хвались, чем похвалишься, тем поплатишься.

Бился Иван со змеем, прибежала охота на помощь. Одолели змея, отрубил Иванушка девять голов у змея и положил в мешок.

— Теперь все, царевна.

Она и говорит:

— Я тебе даю с руки перстень, чтобы могла узнать тебя. Я пойду за тебя замуж, если желаешь, а нет — отец наградит тебя.

Пришел Иванушка в город, показывает бабушке девять голов и бросил под койку. Велел к царю сходить и сказать, что царевна жива и здорова. Прибежала, велела слугам пропустить ее к царю. Провели ее к царю:

— Царь-батюшка, ваша дочь жива и здорова, велела ехать за ней.

Царь послал тройку лошадей и царевну привезли. Царь задал пир, велел всем идти на этот пир и велел бабушке привести своего квартиранта на пир. На следующий день все приходят на пир, всех угощают. Бабушка зовет своего квартиранта на пир:

— Иди, бабушка, задумаю, так приду.

Старухе царь дал почетное место. Спросил у нее:

— Где квартирант твой?

— Остался дома.

Царевна ходит с подносом, на нем вино, рюмки, угощает всех, ищет своего избавителя. Обошла всех, но его не нашла. Говорит царю:

— Нет моего избавителя.

Царь велел старухе вести на пир ее квартиранта. Поехала старуха. Иванушка дома. Старуха говорит:

— Царь-батюшка велел ехать на пир.

Иванушка поехал. Когда он приехал, царевна увидала его и говорит отцу:

— Вот, царь-батюшка, это мой избавитель.

Царь давай его обнимать и целовать.

— Какие же ты хочешь взять вознаграждения?

— Мне ничего не надо, только отдай свою дочь за меня.

— Это воля дочери.

Царевна и говорит:

— Я, батюшка, согласна идти.

После этого пира царь сделал свадьбу. Я там был, мед, пиво пил. Когда Иван обвенчался, он отпустил свою охоту, а сам стал жить-поживать и добра наживать.

7. [ХИТРАЯ НАУКА]

Жил-был старик и старуха. У этого старика и старухи был сын. Жили они не особенно бедно. Старик умер, остались сын и старуха. Сын еще остался молодой, на работу никуда не мог идти, а старуха была уже старая. То, что осталось от старика, они прожили. Старуха и говорит сыну:

— Ну, сын, нам больше жить нечем. Придется тебя куда-нибудь устраивать на работу.

Вот старуха повела своего сына в город устраивать на работу. Вот они идут по дороге, старуха устала:

— Ох, как тяжко идти, — говорит.

Вдруг откуда ни возьмись, появился человек:

— Что, бабушка, меня вспоминаешь?

— Нет, я тебя не вспоминаю, — старуха отвечает.

— Как не вспоминаешь? Вспоминала «ох», а «ох» — это я и есть. Куда ты повела своего сына?

— Я повела своего сына в город отдать учиться какому-нибудь ремеслу.

— Так что, отдай мне, — говорит, — я его за три года ко всякому ремеслу выучу, и каждый год ты будешь приходить смотреть сына.

Старуха спрашивает сына:

— Ну как, сынок, пойдешь ли к этому дяде учиться?

— А пойду, мамаша, — говорит.

— Ну, бабушка, через год можешь приходить сюда. Придешь к этому пенышку, вспомянешь меня и я приду. Так вот, бабушка, придешь через год, если ты узнаешь сына, то я верну его, а если не узнаешь сына своего, то сын у меня останется навсегда.

Ну, бабушка и думает: «Неужели я за год не узнаю своего сына, неужели он так изменится?»

Распрощалась с сыном старуха и пошла домой. Проходит год. Старуха напекла подорожников, идет на свидание к сыну. Вот приходит к этому пенышку и говорит:

— Ох!

«Ох» и явился.

— Что, бабушка, пришла сына смотреть?

— Да, добрый человек, пришла посмотреть сына.

— Ну, хорошо, — говорит, — я сейчас выведу к тебе сына, если узнаешь, то посмотришь.

Вот выводит он двенадцать баранов и все они одинаковые.

— Вот, бабушка, среди этих двенадцати баранов есть твой сын. Если угадаешь, в котором баране твой сын, то я его сделаю человеком, а если не узнаешь, приходи на следующий год.

Старуха и говорит:

— Что ты, добрый человек, ведь я тебе его человеком дала, а не бараном.

— Так вот, бабушка, в этом-то учеба и есть. Я взял от тебя человека, а сделал из него барана.

Вот на этот раз страуха не могла узнать своего сына и пошла домой невеселая. Вот проходит год, старуха снова идет навестить сына. Идет старуха невеселая, думает: «Могу ли я теперь угадать своего сына?» Вот приходит к пеньшку и говорит:

— Ох!

— Ну что, бабушка, пришла сынка посмотреть? Ну, хорошо, я сейчас приведу сынка, угадаешь ты его или нет?

Вот выводит двенадцать свиней.

— Вот, бабушка, в этих двенадцати свиньях есть твой сын. Угадаешь его, я сделаю его человеком, а нет, приходи на третий год.

Не смогла старуха угадать своего сына и на второй год.

— Вот, бабушка, теперь приходи на третий год, угадаешь, я тебе отдам сына, а не угадаешь, он останется навсегда у меня.

Вот проходит год. Старуха напекла подорожников и пошла к своему сыну.

— Если я не угадаю в этот раз своего сына, то мне его будет никогда не увидать.

Вот старуха еще не дошла до того места, где она обычно останавливалась, с лесинки прыгнула птичка на дорогу и сделалась человеком.

— Мамаша, здравствуй!

— О, сынок Ваня, здорово! Как ты вырвался от этого хозяина?

— Потому что я хитрее его стал. Вот, мамаша, ты не вспоминай его сейчас. Я тебя научу как делать, чтобы ты угадала меня. Вот придешь когда к пеньшку, он выведет двенадцать лошадей и все будут одинаковые, черные, и я буду стоять четвертой лошадью слева. Не забудь, мамаша!

— Хорошо, сынок.

И вот сынок от неё скрылся. Вот, когда сын ушел от матери, она немножко обождала и пошла к тому месту, где обычно останавливалась. Пришла и говорит:

— Ох!

— Ну что, мамаша, пришла сына смотреть?

— Не смотреть пришла, а за сыном, чтобы увести от тебя прочь.

— Ну, ну, бабушка, посмотрим, возьмешь ли ты его или оставишь навсегда.

Вот вывел учитель двенадцать лошадей и все, как одна, черные.

— Вот, бабушка, в этих двенадцати лошадях есть твой сын. Если не угадаешь, твой сын останется у меня.

— Да, да, я это знаю условие.

И вот бабушка стала ходить и смотреть на лошадей. Учитель и говорит:

— Ну, ну, бабушка, давай побыстрее, что-то в этот раз ты замешкалась.

Вот бабушка отсчитала четыре лошади с левой руки и, чтобы не ошибиться, еще раз подсчитала и помахала левой рукой. И говорит:

— Ну, пусть это будет мой сын.

Учитель и говорит:

— Угадала, старуха, можешь получать.

И старуха вывела эту лошадь из строю и повела. Отвела немного старуха от того места, где она обычно вспоминала «Ох», и из лошади сделался человек.

— Ну что, мамаша, домой нам идти ни к чему теперь. Дома делать мне нечего. Идем давай в город.

Не доходя немного до города сын и говорит матери:

— Вот что, мамаша, я, — говорит, — обернусь лошадью и ты меня в городе продай за тысячу рублей, но уздечку не продавай. А когда продашь, возьми уздечку и выйди за город, я опять с тобой и буду.

Вот Иванушка обернулся лошадью, старуха и повела лошадь. Привела на базар. Покупатели на эту лошадь сразу нашлись.

— Что, бабушка, лошадь продаешь?

— Да, сынки, приходится продать лошадь, работников не стало никого.

— За сколько ты думаешь продать, бабушка?

— За тысячу.

— Дороговато, бабушка, за тысячу.

— Дешевле, сынки, не отдаю.

Но лошадь была хорошая и покупатель дал старухе тысячу рублей.

— Но я только с тем условием продаю, чтобы уздечка была обратно.

— А для чего тебе уздечка, бабушка?

— Лошадей-то у меня больше не будет, а я эту уздечку повешу на гвоздик и буду вспоминать, что когда-то у нас были лошади.

— Ну, хорошо, бабушка.

Вот бабушка получила деньги тысячу рублей, уздечку и пошла прочь. Вот бабушка вышла за город, Иванушка тут как тут опять:

— Вот, мамаша, давай еще снова вернемся в город. Деньги получила?

— Получила, сынок.

— Я овернусь лошадью и ты меня опять продавай. И продавай сейчас меня за две тысячи рублей.

Вот Иванушка овернулся лошадью и старуха повела его в город. Вот привела в город, лошадь с виду была очень красивая и покупателей нашлось много.

— Что, бабушка, лошадь продаешь?

— Да, сынки, продаю лошадь. Старик умер, сына нет, работать некому и пришлось лошадь продать.

— Так что, бабушка, дорого ты берешь за эту лошадь?

— Две тысячи рублей, дешевле не отдам.

— Дороговато, бабушка, но лошадь понравилась, придется дать две тысячи рублей.

— Но я только с тем условием продаю, чтобы уздечка мне обратно.

— Но, хорошо, бабушка, отдаю тебе обратно уздечку.

Вот бабушка отдала лошадь, получила деньги и уздечку и пошла из города. Когда она вышла из города, Иванушка был уже с ней.

— Ну что, мамаша, продала лошадь?

— Продала, сынок, и деньги получила.

— Давай еще раз сходим. Опять же я овернусь лошадью. В этот раз тебе цену просить не надо, будут сами давать.

Как только бабушка привела лошадь на торговую площадь, покупатели так и набежали. Один кричит:

— Я тысячу даю!

Другой:

— Я две даю!

Вдруг бежит еще покупатель:

— Обожди, бабушка, не продавай, я две с половиной даю!

Ну, продала бабушка за две с половиной тысячи.

— Я, говорит, сынок, только с тем продаю, чтобы мне уздечка была обратно.

— Что ты, старуха, без уздечки разве лошадь продают?

— Как хошь, а мне уздечку обратно, иначе я лошадь продавать не буду.

— Вот, бабушка, получай деньги, давай сюда лошадь.

Бабушка получила деньги, стала их смотреть, в это время покупатель выхватил из рук повод, сел на лошадь и поскакал. Старуха погоревала-погоревала и пошла домой. Покупатель к этой лошади был тот самый учитель, у которого Иван учился три года. Вот этот учитель на этой лошади ездил-ездил и говорит:

— Эх ты, какой явился? Моим учением думал деньги зарабатывать? Думал меня перехитрить? Теперь ты от меня никуда не уйдешь.

И вот он эту лошадь до того догонял, что лошадь сделалась вся в мыльной пене. И приехал обратно в город, привязал лошадь к столбу и сам пошел в трактир. Мимо этого столба гонял лошадей конюх к реки на водопой. Эта лошадь, что была привязана у столба, заговорила человеческим голосом:

— Конюх, отвяжите меня на водопой с вашими лошадями зараз.

Конюх отвязал эту лошадь, она пошла вместях с лошадьми на водопой к реки. Лошади стали пить воду, а эта лошадь бредет все дальше и дальше и скрылась под водой. Этот конюх приходит в трактир. Видел, кто ездил на этой лошади и говорит:

— Ваша лошадь утонула в реке.

Выбежал из трактира и говорит:

— Никуда она не уйдет!

И побежал к реке. Прибежал, бросился в воду и превратился щукой. А эта лошадь превратилась в окуня. Окунь плывет, щука гонится за окунем. Окунь приплыл к берегу, выпрыгнул и превратился в зайца. Щука превратилась в волка. Волк гонится за зайцем. Заяц прибежал к пруду, а у этого пруда стоял царский дворец. Заяц превратился в окуня, а волк в щуку. Вот плавают в пруду. А в это время у пруда гуляла царевна, и она видела, как щука гоняется за окунем. Щука и говорит окуню:

— Окунек-голубок, повернись головой, побеседуем с тобой.

— Нет, щука-харщиста, ешь ерша с хвоста, также и окуня.

Ну, как щука ни вертится, чтобы окуня схватить с головы и проглотить, окунь все к ней повернется хвостом. Вот окуню надоела вся эта игра, выпрыгнул он на берег и превратилсе в колечко. Это колечко покатилось к ногам царевны. Царевна взяла это колечко и положила себе на палец и пошла во дворец. И щуки не стало. Когда царевна пришла в свою спальню и повалилась спать, это колечко скатилось с пальца и сделался человек. Вот Иванушка разбудил царевну. Царевна

удивилась, что в ее спальне стоит молодой человек. Он и говорит:

— Не пугайся, царевна, это я то колечко, которое вы вчера подняли у пруда. И слушайте, что я вам скажу: сегодня утром придет во дворец один молодой человек, он будет говорить, что проходил мимо вашего дворца и обронил колечко и будет просить отца и мать, чтобы вы это колечко отдали. Я прошу вас, чтобы вы это колечко не отдавали. Когда будет настаивать ваш отец, чтобы вы отдали колечко, вы это колечко бросьте на пол, оно рассыплется на мелкие зернышки и одно зернышко покатится к вам к ногам и вы это зернышко заступите ногой, тогда этот человек превратится в петуха и станет клевать эти зернышки. И когда он эти зернышки все выклюет и запоет: «Что задумано, то сделано», вы в это время меня из-под ноги отпустите.

С этим царевна и уснула. Вот утром царевна еще лежала в постели, приходит служанка и докладает, что «ваш папаша требует вас в столовую, пришел какой-то молодой человек». Вот царевна встала, умылась, служанка помогла ей одеть платье, и приходит к отцу. Видит, сидит тут незнакомый человек. Отец обращается к дочери:

— Вот что, дочка, вы вчера подняли колечко у пруда?

— Да, папаша, подняла. Вот оно у меня на руке.

— Так вот, это колечко этого молодого человека и вам придется его отдать.

— Нет, папаша, это колечко не молодого человека.

Тогда этот встает молодой человек и говорит:

— Нет, царевна, это колечко мое и прошу вас, чтобы вы мне это колечко отдали. Я проходил вчера мимо вашего пруда и обронил это самое колечко. Прошу вас, чтобы вы его мне отдали.

— Нет, молодой человек, это колечко я вам не отдам, оно не ваше.

Тогда отец говорит:

— Отдай, дочка, колечко, неужели у тебя нет колец, что хорошего в этом колечке. Я тебе приказываю снять кольцо с руки и отдать этому человеку.

— А я ваши слова исполняю, но в руки колечка ему не отдаю.

И берет царевна колечко с пальца, снимает его и бросает на пол.

— Пусть это колечко ни вам, ни мне не достанется.

Как это колечко она с руки бросила, колечко рассыпалось на мелкие зернышки. А этот молодой человек на глазах у всех превратился в петуха и давай клевать зернышки. А одно зернышко покатилось к ногам царевны и царевна заступила его ногой. Когда петух все зернышки выклевал и запел:

— Что задумано, то и сделано.

Тогда царевна из-под ног выпустила зернышко, из этого зернышка превратился ястреб и давай петуха клевать и заклевал петуха до смерти. И когда он убедился, что петух больше не воскреснет, не оживет, этот ястреб превратился в человека.

Иванушка и говорит:

— Ну, царевна, спасибо вам за то, что вы спасли мою жизнь. Этот человек был мой учитель. Он обманом отбирал у матерей сыновей. И вот таких сыновей, как я, было у него от матерей отнято двенадцать и все они жили у него в неволе. Ну, из двенадцати сыновей я все-таки один перехитрил его и уничтожил. И обращается к царю:

— Вы, царь-батюшко, если пойдет ваша царевна за меня замуж, то прошу отдать.

Царевна и говорит:

— Папаша, я пойду за Ивана замуж, мы с ним уже прошлую ночь познакомились, и он мне понравился.

Царь и говорит:

— Вы мне скажите, чьего роду, чьего племени?

— А я роду деревенского, из деревни, отца у меня нет, осталась одна мать-старушка. Ну, я как уничтожил нашего учителя, у меня состояние большое будет. То, что у него награблено, мы все разделим.

Царь и говорит:

— Вот если выстроите дворец такой же, как у меня стоит, чтобы не совестно было тестю прийти в гости к зятю, тогда я отдам свою дочь.

— Ну, хорошо, это все будет сделано.

Иванушка вышел из дворца, превратился в голубя и полетел в имение учителя. Имение учителя все было под землей.

Вот когда Иванушка прилетел в имение учителя, превратился в человека и зашел в подземелье, а там ученики, которые с ним учились, и говорят:

— Зачем ты, Иван, сюда пришел, сейчас наш хозяин прилетит и он тебя уничтожит.

— Нет, ребята, он больше безопасен, не он меня, а я его уничтожил. И вы теперь можете быть свободными. Давайте разделим все евонно имение, а то, что останется, уничтожим, чтобы больше здесь никто не поживился ничем.

И вот они взяли по возу золота и по возу серебра, остальное все сожгли. Вот Иванушка приходит с этими деньгами в город, выстроил дворец лучше того, что у царя стоит, поженился на царевны, а когда царь умер, стал царем на царство. Достал из деревни мать-старуху и стал жить и поживать, царствовать. До сего времени царствует.

8. [СМЕРТЬ-КУМА]

Жил-был купец. Вот у этого купца родился сын. Купец и думает: «Кого взять кумом?» Думал-подумал, взять смерть надумал кумом и пошел искать смерти, и повстречался со смертью.

Спрашивает смерть:

— Куда ты пошел, купец?

Купец и говорит:

— Да я пошел тебя искать, ты самый старший здесь, кого захочешь умертвишь. Вот я и решил взять тебя кумом.

— Хорошо, говорит.

Ну пришли к купцу на крестины, на крестинах подвыпили. Смерть и говорит:

— Ну, кум, в знак моей дружбы я сделаю то, что ты меня будешь видеть. До этого времени никто меня не видал. Увидит тот человек, который только умирает.

И вот смерть ушла прочь. Этот купец видит, в какой дом смерть идет. Вот время идет, пришла очередь и купцу умирать. Вот смерть приходит и говорит:

— Ну, кум, пришла твоя очередь умереть.

— Что ты, кум, это можно отсрочить. В такой жизни да умирать. Ты иди к бедным.

— Ну ладно, кум, живи еще три года.

Три года проходят у купца быстро. Смерть опять и идет.

— Ну, кум, я пришла за тобой. Вместо тебя многих сунула[1]. Придется тебе теперь умирать.

— Ну что ты, кум, еще есть заменить кроме меня. Ну, кум, отсрочь еще года на три.

— Не могу, кум, ведь это дело дойдет до всевышнего, могут меня рассчитать с работы. Ну, на год еще, кум, даю тебе так и быть рассрочки, а больше нет.

Вот год проходит у купца быстро, в особенности перед смертью. Опять смерть через год и приходит.

— Ну, кум, я пришла за тобой.

— Ну что ты, кум, еще отсрочь мне.

— Не могу больше, кум.

---

[1] Уморила.

— Дай мне сроку три месяца именье роздать.

— Ну, кум, это последний раз.

За это время купец роздал кой-кому именье, остальное сыну, а сам себе сделал гроб, поставил его в комнату. Гроб стоял на одной ножке. В этом гробу была кнопка, как кнопку нажмешь, гроб повернется. А кум знал, что смерть всегда приходит с головы.

Прошло три месяца. Кум идет, а купец лежит уже в гробу. Смерть приходит и говорит:

— Ну что, кум, приготовился умирать?

— Да, кум, приготовился, лежу дожидаю тебя в гробу.

Вот смерть только хочет подойти с головы, купец нажал кнопку, гроб повернулся к смерти ногами. Как только смерть к головы подходит, купец нажмет кнопку, гроб опять и повернется. И вот смерть целый день промучилась, все хотела голову достать у купца, но ничего не могла. Тогда она пустилась на хитрость и говорит купцу:

— Ну, кум, уж коли ты сумел меня перехитрить, то ты живи теперь, как Кощей Бессмертный, больше я к тебе не приду. Давай, вылезай из гроба и попрощаемся.

Поверил купец. Вот как тольки из гроба вышел, смерть его схватила и умертвила.

9. [ГОЛОДНЫЙ ПОП (ИЛИ БАРИН) НА НОЧЛЕГЕ]

Вот жил-был барин. У этого барина был работник, Офоней звали. Вот этот барин задумал ехать к теще в гости. Офоне велел заложить тройку лошадей в тарантас и поехали. Попадается им мужичок навстречу. Барин и говорит Офоне:

— Офоня, останови лошадей.

Офоня остановил лошадей, когда барин поравнялся с мужиком.

— Вот что, мужичок, скажи, кто умный, барин или мужик?

Мужик отвечает:

— Мужик умный и барин полуумный.

И пошел прочь. А Офонька скорей лошадей погнал, барин и поехал. Вот уж барин отъехал немного места и раздумалсе, как это мужик умный, а барин полуумный? Барин и говорит своему кучеру Офоньке:

— Ну-ко, Офоня, останови лошадей.

А мужик этот, что который с има повстречался, вернулся обратно, идет навстречу барину. Вот этот мужичок, когда поравнялся с барином, барин его и спрашивает:

— Мужичок, ты не видал одного прохожего?

— Видал, — говорит.

Барин и говорит своему кучеру Офоньке:

— Отстегни лошадь, пусть этот мужичок догоняет того пешего и приведет сюда, я спрошу, почему барин полуумный.

Мужик этот лошадь взял у барина и поехал. Отъехал, завел эту лошадь в сторону в лес, привязал к лесины и вернулся обратно. Барин его не узнает. Барин и спрашивает:

— Мужичок, не встречались тебе один конный, другой пеший?

— Встречал, барин, — говорит, — встречал.

— Вот что, мужичок, возьми у нас лошадь и догони, и приведи конного и пешего сюда.

Мужичок взял лошадь и поехал. Вот приезжает к тому месту, где оставил первую лошадь, привязал вторую, снял со себя кафтан и пошел обратно. Идет, барин его и спрашивает:

— Мужичок, ты не видал одного пешего и двух конных?

— Встречал, барин, встречал.

— Так вот что, мужичок, возьми у меня лошадь и приведи сюда одного пешего и двух конных.

Вот это мужичок приводит третью лошадь, отвязывает двух и ведет к себе в деревню. А барин на дороге в тарантасе сидел, сидел, ожидал, никого нет, ни конных, ни пеших. Вот барин и говорит своему кучеру Офоньке:

— Ну что, Офоня, придется нам трогаться, запрягайся в тарантас и тащи тарантас.

Вот Офоня запрятся в тарантас, а барин пошел пеша. Вот Офоня немного потащил тарантас, барину и говорит:

— Барин, у меня плеча смозолило, стравило, не могу больше тащить.

А барину не хочется оставаться на ночь на дороге в открытом поле. Вот он и говорит:

— Ты, — говорит, — Офоня, иди сзади, а я запрягусь и потащу тарантас.

Вот барин запрягся в тарантас и потащил тарантас. А Офонька пошел сзади. Офоня от барина отстал далеко. Барин и кричит ему:

— Эй, Офонька, ты чего отстал?

— Не могу, барин, идти, ноги смозолил.

Вот барин его обождал и опять пошел. Офонька опять отстал от тарантаса. Барин опять и кричит:

— Эй, Офонька, ты чего отстал?

— Не могу, барин, совершенно идти.

Вот когда Офонька подошел к тарантасу, барин и говорит:

— Ну, Офонька, садись в тарантас, раз идти не можешь, а я тебя повезу.

Вот Офонька сидит в тарантасе, а барин его тащит. Вот они поле проехали, заехали в лес, а до деревни еще далеко. Барин и говорит Офоньке:

— Что, Офонька, переночуем здесь?

— Да что, барин, переночуем.

Вот Офонька разложил костер и сидит у костра. Барин Офоньке и говорит:

— Ну, Офоня, я сейчас повалюсь спать, а ты давай лай, как дворовая собака, волков пугай.

Офонька применится лаять, как дворовая собака, никак не выходит у него. Вот барин сидел, сидел у костра, а недалеко от огня был пень. Барин Офоньке и говорит:

— *Офонька, там что, волк?*

— Да, волк.

— Ну, ты лай по-собачьи, — барин Офоньке и говорит, — чтобы волк не пришел ближе.

Офонька применится, никак не может лаять. Барин тогда и говорит:

— Ну, Офонька, ты тогда ложись спать, а я тогда буду лаять.

Вот Офонька повалился спать в тарантасе, а барин всю ночь лаял. Вот когда рассвело, Офоня проснулся в тарантасе, барин и говорит ему:

— Офоня, это пень?

— Да, пень.

— Эх, черт побери, напрасно я всю ночь пролаял.

Вот барин Офоне и говорит:

— Здесь до деревни не особенно далеко, нам тарантас самим тянуть неудобно. Как мне, барину? Ты, — говорит, — сходи в деревню и купи тройку лошадей, вот тебе денег триста рублей.

Дал барин Офоне денег триста рублей, Офоня пошел покупать лошадей. Вот Офоня пришел в деревню, купил тройку лошадей и, хитрый, купил за сто, а двести себе сэкономил. И приводит этих лошадей к барину. Запрягли этих лошадей и поехали. Приехали в деревню, не остановились, проехали в следующую, в следующей у барина теща. Вот они

за день до второй деревни добраться не могли, так как лошади плохие были, пришлось им опять ночевать. Недалеко от дороги стоял стог сена. Завернули они к этому стогу сена и поставили лошадей. Барин Офоньке и говорит:

— Ты, — говорит, — Офонька, дежурь, а я повалюсь, и можешь ты, конечно, повалиться. У меня есть спальный мешок, залезу и ты завяжи этот мешок.

Вот барин залез в мешок, Офонька завязал этот мешок. Барин спит в мешке. Офонька и думает: «Давай настегаю я барина плеткой». Вот Офонька и заговорил, как будто бы пришел хозяин этого стога. Взял погонялку и давай по этому мешку стегать:

— Эх, вы, — говорит, — мерзавцы, к чужому стогу поставили лошадей.

Стегал, стегал барина в мешке Офоня и себя по тулупу тихонечко хлопает.

— А ты, — говорит, — кучер, что смотришь, чужим сеном лошадей кормишь?

Вот когда рассвело, барин в мешке зашевелился и кричит:

— Офоня, живой?

— Живой, барин, живой.

— Ну отвяжи меня, — говорит.

Вот барин из мешка вылез, Офоне и говорит:

— Ну, — говорит, — Офоня, мне и попало сегодня, насилу, насилу, вытерпел.

Офоня и говорит:

— Ну и мне тоже попало крепко.

Вот они приехали к теще в деревню. А барин крепко есть хочет, двои сутки, а барин еще не едал нисколько. Вот когда они приехали к теще, теща давай скорей кормить зятя. А зять приехал очень сердитый, с тещей не говорит ни слова, одно только и знает бормочет. Теща у Офони и спрашивает:

— Чего барин-то бормочет?

Офоня и говорит:

— Спать хочет барин.

Вот теща приходит и долагает[1]:

— Зятюшко, постель готова.

А зять дожидает, что теща вот-вот скажет, что иди кушать. Вот барин повалился спать. Наутро встал и там про себя что-то опять бормочет. Теща у Офони и спрашивает:

— Что барин бормочет?

— В баню хочет.

Вот теща натопила баню, зятю и долагает:

— Зятюшко, иди в баню.

[1] Докладывает.

Зятюшко голодный-голоднешенек. Ну что, пошел зять в баню. Вот пришел зять из бани сердитый-пресердитый. Теща опять у Офони спрашивает:

— Чего барин там бормочет?

— Да что, после бани опять спать хочет.

Вот теща барину и говорит:

— Вот, барин, постель готова, можете отдыхать.

И кормить не думает зятя. И вот когда в доме все улеглись, а барин голодный никак спать не может, приходит ночью к Офоне на кухню и будит его:

— Офоня, ставай, — говорит, — я есть хочу очень, где есть что-нибудь?

Офоня встал:

— Да что, барин, здесь нету в кухне хлеба, а вот я видел, — что теща горшок растворяла с тестом, уж если есть хочешь, так давай раствор хлебай.

— Да что ты, Офоня, неужели раствор хлебать?

— Ну, значит, плохо голодный. Я, когда голодный, все ем.

Прикушал барин раствору и не смог есть, Офоне и говорит:

— Ну, Офоня, запрягай лошадей, поедем домой.

И после этого барин никогда больше не ездил в гости к теще.

Андриан Егорович Стариков, 69 л.

10. МАРКО БОГАТЫЙ И ВАСИЛИЙ БЕСЧАСТНЫЙ

В некоторой деревне жил-был купец, звали его Марко Богатый. Вот этот купец торговал, ходил на корабле в море, привозил товар. Привозил товар и давал крестьянам и другим мелким купцам, которы забирали у него в долг. Вот этот Марко Богатый поехал собирать с купцей долги свои. Ну, вот заехал на постоялый двор и остановился на ночлег.

В то время у содержателя станции жена была беременна, родила сына, которому дали имя Василий. Вот этот Марко Богатый назвался крестным, а попадью приняли кумой. Вот крестят этого мальчика, пришел старичок и записыват. Вот он, Марко Богатый, и спрашивает, что дедушка пишет.

— Я пишу этому младенцу, како счастье будет.

Вот он и спрашивает этого старичка:

— Скажи, какое ему счастье будет?

— А вот счастье будет такое, что он завладат всем твоим именем.

Вот этому купцу стало завидно, что завладал этим именем и говорит этому хозяину:

— Слушай, кумушко, дай мне этого мальчика-крестника, я буду ростить. У вас большое семейство, воспитывать не можете.

Тот согласился отдать его. Вот он взял этого мальчика и не поехал деньги получать, обратно вернулся, поехал домой с ним. Едут по дороге, он и говорит кучеру:

— Поди, этого мальчика снеси в сторону от дороги, чтобы он там помер.

Кучер унес его в сторону, бросил и они поехали домой. А этот мальчик остался в лесу лежать. Вот прошло немного времени, той дорогой едут купцы, везут долг Марку Богатому. Один купец едет по дороге, а кучер и говорит:

— Слушай, хозяин, кто-то в стороне плачет, детский голос.

Хозяин и говорит:

— Пой[1], посмотри, кто плачет?

Тот приходит и говорит ему:

— Слушай, хозяин, там ребенок плачет.

Он пошел посмотреть, а ребенок лежит, под ним трава растет, кругом огонь горит. Вот они взяли этого мальчика и поехали вперед. Приезжают к Марку Богатому, остановились у его, выходят. Пришли к Марку Богатому в дом, а у него дочка, она на улице бегала. Вот бегала, бегала и услыхала, что в повозке детский голос плачет. Она прибежала к отцу и говорит:

— Папенька, маменька, к нам приехали купцы, а у них в повозке ребенок плачет.

Он и спрашивает купцей:

— Какой вы дорогою ехали?

Купцы говорят:

— Вот такой дорогой ехали.

— А что вы там видали?

Купцы говорят:

— А вот ребенка увидали, плачет он.

Он и говорит им:

— Отдайте мне вашего мальчика, я прощу все долги ваши, только его отдайте.

Купцы согласились и отдали ему. Он приказал принести бочку с железными обручама. Вот этого мальчика посадили в бочку, закрыли бочку и спустили с пристани в воду. И бочку несло, несло по морю, принесло к одному монастырю. Вышел монах за водой, услышал детский голос, вернулся обратно и говорит:

---

[1] Пойди.

— Отче игумене, детский голос плачет там.

Вот они пошли смотреть, видят бочку, вытянули бочку, раскупорили, видят там ребенок в этой бочке. Они принесли его в монастырь и начали растить, поить, кормить. Кормили, поили, вырастили до пятнадцати лет, тогда стал он у них ключником, сторожем служить в монастыре.

Вот Марко Богатый опять поехал путешествовать, долгов собирать и заехал в этот монастырь. Это и пало лицо подозрительно, ключника этого, сторожа. Он и спрашивает:

— Отче игумен, скажите, откуда этот юноша у вас?

Он и говорит:

— Этого юношу к нам принесло в бочке.

Они его выняли из бочки. Потом Марко Богатый говорит:

— Отдайте мне этого юношу, продайте, я вам новый монастырь сострою и снабжу вас всем товаром, имением на три года.

Вот они и отдали этого юношу. Он берет этого молодца и пишет письмо к своей жене:

— Милая супруга, вот я посылаю этого мальчика с письмом.

Пишет в письме, что «пойдете с ним на мыльный завод, толкни его в мыльный котел, чтобы он там погиб».

Вот Василий Бесчастный отправляется с письмом. Идет путем-дорогою, попадается ему старичок навстречу и спрашивает его:

— Василий Бесчастный, куда идешь?

— Я, дедушка, пошел, письмо понес Марку Богатого жены.

— Покажи-ка мне того письма, — говорит дедушка.

Он подает письмо, дедушка взял на праву руку, дунул, письмо открылось. Дедушка прочитал письмо и говорит:

— Вот, Василий Бесчастный, — говорит, — пишет Марко Богатый: «Возьми сходи на мыльный завод и толкни его в мыльный котел, чтобы он там погиб».

Дедушка взял письмо на праву руку, дунул, письмо закрылось.

— Иди, Василий, ничего не бойся.

Вот приходит Василий Бесчастный к Марковой жены. Она прочитала, и в письме оказалось, «что как приедет этот юноша, сейчас обвенчай с дочерью, не медли ни часу». Вот они весело пирком свадебным начинают играть. Сыграли свадебку и дожидают Марка Богатого. Приходит Марко Богатый на кораблях домой. Они выходят встречать его на пристань. Вот он видит, идет жена его и дочь, и зять идет. Он говорит жены:

— Что ты сделала, я в письме тебе писал не так.

Вот жена и говорит ему:

— Как, муженек? Вот письмо.

Взял Марко письмо и читает.

— Ах, черт, — говорит, — писал не так, а родилось другое.

Вот и живут несколько времени. Вот задумал опять Марко Богатый уходить Василия Бесчастного. Призывает его и говорит ему:

— Вот, милый зять, нужно снести письмо царю-змею и просить дань за то, что он построил на земле моей дворец и узнать о двенадцати кораблях моих, где они погибают.

Вот Василий Бесчастный отправился в путь-дороженьку. Идет путем-дорогою, стоит дуб на дороге. Дуб спрашивает:

— Василий Бесчастный, куды пошел?

Он не обращает внимания и все идет путем-дорогою.

Опять дуб закричал:

— Куда идешь, Василий Бесчастный?

Посмотрел Василий Бесчастный кругом и думает: «Кто меня спрашиват?»

Потом спросил:

— Кто меня спрашивает?

— Я спрашиваю, я, дуб. Куда идешь?

— Пошел к царю-змею узнать о двенадцати кораблях и просить дань с него.

— Василий Бесчастный, — сказал дуб, — скажи царю-змею, что стоит дуб триста лет, долго ли ему еще стоять?

Вот и пошел Василий. Пришел к речке, перевозит перевозчик тридцать лет и спрашивает его:

— Куда, Василий Бесчастный, пошел?

— Пошел к царю-змею с письмом Марка, узнать о двенадцати кораблях и просить дань с него.

Перевозчик перевез Василия и говорит:

— Слушай, будешь у царя-змея, спроси у него: перевозит перевозчик тридцать лет, долго ли ему еще перевозить?

Вот пошел путем-дорогою дальше. Приходит к царю-змею на дом, приходит, царя-змея дома не было. У царя-змея была украдена одна девочка, принесенная ему. Вот она и говорит ему:

— Куда, Василий, пошел?

Говорит Василий:

— Пошел к царю-змею узнать о двенадцати кораблях и просить дань с него.

Она его напоила, накормила и уложила в ящик спать, прикрыла его. Прилетел царь-змей, говорит:

— Фу, фу, русским духом пахнет.

— Кто-то сюда приедет, одна я глупая зашла сюда. Никто и не приедет сюда.

Вот она напоила царя-змея с дороги и положила спать его и говорит царю-змею:

— Я видела сон, как будто я шла и видела дуб, и говорит дуб: «Стою я триста лет, долго ли мне еще стоять ли нет?» Потом шла и видела перевозчика и спрашивает он: «Перевожу я тридцать лет, долго ли мне еще перевозить?»

Вот он и говорит ей:

— Кто пойдет к речке, перевозчик сядет на нос, а тот на корму и выйдет, то тому и оставаться перевозчиком. Потом пойдет дальше, подойдет к дубу, толкнет его левой ногой, дуб упадет, и под дубом окажется яма, полная золота.

Царь-змей заснул, значит. Она его выпустила из ящика и говорит:

— Слышал, Василий Бесчастный, как мы говорили со змеем?

— Слышал.

Вот она его выпустила, и он пошел путем-дорогою обратно. Приходит к речке и перевозчик спрашивает:

— Ну что, Василий Бесчастный, царь-змей сказал?

— Перевези меня сначала, а потом я тебе скажу, а раньше не скажу.

Вот он перевез его, и говорит Василий Бесчастный:

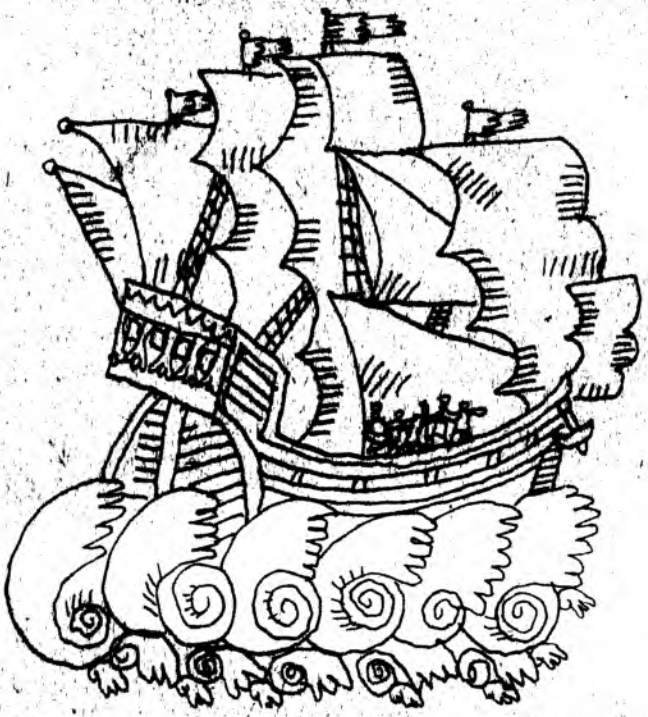
— Слушай, друг, как придет после меня кто первый, то перевезешь его. Его посадишь на корму, а сам садись в нос. Как перевезешь его, отпихни от берега и пойди домой, а он останется перевозить.

Василий Бесчастный пошел путем-дорогою вперед, дальше. Дуб спрашивает:

— Ну, что, Василий Бесчастный, царь-змей сказал?

Вот он и пришел к дубу, толкнул его левой пятой, левой ногой, дуб упал, под дубом образовалась большая яма золота. Вот Василий Бесчастный смотрит, идут двенадцать кораблей Марка Богатого. Погрузил на эти двенадцать кораблей все золото и приходит к Марку Богатому. Значит Марк Богатый увидел, что пришел Василий Бесчастный, зятюшко евонный. Вот он не пошел смотреть кораблей своих, а пошел прямо к царю-змею. Вот пришел к речке, перевозчик стал его перевозить, посадил его на корму, сам сел в нос. Повез, сам вышел на гору, а его отпихнул и пошел домой. Марко Богатый остался перевозчиком. Василий Бесчастный взял все богатство Марка Богатого и стал жить-поживать и добра наживать. И по сей день живет, нас переживет.

КЕМСКИЙ РАЙОН



ГРИДИНО

Анна Ивановна Иванова, возраст неизвестен

11. [ЧУДЕСНЫЕ ДЕТИ]

Жил-был царь. У царя был сын, запросил он жениться. Папаша приказал, чтобы в городе огня не было видно вечером. Приказал сыну:

— Где найдешь огонек, там и невеста тебе, там и женись.

— Ну ладно, — отвечает сын.

Вот ходил-ходил сынок, все огни притушены. Глядит — огонек позади города горит в избушке. Вот он пошел к избушке и под нею стал. Вот видит, сидят три сестры, сами рассуждают. Старшая говорит:

— Если бы меня Иван-царевич взял, я бы вышила ковер-самолет.

Втора говорит:

— Кабы меня Иван-царевич взял, я бы вышила ширинку шелком.

А третья, меньша, говорит:

— Как бы меня Иван-царевич взял, я бы принесла ему в трех брюхах по три сынка, девять сынков, как ясных соколов, во лбу солнце, в затылке месяц, по косицам часты мелки звездочки.

Жених-то под окном и слушает. Как она проговорила, он и скажет:

— Ух, не отпирайся.

Приходит к ним в комнату, потом домой ушел, ночь проспал. Утром к отцу приходит и говорит:

— Батька, позволь мне таку взять.

Привел невесту, взяли да и повенчались. Вот она забеременела, в положении. Прошло сорок недель, она и принесла. В байну привели, она там и принесла. А яженя идет к Ивану-царевичу.

— Куда идешь? — говорит яженя.

— Я, — говорит, — иду за бабкой.

Яженя и говорит:

— Возьми меня.

Ну он и взял. Взял привел в байну, а женка сидела в байне, она и пикнуть не смела (досельны люди не таковы, как теперь), когда яженя утащила сынков в чистополье и превратила в кошечек, и приносит Ивану-царевичу.

— Ты, — говорит, — хвастался, что она принесет трех сынков, а она вот каких принесла.

Иван-царевич пожалел, да нече уж делать, сделанного не изменишь. Вот он опять поплыл, яженя обернула детей волками в чистом поле, и остались они в чистом поле бегать, день волками, а ночью соколами.

Вот опять баба (жена) была-побыла, побыла и притащила через сорок недель трех сынков в байну. Пошел Иван-царевич бабку искать, а ему навстречу яженя. Она его поджидает. Прошел он мимо ее, а она бежит вслед за ним и говорит:

— Возьми, Иван-царевич, меня.

Ну он и взял. Пришли в байну и не смотрит, что хошь там родилось, оставил яженю и ушел. Вот она взяла трех сынков, принесла ему собачьих щенят.

— Вот ты, Иван-царевич, форсил, что она принесет трех сынков как ясных соколов, в брюхах, а она вот что тебе принесла (а трех унесла в чисто поле, обернула волками), щенят малюсеньких. Было-побывало, понесла опять баба, забеременела, через сорок недель она опять приносит детей (ушла в байну и там приносит) и говорит Ивану-царевичу:

— Ищи бабку.

А сама двоих притащила, а третьего в косу заплела. В косу заплела, а бабка-яженя приходит и спрашивает:

— А где третий?

А она и говорит:

— Нет, бабушка, двоих только принесла.

Двоих брала яженя да в чисто поле, и обернула волками, на день волки, на ночь соколами. Вот затем приносит щенят, котят, показывает:

— Вот, любуйся, ты говорил, что она принесет девять сынков — ясных соколов, а она принесла тебе восемь.

Иван-царевич задумался. Взял бочку, положил в нее на три года хлеба, пищи, закупорил жену и спустил в море. В море спустил, вот их потащило, носит да носит по морю. Она (жена), как спустил ее в море, расплела косу. Ребеночек растет не по дням, а по часам. Их носит по морю, он и говорит матери:

— Кабы погода пала, нас на берег принесло и разбило.

Она скажет:

— Из твоих уст да богу в уши.

И затем погода пала, прибило бочку, разбило. Они да и вышли на остров среди моря. Корабли мимо ходят а не приворачивают (пустой остров). Сыну да и скажет мать:

— У отца твоего есть полаты, белокаменные, гавань, корабли, все есть у твоего папаши, слуги, прислуги.

Он ходил, ходил и говорит:

— Как бы это у нас было.

А она и говорит:

— Дитятко, из твоих уст да богу в уши.

Все и появилось. У них стало и гавань, и пристань, полаты на берегу раскинулись. Теперь идет по морю корабль и приворачивает на остров в гавань. Узнали, кто живет здесь, сын с маткой, кухарки-работники. Все, что у царя есть, то и у них. Вот приходит корабль в гавань к царю. Вот он и спрашивает:

— Чего хорошего на Руси?

(А царь взял бабку-яженю замуж, так они и живут). Вот яженя и ругается, что царь спрашивает «что хорошего на Руси». А они отвечают:

— Да вот на море остров есть. На веку ничего не было на нем, птицы не было, а теперь живут няньки, кухарки, с матерью с сынком.

Вот корабль обратно идет от города и приворачивает к острову в ту же гавань. Он и скажет:

— Матенька, кабы нам такой корабль.

Она и говорит:

— Дитятко, из твоих уст да богу в уши.

У их корабль и сделался. Идут снова другие корабли, идут и приворачивают к им. Притворили и ушли к царю в гавань. И спрашивает царь:

— Чего хорошего на Руси деется, когда ходите вы по морю?

Они рассказывают, что на острову живут люди. У них есть все, что есть у царя, чисто поле и все на свете. Яженя и ругается на царя, что он спрашивает у каждого прохожего, у проезжего, что ей не по душе.

Сынок и скажет матери раз:

— Как бы мне папашу увидать!

Она скаже:

— Яженя тебя уходит, не ходи.

Но потом согласилась. Вот затемнело, мать обернула его комаром. Вот затематко[1], когда приворотил корабль, он к папаше поехал на корабле, которые пришли к папаше. Вот комар на оконницу сел и слушает, что говорят матросы в палате. А они зашли к царю, вот он и спрашивает:

— Что есть на белом свете?

А они и отвечают:

— Есть дом, палаты, корабли на острове, в палатах все то, что у царя есть.

А яженя похвастала:

— У меня, у брателка, есть бык, на хвосте байна, на середки озеро, а на голове церква. В байне помыться можно, в озере покупатися, в церкви помолитися можно.

Вот затематко он слушал-послушал. Матросы вышли на корабль и ушли в море, и на остров пришли. Пришел сын к матери и говорит ей:

— Яженя хвастает: «есть у меня бык у брателка, на хвосте байна, на середке озеро, а на рогах церква; в байне помоются, в озере искупаются, в церкви помолятся. Вот затематко, матенька, — скажи он, — кабы у нас».

Она и говорит:

— Из твоих уст да богу в уши.

У их это сделалось тако́. Было-побыло, корабли опять пришли, приворотили и опять в город ушли. Вот опять он у матери просится:

— Матенька, отпусти меня к отцу.

Вот она его отпустила. Он опять комариком сделался. При-

[1] Затем.

шли корабли. Он как и раньше на оконце сел. Рассказывают матросы, что есть на острове что угодно. Она опять, яженя, захвастала:

— У меня, у брателка, есть озеро хрустальное, берега кисельные, ложки серебряны, хлебай сколько хошь да убыли нет.

Пофорсила, пофорсила яженя, и затематко корабли обратно ушли. Приплыл с кораблем сынок материнский и говорит ей, что рассказала, форсила яженя.

А она отвечает:

— Из твоих уст да богу в уши.

Вот затематко опять корабли приворотили к ним. Он задается[1]:

— Матенька, спусти меня.

Она опять отпустила. Вот он затематко на окошко комариком опустился и слушает, что говорят. Все рассказали матросы царю, что есть на острове озеро хрустальное, берега кисельны, ложки серебряны, хлебай сколько хочешь. Вот затематко яженя и скажет:

— У моего брателка есть восемь сынков, как ясных соколов, днем волками, а ночью соколами становятся.

Ну ладно, сказка-то скоро сказывается, а дело-то не скоро делается. К матери приезжает сын на пароходе и говорит:

— Матенька, вот яженя похвастала, что есть восемь сынков, как ясных соколов, у ей брателка, днем волками, а ночью молодцами.

— Вот, дитятко, — отвечает ему мать, — это твои брателка, а мои дети.

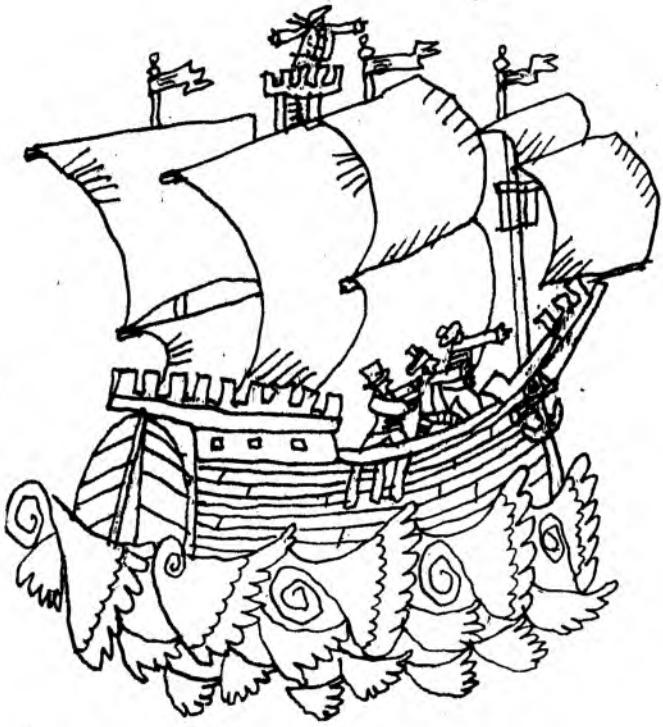
Вот взяла из титок молока нацедила, восемь колобков сделала, слепила и говорит:

— Пойди в чисто поле, сядь под вершинку елки, они ночью прилетят, обернутся соколами.

Вот он на корап сел да и ушел и не идет к отцу, а велел матросам в гавани дожидаться, а сам ушел. Прошел вдаль, вечер пришел, под лесину сел. Восемь волков прибежало, о землю хлопнулись, молодцами обернулись. Затематко они поели попили и легли спать. Он положил под подушку каждому по колубку. Перетряхнули изголовья братья его. Увидел один колубок, съел, капли молочка на губах только остались. Затем все семеро съели по колубку и больше обернуться не могут. Вот затематко они думают, как бы им к маме попасть. Затематко вышел девятый, поздоровался с ними, поцеловался, затем, он их взял и увел на корап. Приходят к матеньки, мать обнимали, целовали. Вот затематко живут они преспокойненьк-

[1] Просится.

ко. Корабли ходят мимо, приворачивают в гавань. Вот эта весть дошла до царя, что у царицы на острове есть девять сынков. Ну ладно. Яженя и задумалась. Жили-пожили, вот думают сыновья: «Как нам папашу достать?» Вот они собрались, сели на свой корап и мать тоже ихняя, поехали, вся семья за отцом. Идут к царю в гавань. Пришли в гавань, выстлали сукно. Затем сыновья расстреляли яженю, а царя увезли туда на остров и стали потом жить-поживать да добра наживать.



КАЛГАЛАКША

Анастасия Ивановна Ефремова, 72 г.

12. ИВАН-ЦАРЕВИЧ И ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕБЕДЕЙ

Жил-был царь, у него было три сына. Младший сын стал проситься у отца идти на охоту, отец дал ему стрелу, и он пошел. Пришел к морю. Ходил-ходил по берегу, видит, купаются двенадцать лебедей, он и сел под кусты. Сел и караулит. Вот эти лебеди вышли с озера и сняли перья со себя и обратились все красавицы-красавицы, двенадцать красавиц. Вот Иванушка подкрался к одной и взял да ухоронил эти перышки. Все как залетали, полетели да стали одеваться, а у одной нету перышков, тут она и осталась на берегу, стала просить Ивана-царевича, чтобы он отдал ей перышки. Говорит, что «я к тебе приеду через два года, дожидай меня на этом самом месте».

Вот проходит два года, Иван-царевич походит и берет с собой дядю к морю. Пришли и сидят под кустиком, под тем самым, под которым он спрятал перышки. Вдруг видит он, как тычинки в море, идут корабли. Приехали. А дядя взял пошутил, воткнул сонные булавочки ему, и он заспал. Вот она приехала, его будила, будила, будила, будила, никак не могла разбудить, как его ни будила. Записку написала и в карман сунула. «Жди меня через три года, я приеду на трех кораблях».

Вот проходит три года. Иван-царевич в поход собирается. Опять дядя с ним походит. Пришли к морю, сидят, а там плывут три тычинки. Идут три тычинки, идут. А дядя опять пошутил, взял да и засыпил Ивана. Вот она приходит, его будила, будила, уж кусала, щипала, всяко, ну никак не могла разбудить и написала записочку: «Жди меня через три года, на девяти кораблях приеду».

Вот три года проходит. Иван-царевич опять походит к морю. И опять дядя с ним идет. Приходят, глядят, девять тычинок в море идет. Опять дядя пошутил, воткнул булавочки, он опять заспал. Она пришла, уж будила, будила и написала записку, что «больше тебе не видать меня никогда». И ушла. Вот проснулся Иван-царевич, прочитал записку и стал горевать, очень горевал. Пошел в кузницу, сковал трои лаптей железных, три посоха, шляпу, кафтан и три просфиры железны сковал. Вот и пошел искать свою царевну. Шел, шел, шел, стали лапти и протаптываться, посохи подламываться, стало шляпу дождем пробивать и просфиру одну оглодал. Идет, а ему лев-зверь навстречу.

— Лев-зверь, я тебя убью.

— Не убивай, я твоему горю помогу.

И отпустил зверя. Вот и пошел дальше. Шел, шел, вот медведь идет навстречу.

— Медведь, я тебя убью.

— Не убивай, я твоему горю помогу.

Он и медведя отпустил, не убил. Опять шел, шел, шел, уж две просфиры съел и посохи подломались, и лапти протоптались, вторые одел лапти и пошел дальше. Шел, шел, шел, щука лежит на песке.

— Щука, я тебя убью.

— Не убивай, я твоему горю помогу.

И щуку отпустил в море. Пошел дальше. Шел, шел, шел, пришел к избушке. Стоит избушка на курьих ножках, на берестяных пятках. Заходит в избушку, сидит старушка.

— Фу, фу, фу, фу, фу, добрый молодец, от дела лытаешь или дела пытаешь?

Вот он рассказал, как дело было, она его и послала.

— Иди, — говорит, — там живет моя сестра.

Дала ему клубочек с ниточкам.

— Куда клубок катится, туда и поди.

Вот клубок прикатился к избушке. Входит Иван-царевич в избушку. В избушке сидит старушка.

— Фу, фу, фу, — прядет прялки, — от дела лытаешь, али дела пытаешь? На Руси не бывала, русского духа не слыхала.

Вот он рассказал, что как было. Она отправила его дальше.

— Поди к третьей сестры, она туда раз в месяц ходит, твоя невеста.

Вот он приходит к третьей сестры.

— Избушка, избушка, повернись ко мне, к лесу глазами, ко мне воротами, чтобы было мне, доброму молодцу, зайти бы.

Избушка повернулась, он зашел в избушку, сидит старушка, золоту кудельку прядет.

— Тьфу, тьфу, на Руси не бывала, русского духу не слыхала. Откуда русский дух? Откуда, молодец, идешь? От дела лытаешь, или дела пытаешь?

Он рассказал ей.

— О, — говорит, — молодец, трудно дело это теперь. Она, — говорит, — когда приехала, очень тосковала и у ей тоска обрана, в утечье яйцо закрыта и в шкатульку замкнута, и ключик брошенной в озеро, а шкатулька — там стоит дуб высокий, и в этом дубу шкатулька, а ключик в море. (Ладно.) Надо, — говорит, — достать яичко, я сделаю яичницу, она тогда вспомнит про тебя.

(Ладно.) Вот он пошел к морю, сидит, сидит, думает: «Как это озеро переплыть? Никак не переплывешь».

Озеро очень далеко, а островок на озере, там дуб стоит. (Ладно.) Вдруг приходит лев-зверь.

— Ох, лев-зверь, помоги моему горю, перевези меня через море.

Лев-зверь и перевез его через море. Вот он приехал на этот островочек, а дуб такой, дак страшенный, глазам только померять, такой дуб большущей и толстой. Вот он и сидит горюет. Ну как быть? И на дуб-то ему не влезть, и дуба-то не сломать. Вот сидел, сидел, думал, думал.

— А, — говорит, — хотя бы медведь пришел да дуб у меня повалил.

Вдруг медведь явился. Явился медведь, дуб сронил, он взял шкатульку. Взял шкатульку, а шкатулька замкнута. Вот он и горюет.

— Ох, — говорит, — хоть бы щука да мне бы ключик принесла.

Щука пришла и ему ключик принесла. Вот он взял этот ключик и шкатульку и принес к этой бабушке. Бабушка эту шкатульку отомкнула, яичко выняла и сделала яичницу.

— Она, — говорит бабка, — придет завтра в головы искать у меня.

Вот она приходит к ним.

— Фу, фу, фу, бабушка, русским духом пахнет у тебя.

— Откуда у меня русский дух? Сама набегалась, наездилась на Руси да русского духу нахваталась, дак тебе все снится русский дух.

Вот поискала у ней голову, старуха вытаскивает яичницу из печки и говорит:

— Ну-ка, покушай яичницы-то.

— Нет, что ты, бабушка, я не ем, как я приехала, да у меня тоска обрана по Иване-царевиче, дак уж я с тех пор не ем яичницу.

— Ну дак хлебни ложечку.

Она ложечку хлебнула. Думала, думала, втору хлебнула. Думала, думала, третью хлебнула.

— Подавай мне откуда хошь Ивана-царевича.

А у ей Иван-царевич был овернутый булавкой и в стенку тыкнутой. Она вытащила булавку.

— Вот тебе Иван-царевич.

Ну они тут посидели, поговорили.

— Трудно, — говорит, — тебе взять меня у отца. Уж не умел взять, когда я к тебе приходила, а теперь очень трудно. У нас отец такой грозный и нас двенадцать сестер, все одного росту, одного волосу, одного голосу, одного взгляду.

Все были одинаковы. Ну вот. Вот он и приходит к отцу сватать ее. Вот он приходит к царю, а царь-то говорит:

— Да думаешь так тебе и достать ее? (Она сама младша была.) Вот я тебе задам задачу: вот завтра я их посажу всех в ряд и ты угадай, котора она. Всех их двенадцать, и все одного волосу, одного голосу, одного платья, одного взгляда, одного всего.

Вот она вечером пришла к бабушке и говорит ему:

— Слушай, я с левого бока буду третья, буду сидеть. Ты гляди, смотри не прозевай, а то прозевашь — голова с плеч. Вдруг как бела мушинка выскочит, буде виться надо мной, ты вставай и бери меня.

Ну ладно. Вот он приходит к царю. Царь высадил своих дочерей в ряд.

— Вот, — говорит, — угадай, котора она. Угадашь, так тогда все.

Вот он сидел, сидел. Ну все, все одинаковы. Что будет, то будет, раз сказала, что третья сбоку. Вдруг как бела мушинка выскочит, он говорит:

— Вот эта сама, — Марфида ее звали, — эта сама Марфида.

Царь тогда — делать нечего.

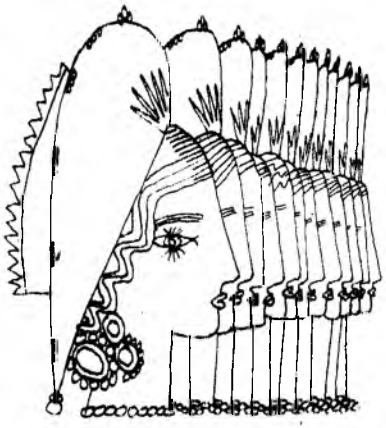
— Это, — говорит, — не твое все, а Марфидины выдумки, дочери.

Вот ладно. Ну, делать нечего — урядка. Урядка — матка. Утром царь встал и думат: «Еще каку-нибудь задачу дам». Она прибежала к бабушке и говорит:

— Давай, берем лошадей и поедем. А то, — говорит, — отец все равно не отдает за тебя.

Вот они взяли лошадей, бабушка взяла их на путь снарядила и поехали. Вот едут, едут, близко ли, далеко ли, она Ивану-царевичу говорит:

— Ну-ка, припади к земли, я чувствую, что за нами погоня едет.



Вот припал он к земли и говорит:

— Едут!

А она вдруг вскочила. Ивана-царевича да лошадь овернула часовенкой, а сама овернулась сторожем-старичком в часовенке. Вот приехали (он послал слуг) гонцы к часовенке и спрашивают:

— Не видали тут проезжих никаких?

— Нет, — говорит, — не видал (сторож-то отвечат).

Они обратно вернулись.

Они опять ехали, ехали, долго ли далеко ли, вот опять и слышат. Она говорит:

— Припади к земле, послушай, не едет ли погоня?

Он прислонился и говорит:

— Едут!

Она взяла и овернула его колодцем, а сама черпаком и старушкой овернулась. Вот она сидит у колодца, а эти приехали:

— Вы не видали тут проезжих?

— Нет, никого не видала, сколько лет живу, так никого не видала ни пройдучи, не проедучи.

Вот они обратно вернулись. Вернулись обратно к царю, а он и говорит:

— А тут-то она и была! (Этим-то слугам.)

Вот взял сам поехал этот царь. Вот поехал, оны слышат, что опять погоня едет. Она овернула лошадей да всех озером, а сама овернулась щукой, а мужа Ивана овернула окунем. Царь-то приехал к озеру и думат, что они тут. Он овернулся ершом, царь-то сам и спустился в озеро. Вот он по озеру хо-

дит, ловит окуня да щуку. Вот они его гоняли, гоняли и загнали под камень, камень в озере был, и загнали под камень. Щука-то окуню и говорит:

— Грызи ерша с хвоста, грызи ерша с хвоста.

Вот они и загрызли ерша, она с головы, а он с хвоста и загрызли. Отец и погиб у них тут. Они свернулись и поехали дальше. Поехали дальше, приехали в царство к Ивану-то-царевичу, стали жить-поживать да добра наживать.

Сергей Егорович Лукин, 89 л.

13. (ЦАРЬ И СОЛДАТ)

Встретились солдат и царь. Один говорит:

— Ты кто?

— Я солдат. А ты кто?

А царь отвечает:

— Я царский охотник, заблудился.

Вот они пошли. Шли-шли, в лесу темно стало, вдруг видят, вьется тропинка. Они по тропинке пошли, вскоре увидели огонечек. Поднялся царь на дерево посмотреть, а у него в кармане была закуска и бутылка с водкой. Когда царь лез, то солдат вынул из кармана и выпил водку. Идут дальше. Видят дом стоит большой, в дому огонек блестит. Ходили, ходили они, никак не могут зайти. Вдруг пришла девка, открыла калитку. Видит, один пеший, другой на коне, взяла коня у него убрала. Повела их девка в дом, а дом не пустой, разбойничий, шести разбойников, а их нет дома, не приехали еще. Кроме разбойничков живут в этом доме еще старуха и девка, открывшая им двери. Медленно сподобляют они пищу приехавшим.

— Нет, — говорит, — ничего у нас, — девка.

— Нет, — говорит старуха, — ничего.

— Съедят тебя мухи, — отвечает солдат.

Пошел к шкафу, отворил, видит — гуси жареные и другие яства. Поели, покушали.

— Давай нам место отдыхать.

Ну она повела их на чердак, где убивают. Подумала: «Не выскочат», и закрыла их. Царский охотник свалился и в момент заснал. А солдат не лежит, хотя тоже хочется повалиться. Он стоит осматривается, прислушивается, не спит солдат и думает: «Что будет?» А царский охотник храпит. Вдруг стук, гром, свист, едут шесть мужиков, шесть коней. Вот сказывает девка:

— Есть у меня двое «рябчиков».

— А где они есть?

— Да там, на чердаку.

— Ну пусть там будут.

Пришли в избу.

— Давай исть.

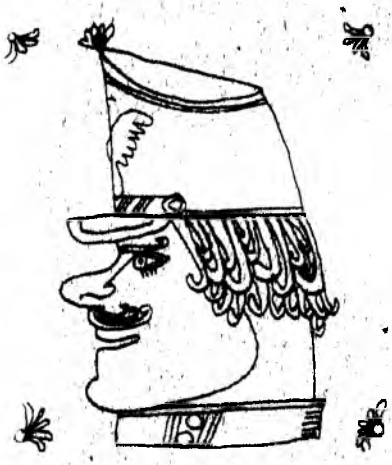
Но нет в избе жареных гусей. Девка и рассказывает:

— Приехали двое, один смирный, другой буйный, нахальный. У него вряд ли деньги, а у смирного, верно, деньги есть.

Вот послал атаман одного с топором, Гришу. Наказывают ему:

— Усмири их.

Полез один разбойник наверх тихошенько убивать. Солдат держит тесак, чтоб убить разбойника. Тот тихошенько голову просовал, а солдат тем временем голову отсек. Голова на чердак и покатилась, а туловище наземь, под крышу.



— Ну, не видать долго, — говорит атаман.

— Пойди, Андрюшка, туды, возьми топор.

А солдат думает:

— Еще пять человек есть. Пособи, господи.

Вот приходит другой. Попихал другой голову, а солдат тем временем и отрубил голову. Те ожидают, никак не могут дождаться разбойничка обратно и решили идти. Говорит тот атаман:

— Поди туды, что там за питье, угощенье, что медлят?

Тот побежал, стават потихонечку, чтобы не слышали. Стал, попихал голову, а солдат не дремал и отсек ему голову. И говорит:

— Господи, господи, пособи еще. Трое остались, троих убил.

Долго ничего не слыхать, не видать. Посылает атаман четвертого.

Пошел четвертый, попихал голову, а солдат и четвертому отсек голову.

— Пособи, господи, — просит у бога, — двое еще остались.

Время идет, атаман бесится. Дожидат, дожидат, а все не возвращаются посланные. Тогда говорит атаман:

— Бежи, Степан, возьми с собой большой топор.

Разбойник побежал к лесé. Вставал на лесу́. Тянется, тянется. А солдат не спит, царский охотник спит непробудным сном. Попихал голову разбойник, а солдат отсек ему голову.

— Ну вот немного осталось, всего один. Пособи, господи.

Побежал атаман сам. Прибежал туда к лесé, поднялся, попихнул голову, а солдат и отсек ему голову, туловище покатилось вниз. Сосчитал солдат головы. Шесть, кажется, больше нету. Разбудил он царского охотника и говорит ему:

— Спал бы я, как ты, то наши головы лежали бы здесь. Идем вниз, там никого нет, кроме женок.

Сходят они по лестницы, видят выглядывает из-за двери нема девка. Разозлился солдат, говорит:

— Съедят тебя мухи, обманула нас. Шайка оказалась вредная. А ну показывай, где живот.

Разозленный солдат повел, потащил бабку в кладовую, где находились капиталы. А девчонка нема с револьвером пришла, а солдат не видел, не догадался, он все наступал на старуху. Нема стрельнула сверху, но попасть не могла. Солдат трепал, трепал ее. Царский охотник стоит, а солдат пошел брать деньги. Брал, брал и предлагает царскому охотнику, а ему не надо. Солдат в голенище, куда сколько можно насовал денег и говорит:

— Ну, не надо денег, идем прочь.

Взяли свечи и зажгли дом. Сами пошли в другую избу и говорят:

— Пособи, господи, выйти из избы.

Царский охотник сел на коня, а тот тропинкой от дому на дорогу идет. Пришла дорога, показали им город. Царский охотник стегнул лошадь и уехал прочь, а солдат идет пешком.

Шел, шел, к городу подходит, а его встречают другие солдаты, без шапок стоят. Везде поставлены караульные, пускают его без денег в кабак.

— Съедят вас мухи. Знаете, что солдат хочет, и пускаете.

Пошел он затем в другой кабак. Его везде встречают радостно. Пьет, пьет и опьянел, стража караулит. Проснулся солдат и задумался. Думал, думал, ему говорят:

— Царь звал.

Задумался солдат.

— Вот беда, прямо к царю. Ну ладно.

Привели его, царь взял наградил его еще. Подолгу угощал, домой отправил, говорит:

— Спроводят тебя, сохранят.

Ну, затем домой его повели в построенный дом, и стал жить наш солдат да поживать, да добра наживать.

Капитолина Евдокимовна Редкина, 60 л.

14. ПРО ВОЛКА

Жили волк да лисица. У волка была изба сделана из хвои, а у лисицы изо льда. У лисицы-то, весна пришла, да изба-то и растаяла. Пришла лисица к волку даваться на фатеру:

— Кумушко, возьми ты меня жить, у меня изба растаяла.

А волк-то и говорит:

— А у меня маленька изба, у меня некуда взять.

А она-то и говорит:

— Да возьми ты, кумушко, хоть на порожечек меня.

Но он затем и взял ей. Она сидела колько-то дней на порожечки да забралась и в большой уголок, ведь она хитра, дак. Вот и повалились ночью спать, она и стукает.

— Кум, кум, тебя ведь в бабки зовут.

А кум и говорит:

— А пой[1] ты кума, помоложе меня.

А она-то высмотрела, что у волка ведро с маслом, забралась затем на подволок и начала там масло исть, поела масла и пришла, повалилась, а утро-то и пришло. Волк встает и спрашивает:

— Ходила ли, кума?

— Ходила.

— Кого бог дал?

— Зачиныша.

Опять и повалилась лиса, и стучит.

— Кум, кум, ты глухой, верно, бедной, тебя ведь в бабки зовут.

А волк и отвечает:

— А пой ты, кума, помоложе меня.

Она опять забралась на подволок да поела масло из середки, да опять пришла и повалилась. А утром-то встают, волк и спрашивает:

— Была ли кума?

— Была.

— Кого бог дал?

---

[1] Иди, пойди.

— А Середыша.

Из середки масла-то наелась, натрескалась. Опять и на третью ночь лисица стучит и волку говорит:

— Кум, кум, ты глухой, верно, бедной, тебя в бабки зовут.

— Поди, кума, помоложе меня.

Лиса забралась да все ведро и очистила, да и на... в ведро. Было-побыло, суббота приходит. Волк-то, утро пришло, кум и спрашивает:

— Была ли, кума, в бабках?

— Была.

— Кого бог дал?

— Оскребышка.

Было-побыло, суббота пришла, волк и говорит:

— А давай-ка ты, кума, будем блинов печчи. Я пойду за маслом, у меня цело ведро масла есть.

Сходил, а масла нету.

— Кума, верно, ты все масло-то съела.

— Нет, кум, не едала.

А сама говорит:

— Ты, верно, кум, съел да забыл.

А ведь лисица хитрая.

— Давай-ко, — говорит, — печь затопим да поставим задницы к огню, у кого масло побежит, положим по горшку, да.

Вот было-побыло, у лисицы горшок да полный натек масла. А лисица-то переставила волку, а сама и говорит:

— Посмотри-ко ты, кум, бедной, да ты, верно, масло-то съел, у тебя и вытекло, а кошки в ведро наклали.

Неча делать, волк и говорит:

— Так уж верно я масло съел да и забыл.

Так и обманула лиса волка. А масло-то благо натекло, так и блинов можно печчи.

Так бывало, ведь тоже лисица обманула и ворону. Сидит на зени да и сыр в роте держит. А лисица-то и говорит:

— Да кака́ ты красавица, да каки у тебя крылышки, да каки перышки, да какой у тебя голосочек, да, верно, у тебя ведь и ангельский и голосочек. А спой-ка ты, голубочек.

А ворона-то обрадовалась, что ей этак звеличивают, да как каркнула, а сыр-то и вылетел, да лисица и унесла сыр-то. Так-то эта хитруща лисица!

15. [ЕРУСЛАН ЛАЗАРЕВИЧ]

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был царь Картус Картаусович. У него были князи и богатыри, и был над князями князь и над богатырями богатырь Лазарь Лазаревич. И родился у Лазаря сын, имя положил он Еруслан Лазаревич.

И не по дням он растет, а по часам, как пшенично тесто на опаре киснет, так и он растет. И рос-повырос, стал на улицу побегивать и с князенецкими ребятами стал заигрывать, которого дернет за руку, у того рука повыдернется, у кого дернет за ногу, у того ногу подернет, одного пнет и той пойдет раскоряченный. И стали князи, бояры жаловаться Картус Картаусовичу.

— Ай же ты наш царь, Картус Картаусович, есть, — говорят, — над нами князь Лазарь Лазаревич, и родился у него сын Еруслан Лазаревич. И он-то порой шибко наших ребят обижает, надо его куды-нибудь за город отослать прочь. Если ты его не отошлешь, тогда мы не будем тебе служить верой и правдой.

Призывает царь своево любезного князя Лазарь Лазаревича и говорит:

— Ой же ты, князь Лазарь Лазаревич, над князями князь, над богатырями богатырь, и родился у тебя сын Еруслан Лазаревич, и он шибко обижат ребят князецких и боярских. Отослать его надо из города прочь, сработать ему за городом хижину и отослать прочь.

Ну и хорощо, Лазарь Лазаревич говорит:

— Помешал мой сын в городе, ну и пусть мешает.

А сам пошел Лазарь Лазаревич невесел и повесил буйну голову, и потупил ясны очи в сыру землю. И увидал его сын Еруслан Лазаревич.

— Что идешь, батюшка, невесел, буйну голову повесил и потупил ясны очи в сыру землю, что ты такой? — спрашивает Еруслан Лазаревич.

Ему отвечает отец, что «у людей родятся дети с молоду на потеху, под старость на замену и при смерти души на поминки, а ты, мое чадо, родилось, наверно, не на потеху, да не на замену, да и не при смерти души на поминки».

— Что же, батюшка?

— Ты помешал царю в городе, и царь тебя велит отослать прочь за город, потому что ты обижал князенецких ребят шибко. Они жалились царю.

Вот они сработали за городом хижину и отвезли его прочь. Он там жил-пожил и стал ходить охотничать. Ходит за охотами и смотрит, что пастух коней пасет, и подошел к пастуху и говорит:

— Здравствуй-ка, Ивашка — белая рубашка.

А он и говорит:

— Здравствуй ты, Еруслан Лазаревич.

А Еруслан Лазаревич и говорит пастуху:

— Как ты меня знаешь и по имени называешь, и по изотчину нарекаешь?

Он и говорит:

— Как я тебя не знаю, когда я у твово батюшки тридцать лет коней пасу?

Ну и говорит:

— Нет ли у тебя коня по мне?

А пастух и говорит:

— Есть у меня конь, который будет по тебе. Утром смотри, когда я их погоню поить. Этот конь идет попереди и забредет он в воду по брюхо и стане пить. Поколи[1] он воду сушит, пьет, за горами волки визжат, за морями звери кричат. Напьется, поворотится, прочь пойде, ты тогда, как можешь и хватай и бери себе. Ну и уж как хошь. (Ну ладно.)

Теперь они распростились с пастухом, и вот приходит Еруслан Лазаревич домой в свою хижину. Ну и утро уж проходит и Еруслану Лазаревичу не спится, подушка в головах валится и соболино одеяло с плеч валится. И Еруслан Лазаревич со спанья вставает и умывается, и вытирается. И смотрит Еруслан Лазаревич, как забрел конь по брюхо в воду и стал сушить по колени воду, и за горами волки визжат, за морями звери кричат. Ну и напился, поворотился, прочь пошел. Ну, и Еруслан Лазаревич пришел, и хлопнул его долонью, и конь на колено пал, и он заскочил на коня и поехал. И учил своего доброго коня, и конь его везде гнал по мхам, по горам да и по болотам. Ну и учил, и научил своно доброго коня: куды рукой покажет, туды и конь пойдет. Ну Еруслан Лазаревич научил своно доброго коня и поехал теперь к пастуху. Ну и говорит:

— Ивашка — белая рубашка, научил я теперь, Ивашка, своно доброго коня. Как мы ему, белая рубашка, имя дадим? — спрашивает Еруслан Лазаревич.

Он и говорит:

— Как же я могу наперед хозяина имя дать?

Ну Еруслан Лазаревич и говорит:

— Даем коню имя Ореш Орешович.

И Еруслан Лазаревич застегивал уздечку серебряну, покладал седелышко черкасское и распростился с пастухом, и поехал. Ехал-поехал по чистому полю и глядит: силы набито, как травы накошено. Еруслан Лазаревич голосом кричит и рукой машет.

— Есть ли в этой силы живой человек и кто эту силу билпобивал?

Там кто-то закричал:

— Эту ль силу бил Ивашка — русский богатырь.

— А где его найти?

— И поежджай вперед и там его найдешь.

Ехал-поехал, видит сила набралась еще больше того. И шапкой машет, и голосом кричит:

— Если в этой силе кто жив человек, и кто эту силу билпобивал?

---

[1] Пока.

Там закричали:

— Эту силу бил Ивашка — русский богатырь. Поеждяй вперед и там его найдешь.

Ну, он опять поехал. Ехал-поехал, пришло силы набито больше того, едва конь переступает. Опять же этой шапкой машет и голосом кричит:

— И кто эту силу бил-побивал?

А там закричали:

— Эту силу бил Ивашка — русский богатырь. Поеждяй вперед, там найдешь.

Вот и поехал. Ехал-поехал, глядит, стоит шатер. У шатра стоит лошадь, ест пшеницу белоярову. И Еруслан Лазаревич привязал своего доброго коня к той-то пшенице, и лошадь отодвинулась, гостя приняла, свою пшеницу отдала. Зашел в шатер Еруслан Лазаревич и глядит, Ивашка — русский богатырь спит. И вот подумал-подумал, как сонного убить? И решил, что не честь сонного убивать, не хвала молодечкая так первого богатыря убить сонного. И повалился тут Еруслан Лазаревич поряду спать. Ивашка — русский богатырь пробудился и говорит:

— Еруслан Лазаревич, давай пить.

А он говорит:

— Не честь, хозяин потчуешь. Лошадь твоя и то лучше моего коня приняла, отодвинулась от пшеницы и дала ему есть. А ты не чувствительный воин, — говорит Еруслан Лазаревич.

— Бой, — говорит Ивашка.

Он говорит:

— Бой, так бой.

Ивашка — русский богатырь вскочил прямо на коня и Еруслан Лазаревич тоже на своего и они поехали. Ивашка — русский богатырь отъехал дальше, а Еруслан Лазаревич стал своего коня променать[1], и стал его конь доскакивать да и проскакивать. Ну вот они и съехались. Еруслан Лазаревич копьем, тупым концом и выкинул Ивашку — русского богатыря из седла. Вылетел он, а конь Еруслана Лазаревича на грудь ступил, как гвоздем к земле приковал. Иван — русский богатырь закричал:

— Еруслан Лазаревич, спусти за живот, в живом больше корысти, чем в мертвом.

Еруслан Лазаревич сошел с коня и брал его за белы руки и целовал его сахарни уста. Они в чистом поле побратовались, Еруслан Лазаревич — старший брат, а Ивашка — русский богатырь — младший брат. Вот они воротились в шатер, воротились и стали пить да гулять. И стал Ивашка — русский богатырь спрашивать:

---

[1] Принуждать.

— Ты как ехал, видел ли ты там силы набито?

Он говорит:

— Видел.

— Я, — говорит, — сватаюсь у Феодула-царя на дочери, и он мне дочери не отдават, а всю силу выгонят. Еще раз как в четвертый выгонит всю силу и дочерь вывезет, как я всю силу приубиваю, тогда он мне своима руками дочь отдаст.

Ну, хорошо. Утро приходит, Ивашка — русский богатырь поеждяет воевать. Еруслан Лазаревич смотрит и сам поеждяет. И начал Ивашка — русский богатырь силу бить, как траву косить, ратников-богатырей пополам рубит. И всех поубивал. И царь ему отдал свою дочерь своима руками. И приехали они в шатер и стали пить, и гулять, и свадебничать. Ну и время пришлю, повалились молодые спать. И молодой стал свою молодую обнимать и целовать, и Феодуловной называть.

— Ой, же ты, моя Феодуловна, есть ли на свете красивей тебя, и есть ли храбрее моего брата Еруслана Лазаревича?

И она и говорит;

— Какая за красна и за хороша я от батюшки и от матушки слышала, есть в чистом во поле три девицы, в два раз и три раз краше меня. И я слыхала от батюшки, от матушки что есть богатырь Ивашка—белая рубашка и сахаринская шапка, и он только спит три часа в сутки и то стойком спит. У его сабля как вешна вода колыблется. И мимо его никакой зверь не пробежит, и никака птица не пролетит, и никакой богатырь не проедет.

Ну ладно. Еруслан Лазаревич все выслушал. Утро приходит. Еруслан Лазаревич глаза свои умывает и полотенцем вытирается, и поеждяет прочь. А брат его унимат:

— Еще поживи немножечко.

Он говорит:

— Я пожил так и будет. Гостя унимай, воли не сымай. Ты как женился и живи спокоем, а мне надо искать себе молоду.

Вот и поехал, заехал в чисто поле к трем девицам, двух выгонил, а одну стал целовать, миловать и говорит:

— Есть ли красивее тебя, а храбрее меня?

Она и говорит:

— Твоя храбрость — приехать к нам, к трем девицам, и хочешь всема повладать.

А ему эти разговоры не прилюбились. Он взял и голову ей свернул и другу призвал, и тоже стал целовать и миловать.

— И есть ли красивей тебя, храбрее меня?

Ну, она и говорит:

— Твоя храбрость — приехал к нам, к трем девицам, и хочешь всема повладать.

Ему тоже это не прилюбилось. Он взял да и голову свернул у второй и призвал третью девицу. Ей стал целовать, обнимать.

— Есть ли красивей тебя, храбрей меня?

Она и говорит:

— Я ничего не знаю, какова я за красна и за хороша. Я,— говорит, — от батюшки, от матушки слыхала, что есть Настасья Ахрамеевна в два раз и три раз краше меня, а тебя, богатыря, не слыхала. А от батюшки и от матушки я слыхала, есть Ивашка — белая рубашка, сахаринская шапка. Вот богатырь! В сутки три часа только спит у дуба стойком. Мимо его никака птица не пролетит, никакой зверь не пробежит и никакой богатырь не проедет, он все убьет.

Еруслан Лазаревич пожил с этой девицей, распростился с ней, поехал и сказал:

— Дожидай меня, я приеду, на тебе женюсь.

Ну и он поехал к этому богатырю и раздумал. «Я у отца и матери не благословился воевать». И воротил своего доброго коня и поехал к отцу, к матери в тот город благословиться воевать. Вот идет к отцу, к матери в тот город и глядит, едет по чистому полю и смотрит, как силы нагонено полно поле стоит, и подъехал он по красное солнышко и выехал из-под красного солнышка и говорит:

— Здравствуй, мой батюшка, Лазарь Лазаревич.

Отец и говорит:

— Откуда солнце воссияло и откуда ль мой сын Еруслан Лазаревич взялся?

— Что у вас заводится, батюшка?

— И заводится у нас война, Данила Белый нагонил силу и войну открыл.

— Спусти меня, батюшко, на поединок.

— Нет, — говорит, — ты сын младой. Я тебе не спущу. Данила Белый закричит по-звериному, засвистит по-змеиному. Ты испугаешься, из седла вылетишь.

— Нет, — говорит, — батюшка, спусти меня и благослови воевать. Благослови меня воевать.

Ну, отец его спустил и благословил, и он поехал воевать. И стал он бить воинов, как траву косить, разбойников-богатырей пополам рубить. И всех приубивал. И обратно приехал к отцу. Отец смотрит и говорит:

— Буде сын впору, так не хуже меня будет воевать.

И вот он жил-пожил у отца и матери и задумал прочь ехать. Они его не спускают. Отец не спускает, мать не спускает да и царь не спускает, и он говорит:

— Как я раньше царю в городе помешал, так и нечего задерживать меня, родные, и благословите меня воевать.

И распростился с отцом, с матерью и поехал воевать. Ну и поехал к Ивашке — белой рубашке и приехал к нему. А он у дуба стойком спит. Он его плетью чеснул.

— Ты, — как лошадь стойком спишь.

Он скочил прямо на коня и говорит:

— Еруслан Лазаревич, бой.

Он говорит:

— Бой, так бой.

Вот они и поехали. Они съехались, Еруслан Лазаревич копьем, тупым концом. Этот богатырь из седла вылетел, и конь к ему на грудь наступил и как будто гвоздем к земле приковал, и кричит:

— Еруслан Лазаревич, спусти-ка на живот. В живом больше корысти, чем в мертвом.

А Еруслан Лазаревич говорит:

— Не спущу тебя на живот, потому что в чистом поле многи девки знают тебя и все тобой похваляются. И взял у него голову отсек, ну и поехал прочь к Настасьи Ахрамеевны. Приехал к ей и начал ей целовать, обнимать:

— Есть ли красивей тебя, а храбрее меня?

Она говорит:

— Какая я за красна́, за хороша́. Я слыхала от батюшки, от матушки, что есть царь-девица и вдвое и втрое краше меня, а есть и богатырь Ивашка — белая рубашка.

Еруслан Лазаревич говорит, что он уже крепким сном спит.

— Я ездил да его и убил.

И вот он жил-пожил с этой Анастасьей Ахрамеевной и задумал ехать к царь-девице, и распростился с ней, с Ахрамеевной, и оставил ей свой именной перстень. Ну и поехал к царь-девице. Ехал-поехал и раздумал.

— Ведь я на женитьбу не благословился у отца и матери.

Воротился он обратно, поехал к отцу и матери благословиться на женитьбу. Ну и поехал. Ехал-поехал и приехал к своему городу к отцу, и глядит: и городу нету и город сожженный и с головешечек сложена хижинка. И в этой хижинке сидят там люди. Ну и говорит Еруслан Лазаревич:

— Кто первый город сожег?

И говорят эти люди:

— Еруслан Лазаревич, после тебя Данила Белый нагонил силу и твою матушку и царицу к смерти придал, а твоего

батюшка да и царя и двенадцать князей захватил, да и глаза выкопал, да в свою жилищу увез, да и город сожег.

Еруслан Лазаревич с има распростился и поехал к Данилу Белому в город, и прямо заехал в темницу, и вси замки переломал, и говорит:

— Здравствуй, мой батюшка Лазарь Лазаревич, и двенадцать вси князья, здравствуй, царь Картаус Картаусович.

Отец говорит:

— Да просмеется Данила Белый над нами. Кабы был сын Еруслан Лазаревич, там мы бы не лежали.

Он говорит:

— Я, батюшка, есть Еруслан Лазаревич.

Да не верит Лазарь Лазаревич, говорит:

— Ходит Данила Белый и обманывает, как будто бы сын приходил и уходил, испугался.

Отвечает ему Еруслан Лазаревич:

— Я твой, батюшка, сын, не приходил я раньше, а теперь пришел.

Тогда возговорит Лазарь Лазаревич:

— Если ты мой сын любезный, так съезди ты к огненному копью — каменному щиту, убей его и возьми желочь, помажешь им наши глаза, и будем мы тогда бравы и здоровы.

Ну и распростился Еруслан Лазаревич с отцом и поехал. Ехал-поехал, да скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, по успехам поправляется и вперед все подается. Вот и едет Еруслан Лазаревич и глядит, лежит голова пребольша-больша и тулово в стороны, и под тулово подкопы подкопаны, да с тем и лежит. Ну Еруслан Лазаревич поглядел и ничего не сказал, поехал вперед. И вдруг голова заговорила:

— Что, мне сказали, что Еруслан Лазаревич покорный да поклонный, а он мимо едет да не хочет шапки скинуть да и головы скривить. И я был не хуже тебя, а лежу, вот и тебе придется, как и мне лежать.

Становил свово доброго коня и пошел с коня, и шапку скинул, и поклонился Еруслан Лазаревич, и спрашивает:

— Кто ж есть живой человек?

А он говорит:

— Я есть Росланий-богатырь, и был я, — говорит, — не хуже тебя, да лежу, а придется и тебе лежать.

Он стал у него выспрашивать:

— Да ты чего здесь лежишь?

А он, Росланий-богатырь, спрашивает:

— Ты куда поехал?

— А я поехал к огненному копью — каменному щиту.

— Я, — говорит, — научу и на ум наставлю. Ты к нему поедешь, он тебя увидит, как ты едешь, ты с коня сходи, шапкой маши и голосом кричи: ваша светлость, я к вам еду, хочу служить верой-правдой. Он, — говорит, — тебя возьмет, и у него живешь-поживешь. Вон соберет пир, и на пиру люди соберутся, к нему на пир. И вон на пиру людей угощат, угощат, сам сбилéт[1], скраснéт и счернéт и во пол бросится, а ты не уходи. Все уйдут, человек по человеку, а ты не уходи и к нему подойди и скажи:

— Что же ваша за кручина, за печалина? Я вашу кручину ворочу на радость.

Вон вскочит на тебя, хватит саблю, и ты не бойся, скажи:

— Ты меня сдернешь, а сам больше меня погинешь.

Он остопорится, саблю кладет на гвоздь и станет спрашивать:

— Ты как ехал, не видал ли какого чертища?

Ты и говори:

— Я его видел.

А он и скаже:

— Там под ним мой меч, ты достань-ка мне этот меч.

Ну, он сказал:

— Я достану.

— И ты, — говорит, — если не достанешь, от меня никуда не уйдешь и под белый камень не ухоронишься. Я везде тебя найду и убью.

Он говорит:

— Ты скажи: достану.

Ну и распростился он с Росланием-богатырем, и поехал. Едет он. Увидал его едучи и идет ему навстречу. Еруслан Лазаревич увидел, что он идет к нему навстречу и сошел с коня, шапкой машет и голосом кричит:

— Ваша светлость царска, я к вам еду, хочу служить верой-правдой.

Ну, он его принял и взял к себе жить.

Жили-пожили, он собрал пир и созвал людей на пир, и все напились, напились, и он сам взбелел, и скраснел, и счернел, и об пол бросился вниз. И он к нему подошел и спрашивает:

— Что за ваша за кручина, за печаль? Я вашу кручину ворочу на радость.

---

[1] Побелеет.

Ну он скочил, саблю хватил, а Еруслан Лазаревич говорит:

— Ты не тронь меня, меня сдеремь, сам больше меня погибнешь.

Он остопорился и саблю на гвоздь клал, и стал его спрашивать:

— Ты как ехал? Не видал там какого чертища?

И он говорил, что «я видел».

— Он мой меч подобрал под тулово. Достань мне меч из-под него.

Он говорит, что «я достану».

— Ну и поезжай, доставай.

Ну, вот он поехал. Вот он приехал к Росланию-богатырю. Росланий-богатырь двинулся, ему отдал меч, и он поезжает с мечом. Росланий-богатырь скажет:

— Подожди, я тебя еще научу, он и с мечом тебя может убить, ты поедешь, он тебе навстречу подъедет и кричать будет: «Кидай сюда меч». А ты скажи, что на Руси не кидают, а из ручки в ручку подавают. Ты затем направься и подпусти поближе его, и кинь меч, да не прометь, а так, чтоб в лоб ему прямо попало. Ты как стегнешь его в лоб, он прямо с ног слетит и закричит: «Прибавь еще». А ты не прибавляй, а скажи, что у нас на Руси не прибавляют. «Один раз дают и тем и забавляются». И затем ты сходи с коня и за пучки волос его привяжи, и сам поезжай, и он буде кричать, а ты не прибавляй ему. Он пусть кричит, кричит и пропаде. Перестанет кричать, ты возьми распори брюшину ему и вынь желучь, и положь в бутылку, и как поедешь, меня не забудь — мою голову примажь к тулову и проклятую голову к туловищу. Я тогда буду бравый и здоровый, и тогда мы в чистом поле побратаемся.

Поехал и уехал Еруслан Лазаревич. Навстречу едет к нему и кричит богатырь:

— Кидай мне-ка меч.

А Еруслан Лазаревич говорит, что у нас не кидают, а из ручки в ручку подают.

Он подошел к нему поближе, он как стеганул, ему попало в лоб, и он с ног слетел, ну и закричал:

— Прибавь еще.

А Еруслан Лазаревич говорит:

— У нас на Руси не прибавляют, как один раз дают, так и тем забавляются (это не скажи).

И взял Еруслан Лазаревич привязал его за пучки. Он ревел, ревел да и пропал. Еруслан Лазаревич у его брюхо распорол и вынул желочь, и клал в бутылку, и поехал к Росланию-богатырю. И к Росланию-богатырю приехал, примазал голову к тулову, и Росланий-богатырь сделался бравый и здоровый. И они побратались с Ерусланом Лазаревичем. Еруслан

Лазаревич — младший брат, а Росланий-богатырь — старший брат. Ну вот, распростились и поехал к отцу Еруслан Лазаревич. Ну и приехал к темницы.

— Здравствуй, батюшка Лазарь Лазаревич, и все двенадцать князей, и царь Картаус Картаусович. И я приехал к вам с желочью.

И стал у отца глаза первые мазать, и отец сделался бравый и здоровый. И у всех князей помазал глаза, и все сделались видящие, и у царя Картуса Картаусовича помазал глаза. И сам выехал на чистое поле и кричит поединщика. Данила Белый силу нагоняет и на поле выгоняет силу. А Еруслан Лазаревич не убивает никого, а захватил Данила Белого и двенадцать князей и глаза выкопал, и в ту же темницу посадил, где отец сидел. И тут оставил отца в том городе жить и царя, царицу в том городе поставил, и сам благословился на женитьбу, да и поехал к царь-девице. Там и живет.

А у Настасьи Ахрамеевны ужо сын родился да и вырос уже. Она клала имя сыну Еруслан Ерусланович, и он стал на улицу похаживать и стал с ребятами поигрывать. Как отец обижал ребят, так и сын обижал ребят. И стали ребята его ругать:

— Ты выб.., ты заугольщина.

Вот парень приходит к матери и спрашивает:

— Есть ли у меня какой батюшка?

А мать и говорит:

— Есть у тебя батюшка, Еруслан Лазаревич. И уехал он к царь-девице и там живет, и нас позабыл.

Он говорит:

— Состряпай мне подорожников и дай мне коня и я поеду своего батю искать.

Мать и говорит:

— Куды поедешь, когда ты малый и глупый?

— Я поеду, — говорит сын.

И мать его отправила. Дала ему отцовский перстень именной на руку, и он поехал отца искать. И приехал чадь[1] в тот город и кричит поединщика. Царь-девица его не спускает, а Еруслан Лазаревич поеждяет.

— Не поеждяй, Еруслан Лазаревич, мы с тобой в город запремся и нас никто не убье.

И он ю[2] не послушал и поехал, и говорит:

— Я поеду и убью. Я по голосу слышу, что юноша малый. Я убью да и обратно к тебе приеду.

Вот и поехал и с этим парнишком съехалися. Парнишка его копьем, тупым концом, а Еруслан Лазаревич едва в седле усидел. И Еруслан Лазаревич рассердился, взял парнишку копь-

[1] Чадо.
[2] Её.

ем, тупым концом пырнул. Парень из седла вылетел, и конь ему на грудь ступил, будто гвоздем к земле приковал. И Еруслан Лазаревич видит, что мотаются руки у парня, и вдруг заблестел перстень, и Еруслан Лазаревич вспомнил:

— Не сын ли мой?

И сошел он с добра коня, и брал парня за белы руки, и целовал его в сахарны уста, и спрашивал:

— Ты чей есть парень?

И он говорил:

— Матушка у меня Настасья Ахрамеевна, и поехал я своего батюшку искать.

Еруслан Лазаревич говорит:

— Вот ты мой сын дорогой, я твой батюшка.

И поехали они к матушке к своей, к Настасье Ахромеевне, и стали там жить и быть.

И написал теперечко Еруслан Лазаревич письмо дедку Лазарю и написал второе Ивашку-русскому богатырю, и все описал, где он ездил и как время провожал. И написал Росланию-богатырю третье письмо про свое житье-бытье, как он ездил, как он время провожал. И отправил своего сына с письмами. Первое письмо повез к дедушке к Лазарю и кричит поединщика. И дедушка выехал и спознал по́родом, что его внук и Ерусланов сын, и вси написал заемно письмо отцу и написал: «Твой сын над нами, над стариками тут шутит и кричит поединщика, и хорошо по́родом мы его спознали, а то живого его не было».

Теперь он повез письмо к дяди к Ивашке, к русскому богатырю, и опять кричит поединщика. Он выехал на поединок и видит по́родом, что Ерусланов сын. И написал заемно письмо. Написал, что «твой сын над нами, над стариками шутит. А мы спознали, а если б не спознали, то его живого б не было».

Теперь повез к Росланию-богатырю дяди письмо и кричит опять поединщика. И он опять выехал на поединок и спознал по́родом, что это Ерусланов сын. И пишет заемно письмо: «Кабы мы не узнали по́родом, что это Ерусланов сын, тогда мы бы его убили». А уж спознали, так он погостил у дедки неделю, да у деда другу, да у этого дяди третью. И приехал к отцу с письмами. И отец прочитал письма, и рассмеялся, и говорит:

— Как ты шутишь над стариками? Молодец.

16. [СЕМЬ СИМЕОНОВ]

Жили-были баба да мужик, у их детей не было. Она затем забеременелась, вошла в положение, принесла в одном брюхе всех семерых зараз. Имя положила семь Семионов. Они пожили-пожили, отец, мать и померли. Они остались младые и мо-

лодые и думали-подумали: «Как мы станем жить и сами себя кормить?» И придумали они работу, пашню пахать и хлеб сеять, и говорят:

— Будем мы сами себя кормить, как отец и мать нас воспитывали, так и сами себя мы будем кормить и воспитывать, сами себя.

И вот они работают на поле работу тяжелую. Ехал мимо царь. И увидал он их юношей младых и молодых, и всех ровных, и усмотрел на их, на этих юношей молодых, что работают эти юноши младые и молодые работу тяжелую. И подошел он к им.

— И что вы, юноши младые и молодые, работаете работу тяжелую?

Они говорят:

— Работу работаем тяжелую потому, что у нас отец, мать померли и нас оставили младых, молодых, и мы придумались работу работать, как кормиться надо нам. Как отец и мать нас воспитывали, так и сами себя будем воспитывать.

Проехал мимо царь и домой приехал, и отправил кого-то за этима юношами. Хотел их взять к себе, пожалел их младых, молодых юношей, что работают работу тяжелую и к себе их взял. И привезли к себе и призывают старшего Сейвола[1].

— Ой ты, Сейволушка, какую науку желаешь учиться, али в художество?

А он говорит:

— Ваша светлость царска, я не хочу ни в каку науку учиться и не в художество, а есть у меня ремесло при себе. Я, — говорит, — умею ковать.

А царь думает: «Ладно, эти кузнецы пригодны». И призывает он второго Сейвола и спрашивает:

— Ой же ты, Сейволушка, в каку науку желаешь учиться, али в художество?

А он говорит:

— Ни в каку науку не хочу учиться и не в художество, а есть у меня ремесло при себе. У меня старший брат умеет ковать и скует мне столб от земли до неба. И я выстану на столб и рассмотрю через сколько земель, через сколько морей и высмотрю, где что деется.

Призывает он еще третьего Сейвола.

— Ой же ты, Сейволушка, в каку науку желаешь учиться, али в художество?

Он говорит:

— Ваша светлость царска, я ни в каку науку не хочу учиться. Есть у меня ремесло при себе. Старший брат умеет ковать, он скуе мне ружье, я стрелю птицу на лету, всяко.

---

[1] Своеобразная местная форма от имени Семион (Симеон).

— Ой, ладно это, все мне стрелошники пригодны.

Ну и призывает четвертого Сейвола и спрашивает:

— Сейволушка, каку науку хочешь учиться? Сейволушка, не хочешь ли в художество?

Он говорит:

— Я не желаю ни в каку науку учиться и не в художество. Брат умеет стрелять, и он стрелит птицу, а я не допущу ни до земли, ни до воды.

Царь говорит:

— Это мне все пригодно.

И призывает пятого Сейвола.

— Ой же ты, Сейволушка, в каку науку желаешь учиться или в художество?

Он говорит:

— Я ни в каку науку не хочу учиться и не в художество,— он говорит,— старший брат умеет ковать и скует мне топор и я тяп-ляп, сработаю корап.

И этот царь говорит:

— Мне все пригодны корабельнички.

Еще он призывает шестого Сейвола.

— Ой же ты, Сейволушка, в каку науку желаешь учиться, или в художество?

Он говорит:

— Я ни в каку науку не желаю учиться и не в художество. Есть у меня ремесло при себе. Я умею водолазить, водолазом ходить.

Ну, царь говорит:

— Мне все эти водолазы пригожи.

Призывает он седьмого Сейвола, самого меньшого и спрашивает:

— В каку науку желаешь учиться, или в художество?

— Я,— говорит,— ни в каку науку не желаю учиться ни в художество. Есть у меня ремесло при себе предорогое. Я,— говорит,— мастер воровать и никому так не украсть, как я украду.

И царь испугался:

— И ты,— говорит,— и меня обкрадешь?

И призывает своих министров на думу.

— Как вы придумаете, как мне посоветуете, чтобы он хотя бы меня не обокрал?

Эти ему посоветовали:

— Ты,— говорят,— сватайся на Прекрасной на Елене. Ты высватать не можешь, и он, может быть, украдет невесту тебе.

И вот его призывают и спрашивают:

— Не украдешь ли ты невесту?

Он говорит:

— Украду.

Вот старший брат умеет ковать и сковал столб, и другой брат выстал на столбу и высмотрел, за сколько морей, за сколько землей высмотрел, в каком городе живет Прекрасная Елена. Сидит она в терему, скрозь околицу Елену видел и скрозь платье Елены тело, кости видел. Из кости в кость мозги переливаются, все высмотрел. Ну, хорошо. Узнал, который поедет воровать, что в том городе нету котят. И вон взял котенка, стал приучивать. Куды пойдет, он котенка вслед за собой ведет. Как хозяин остановится, так и котенок вслед за ним остановится, на задние лапки станет и смотрит хозяину в глаза и курнячит.

И стал царь посылать одного и корабль стал давать. А он говорит:

— Я один не пойду и вашего корабля не нать. И старший брат умеет ковать, и скует он топор, и другой брат сработает тяп-ляп, и мы на своем пойдем корабле.

Царю было жалко от них отступиться, от их всех, и пошли они все на корабль, и шли, и пришли в тот город, где живет Прекрасная Елена. Ну и стал вор по городу похаживать и узнал, где Еленин дом и прямо у ейного дома все останавливается со своим котенком, и увидала в нову пору со зверьком, и кричит:

— Що, молодец, не продажный ли у тебя этот зверек?

Продай-ко мне.

Он говорит:

— Що продавать, можно подарить так.

Ну она рада.

— Пожалуйста, подарите, да ко мне заходите и приучите, как около вас этот зверек, так и около меня, дабы я куда пошла, даки зверек пошел за мной.

Он рад и стал похаживать около ей и котенка стал приучивать около ей, и стал к себе на корап звать Прекрасную Елену.

— Пожалуйста, Прекрасная Елена, к нам на корап, корап посмотреть и наших заморских товаров.

Ну, вот она пошла к им на корап. Ну, на корап пришла, в каюту зашла и ей угощает. И приказал он братцам паруса распускать и якоря катать, и в море выходить. Сам Еленору угощает и разговаривает. Ей разговоры все в тягот. Было-побывало. И говорит Елена:

— Надо же мне прочь пойти.

А он говорит:

— Посиди, побеседуй, Елена Прекрасная, у нас на корабли, и мы к вам часто ходим, а вы у нас и не бываете.

Посидел-посидел в редком побыванье. Ну ладно. Она сидит. Вот и вышла на палубу, прочь из каюты пошла. Видит, море синеет. Она овернулась лебедью и полетела. Другой брат хва-

тил ружье и стрелил ей. А третий не допустил ни до воды, ни до земли и прямо ей хватил, ну и разорвал ей пополам. Разорвал ей пополам и говорит:

— Была лебедушка, сделайся теперь красна девушка.

Она и говорит:

— Для кого меня везете? Для себя?

А он:

— Для людей.

Она ничего не сказала.

Вот они пришли в город, и царь был радый, что невесту привезли. И она с царем к венцу идет.

— Ты старый, а я молодая.

Она ему говорит:

— Как вы меня достали, так и там вси драгоценности достаньте мне-ка под венец, а драгоценности вы не достанете, невозможно их достать земному человеку.

И опечалился царь и опустил низко головушку.

ПОНЬГОМА

Серафима Васильевна Дмитриева, 55 л.

17. ЖЕРНОВКИ

Жили-были раньше брат с сестрой, сиротами росли, у них мать, отец умерли, а от матери да от отца им ничего не осталось, они бедно жили сами, один петух у них был да были у них жерновки. Когда мать с отцом умирали, говорят:

— Вы жерновки эти берегите да никому не хвастайтесь, что как живете, чем питаетесь, чем кормитесь.

А эти жерновки были таки волшебны, как они что вздумают, то и будет им, какой еды захочут, то и будет, какой одежды захочут, то и будет. Ну вот, об этом как-то все-таки разнюхал царь-государь и затеял обрать у них эти жерновки. Вот петух один раз и говорит им:

— Вы похóдите когда, да меня не берите с собой.

Оставили петуха. Ну, чего? Петух не мог укараулить. Пришли брат с сестрой и у них нету жерновков да нету и поисть ничего. А петух говорит им:

— Ладно, не горюйте, я знаю, кто украл жерновки. Я пойду, — говорит, — сейчас и верну обратно жерновки.

Вот погоревали-погоревали брат с сестрой, но петуха отправили в дорогу. Пошел петух, идет навстречу ручей. Вот ручей бежит, а петух и говорит:

— Носик, ротик, пейте воду.

Напился воды, наклевался камешков в ручейку, пошел дальше. И снова ручей. Он опять воды напился, камешков наклевался и пошел дальше. Идет к царскому дворцу, выскочил на подоконник и кричит:

— Царь-ворина, отдай наши жерновки!

Царь услышал это дело.

— Кто это там? — говорит.

Слуги говорят:

— А это тот петух пришел, у которого украли жерновки.

— Посадите его в конюшню.

Но-ка! Петуха и в конюшню! Петух и говорит:

— Камешки, камешки, разлетайтесь, разбейте стеклышка все.

А коням налил в это время питья, а кони не пивши, кони стали пить, а он стекла разбил, вылетел и опять на подоконник царю. А царь в это время уже столько богатства на жерновках на этих нажил, что надо ему чуду делаться. Так созвал бал, гостей созвал, даже заморских гостей. Бал собирается у царя, петух опять на подоконнике и орет:

— Царь-ворина, отдай наши жерновки!

Вот потом царь осердился, говорит палачам:

— Затопите баню, бросьте его в баню горящую.

Затопили баню, петуха туда швырнули в горящую баню, а он сразу опять ручейки-то спустил, баня потухла, камешками стекла разбил, опять и вылетел из бани. А уж бал на ходу вовсю там, все сидят придворье царское, чиновники заморские, все диву дивятся, что жерновки такие богатые, и золота, и всего у царя есть, что задумает, то и будет. Петух опять на открытое окно:

— Царь-ворина, отдай жерновки, не обижай сирот, отдай наши жерновки.

А все-то и прислушались, чиновники-то. Да что это такое? Царь-ворина да такой еще мерзавец, что он сделал? Сирот обидел. Жерновки украл!

А царь рассердился да говорит:

— Бросьте ему жерновки!

Петух жерновки на плечо и потащил. И опять зажили хорошо брат с сестрой, обрадовались.

Вот и сказка кончилась.

Павла Васильевна Миккова, 69 л.

18. (МЕДВЕДЬ И ТРИ СЕСТРЫ)

Жил-был старик со старухой, у него было три дочки. Вот пошел старик в лес дрова рубить. Пришел в лес, дров нарубил, приходит к нему медведь.

— Дедушка, я тебя съем.

— Да ты не ешь меня.

— А что у тебя есть?

— А есть у меня три дочки.

— Отдай за меня взамуж.

— Да как же дочь-то пойдет за медведя взамуж? Не пойдет.

— Ну как-нибудь да пойдет. Не отдашь — съем.

Старик домой приходит, ничего дочкам не говорит. Пришел второй день, он опять походит с топором в лес дров рубить. Опять приходит медведь.

— Съем (говорит медведь).

Старик, конечно, испугался и прочь убежал. Приходит, дочери и говорит:

— Поди-ко ты, Анна, сходи, на костре (в лесу) прялицу тебе сделал, так оставил.

Приходит Анна к костру, берет ее Миша на плечо и унес. Приносит в свой дом. А на другой день пошел караулить вторых сестер. Приходит опять к этому же костру, а дедушка опять с дочкой, дров рубит. Взял он (медведь) эту дочь и опять унес. Старик пришел домой и плачет.

— Как же теперь? Всех у меня дочерей выносит. С этой уж не пойду.

На третий день пришел старик один, а медведь опять приходит.

— Я тебя съем.

— Да как ты съешь? Две дочери унес да еще и меня съесть?

— А мне еще третью надо. Пошли ее в лес, скажи, что кережка сделана, воду волочить, так вот она придет, я ее и возьму. Им у меня жить хорошо будет.

Старик потужил, потужил (пришел домой), дочку и отправил. Ну, вот они пришли в лес, живут-поживают, едят, пьют, медведю готовят. Выдумала старшая сестра.

— Дак как же мне теперь их (сестер) домой-то отправить?

Взяла сплела корзинку и положила одну сестру, ему (медведю) и говорит:

— Миша, как придешь вечером из лесу, так отнеси ты мамы да папы гостинцев, я пирогов напекла.

Приходит Миша домой из лесу, берет корзинку и идет. Шел, шел, ему тяжело, он и говорит:

— Сесть бы на пенек, съесть бы пирожок.

А она ее (сестру) научила: «Когда будет садиться на пенек, ты кричи — я вижу».

Она и кричит:

— Я вижу.

— Ах, — говорит, — какая стерва, ведь высоко сидит, а далеко видит.

Ну что же? Пришел, корзинку бросил к дому старика, а сам прочь ушел. На второй день она (старшая сестра) и говорит опять:

— Из лесу придешь, отнеси опять папе да маме корзинку, пирогов напеку.

— Ну, пеки.

Опять таким же родом пришел он, корзинку берет и понес. Нес, нес, опять и кричит:

— Ах, голодно стало, с дороги еще не ел, не пил, а с гостинцами отправила. Сяду на клочок, съем пирожок, которой сладкой, которой мягкой.

Она кричит опять:

— В-и-и-жу!

— Какая стерва, ведь сидит высоко, видит далеко. Давай пойду подальше.

Также пришел (к старикам), бросил (корзинку) и сам прочь ушел. На третий день она сама взяла закрылась, сделала куклу, посадила на улицу кверху крыши, чтобы повыше, не так Миша увидел, надела свой сарафан, повязала платком, под нее прялицу клала и веретечко в руки, как будто она сидит да прядет.

Он приходит, корзину в руки и отнес к отцу, к матери.

Приходит домой, а никого нету.

— Да где же она? А, стерва, спряталась от всех дел.

И давай горячиться. Ходил, ходил по улице. Увидел, что стоит на крыше кукла.

— Вот она где! Вот она где увидела-то. Высоко сидела, а далеко видела.

Как даст ее лапой, кукла-то и рассыпалась. Тут зло взяло Мишу.

— Что же это она какая? Всех сестер отправила и сама ушла? Я пойду теперь у них дом разорю.

Пришел, начал дом рвать, трепать, у старика крыльцо разрыл, рамы бьет. Старик вышел и застрелил медведя. С тех пор стали жить спокойно дед да баба со своима дочерьмы.

19. ВОЛОВЬЯ ШКУРА

Жил-был царь, у него было три дочери. Дочеря росли хорошо, красивы, умные. А в одном селе жил старик, у старика был сын. Сын-то и пошел ходить, пошел заработка искать. Вдруг похитил его Кощей, привел домой и говорит:

— А ты у меня, малышок, побудь здесь да мое хозяйство береги, двенадцать ключей тебе дам, а ты вот одиннадцать кладовок-то открывай, а двенадцаты двери не тронь.

— А ты куда поедешь?

— А я поеду воевать.

Вот и поехал Кощей. Ездит там сколько он времени, не знаю, вернулся домой, все сохранно, хорошо. Опять уехал.

— Долго ли будешь ездить?

— Да полгода проезжу.

— А, — думат, — долго мне одному и скучно, ем, пью, а все-таки одному. А интересно посмотреть, что же в этой кладовой пасется?

Взял ключ, отомкнул, смотрит, а кобылица подвешена тощая, тощая под потолок на цепях. Он думает: «Что же это за кобылица?» А кобылица человеческим голосом и говорит:

— Напой меня, Андрей.

Он принес ведро, пить дал. Она говорит:

— Дай еще.

Он дал второе. Она говорит:

— Дай еще.

Он дал третье. «Ну пусть пьет». Вот замкнул кладовку. Утром опять открывает, она говорит:

— Дай мне пшеницы поесть.

Он дал ей ковш, она и говорит:

— Еще дай один.

Он дал второй.

Она говорит:

— Еще дай третий.

Тогда стала кобылица наливаться и силу забирать.

— Сумел, Андрей, — говорит, — напоить да накормить, теперь дай в трех росах вываляться.

Он думат:

— А что же делать?

Он ее вывел на волю, вывалялась она утром в росы, на второе да на третье.

— Вот теперь сумел напоить, накормить, в трех росах дал вываляться, теперь будем спешить отсюда уезжать до Кощея. Садись на меня и будем сподобляться. Сходи в одну кладовую, — говорит, — узду мою надень на меня и сажайся.

Вот он пришел узду брать, а взять-то не может. Тогда подходит и говорит:

— Не могу.

А она говорит:

— Если силы мало, возьми открой кладову, там есть двенадцать бутылок, напейся из одной зеленого вина, из другой белого, из третьей красного, тогда бери узду.

Вот он напился вина и взял узду, одел.

— Теперь, — говорит, — сажайся на меня.

А он сел, держаться не может. Она и говорит:

— Сходи еще открой кладову, там в той кладовой еще есть три бутылки вина, из той, из другой, из третьей напейся.

Вот он сходил, напился, а она говорит:

— Беги теперь скорее, возьми зеркало, гребень да оселку, сажайся на меня.

Вот он сел, а она стоять не может, просто под копытами земля не держит ей.

— Теперь, — говорит, — беги, возьми еще три яблока, захвати с собой, да возьми еще лопатку, подкопай землю подо мной, чтобы я стояла крепко, тогда сажайся на меня.

Забрал Андрей эти яблочки, да лопатку принес, подкопал землю, а уже земля затряслась. Она и говорит:

— Вот Кощей уже близится к нам домой. Надо скорее как можно, а то разорвет тебя и меня, живых не будет, огненной стрелой расстрелят.

Они и поехали. Едут, едут. Приехал Кощей домой, все по́ле, никого нету, ни кобылицы, ничё. Тогда разозлился и говорит своему коню:

— Догоним ли мы?

Он говорит:

— Если за три дня поспеет твоя пшеница, накорми меня той, тогда только достанем.

Вот быстро посеял Кощей пшеницы, намолотил, накормил и поехали. Едут, едут, догоняют. Он (Андрей) бросил гребешок, сделался лес. А лес густой, пока прорубал Кощей, они в это время отдыхали. Только как станут проходить лес, так они и поехали. Вот опять он бросил оселку, сделались скалы от земли до небес. Вот тогда она (кобылица) и говорит опять ему:

— А теперь сажайся, будем скорее еще дальше уезжать от его. Вот он опять пробил эту дорогу, опять и поехали. Она (кобылица) и говорит:

— Брось теперь зеркало.

Зеркало бросил, сделалось озеро большое и волнистое.

— А теперь как же? Вот, — говорит, — догоняет, вот, догоняет.

Он (Кощей) стрелой-то палит, на ем (на Андрее) платье-то все и загорелось. Платье горит и до шкуры. А та (кобылица) говорит:

— Махни полотенцем-то.

Он махнул полотенцем, сделался мост, а Кощей на мост и упал со своим конем. Тогда он (Андрей) обгорел, а кобылица и говорит:

— Что же делать? Как же быть? Тело голое закрыть нечем, пойдем в лес, нет ли какой шкуры.

Вот они ходили, ходили, нашли воловью шкуру.

— В эту шкуру завернись, садись на меня и поедем.

Вот оны приехали в ихно царство, свалился он и говорит:

— Теперь куда же я в воловьей шкуры?

А кобылица и говорит:

— Не ходи, не показывайся, отдыхай-ко, а еще будет нам работа.

Вот тогда в поле полежал, полежал, идут царские дочери в поле гулять, в сад, а увидели, что лежит под кустом красивый, молодой, хороший молодец. А младшая дочь подошла и увидела.

— Ох, так бы в уста и поцеловала, да дам хоть перстенечек свой с руки.

Вот перстенек на руку одела, а эти сестры и говорят:

— Да зачем же ты к такому еще чучелу да подлезаешь? Ведь на ем-то смотри, воловья кожа надета.

— Ничего, ничего, пускай воловья, а я люблю его и вот мой бы суженый был.

Вернулись домой они, а сестры на ее еще недовольничают, что подходила. А их сватают тот да другой. Вот сестры вышли взамуж, а младшая еще в девушках, а царь и говорит:

— Вот, если кто сумеет посеять яблони за три дня, чтобы в саду моем расцвели да спелые были, за того и отдам Наталью.

Вот тот сеет, другой сеет, а яблоки все не поспевают ни у того, ни у другого, ни у кого не делается. А кобылица ему и говорит:

— Андрей, возьми из-под меня, я пойду по полю, а ты в мои копыта бросай эти яблоки, и вот за три дня поспеют яблоки, тогда набери и иди с корзиной к царю, и за тебя он отдаст дочерь замуж.

Тогда так и сделали, он сел на кобылицу, кобылица пошла, а он в ейны копыта бросил эты яблоки. Вдруг за три дня уж запах хороший понес. Как услышали царские дочеря, пришли, смотрят, яблоки поспели, румяные, хорошие. Ну, от запаху просто удивляются. Он набрал их и принес.

— Вот, — говорит, — ваше величество, вы говорили, что кто посеет, так вот я посеял, и вот яблоки.

А собрались все князьи, короли.

— Что это за такое чучело? Разве можно дочерь отдать?

А он и говорит:

— А уж сказал, дак отдать надо. Делать нечего.

А самому не хочется отдавать. А дочь говорит:

— Отдай, я пойду. Вот, — говорит, — уж мы с ним пообручались, у него перстень-то мой на руке.

Он показал руку, перстенек на руке. Ну, делать нечего, отдал. Отдал, а во своем доме ее не держит. Свадьбу сыграли так, неважно. Построил небольшую избушку, думат: «Да все равно изведу я его, не будет он у меня. Разве можно с таким бедным да нужным, еще мне да и дружить-то не с кем будет, *такой страшнóй, да у меня на пиру будет сидеть*».

А жених платья не берет никакого. Одела бы его царевна, а он и говорит:

— Нет, я еще похожу в этой.

А кобылица ему и говорит:

— Пока еще не одевай ничего, еще будет нам служба впереди.

Вот потом объявили царю, что война. Войну объявили, царь и отправляет князей да зятей на войну, да свое войско. Войско пошло, а Андрей Наталье и говорит:

— Поеду я хоть куда-нибудь съезжу.

А не говорит, что воевать. Приехал он в поле, а стоят войска, уж видимо-невидимо. Взял меч-саморуб, тех и других, всех побил. Тогда вернулся домой и говорит:

— Вот там пир-то горой у отца стоит, а мне-то так ничего *не несут, я ведь тоже в бою был.*

А она говорит:

— Почему же так, в бою был, а на пир тебя не зовут?

— Пойди, попроси, не останется ли остатков каких.

Она приходит и говорит:

— Мама, нет ли каких остатков моему Андрею поесть?

А он (царь) и говорит:

— На войну еще не ходил, дома лежал или где-нибудь шлялся?

Мать наклала, матери жалко было, там чего-то Андрею, пирогов ли, пива, вина. Пришла Наталья, накормила своего Андрея. На другой день в бой пошли, он таким же родом опять всех побил, а все войско смотрят, да и князей-то видят, что это не они бьют, даже не подходят к вражеской силе, это все Андрей справляется. На третий день поехали, тогда все войско *решило, что возьмем Андрея, приведем к царю, докажем, что* это не князи, не короли его да не зятевья, а вот кто бьет. Они не знали, что он женатый на его дочери. Вот тогда пришли и говорят, что позовем Андрея сюда, в воловьей шкуре он все бои вел, и врага отбивал. Тогда приходит Андрей, а они и говорят, что «останешься у нас».

Он и говорит:

— Нет, еще не знаю ничего.

Приходит в поле к своей кобылице, где она паслась под кустами, а кобылица и говорит:

— Вот, Андрей, останешься ты управлять государством, только убей меня.

Он говорит:

— Как же я убью? Ты мне всю жизнь служила. Как же я могу?

— Убей меня. Я же не кобылица, я же девушка, а похищена была Кощеем. Вот несколько времени я была завещана, я до тех пор не могла тебе сказать, чтобы ты меня зарезал.

Тогда нечего делать Андрею, он взял ее повалил и зарезал. Срезал горло, а она и сделалась царской девкой. Вот она так красива, хороша.

— А теперь попрощаемся с тобой, Андрей. Я пойду в свое государство, а ты останешься здесь жить.

Тогда собрался Андрей к своей Наталье, пришел и говорит:

— Теперь я только с тобой буду жить.

Одел свое платье хорошее. Сняла кобылица с него эту шкуру воловью и говорит, что «вот тебе теперь управлять государством». Собралось все войско и решило, что выгнать из этого дворца царя, что не умеет он, только издевается над Андреем, а не жалеет его. Кто бой все вем? Кто врага отбил? И решили Андрея оставить в этом царстве на престоле сидеть. Так и стал Андрей тут управлять своим государством, жить да быть с Натальей. Долгие годы жили оны, даже не старелись, да детей народили. Выросли дети хороши да красивые.

20. ОДИН СЛЕД ЗОЛОТОЙ, ДРУГОЙ СЕРЕБРЯНЫЙ

Жили старик со старухой, у них были дочь и сын. Старуха умерла, старик умер, остались брат да сестра. Живут-поживают, но соседству близких нету. А потом жили-пожили, она была красавица-раскрасавица, у ней был один след золотой, другой серебряный, она засмеется — золото вьется, когда заплачет — жемчуг у ей валится. Вот однажды ездил брат и говорит:

— Ты знаешь, сестрица, милая моя Сонюшка, ведь у нас у Ивана-царевича собирают пир, всех приглашают, так и мне ехать надо.

— Милый братец, не езди, похвастаешься мною.

— Не буду. Отпусти.

Вот и просится брат. Сестра уговорилась с братом, что хвастаться не будет, какая она красавица, брат и поехал. Приехал на пир, вот Иван-царевич угощает всех, у всех спрашивает: «Какая у тебя (там) жизнь, какая у кого сестра, мать

или жена?» Ну хвастают. А он (брат) сидит и молчит, ничего не говорит. Он (царевич) подошел к нему и говорит:

— А вы что, молодец, ничем не хвастаетесь?

— Не могу ничем, нечем хвастать.

— Никого нет?

— Сестра есть.

— А что за сестра?

— Не велела говорить.

Он и пристал к ему:

— Как же не велела говорить? Скажите.

— Да вот, сестра-то у меня красавица, ни в сказке сказать, ни пером описать.

— А почему не велела говорить?

— Да вот сестра-то красавица, у ней один след золотой, а другой серебряной, когда смеется, то вокруг рта золото вьется, а если плачет, то из глаз жемчуг сыплется.

Он и заинтересовался.

— Что ж, такую красавицу пойди, приведи мне.

— Нет, не пойдет.

— Пойди, даю корабль, команду даю, капитанов, механиков, всех даю, только привези.

А брат и плачет, что она не поедет со своих уголочков.

— А ты разрой (дом).

— А разрою, она останется на родительских бревенках.

— А ты их пожги.

— А пепелки будут, она на этих будет сидеть.

— Разрой.

Брат и поехал, она сидит у окна и смотрит, что брат пришел, корабли разгрузили, судна эти парусные. Вот приехали, паруса опускают, якоря в воду бросают, а она и плачет.

— Зачем, братец?

— За тобой, сестрица, похвастался.

— Ой, не надо было, не поеду. В родительских уголках останусь.

— Разорю, — говорит.

Взял разрыл, бревнышки пожег и пепелок развеял. Ну вот, сестра взяла оделась, сели и поехали. Едут они по морю. Стоит остров. На острову выбежала на берег женщина и кричит (а это баба-яга):

— Куда, молодец, поехал? Возьми и меня.

Он молчит.

— Глухоту напущу!

Отъехал недалеко, опять кричит:

— Не возьмешь — слепоту напущу! Не увидишь куда ехать.

Опять поехал вперед. Вот ехал-поехал, уже близко к городу подъехали, а он и говорит:

— Да, скоро к городу подъезжать будем.

Опять и кричит, бежит по берегу (баба-яга):

— Если не возьмешь, то вверх кренём поверну, не доедешь!

Вот они пристали и взяли ее. Вот пришла на корабель и напустила ей слепоту и глухоту, а брату глухоту. Вот едут, корабль же к городу подходит, а в городе же ей (сестру) встречают, в колокола звонят, а она ничего не слышит. А брат это все видит, говорит:

— Вот уже время пришло наряжаться, Ивана-царевича город показался и уже на пристани, по причалку сукна стелют, тебя вести.

А она говорит:

— Что, брателко, скажешь, чего, родименький, скажешь?

А она (баба-яга) и говорит:

— А того брателка скажет, того родименький скажет, что «одевайся, да в воду бросайся».

Девка больше плакать. Сидит и плачет, а он говорит опять ей:

— Сестрица, одевайся, родима, снаряжайся, Ивана-царевича уже вся свита идет тебя встречать.

А она опять и говорит:

— Да что ты, брателка, скажешь? То, родименький, скажешь?

А она опять:

— Он говорит, что в воду бросайся.

Девка еще больше плачет. Вот уже Иван-царевич сам пришел:

— Одевайся, сестрица, снаряжайся.

Она ей и говорит:

— Бросайся!

Девка в воду бросилась. Бросилась девка, овернула она ее лебедью, лебедь поднялась и полетела. А брат сидит и плачет. Ну что же сделаешь?

Вот приходит Иван-царевич на корабль, берут эту бабу-ягу под руки. Повели, а она где ступит, там сукна рвутся. А он и говорит:

— Что это вы хвастали, что у вас один след золотой, а другой серебряный, а тут посмотри, где она шла, все порвалось.

А тот ничего не слышит, глухота у него. Говорит (царевич):

— Посадить его в тюрьму, пускай сидит за такое обманство.

А у него были пивовары, пиво варили на свадьбу Ивана-царевича с Софией. А лебедочки мимо этих пивоваров летали. Ну, вот утро настало, а летят лебеди мимо пивоваров, стадо

лебедей летит, друго летит, из третьего стада лебедь ниже, ниже, села, кожушки сняла, сидит и плачет, и причитывает:

Что вы, пивоварушки, пиво варите?
Ивану-царевичу на свадьбу спешите?
А все-то во городе молодцы спят.
Везде до одного спят.
А мой брателко не спит.
Один мой родименький не спит,
Сидит в тюрьме подземельной,
Ронит слезы горючие,
А яга-то-баба ягишна,
Да Ивана-царевича топчет, по горницам ходит,
На стуле-бархате сидит.

А они говорят:

— Дак что же ты, голубушка, так плачешь?

А она плачет, у ей жемчуг-то так и сыплется. Они и подсмотрели.

— Что же это? Она ступит, а у ней один след золотой, другой серебряный.

На второй день опять также лебеди прилетели, опять же она летала вперед, а сидела. Приходит Иван-царевич узнавать, как пивовары пиво варят, а она им говорит:

— Нате, пивоварушки, дарю вам отнимочки суконца тафтяного.

А он и говорит:

— Откуда же у вас отнимочки такие тафтяные да суконца хорошего?

— Вот, — говорят, — Иван-царевич, прилетает лебедь к нам уже два дня. Плачет и говорит, что ее брат сидит в тюрьмы подземельной, ронит слезы горючие. А баба ягишна у Ивана-царевича по горницам ходит, на стуле-бархате сидит, да свадьбу ждет.

А он и говорит:

— Я спрячусь, а когда она придет и будет плакать, вы у ее кожушки в огонь бросьте.

Они говорят:

— Ладно.

Вот прилетели лебеди раз, прилетело второ стадо, третье стадо. Лебедь ниже, ниже и села, кожушки сняла и сделалась девицей, идет, один след золотой, другой серебряный, а рассмеется — золото у нее вьется, а плачет — жемчуг валится. Иван-царевич тут и увидел, что перед ним невеста была. Вышел он, они взяли и бросили в огонь кожушки, а она и говорит:

— Что-то жарный дух несет, не мои ли кожушки горят?

— Нет, голубушка, ничего не сожжем, все сберегем.

Лебеди обратно полетели, она хотит полететь, а полететь-то ей нечем, нет у ей крыльев. Она сделалась как будто палочкой, повернуться не может и на ногах пойти не может. Вот она и хотит, чтобы ногами, ногой ступит, а у ней следы-то золотые. Иван-царевич выходит тогда из-за кустов, берет ее и говорит:

— Где были носы, тут будьте пяты, где были пяты, тут будьте носы! Стань ты какой была девицей, такой же и сейчас!

Вот она и сделалась красавицей-раскрасавицей. Тут Иван-царевич обрадовался и говорит:

— Вот что, пивоварушки, подождите ее хоть еще суточки, а я поеду домой.

Приехал домой и говорит своим работникам:

— Истопите баню да в бане выкопайте яму, да раскладите туда большой огонь, а сверху накройте сукном. А потом истопите баню.

А он приходит и говорит:

— Вот, царевна, пойдем со мной вместе.

Она говорит:

— Пойдем.

Пришли к бане, а он говорит:

— Заходите.

А она говорит:

— Нет, у нас мужчины заходят.

— Нет, зайдите, зайдите.

Взял, толкнул в баню, она в эту яму упала, и баня сгорела, и баба-яга сгорела. Тогда привез Иван-царевич Софью, и брата выпустил, и стали свадьбу играть. Все харчевни открыли, всех с города людей пригласили на такую красавицу посмотреть. Весь так народ удивлялся.

— Откуда же такая взялась красавица?

Свадьбу сыграли и брата взяли жить. Я там была, пиво пила, в рот не попало, по усам текло.

21. ПРО ЧЕРНУЮ ОВЕЧКУ

Жил в одной деревне один крестьянин в давнее, давнее время. Отец женил сына на девушке, жили хорошо, весело. Мать умерла, отец умер, остался Иван жить со своей Агафьей. Живут-поживают да радуются, народилась у них дочь, растет она быстро. А неподалеку от них жила бабушка (это мать Агафьи была). Скота у них было — одни овцы, белая да серая овечка, а черная еще только народилась. Вот подросла черная

овечка, и пошли овцы на улицу гулять, две пришли, серая да белая, а черной нет. Тогда девушка и говорит:

— Мама, а где же наша черная-то, маленькая? Пойдем искать.

Вот они и пошли. Идут дорогой себе и посматривают, нигде нет.

— Ну, наверное, потерялась, что нам и не найти.

Шли, шли и встретили тетеньку, она и спрашивает:

— Куда же вы пошли?

— Да пошли черную овцу искать.

— Да и где же она у вас?

— Да вот заблуждала где-то, ходила на улице, белая да серая пришли, а черной нет.

Тогда она говорит:

— Вот я видела, видела, девушка, подойди немножко.

Девушка подбежала, а она овернула женщину (мать) овцой и кричит:

— Вот иди, милая, сюды, здесь ваша черная овечка.

Она подошла и говорит:

— Матушка, да она что-то большая.

— Ничего, ничего, не большая, хорошая.

А девка смотрит, что это не мать, а та самая тетенька. Она и заплакала.

— Где же наша мама?

— Это я твоя мама, ты меня не узнала. Вот и пойдем домой.

Девку за руку, да овцу и пошла. Пришла к мужу и говорит:

— Вот нашла я черную-то овцу.

А он и глядит:

— Что это такое?

А девушке говорит:

— А где же мать?

— Да вот мама шла, шла, в лесу встретилась с тетенькой, она куда-то маму нашу дела, овцу-то нашли, а мамы нет (девушка-то думает, что мать — это овца и есть).

Проходит день, два, девушка все плачет и посматривает. Прибежала к бабушке и говорит:

— Бабушка, мама-то утерялась у нас. Есть у нас, да не мама, а чужая тетенька.

— Ты знаешь, милая, где твоя мама? Твоя мама стоит на дворе. Это баба ягишна овернула твою маму овцой, а сама подвернулась к тебе в матери. Теперь она хотит, чтобы ей (овцу) навести.

— А как же она наведет?

— А будет просить твоего отца, чтобы он убил ей.

Девка и плачет. Прибежала к матери на двор и говорит:

— Мама, тебя хотят убивать.

Она и говорит:

— Когда убьют меня, ты моего мяса не ешь.

Пришла девушка, свалилась на печку и плачет. А яга-баба говорит:

— Что ты там сидишь да лежишь и ничего не делаешь, да не кушаешь? Да хоть покушай, а куда-то все бегаешь, да бегаешь.

А девка бегает к бабушке. А муж уж и рад и не рад, что убить. А баба-яга торопит:

— Давай, давай ножики точить, давай скорей овцу убивать.

И начала ножи точить. Девка плачет. Пришла на двор, а овца говорит:

— Милая деточка, мое мясо не ешь, а когда съедят, так косточки в кучу собирай да под окошечко в землю закопай.

Девка так и сделала. Когда они мясо съели, она взяла косточки собрала, в землю зарыла и пошла к бабушке. Бабушка и спрашивает:

— Ну как, мясо ела?

— Нет, милая бабушка, не могу есть. И так обидно и тошно, что у меня мамы нет, убили ее.

А бабушка говорит:

— Ладно, не скучай, милая, еще наживешься и ты счастливо.

Девка пришла, на печку свалилась, полежала немножко. На второй день мясо сварили.

Опять и говорит мачеха:

— Садись да кушай.

А девка опять плачет больше старого.

— Не буду кушать да и все.

Вот прошло несколько времени, мясо съели, цветочки на могилы растут, а девушка ходит к бабушке и говорит:

— Выросли на матушкиной могиле цветочки.

— Пока не рви, а когда время пройдет, так и тебе пригодятся.

А девка все ходит, посматривает да поплакивает. Вдруг услышали объявление, что Иван-царевич будет выбирать себе невесту. Баба-яга и собирается.

— Вот поеду я со своей дочерью (у нее дочь была).

Мужа зовет, а он говорит:

— Я уже не пойду.

— Да пойдем.

Ну, собрались, поехали. Разрыла она печку и говорит падчерице:

— Чтобы я пришла, к вечеру у тебя сложено было все, как оно стояло.

Девка плачет, не знает, как будет складывать. И отец пошел, ничего не сказал. Она побежала к бабушке, прибежала и говорит:

— Вот ушла у меня мачеха да печку всю сронила, разрыла, велела мне-ка собрать по-старому.

А она и говорит:

— Да ты не горюй, милая, да торопись скорее. Будешь и ты там на пиру.

— А на какой же пир-то мне попасть?

— А тоже к Ивану-царевичу, тоже на пир попадешь.

— А как же мне попасть, я же рвана да грязна.

— Ничего, ничего, попадешь, бежи скорее, вырви из матушкиной могилы три цветка да перекрести эту печку, скажи, что «как печка стояла раньше, так и сейчас стой». Она и сложится.

Прибежала девушка, вырвала цветочки, печку перекрестила: «печка, стань по-старому, как стояла».

Она и побежала к бабушке. Бабушка и говорит:

— Возьми цветочек, перекрести себя три раза, махни только на правое да на левое плечо, и ты сделаешься такой красивой да хорошей и будешь у Ивана-царевича на пиру.

Девушка перекрестилась, махнула через правое и левое плечо, сделалась нарядна, хороша и говорит:

— Как же мне добежать?

— А когда подбежишь к лесу, там увидишь такие ворота, в эты ворота забежи, — говорит, — там стоит карета. Садись в эту карету, махни ей цветочком и в тот же миг будешь у Ивана-царевича у крыльца.

Девушка прибежала к этой карете, махнула цветочком, вдруг карета покатилась. Катится она и катится, и прикатилась к Иванову дворцу. Девушка вышла, ее там встречают, дожидают, уж не знают, куда и класть. А уж она такая хороша да красива. Вот посадили ей высоко, она посидела на пиру, а вспомнила, что бабушка-то не велела ей дольше двенадцати ходить. Гости все напились, князи, короли, все ухвалиться не могут. Пошла танцевать она, хорошо пляшет, песни поет и вспомнила, что время-то пробило одиннадцать, «побегу скорей». Выбежала на крыльцо и давай бежать. А Иван-царевич и говорит:

— Вот же, что я сделал-то, никакого знака и клейма не оставил, как же я теперь найду такую невесту? Да она мне и понравилась, и жениться надо.

Прибежала девушка к бабушке и говорит:

— Теперь что же делать?

— Ударь еще себя цветочком и будешь как была, такая и есть. Иди ложись на печку, придет мачеха, расскажет, что там было.

Приходит мачеха и говорит:

— Ох, лежишь ты на печи, ничего ты не знаешь, а там-то на пиру, ой какая красавица была, так лучше-то ей ведь и нет. И всем королям, князьям понравилась. Иван-царевич от радости не может себя успокоить. Да вот то горе, что она ушла, никакого клейма не осталось. А завтра еще будет собирать (пир). Вот пойдем, а ты вот лежи и на завтрашний день тебе задание даю.

Утром встала со сна, поела, попила и запоходила. Простоквашу с водой разболтала и говорит:

— Чтобы я пришла, все отдельно было, как раньше было, так и сейчас.

Девка опять и думает: «Что же я буду делать?» Вот она и побежала к бабушке, а бабушка и говорит:

— Ничего, не горюй, возьми перекрести три раза и будет все старо по-старому.

Перекрестила, все сделалось. Сама прибежала, а бабушка опять и говорит:

— Возьми перекрести, себя, сегодня ты еще лучше будешь.

Девушка опять прибежала к березе, также сделалась карета, она и поехала. Думает: «Как же карета едет, а лошади нет?» Приехала, а Иван-царевич насмолил порог, чтобы осталось что-нибудь, когда она пойдет. Посидела она (на пиру). Пришла с пиру, побежала к бабушке, а бабушка и говорит:

— Иди, ложись на печку, все хорошо, и пусть они тебе все расскажут.

Пришли они с пиру и говорят:

— Ой, какая там была!

А мачехина дочь и говорит:

— Ты знаешь, мама, когда она танцевала, побежала, да хотел Иван-царевич схватить, да у ней башмак-то остался на пороге (смолой был порог насмолен), теперь, наверное, найдет ей[1].

— Ну, пусть ищут. А если придут к нам, так я тебе могу подладить ногу.

---

[1] Её.

Посидели, спать улеглись, а утром встают, мачеха и говорит:

— Вот сегодня еще третий раз соберет Иван-царевич пир, только если появится эта красавица, больше никуда не выпустит.

А она и думает: «Как бы мне на пир еще попасть?» Так уж ей понравилось.

На третий раз походит мачеха и говорит:

— Вот теперь пойду да отрублю у овцы голову, приду, так чтобы овца была такой, как раньше была.

Пришла да у овцы голову отрубила и сама ушла на пир. А девушка прибежала к бабушке и говорит:

— Что же делать?

— Так перекрести цветочком-то! Если есть на могилы, так всех не рви, оставляй для случаю это себе.

Девка прибежала, перекрестила, стало по-старому, овечки с головами заходили, заблеяли, девка перекрестилась и побежала. Прибежала к березы, опять открылись ворота, села она на карету и поехала. Поехала. Ее дожидают, встречают, уж пир пиром. Завели ее в большой угол, держат, чтобы только как не упустить. Часы пробили одиннадцать. Она завертелась, а ее и не пускают. А Иван-царевич намазал тягу смолой, что пойдет, так что-нибудь останется. Плясала она, плясала, посмотрела, а время уже двенадцать. Тут она и бросилась бежать. Как схватилась за тягу, так кольцо и осталось. Добежала до кареты, села и поехала. Приехала к березы, больше не идет карета. Как же быть? Сделалась она такой же нищей и рваной, бежит к бабушке и говорит:

— Бабушка, бабушка, долго проходила.

— Милая доченька.

Взяла перекрестила бабка ей своима словамы и отправила скорей на печку. Прибежала девка и сидит. А мачеха приходит и говорит:

— Вот завтра Иван-царевич поедет искать и найдет эту красавицу.

Вдруг подъехали кареты. На улиде шум, разговор. Заходит Иван-царевич, слуги его.

— Нет ли у вас какой этта девушки, которая была у нас на пиру?

А она свою пехает.

— Вот, есть, есть.

Стали туфелек одевать, не входит.

— А я могу топор взять да постругать ногу.

Взяла топор и стружит, но не входит.

— Так еще может кто есть?

— Нету.

Вот они прочь уехали, поездили и опять приезжают на другой день. Опять и говорят:

— Соседи говорят, что у вас есть еще девушка.

— Нет, нету никакой, котора у нас на печке лежит, она никуда не ходит. Она на пиру не была нигде.

Девушка лежит и думат: «Как же, я сейчас в плохой одежде, как же мне быть?»

Уехал Иван-царевич, она опять к бабушке и говорит:

— Бабушка, если приедет Иван-царевич, я ведь теперь вот какая, ненарядная да некрасивая.

Она говорит:

— Держи цветочек в руке, когда приедет Иван-царевич, ты перемахни тогда себя цветком и будешь ты красивая и хорошая. Когда он будет тебя брать в свою карету, ты скажи, что мне надо к бабушке сбегать.

Она прибежала, на печку села. Вот опять и приехал Иван-царевич, опять и спрашивает, что «нет ли»?

— Вот нету никого (говорят).

А она на печке закашляла.

— Кто же у вас там? Пускай выйдет.

Она вышла нарядная да хорошая. Тут мачеха глаза расширила и глядит. Стали туфелек одевать, туфелек так тут есть.

— Да эта и была!

Отец смотрит, мачеха смотрит.

— Да неужто это она была? Как же она успела? Я же ей задание задавала, чтобы она сработала. Как она могла прийти?

Тут вспомнила мачеха, что ейны цветки-то росли на могиле их уже мало стало. Не это ли подействовало? Или бабушка у ней колдунья? Может, ей бабушка чего наколдовала?

Девушка и говорит:

— Вот, Иван-царевич, дайте мне в последний раз проститься с бабушкой со своей.

Прибежала к бабушке и говорит:

— Вот, бабушка, приехал Иван-царевич, теперь уж меня нашел, туфелек как раз у меня такой же есть на ноге. И перстенек у меня с именным клеймом, так что теперь я уеду.

— Вот, — говорит, — возьми вырви все цветочки с могилы, чтобы не осталось мачехе никакого, да ее дочери. Собери все себе, когда потребуется тебе нарядиться, ты нарядись, когда скоро надо будет бежать, ты бежи, все для тебя будет.

— Какая же ко мне карета подъезжает?

— На которой ты ездила, на той же и будешь разъезжать.

Прибежала она, перемахнулась[1] еще у бабушки, пришла еще наряднее того. Иван-царевич обрадовался и говорит:

[1] Переоделась.

— Такую красавицу ни за что не оставлю, увезу сейчас же.

Отцу да мачехе говорит:

— Собирайтесь на свадьбу.

Мачеха собирается и говорит:

— Не подумала я, вот что я наделала, я тебе счастье дала, я эту черную овцу привела, заставила убить (думат, что это все она делала). Нет, бабушка твоя колдунья, ну, дойду до ей.

Прибежала баба-яга к бабушке и говорит:

— Ну скажи, бабушка, чем отличилась твоя внучка? Откуда красоту взяла?

А бабушка и говорит:

— Не тронь ее, не губи, а сиди дома со своей дочерью, живи да мясо вари.

Тут рассердилась баба-яга, пришла да еще и этих овец убила. А потом поехала на свадьбу. Пируют, столуют. Все короли диву дивятся, радуются, что Иван-царевич выискал, красоты ее нельзя даже в сказке рассказать да и пером описать. Поженился Иван-царевич, всех угостил, князей, королей, да осталась падчерица жить у Ивана-царевича. Уехал отец с женой да с ее дочерью в свою избушку. Я там была. Да как видела, когда она танцевать пошла, дак от радости и я плясала ва имá.

22. ПРО ИВАНУШКУ-ДУРАЧКА

Жил-был в древнее время старичок, а у него было три сына. Старшие сыновья были умные, а третий был дурачок и звали его Иваном.

Вот поедут Степа да Андрей в лес за дровами, а Иван все дома да на печке.

Вот однажды невестки и говорят:

— Да что он такой у нас? Никуда не ходит да не ездит, хоть бы ты, Иван, уж и постыдился да дров нарубил.

— Да не могу.

А Иван так погуливает да посвистывает. Вот отец заболел и говорит:

— Вот, сынки, когда умру, дак придите ко мне на кладбище. На первую ночь старший, а на вторую — второй, а на третью — ты, Иван-дурачок.

Задумались братья: «Как среди ночи пойти на кладбище?» Вот похоронили (отца). На первую ночь надо идти старшему. Одевается, обувается, берет ружьишко на плечо, вышел на улицу, постоял немного. Жутко, холодно. Да на сарай зашел, целую ночь пролежал, лежит себе и думушки не думает, что

надо идти к отцу. Утро настало, явился домой Степан. Жена спрашивает:

— Ну, что тебе дедушка сказал?

— А ладно, пойдет Андрей, так узнает, что ему скажет.

Приходит вечер, надо идти Андрею. Андрей также одевается, обувается, вышел на улицу, ружье на плечи положил, постоял немного и тоже на сарай. На сарае целую ночь пролежал.

Утром приходит домой, его спрашивают братья:

— Что тебе сказал отец?

— А что тебе, то и мне.

Вечером надо уже Иванушку идти. Вот он оделся, обулся, шубенку на себя, топор под пояс и пошел. Пришел на кладбище, постоял немного, походил, посвистел, сел на могиле, вдруг земля затряслась. Земля затряслась, камни заотваливались. Он смотрит, так и думушки не думат, что побояться, топориком пощелкивае да посвистывае. Вдруг гробница открылась, отец и говорит:

— Ну, Иван, сумел прийти, так сумей и царевной владеть, да еще и моим конем.

— А что у тебя за конь, батюшка?

— А у меня конь-то ведь знаешь Сивко-бурко, воронко, который служил мне век и так же тебе будет служить.

— А братья были у тебя, что им сказал?

— А братья-то твои на сарае пролежали, ко мне не приходили.

Вот тогда и говорит:

— Возьми этих три кнутышка, пойди к белому камню, ударь камень. Когда ударишь камень, скажи: «Сивка-бурка, вещий воронко, послужи Иванушке, как служил моему отцу-батюшке».

— А что же потом буду делать с конем?

— Садись на коня, поезжай, вот посмотришь, как он будет тебя возить. А одеться, когда запросишь одежу, тогда и скажи: «Няньки, верны служанки, оденьте меня не хуже людей».

Вот тогда Иван посидел, посидел, испытал это все счастье, пришел, ударил прутышком, выскочил конь хороший, нарядный, бойкий. Сел Иван, погулял по полю и взял обратно, положил к камню, ударил прутышком и конь исчез. Пришел к отцу и говорит:

— Да, хороший твой воронко.

— Да, хороший.

Посидел Иван до утра, вернулся домой, приходит, а братья спрашивают:

— Иван, что отец сказал?

— А что вам, то и мне.

Иван затянулся на печку, полежал-полежал, думал-подумал: «Да хорошо бы там покататься на этом коне». Вот вечером и думает: «Если мне еще пойти?» Оделся и пошел. Побеседовал и спросил отца:

— Что бы ты моим братьям дал?

— А видно было бы. Да того счастья не дал, которое тебе. А тебе дал из-за того своего воронка-Сивка, что когда царевна будет выбирать женихов, тогда ты на нем поедешь к ней. Твой конь перескочит в первый раз через первый тын, а второй раз поедешь, через два тына, а третий через три.

— А что же тогда я буду делать?

— Она даст тебе золотую печать в лоб и будет разыскивать, тогда найдет и выйдет за тебя замуж.

Ивану стало радостно. «Вот же я дурак, дурак, а буду еще в царстве».

Вот затем Иван и говорит:

— А буду ли я управлять и царством?

— Будешь, будешь на престоле сидеть.

Ивану еще радостнее стало. Вернулся он домой, не знает, что и делать, лежит на печи да посвистывает. А невестки только и ругаются:

— Вот ведь какой дурак, ни дров рубить да и ничего.

Вот утром Иван встал, попил, поел да и отправился в лес. Топор в руки и пошел. Ходит. Походил там и обратно домой. А невестки и говорят:

— Дров нарубил?

— Нарубил.

— Так привези.

— Не, везти не на чем.

Опять на печку свалился. Стали слухи ходить, что царевна выбирает жениха, у кого конь перескочит через первый тын, тогда замуж пойдет.

А братья говорят:

— Вот мы пойдем, а ты, пуля слина, лежи тут, дурачок.

А он и говорит:

— Ну, что же делать, останусь дома. А сам думает: «Не я ли там буду?»

Братья и невестки оделись и ушли. Иван взял топорик и пошел. Подошел к гробнице и говорит отцу:

— Могу ли я, батюшка, поехать?

— Можешь.

— Может ли мой конь перескочить седне через тын?

— Перескочит, только дальше не скачи.

Вот пришел Иван к камню белому, ударил прутышком, выскочил Сивко-воронко. Он взял его обуздал уздою, ударил прутышками и выскочили няньки-служанки.

— Оденьте меня, чтобы лучше всех.

Иван сел и поехал. Приехал туда, а лошади-то одна за одной, едут князи, цари, короли, купцы, ни у кого лошадь перескочить не может, а у Ивана лошадь перепрыгнула, обратно повернулся и был, и нет. Вот ищут, хватают, что «где его взять? Был такой красавец нарядный».

Приехал, коня распряг, убрал, на печку свалился. Приходят братья и невестки.

— Ох, лежит пуля слина там опять, наверно, заслинился на печке, дурачок. А там-то был такой красавец!

Он говорит:

— Ну ладно, потом сходим.

Утром встали, поели, попили. Они и говорят:

— Еще сегодня пойдем и завтра пойдем.

А тот никуда не шевелится. Они ушли, а он топорик опять под пояс и пошел. Пришел, таким же родом все сделал как и в тот раз, поехал на коне. У него лошадь через два тына перескочила. Тогда царевна ему перстенек на руку положила. Увернулся Иван и уехал. Приехал, убрал коня, одежду снял, домой пришел, руку завязал, а невестки приходят и говорят:

— Чего уж рука-то завязана?

— Да вот ходил дров рубить, так руку порубил.

— Ну, вот еще не легче. А там-то сегодня был, знаешь какой... Дак лошадь через два тына перескочила.

— Ну, ладно, увидим потом.

— Да где тебе увидеть, когда на печке лежишь.

Вот на третий день невестки и братья оделись и опять пошли на пир, а он опять в лес. Пришел и взял своего Сивка-бурка, воронка и говорит:

— Сегодняшний день через три тына ты скачи и не мешкайся обратно тут же поверни.

Вот он и поехал, еще лучше да красивее оделся. Его лошадь перескочила через три тына. Царевна ему печать золотую в лоб. Приехал он к отцу и говорит:

— Вот, батюшка, это все правда была. Царевна-то мне печать золотую в лоб дала. А теперь что будет?

— Теперь приедет за тобой, свадьбу сыграет и будешь тогда на престоле сидеть да государством управлять.

Думат Иван: «Как же я могу управлять государством?»

— Будешь.

Вот пришел домой, голову перевязал, приходят невестки и говорят:

— Сегодня ведь царевна золотую печать дала, жениха будет разыскивать теперь, а ты вот лежи. Чего лоб завязан?

— Да вот шел, да за сук задел, так разбил голову. Затем и перевязал, что кровь идет.

Спать повалились, а он думат: «Что же такое?» Развязал и пощупывает, а зарево-то на печке и отдалось.

— Что ты спички-то черкаешь, дурак? Ты пожару не наделай.

— Ничего, ничего, закурить захотелось.

Так лежит день, два, а царевна уж розыски делает по деревням, по городам. Надо же найти, откуда такой купеческий сын или королевский, или княжеский, или даже царский приезжал, что такого никогда не видела. Вот и поехала. Ездила, ездила, нигде найти не может. Приехала к ним и говорит:

— Нет ли у вас вот такого-то, которого я ищу?

— Да откуда у нас? Вот есть мой Степан да ее Андрей, а Иван-дурачок у нас на печке лежит.

— Да покажите его.

— Да перевязался весь, руки завязаны, разрублены, голову, наверно, о сучья разодрал.

А он и закрякал. А она говорит:

— Выйдите!

Он как вышел, развязал голову, а у него печать во лбу. Тут братья и ахнули. А невестки и начали:

— Почему же вы не сходили к отцу, чтобы он что-нибудь вам дал, а то вот не сумели, на сарае пролежали.

Тогда царевна и говорит:

— Садись, Иван, на моего коня.

А он говорит:

— Нет, я приеду на своем коне. Когда ты поедешь, забери моих братьев на пир, а я приеду на своем коне, как я скакал через три тына, теперь к самому дворцу подъеду к твоему.

А царевна и говорит:

— Нет, поедем со мной, обманешь, не приедешь.

Пришли они на кладбище, а он не хочет ей показать, где берет свою лошадь. Постоял Иван около отца немного, гробница затряслась, отец заговорил:

— Вот, Иван, живи, управляй, а если что неладно, приезжай ко мне, все тебе расскажу, как надо управлять государством. Живи с царевной, устройте большой пир.

Попрощался он с отцом, взял жеребца, вернулись домой, забрал своих братьев и невесток, и устроили они большой пир. Поженилась царевна на Иване. И так стали они жить, живут доныне еще, радуются.

23. ИВАН — ЛИСИЦЫН СЫН

Жила лиса в лесу, родился у ней сын, сына она ростит и думает: «Как бы мне сына женить где-нибудь, на какой-нибудь девушке. А то все живу бедно да бедно, бегаю по лесу, да бегаю по кучам да...» Вот задумала она сбегать к Ивану-царевичу, присмотрела, что девка (у них) хорошая и думает:

«Куда же мне привести царскую дочь-то, куда поместить?» А тут жила в городе неподалеку от них Змея-горюнович. Вот она прицла и говорит:

— Змея-горюнович, живешь хорошо, да и слуги у тебя, да и пастыри, да и лошади, да и коровы, да и все. А ведь ты знаешь, что мимо этого места поедет скоро царь и покатится, и все твое именье спалит.

Она и говорит:

— А меня?

— И тебя может попалить. Ты, — говорит, — спрячься, найди себе место где-нибудь.

— Пойдем-ка искать.

Пришли на двор, там была плита большая.

— Вот под эту плиту подкопаем яму.

Лиса порыла, порыла, яму сделала для случаю всякого, покатит царь да будет палить, так она спрячет ее (змею). Взяла (лиса) нашла там где-то пять копеек или три, прибежала к Ивану-царевичу.

— Иван-царевич, дай-ко мне мерник, деньги смерять.

— Да, богато, лиса, живешь.

— Да не бедно. Стопками деньги стоят. Вот смерять надо.

Прибежала да положила в этот мерник три копейки, пришла к Ивану-царевичу и говорит:

— Возьмите, спасибо. А на завтра, может быть, буду серебро мерять, так даете?

Ну, вот опять прибежала, попросила мерника, бросила десять копеек. Опять он и говорит:

— Богато, лиса, живешь. Серебро меряла.

А потом и стала дочерь сватать.

— Иван-царевич, дак отдай дочку-то за моего сына.

— Ну, дак что же, так богато живешь, дак... Угодья имеешь?

— Имею и лошадей, и все хозяйство, и слуги, и пастыри, все есть.

Посватала она, и собрались они все ехать. Насбирала она где-то шапченок, колышков, карбасенко небольшой, надела на колья шапки, человек десять-пятнадцать собрала, будто что едут. Приехала прежде его (царя) на Двину и повернула этот карбас. Все шапочки постирала, а колышки-то унесло. Пришла и говорит:

— Вот, Иван-царевич, все погибло и людей погубила, только одни шапки собрала.

А он и говорит:

— Ладно, ничего, что же уж люди погибли, будет людей.

— Да вот и платье-то у сына, у Ивана — лисицына сына, все погибло.

— Даем хорошее.

Одел (сын) костюм, да только шея не сводит, на себя глядит.

— А что же он глядит?

— А у него еще лучше был (костюм).

Вот второй принесли. Он еще больше смотрит.

— Да что же он все смотрит?

А пир уже собраной, народ на свадьбы, угощаются, смеются.

— Да еще смотрит (сын на себя).

Вот как третий (костюм) одели, она взяла маску и сунула туда, чтобы он (голову повернуть) не мог. Он головы своротить не может. Ну ладно, поженились, свадьбу сыграли. Она сыну и говорит:

— Поезжай к Змею-горюновичу прямо во дворец, а я побежу впереди тебя.

Вот бежит, пастыри коней пасут.

— Пастыри, пастыри, чьи вы, пастыри?

— Мы Змеи-горюновича.

— Ой, бедны, не скажите, что Змеи-горюновича, а скажите, что Ивана — лисицына сына, а то царь катит, всех головней опалит.

Пробежала к коровьим пастырям, тоже также сказала, к овечьим. Прибежала ко дворцу и говорит:

— Слуги, слуги, вы чьи, слуги?

— А мы слуги Змеи-горюновича.

— Не скажите, что Змеи-горюновича, а скажите Ивана — лисицына сына. А то царь всех побьет, сегодня покатит.

Прибежала туда.

— Змея-горюнович, куда ты? Ведь царь катит, всю землю вашу попалит.

А она говорит:

— А на дворе-то яма! Да я под эту плиту, да я тихонько спущусь.

Вот прибежала (лиса), змея-то тянется, в яму-то запехалась, она (лиса) плиту спустила и убила до смерти (змею). Вот сама и побежала на улицу, на дворе побегала, прибежала, слугам и говорит:

— Слуги, слуги, вы уже готовьте обед, да приготовьте пир свадебный, у меня сын сейчас едет да царь едет еще, дочь егова за моего сына вышла, вы не скажите, что Змеи-горюно-

вича, а скажите, все, что Ивана-лисицына, тогда все будет хорошо.

Начали пир устраивать. Приехал царь, смотрит, у них-то и богатство, и слуги, и все. Зашел в комнату, а стоит буфет, в буфете стопками стоят деньги.

— Да, не зря лиса мерник-то таскала, денег мерять, богато живешь.

— Ну, как же, Иван-царевич, неужели буду бедно жить да мерник носить? Денег-то у меня много.

Свадьбу сыграли, уехал царь, а лиса осталась со своей невесткой да сыном жить-поживать да добра наживать. Сказка вся, рассказать больше нельзя.

24. ТИЛЛИ, ВИЛЛИ, МОТОВИЛЛИ

В давнее время жил старик со старушкой. Они жили в лесу, у них там не было никаких продуктов, ничего. Вот они живут — поживают да толокно поедают, мелют. А потом пошел старик в лес, пришел, стукнул в лесину, вылетела птичка.

— Тилли, вилли, мотовилли, что, старичок, ходишь, что, старичок, бродишь? Есть ли нечё, пить ли нечё?

— Да вот нет ни есть, нет ни пить. Живем бедно да нужно[1].

— Поди напейся квасу, помолись Спасу, утром встанешь, все будет.

Пришел старик, старухе и говорит:

— Налей квасу, я буду молиться Спасу, а может что утром и буде.

Старуха налила квасу, помолился старик Спасу и спать повалился. Утром встал. И хлеба, и соли, и воды, все есть.

— Вот, — говорит, — старуха, ведь это мне все птичка дала.

— Иди, старый, еще хлопни лесину да проси еще хоть новый дом, да чего-нибудь еще. У нас ничего нету.

Пришел старик, стукнул в лесинку, вылетела птичка.

— Тилли, вилли, мотовилли, чего, старец, ходишь чего, старец, бродишь, есть ли нечё, пить ли нечё?

— Да есть вот пить, да и есть, да вот дом плоховатенький, да и нужда у нас вокруг и озера нет.

— Иди, старик, опять напейся квасу да помолись Спасу, утром встанешь, все и будет.

Старик также напился квасу, помолился Спасу. Утром встали — и дом хороший, и озеро под окном.

— Да, старый, ты чего, озеро-то просил, а у нас ведь и ловить нечем. Поди, попроси, чтобы какие-нибудь были сети.

---

[1] В нужде.

Вот старец пришел, стукает лесинку. Вылетела птичка.

— Тилли, вилли, мотовилли, чего, старик, ходишь, чего, старик, бродишь, есть ли нечё, пить ли нечё?

— Все есть, птичка, есть и дом, есть и озеро, да и рыба в озере, да ловить нечем.

— Да вот иди домой, посмотри по своим гвоздикам, посмотри по своим углам, может у тебя и сети есть. Спусти их в воду да и лови рыбу.

Старик пришел, утром встават со спанья, смотрит — у него и сеточки, и спрядено, и веревочки, и все. Пошли со старухой, спустили сетку в воду, а лодки нету. Как же быть?

— Да иди, старец, проси, хоть бы какую-нибудь лодку-то. Как же мы будем ездить-то?

Старик и пошел.

— Да вот озеро-то есть да и рыба есть, а лодки нету.

Вот пришел старец, квасу напился, Спасу помолился. И лодка, и сетки стали. Сели старик со старухой и поехали через озеро. Пала буря и утонул старик со своей старухой. Да и все пропало ихнее.

25. ВОШЬ

В некотором царстве, в некотором государстве, в одной деревушке жил старичок. Жил бедно, небогато, а у него родилась дочь. Дочь уж така была красавица, что не знали куда ей и полагать. А девушка-то стала голову чесать и вычесала вошь. Ну вот, а отец и думат: «Куда же нам класть? Надо же ростить». Положил вошь на блюдечко, а вошь росла-поросла, уж на блюдце не помещается. Вот затематко думат: «А что же теперь? Положим мы ей хоть на тарелочку». Росла-поросла, на тарелку не помещается. Ну куда же. Положили тогда в горшок. В горшке подержали, уж тут не помещается.

— Да что, — говорит, — мать, надо вошь положить в ушат.

В ушат положили, она там уже не стала помещаться.

— Так тогда нам надо, — говорит, — хоть обрез.

Притащили обрез деревянный большой и держат там вошь. Вошь уж большая, не помещается.

— Ну, так тогда что же делать?

Надо вошь убивать.

Вот потом взял мужик вывел вошь на улицу и стал убивать. Убил вошь, положил шкуру на грядку, на огороду, где сеялась картошка, да там что-нибудь еще другое, вот и держа. Все люди ходят, смотрят, что за шкура? Не знают никто отгадать, кто говорит лошадиная, а кто говорит медвежья, а кто говорит волчья. Чья шкура-то, не знают никак отгадать. А

девка-то уж выросла большая, а на ней женихи-то сватаются, а отец и говорит:

— Если кто узнает, что чья шкура, за того и дочь отдам.

Она-то и выбирает еще женихов, что «ужо кто понравится, тому и скажу, что чья это шкура, а так не скажу».

Вот потом один ходил купец, там простой крестьянин, вот уж пришли короли. Спрашивают:

— Это чья же шкура?

А потоматку оны и стали еще отгадывать. Ну никак не могут. Вот пришел царевич, а девушке понравился. Думат: «Как бы мне сказать, что эта шкура — вошь?» Вот она ходила, ходила около него, посматривала, поглядывала, ну их собралось не один десяток женихов, никто не могут отгадать. Страшная, шерсть небольшая, ну чья же эта шкура?

Она ему и говорит:

— Это вошь.

Ну тогда царевич и говорит:

— А вот что, отец, — говорит, — эта шкура-то вошь.

Он (говорит):

— Вот ты один отгадал, за тебя дочерь отдам.

Все и заплескали в ладоши. Ну и выдал за царевича замуж. Вот тоже затем поднеа он родню свою, собрали на свадьбу, отца пригласили, мать, приехали туда, а смотрит старик-то что такое царство, да такое богатство.

— Вот этта жить да не умирать. Вот моя счастливая дочь. Если бы я вошь не ростил, дак не выдал за царевича замуж. А вошь-то вырастил, дак теперь и дочь выдал замуж.

Устроили пир на весь мир. Вот тоже я там была, а пива-то не дали, угощали только чайком, да сладким медком. Вот и все.

26. ПРО ЕМЕЛЮ

Жили-были старик со своей старушкой, богатство имели небольшое, сохой поле ворочали — пахали деревянной, ну хлеб сеяли сами, пекли, варили. У них было три сына. Братья эти работали и женились, а Емеля-то все ленится и ленится, на печке лежит. Уедут братья в лес, а невестки говорят:

— Емеля, да иди, хоть расколи дров.

— Да не хочу.

Вот опять и говорят:

— Да, Емеля, сходи хоть наруби дров.

— Да не хочу.

— Емеля, да иди, хоть принеси воды, то братья с города вернутся, да тебе и гостинец не дадут.

Вот и стал Емеля думать, что братья приедут, да гостинец не дадут. Вот потом слез с печи и думат: «Пойду я, принесу им воды». Пошел к реки, идет посвистывает, ведром помахивает, почерпнул воды, а смотрит — попала ему рыбина.

— Вот так уха! Уху сварим, братья приедут с города, нам и уха будет.

Посмотрел, а щука. Щука взмолилась человеческим голосом:

— Емеля-дурачок, отпусти меня! А чем могу, тем и откуплюсь.

— А какой мне с тебя выкуп? Уху сварю, да и уха хорошая будет.

Она второй раз:

— Емеля, отпусти меня, а чем могу, тем и откуплюсь. Какой тебе выкуп надо?

— А какой мне с тебя выкуп надо? Уха хорошая будет, — только наговариват Емеля.

Тогда он и говорит:

— А что же ты мне дашь?

— А что ты запросишь?

— Если ты можешь, чтобы мои ведра ушли сегодня с водой домой, тогда и посмотрю.

А она и говорит:

— Да скажи, Емеля, что «по щучьему веленью, по моему прощенью, подите ведра домой!»

Ну, вот, давай, ужо, что будет. Ведра пошли домой, он отпустил щуку. Ведра идут, а люди дивятся. Ведра сами в избу зашли, остановились. Емеля на печку свалился, а невестки удивляются. «Что это за Емеля-то, ведра не нес, а ведра сами пришли?»

Тогда невестки и говорят:

— Емеля, хоть бы дров нарубил.

А Емеля вышел на двор и говорит:

— По моему прощенью, по щучьему веленью, колитесь дрова сами.

Топор скочил, давай, дров наколол.

— Да принеситесь в избу!

Вот и дрова пришли в избу. Вот тогда невестки задумали опять: «Отправить бы в лес Емелю дров нарубить».

— Емеля, хоть бы съездил дров нарубил. Братья-то все время ездят, им некогда.

Емеля пошел на двор, взял сани, сел на сани и говорит:

— По моему прошенью, по щучьему веленью, подите сани в лес.

Сани пошли, оглобли вверх, люди идут дивятся, а Емеля сидит да посвистывает, песенки попевае, а сани идут. Приехал в лес, а он и говорит:

— По моему прошенью, по щучьему веленью, рубитесь дрова сами.

Топор скочил, давай дров рубить. Нарубил дров, наклались дрова сами на сани. Емеля сел и поехал. Едет, посвистывае. Вот люди удивляются.

— Что это за Емеля такой, без лошади, а дрова едут?

Вот едет Емеля в лес по городу, а народ встрету, все люди падают, жалуются, сбивает людей, сколько побил, погромил. Проехал в лес, обратно поехал, думат: «Да что я буду делать? Люди-то, на меня будут нападать. Давай возьму дубинку».

А сидит себе дубинкой помахивает, а народ-то и кричит:

— Что ты, Емеля, едешь так, да вот смотри, сколько людей-то поронял, да искалечил. Давай...

Емелю хотели побить, а он взял да дубинкой стал оберегаться да колотить людей.

Вот поступила жалоба к царю, что Емеля-то людей сколько подавил. Тогда он и говорит:

— Привести Емелю.

Тогда вельможа приходит к Емеле и говорит:

— Вот, Емеля-дурачок, вас просит царь явиться.

А он говорит:

— Погодите, надо, дак сам приедет.

А он пришел и говорит, что Емеля-то не подчиняется.

Тогда он (вельможа) говорит Емеле:

— Идите, вас опять царь просит.

Он говорит:

— А неохота идти.

Тогда царь прислал войско, говорит:

— Идите, возьмите Емелю с войском.

Пришло войско к Емеле и говорят:

— Емеля, мы тебя войском возьмем, тебя царь звал.

А он говорит:

— А идите впереди, а я за вами приду.

Тогда и говорит:

— По щучьему веленью, по моему прошенью, поди, печка, к царю.

Вот и поехали. В гармошку поигрывает, сидит да песенки попевает, а народ все смотрят, войско все пляшет, за Емелей вслед идет, а кто и спереди. Когда навел подзорную трубку царь, смотрит, печка идет да и войско пляшет, да и гармонь весело играт. А у него (у царя) была дочь. Дочь была упрямая да капризная. Вот она увидела, что гармошка играет да все войско пляшет, так она обрадовалась и тоже заплясала. Тогда Емеля и говорит:

— Женюсь я на этой дочке.

Ваяли, вывели ее на лужайку и стали (они) танцевать.

Когда стали танцевать, он и говорит:

— По щучьему веленью, по моему прошенью, постройся здесь избушка.

Построилась избушка, они устроили пир и поженился Емеля на царской дочке.

27. [НЕРАССКАЗАННЫЙ СОН]

В давнее время жил один крестьянин, у него было два сына. Жили они неплохо, да и не богато. Сынки выросли, на работу ходили да и помогали по хозяйству отцу. Вот сынки вечером спать ложатся, отец и говорит:

— Что, деточки, во снах увидите, отцу расскажите.

Вот они встали со сна, отец и спрашивает:

— Ну что, сынки, видели во снах?

Один говорит:

— Вот я, батюшка, видел сон, что наш Иван по поднебесьями летал.

А второму говорит:

— А ты что?

— А не скажу, батюшка.

— Как это не скажешь?

— Не скажу.

— Ну как это не скажешь?

Отец всяко пытал сына, и так пытал и другояко, бил даже, всяко.

— Ну не скажу.

Взял, раздел его, отвез, привязал к лесины.

— Посидишь немного, тогда скажешь.

А сын все твердит, что «не скажу».

Вот ехал однажды Иван-царевич мимо, а он сидит у лесины. Иван-царевич говорит:

— А почему ты привязаной?

— Отец привязал.

— А за что?

— Сон не рассказал.

— Ну так иди, я тебя отвяжу и увезу к себе.

— Возьми.

Вот они приехали. Он (царевич) и говорит:

— Теперь мне расскажи сон.

— Нет, отцу не рассказал и тебе не расскажу.

— Да как это не расскажешь? Я тоже наказывать буду.

— Наказывай, а не расскажу.

Взял да его и посадил. Вот он сидит, а сам (царевич) хотит ехать жениться на Елене Прекрасной. Вот (Иван-царевич) и говорит:

— Поеду я, сестрица (а у него была сестра), жениться на Елене Прекрасной.

Запряг там лошадь, взял себе помощников и поехал. Она приходит к ему (в тюрьму), он и говорит:

— Ну как, Мария, уехал брат жениться?

— Уехал.

Он говорит:

— А кого с собой взял?

— Да, — говорит, — кучера, больше никого.

Говорит:

— Выпусти меня из тюрьмы. Иди, — говорит, — в роту, подбери десять человек, всех рост в рост и волос в волос, и голос в голос, а назови всех Иванами, чтобы все были Иваны, и дай мне трех лошадей, чтобы я мог уехать.

Вот она пришла, солдат выбрала всех рост в рост, волос в волос, голос в голос, ну и назвать можно было всех Иванами. Он взял их и поехали. Приехали, смотрят, три мужика дерутся. Он и подбежал к им:

— Вы над чем же это, братцы?

— Да вот, отец-то умер у нас да завещал мне ковер-самолет, а другому сказал, что сапоги-скороходы, а третьему шапку-невидимку. Так вот деремся и третий год разделить не можем.

— Да вот я выстрелю вам три стрелы, а вы бежите. Кто поперед стрелу поймает, тому ковер-самолет, кто второй, тому сапоги-скороходы. А кто впереди прибежит?

Выстрелил и взял ковер-самолет, посадил своих Иванов и поехал. Приехал в царство к Елене Прекрасной, а Иван (царевич) сидит и думушки не думает про сватовство.

— Ну как, Иван, ходил сватать?

— Да вот собираюсь.

На завтра Иван (царевич) походит к Елене Прекрасной. Приходит, она собирает всех князей, королей и говорит:

— Если угадаешь загадку, то пойду, а не угадаешь — не пойду.

А Иван — нерассказанный сон за ним вслед, невидимку одел и пришел. Сел в уголок, сидит. Елена Прекрасная пришла и говорит:

— На завтрашний день придешь, принеси то, что я думаю, — не сказала что.

А Иван-то — нерассказанный сон, как вошла только Елена Прекрасная в мастерскую швейную заказывать себе платье, так и он. Он смотрит, что она шьет. Он взял такое же заказал, это платье снял и Ивану-царевичу принес.

— Вот, — говорит, — она будет говорить, что ты ее не отгадаешь отгадки, так ты и положи на стол.

На второй день приходят, собирает она всех опять, говорит, что если угадаешь, то мне-то подари, что я думала. Он подал платье, все заклескали в ладошки.

— Ай да Иван, ай да Иван!

— Назавтра подари, — говорит, — мне пару туфлей.

Вот он (Иван — нерассказанный сон) приходит к ней. Она заказывает в мастерской туфли. А Иван — нерассказанный сон, она велела один подобрать, а он два взял сапожка. Этот (слуга) бегал-побегал, утерялись туфли, утерялись, найти не мог. Ну, ладно, приходит, Ивану-царевичу и говорит:

— Вот на завтра она тебе подает один (туфель) на стол, а ты ей два клади.

Вот она и говорит:

— Ну, если на завтра загадку не отгадаешь, то голову снесу.

Приходит Иван-царевич, она поутошалась, посидела, утром раненько запрягла лошадь или коляску, садится и уезжает. А Иван — нерассказанный сон берет сапоги-скороходы, шапку-невидимку и вслед, не отстает ни на шаг. Подъезжает она к морю. Море сволновалось, и он сел тут же. Выходит старичок из моря. Она говорит:

— Дедушка, садись, в головы поищу.

Она стала голову искать, выдернула три волосинки из головы серебряны. Он говорит:

— Ох, как больно, внученька, ищешь. Да еще бороду поищи.

Вот она стала бороду искать. Опять отрезала три волосинки. А Иван — нерассказанный сон выдернул целый пучок. А старик и сволновался:

— А так, внученька, больно искать не надо.

И в воду брыкнул.

Царевна повернулась обратно и поехала. А Иван — нерассказанный сон обратно приехал и говорит (Ивану-царевичу):

— Вот на завтра пойдешь, подает она тебе три волосинки, а ты положи этот пучок, она подает второй, а ты положи вот этот второй. И будет она спрашивать, что «кто тебе достает это все», ты ничего не говори.

Вот приходит Иван-царевич к ней на пир, а все короли собрались и сидят, угощаются. Она и говорит:

— Ну, сегодня отгадку не отгадаешь, то значит голову снесу, в живых не оставлю, а угадаешь, замуж буду выходить.

Она положила волосы, он рядом пучок, она положила вторые — и он. Она говорит:

— Кто это тебе помогает?

Он говорит:

— Это все сам достаю.

— Ну, не может быть.

Гости все закричали.

— Выходить, выходить Елене, выходить и все.

Решили—выходить. Она думат: «Как же это выходить?» Взяла книгу волшебную, раскинула и узнавает: «Кто же это помогает?» Книга показала, что это не он сам, а ему другой помогает. Она и говорит:

— Сегодня ты собери своих помощников ко мне ночевать. Думат: «Как же мне узнать, что кто это помогает?» (Слыхали ведь так, наверно?) Вот она спать-то повалилась, книгу-то эту положила, ей показалось, что это Иван. Она взяла у его волосы подстригла, подстригла волоса немножко.

— Завтра я его сказню. Узнаю, что это он.

А он ребятам и говорит:

— Ребята, вставайте, Елена Прекрасная у меня волосы подстригла, да и у всех так надо.

Вот у всех они подстригли так волоса, утром она их зовет, думат, что «ну, сейчас я сказню». Наливают рюмки вина, а одну наливает золотую. Кто возьмется за эту рюмку, тот и помощник ему. А он им и говорит:

— Не беритесь ни за каку, только за эту, котора золотая рюмка.

А они все, тот: «мне», другой: «мне», и рюмку разбили. А она как посмотрит на них, а у всех волоса подрезаны. Она и говорит:

— А что это такое? Неужели мне эта волшебная книга все врет?

Взяла, разозлилась, затопила печку и стала свадьбу справлять. Собрала всех королей, свадьбу сыграла и поехали, а Нерассказанный сон сел на ковер-самолет, прилетел на гору, а идут старики. Вот он — одному ковер, другому сапоги, третьему шапку. Сам поехал дальше. Приехал к сестры и говорит:

— Сейчас я сяду туда, где сидел раньше.

Она говорит:

— Почему же? Как же?

— А Иван-царевич едет с Еленой Прекрасной.

Велели колокола бить, да все харчевни открывать, да свадьбу справлять. Вот сестра и дожидает. Вот приехал Иван-царевич с Еленой Прекрасной, спрашивают:

— Где Иван — нерассказанный сон?

— Да сидит.

— Да как же? Он же мне помог, если бы не он, так я бы Елены Прекрасной не достал.

Выпустить его пришел. Выпустил и говорит:

— Ну что, чем мне теперь платить?

— А мне ничего не надо, если наградишь немного деньгами, или чем, какой подарок дашь, а я домой к отцу, к матери пойду, может быть, они уже состарились да старые живут.

И пошел домой. Приходит, а отец, мать его уж не узнали.

— Здравствуйте, дедушка и бабушка.

— Здравствуйте.

Накормили, напоили, спать повалили. Утром вставает Иван — нерассказанный сон, а отец несет ему воду, умываться. А мать несет полотенце. Он и говорит:

— Вот это вы, батюшка и матушка мои, вот теперь я тебе батюшка, сон расскажу.

— А что же это такое? Сын наш?

— Да это Иван, Иван приехал.

— Вот, батюшка, мне снился сон тогда, что я буду по поднебесью летать на ковре-самолете, и буду доставать Елену Прекрасную Ивану-царевичу, а вы, батюшка, будете мне воду лить, а матушка будет с полотенцем стоять.

И вот так остался Иван — нерассказанный сон дома жить с отцом, с матерью. Вот и сказка вся.

БЕЛОМОРСКИЙ РАЙОН

ШУЕРЕЦКОЕ

Наталья Григорьевна Никитина, 76 л.

28. (МЕРТВЕЦ)

Жили-были в деревне тама-ка старик да старуха, у одного была дочь, у другого сын. Вот эти дочь да сын все это вместе дружили. Он к ним ходил, дружно жили. Вот потом, друг ейный вроде бы заболел. Заболел этот друг и помер. Номер и его похоронили. А эта девушка все плакала по ем. Жалела его все. Вот и ходила постоянно на кладбище, все вроде плакала. Вдруг... сидит эта девушка дома и пришел к ей дьявол, по-прежнему бы сказать, в такой одежде, какой этот мужчина ходил, и говорит:

— Любушка моя, поедем со мной, — говорит.

— Ой нет, — говорит, — как же я поеду с тобой, ведь ты же помер.

— Нет, я уже не помер, а выстал, оделся и поедем со мной.

Вот они выстали, вышли на улицу, она согласилась. Он в одежде, во всем. Ну, он:

— Поедем, у меня конь есть, мы с тобой уедем, чтобы нас никто не нашел с тобой.

Вот как вышли на улицу-то, а он сам в белом во всем, конь у его белый. Ну, сели и поехали, вот он и говорит:

— Месяц светит, мертвец едет, любушку везет, — покойник-то говорит. — А, любушка моя, боишься ли меня?

Она говорит:

— А нет, не боюсь.

А сама как не боится, она уже испугалась, ей уже выйти некуда. Вот едут, едут, едут, вроде уж на кладбище едут, он опять и говорит:

— Месяц светит, мертвец едет, любушку везет. Любушка моя, боишься ли меня?

Ну, она:

— Нет, не боюсь.

Ну, он и третий раз также:

— Месяц светит, мертвец едет, любушку везет. Любушка моя, боишься ли меня?

Она говорит:

— Нет, не боюсь.

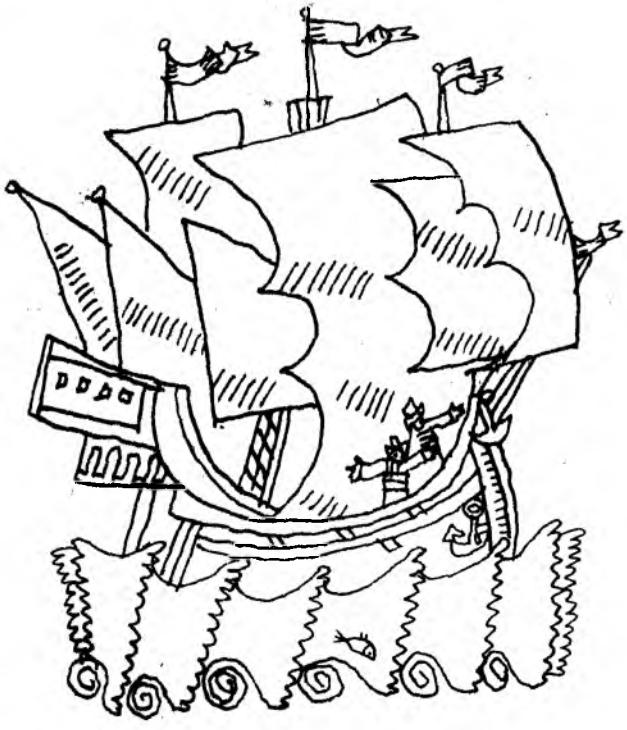
Ну вот, приезжают на кладбище. Приезжают, она видит, могила! Вот большая яма. А она сколько-то платьишка взяла, приданого с собой. Он ей и говорит:

— Опускайся в яму, я тебе буду подавать.

А она:

— Нет, не опущусь. Ты сам, — говорит, — опускайся, я скорее подаю с воза, а мне в яму-то укладывать хуже. Ну, подосельному там чего-то привезли.

Вот он опустился в могилу, она стала подавать. Тюк подала, да какой-то ящик большой взяла, да в руки захватила, обеими руками, да ему по голове-то и ляпнула, да и запела: «Христос воскрес!» Да и бежать и убежала эта девушка. Потом, говорят, она как-то помешалась. Так и жила потом. Мне покойна мать рассказывала. Да и я здесь слышала от какой-то женщины.



БЕЛОМОРСК

Кондратий Яковлевич Игнатьев, 66 л.

29. ХИТРЫЙ ВОР

Жили-были в деревне два брата. Один занимался кузнечным делом, второй избрал себе такой путь, который никто не одабривал, занимался воровством по малости и по большому. У второго брата не было никого детей, а у кузнеца был один сын. Сына хотел (отец) выучить какому-нибудь ремеслу: кузнечному, сапожному или другому какому. Но сын не хотел ничему учиться, куда бы он его ни отправлял. Вот придет к дяде и спрашивает:

— Дядя, чем ты занимаешься?

— А кого бы как-нибудь обокрасть.

— Научи меня воровать.

Тот:

— Нет, не надо, отец будет ругаться.

Ну, ни в какую. Так мальчишка стал воровать, привыкать вместе с дядей. Вот один раз они вышли, идут по дороге, племянник и говорит дяде:

— Слушай, дядя, вот там, — говорит, — плавают соседские гуси, давай их украдем.

— Что ты, дурак, как гусей можно украсть?

— Попробуем, украдем.

— Ну, знаешь, это не украсть никак.

Ползут потихоньку, подкрадываются к гусям. Пока крались, племянник взял да сапоги у дяди прорезал. Тот как в воду вскочил, воды полный сапог. Гуси улетели. Идут дальше по дороге, идут два мужика, ведут на продажу быка. Племянник и говорит:

— Давай украдем быка.

— Что ты, как у двоих украдешь? Ты еще мал, а мне с двумя не справиться.

— Попробуем, украдем. Дядя, у тебя сапоги хорошие?

— Хорошие.

— Ну так давай пойдем.

Подошли.

— Бросай сапог.

А сами спрятались. Бросил дядя сапог на дорогу. Племянник говорит:

— Давай мне со второй ноги.

И давай бежать вперед. Подошли мужики:

— Вот какой-то разувай сапоги растерял. Один, куда ж его?

Так племянник, наверно, версты две пробежал и бросил второй сапог. Подходят мужики, видят второй сапог лежит. Посмотрели.

— Тот как будто был на правую ногу, а этот на левую. Что делать?

— А давай привяжем быка веревкой к березке и побежим. Кто вперед прибежит за тем сапогом, того и будут сапоги.

Вот и пустились вперегонку. В это время племянник быка отвязал и загнал, а дядя вслед за ним пришел лесом. Загнал его в болотину и говорит дяде:

— У тебя нож есть?

— Есть.

— Отрезай голову.

Отрезали голову. Мужики прибежали, там сапога нет. Вернулись обратно, здесь ни сапога, ни быка.

— Что будем делать?

Смотрят, а бык в болотине. В болото идти худо, были в лаптях. Веревка у них была. Забросили эту веревку за рога, стали тянуть. Тянули, тянули, а голова-то совсем была отрезана. И оторвали голову, пропал бык.

— Что будем делать?

— Делать нечего. Ну, пропал бык!

Пошли они не солоно хлебавши. Это и надо было дяде и племяннику. Племянник и говорит:

— Ну, давай, буду доставать быка из болота.

Сняли шкуру. Говорит:

— Давай мясо делить.

Племянник говорит:

— Давай делить пополам.

— Как пополам? Я воровал, а ты мне только помогал. Мне две трети, а тебе одну треть.

Племянник:

— Нет.

Рассердился, схватил шкуру бычачью и убежал в лес. Выломал прут и давай по шкуре хлестать и приговаривать:

— Милые дяденьки, не я воровал, дядя воровал, я помогал, оставьте меня, пожалуйста, не бейте.

Услыхал как это дядя и давай бежать, а племянник, ничего не думая, пришел к отцу и говорит:

— Батя, дай лошадь.

— Куда?

— Да надо, съезжу.

Съездил, взял быка, который был разрезан на части, положил на телегу и свез в город, продал.

Прошло немного времени, ну занимается там мелким воровством.

— Что нам мелкими кражами заниматься, — говорит дядя, — давай что-нибудь побольше сделаем.

— Куда пойти?

— Пойдем в город, там есть банк (ну, там банк частный, там хранятся деньги, золото, всякие такие вещи), вот давай...

— А как там, все под охраной?

— Ну подумаем, посмотрим, походим. Ну, походили, посмотрели трудно попасть. Племянник потом посмотрел:

— А вот что, дядя, давай потихоньку ночью рыться в земле, прорoем ход под землю, а там потом...

— А землю как же?

— А землю будем выносить.

И роются. Так проходит день, два, три, все копаются. Ну, потом и днем и начали это дело делать. Заберутся, там и не видно. В конце концов определили по шагам, сколько расстояние. Но когда под стены-то подрылись, а как попасть под пол? В результате додумались, что надо и пол. А пол, конечно, не каменный, деревянный. Принесли инструменты. Ну тогда как там никого не было, пробили и пол, ну и в первый день унесли порядочную сумму денег. Унесли. Это показалось мало. В бан-

ке сперва не схватились, а потом когда пришли, смотрят, половина денег уплыла, а они хитро замазывали. Уйдут и опять замажут.

Как, но догадались, что здесь что-то неладно. Открыли пол, а там яма, а под яму прорыв такой, дальше, дальше, вышли туда. Ну что же? Надо поймать воров. А племянник все посматривает, как что-то дело неладное, догадались. Как поймать воров? Решили поставить в яму чан и накипятить туда смолы. Когда станет туда вор спускаться, тогда и попадет сверху в эту смолу.

Так и сделали. Вот пришли дядя с племянником, племянник и говорит:

— Ну, дядя, сегодня полезай-ко ты. Я все время лазаю. Попробуй, как ты сумеешь вперед меня туда попасть.

Дядя полез туда, а смола-то горячая, он как закричит:

— Ой, я обжегся, ноги.

Племянник видит дело неладное. «Поймают, и я попаду».

Он недолго думая, взял у дяди голову отсадил, пришел к тетке и говорит:

— Вот что, тетка, погиб наш дядя, я больше не могу ничего сделать.

Отсадил голову и там и оставил. Ну, стали искать, так — сяк. Кого? Тогда решили положить покойника на телегу и повезти по селам, деревням, узнают кто из родственников — арестуют, а потом добраться, потому что не один воровал. Племянник это дело пронюхал и говорит тетке:

— Знаешь что, тетка, повезут твоего мужа через нашу деревню, будут всех вызывать, не признаете ли вы его? Тебе, конечно, будет охота посмотреть, может быть, и поплакать. Так вот, я тебе советую вот что: когда повезут его, ты налей в кувшин молока и иди. Когда поравняешься, споткнись и реви сколько хочешь. Не говори, что тебе жалко мужа, а говори, что «упала, кувшин молока разбила и последнее у меня тут, вся моя надежда, не на что будет жить» и всякие такие вещи. Об этом ты и говори.

Вот везут из села в село, из деревни в деревню, из города в город и привезли в эту деревню покойника. Народ вызывают, «не знаете ли кто?» Никто. Тетка подошла с кувшином молока, как будто бы и невзначай споткнулась, упала, молоко спролила, кувшин разбила и давай реветь.

— Что я буду без тебя...

— Ага, значит твой муж?

— Да нет, что вы, что вы, я просто кувшин разбила молоко спролила, надо было продать, не на что хлеба купить...

Отступились и ушли. Так возили, возили, нигде и не нашли вора. А этот вор стал взрослым и не прекращал воровские занятия. Пошел он дальше. Хотел он пробраться и в царскую казну. Но там более строгие законы, более твердые. В конце концов попался, а когда попался, его повесили.

Борис Николаевич Сахаров, 35 л.

30. ПРО ИВАНА-ЦАРЕВИЧА, ИВАНА-КОРОВИЧА И ПРО ИВАНА — КУХАРКИНА СЫНА

Жил-был один царь-государь, у его не было детей, жили они с женой несколько лет, а детей не было. Вот он и говорит:

— Дело к старости идет, я скоро умру, а престол и передавать некому.

И вот он послал гонцов. Кто может вылечить жену, чтобы дите народилось? Пришла весть, что в таком-то государстве есть рыбка такая, если эту рыбку съесть, то народится ребенок. Рыбку эту поймали за большие деньги и сварили уху. Ну, кто уху варит? Кухарка. Кухарка-то рыбу варила и кусочек отщипнула попробовать, интересно, что за царская еда? Она и попробовала. Попробовала, а остатки остались, вылила в пойло, корове досталось. И вот в один час, в одно время народились Иван-царевич, Иван — кухаркин сын и у коровы Иван-корович. Ну и вот, судьба их такова: пошли они по белому свету себя показать и людей посмотреть. Как обычно в сказках — большим умом-разумом. (Тут имеется в виду Иван-корович). Они его слушали, он за чародея у их был. Ну, вот пошли они. Пришли в какое-то государство, а государство все вымерщвлено, ни людей, никого нет. Зашли к одной бабушке и говорят, так и так...

А она им:

— Да вот здесь повадилось чудо-юдо ходить, всех людей поело, оттого и флаги черные висят, и траур. Вот почему такое дело.

Братья посовещались и говорят:

— Надо помочь такому горю.

Старушка говорит:

— Что вы, где уж помочь. Не было слыхано, чтобы богатыри такие были.

— Нет, надо помочь.

Ну ладно, согласились братья. В одно прекрасное время выезжает чудо-юдо. Они с ним сразились, три брата, положили его и погубили чудо-юдо. Приходит в следующий город. А у их меж собой получилась рознь, нет сплочения такого. Больше

они стали завидовать Ивану-коровичу, потому что он и на подвиг толкнул, вроде корысть на Ивана-коровича. Вот заходят они в государство, тоже флаги черные вывешены. Траур. Что такое?

— А у меня вот дочка чуду-юду на съедение прописана, — говорит король. — Должно вот-вот чудо-юдо с моря вылезти и дочку проглотить, на берег должны мы ее посадить.

Запечалились они тоже.

— Давай, братцы, еще раз поможем, — говорит Иван-корович.

— Ну поможем, так поможем.

Ну, они согласились помочь и хорошо.

— Веди девушку свою.

Девушку они свели. Ночью чудо-юдо прилетает, громадищее, страшное, страшилище такое, прямо богатыри так его испугались. Иван-корович говорит:

— Не бойтесь, братцы, доставайте булатные ножи.

Они булатные ножи достали и рассекли все головы, чудо-юдо положили. Царь обрадовался и говорит:

— Ну хорошо, за победу таку я, — говорит, — вас награжу. Дам полцарства и дочку выдам замуж.

Ну, а братья? Меж собой началось корыстье у их. А после боя они отдохнуть повалились на лужайку и говорят:

— Зачем мы будем делить? Он же Иван-корович, он ниже нас по происхождению, мы же как-никак людские люди, а он корович. Ну и решили его бросить в пропасть. Взяли и сбросили в пропасть. Он проснулся и смотрит, что такое? Темно и ничего не видно. А те пришли и говорят:

— Он погиб на брани боя.

Тут недолго... свадьбу сыграли. Царевну за царевича, а кухаркину сыну еще девушку нашли. Ну они стали жить не тужить... А Иван-корович проснулся. Что такое? Темнота, братьев никого не видно. И слышит, что-то запищало, пищит что-то на дереве. Поднял голову, смотрит — гнездо. А! Потянулся, видит, маленькие птенчики голодные, есть хотят. Ну, вот у него в кармане крошки были, он им дал крошек, взял с себя кафтан снял, накрыл их. А это были молодые орлята. Вот он их накрыл, они согрелись. Вдруг прилетает мать-орлица, опечалена така.

— Кто, мои детки, вас трогал?

— Никто нас, матушка, не трогал, никто нас не тревожил, а добрый человек нас спас от лютой смерти, и ты должна его наградить.

Тогда мать-орлица говорит:

— Кто ты, добрый молодец, покажись. Я тебе буду век должна.

Тут Иван-корович вышел.

— Я, — говорит.

— Ну спасибо, век тебе буду служить. Что прикажешь, я тебе исполню.

Ну хорошо, идет он по подземелью, а подземелье длинно, длинно. Идет, идет, идет, выходит в один домик, а там сидит дряхлый старичок, он и говорит:

— Куда ты направился?

— Да вот так и так, не знаю, как я очутился здесь.

— А твои братья из-за корысти ради тебя бросили, а ты находишься в подземелье самого страшного чуда-юда. Это самый страшный, те были его родичи, а это самый страшный. Вот ты, — говорит, — не бойся. Иди и прямо к ему и скажи: «Давай сразимся!» А перед этим я тебе покажу, там стоят две кадушки с водой, одна с живой силой, а вторая с мертвой силой. Вот из одной кадушки проглотишь, у тебя силы прибавится, а мертвой силы выпьешь, сила у тебя иссякнет. Ты возьми и живую силу поменяй с мертвой силой. Зайди и скажи: «Давай сражаться!»

Он так и сделал. Пошел. Идет, идет, идет и видит замок на горе, громаднейший замок. Поднялся в замок по тропке и видит, стоят в прихожей две кадочки одинакового роста. Ну ему старичок сказал, где живая вода. Он взял живой воды попробовал, а мертву поставил вместо живой. Ну и вдруг шум поднялся, дом задрожал (вибрация такая), шум, так аж стекла дрожат. Что такое? На что он богатырь, да и то испугался, страшно от шума да от треска. Вдруг влетает в эту горницу сам чудо-юдо.

— О-о-о! Кто пожаловал ко мне! Со мной что сразиться или мне в работники наниматься? Так нужны мне работники, будешь меня парить да живую воду подавать.

Тут вскипел Иван-корович.

— Что я тебе, работник что ли? Я пришел к тебе не работать, а пришел тебе, лютому гадине, голову отсечь!

Тут вскипел чудо-юдо, разгневался, пена огненная изо рта пошла. Шумит шум, что речка течет, рассвирепел, в гневе схватил ковшик и выпил мертвой воды.

— Давай биться!

— Давай биться!

Ну вот они начали биться. Он хоть и воды мертвой выпил, хоть и силы сбавил, но все равно он сильный. Бьется с Иваном-коровичем не на жизнь, а на смерть. Тот ему говорит:

— Давай передохнем!

Иван-корович говорит:

— Нет, без передыху.

— Давай передохнем, по ковшичку выпьем.

— Давай.

Иван-корович живой ковшичек воды выпил, а тот мертвой. Опять давай биться. Бьются не на жизнь, а на смерть. Тот ему говорит:

— Да ты сильный, я чувствую.

Бились, бились.

— Давай, — говорит, — еще по ковшичку выпьем.

Иван-корович выпил ковшичек, еще силы больше стало, сильный стал. А тот, совсем силы нету, совсем падает. Ну, что. Смертный час настает.

— Сейчас я тебя пронжу.

Он говорит:

— Давай отдохнем, еще по ковшичку живой воды выпьем.

Ну Иван-корович еще выпил ковшичек. А тот схватил кадку, да всю и выпил. Живот у него раздуло, он весь уже двигаться не может, совсем обессилел. Тут Иван-корович изловчился и прикончил чудо-юдо. Прикончил его и сразу веселье такое, песни запели, птички залетали. Приходит в светлицу, а в светлице сидит, тужит девица красивая, красивая, красоты неписаной. Он подошел к ней и говорит:

— Здравствуй, вольная девица!

Она говорит:

— Нет, я не вольная девица, я заточена сюда и на мне хочет жениться чудо-юдо.

— Нет, — говорит, — теперь чуда-юда нету, я остался за чуда-юда. Чудо-юдо я убил.

Тут она обхватила своими ручками своего избавителя-спасителя. А как на землю подняться? Задумался он, загоревал и вспомнил орлицу, «что хочешь, я тебе исполню», так она сказала. Ну и стал он кликать орлицу.

Прилетела орлица:

— Что прикажешь, мой спаситель?

— Да вот хочу на землю, надоело мне в подземелье быть.

— Ну хорошо, даю тебе сроку три дня. Заготовь мне мяса сорок бочек и сорок бочек воды.

Взял он стрелы и пошел охотиться. Настрелял мяса, воды натаскал, свистнул.

— У меня все готово.

— Ну хорошо, садись.

— Да я, — говорит, — не один, у меня еще есть невеста.

— Ну садись, и невесту увезу.

Вот летят они.

— А я, — говорит, — как обернусь, ты мне в пасть давай кусок, а в другу пасть давай мне водички запить.

Вот орлица одну бочку осушила, другую, третью, так мясо же на исходе. И вот уже совсем близко земля, подлетают, а а мяса уже больше нет. Орлица поворачивается все время, а у него уже мужества нет, чтобы сказать и нет больше мяса.

Он боится, что она его не довезет. Взял ножик и начал у себя ногу резать. Отрежет и даст орлице мяса, а запить кровушкой даст. Ну вот так благополучно и на землю опустились. Орлица говорит:

— Слезай.

А он и слезть не может, слез и упал на траву. Девушка как увидала это, с ней плохо сделалось, она в обморок упала и умерла. Опечалился тут Иван-корович, что мол такое горе у него, а орлица говорит:

— Не тужи, знаю я, где живая вода. Сейчас принесу, зачем же ты мне не сказал, я бы не стала твое мясо есть.

Выплюнула мясо и говорит:

— Вот я слетаю за живой водой и спасу царевну.

Ну орлица быстро слетала, прилетела с пузырьком живой воды, спрыснула, и царевна ожила. Мясо покропила, и снова срослись все куски мяса. Корович ожил, подхватил под ручку (девушку) и пошел. А в городе, в какой они зашли, тут уже город откуда-то узнал, что он настоящий спаситель. Все люди выбежали, встречают его:

— Вот наш спаситель, вот наш спаситель! Быть тебе царем!

Тут в ноги пали ему братья, что мол:

— Не казни нас, это мы тебя хотели погубить из-за корысти ради.

Он тогда говорит:

— Ну, ради только праздника, что мне счастье повстречалось, я, — говорит, — вас прощаю. Но из этого города я вас прогоню, идите на все четыре стороны.

Тут сразу свадьбу, пир. Я был на этом пиру, по усам текло, а в рот не попало.

Екатерина Андреевна Сахарова, 66 л.

31. (МЕДВЕЖЬЯ ЛАПА)

Жил-был старик со старухой. Не было у них дров, ни полена дров не было, ну, печки нечем топить. Старуха и говорит:

— Иди ты, дед, да наруби дров.

Взял старик собрался, пошел дров рубить. Рубит и рубит, и вокурат на медвежью берлогу нашел. Вдруг медведь выходит из берлоги.

— Ох ты, что делаешь? Меня с места сжил? Меня ты погубить хошь? Это не будет, номер тебе не пройдет!

Старик испугался, взял— топором. Медведь идет на старика, так что старику делать? Защищаться надоть! Взял топор и на медведя. Да у его топор-то проскользнет мимо головы, лапу и отрубил.

— Ой!

Медведь заорал, бежит с ревом в лес, лапа осталась. Старик дрова собрал и поехал, лапу взял. Домой приехал.

— Ну, старуха, я тебе... дрова есть и мясо будет на неделю там. Медведь на меня набросился, мне надо защищаться, дал топором, да по лапы попал, а не по голове.

Старуха говорит:

— Ох ты, промазал, ты бы по голове дал, так мяса-то больше было бы. Что с лапы, большая ли корысть тут?

— Ладно, старуха, лапа, дак!

Ну, старуха взяла шерсть остригла, мясо сварила, сама села на кожу, кожу на печь и шерсточку прясть стала. Прядет сидит. А медведь-то в ту пору ушел в лес да липовую ногу приделал себе, да березову клюку. И вот идет.

Скирлын, скирлын, скирлык,
На липовой ноги.
Скирлын, скирлын, скирлын,
На березовой клюки.
Скирлын, скирлын,
Все села спят,
Все деревни спят,
В одной избы огонек,
Одна старуха на печи сидит
Да мою шерсточку прядет,
Да мое мясо варит.

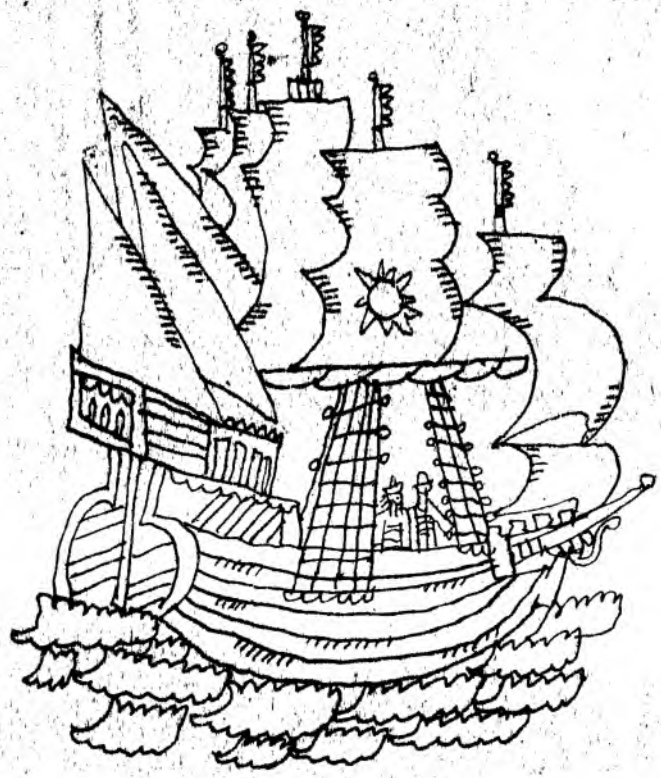
Опять:

Скирлын, скирлын,
На липовой ноги,
На березовой клюки,
Все села спят,
Все деревни спят,
В одной избы огонек горит,
Да одна старушка
На печи сидит
Да мое мясо варит,
Мою шерсточку прядет,
На моей шкуре сидит.

Ваяли оны, слез с печи старик, огонь погасил, подполье открыл, сам сел с топором за печь. Медведь дверь отворил, бух в подполье! Хряс! Упал.

— О, в подполье он теперь!

Старик скоре огонь зажег, ну и дожидат. Медведь высунул голову, да старик бац по головы топором и медведя убил. Вот тогда-то им и было: мяса на всю зиму, шерсти не на один год. И довольнешеньки, и с медведем справились. Сказке конец и больше врать нельзя.



ШИЖНЯ

Александра Алексеевна Белая, 72 г.

32. ПРО БЫКА

Жили-были старичок со старушкой, а у их был бык, потом был петушок, гусь, поросюха, баран. Вот кормить-то надоть, много ведь скота, а самы стары стали и бык-то стар стал уж, его корми, а он такой лентяй был. Созвали быка в кухню и говорят:

— Вот, бык, мы порешили, — говорит, — с бабушкой что сделать — тебя прочь прогнать. Ты работать не можешь, кормить тебя надо, а мы не можем тебя кормить. Уходи от нас прочь.

А бык подумал:

— Ладно, дайте мне старый топор.

Дали старый топор, пошел бык.

— А куды тебе с топором?

— А пойду в лес, зима-то придет, сработаю хибару себе.

Пошел с топором, а сам говорит:

— А я пошел, так и всех уведу.

А старик услышал. Старуха говорит:

— Чего он сказал-то?

— Да не знаю, чего он сказал.

Ну вот, пошел, идет в лес, а пришел кот, тоже старый, мышей не ловит. Старик и говорит:

— Чего нам кота держать? Он старый, мышей не ловит, прогоним его.

И созвали на совет.

— Вот, — говорит, — мы тебя тоже в лес прогоним, куды хошь от нас уходи. Быка прогнали — старый. И ты стал старый, нам не можешь помогать, мышей не ловишь, уходи прочь.

Ну ладно. Вот бык шел, шел, идет кот. Бык говорит:

— Куды пошел? Возьми меня.

— А я старый стал. Меня прогнали. А ты куды? — Я тоже старый стал. Ну ладно, пойдем вместе, пошли.

Вот старик и говорит старушке:

— А ты, — говорит, — возьми, да убей петушка на суп. Ведь есть нечего.

А петушок-то услыхал, да и убежал. Идет по лесу петушок вслед за быком, вот увидал быка и говорит:

— Бык, ты куды пошел?

— А мы стали стары, нас прогнали с котом. А ты-то чего?

— А меня хотели убить, — говорит, — на суп. А я взял да и убежал.

— Ну, пойдем вместе.

Старик и говорит:

— У нас ведь гусь еще есть, надо убить, пока не убежал.

А гусь услыхал, тоже убежал и тоже встретился там:

— Бык, — говорит, — возьми меня.

— Да ты что?

— А меня хотели убить старичок да старушка на суп, — говорит, — я и убежал.

— Ну, дак пойдем.

Вот шли, шли, идет баран. Тоже услыхал, что его хотели убить. Говорит:

— Бык, возьми меня.

— А ты чего? Мы старые стали, нас прогнали. А ты-то чего?

— А меня хотели убить, сварить. Петушок убежал, гусь убежал и я, — говорит, — убежал.

— Ну, пойдем вместе.

Ну затем и до поросюхи дело дошло. Нать поросюху заре-зать, покуда не убежала. Поросюха услыхала и тоже убежала. Ну и все. Идет поросюха.

— Возьмите и меня.

— А идем вместе.

Зашли в густой лес, стали рубить. Бык стал бревна рубить, кот стал помогать корье драть. Ну, а петушок да гусь стали мох копать. Баран тоже чего-то устраивал, да всем места хва-тало, работы. Копали, копали, стали бревна полагать[1].

— Давайте мох.

Мох полагают, у них ничего не выходит. Копать-то они ко-пали, а полагать-то не могут.

— Ну, — говорит (бык), — вы ничего не можете делать.

— А работай один, мы прочь убежим. Теперь тепло.

— Ладно, зима придет, так вы все соберитесь.

Ну, стал бык один работать. Работал, работал, все сделал. Пришел петух. Зима заприходила.

— Бык, возьми меня жить.

— А ты сказал, «я одно крыло подстелю, другим накроюсь и тепло».

— Если ты не возьмешь, то я из пазов мох вытаскаю.

— Ну поди, живи.

Зашел петушок жить, сел на жердочку, поставлена жердоч-ка была. Идет гусь.

— Бык, возьми меня.

— А ты, — говорит, — сказал «я в полынью залезу, мне-ка тепло будет».

— А теперь полынья затягается, мне холодно. А то я мох у тебя вытаскаю.

— Ну поди, живи.

Вдруг идет баран — тепла шуба.

— Бык, возьми меня жить.

— А ты ведь сказал, что у тебя тепла шуба, тепло.

— Нет, мороз берет. А если ты не возьмешь, я разбегусь и у тебя дом сроню.

— Ну поди, живи.

Потом и поросюха пришла тоже. Всех пригласил бык, всем место сделал: поросюху в подполье, петуха да гуся на жердоч-ку, баран тут под койку свалился, бык сам койку себе сделал, на койке, кот на печке. Вдруг услыхали медведь да волк.

— Пойдем, — говорит, — там избушка сработана. Бык да кот, да все там живут. Пойдем-ка, кого-нибудь себе на суп.

Пришли, стучатся. А бык говорит:

— Нет, не спустим. Мы ночью не спускаем никого.

— А если не спустите, так мы двери поломаем.

---

[1] Класть.

— Ах, поломаете дверь? Ну, ломайте.

Стали ломать дверь. Медведь говорит:

— Ты, — говорит, — иди.

Волк голову запихал и как-то пробрался, дверь отворилась. А бык-то как вскочил да рогами-то прижал волка к стенке. А потом баран, да с разбегу хвать его, да прямо в пузо. Ну, петух да гусь начали щипать, только шерсть летит. Волк кричит:

— Отпустите меня, отпустите!

Поросюха голову подняла из подполья, тоже захрюкала. Волк бился, бился, а медведь-то тот уж убежал неизвестно куды. Волк выбежал, выбился, побежал, захромал в лес, там медведя увидел:

— Ох, Мишка, ты, Мишка, оставил меня одного, дак видишь, меня искалечили всего, а ты и не выручил.

— О, да я больше тебя испугался, больше не пойдем никогда мы в эту избушку.

Вот и сказка вся.

Анна Ивановна Навагина, 59 л.

33. (МУЖИК И МЕДВЕДЬ)

Жили-были дед да баба, а у их дров не стало. Бабушка и посылает дедушка:

— Дедушка, поезжай за дровами, — говорит, — поезжай, у нас дровишек нету.

Дед собрался и поехал за дровами. Ехал, ехал, а попал медведь стрету[1].

— Вот, — говорит, — дед, я тебя сейчас съем.

— Не ешь, — говорит, — меня.

— Съем, — говорит, — ты мне уж второй раз попадаешь навстречу.

Что-то дед ему раньше обещал такое, да видишь не дал. Он к ему и привязался.

— Не ешь, Мишка, — говорит.

А дедка хитрый был, так и говорит:

— Ложись, — говорит, — Мишка, на дровни. Вологодски купцы приехали медведей закупать. Но!

— А где? — говорит.

— А у нас в деревне.

— Так а меня сейчас куда?

— А ложись ко мне на дровни, так лошадь утянет, — говорит.

---

[1] Навстречу.

— Не утянуть, — говорит, — лошади будет.

— Утянет, — говорит, — лошадь ничего.

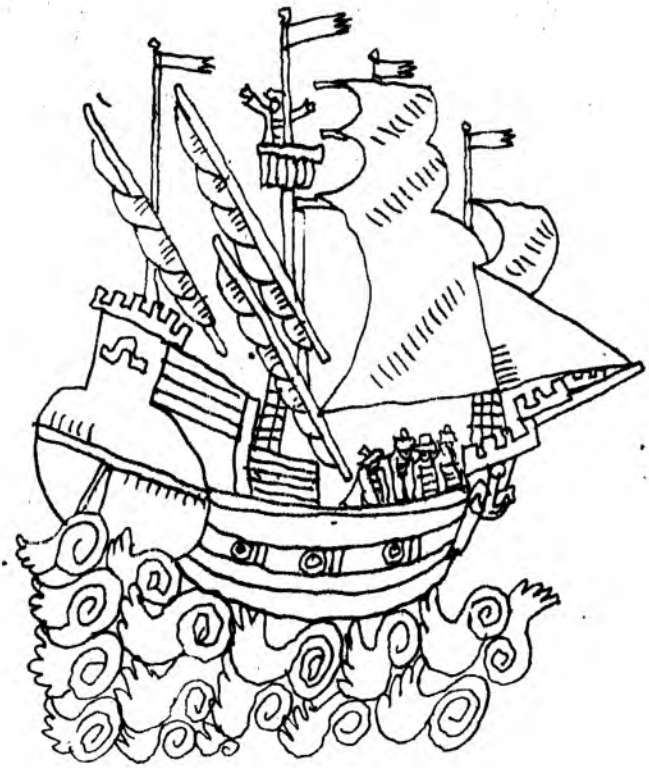
Ну и вот, он на дровни свалился, а дед взял веревкой опутал да топор взял влепил в медведя, да медведя убил, да мертвого повез. Везет медведя мертвого домой, ребятишки все бежат.

— Дед медведя везет!

А он говорит:

— Я бабке подарок. Дровишек да и подарок везу.

Он бабке подарок привез, да дров привез, да и всего.



СУХОЙ НАВОЛОК

Петр Яковлевич Никонов, 51 г.

34. ЗАКОЛДОВАННОЕ ЦАРСТВО

Жил-был царь Ондрон. И вот жил он счастливо и хорошо, управлял своим государством, но детей у него никого не было. Долгое время оны просили у бога, чтобы он дал им сына или дочку на ихное утешение, а этих новорожденных детей не было и дождаться не могли.

Ну, вот наконец, все-таки в последнее время ихней жизни родилась у них дочь. Дочь они эту новорожденную назвали Марией. Ну вот, эта Мария стала расти, девушка родилась красива, хороша, так что все соседи стали ей завидовать красотой. Наконец эта ейна красота прошла по всему свету, что она очень красива. И вот потом, впоследствии времени узнал про ейну красоту чародей Мухомор. Ну и вот

этот чародей приехал к этому царю и стал просить ей в супружество. Превратился молодым, а самому было, может быть, не одна сотня годов. Царь узнал, что он, этот самый чародей-колдун. За такого презренного человека царю отдавать дочь не хотелось. Колдун-чародей сейчас так злился на царя, что превратил все царство в болото, все царство заколдовал, такой был сильный колдун. А дочь ихню превратил в лягушку. Ну вот, заколдовал он на триста лет это царство, а царевна стала лягушкой болотной. Царство взялось все болотом, а она скачет, квакает по болоту, по своему царству.

Вот тут по соседству с има жил тоже царь и у этого царя было три сына: Макар, Захар да Иван, были сыновья. Ну и вот, сыновья у царя у этого стали вырастать. Выросли взрослыми, он их выучил, надо ему их стало женить. Раз он говорит им:

— Ну вот, дети, нужно вам, время приходит жениться. Будете править царством. Я вам, — говорит, — велю сделать по луку (тогда были луки, из луков стреляли) и по стрелы. И эти стрелочки, — говорит, — будут решать вашу судьбу. Вы, — говорит, — выйдите во чисто поле и стрелите в разны стороны, кака стрела у кого куда упадет.

Ну вот, царь, не теряя времени, сейчас сделал им по луку, сделал по стрелы и отправил в чисто поле стрелочки пускать, кто каку куда спустит. Вот затем сыновья взяли эти стрелы и пошли со стрелами в чистое поле. День такой прекрасный, хороший. Вот они занялись этой работой — стрельбой. Выстрелил старший, стрела попала к соседнему королю в замок. А у короля была, значит, дочь. Тот, значит, жениться должен у короля этого на дочери. Ну, а второй сын стрелил, опять тут к соседнему царю, тоже у царя была дочь, тот жениться должен на этой. А младший спустил стрелу, у того стрела никуда не полетела, прямо в куст да тут в соседне болото, где было заколдованное царство.

Вот из этого куста выскочила лягушка и несет стрелу во своих клещах.

— Ква, ква, — говорит, — вот тебе, Иван-царевич, твоя стрелка попала мне-ка в куст, в мою норку.

Он так разгневался.

— Вот, — говорит, — мое счастье. Попала в куст к лягушке стрела, что теперь, — говорит, — мне будет? Буду я бесчастный человек.

Ну вот, приходят домой все три брата к своему отцу и рассказывают, у кого куда пала. Один говорит:

— У меня к такому-то королю.

Другой говорит:

— А у меня к такому-то царю.

К третьему подходит.

— Ну, а ты что же ничего не говоришь? У тебя, — говорит, — куда?

— Совестно, — говорит, — мне-ка сказать, папаша, куда у меня упала стрела. У меня стрела упала в куст к лягушке в болото.

— Ну, это не беда, это ты счастливый человек, — отец говорит.

— Как же счастливый, когда к лягушке упало?

— Эта лягушка из заколдованного царства. Ты этого не бойся, — сыну говорит, — и ничего опасного тут нету.

Ну, братья теперь его стали объедать[1]:

— К скакухе болотной у тебя упала стрела! Скакуху болотну выстрелил!

Вот этот царь пожил там сколько-то времени и говорит:

— Ну-ка, дети, сходите к своим женам, каковы они работницы, пускай мне-ка вытку по полотенцу.

Ну, братья его объедают:

— Мы-то пойдем, один к королевне, другой к царевне, а ты куда пойдешь, Ванька? Надо идти к скакухе в болото, в куст. Что тебе скакуха сделает-то? Да ровным счетом ничего.

Ну вот, приходит он к своей этой скакухе болотной, она бежит навстречу.

— Ква, ква, Иван-царевич, чего кручинный, чего печальный?

— Вот, — говорит, — я кручинный, печальный, папаша велел приготовить полотенце после умыванья для утиранья. Ты разве сделаешь, — говорит, — это?

— Ну, Иван-царевич, иди за мной, — говорит.

Вот Иван-царевич идет, она впереди. Иван-царевич вслед. Приходит к большому кусту. Она заквакала, вдруг из этого куста образовался дворец. Потом второй раз заквакала и перекувыркнулась и сделалась из скакухи болотной прекрасной Марьей-царевной. Ну вот, Иван-царевич посмотрел. «Тут что-нибудь не то, брат. Тут скакуха да не тая лягушка, тут человек». Затем он ей и спрашивает:

— Почему ты была лягушкой болотной, а потом превращаешься в прекрасную женщину?

— А так, — говорит, — Иван-царевич, вот я была одна дочь у царя, у отца, и моей красотой позавидовал чародей Мухомор. Но отец узнал, что он чародей, и не отдал меня за чародея Мухомора. Этот чародей, — говорит, — рассердился на отца и взял превратил наше царство в тонучее болото. И вот до тех пор будет наше царство болотом, а я болотной лягухой, пока меня не ослободят. Теперь ты ослободишь, — говорит, — меня, и я буду по-прежнему прекрасной Марьей-царевной. Пока ты

[1] Насмехаться.

этой тайны не говори никому, что я из лягушки превращаюсь в человека.

Вот Иван-царевич тут у ёй ел ли пил, того не знаю, и повалился спать. А она стала приготовлять это полотенце для будущего свекра. Взяла шелку там, разных трав нарубила и вынесла на ветер, бросила.

— Нянюшки, мамушки, — говорит, — верные служанушки, как служили батюшке, матушке, так послужите и Марье-царевны, скакухе болотной. Сделайте мне-ка полотенце, — говорит, — чтобы подать моему свекору, такому-то королю или царю (не знаю), чтобы подать было на стол не совестно.

Ну вот, тут недолго, те сейчас сделали ей полотенцо и завернули в бумажку. Ну вот, Иван-царевич поутру встает со сна ранехонько, она его, конечно, разбудила, ёй долго нельзя было находиться человеком, опять надо было превращаться в стару свою шкуру лягухи болотной дак.

— Ну вот, — говорит, — Иван-царевич, возьми этот сверток и отдай своему папаше от меня в подарок. А про меня так скажи: «Вот подарок от моей будущей жены, от скакухи болотной».

Иван-царевич приходит домой, а братья уже дома. И у братьев тоже принесены эти подарки. Подал отцу и говорит:

— Вот, папенька, мой подарок от моей будущей жены, — говорит, — вот полотенце, как вы велели сделать.

Ну вот, затем царь стал смотреть у старшего, посмотрел полотенце.

— Это полотенце положьте кухаркам на кухню руки вытирать.

А у второго посмотрел.

— Это полотенце, — говорит, — положьте горничным там, где они находятся, тоже руки вытирать.

Ну вот, потом посмотрел у Ивана-царевича этой скакухи болотной тоже и велел повесить во свою столову, где собираются гости, где царь делает балы, пусть то полотенце там. Недолго время прошло, царь говорит:

— Ну вот что, дети, пусть ваши жены сделают по ковру на мои диваны.

Они и пошли, эти братья, старший к королевны, второй пошел к царевны, а Иван-царевич пошел к скакухе болотной своей, где стрела упала, там надо судьбу свою решать. Приходят, тот невесты своей отдает приказ:

— Такой-то сделать ковер.

Второй тоже говорит царевне:

— Сделай ковер, папенька велел-от.

А Иван-царевич опять к скакухе болотной идет, тая опять бежит навстречу.

— Ква, ква, Иван-царевич, что для вас нужно, что папенька ваш приказал сделать? (Ну, уж она, наверно, знат).

— Папенька велел сделать нашим невестам по ковру на его диваны.

— Ну, ладно, это не служба, а службишка. Служба вся будет впереди, — она отвечает ему. — Умойся, утрись, — говорит, — да спать ложись, а поутру встанешь, все будет готово.

Иван-царевич умылся и спать повалился опять, а она как стемнело, сейчас взяла опять приготовила разных трав, что ей надо было для ковра, вынесла на ветер, бросила эти травы и говорит:

— Нянюшки, мамушки, верны служанушки, как служили папеньке и маменьке, так послужите мне, — говорит, — Марье-царевне, скакухе болотной.

Ну, тут это недолго, сейчас моментально ей это сделали нянюшки, мамушки, такой ковер сделали, что лучше не требуется. В бумажку завернули и говорят:

— Вот тебе, Марья-царевна, подарок твоему будущему свекру.

Время прошло, там ей нужно опять превращаться в скакуху болотну из человека. Она разбудила Ивана-царевича и вот говорит:

— Получай, — говорит, — свое задание, ковер моей работы и передай папеньке своему и так говори: «Вот, папенька, подарок от моей скакухи болотной».

Иван-царевич взял подарок и приходит домой. Братья уже пришли, принесли эти подарки. Ну, вот, стал царь смотреть эти подарки.

— Старшего сына, — говорит, — ковер — конюхам ноги вытирать, положьте туда, в ноги. А второго сына ковер положьте на кухню кухаркам ноги вытирать. А ну, что, — говорит, — у Ивана-царевича от скакухи болотной?

Взял, посмотрел.

— О, да это, — говорит, — можно положить на тую кушетку, где я сижу.

Все это разместили по своему назначению. В конце концов он говорит:

— Ну, дети, принесите по пирогу от своих жен, я хочу попробовать ихней стряпни, какие пироги оны будут приготовлять для своего будущего хозяйства.

Ну и отправились все сыновья опять. Один к королевне, другой к царевне, а тот к скакухе болотной. Опять идет Иван-царевич, выбегает лягушка болотна, кричит:

— Ква, ква, Иван-царевич, чем могу я тебе услужить?

— Вот мой папа хочет отведать стряпни будущих невесток и вот велел испечь по пирогу.

— Ну это что, — говорит, — не служба, а службишка, служба вся будет впереди, — она ему ответила.

Взяла к кусту перекувыркнулась, из куста образовался дворец, а она сделалась человеком, прекрасной девицей опять.

— Ну, Иван-царевич, мойся, — говорит, — да утрись, да спать ложись, поутру встанешь, дак все будет готово.

Иван-царевич взял умылся, спать повалился. А она тем временем сейчас взяла это, что надо, муку да воду заболтать. Болтала, наболтала, да потом взяла да за окошко вылила.

— Нянюшки, мамушки, верны служанушки, как служили папеньке, маменьке, так послужите и мне, Марье-царевне, скакухи болотной. Испеките, — говорит, — пирог от меня будущему свекру.

Ну тут моментально, не через долгое время и пирог готов. Завернули в бумажку, подали, только парок встает, тепленький, горячий. Иван-царевич встает со сна поутру, она ему подават.

— Вот мою стряпню, — говорит, — отдай папеньке, скажи: «Возьмите, папаша, от моей будущей жены, скакухи болотной».

Ну, Иван-царевич взял и отправился к своему папаше. Приходит домой, а братья пришли уже, готово, поданы на столе пироги.

— Вот, — говорит, — папаша, мой пирог от моей будущей жены, скакухи болотной.

Царь взял пироги принял, потом рассмотрел.

— Этот пирог, — говорит, — раскрошите, лошадям отдайте, пусть лошади едят, от старшего сына.

А второй пирог отдал:

— Пускай, — говорит, — служанки раскрошат и скоту отдадут, там свиньям и коровам, и те пускай едят.

Потом Ивана-царевича стал смотреть, скакухи болотной пирог. Посмотрел и говорит:

— Ну, этот пирог не совестно и на стол положить.

Ну ладно, прошло там времени сколько после этого, царю надо сынов женить, свадьбу играть.

— Ну, дети, — говорит, — идите к своим невестам, призовите их, будем свадьбу играть.

Ну, а Иван-царевич и подумывает: «Ну как же теперича моя приедет? Они-то на конях и в каретах приедут, а я-то как привезу? Лягушку болотну в кармане привезти надоть».

Приходит Иван-царевич туда, а навстречу бежит скакуха болотна.

— Ква, ква, Иван-царевич, — говорит, — чем могу я вам услужить, что для вашего папеньки требуется?

— А вот, — говорит, — для моего папеньки, велел привезти невест, будущих жен во дворец, будут свадьбу играть.

— Ну это, — говорит, — не служба, а службишка, служба будет еще вся впереди.

Зашла в куст, перекувыркнулась, сделалась прежней красавицей Марьей-царевной.

— Ну, Иван-царевич, — говорит, — теперь ты здесь отдыхать не будешь, а иди домой и вели папаше забить окна все, чтобы свету не было в вашем дворце. И потом забьешь окна, пройдет там сколько времени, закричат: «Царь, царство горит». Царь побежит к дверям, а ты, — говорит, — его удержи, скажи, что «не царство горит, а моя жена в коробке едет». И потом, — говорит, — это будет повторяться три раза, все будут кричать: «Царство горит». А ты отвечай: «Не царство горит, а моя жена в коробке едет».

Ну вот, Иван-царевич отправился домой, к своему папаше туда. Приходит, а братья еще не приехали, не справились, не успели приехать. Вот потом через недолго время приехали братья, все там по залам разошлись, а царь увидал Ивана-царевича.

— А у тебя где жена?

— А у меня, папенька, сама приедет в коробке. А ты забей окна, чтобы не было свету во дворце.

Ну вот царю надо послушать сына. Взял приказал забить все окна, чтобы света ниоткуда не было видно. Только окна забили у дворца, вдруг закричали:

— Царь, царство горит!

Царь вскочил, что на самом деле горит.

— Это, — говорит, — не царство горит, — Иван-царевич отцу говорит, — а это моя жена в коробке едет.

Вдруг опять закричали:

— Царь, царство горит!

Царь опять вскочил, Иван-царевич говорит:

— Нет, не царство горит, моя жена в коробке едет.

Царь опять уселся. Ну вот, третий раз кричат:

— Царь, царство совсем загорелось!

Царь вскочил на ноги, хотел бежать. Сын опять схватил за руку.

— Нет, садись, — говорит, — папенька, это моя жена в коробке приехала.

Иван-царевич сбегал, стретил жену. Царь сам был там. Стоит карета, вся как жар горит, вся самоцветными камнями так и усыпана. Вот привели Марью-царевну в покои, ночью она человеком, а днем скакухой болотной. Тут царь задал пир на весь мир, как говорится. Иван-царевич говорит:

— Ну, папаша, пир делай, чтобы дело было и ночи, днем она скакухой болотной, дак.

Вот царь так и сделал. Пир устроил ночью. Всех королей, всех царей созвал соседних на свадьбу, и тее братья пришли

со своими женами. Все красивы, все хороши, а у Ивана-царевича Марья-царевна — скакуха болотна лучше всех, красивее. Сели за стол, за столами стали производить угощенье. Эта Марья-царевна скакуха болотна там из рюмки, из бокала маленько выпьет, а остальное в рукав выливает, и озубки там тоже за рукава спускат туда. А этих братьев жены увидали и тоже за рукава стали выливать, и спускать туда свои озубки. Вот свекор увидал это, что она делает и тей делают, и вот старику захотелось потанцевать. Старшего жену пригласил. Как пошли танцевать, у ней из рукава озубки посыпались, полилось все. Вот довор! Ну, посадил тую на место, давай втору. Тоже повторилось, из рукава льется да куски валятся, озубки. Ну, вот дело доходит до Ивана-царевича жены этой, до лягухи болотной. Тую пригласил, за рукав взял, пошевелил, оттуда посыпались сады разны, с прудами на улице сделались, потом птицы разны зараспевали, и тако сделалось веселье, тако удовольствие у царя, что еще много лучше прежнего, как раньше жил царь.

Ну вот, кончился у них этот бал, пир, дело пошло уже к утру, к свету. Все пошли с женами по своим покоям. И вот у этого Ивана-царевича она опять превратилась в лягушку болотну и ему говорит:

— Ну, Иван-царевич, еще три дня я буду скакухой, а потом буду человеком. Ночью человек, а днем скакуха болотна.

Ну вот день прошел, она скакухой болотной была, день ходит скакуха болотна, а ночью как человек.

— Ну, — говорит, — к чертовой матери. Така, — говорит, — у меня красавица, а скакухой болотной довольно ей жить.

Взял там ейны шкуры скакушки и все сжег, бросил в печку, когда она была этим человеком. Ночь проходит, приходит день, ей понадобилась шкура быть лягухой, а лягухой быть нельзя.

— Ну, Иван-царевич, не умел ты владеть и не хотел обождать день-два всего, теперь меня не увидишь, может быть, вечно. Теперь овладеет мною этот самый чародей Мухомор, который заколдовал, — говорит. — А ты, Иван-царевич, останешься здесь и будешь по свету путешествовать, выносишь трои железны лапти, выносишь три железных кафтана, на головы три шляпы железны пробьет дождем и потом три железных косоха об землю исколотишь, тогда только ты можешь меня достать, а может быть, — говорит, — и тогда не достанешь.

В это время тут ей чародей подхватил на воздух и унес. Только у Ивана-царевича и жена была, не умел владеть, дак. Иван-царевич закручинился. Ну, что же делать? Как говорила она, придется все это сделать, идти путешествовать по белу свету. Вот в одно прекрасное время сходил к кузнецам, заказал это все делать, сперва железны лапти, потом железны

кафтаны велел сделать, потом три шляпы железных, потом три палки-посоха тоже железных. Ну вот, ему это все сделали и он отправился в путь-дорогу. Долго ли там, коротко путешествовал, одни лапти износил и один кафтан тоже износился, палку одну тоже истыкал о землю, а на головы шляпу дождем тоже пробило, стала дырява, тую скинул, надел сменну. В конце концов он уже пришел там к бабушке задворенке и вот рассказывает ей, вот так и так случилось с ним это дело.

— Ой, ой, ой, миленький, — говорит, — долго тебе-ка путешествовать, но я тебе помогу, твоему горю. Вот, — говорит, — она теперь у этого чародея Мухомора (он же и Кощей Бессмертный), — говорит, — а он живет у такого-то моря, на море есть остров, на острове чевонный дворец, и вот в этом дворце, — говорит, — Марья-царевна у его. А тебе надо что для этого сделать? На море лежит рыба-кит, в этом киту ящик, а в этом ящике, — говорит, — утка и в утке яйцо, а в этом яйцы смерть Кощея Бессмертного.

Ну, пошел Иван-царевич путешествовать. Ходил там долго ли, коротко ли, по берегу шатался у моря. Наконец нашел рыбу-кита этого, стал просить, чтобы он выхаркнул оттуда ящик. Кит выхаркнул ящик, он взял этот ящик открыл. Открыл этот ящик, утка из ящика как будто век не была, вылетела да и фьють — до свидания. Утка эта у его и улетела. Он затем опять пошел по берегу шататься. Что же делать? А сидит у берега коршун.

— А что, — говорит, — я усталый, голодный, убью-ка этого коршуна и сварю.

Он уже второ платье износил и лапти, и шляпу, и посох истыкал, остался один кафтан и лапти, и одна шляпа. Ну вот хочет коршуна убить, а коршун ему и говорит:

— Не бей, Иван-царевич, у меня еще малы дети не выкормлены, дай-ка пожить, а я, что тебе надо, то и сделаю.

Ну, вот он оставил этого коршуна. Идет, все-таки позабыл, что и делать уж. Сам с собой идет и раздумывается. Вот затем он идет по берегу, на берегу лежит щука.

— Ну вот теперь сварю, съем, коршуна не удалось убить, а щуку я сварю и съем.

Щука говорит:

— Оставь, Иван-царевич, меня живу в покое, я тебе пригожусь.

Ну ладно, он взял тую оставил. Все пропадать так. Ну, едва уж ноги переставляет, голодный да холодный.

— Никого, — говорит, — не попадат, хоть бы зайка попал бы, я бы того не постеснялся, убил бы да съел.

Вдруг откуда ни возьмись бежит зайка. Он прицелился, только хочет выстрелить в зайца, а заяц говорит:

— Не бей, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

— А давай оставлю, — говорит.

А утка та все летит вверху, чуть-чуть видно. Он подумал, подумал: «А что, — говорит, — надо бы эту утку убить». Куды он идет, туды и утка летит, а убить не может. Ну что ж, вверху ружье не возьмет, очень высоко.

— А верно, — говорит, — коршун-то ей может подпустить ко мне, чтоб она села ниже, а я в это время могу ей и убить. Где-ка, — говорит, — был коршун, которого я не убил, оставил в живых.

Ну, а в это время коршун тут как тут.

— Что, — говорит, — Иван-царевич, тебе угодно? Я твоей беде помогу.

— А мне, — говорит, — вот надо достать утку, которая тут летает вверху, я тогда ей убью. Я иначе убить не могу, она летит очень высоко, вверху носится, дак.

Коршун, не говоря больше ни слова, взлетел кверху, утку там ударил или не ударил, испугал, она все книзу, книзу, и едва над Ивана-царевича головой не стала. Иван-царевич сразу бац, выстрелил, утка пала в море, опять достать никак нельзя, опять несчастье. Иван-царевич задумался.

— А, верно, я спас щуку, не сварил, спехнул ей с сухого берега в воду.

В это время явилась щука.

— Что, Иван-царевич, тебе угодно?

— А мне, — говорит, — надо достать утку, утка плавает в море раненая, никак достать не могу.

Вот сейчас щука, не говоря больше ни слова, повернулась да за уткой. Поймала эту утку и притащила Ивану-царевичу.

— На, Иван-царевич, вот тебе твоя утка.

Иван-царевич взял утку, сейчас моментально разорвал, яйцо из той утки выпало на песок да и разбилось. Вот где беда? Еще не легче. Ну так ли, иначе, сам подумал: «Ну-ка, я спас где-то зайку, не подстрелил, не может ли он чем мне-ка помочь?» Зайка сейчас прибежал, лапками всплеснул и яйцо сделалось как яйцо. Ну, вот Иван-царевич взял яичко, положил в карман и пошел дальше к морю. Пришел к морю этому, где стоит остров, ну, надоть перебраться на этот остров. Как перебраться, не знает.

— Где-то был еще кит, который дал мне ящик и утку. Не придет ли ко мне и не послужит ли мне?

Откуда ни возьмись, этот кит пришел.

— Ну что, Иван-царевич, для вас,— говорит,—что угодно?

— Переправить меня, — говорит, — на этот волшебный остров к Кощею Бессмертному.

— Садись, — говорит, — на меня, на кита, я тебя перенесу на этот остров.

Он сел на кита, кит его понес на ту сторону. Кит говорит:

— Ну иди, Иван-царевич, теперь нету чародея Мухомора. Он чародей Мухомор, он же и Кощей, летает по свету теперь, воюет с другими чародеями. Ты, — говорит, — иди прямо к его дворцу, за этой горой его дворец, там тебя стретит Марья-царевна.

Он приходит к этому дворцу туда, его стретила Марья-царевна.

— Откуда взялся, — говорит, — ты и как сюда попал?

— Как не попался, а здесь оказался.

— Скоро, — говорит, — прилетит Кощей Бессмертный, и он тебя растерзает. Куда, — говорит, — я могу тебя спрятать? А надо куда-нибудь спрятать.

Давай, взяла обернула его в булавочку да воткнула в стену. Ну, вот только она его обернула в булавочку и ткнула в стену, вдруг прилетает Кощей Бессмертный.

— Фу, фу, фу, — говорит, — я на Руси не бывал, русского духу не слыхал. Кто у тебя есть? — говорит.

— Никого нету, — говорит.

— Есть Иван-царевич, наконец, — говорит. — Ага, а как он сюда попал? Я его сейчас раздавлю.

Она его отвернет из этой булавочки, а Иван-царевич тут как тут, выскочил.

— Ну, долго, — говорит, — я тебя дожидал, наконец дождался. Смерть тебе, — говорит, — не бывать тебе, Иван-царевич, на белом свете.

А он ему наместо:

— Да нет, — говорит, — мне ли не бывать на свете или тебе? Довольно ты живешь, много людям вреда сделал.

Вынимает из кармана яйцо и перекидывает с руки на руку. Как с руки на руку перекинул, так этого Кощея Бессмертного из угла в угол бросило.

— А, — говорит, — злодей, Иван-царевич, ты достал смерть мою.

Сразу понял Кощей Бессмертный. Вот он это яичко начал с руки на руку перекидывать.

— Я тебя помучу, чародей. Как ты людей мучил, так и я тебя помучу, а потом смерти предам. Ну ладно, довольно, — говорит, — тут с им канителиться.

Взял приправил в лоб ему этим яйцом, он пал, значит, Кощей Бессмертный помер. Мария-царевна к ему в объятия бросилась.

—Ну, спас меня от чародея, надо нам отсюда уезжать теперь.

Вот затем вышли они из дому с Марьей-царевной, и вот он ей говорит:

— Надо этот замок сжечь, чтоб его не было, как и Кощея Бессмертно, так и этого замка.

Она говорит:

— Нужно это сделать, нужно сжечь.

Вышли из дому, дом этот сожгли и Кощея Бессмертного, Мухомора этого сожгли. Остров стал пустой, ничего не осталось на этом острове и не переехать на ту сторону никак.

— Ну, как же теперь, — говорит, — Марья-царевна, мы перекинемся на ту сторону?

— Ну, это уже дело не твое, Иван-царевич, а мое, — говорит.

Вынула из кармана волшебный перстень чародея Мухомора, одела его на палец. В это время выходят два молодца.

— Что угодно, Марья-царевна и Иван-царевич, для вас?

— А для нас то угодно, чтобы нас перенесли на ту сторону моря.

В каких-нибудь тут два счета сделалась у берега лодка, а в лодки два молодца, перетащили их на другу сторону. Они переехали на ту сторону, вышли на берег. Порассказал Иван-царевич Марье-царевне, как путешествовал во время ейного отсутствия, как приходилось странствовать.

— Ну вот, — говорит, — теперь Иван-царевич, мое царство раскрыто, как чародей убит, Кощей Бессмертный, мы теперь, — говорит, — поедем в мое царство. Ты теперь уж будешь не в отцовском царстве править.

— Это-то, — говорит, — ладно, в твоем царстве жить или в отцовском, да как, — говорит, — мы будем туда попадать?

— Ладно, сейчас попадем.

Опять взяла кольцо, перекинула это кольцо с руки на руку, ну и в это время опять явилось два молодца.

— Что для вас будет угодно, Марья-царевна и Иван-царевич?

— Для нас, — говорит, — нужно ковер-самолет и перенести меня, — говорит, — в прежнее наше заколдованное царство.

Сели оны на этот ковер-самолет и моментально переехали в это царство к Марье-царевне. Приехали в царство, там народ уж живет по-старому, все как муравьи в муравейнике, так и кипят по улицам, ожило все. Вот Марья-царевна зашла в свой дворец тогда с Иваном-царевичем, погостили. Потом царя, отца евонного, Ивана-царевича, и братьев созвали, сделали пир на весь мир. Я там был, вина пил, по усу текло, а в рот не попало.

И жили оны до глубокой старости.

35. (МОЛОДИЛЬНЫЕ ЯБЛОКИ)

Ну вот, в некотором царстве, в некотором государстве был царь Бребиюс. Вот у него было сыновей три — Василий, Григорий и Иван, тот самый младший. Ну, дети были еще небольши пока, потом дети стали подрастать, а старик стал стариться, стало здоровье плохо, зрение стал терять, слабо. И призывает раз детей:

— Вот, дети мои, — говорит, — на вас накладаю службу, съездите, — говорит, — за тридевять морей, за тридевять земель, в тридевято царство, достаньте для меня, — говорит, — живую воду, молодильные яблоки и жар-птицу.

Ну вот старший сын говорит:

— Я поеду, папаша, съезжу.

Ну, вот в один прекрасный день оседлал коня старший сын, взял походное снаряжение и собрался в путь-дорогу. Долго ли ехал, коротко ли, тамотки не знаю, приезжает к росстани, а у росстани стоит столб. Ну вот, на столбе написана надпись, всем дорогам названиие: «По первой ехать — самому сытому, коню голодному быть, по второй ехать — быть убитому, а по третьей ехать — быть женатому». Ну и вот он думал, думал: «А поеду я, где женатому быть», и туда поехал. Ехал долго ли, коротко там, вот приезжает, стоит дворец, замок там. И вот из этого дворца выбегает девица.

— Ну что, — говорит, — молодец, корми коня не досыта и пои коня не допьяна, а со мной, — говорит, — девицей, спать поспевай.

Так он коня привязал к столбу точеному, кольцу золоченому и сам пошел. Сел за стол, она тоже. Говорит:

— Пей не допьяна, ешь не досыта, — предупреждения дает, — не перепейся, со мной, — говорит, — спать поспевай.

Так. Затем приходит он, стоит кроватка.

— Ну вот, — говорит, — ложись сюда на кровать, вы к стенке, а я на край.

Он говорит:

— Нет, вы к стенке.

Ну, все-таки она не повалилась к стенке, а он все-таки туда пошел. Как только на кровать на эту улегся, так и улетел в погреб. Так его и подвели.

Ну ладно. Прошло там сколько-то времени, царь дожидал сына, сына нету. Вот второго справляет. Второй поехал. Ехал там долго ли, коротко, опять к этой росстани приехал, где столб стоял, прочитал надписи, подумал:

— А что же, поеду я тоже по этой дороге, где женатому быть, может там тоже отцу достану живой воды и молодильные яблоки.

Приезжает к этому самому опять замку. Вот опять выходит эта девица, те же предупреждения, что и тому задает. Он тоже лошадь привязал к этому столбу точеному, кольцу золоченому и отправился туда в зал. В зал приходит, она ему те же предупреждения, как и первому задает. Ну, вот и повторилось с ним то же, что с первым, таким же опытом. Ну, вот опять царь дожидал, дожидал, нету сына.

Младший говорит:

— Я поеду.

— Куда ты поедешь? Вот старшие поехали, не воротились, а ты одно утешение у меня.

Ну и вот, сын все-таки не послушал отца, стал настаивать.

— Ну вот, — говорит, — поеду.

Взял и поехал. Вот этот Иван-царевич едет там долго ли, коротко ли, тоже приезжает к росстани. Вот он приехал, надпись на столбу прочитал.

— А что, — говорит, — поеду, где убитому быть. Жениться я еще молодой, куда, — говорит.

Вот ехал там близко ли, далеко ли по этой дороге. Вдруг приезжает, в чистом поле стоит избушка на курьих ножках, на веретяных пятках, стоит да повертывается. Он говорит:

— Избушка, избушка, остойся на месте, дай мне, молодцу, зайти и выйти.

Ну, вот эта избушка остоялась, он вошел в избушку, сидит в избушке баба-яга, костяная нога, печку топит, руками шелковый ковер ткет, носом в жаратне угольи ворочает, а языком пол подметает. А сама себе говорит:

— Фу, фу, фу, я на Руси не бывала, русского духу не хватала, а теперь русский дух ко мне в избу пришел, — взяла по щеки себя ударила, по другой переправила. — Ох, я дура, — говорит, — у голодного гости весть выспрашиваю, нужно накормить, напоить и его спать повалить, тогда вести выспрашивать.

Вот она его накормила, напоила и повалила спать и села к его голове, потом стала спрашивать:

— Куда, молодец, — говорит, — едешь, куда путь держишь?

Он говорит:

— Вот, бабушка, я сын такого-то царя. Вот у нас папа стал престарелый, захотел помолодиться и послал меня за живой водой и за молодильными яблоками.

А она ему говорит:

— Вот что, миленький, жива вода и молодильны яблоки, туда много ходцев и мало выходцев. Там, — говорит, — есть сорок колышков, на каждом колышке по головушке, а на одном колышке нет головушки, там твоей и быть головушке.

— Ну, ничего, — говорит, — бабушка, я, — говорит, — этого ничего не боюсь, пускай там сорок колышков и тридцать де-

вять головушек, а может быть моя там не останется, а останется, так одна голова не бедна, а бедна, так одна.

Ну вот, он повалился спать, проспал ночь, встают наутро, сам ей говорит:

— Ну что, бабушка, не можешь ли ты мне помочь?

— Помочь я тебе могу.

Вот она дает ему сперва этот гребень.

— Ежели будет в случае за тобой погоня, ты брось этот гребешок и скажи: «Станьте леса дремучие от земли и до неба, чтоб ни пройти, ни проехать».

Ну, вот потом говорит:

— На еще кремень такой, камешек, втора погоня будет, ты брось этот камень и говори: «Станьте горы высоки, чтоб ни пройти, ни проехать, ни умом подумать». Ну еще, — говорит, — на платок, вот третья погоня за тобой будет, ты этим платком махни, скажи: «Стань река огненная с конца в конец, чтоб ни пройти, ни проехать, ни умом подумать». Ну и вот, — говорит, — я тебе даю своего коня крылатого, и вот этот крылатый конь тебя донесет до того места, где тебе надо взять жива вода и молодильные яблоки. А в дальнейшем там, — говорит, — тебя конь научит, как дальше делать.

Вот он этого коня взял, оседлал, а своего оставил тут у бабушки. Ну, вот затем на этом коне он поехал. Ехал близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а дело не скоро делается. Приехал. Стоит замок и кругом этого замка обнесена каменна стена, весь двор за каменными стенами. Вот конь ему говорит:

— Вот, Иван-царевич, за этими стенами замка стоит дворец обширный и в этом дворце живет девица-поленица со своим войском, у нее три полка девиц. Сейчас они приехали с войны, и все спят прямо без сознания. Зайдешь в перву комнату, первый полк спит, они спят не в порядке, но ты ни одной не шевели. Потом пройдешь во втору комнату, во второй комнате тоже само, в таком же непорядке спят, второй полк. Ну, потом пройдешь еще третью, в третьей тоже само, в таком же беспорядке находятся. Ну и ты будь спокоен, пройди все три комнаты, этих все девиц. Вот в четверту, — говорит, — прийдешь, там спит сама атаман, эта сама поленица. Она тоже спит не в порядке, и ты ей не трогай. У ей под пра-

вой пазухой жива вода, а под левой молодильны яблоки зашиты там в сумочках. Ты эти мешочки, — говорит, — отрежь у ней, возьми, а саму так оставь, а не то, — говорит, — там останешься, ежели потрогаешь.

Ну вот он туда отправился, как говорил ему конь. Пришел. Правильно, спят не в порядке. Перву прошел, потом втору комнату прошел, тоже спят, навоевались, дак. Вот и третью прошел комнату, тоже само, и приходит в четвертую. Ну, как конь говорил, так оно и есть, спит она не в порядке. Он взял все, что конь ему говорил, вырезал это, все забрал у ей и отправился от ей прочь. Отошел, прошел только эты комнаты и раздумался: «А в самом деле, что же я там был, ничего не сделал, надо мне-ка что-нибудь сделать, вернусь обратно». Ну вот, потом вернулся обратно, там сделал преступление свое и обратно пошел от них. Вышел из комнат, приходит к стенам, а конь на той стороне, в саду стоит у них.

— Ох ты, Иван-царевич, — говорит, — ты сделал неправильно. Нам, — говорит, — с тобой придется здесь обоим пропасть. Вот здесь есть в кусту колодец, ты сходи, обмойся, переодень белье, перетряси все и потом садись на меня, поедем.

Вот затем он это сделал все, что ему конь велел, обмылся, обтрясся, сел на коня и по городу начал разганивать, по замку этому, чтоб через стену перепрыгнуть. А в замке спят как мертвы, никто ничего не слышит. Коня гонял, гонял, потом через стены и прыгнул. Конь скочил, а задней ногой за стену задел, ударил копытом и струны запели, колокола загремели, там у них сделалась тревога. Потом эти самы девицы-вояки все вскочили по местам.

— Кто был, что сделалось, что сотворилось там у нас?

Ну, она сама управитель, у ей была книга черной магии, она по этой книге знала, кто у ней будет, кто приедет и что сделает.

— Ну, — говорит, — преступник, такого-то царя сын сюда приехал, коня поил, а колодца не закрыл, ну, ладно, — говорит.

Сейчас шлет за ним погоню вслед, догнать во что бы то ни стало. Вот он ехал там сколько времени, вдруг конь говорит:

— Смотри, — говорит, — Иван-царевич, нет ли за нами погони вслед.

Он посмотрел обратно, видит — пыль поднялась облаком.

— Есть, — говорит, — добрый конь, погоня не в дальнем расстоянии.

— Ну, — говорит, — есть, бросай, что тебе бабушка дала.

Он бросил затем этот гребешок.

— Станьте, — говорит, — леса дремучие, чтобы ни пройти, ни проехать, ни умом подумать.

Вот затем и стали леса, как было сказано, от земли до неба, ни пройти, ни проехать, ни умом подумать. Оне за лесами тамотки и остались. Остались и потом вернулись обратно к ней.

— Поезжайте второй, — говорит, — берите лопаты, копайте пенья и коренья, чтоб этого не было, чтоб путь был чистый.

Вот они приехали сейчас и недолго копались, моментально дорогу прорыли и поехали за ним.

Ну вот, конь опять ему говорит:

— Посмотри, Иван-царевич, назад, нет ли за нами погони.

Он посмотрел, опять там пыль столбом поднимается.

— Ну, нет ли чего такого у бабушки данного для спасения для нашего?

Он взял, вынял кремень, бросил.

— Станьте горы высокие от земли до неба, чтоб ни пройти, ни проехать.

Вот оне и остались там за горами, а Иван-царевич поехал дальше. А оне к этому времени вернулись обратно, приехали, говорят ей, вот так и так.

— Седлайте, — говорит, — кобылу-семиверстку.

Кобыла была семь верст, хвостом махала, как шаг шагнет, так на семь верст.

— Я сама повду, — говорит.

Села на кобылу на эту, потом с има поехала. Села на кобылу на эту, дорогу расчистили.

Ну, эта кобыла, дак недолго до его коня доскакать. Стала опять настигать. Конь и говорит:

— Посмотри, Иван-царевич, нет ли за нами погони? Что, — говорит, — есть у бабушки, дак последнее все кидай.

Он затем платок этот выдернул.

— Стань, — говорит, — река огненна с конца в конец, чтобы ни пройти, ни проехать, ни умом подумать.

Вот она там за этой рекой осталась и ему кричит вслед:

— Ну, злодей, дожидай меня, я к тебе через семь лет приеду.

А он думает:

— Ну да ладно, приезжай там, а я на этот раз уехал, все равно не попал.

Ну, вот затем он там ехал к бабушки и приехал. Бабушка ему говорит:

— Все сделал как следует?

— Все в порядке.

Коня взял своего, ей отдал ейного и бабушку поблагодарил. Вот он поехал. Приезжает опять к росстани, приехал к этому столбу, прочитал надпись.

— А что, поеду туда, где женатому быть, какого черта, без этого я домой не поеду.

Вот он взял по этой дороги и поехал. Приехал к этому самому к замку, привязывает коня к столбу точеному, кольцу золоченому, выбегает девица и говорит:

— Корми, Иван-царевич, коня не досыта, пои не допьяна.

Вот заходит в эту комнату, ну на столах всего, чего душа требует, у ей накладено. Он садится за стол, она подает.

— Ешь, — говорит, — не досыта, пей не допьяна, а со мной, девицей, спать поспевай.

Он говорит:

— Ладно, подожди. Я давно не ел, поисть хочу и попить, — говорит, — тоже.

Ну поел, закусил, выпил.

— Ну вот, — говорит, — теперь и спать могу.

Вот приходит к этой кровати. Она ему и говорит:

— Ложитесь, — говорит, — на кровать.

— Нет, — говорит, — это не может быть, чтобы мужчина, у нас, — говорит, — женщины.

Он видит, что тут есть что-то не то, это уж себе в башку взял. Ну, он с ней не разговаривал, ей схватил за бедра и бросил на кровать. Как бросит, она в этот самый погреб упала, где братья. Он думает: «Не там ли мои братья?» А они:

— Кто, кто, кто? Сама прилетела. Топчи ее книзу туда, чтоб она больше оттуда не выстала и впредь так не делала.

Ну, вот он затем:

— Пойду, где-нибудь тут есть вход в ейный потайной погреб.

Сходил затем, нашел дверь, отворил замки, раскрыл подвал этот и оттуда пошло этих людей, которы ходили туда жениться, женихов вышло, так не пересчитать, королей, рыцарей, богатырей и потом в конце своих братьев. После всех оттуда вышла она.

— Ну, — говорит, — довольно тебе жить и людей губить.

Снял ей голову прочь и бросил. Вот братьям говорит:

— Теперь пойдемте домой к отцу. Коней у вас, — говорит, — нету, ну, так на одного коня всема втроем.

Вот приехали опять к этому столбу. Две надписи сорвал.

— Эти дороги очищены теперь, может кто угодно ехать.

Братьям говорит:

— А поедем еще по этой дороге, где, — говорит, — быть самому сытому, а коню убитому.

Ну, братьям-то не порато хотелось. Ну, что ж, хоть и неохота, а ехать надо, брат поезжает, дак. Ну и вот поехали по той дороге опять, по третьей. Приехали, стоит двор обширной и полной двор это скота, быков. Вот затем он братьям говорит:

— Ну, будемте быков убивать.

Сейчас быка убили, сварили, наелись мяса. Поутру встают, пошли на охоту. Старшего оставили варить. На охоту пошли, там нашли охотника-богатыря, шатается по лесу, запутался ли, заблудился, кто его знает.

— Возьмите меня, — говорит, — братья в четверых, вас трое.

— Иди, — говорит, — с нами, все равно нам не мешаешь.

Вот затем они взяли тут его.

— Поохотимся, пойдем туда, где стали на квартиру.

А после их отсутствия этот брат варил, варил, только суп поспеват.

— Вот, — говорит, — какой суп жирный, мясо хорошо.

Вдруг приходит сам с нокоть, борода с локоть.

— Фу, — говорит, — невежа навалилась моего скота бить. Кто вам велел здесь жить и моего скота бить? Я, — говорит, — с вами рассчитаюсь.

Вот не говоря схватил этого молодца и начал трепать. Вот трепал, трепал, трепал, трепал да натрепал его, а потом плиту поднял, в подземелье спустился.

Братья приехали, у его суп неготовый, а сам лежит без памяти.

— Что с тобой?

— Я, — говорит, — угорел.

Ну, вот братья затем сейчас быка убили, суп сварили, его накормили и на следующее утро говорят:

— Оставайся ты варить.

Ну, вот братья поехали, оне уже теперь едут троима, а четвертый остается суп варить. Вот тот опять быка зарезал варить. Варит суп, поспеват, суп хороший.

— Ну, — говорит, — накормлю я супом, сегодня угару нет, хорошо.

А в это время самое опять приходит сам с нокоть, борода с локоть.

— Фу, невежа, — говорит, — навалились на моем дворе жить, моего скота бить. Выходи отсюда, я с вами разделаюсь, расправлюсь.

Ну и начал того тасовать опять, тузит-волтузит из угла в угол. Ну, он так натасовал, тот без памяти свалился, а он взял суп поел весь, котел очистил, да и опять ушел туда, откуда пришел. Он лежал, лежал, до братьев пролежался, незадолго до братьев оправился все-таки, начал суп приготовлять. Идут братья.

— Что, суп не готов? — говорят.

— Нет, еще не готов, угарно было, дак я не мог пошевелиться.

— Ну, хорошо, — говорят.

Взяли быка закололи, опять суп сварили, его накормили. Братья ночь проспали, поутру (младший брат) говорит:

— Идите вы на охоту, а я сам буду варить.

А гостя уж не оставляют варить. Он затем взял, убил быка, поваривает, помешивает, вдруг дверь открылась, в дверь опять входит сам с нокоть, борода с локоть.

— Фу, невежа навалились в моем доме жить, моего скота бить. Выходи, рассчитаемся, я с вами разделаюсь.

— А, — говорит, — не с братьями будешь теперь дело иметь, со мной.

Он его схватил за большу бороду, да начал трепать. Начал его на место трепать. Трепал, трепал, трепал, суп кипит, он его треплет, потом его за бороду схватил, полотницы раздвинул, бороду туда прихлопнул меж полотницами, пусть висит. А сам стал суп мешать опять, чтоб не плыл. Суп помешивает.

— Эх, — говорит, — будет суп-то хороший сегодня.

А он за это время крутился, крутился, да как-то борода оторвется у него, он оттуда упал и скочил, он за ним.

— Ах ты, растак твою бабушку.

Ну, вот он туда на двор, он эту плиту поднял и под плиту туда раз!

— Вот он, — говорит, — где живет, в подземном царстве. Ну хорошо, ладно, придется и туда сходить.

Пришел, суп наварил, совсем хорошо. Братья приходят с охоты. Брат ходит здоровый. Братья говорят:

— Ну что, сегодня угару нету?

— Да я знаю ваш угар. Садитесь, поешьте, тогда будем делать дело.

Ну вот наелись, покушали. Говорят:

— Ну ладно, лягем поспим, к утру дело есть.

Поутру встают со сна. Вот выстали, потом быка сварили, один варит. Ну, тут «надо быков бить да ремни делать и идти туда, где я видал», говорит. Вот быков начали колоть, быка за быком. Мясо в чаны налагают, шкуры на ремни режут. Набили быков, нарезали ремней, а мясо, которо едят, которо солят, в чаны. Ну, вот набили быков, ремней нарезали, сейчас сделали такой вроде люльки ящик. Ну вот, этот ящик спускали, спускали, все до дна не дошел.

— Мало еще, — говорит, — быков резать надо.

В конце концов всех быков перебили, ремней нарезали, туда спустили, этот ящик дошел до дна.

—Ну-ко, — говорит, — давай, старший, иди туда в подземелье.

— Нет, что ты, я, — говорит, — не пойду, я не смею.

— Ну, второй, — говорит, — тогда ты иди, что же, — говорит, — вы больше на свете жили, больше знаете, там как поступать.

— Нет, — говорит, — я не смею, не пойду, что придется там делать, мне ничего там не сделать будет.

Ну, что же делать.

— Тогда я пойду.

А этого они не посылают, тот чужой, дак.

— Вот, — говорит, — только с тем уговором, когда я приду, вы тащите меня кверху, не оставьте под землей, я вам сроку даю трое суток, ждите, а через трое суток не приду, значит меня не будет живого.

Вот он сел в эту люльку, они его тогда давай, шарабахнули. Ну и вот спускали, спускали туда, долго ли, коротко. Скоро опустили туда книзу. Опускали его туда на низ, он вышел, люльку тут оставил, от этой ямы дорожка, тропинка. Ну, вот он по этой тропинке пошел, по этой дороги. Стоит медный дом, а в этом доме сидит под окном девица и ткет вроде как став, как ткнет, так выскочит конь и солдат.

— Что ты, — говорит, — девица, делаешь?

— Кощею, — говорит, — Бессмертному силу вытыкаю.

— Не тки, — говорит, — силы Кощею Бессмертному, я за старшего брата тебя замуж возьму.

Она была у Кощея Бессмертного украдена, в подземелье унесена. Она взяла, да став перерезала, и ничего больше не очутилось. Он пошел дальше. Приходит, а там впереди серебряный дом стоит, опять тоже девица став ткет.

— Что ты, — говорит, — делаешь?

— Я, — говорит, — Кощею Бессмертному силу вытыкаю напротив Ивана-царевича.

— Не вытыкай, — говорит, — силы, я за второго брата замуж возьму тебя.

Вот она возьмет перережет, ничего не сделалось, все кончилось, свою работу кончила. Он пошел дальше, опять стоит третий дом золотой и в третьем доме тоже девица делает, что и те делали, тоже силу вытыкает Кощею Бессмертному.

— Не вытыкай Кощею Бессмертному силу, я за себя замуж возьму вас.

— Вот что, Иван-царевич, я больше вытынать силы не буду, ты с Кощеем Бессмертным придешь, а он у дому, кругом дому своего три раза обвился и от ног пальцы во рту. Вот какой маленький был, а теперь какой стал. Вот, — говорит, — он будет с тобой бороться. Ты, — говорит, — будешь бороться с ним, он тебя сронит, ты ему не давай бить, скажи: «Пусти меня с белым светом проститься, я отсюда уж никуда не уйду». Он отпустит тебя проститься с белым светом. Есть на правой руки два колодца, в одном колодце, — говорит, — жива вода, а в другом мертва, направо жива, а налево мертва. Ты этой живой воды столько напейся, чтоб мог колодец этот перенести с места на место, где была жива, дак поставь мертву, а где

была мертва, дак живу, перемешать эты колодцы. Вот, — говорит, — тогда только ты придешь его поборешь, как стронешь, и ударь его только один раз, — говорит, — а он закричит, — говорит, — «бей второй». Ты второго раза уже не повторяй, довольно ему одного раза. И он будет проситься, говорить: «Спусти меня с белым светом проститься». И ты, — говорит, — его спустишь, а он попьет этой воды и потом ты отрубишь у его голову.

Вот он затем отправился, приходит туда вперед, а этот Кощей Бессмертный, стоит дом золотой, и он круг дому обвился три раза и у нот пальцы во рту.

— А, Иван-царевич, я давно тебя дожидаюсь. Ты ко мне пришел? Ну, ты теперь от меня не уйдешь. Будем со мной бороться.

— Ну, выходи, — говорит.

Кощей Бессмертный кругом этого дому опустился, сделался таким же как Иван-царевич. Вот и стали бороться, но недолго бились. Он Ивана-царевича тряхнул, как снопа овсяного, легонький показался для него, такому черту, дак.

— Ну, Кощей Бессмертный, не бей, — говорит, — дай мне с белым светом проститься.

— Иди, — говорит, — никуда не уйдешь.

Ну, вот он пришел туда к этим колодцам, этой воды пил, пил, пил, но колодца перенести не может, а пить больше не хочет.

— Пойду, — говорит, — поборюсь.

Этот Кощей Бессмертный его опять и вернул.

— Ну, не бей, — говорит, — Кощей Бессмертный, дай мнека с белым светом проститься.

Вот этот Кощей Бессмертный:

— Ну, иди, — говорит, — все равно, Иван-царевич, ты от меня никуда не уйдешь, сюда попал, дак будешь здесь.

Он пошел опять, воды напился из этого чана там. Ну, перенести все-таки еще не мог с места на место. Опять стали боротьея. Кощей Бессмертный его и сронил.

— Ну, не бей, — говорит, — дай мне-ка еще раз с белым светом проститься.

— Ну, иди, — говорит, — никуда не уйдешь.

Он пришел опять, пил, пил этой воды и эти чаны взял перенес с места на место, где была жива вода, поставил мертву, а на место мертвой живу. Вот затем взял и стали бороться с Кощеем Бессмертным. Он Кощея Бессмертного и свернул.

— Поди, — говорит, — к чертовой матери.

Ну, Кощей Бессмертный видит, что Иван-царевич его поборол,

— Ну, — говорит, — Иван-царевич, не бей меня, дай с белым светом проститься.

Нет, думает, ежели спущу, то черт его знает, что на самом деле убежит ли воды напьется. Нет, убью я его лучше, к чертовой матери. Выдернет саблю сейчас и у его голову отрубит, кричит:

— Бей второй раз.

— Нет, — говорит, — у нас по одному разу бьют, довольно.

Лишнего времени не провожая, он взял его потащил к дому, да с домом вместе и сжег. Сожег дак и Кощея совсем, чтоб дух не пахнул на свете, в этом подземелье не жил. Ну вот справился, приходит к девушке, она уже собралась.

— Я, — говорит, — готова давно, Иван-царевич, справился? Ты что с ним сделал?

— Я его сожег, — говорит, — совсем на огне.

— Ну, а сожег, — говорит, — тем и лучше, больше не будет никакой опасности.

Она собралась и пошли.

— А вот что, — говорит, — Иван-царевич, я дома не взяла с собой, надо дом взять.

— А как мы, — говорит, — дом возьмем с собой, ни какунибудь игрушку, в карман не положишь.

Она выняла яичко, взяла вокруг дома обкатила и дом собрался в яичко, ему в карман положила.

— Вот те и дом, — говорит.

Ну, вот дальше ко второй пришли. Тоже вторая собралась. Та ей говорит:

— Возьми, обкати яйцо и дому не оставим здесь, Кощея нет, пусть и домов не будет этих.

Вот от второй опять к третьей тут. Вот приходят к третьей, тоже сама она собрала дом в яйцо, обкатила да и ему опять в карман. Вот затем они приходят к этому месту, где братья дожидают, а братья ждут их последние часы, думают нету живого, трое суток прошло времени.

— Ну вот садись, котора, — говорит, — старшему, садись наперед в эту люльку, тебя туда кверху подымут.

Вот они потрясли ремни, пошевелили, они тогда и потащили кверху. Вытащили, подняли ей туда кверху, они посмотрели.

— Кто там в люльки?

— У, там, — говорят, — девица.

— Ну, девица, подымай кверху, — говорят, — а ежели брат, дак опускай книзу. Он с Кощеем Бессмертным там управился, а нам попадет.

Братья боятся. Вот затем втору туда посадили и втору подняли, второму брату. Ну, вот еще эту люльку спустили. У ей спросили:

— Кто там есть?

— Ваш брат, — говорит, — потом там еще девица.

— Ну, ладно, мы ей еще поднимем, — говорят.

Они подняли втору и опустили за третьей туда. Люльку опустили, люлька пришла. Он ей говорит:

— Садись в люльку, тебя там поднимут.

— Нет, — говорит, — Иван-царевич, меня, — говорит, — поднимут, а тебя не поднимут, и ты вспомнишь меня, как тебе отсюда будет не выйти.

— Нет, — говорит, — братья мне этого не сделают, я их спас, поднимут.

Ну, посчитались, она все-таки распростилась.

— Ну, остаться тебе здесь. Меня, — говорит, — поднимут, тебя нет.

Ну, все-таки она согласилась, поехала туда кверху, а он остался.

— Еще, — говорят, — кто там, один брат остался?

А они люльки спустить не хотят. Ну, вот люльку опустили, он сел, они потащили кверху. Потащили кверху, видят — брат, по ремням раз ножом, брат туда в яму обратно. Он упал, там сколько времени пролежал, уж неизвестно. Оны этим девушкам говорят:

— Мы придем домой, вы отцу не говорите, что мы брата тут оставили. Мы будем все вместе жить, а котора евонная, тая богатырю этому, приемышу ихнему.

После этого девки эти согласились. Этот Иван-царевич там сколько времени пролежал, опомнился и пошел по дороге к этому, где дома стояли. Ну что ж, пришел, все пусто, нигде ничего нету. Где дома стояли, нету, а дома в кармане. Ну, что дома, раз ничего нету. Дошел до колодца, в колодце все перемещано, перепутано. Тропинка от этих колодцев в сторону туда, он по этой тропинке отправился. Там долго ли, коротко ли шел, увидал, стоит дом, в конце концов дом увидал, все-таки думат, теперь не пропаду, где-нибудь буду находиться, живой буду. Приходит к этому дому, в этом доме одна старуха слепа ходит, руками шамрат. Вот эта старуха и говорит:

— Фу, фу, фу, на Руси не была руського духу не слыхала, а тут руський дух ко мне в дом пришел. Ну, кто ты такой есть и откуда идешь? Как сюда попал? — говорит.

— Я сын такого-то, — говорит, — царя, был послан за живой водой и молодильными яблоками и вот поехал, бабушка, по этой дороге и был у Кощея Бессмертного. Спас, — говорит, — трех девиц, и вот братья меня не подняли кверху, их взяли, а меня не взяли, и я теперь остался здесь.

— Ну, — говорит, — не тужи, миленький. Я, — говорит, — доставлю тебя домой.

— Сделай мне такую милость, я тебя, — говорит, — бабушка, подмоложу и будешь молодая, и как следует направлю тебе жизнь.

Он затем достал этой живой воды, старухи помазал глаза, у ей глаза стали. Ну, вот взял молодильных яблок достал, ей помолодил, ну, куда бабка стала.

— Ну, — говорит, — Иван-царевич, будешь там, я тебя доставлю, куда тебе надо, выправлю на землю по-настоящему.

Ну, вот бабка его покормила, повалила его спать, он заснул богатырским сном и спит без пробудки.

Вот эта бабка и говорит:

— Ну вот, Иван-царевич, бей, — говорит, — птицы здесь много есть, зверей бей и соли мясо, надо тебе этих три чана набить, тогда только ты попадешь на тот свет, на землю на подземелья.

Эта старуха выстала на крыльцо, вышла, свистнула, прилетели все птицы. Она была эта старуха повелитель всех птиц. Ну вот птицы все стали собираться вокруг ней, одной нету.

— Что ее нету, куда она делась, где она пропала?

Вот и тая прилетела потом птица, которая надоть, самая большая.

— Ну, где ты пропадаешь, столько время, а тебя я дожидаю, твоего ответа.

— Прости, — говорит, — меня, бабушка, вот я была в таком-то месте, в таком-то царстве, така-то девица родила двух мальчиков и вот я, — говорит, — пособляла ей воды носить и приготовлять все для прожительства корабля, все продукты, она снаряжает корабль, хочет ехать после этих родов, отплывать в плавание, пойдет в этако-то царство, столько-то времени путешествовать к такому-то царю. Был такого-то царя сын и вот этих мальчиков ей оставил, она туда, — говорит, — поедет к ним.

— Через сколько времени она будет там у его?

— Не раньше, как через семь лет, она у его через семь лет обещалась, дак. Ну, вот я была у ей на родинах.

— Ага, она не у всех головы на кол навязала, а все-таки сама навязалась.

А Иван-царевич думает:

— Ладно, пускай едут. Я через много времени попаду, дак неизвестно. Она в дороге, а я в другой.

Вот затем эта старуха этой птице и говорит:

— Вот этого человека тебе надо снести в такое-то место.

— Бабушка, — говорит птица, — это далеко, нужно нам три чана мяса на дорогу на пропитательство (сколько поры они пролетят). Ну и этого вот нужно, — говорит, — мне мяса приготовить.

И потом старуха говорит:

— Иван-царевич, приготовь мяса.

И он после этого стал охотиться ходить. Стал на охоту ходить и стал зверей убивать. Набил мяса, долго ли, коротко ли, тамотки, а мяса набил три чана. Птица эта потом прилетели опять.

— Ну вот, я теперь готова и понесу, — говорит, — теперь тебя, Иван-царевич, садись.

На эту птицу положили три чана мяса, Иван-царевич сам сел и поехал, с этой птицей полетели. Птица летит, потом станет оглядываться, он из этих чанов ей по кусочку мяса и бросит. Как она оглянется, так он и бросит. Чан опорожнился, второй начал, потом второй опорожнился, он спрашивает у ей:

— Что, — говорит, — теперь легче тебе стало?

— Чувствительно, — говорит, — легче.

— А пролетели далеко ли?

— А пролетели — половины не пролетели.

А остался один чан. А старуха эта говорила:

— Иван-царевич, она доставит тебя на место, напиши. Ты не принесешь мне записки, дак я с тобой разделаюсь (это птице). Напиши, здорового или целого она тебя принесет эта птица, или в каких-нибудь ущербах.

Ну, вот она все оглядывается, он мясо покидывает, покидывает, чан опорожнился.

— Далеко ли еще лететь?

— Да, — она ему отвечает, — есть лететь не так много, но не так мало, порядочно.

А мяса и нет больше. Последний чан выкинул прочь. Она опять заоглядывалась, хочет есть, ему бросить нечего. Стала ниже, ниже над водой, а летит через море. Ну, вот потом он видит, что она оглядывается, делать нечего, взял у ноги отрезал икру у своей. Ну ей бросил, она съела и он держит ножик в руках, спрашивает:

— Далече ли еще лететь?

— Да еще есть лететь.

Ну он взял ножик направил, надоть у второй отрезать икру.

Она отпянулась, он вторую икру бросил.

— Еще, — говорит, — далече ли лететь?

— Вы еще не видите зени, — она ему говорит, — ну, только есть еще место.

Взял затем еще руку направил, вырезал мускул прочь, ей бросил.

— Ну, что, — говорит, — далече еще лететь?

— Теперь, — говорит, — долетим, сейчас я принесу тебя на берег.

Ну, вот она его принесла на берег, он взял написал старухи, что вот так и так, икры отрезал и мускул, остался так, на произвол судьбы. Ну, вот он тут долго ли, коротко сидел на этом берегу, сидеть надо потому, что не может пошевелиться никуда. А письмо старухе отправил. Там долго ли, коротко она летела, к старухи прилетела, письмо старухи отдала, а старуха письмо прочитала и говорит:

— Ты, курва, у его икры съела и мускул у руки, иди выхаркни ему икры и мускул, он там сидит на берегу, помирает.

Ну и вот эта птица сейчас свилась и обратно туда к нему прилетела, икры ему выхаркнула и потом мускул выхаркнула. Он взял живой водой помазал и направился. И пошел попадать, путешествовать, он пошел попадать от берега туда в свое царство, к своему отцу. Тут шел да был, да путался, сколько там прошло времени много ли, мало, этого я не знаю. Ну, все-таки время подобралось, братья тоже еще приехали, только до дому добрались. Он путался тоже и припутался к своему царству. Обдумал.

— Что же мне-ка теперь, идти к отцу? Они приедут трое или может уже приехали. Отец не поверит, что я сын его, теперь столько времени прошло, я изменился, стал такой мужественный, скажет: «Мне-ка не надо этого, у меня есть сын».

К царству своему подошел, приходит, стоит стара хибара. Живет один старик в хибарки.

— Дедушка, возьми меня, — говорит, — жить, что тебе одному скучно. Возьми меня в товарищи.

Старик его пригласил. Он достал, сходил, денег дал старику и говорит:

— Поди, сходи, достань вина и разного там добра.

Ну, старик затем там ходил в городе.

— Ну, что там хорошего, дедушка, в городу?

— У царя, — говорит, — сыновья приехали, такой там праздник, свадьба у царя, сыновья приехали с невестами, жениться будут.

— Ну так, дедушка, — говорит, — теперь знаешь что, тебе работа будет.

— А какая мне работа будет?

— Ты, — говорит, — возьми конопатку, конопать вокруг дому. А придут царевичи тебя нанимать домов работать, им понадобится три дома.

Старик ходит, ходит у дому, поконопачивает, а эти женихи приехали.

— Надо нам, — говорят, — жениться, а невесты замуж не идут. У нас нету подвенечной одежи, достаньте нам такую, какая у нас там была. Чтобы было через три дня нам сработано такое, какое у нас там было, — говорят.

Ну, женихи ходили там, тех мастеров искали, кто знает, како у них там платье было, каку им одежду надо сработать, никто там не был, никто не знает. И они сами не знают, женихи. По городу ходили, позади города уже вышли, старик вышел на улицу. Иван-царевич говорит:

— Ты возьми кропай свой кафтан, — говорит, — они будут тебя нанимать.

— Дедушка, не умеешь ли работать портным, не сработаешь ли нам три платья таки, каки там были у наших невест?

А каки и сами не знают, цвету, фасону не дают.

Старик:

— А давай, — говорит, — я возьмусь, сработаю.

— Ну, дедка, сработай. Сколько будет стоить твоя работа?

— А по триста рублей за три платья, — говорит старик.

— Потом, дедушка, сработай так, чтоб были готовы к завтрему, а не сработаешь — голова с плеч.

Идет в избу старичок со слезами, что вот так и так, сам не знает, за что взялся. Тут Иван-царевич выбежал.

— Что ты, дедушка, плачешь?

— Да вот так и так.

— Брось, — говорит, — тужить, все сделаем, только ты дешево взялся по триста рублей за платье, разве это цена, ты меньше трех тысяч не отдавай, а мы все сделаем. Не тужи, — говорит, — спать ложись, а утро мудренее вечера, поутру встанешь, все будет готово, сделаем.

Ну вот старик спать повалился, а Иван-царевич ночью встал, дома эти раскрыл из яиц, сходил, эти платья ихни вынес, тючки завязал, старику направил к утру. Ну, старик выстал со сна, узелки взял приданого. Ну вот приходит от царевичей трое.

— Ну что, дедушка, готовы платья?

— Да готовы, — говорит.

— Которо на каку работал?

— А там оны, — говорит, — разберут и найдут, которой какое.

Вот затем оне платья взяли, деньги старику отдали, старик по тысяче рублей взял за платье с их. Платья взяли передали им. Они посмотрели, девки, платья.

— О, — говорят, — он здесь. Ну, теперь что, надоть нам башмаки теи, которы у нас были там.

Ну, вот этот старику, Иван-царевич, опять говорит:

— Ты, — говорит, — кропай что-нибудь, каки-нибудь сапоги. Им, — говорит, — башмаки потребуются.

Старик в одно время прекрасно кропает. Ну, они там по магазинам ходили, покупали, а разве знают тамотки, какие им надо.

— Пойдемте к этому старику, — говорят, — опять не сделает ли этот старик.

Старик кропает сидит на улице свои опорки.

— Дедушка, ты умеешь сапожничать?

— Да, умею, какие угодно умею башмаки и что угодно сработать могу.

— Сделай, дедушка, нам такие, какие у невест там были, нам нужно подвенечные башмаки.

— Ладно, возьмусь, — говорит, — сработаю.

— Ну, сработаешь, сколько будет стоить, дак за деньгами не стоим, только сработай. Но сработай к утру, завтра чтоб были готовы. А не сработаешь, голова с плеч, — старику опять говорят.

Стариченко призадумался опять, в слезах пошел домой. Иван-царевич:

— Не плачь, дедушка, — говорит, — а по утру встанешь, будет все готово. Вот что, — говорит, — сходи в город, купи для себя съестного, что тебе требуется, тащи вина, не плачь, веселись. Они, — говорит, — плачут, а мы будем веселиться.

Старик из города принес всех этих продуктов, и Иван-царевич напоил старика пьяного. Старик напился, спать повалился. Иван-царевич взял раскрыл дома, достал потом оттуда башмаки, шиблеты ихны, ну, тючки завязал в ихны платки, старику передал.

— На, дедушка, передай им, будет спрашивать, который какой, ты скажи, они сами разберутся.

Ну вот они приходят.

— Ну что, — говорят, — дедушка, готово?

— Готово, — говорит.

— Которы какой башмаки?

— А там они сами разберутся, найдут всяки свои.

Ну вот, принесли женихи эти башмаки, девушки посмотрели.

— Да, эти башмаки. Есть где-нибудь он, да только как узнать?

Ну, теперь эти женихи говорят:

— Теперь подвенечные платья вам достали, башмаки вам достали, теперь вы можете идти за нас замуж, быть нашими.

Они говорят:

— Нет, мы вашими быть не можем, сработайте нам дома, какие у нас там были.

Вот загвоздка-то! А они не знают, раз все достали, то и дома будут, где-нибудь он есть, да найти его трудно.

А тем временем время идет, корабль по морю плывет, тоже подвигается. Ну вот, скорей сказать, они там тоже сколько времени проходили, проискали, дома работать ну никто не берется, кто знает, каки у них тамотки дома были.

— А пойдемте, — говорят, — к старику, не может ли старик сработать. — Тут подумали, ну разве может старик все платья сработать, шиблеты там ихны, дома сработать, где ему.

— Ну, дедушка, нам не сработаешь ли дома? Три дома в одну ночь и все, каки там были.

— Да чего, — говорит, — сработаю, — старик отвечает.

— Сколько ты возьмешь за дом?

— По сто тысяч, — говорит.

Иван-царевич ему сказал: «Бери по сто тысяч».

— Дорого, — говорят, — ты, старик, просишь.

— Дорого за дома, дак дешевле работайте сами, — старик им отвечает.

— Ну ладно, — говорят, — дадим, дедушка, работай только, чтобы к утру были готовы, а не сработаешь к утру — голова с плеч.

Старичок опять закручинился. Пришел домой, Иван-царевич говорит:

— Брось, дедка, кручиниться, спать ложись, а поутру встанешь, все будет готово.

Ну, старичонко повалился спать и спит, а Иван-царевич ночью сходил на царско место, взял дома раскрыл все.

— Ходи, — говорит, — дома поколачивай, какой тебе понравится. Домов, — говорит, — без хозяев никому не отдавай, хозяева придут, и ты деньги получишь с них.

Царь спал, спал, поутру встал, глядит, а за окном как жар горит. Вышел на улицу, посмотрел, видит, дома стоят. Вот так дома. Что это за дома? Это, наверно, не этих моих сыновей-то дома были. А старик там ходит, сколачивает. Царь затем пришел к старику и говорит:

— Что, — говорит, — ты тут, дед, делаешь?

— Что, дома работаю вашим сыновьям, ваших сыновей невестам.

— А сколько они, — говорит, — будут стоить?

— А по сту тысяч каждый дом.

— Да хоть и дороги, — говорит, — а стоят они этих денег. На, — говорит, — деньги и выходи из домов.

— Нет, я из домов не выйду, пока не сдам эти дома кому нужно, — говорит этот старик.

Царь ушел, пришел, деньги отдал, а старик из дому не вышел, сдал сыновьям эти дома и сыновья дали ему еще денег.

Ну вот, поутру вставают девушки со сна.

— Наши дома здесь и Иван-царевич здесь.

Вот стали справлять свадьбу, а девушки замуж не идут, еще все справляют то да друго. Ну ладно, в конце концов все-таки стали соглашаться, а эта, котора была Ивана-царевича, та

еще все за того не идет. Потом в конце концов и тая согласилась тоже за его идти.

Вот три свадьбы начинают играть. Вот только свадьбы начались, в разгаре, вдруг корабль приходит. Вот затем корабль приехал, вдруг с этого корабля раскинули сукно до самого царского дворца. Вот выкинули сукно и кричат:

— Подавай, царь, виноватого, мы твой город весь пожгем, повыкатим, по бревнышку повыкатим, не гляди, что девки, а там мужики.

Ну, вот царю делать нечего, царь говорит старшему сыну:

— Вот ты долго ходил, чего ли там не выходил, сходи на корап, не ты ль виноватый?

Ну, тот оделся и отправился тихошенько, по сукну не смет идти, да идет мимо. А на сукне два мальчика бегают и кричат:

— Маменька, папенька идет.

А она отвечает:

— Нет, — говорит, — это не папенька, это ваш дяденька, папенька ваш спас его от смерти, а он над ним посмеялся. Ну, надо его, — говорит, — принять и угостить этого дяденьку как следует.

Он пришел на корап. Только вступил, оне его повалили, давай задницу стегать. Порку дали, потом говорят:

— Уходи, ты не виноватый.

Стали кричать:

— Подавай, царь, виноватого.

Ну, царь затем второму говорит:

— Ну-ка, ты сходи, не ты ли виноват, долго ходил тоже.

Тот затем сейчас пошел потихошеньку, тоже по сукну не смеет идти по середине, идет по крайчику, а мальчишки бегают:

— Маменька, папенька идет.

— Нет, это не папенька, это второй ваш дяденька, над вашим папенькой надсмеялся. Надо его принять и угостить как полагается.

Ну, она его тоже на корап приняла, привязали на брашпиль, настегали. Тоже приняли хорошо. Тот затем пошел домой. Отцу говорит:

— Не я виноватый.

Тем временем Иван-царевич пришел к царю на конюшню, берет коня, а конюхи кричат:

— Какой-то вор там пришел.

А вот ещё, забыл, третий сын какой-то был, приемыш, тот просто сбежал от царя, не смел за угощеньем идти на корап.

А Иван-царевич, как взял коня на конюшне, сел на коня верхом, приехал на это сукно и стал сукно навертывать. Оторвет кому на брюки да кому на пиджак, кому на жилетку.

— Нате, — говорит, — пьяницы, пропивайте, да Ивана-царевича лихом не вспоминайте. (Не боялся).

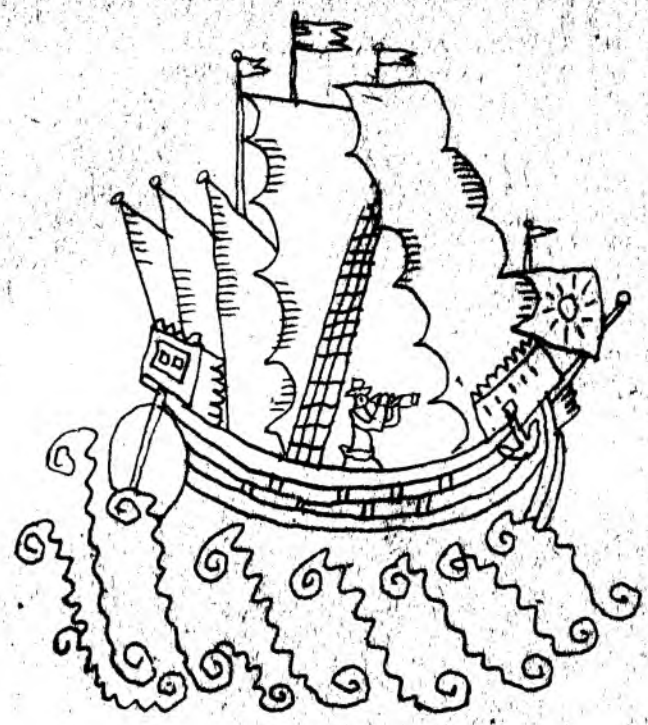
Вот, затем эты там сыновья забегали.

— Маменька, папенькин конь едет.

— Вот это, — говорит, — ваш папенька едет. Ну, надоть его принять и угостить как следует.

Он па корап прямо на коне заехал, дети сейчас коня расседлывать, отца в кают-компанию туда. Корап от стенки отошел, царуса отдал да и пошел, только молодильны яблоки да живу воду и достал.

Ну, вот корап отплыл в море и отправились туда в тое царство, откуда была эта красавица. Приплыли туда в тое царство в ейно, потом сыграли свадьбу, сделали пир на весь мир. Сказка вся, и остался там жить в том царстве.



ВИРМА

Степанида Ивановна Головина, 80 л.

36. МОРОЗКО

Жил-был мужик да баба. Вот она и говорит:

— Не буду за твоей дочкой ухаживать.

А девка полна была. А отец и говорит:

— Так поедем со мной в лес.

Ну и поехали. А что там одела? Какую-то культяшечку, а мороз большой. Отец дрóва рубит, а она:

— Тата, я замерзла, тата, я замерзла.

— Ну, дитятко, замерзла, так уж!

А отцу надоть уехать, да ю одну оставить. Вдруг, этого места, она села под лесúнку. Села и сидит. Она думат, что отец-то рубит да рубит. А он поехал, там поколотит да там поколотит. Вот уж и стемнело. Стемнело, а сидеть надо. Мороз стал большой. Прискочил и говорит:

— Тепло ли тебе, девка, тепло ли тебе, красна?

А она говорит:

— А божье тепло, божье холодно.

Что скажешь? Он взял бросил сундук, она на сундук села. Мороз-то. Вот еще крепче мороз. Она опять этого места, таким побутом. Мороз подскакивает.

— Тепло ли тебе, девка, тепло ли тебе, красна?

А она:

— Да божье тепло, божье холодно.

Он взял бросил шубу, вот она оделась.

Вот и по третий раз. Уж такой мороз, что прямо плящий. Ну, шуба, да на том месте катанчишка были, наверно. Вдруг еще подскакивает.

— Тепло ли тебе, девка, тепло ли тебе, красна?

— Да божье тепло, божье холодно, — говорит, — ножки позябывают.

— Катанки-то, вот тебе (чтобы не замерзла).

Хозяйка говорит:

— Поезжай за дровами, да привези мертво тело. Мороз, так замерзла.

Ну отец со слезами одевается. Приехал. Едет, а девка похаживат, как куколка, в шубы большой.

— Манька, ты, — говорит, — не замерзла?

— Нет, не замерзла.

Ну ладно. Он маленько дров наклал, она и говорит:

— А, тата, поедем мы домой.

Они взвалили сундук с богатством и поехали. Дров сколько-то было. Как приехали, а ю зависть-то и взяла. У ей тоже дочка была своя. Говорит:

— Куды везешь добра? Где наворовала?

— Нет, — говорит, — мама, я не воровала, это мне с лесу нападало.

— С лесу?

— Да.

— А где такой лес? Сегодня же вези мою дочёрь!

Ну старик взял свез дочку, положил дочку.

— Я, — говорит, — сейчас дров нарублю.

А девка-то, наверное, уж знала, что не приедет отец. Девка похаживала, похаживала. Мороз прискакал.

— Тепло ли тебе, девка, тепло ли тебе, красна?

— Конечно, тепло.

— Ну, тепло, дак и грейся.

Вот уж и другой, и третий. Мороз пляшет. Сначала все хорошо говорила: «Конечно, тепло». А третий раз пришел Мороз, у ей уж и язык не шевелится. Ну и осталась. Мать утром говорит:

— Поезжай, привези богатство.

А он привез мертвое тело. Девка-то замерзла. Девка-то с богатством замуж вышла, а мать оглупела.

37. ПРО ЖЕНКУ И ПРО МУЖИКА

Муж с женой жили-жили. Мужик был лентяй, ребят семеро, ничего не работает.

— Не хочу, — говорит, — на свете жить.

А женка и говорит:

— Что ты там думашь? Куда я с детьмы остануся? Давай я пойду яму выкопаю да живого в яму похороню.

Вот и сделал так. Яму выкопал, гроб сработали и повезли. Везут, а люди смеются. Жена так плачет, надо с детьми остаться голодной, а люди смеются. Говорят:

— Барин едет!

— Кого везите, что половина смеется, а друга плачет?

А он голову и сдынул.

— А кто там?

— Да вот не хочет жить, его в яму хоронят живого.

— Ах ты, — говорит, — такой-сякой, балбес, поди ко мне жить, я тебя буду сухарямы кормить!

А он и говорит:

— Парены?

— Нет. Ну, еще парены.

— Везите дальше.

Вот уж и другой попадат. До сего ведь скупщики были. И теперь-то людей ведь есть, как таки.

Едет другой. Вдруг:

— В чем дело? Что везут и смеются?

— Да не хочет жить на свете, живого в яму хоронят.

— Поди, — говорит, — ко мне жить, я тебя буду яйцамы кормить.

— А, — говорит, — варены, чищены?

— Нет, не чищены, самому надо чистить.

— Ну, еще чистить, везите.

Ну и похоронили. А женка осталась плакать. Вот и все.

Мария Владимировна Дементьева, 65 л.

38. НИКОЛА ДУБЛЕНСКОЙ

Так вот, жили старик со старухой, жили хорошо, но старуха старика почему-то не любила. Жил недалеко поп. Поп был вдов. Полюбился поп, в гости надоть ходить попу, но не знат как, старик мешает. Вот, а старик-то узнал, что старуха любит попа.

— Так как бы мне помешать ихней любви?

Пришел один раз из лесу домой и говорит:

— Старуха, вот я в лесу чуда какого видел: стоит дуб большой, в дубе дупло глубокое, а там икона — Никола Дуб-

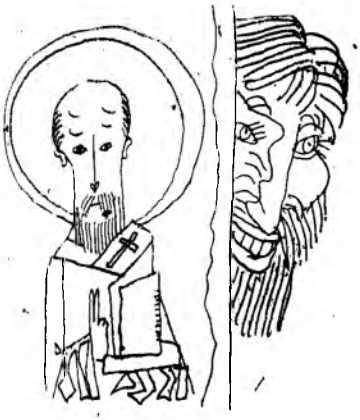
ляной, лампадка теплится. Вот хорошо, хоть бы помолиться сходить туда. Зря не помолился.

А старухе этого и надоть.

— В каком месте?

— Да там три дороги есть, развилка, и вот от третьей развилки в сторону.

Ну ладно. Старуха и думат, что пойду помолюсь. Утром взяла, собирается, полушубок одеват и ушла из дому. А старик оделся, с печи спустился, побежал стороной. Прибежал в лес, в дупло залез, за икону сел и выглядыват. Старуха пришла, видит — лампадка теплится.



— Дубляной ты, Никола! (На колени пала.) Помоги ты мне, ослепи ты старика, чтобы поп-то ко мне в гости ходил, он бы не видел.

Молилась, молилась, вернулась домой. Вернулась домой, а старик уж на печи лежит.

— Куда ходила?

— Да вот недалеко ходила, в суседы.

А старик-то все ведь знает. Ну вот, на другой день одевается, утром опять приходит.

— Куда, старуха, поход-ишь?

— Да в суседы похожу.

— Ой, не вижу, старуха, ничего не вижу.

Вот она ушла опять в лес молиться. Старик опять с печи спустился, оделся, впереди ей убежал. Пришел, в дупло сел и опять из-за иконы выглядыват. Старуха пришла, на колени пала.

— Вот, Дубляной Никола, спаси тебя бог и помилуй. Хорошо ты сделал, ослепил старика. Теперь уж пошли ты ему глухоту, чтобы не слышал, да не видел, как поп в гости ходит.

Ну ладно, молилась, молилась, ушла. Старик впереди ей, дома уж на печку залез, сидит на печке. Старуха пришла домой. Старик не слышит, ничего не говорит:

— Старик, ты дома?

Старик не отвечает.

— Вот беда-то, — зашла на печку. — Старик, живой ли ты? Стала тормошить, старик пошевелился.

— Ой, так верно ты ослеп да и оглох. Вот так бедушка-то мне навязалась теперь, так вот уж бедушка-то мне навязалась теперь.

А сама того и радехонька. Ну, ладно. Вечером сходила, попа в гости созвала, блинов напекла, каши наварила, масляных блинов, чай согрела.

— Ешь, батенька.

Угощает, ходит, ласкает попа. Вышла на двор. Старик с печи спустился, да попа взял и задавил. Да блин сунул ему в рот масляный. Старуха вернулась — поп на полу лежит.

— Вот беда-то! Масляны таки блины пекла, да как он задавился-то?

Ну ладно. Сходила на деревню, растрезвонила, попа утащили, похоронили. Старуха больше всех плакала. А старик прозрел да и глухота прошла.

39. ПРО ПАНТУФНИ

Жила-была у меня жена Варвара, немножко пониже амбара, и был у нас большой бык. Пошла она в хлев быку сена давать.

— Чего долго Варвары нет? Чего долго Варвары нет?

Ждал, ждал, пошел смотреть. Пришел, а бык Варвару съел, одни пантуфни остались. Погоревал, погоревал.

— Что буду делать? Пойду к судьи. Судить быка может будут за то, что Варвару съел.

Одел вязку на рога, повел быка к судьи. Судья говорит:

— Как же я быка судить буду? У бога надоть искать уж защиты.

А как у бога? Бога-то на земле нету. Ведь как-то на небо надо докучать идти. Думал-подумал, деньжонок было, сходил на базар, купил веревок и стал лестницу плести. Плел, плел, длинну-предлинну сплел лестницу.

Ну дак на небо надо идти, дак и подарки надо богу нести. Опять деньги потребовались. Сходил на базар, купил всем богам по сапогам, богородице пантуфни. Как без подарков пойдешь? Вот в мешок все собрал, завязал, лямки сделал, одел на плечи, ну и стал лестницу закидывать. Тучка такая подошла плотна́я, толста́я. Закинул крючком, как будто повисла лестница, смотрю. На перву ступеньку ступил, на втору ступил, на третью ступил, а крючки сдали, я кувырком, лестница упала. Второй раз я применился. Второй раз так же получилось, оборвались крючки. Но третий-то раз я уже закинул, так тут удачно, лестница не сорвалась. Вставал, вставал, вставал, мешок оттягивает назад. Тяжелый мешок-то был ведь. Доставал я и до последней ступеньки. А там у бога стража стоит, святой на часах, земной жизни не знают, так с земли человека

никак не принимают. Просил, просил, молил, молил, вот меня и допустили к богу. Сидит бог, а рядом мать-богородица. Поклонился, поздоровался, подарки преподнес, а подарков-то они не взяли. Конечно, пантуфни-то и понравились богородице, так на небе не носят ни сапогов, ни пантуфней.

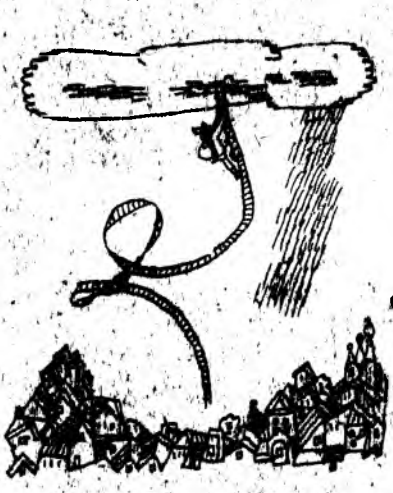
— Унеси обратно на землю, откуда принес.

Ну ладно, пожаловался я богу Саваофу на быка, что бык съел Варвару. Он говорит:

— Варвара-то твоя уж на небе давно.

— Да как на небе-то? Бык же съел.

— Да хоть съел бык-то, так она уж на небе. Не веришь, так покажем.



Откуда ни возьмись и Варвара очутилась.

— Варварушка, милая, пойдем домой, уведу тебя.

— Нет, я к земной жизни теперь уж не пойду. Выстала на небо, поднялась, не пойду.

Что делать? Поплакал, поплакал, погоревал, надоть обратно идти. Обратно идти, опять мешок на плеча, звалил, на ступеньку на последнюю встал, плюнул вниз на землю три раза.

— Куда слинка летит, туда я полечу, катком, вальком, мешком, шишком, перевертышком.

Да как прыгнул и лестницы не считал. До земли летел, не долетел, так и разбился. Так и пантуфни лежат, и сапоги все лежат, а дед убился.

Петр Иванович Мартынов, 34 г.

40. (ПОПОВ ЖЕРЕБЕНОК)

У попа потерялся жеребенок. Этот жеребенок был в пропаже три года. Деревенский мужичок Иван был человек хитрый, нашел поповского жеребенка и молчит об этом деле. Он был человек верующий и пошел на исповедь к попу перед великим постом. Поп все грехи спросил: «Говори, не утай». Иван размотал все грехи свои, что у него было.

— Есть, батюшка, еще один грешок, да не смею сказать.

А поп и говорит:

— Говори, Иван, не утай.

Ну Иван и говорит:

— Вот, батюшка, у тебя в третьем годе потерялся жеребенок, грешен, я, батюшка, господу богу. Я украл у тебя жеребенка.

Поп и говорит:

— Неужели, Иван? Ох, грех неумолимый. Придешь завтра приобщаться и скажи при всем приходе, что, мол, я у попа украл жеребенка.

Это попу нужно для того, чтобы Ивана посадить в тюрьму и жеребенка отобрать. Иван ушел домой, проспал ночь и подумал: «Если я попу скажу при всех гражданах про жеребенка, то он меня в тюрьму запекет».

Назавтра Иван встал, пошел причащаться, но так как не Иванова перва очередь была, то Иван уже надумал кое-что. Поп был рыжий, как только дошла очередь до Ивана причащаться, поп и говорит:

— Вот что, братья и сестры, что сейчас Иван будет говорить, это все сущая правда.

Иван выступил с речью.

— Вот что, граждане, что есть у нас в деревне рыжих ребят, все от попа.

Поп сразу в оправдание себя закричал:

— Не верьте, граждане, он все врет.

Таким образом Ивану не удалось причаститься и жеребенок остался у Ивана. Сейчас Иван живет-поживает, деньгу наживает.

41. ЛЯГАНЬЕ И ДРЫГАНЬЕ

В одной деревне не было попа, была часовенка. Подходят пасхальные праздники, необходимо провести службу. Решили избрать одного старичка знающего. А в тот период носили сапоги с длинными голяшками, в простой день носили длинные голяшки, а в праздники делали гармошки, собирали в боринки. Избрали старичка Луку служить службу пасхальную.

— Ты уж все же, Лука, давно живешь и кое-что можешь по божьему велению сделать.

Ну Лука сколько не отпирался, все же решил помочь отслужить службу. Утром в двенадцать часов начал службу. Одел ризу и прочее снаряжение, взял себе одного старика Никиту в помощники, тот разжигает кадилу, подает его попу Луке. Лука начал кадить над иконами и прихожанами и так как был неопытный, ему из кадила скочил уголь за голяшку. Он до этого уговаривался с прихожанами: «Что я буду делать,

то и вы делайте». Он начал дрыгать ногой, потому что уголь жег ногу, и вся публика начала вслед за ним дрыгать ногами, кто как попало начали лягать нескладно ногами. Но так как у него начало стягивать кожу сапога еще больше, уголь прижимать к ноге, он свалился на спину и давай вытряхивать уголь, и вся публика вслед за ним свалилась на пол на спину. В этот момент мужичок, поивший лошадь, опоздал на службу и, встретившись с одной старушкой в коридоре церкви, спрашивает:

— Что, бабушка Аксинья, служба-то уже кончилась?

Она отвечает:

— Нет, дитятко, еще не кончилось, я ляганье отстояла, а дрыганье начинается. Бежи скорее, так застанешь.

Мужичок, увидя такое церковное служение, вернулся обратно и теперь по сие время не верит в церковное вранье.

Фатина Васильевна Попова, 57 л.

42. ПРО ДЬЯЧКА

Жили-были мужик и жена, у них было три сына, один был Иванушка-дурачок. У них было хозяйство хорошее, и они на этих сыновей надеялись, а на Ивана-дурачка никакой надежды не полагали, что он будет им пользу приносить. Вот когда умирали отец с матерью, призвали всех детей и говорят:

— Не оставьте в беде Ивана-дурачка, раз уж он такой уродливый и не сможет вести хозяйство.

У них хозяйство было зажиточное, много было овец, коров, быков, всего. И вот умерли они в одно время. Братья позвали Ивана и говорят:

— Тебе на долю быка.

А для него все равно.

— Куда быка? Куда с быком-то?

— Продай, деньги сделаешь.

Он пошел продавать быка. Ушел в город продавать быка, а мосты там плохие, так бродом. Ходил, ходил и быка не мог переправить на другую сторону, такой глупый, и привязал быка к лесины. Пришел домой, братья удивились, что так быстро он быка продал. А он и говорит:

— В городе я не был, иду, а скрипит лесина. Я у нее и спрашиваю: «Что, быка покупаешь?» Я и привязал быка к дубу.

— Дурак ты, дурак, так у тебя к утру съедят все волки или медведи.

Он утром справился и пошел. Идет, а уже только рога на веревке висят. Бык-то уже съеден. Он и говорит:

— А деньги?

А лесина поскрипывает. Приходит домой, братья и смеются.

— Ну, что, быка продал?

— Одни рога на веревке висят.

Ну они сразу видят, что нахлебник им на всю жизнь остался. Он утром опять пошел, наточил топор и взял. Думает, если не получит с этого скрипучего дерева деньги, то он его срубит. Идет он к этому скрипучему дереву, уже нет ни веревки, ни рогов. И начал он рубить эту лесину, и оттуда повалились деньги медяки, серебрушки. У Ивана-дурака радости было много. Он взял эти деньги только в карманы — в пиджак и в брюки положил, а все остальные деньги оставил. Вышел на дорогу, идет дьячок, он мужику и говорит:

— Смотри-ка у меня сколько денег.

А дьячок и говорит, протянул руку:

— Ну-ка, дай-ка мне.

У него был топор под рукой. Он взял, да дьячка и убил. Убил, выкопал могилу тут же и зарыл мхом этого дьячка, пришел домой и говорит:

— Вот денежки, братья, вы не удивитесь. А там еще сколько осталось!

Братья и говорят:

— Покажи.

Взяли кошели и пошли. А он еще и говорит:

— Я иду, а дьячок мне попался встречу. Я ему и говорю: «Смотри-ка, у меня сколько денег», а он и говорит: «Дай-ка мне». Я взял, да и убил его.

— Да ты что, с ума сошел? Тебя теперь посадят в тюрьму, да и нас. Не болтай.

А они надеялись, что он не разболтает. Ночь переспали и говорит брат брату:

— Подведет он нас! Пойдем-ка за деньгами сперва.

Взяли кошели набрали, устрашились, сколько денег. А братья поумнее были. Все кошели заложили, сколько могли, унесли до копеечки, а он даже и нисколько. Наложил карманы, тем и удовольствовался. Вот братья пришли богатеюньки и говорят:

— Нет, надо что-то сделать. А не пожалеем, — говорит, — хилого барана зарежем да похороним в той ямы, где дьячок.

А показал он, где дьячок-то похоронен. Барана положили на тое место, а дьячка перехоронили, тогда ничего не будет. Они так и сделали. Ночью сходили барана худого зарезали, в эту яму барана спустили, дьячка перекопали подальше. Утром идет Иван-дурак. В деревне волнуются, ходят, он тоже к этой куче подошел.

— В чем дело?

— Дьячок потерялся.

— А я сегодня кого-то убил.

Тут говорят:

— Да с ума сошел. Убил дьячка?

— Убил.

— Показывай где.

Поверли Ивана показывать могилу. Иван идет наперед, урядник идет взади, и народ поинтересоваться идет. Приходят к могилы, привел правильно.

— Разворачивай!

Он руками снял дерно, спустился в яму, оттуда и говорит:

— Дьячок у вас был черный?

— Черный, — говорят.

— С бородой?

— С бородой.

— С рогами?

— Да ты что? Какие у дьячка рога?

Вытаскивает оттуда барана.

— Вот я такого убил.

— Да ты с ума сошел. Вот дурак, так дурак и есть.

На этом и все.

43. ИВАНУШКА-ДУРАК

Жила-была вдовица, у ней не было детей, и она взяла сироту Иванушка. Вот раз и спрашивает Иванушка:

— Можешь ли ты в город съездить и купить кое-чего, если я дам деньги?

— Как же, могу, могу.

Вот она дала ему деньги и говорит:

— Купи мне горшков, масла, соли, стол и ложек.

Иванушка в город съехал, всего закупил и вернулся домой. Едет дорогой, стоят вырубленные от леса пни одни. Он и говорит:

— Бедные ребята, без шапок стоят.

Взял эти горшки на пни одел. Едет дальше, дорога негладкая, так его и колышет из стороны в сторону, трясет по дороге. Он взял на дорогу все масло и выкатил, льет, сзаду, а не спереду, сам-то по-хорошему не ехал, а люди-то как есть проехали. Приезжает к ручью, хочет коня напоить.

— Что, Ворон, воды не пьешь, пресна́, наверно?

Взял полкуля соли и вытряс, Ворон все не пьет. Он взял остальную вытряс. Разозлился и взял коня убил. У него осталось нести стол и ложки. Он и говорит столу:

— Конь на четырех ногах шел, так и ты придешь.

Поставил стол на дорогу, пошел с одними ложками, а ложки ка́лайдают, а ему чудится: «Дурак, дурак». Он думает, они его ругают дураком, он тут еще пуще разозлился. Ногами всех перетоптал, сделал, что мука. Пришел к хозяйке, хозяйка встретила.

— Иванушка приехал. Закупил?

— Все готово.

— А где крынки?

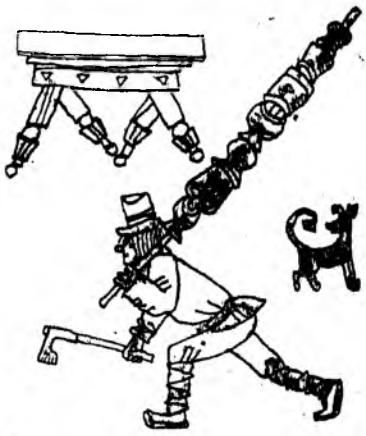
— Крынки я оставил на пенье.

— А где масло?

— Я масло вылил.

— А зачем? А зачем ты лил его?

— Потому, дорога была худая.



— Ой, за это не спасибо, вот дурак. А где соль?

— Приезжаю к ручью, конь воды не пьет, я вытряс полкуля, конь все не пьет, я вытряс еще, соль вся и коня убил.

— Ой, — зарыдала хозяйка пуще прежнего, — стол где?

— Чудна же ты, хозяйка, конь на четырех ногах шел, стол тоже придет.

— Ой, батюшки, вот дурак-то навязался. А где же ложки?

— Они здесь.

Развязал мешок и видит, тут не ложки, а труха одна.

— Почему ты таких купил?

— Купил-то я крепкие, хорошие, но они на меня ругались, я их побил.

— Поди, принеси горшки и стол.

Идет. Стол на одном месте. Собрал горшки в кучу и никак нести не может. Взял топор, которым коня убил и донышки все выбил у горшков. Взял вырубил палку, одел на эту палку все горшки, принес домой хозяйке. Хозяйка и спрашивает:

— Не таких ли ты купил горшков?

— Да не таких купил, были хороши. Хотя и ты на этом месте была, как бы ты принесла?

— А стол где?

— Скоро придет, ему осталось одна река переплыть.

Взяла хозяйка рассчитала Иванушку. Пошел Иванушка куда глаза глядят.

Дмитрий Владимирович Филатов, 37 л.

44. ПОП, ДЬЯКОН ДА ПОНОМАРЬ

Жили бывало мужик с женкой, детей у них не было, жили они ничего, хорошо первое время. В одно время мужа сняли с работы, они пожили несколько времени, деньжонки у них подвыбились, жена мужу говорит:

— Надо, муж, как-нибудь деньгу наживать.

В этой деревне жил поп, дьякон и пономарь. Женка говорит:

— Давай, мужик, я в церковь схожу, помолюсь немножко.

Он ей:

— Ну, иди, сходи.

Вот в одно воскресенье женка собралась и пошла. Пришла в церковь, поп ей говорит:

— Можно к вам прийти чайку попить?

— Ну приходи, что же?

Дьячок тоже подошел.

— Можно к вам подойти чайку попить?

Она говорит:

— Заходи.

Вот и пономарь подходит.

— Можно к вам зайти чайку попить?

Она говорит:

— Можно.

Вот кончилась служба, женка ушла домой. Пришла домой, говорит мужу:

— Муж, ты прятайся, у меня придут гости.

Муж спрятался за печку. Приходит поп.

— Здравствуйте.

Она говорит:

— Здравствуйте.

Проводила его в комнату, чай был готовый согрет.

— Батюшка, садись чайку попить.

Поп сел. По стакану выпили чаю, поп ей говорит:

— Можно к вам вечерком зайти?

— Да, батюшка, я мужа боюсь, муж узнает, плохо будет.

— Не бойся, голубушка, я тебе даю пятьдесят рублей, а там сделаемся.

Поп дает пятьдесят рублей ей денег. На ту пору бежит дьячок.

— Батюшка, дьяк идет.

А он ей:

— А куда я?

— Ты вали в подполье.

В подполье была бочка смоливая, открыла женка подполье, поп прыг в бочку и сидит там, не пищит. Вкатывается дьяк.

— Здравствуйте, голубушка.

— Проходите, проходите чайку попить.

Дьяк был хромой немного. Прошел в ее комнату, сели чай пить. Сидят, угощаются, он ей и говорит:

— Можно к вам вечерком зайти?

— Муж узнает, плохо будет.

— Ничего не бойся, я тебе даю тридцать рублей.

На эту пору бежит пономарь, она посмотрела в окно.

— Пономарь бежит.

А дьяк:

— Куда я?

— Вали в подполье.

Открыла подполье, дьяк прыг, да в ту же бочку, где сидел поп. Вкатывается пономарь.

— Здравствуйте, голубушка.

Она говорит:

— Здравствуйте, проходите чайку пить.

Прошли в комнату, сели чай пить, сидят угощаются. Он ей говорит:

— Можно вечером зайти?

— Муж узнает, плохо мне будет.

— Ну ничего, не бойся. Вот тебе двадцать пять, а там сделаемся.

Когда деньги получила женка с этого пономаря, в это время муж на печке застучался.

— Кто там? Наверно, муж идет.

— А куда я?

— Вот в подполье.

Открыла подполье, дьяк прыгнул в эту же бочку, где сидел поп и дьячок, и сидят все трое, друг друга не знают. Мужик вылез из своего хранилища, взял топор, опустился в подполье и закрыл крепко-накрепко бочку дном. Женке говорит:

— Женка, помоги мне скатить на базар.

Взяли эту бочку, достали из подполья и покатили на базар. Прикатили на базар бочку, публики было много на базаре, подходят к мужику.

— Чем, дяденька, торгуешь?

— Я ничем не торгую, а ежели кто желает увидеть три сатаны, то могу показать.

— Ну показывай, что ли.

— Надо, ребяты, оплатить за эту штуку.

— Показывай, заплатим.

Он снял шапку, ему начали бросать кто копейку, кто три, кто пятачок. Вот он раскрывает дно нижнее, у которого сидел поп.

— Ну, вылезай, перва сатана.

Вот поп и выскочил, побежал вдоль рынка. Публика говорит:

— Ох, сама сатана бежит.

Весь в смолы, смола течет, через рынок перебежал, домой убежал. В это время в бочке пономарь через дьяка перевалился. Вот мужичок и говорит:

— Ну, вылезай, втора сатана.

Пономарь выскочил вместо дьяка. Выскочил пономарь, бежит по рынку весь в смолы, хуже попа. По рынку пробежал, домой убежал.

— Ну, так что, ребята,и третью сатану надо показать? Ну, вылезай, третья сатана.

Дьячок был хромой, бежать плохо может. Вылез кое-как из бочки и побежал. Публика и кричит:

— Наш дьячок, наш дьячок.

Он оборнулся и кричит им:

— Не дьячок, не дьячок.

По рынку пробежал и домой убежал. А мужик с женой взяли бочку пустую и пошли домой с деньгами. Так эти любимые гости не ходили больше, а муж с женой до сего времени живут.

Михаил Владимирович Филатов, 45 л.

45. НИКИФОРОВО ЧУДО

Жило-было два старика, пошли они на озеро ловить рыбу, закинули тоню, рыбы им попало ничего. Невод развесили они на вешало, сварили ужин и стали ужинать в лесной избушке. Вдруг под окном заговорили:

— Развязать ли?

Они, конечно, не зная ничего, и говорят со смехом:

— Развяжите.

Спокойно повалились спать. Утром встали и поезжают ловить рыбу. Схватились за невод, а невод оказался развязанным, и прядево на мотки смотано. Но им, конечно, нечего делать, вот один и говорит:

— Надо идти домой да взять невод снова.

А другой и говорит:

— Нет, часом невода не свяжешь, останемся на следующую ночь и переночуем. Что будет дальше?

Поздно вечером сварили ужин, стали ужинать. Вдруг опять неизвестно чей голос заговорил:

— Завязать ли?

Вот они и говорят:

— Сделайте милость, завяжите.

Сами легли спать и с нетерпением ждут утра. Встали утром, невод завязан лучше старого. Вот они с большим удовольствием выехали на озеро рыбу ловить. Закинули тоню и им рыбы попало, сколько в невод влезло. Пока рыбу доставали на берег у них день и прошел. Опять вечером стали варить ужин. За ужином с улыбкой и говорят друг другу:

— Вот так чудо, в одну ночь невод развязали, а другую связали.

Опять неизвестно чей голос заговорил:

— Это невелико чудо, а у Никифора боль было.

Утром встают, вот один старичок посмекалистей был, вот и говорит товарищу своему:

— Ты пойди домой и доставай рыбу от озера, а я пойду по белому свету Никифорова чуда искать.

Шел с утра до вечера, сказать было нечего. Шел близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, приходит. В чистом поле два старичка землю пашут и молодой детина распоряжается. Вот он говорит им:

— Труд на пользу.

А молодой детина и говорит:

— Садись, дедушка, отдохни.

— Да, признаться, я устал, — говорит.

— Куда ты, дедушка, пошел?

— Пошел я, в одну ночь у нас у озера невод развязали, а в другу связали неизвестно кто и сказали, что у Никифора чудо более было, так вот я пошел Никифорова чуда искать.

Парень стал рассказывать свое чудо.

— Вот жил я, не было у меня родной матери, была мачеха. Было мне пятнадцать лет, а тогда ходили волшебницы. Раз пришел я из школы, сижу под окном, читаю книгу, вдруг проходит мимо дому писаная красавица. Я и подумал умом: «Ах, кабы с этой красавицей погулять». Она была как волшебница, мою думу узнала, вернулась обратно и говорит мне:

— Вот, молодец, если желаете со мной погулять, то выйдете в такое-то место, в чистое поле, там стоит теремок маленький.

Хорошо. Зашел я по указанному месту, смотрю, стоит теремок. Дверь открыта, захожу в теремок. Прежде чем в терему осмотреться, в это время вдруг получил слабенький удар уздечкой. С удару волшебница и говорит:

— Где был молодец, тут стань жеребец.

Обернула меня жеребцом, обседлала, обуздала и поехала. Ездила, ездила, приехала. Стоим, как раз у терема столб к столбу, двенадцать колец. Вот меня в десятое кольцо и вдернула, веснуть тяжело было. Вдруг приходит у волшебницы двенадцать сестер и говорят:

— Сестрица, отстань от этого жеребца, русские люди хитрые бывают.

Она и говорит:

— Ничего, еще две ночи проезжу и век буду ездить.

Сестрицы ушли. Вот она и второй день села и поехала. Ездила, ездила, приехала, в одиннадцатое-то кольцо и вдернула так, что чуть задние ноги до земли хватают. Опять сестры и пришли, и говорят:

— Сестра, отстань от жеребца, русские люди хитрые бывают.

— Ничего, еще ночь проезжу и век буду ездить.

Сестры исчезли. Вот смолился тогда я этой красавицы:

— Отпусти меня с родными проститься.

Она сейчас берет уздечку, нанесла легкий удар и говорит:

— Где был жеребец, тут стань молодец.

Я прежним юношей и стал. Вот меня и отпустила. Прихожу когда домой, меня родные и спрашивают:

— Где был?

Но я этого дела скрыть не мог и рассказал. Мачеха у меня была колдунья. Пошла по деревне искать оставшихся свечек от святочных вечерин. Нашла три огарка свечек, дала мне в карман и наказала мне:

— Когда зайдешь в терем, ее в терему не будет. Сразу же бери уздечку, когда она войдет в терем, красавица, нанеси ей уздечкой крепкий удар и скажи: «Где была девица, тут стань кобылица». Обседлай, обуздай и садись, поезжай. Приедешь, возьми в двенадцатое-то кольцо и вдерни. А сам зайди в терем и сядь за печку. Когда придут ейны двенадцать сестер, ю от кольца освободят и сделают из кобылицы девицу, и станут спрашивать у ей: «Где у тебя, сестра, этот юноша?» Ты будешь невидим, так они и отступятся от этого, и уйдут. Вот она попросит тебя отпустить ей на волю, попроси у ей полотенце. Когда она даст тебе полотенце, сразу же уходи из терема домой и будешь счастливый.

Так я это и сделал. Когда пришел в терем, взял уздечку, нанес ей крепкий удар и сказал:

— Где была девица, тут стань кобылица.

Обседлал, обуздал и поехал, так ю умаял, из-под кожного ремня пена идет. Приехал, в двенадцатое-то кольцо и вдернул. Сам зашел в терем, сел за печку. Пришли ейны двенадцать сестер, освободили от кольца ю и сделали из кобылицы девицу. Вот и спрашивают:

— Сестра, где юноша?

Но я был невидимым. После этого они скрылись. Вот она и говорит:

— Молодец, отпусти меня на волю, что угодно, то и дам.

Он и говорит:

— Ничего мне не надо, только дай одно полотенце.

Получил я полотенце, прихожу домой и с тех пор стал молод и счастливый. Как утром встаю, умоюсь, этим полотенцем утрусь и всегда молодый. Эти два старичка мои дети, а я отец ихний.

Вот утром отправляется этот старичок дальше. Приходит в чистое поле, в чистом поле стоит березка, у березы стоит кровать, на кровати сидит бравый молодец и говорит:

— Присядь, дедушка, отдохни.

И спрашивает:

— Куда пошел?

Старичок отвечает:

— Пошел Никифорова чуда искать.

— Ну ладно, расскажу я тебе про свое чудо. Вот родился я от короля, мать у меня тоже была королева. От роду меня до двадцати лет на свет не пускали, когда исполнилось двадцать лет, вышел я на волю. Задумали отец с матерью меня женить, свадьбу сыграли хорошую, у короля было на что свадьбу играть. Женой мне попала волшебница. Ну, что же, не знал как с женой обратиться, жена на меня вознегодовала, обернула меня кобелем, стал я бегать да кусочки собирать. В этот город повадился медведь ходить. Как пастухи пригонят скота,

прибегает медведь и давит. Стреляют с ружей, пули не берут, так что уж скота медведь выдавил половину.

В один прекрасный день король издал приказ: «Собрать в городе всех собак и закрыть в помещение, куда пастух пригоняет скот». Сейчас же собрали всех в городе собак и тут же его. Собаки в этом помещении дерутся, а он все дальше прячется, чтоб его не кусали. Вдруг одна собака начала драться, сила была громадная у этого кобеля. Он взял эту собаку убил. И таким способом всех собак загрыз этот кобель. Когда скота пастухи пригнали, вдруг откуда ни возьмись медведь и начал давить скот. Сторож помещение открыл, всем собакам скомандовал:

— Усь на медведя!

Этот как пес, все собаки задавлены оказались, этот кобель как выскочил, медведя три раза через голову и перевернул. С тех пор больше медведь не стал в город ходить скота давить. За это дело король наградил знаком эту собаку и жители стали почтение отдавать, поили, кормили даже что сами кушали. Когда жена узнала, что жизнь ему хороша, обернула взяла снова уткой. Когда пришла осень, все утки заполетели в теплые края. Вот и ему пришлось лететь. Охотники стали уток стрелять, силками ловить (но сам хоть утка, ум человеческий), когда приближаются к берегу, стада уточьи от берега отводит, чтобы ружья не достали, и так же все силки обловит, чтобы не попала никак больша утка. Гуляйте все уточки. С этого времени охотники даже не стали доставать никого и стали жаловаться уже правительству, что, находясь в стадах, какая-то утка есть особой породы, стадо от берегов отводит и силки ловит. Добычи у охотников никакой не стало. В одно прекрасное утро вышла эта утка ловить силков, скользнулась да сама лапкой и попала в силок. Пришли охотники, забрали эту утку и понесли прямо королю, и говорят:

— Самая эта утка стадá от берегов отводит и в силки ловит.

Король берет за крылья эту утку, посмотрел и три раза о пол ударил очень больно. Потом и говорит:

— Где была утка, тут стань молодец.

Обернул его молодцом и говорит:

— Здравствуй, Иван-королевич.

Он в свою очередь поздоровался.

Опять король говорит:

— Я за то тебя ударил три раза об пол, что когда я обертывался медведем и ходил в ваш город скота давить, а ты был псом и три раза через голову перевернул, тоже мне больно было.

Потом король говорит:

— Иван-королевич, женись на моей дочке.

А он и говорит:

— А если стара жена узнает?

Но король говорит, что «не бойся, женись».

Вот взял он и женился на его дочке. Вот немного прожили, жена и говорит:

— Иван-королевич, узнала твоя прежна жена, прилетит со мной драться. И вот когда мы схватимся с ней драться, у нас сила найдется наровни и волшебство ровное, и, котору не жалеешь, ту и руби.

Ну, в скорое время прилетела старая жена драться. Вот он думал-подумал, с прежней женой мало жил, худо видел, с этой подольше прожил, может еще хуже увидел бы, иноторую не зарубил. Одну обернул кроватью, а другую березой. На кровати посидит, кровати станет тяжело, возьмет ножичком березу стругнет, чтобы ровно было. Вот, это мое чудо!

Вот распрощался старичок, пошел дальше. Шел, шел, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, шел с утра до вечера, сказать было нечего, приходит в деревню. Поздно вечером уже заходит в маленький домик, поздоровался. Хозяин дома был старичок и спрашивает у путника:

— Куда путь держишь?

А он и говорит:

— Пошел Никифорова чуда искать.

А хозяин-старик со смехом ему отвечает:

— Да я сам Никифор и есть, к самому на квартиру угодил. Ну что же, расскажу и тебе про свое чудо. Было у меня шесть сыновей, занимались мы охотой. В одно прекрасное время, осенью ходили на охоту со всеми шестерыя сыновьями. Была плохая погода, сбились с пути, не стало хлеба. Вот один сын выстал на лесину и говорит:

— Батька, огонек близко.

Приходим к этому огоньку, лежит у огонька старичок. Вот я и говорю:

— Дедушка, дай хлебца и огонька.

А старичок приподнял голову в ответ и говорит:

— Даешь съесть сынка, так дам огонька.

Думали-подумали, пришлось отдать сынка. Съел старичок сынка, а нам дал огонька. Шесть ночей выходили к этому

старичку и всех сыновей выкормил. Остался один. Вот прихожу на седьмую ночь к старичку.

— Дедушка, дай огонька или покажи дорогу домой.

Тогда старик сел и говорит:

— Ах, ты старый дурак, не спешился бы мне сыновей кормить, а просил бы дорогу, давно бы дома был. Поди, становись под большую ель, а около большой ели есть дорожка, сделается шум в лесу, по этой дорожке покатятся дровни без коней, без всего, покатятся други за ними, а катятся быстро. За ними третьи, четверты, пяты, шести, и семы, ты как можешь на семы так и ложись, а если не угадаешь на семы дровни, то век дома не бывать.

Вот он пришел под дерево. Сделался шум в лесу. Смотрит и глазам не верит, катятся дровни, други, третьи, четверты, пяты, шесты, семы. Как семы только прикатились, он на семы меж вивем вокурат и бах, и сразу очутился дома у старухи меж ногами, и все дети живы. И вот это Никифорово чудо.

СУМСКИЙ ПОСАД

Николай Александрович Бахилев, 62 г.

46. ПОП И СЕНЬКА-РАБОТНИК

У попа была лошадь худая, Сенька на ней ездил. Эта лошадь ему не понравилась, он взял да ее убил. Потом приходит к попу.

— Батюшка, — говорит, — несчастье случилось.

— Что такое?

— Лошадь пропала. Ну, батюшка, не горюй, у этой лошади шкуру сдерем и дай мне сто рублей, куплю лошадь другую.

Ну, батька дал ему сто рублей, Сенька пошел купить лошадь. Пришел в одну деревню, заплатил три рубля за худую лошаденку, погнал домой к попу. Лошадь худая была, едва шла. С полверсты не доехал до деревни, загнал ее в сторону, в болотину, они и засели в болотины. Взял и отсек ей голову,

и ткнул ей обратно, сам побежал к батьку, вернулся. Прибежал.

— Батюшка, — говорит, — несчастье случилось, лошадь чего-то испугалась, побежала и прямо в жидкое место засела.

— Как, Сенька, надо ведь людей звать.

— Не надо, батюшка, вытащим двое.

Пришли к лошади, он и говорит:

— Ты, батюшка, бери за голову, только аккуратнее, а то голову оторвешь и в воду упадешь.

Батька ухватил за голову и хлоп, с головой в воду улетел, кричит:

— Сеня, вытащи, пожалуйста, спаси меня.

А тот ему:

— Батюшка, как же это ты неаккуратно взял, что голову оторвал, ведь за нее сто рублей денег плачено.

А батька:

— Не жалей и денег, и лошади, только вытащи меня.

Вот батьку вытащил, пошли домой. Сенька ночевал, потом батька на Сеньку осерчал и прочь прогнал. Батька позвал дьякона, дело нужно рассмотреть, раз лошадь решена. Ну, дьякон рассмотрел это дело.

— Батюшка, было сделано дурачество, лошадь была убита, голова отсечена, а не оторвана.

Поп на это стал сердит и его взял гнев, что нужно Сеньку убить. Дьякона переспросил и согласились двое идти Сеньку убивать. А Сенька раньше всего знал, что будет ему за это. Взял дома убил барана и налил кишку крови, и эту кишку привязал сестре к боку.

— Придет поп да дьякон меня убивать, — говорит сестры, — заставлю тебя что-нибудь приготовить, ты разругайся. Когда ты будешь ругаться, я ткну тебя в эту кишку, пади, как мертвая, я щелкну этой плетью, ты вскочи и приготовляй, что тебе велю.

Вдруг являются поп и дьякон и говорят:

— Сенька, мы тебя пришли убивать за то, что ты нас обманул.

— Ну, батюшка, власть ваша, только остальный раз попьем чего-нибудь и потом прощусь с сестрой.

Сестре и говорит:

— Сестра, приготовляй обед, давай на стол всего.

Сестра на него и начала ругаться.

— Как ты смеешь на меня ругаться? Я остальный раз перед смертью хочу погулять, а ты не хочешь мне приготовить.

Вскочил, с горячки пока, сестру ткнул, сестра и упала. Потом плеткой щелкнул, сестра вскочила и начала приготовлять, и пошла у них гулянка с попом и дьяконом. Поп и дья-

кой стали интересоваться, как это сестру заколол, а потом оживил? Он и говорит:

— Эта плетка оживляет мертвых, я вас не боюсь, что вы меня убьете, придет сестра, щелкнет меня этой плеткой, я опять живой буду.

Ну поп и дьякон поверили этому, что на самом деле, хоть его убьют, он живой будет. Стали говорить:

— Сенька, продай плетку нам.

— Ну ладно, только с тем уговором, чтобы меня не убивать и продам дешево, всего за сто рублей.

Они согласились плетку купить, а его не убить. Плетку купили и домой ушли, а Сенька живой остался. Подходит поп к дому и зовет дьячка:

— Пойдем, — говорит, — угостимся. Ну-ка, — матушке стал распоряжаться, — давай то, это на стол да подавай!

Матушка стала ругаться:

— Нашалелись, находились, опять пить надо.

Он ничего не говоря, думал, у него плетка есть оживления, потом оживлю, будет приготовлять по-хорошему. Ножик нашел, шаркнул в бок матушке, и она упала. Потом плеткой раза два щелкнул, а она не встает.

— Пусть, — говорит, — полежит, потом встанет.

Отошел прочь, она так и не выстала. Они посидели, посидели, дьякон говорит:

— Пойдем, батюшка, ко мне, старуха твоя не встает, может моя угостит лучше.

Справились и пошли к дьяконовой жене. Приходят, тая в дверях начала ругаться. Он молчит.

— Приготовляй то, другое.

Ругается еще пуще. Он взял ножиком шаркнул в бок ей, плеть тоже с собой взята была. Плетью шаркат да приговаривает:

— Вставай, дура, да больше не спорь.

А та не встает. Так и осталась лежать. Тут они еще больше осерчали на Сеньку и пошли снова Сеньку убивать. Сенька к их приходу завел кобылу в сарай, настелил кобыле под ноги постилы хорошей, взял тряпку, завернул разных денег — серебра, меди и сунул под хвост. Ушел в избу к сестры и сказал:

— Придет поп с дьяконом, скажи, что в сарае от кобылы деньги убирает, кобыла деньгами навозит.

Приходят к сестре поп да дьякон и спрашивают:

— Где брат у тебя, Сенька?

Она отвечает:

— Сенька на сарае, там убирает деньги от кобылы, кобыла деньгами навозит.

Ну вот они на сарай к Сеньке.

— Сенька, мы тебя убивать пришли.

— Дайте, батюшка, у кобылы деньги обрать, да мешок ей привязать, чтобы сестра после могла кормиться.

Батюшка:

— Каки тут могут быть деньги, разве мыслимо, чтобы кобыла деньгами навозила?

— Ну, батюшка, если вы не верите, я покажу вам, сейчас шарну кобылу, погляди, как у нее деньги полетят из-под хвоста.

Шарнет погонялкой кобылу, она испугалась, хвост отдала, деньги оттуда и посыпались.

— Что же, Сенька, кобыла эта у тебя хорошая, продай нам эту кобылу.

— Ну, батюшка, только с тем условием, чтобы меня не убивать, потому что эта кобыла чистое богатство.

Поп на это согласился, Сеньку не убить, а кобылу купить. Сенька сто рублей за кобылу взял, а поп кобылу взял и повел домой.

— Ну, батюшка, я забыл сказать, поучить вас надо, как деньги сохранять. Приведешь кобылу домой, заведи в сарай, постели хороший настил, привяжи к ней мешок и неделю целую не смотри, как мешок целый наберется, тогда убери.

Поп сделал так, как Сенька велел. Привел в сарай, постелил настил, стал поить, кормить ю, пока мешок полный не набрался денег. Когда мешок наполнился, поп да дьякон пришли смотреть, отвязали кобылы мешок, посмотрели, а там оказались не деньги, а конский навоз. Опять он тут их опутал. Они еще злее стали.

— Сеньку пойдем убьем без всякой пощады, ничего покупать не будем, он все время врет.

Сенька знал, что они придут. Устроил яму позади двора, сделал печку, чтобы огонь жечь можно было. Сестры сказал, что придут поп и дьякон, спросят «где?» — скажи, что помер, а могила позади двора. Они пришли, спросили:

— Где Сенька?

Сестра отвечает, что помер.

— А где его могила?

— Позади двора.

Поп дьякону говорит:

— Пойдем, сходим, посмотрим на его могилу, больше тут делать нечего.

Пришли на могилу, стали они оправляться, а Сенька накалил прут и прутом горячим шарнул, они отскочили прочь. Дьякон говорит:

— Он живой, коли оттуда прутом тычет.

Могилу раскопали, Сеньку захватили и в куль посадили. Куль завязали, Сеньку потащили. Дело было зимнее. Притащили к озеру, а у них ни лопаты, ни пешни, прорубь выпешать нечем, Сеньку спустить. Поп дьякону говорит:

— Принеси пешню, лопату, а я покараулю.

Дьякон и говорит:

— Нет, не пойду один, пойдем обои.

Согласились, обои ушли, оставили Сеньку одного в кулю завязанного. Вдруг на это время Сенька слышит колокольчик звенит. Смотрит в дырку сквозь куль — едет барин на тройке. Сенька кричит:

— Вот, — говорит, — горе, мол, выбрали меня судьей, судить не умею, за это меня в куль завязали.

Барин голос услыхал, к Сеньке подбежал, спрашивает:

— Что такое кричишь? Я судить умею.

— Когда умеешь судить, садись в куль, ты с ними сговоришься.

Барин согласился. Сеньку отвязал и сам в куль сел. Сенька взял его завязал, сел на его коней и уехал, а барин в куле и остался.

Поп и дьякон приходят к этому кулю тащить этот куль к воде. Барин кричит:

— Я судить умею.

Поп говорит:

— Руби скорее прорубь, он еще судиться с нами хочет.

Прорубь выпешали и потащили туда этого барина, бросили в воду и ушли домой.

Пришел праздник, воскресенье. Поп служить ушел. Сенька впряг коней тройку и поехал к обедне. Приехал к церкви, поставил карету и зашел в церковь молиться. Поп увидал Сеньку, дьякону говорит:

— Поскорее службу промотаем, надо Сеньку допросить, как он живой очутился.

Они службу кончили, к Сеньке оба подошли и ну спрашивать Сеньку:

— Как ты, Сенька, оттуда вышел вон?

— Батюшка, ведь вы же сами говорили, что человек помирает не на смерть, на живот, здесь человек в гостях гостит. Бог меня полюбил, взял обратно меня отпустил, наградил еще меня тремя лошадьми разной масти. Ежели, батюшка,

верите моему писанию, то скочите в воду, испытайте, бог всех прощает и награду дает. Только в двое суток успейти, а после закрывается подземное царство.

Поп и говорит:

— Верю твоим словам, ныне надо сходить туда нам.

— Батюшка, придите к проруби, каких коней надо, таких и кричи, бурых так бурых, серых так серых.

В воду скачет батюшка, дьякону говорит:

— Пойдем, сбегаем.

— Да идите сбегайте, — говорит Сенька, — там часа два побудете, приедете домой на новых лошадях.

Батюшка и дьякон пошли к проруби, скочили в воду и поныне остались там, а Сенька остался живой.

Александра Николаевна Каманина, 83 г.

47. ТУРУ, ТУРУ, ПАСТУШОК

Туру, туру, пастушок,
Осиновый батожок.
— Далеко ли трубишь?
— От моря до моря.
От моря до моря
До синего города.
— Что царь делает?
— Книжку читает.
— А что царица делает?
— Сына усыпляет.
— А как ему имя?
— Царю Константину.
Бубен ты, бубен,
Седы ты на бочку,
Дай-ко твою дочку
За нашего сыночка.
Ведь у нашего-то сыночка
Трои двери и трои ворота,
Козы не перескочить,
Да рогов не переломить.
А коза перескочила
Да рога переломила.
— А где же эти рога?
— Да Миколка унес.
— А где это Миколка?
— Миколка в клетке сидит.
— А где эта клетка?
— Эта клетка водой уж залилась.
— А где эта вода?
— Да вода — быки выпили.

— А где эти быки?
— Быки на гору ушли.
— Ну, а где эта гора?
— Цветами заросла.
— А где таки цветы?
— Девки выщипали.
— А где эти девки?
— Да взамуж выскакали.
— А где у них мужевья?
— На войны ушли.
— А где така война?
— А эта война осередь зерна.
Ехали татара, зерно растоптали,
А ехал пес, да и остатки увез.

Никифор Дмитриевич Клевин, 56 л.

48. ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был купец. У этого купца не было никого детей. И он плыл на своем корабле за границу. И в один прекрасный день плывет по морю, попутный ветер несет хорошо, вдруг корап остановился, не знат почему. Банки никакой нет, ничего не знат, почему корап нейдет. Вдруг из моря выходит царь морской и говорит:

— Чего, купец, дома не знашь, отдашь — пойдет, не отдашь — не пойдет.

Думал-подумал.

— Все я знаю по хозяйству. Жена есть, детей никого нет. А сам не знал, что жена осталась в положении.

— Отдам, — говорит.

Только сказал, что отдам, корап полетел, что стрела. Приплывает домой, стречает жена и маленький мальчик. Спрашиват жену:

— Чей это мальчик?

Жена отвечает:

— Это наш сын.

Когда сказала, что «наш сын», сильно он опечалился, подумал, что значится царю морскому посулил сына. И не говорит ничего с женой. Жена его заметила, что сильно суровый стал.

— Чего, — говорит, — ты такой невеселый? Скажи, об чем печалишься?

— Вот так и так. Шел я по морю, остановился корап среди моря. Выходит из моря царь морской и говорит: «Чего не

знаешь, отдашь, пойдет корап». Я не знал, что ты осталась в положении и посулил сына.

Мальчик бегал по улице, спускал стрелу и спустил бабушке-задворенке в окно, и сломал стекло. Бабушка и говорит:

— О ты, посуженый, — говорит.

Мальчик прибегает домой и говорит:

— Тятенька и маменька, кому меня посулили, я туда пойду.

Жалко было расставаться с сыном, но пришлось. Напекли подорожников, и он отправился в сине море. Вдруг плывет двенадцать лебедей. Эти двенадцать лебедей выходят на берег, махнули крыльями по берегу, сделались двенадцать красных девиц, раздевши платья и начинают купаться. Он подкрался из-за кустика, взял у одной девицы белье. Покупались девицы, взяли оделись, обернулись в лебедей и улетели. А двенадцатая ищет своего белья и говорит:

— Если старый старичок, будь мне батюшкой, если старая старушка, будь мне матушкой, если молодой молодец, будь мне суженый.

Тут он из-за кустика вышел, отдал белье, Василиса Премудрая и говорит:

— Ой, Иван — купеческий сын, давно дожидается наш батюшка. Ну, пойдем к морю.

Щелкнула по морю железной тросточкой, сделалась железная дорога и спустились в глубину моря. Приходит в сине море ко своему отцу Василиса Премудрая, накормила, напоила Ивана — купеческого сына и спать уложила.

— Утро мудро, день добыточен, богу молись да спать ложись, а утром пойдешь к моему отцу на доклад.

Встал утром, попил чайку, показала Василиса Премудрая, где дворец стоит морского царя, он и пошел туда. Приходит, сидит царь морской на троне и говорит:

— Долго Ивана — купеческого сына и дожидал, ну, наконец, дождался. Вот, — говорит, — сделайте воздушный хрустальный дворец, чтобы лучше в мире не было.

Пришел Иван — купеческий сын, запечалился к Василисе Премудрой.

— Что запечалился, — говорит, — Иван — купеческий сын?

— Дал твой папенька сделать воздушный хрустальный дворец, чтобы лучше его на свете не было.

— Богу молись да спать ложись.

Только он уснул, она вышла на крыльцо, крыкнула по-звериному, крыкнула по-змеиному. Набежали слуги.

— Что угодно, Василиса Премудрая?

— Сделать воздушный хрустальный дворец к утру, чтобы лучше на свете не было.

Утром будит его.

— Вставай, Иван — купеческий сын, постукивай, только гляди ничего не сломай.

Приходит царь морской и говорит:

— Сработал, Иван — купеческий сын?

Отвечает, что сработал.

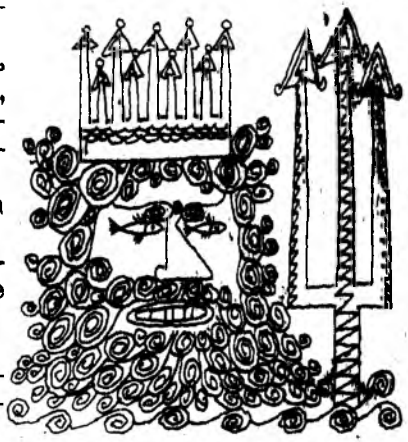
— Завтра приходи, другую службу дам. Сделать воздушный хрустальный корап, чтобы лучше его в мире не было.

Опять запечалился Иван — купеческий сын. Пришел к Василисе Премудрой.

— Что запечалился, Иван — купеческий сын?

— Да вот, так и так, твой папенька дал воздушный корап сделать, чтобы к утру был готовый.

— Это не служба, а служ-бишка. Служба будет вся впереди.



Накормила, напоила, спать повалила. Вышла на крыльцо, крыкнула по-звериному, свистнула по-змеиному. Слуги набежали:

— Чего угодно, Василиса Премудрая?

— Сделайте воздушный корап хрустальный, чтобы лучше на свете не было.

Утром будит.

— Встань, постукивай, побрякивай, только ничего не сломай.

Приходит царь морской и говорит:

— Сработал, Иван — купеческий сын?

— Сработал, — говорит.

— Завтра приходи, дам третью службу. Стоит за двенадцатью дверями жеребец и на двенадцати цепях, и приведут двенадцать богатырей, и обучить жеребца, объездить.

Пришел Иван — купеческий сын к Василисе Премудрой веселехонек.

— Что ты, — говорит, — такой веселый сегодня, Иван — купеческий сын?

— А дал, — говорит, — жеребца объездить твой папенька, а я не таких лошадей ездил, — говорит.

— Это служба, так уж служба, — говорит, — Иван — купеческий сын, это будет не жеребец, а овернется царь морской сам в жеребца и понесет тебя выше облака ходячего, выше леса стоячего. Сходи теперь, насбирай три мешка золы, сходи в кузницу, закажи три железных молота и три стальных пру-

та. Когда утром приведут тебе жеребца, полагай три мешка золы в шеи, три железных молота, три стальных прута. Когда ты сядешь, он понесет тебя выше облака ходячего, выше леса стоячего. Ты возьми один мешок золы, высыпь ему в глаза и возьми один железный молот, бей его меж ушей, а стальным прутом дери его по заднице. Так же и второй мешок, и второй молот, и второй прут. Конь станет легче задевать по вершинам леса копытами. Третий мешок высыпай, третий молот раздуй, конь насилу пойдет по земли.

Прибегает царь морской и говорит:

— Иван — купеческий сын, объездил?

— Объездил, — говорит, — и не таких объезжал.

(Уж он успел перевернуться из коня опять в царя.)

— Ну вот я за это сыщу тебе работу, женю тебя. Есть у меня двенадцать дочерей, выбирай из них. Всех одену в один рост, всех в один холст, всех в одноцветно платье.

Пришел к Василисе Премудрой и объяснил ей все.

— Как ты, — говорит, — теперь меня узнаешь? А не узнаешь, пропадем мы обои. Когда нас оденет в один рост, в один холст, всех в одноцветное платье, смотри вострее, у меня на носу будет пищать комар. Ежели проглядишь, пропали оба.

Приходит Иван-купеческий сын. Первый раз пошел — видит, сидит на носу комар.

— Вот моя богосуженая, — говорит.

— Ага, говорит, — Иван — купеческий сын, не своим умом делал, — говорит, — а Василисы Премудрой. Ну, приходи еще завтра, — говорит, — еще одену, выберешь, тогда поженим.

Василиса Премудрая говорит:

— Будет у меня муха жужжать, надо мной летать, смотри зорче, проглядишь, нам обоим пропасть.

— Третий раз приходи, — говорит, — тогда и поженим.

— Смотри в ноги, — говорит, — мимо моих ног пробежит мышка.

Одеты, приведены все опять. Он смотрит, вдруг бежит мышка мимо ейных ног.

— Это, — говорит, — моя богосуженая.

— Не своею силою жил, Василисы Премудрой. Утром будет вам венец.

Приходит и Василиса-царевна. Говорит Иван:

— Завтра ваш папа будет нас венчать.

— Завтра нам не венец будет, а он целую ночь будет точить зубы свои, чтобы обоих нас пожрать. Иди на конюшню, выбирай самолучшего коня, садимся и поедем прочь отселе, покуда он спит.

Привел коня, сели на коня и поехали. Когда запоезжала она, слину плюнула на свой дом. Ну и поехали. Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли едут, вот она и говорит:

— Припади-ко ты, Иван — купеческий сын, к земле ухом, не едет ли за нами погоня?

— Едет и едет близко, — говорит.

Она сейчас взяла овернула его церковкой, сама сторожем, а коня припрятала. Приезжают к этой церкви, видят, ходит один сторож, и спрашивают:

— Не видал ли, дедушка, не проезжал ли кто здесь на одном коне два?

— Что вы, — говорит, — дитятки, здесь птица не пролетывала и зверь не прорыскивал, не то что человек прохаживал.

Вернулась погоня обратно, приезжают к царю и говорят:

— Так и так, стоит церковь и сторож.

— Тут-то, — говорит, — они и были! Поезжайте живо, захватите их, привезите ко мне.

— Припади-ка, Иван — купеческий сын, к земле ухом, не едет ли за нами погоня?

— Едет и едет близко.

Она сейчас бросила плоточку, коня овернула озером, сама плотвой, а его окунем. Подъезжает погоня к озеру, видит, плоточка да окунек ходят, постояли и вернулись обратно.

— Тут-то они, — говорит, — были!

Не стерпел сатана, сел, поехал сам.

— Припади-ко, Иван — купеческий сын, к земле ухом, не едет ли за нами погоня?

— Едет и едет близко, — говорит, — сам сатана едет.

Вынимает из кармана железную плоточку.

— Сделайся, — говорит, — здесь огненная река, от земли до неба, чтобы тому еретику ни пройти, ни проехать.

Только бросила плоточку, сделалась огненная река от земли и до неба. Одни остались по ту сторону реки, другие по другую. Заскрежетал зубами морской царь и сказал Василисе Премудрой:

— Василиса, пропусти меня, — говорит, — через реку. Я знаю, что у тя есть шелково несгораемо полотенце. Ничего не сделаю, только благословлю.

Она вынимает из кармана шелковое полотенце несгораемое, бросает через реку. Пошел царь морской по этому полотенцу, не дошел сажени места до берега, заскрежетал зубами, говорит:

— Сейчас-то я и съем вас.

В то время Василиса Премудрая ножичком полотенце чиркнет, царь морской и сгорел в огненной реке.

Поехал Иван — купеческий сын с Василисой Премудрой вперед. Со своего города остановился километра за три у бабушки-задворенки, и говорит Иван Василисе Премудрой:

— Ты останься здесь у бабушки-задворенки, а я пойду к своим родителям схожу.

— Ты меня забудешь в чистом поле, Иван — купеческий сын.

— Нет, не забуду.

Пришёл домой, увидал отца, матерь, поздоровались. Мать и отец сильно обрадовались, приискали ему невесту и начинают женить его. А он и забыл про Василису Премудрую в чистом поле, честным пирком и за свадебку, гости собрались, начинается, значит, свадьба. Василиса Премудрая говорит бабушке-задворенке:

— Я спеку пирог, снеси, продай на пир этот пирог.

Бабушка-задворенка снесла пирог и продала на балу. Когда этот пирог купили и разрезали, вылетели оттуда два голубя и запели:

— Иван-купеческий сын Василису Премудрую в чистом поле забыл.

Тогда он сказал отцу и матери, и гостям:

— Вот, моя невеста в чистом поле, избавительница моя, я должон жениться на ей.

А с этой разошлись и с той повенчались. И стали жить-поживать да добра наживать.

49. ВАВИЛОНСКОЕ ЦАРСТВО

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, жил-был царь, и царь задумал клич кликнать.

— Кто найдется такой человек, чтобы сходил посмотрел Вавилон-город, есть ли там кто жив человек или нет и принесли бы оттуль корону.

Всех царь в своем царстве обошел, никого не мог найти. Вдруг навязывается солдатик Барсуков.

— Я о том, — говорит, — схожу, ваше императорское величество, дать мне корап, и матросов, и капитана под мое распоряжение, три сороковки пороху и восковые руки.

Пала благополучная погода и пошли. Шли сутки, неделю, месяц, второй, приходят к вавилонской пристани, бросают якорь, забирают паруса. Барсуков говорит капитану:

— Спускайте шлюпку, вывозите меня на берег. Если я не вернусь через три недели, то уходите отсель прочь. Если на вас прилетит какое-нибудь несчастье, зажигайте сороковку пороху.

Отвезли Барсукова на вавилонскую пристань, перекрестился, пошел. Зашел в город, идет по улице, идет по второй. Где-то здание разорено, где полдомов стоят. Прошел он может улиц пятнадцать, нигде никого нет. Стоит церковь, вся в целости, подходит к церкви, мертвых змеев лежит по колено, захватил-

ся за ручку двери, мертвой змей кругом тяне, он перекрестился и зашел в церковь. Везде в церкви змеи, за одним престолом нет. Взял царскую корону и пошел обратно. Вышел на улицу, идет по улице, стоит целый дом, из этого дому выскакивает ни женщина, ни полженщины и говорит:

— Что вы, Барсуков, ходите, а ко мне не приворотите?

— Сейчас, сейчас, иду, — говорит.

— Вот, Барсуков, мне тебя угощать нечем. А не угодно ли в шашки сыграть?

Сели, сыграли доску, втору, третью. Он ее обыграт, она его обыграт. Потом Барсуков взял в ум, что такое она сказала, кто пешку на пол сронит, с полу не подымать.

Он моментально с угла спихнул шашку и быстро схватил с полу. Она сидит на змеиных хоботах и змеев оживляет. Видит Барсуков, что попал в худые гости. Поиграл еще немного.

— Мне, — говорит, — надо домой идти.

— Поиграйте, ничего, — говорит, — успеете.

И она стала ногами поскорее шевелить, а он замечает.

— Я, — говорит, — оправиться хочу.

— Я тебя не спущу, — говорит, — валяй в угол.

— У нас так на Руси, — говорит, — при женщине не балуют. Вот что, сударыня, — говорит, — отпустите меня за окно, я вам подам руки, будете меня держать.

Она согласилась. Вышел Барсуков за окно, вынул из кармана восковые руки:

— Держите, — говорит.

А сам побежал, колько есть мочи по улице. Она держала, держала, устала держать и говорит:

— Что же, Барсуков, долго-то?

Ответу нету. Подержала еще недолго. Говорит:

— Что же, Барсуков, долго-то?

Ответу нет. Дернула за руки, увидела, что восковые руки.

— Ну, подлец, — говорит, — не уйдешь, под белый камень не скроешься.

Сейчас справила кучу змеев, с визгом, с криком, с ревом и показала:

— Его сожрите, а нет, корап рушите.

Камыш-трава была выше головы. Оверпулся Барсуков, видит вдали летит куча змеев. Свалился в камыш-траву и лежит. Туча змеев пролетела мимо его. Пролежал недолго, ответа нет никакого, обратно встал и побежал вперед опять. Когда туча змеев прилетела на корап, там зажгли сороковку пороху и до одного всех сожгли. Ждала эта мадам, ответа нет никакого и говорит:

— Ну, подлец, не уйдешь, под белый камень не скроешься.

В два раза справила большую тучу змеев. И так же опять наказала:

— Его пожрите, если его найти не можете, то корап похитите.

Оборнулся Барсуков, опять туча змеев летит. Свалился в камыш и лежит. Пролетела туча змеев с визгом, с криком и опять на корап. Опять там зажгли бочку пороху, опять до одного всех обожгли. Она подождала, ответу нету. Из-за всего городу взяла змеев и последнего взяла от церкви. И такой же опять наказ дала:

— Его пожрите, не пожрете, корап разрушьте.

Третий раз туча пролетела мимо его на корап. Зажгли третью сороковку пороху, последнюю. Капитан говорит:

— Больше у нас обороны нет никакой. Если на нас полетит какая-нибудь невзгода, нам оборониться нечем больше. Приказал:

— Катай якорь, поднимай паруса, и пойдем в свое государство.

Прибежал Барсуков на Вавилонскую пристань, корабля уже нет, парус как мушинка вьется, видно. Повопел, повопел, а делать нечего, хлеба что в брюхе, платья что на себе. И справился по чистому полю в лес. Дичи ему в лесу было, дикого винограду, хоть опухни, ешь. Шел неделю, шел месяц, шел год. В одно прекрасное утро выходит в чистое поле, в этом поле стоит преогромный большущий дом. Сел на камешек и подумал:

— Кто это живет? Царь ли живет или опять такая же нечистая сила? Двум смертям не бывать, одной не миновать, надо сходить попытать, — говорит.

Зашел в дом, прошел по залам, везде нигде никого нет, и стал прибирать себе место, и свалился под печку, где не видно будет. Вдруг идут по улице, дом шевелится. Пришли в сени, с угла на угол качается, только двери открыли, говорят.

— Фу, фу, фу, Барсуков, подлец, сестру обидел, — говорит, — злой смерти предаю.

Пришел мужчина. Барсуков потянулся, говорит:

— Такой, сякой, не убивай, раб и слуга до смерти буду.

Мужчина легче, легче и обошелся. Ну, теперь Барсуков говорит:

— Я пришел с дороги, надо б покушать и выпить.

— Поди сходи, — говорит, — в задню, принеси мою сороковку вина, мне ушатне ведро, себе умеренный стакан.

— Что же, — говорит, — мне одного твоего ушатня ведра не принести, не то что сороковку вина.

— Эй, говняк, — говорит.

Сейчас старик вскочил, прибегает, берет сороковку вина, ушатне ведро, в руки чайный стакан и наливает. Наливает себе ушатне ведро, Барсукову умеренный чайный стакан и выпивает все. Вот упились порядочно и разговорились. Он, ока-

зывается, этот старик был борец, выезжал на поединок с врагами.

— Вот что, Барсуков, никто меня не победил на свете, — говорит, — одна беда, правым глазом плохо вижу.

Барсуков и говорит:

— Я, — говорит, — вылечу, только с тем, чтобы тебя связать, а то, — говорит, — больно будет, ты разорвешь меня в куски.

А у этого старика был полный двор коз.

— У меня, — говорит, — есть трои сыромятные гужи, и к стене прикована железная кровать.

Повалился старик на кровать, завязал Барсуков его сыромятными гужами, и этот старик закрыл двери крепко-накрепко, все ворота, когда он стал вязать. Когда завязал, Барсуков ему и говорит:

— Потянись, выстоят ли твои гужи?

Старик и потянулся, гужи в куски разлетелись.

— Нет, не займусь, — говорит, — больно будет, ты меня, — говорит, — в куски разорвешь.

— Другие двое там, — говорит, — есть, лучше вяжи двумя.

Взял завязал и говорит:

— Потянись опять.

Потянулся, сорвать не мог. Пошел Барсуков по комнатам, нашел кусок свинцу, нашел таку, значит, лесенку, разогрел свинец, приходит к старику больному и говорит:

— Открой-ко левый глаз, который у тебя здоровый, смотри, как я буду лечить.

Когда старик открыл, он тогда горячего свинцу в левый глаз ему и налил. Старик закричал, с боли порвал все гужи. Теперь стал на оба глаза не видеть ничего. Барсуков выбежал на двор, к которой козы не подбежит, кажна коза кричит:

— Дедушка, держи, держи!

Старик устал. Бегал, бегал, к которой козы подбежит, тут уж нет, он перебегает к другой. Разгорячился старик и начинает ков через забор кидать всех. Видит Барсуков, что беда, коз остается мало.

— Выкидывает всех и захватывает меня.

Видит, большой шерстной козленок, он свалился ему под брюхо и схватился за шерсть крепко. Козленок кричит:

— Дедушка, держу, держу, держу.

Разгорячился старик, подбегает к этому козленку и перебросил через забор с Барсуковым. Барсукову тошно было, горько, да делать нечего. Стал, очувствовался и говорит:

— Крива собака, я, — говорит, — здесь.

— Ну, Барсуков, умел так сделать. Вот что, — говорит, — пойдешь к царю, снеси ему ножичек подарком от меня.

— Что, крива собака, — говорит, — выдумываешь? Возьму и унесу, только отойди, — говорит, — на сто метров.

Старик воткнул в столб ножичек, сам отошел на сто метров. Пришел Барсуков к ножичку, любовался, что злата, что драгоценных камней в этом ножичке. Взять никак его не умеет руками. Видит, что ножик волшебный. Попробовал, захватил одним мизинцем. Попробовал, ножик закричал:

— Дедушка, держу, держу.

Барсуков видит, беда, старик бежит, а никак отцепиться нельзя. Сномнил, что у себя на поясу есть нож, взял отрезал полмизинца и говорит:

— На, кривая собака, тем и корыстуйся.

Опять сам пошел дальше.

— Ну, — говорит, — с той беды сбыл.

Опять шел неделю, месяц, год, может два, три года, опять выходит в чисто поле. В этом чистом поле стоит еще лучше большой дом, сел, подумал: «Кто, царь живет, богатырь ли живет, али опять така же неверна сила? Двум смертям не бывать, одной не миновать, надо сходить попытать». Зашел в дом, пошел по комнатам, везде чисто, убранство превосходное. На столе кушаний всяких, поел, попил и стал искать себе места, где укрыться. Опять свалился под печку и лежит. Идут по улице, дом шевелится. Пришли в сени с угла в угол, открывать двери и кричит:

— Фу, фу, фу, Барсуков, подлец, сестру обидел, брата разорил, злой смерти предаю.

Пришла женщина, Барсуков стал просить прощения.

— Такая, сякая, — говорит, — раб и слуга до смерти.

— Ты говорил брату, что раб и слуга до смерти. Все мы теперь его не видим, и он не видит.

Женщина тише, тише и обошлась. Барсуков живет год, два,

хозяйничает, куда угодно. Женщина в него уверилась, и они стали жить как муж с женой. Она сделалась в положении и родила сына. Куда ни поедет, его оставляет сына нянчить. В одно утро кто-то приезжает, на поединок вызывает ее.

— Вот, Барсуков, — говорит, — поеду теперь на два, на три года.

А раньше он у ей спросил еще:

— Можно ли отсель как в Москву попасть?

— Ага, — говорит, — ты уже за Москву запроведывал?

— Что ты, у вас здесь лучше царство.

— Да, — говорит, — можно, только есть у меня в саду двенадцать деревьев, — говорит, — из этих двенадцати деревьев только три дерева идут стрет течения.

Когда она уехала, он взял топор и пошел в сад. Срубил девять деревьев, ни одно стрет воды не идет, только остается три.

— Если три, — говорит, — не пойдут, то пропал я навеки.

Три дерева спустил стрет воды, те пошли, и он связал взял плот. И когда он своего сына нянчил, так сын схватит его за бороду, за волосы, так отец караул закричал. Он и говорит:

— Родился, — говорит, — не в отца подлеца, а в мать дуру.

Ну связал плот, прибежал, значит, в помещение, забрал свои вещи и побежал в сад. Прибежал, сел на плот и поплыл. А она в то время что-то забыла и вернулась домой. Прибежала, ребенок вопит, Барсукова нет. Схватила ребенка на руки, побежала в сад. Прибежала в сад, только чуть на плоту видно, как муженек Барсуков плывет. Взяла ребенка за ноги, разорвала его напополам и бросила. «На вот, тебе часть и мне часть».

Половина ребенка перелетела через плот и только одна капля крови пала на плот. И плот пошел под воду. Он заметил, в котором месте капля крови пала, взял ножичком счистил и очутился поверх воды. Приплыл он на материк, повалился отдыхать. Поотдохнул сутки времени и пошел дальше. В один прекрасный день приходит к большущей горы. На этой горы крик, он вставал три дня и три ночи на эту гору. Когда он там поднялся, там дерется лев-зверь и змея. Змея берет, растянет льва, только не может перервать одной жилки. Когда лев-зверь растянул змею и говорит:

— Барсуков, пособи мне змею победить, я тебя, — говорит, — в Москву свезу.

Когда лев-зверь растянул яд-змею, он подошел, чиркнул ножичком, и змея побеждена:

— Ну, теперь, — говорит, — Барсуков, меня карауль. Я буду спать двенадцать ночей и двенадцать дней беспробудно.

Прошло двенадцать дней, двенадцать ночей, пробудился лев и говорит:

— Ты, Барсуков, здесь?

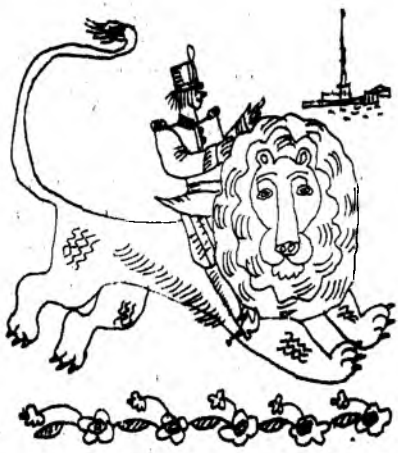
— Здесь, — говорит.

— Садись на меня, только с уговором, приедешь в Москву, не говори, что ты ехал на мне, на льве-звере.

Сел Барсуков и поехал на льве-звере.

— Обожди, — говорит, — у меня шапка спала.

— Не ворочаться стать, как пятьсот верст позади. Москву видишь, — говорит.



— Вижу.

— Попадешь?

— Попаду, — говорит.

Приходит, как в Питере, к Зимнему дворцу, скажем, бывшему, кругом часовые, конвой.

— Доложите, что Барсуков пришел.

Там взяли его на смех.

— Какой черт, Барсуков, как тридцать лет его нет.

Гонят его в три шеи. Он того же, пытается говорить.

— Доложите, что Барсуков пришел, раз с царской короной пришел, надоть принять.

Вот выходит царь, Барсуков говорит:

— Вот, ваше императорское величество, я вам принес царскую корону.

Ну, царь тогда обрадовался и приказал сделать пир на весь мир. Тут же и Барсуков был. Все на пиру говорят, хвастают, тот тем хвастает, другие другим, третьи третьим, а Барсуков все молчит. Приходит к Барсукову царь и говорит:

— Почему ты, Барсуков, молчишь? Тридцать лет твое путешествие, ты должен много хорошего сказать.

— Я ничего не знаю, — говорит.

— Говори, а то голова с плеч! Как ты шел, как попадал, на чем сюда приехал?

— Я приехал, — говорит, — на льве-звере.

А лев-зверь в маленькой избушке позади города, стал ее кверху кореньем становить, потому, что был уговор не говорить. Дошла до царя весть, что какой-то лев-зверь сзади города маленькую избу вверх перевертывает.

— Нет никого виноватого на этом пиру?

Всех обошел — никого не нашли виноватого. Пришел царь к Барсукову.

— Не виноват ли ты во всем?

— Виноват в том, — говорит, — что сказал, что ехал я на льве-звере.

— Ну это ничего, — говорит, — бери две пары лошадей и две сороковки вина и поезжай ко льву-зверю.

Он спросил:

— Почему ты сказал?

— Не я сказал, а хмель во мне.

— Какой черт, скажем, хмель?

— Ты открой пробку у сороковки. Поди, посмотри сюда, в сороковку.

Когда пришел лев к сороковке и наклонился, и увидал там призрак второго льва-зверя в этой сороковке, и давай ее пить. Обсушил ее всю до основания, нет там его.

— Посмотри в другу сороковку.

Он перешел. Пришел лев ко второй, начал пить. Две сороковки выпил, опьянел и пал. Барсуков видя сковал ему цепями ноги и стал дожидаться, скоро ли проснится лев-зверь. Когда пробудился лев-зверь и видит, что он закован и говорит:

— Ты, Барсуков, заковал меня? Развяжи, — говорит, — во всем прощаю.

50. НАПЛОТ-МОЛОДЕЦ

Жил-был старик и старуха, у этих старика и старухи был сын. Стали старики советоваться, к какому ремеслу его приучать.

— Надо хотя приучить его к сапожному, чтобы он мог шить обувь.

Первый раз купили ему на пять рублей кожи, он все в кусочки разрезал и за окно выбросил. Второй раз купили на десять, он то же самое сделал. Третий раз на пятнадцать купили, он то же разрезал, за окошко выбросил. Видят, что пользы мало от сына, сделали плот, привязали его к плоту и сплавили по течению в море. Вынесло его на море, у него был нож, веревки перерезал и очутился на воле. Вдали виден парус, плывет корап, он к кораблю ближе, корап к нему ближе. Плыл, плыл к самому кораблю, захватился за борт.

— Не будет ли места для меня на корабле?

Доложили капитану, выходит капитан.

— Где же твое место? — спрашивает.

— Мое место у грот-мачты.

— Ну, заходите, — говорит.

Зашел, сел к мачты, накормили, напоили его и он сидит. А на этом корабле плывет Иван-царевич, поехал в другое го-

сударство жениться на королеве. Прошла ночь, выходит Иван-царевич утром и говорит:

— Фу, какая тишь да гладь, божья благодать. Был бы меч, стал бы сечь, был бы добрый конь, гулять съездил, была бы красная девица, — говорит, — ночь проспал.

А Наплот-молодец и говорит:

— Будет меч — некому сечь, будет добрый конь — некому гулять съездить, будет красна девица — да не с кем спать.

Приказал капитан:

— Возьмите его, ребята, пять человек, бросьте к черту за борт.

Подошли пять человек, не могли пошевелить одной руки.

— Пущай остается, — говорят, — черт с ним.

Опять на второе утро выходит Иван-царевич, то же самое говорит:

— Фу, какая тишь да гладь, да божья благодать. Был бы меч, стал бы сечь, был бы добрый конь, гулять съездил, была бы красная девица, ночь проспал.

А Наплот-молодец и говорит:

— Будет меч, некому сечь, будет конь, некому гулять съездить, будет красная девица, да не с кем спать.

Приказал капитан:

— Возьмите, ребята, десять человек, бросьте его за борт.

Ноги пошевелить не могли. Также на третье утро, таким же путем пятнадцать человек взяли, за борт бросить не могли.

— Черт с ним, пущай остается на корабле.

Выходит сын царский из каюты и говорит:

— Побратаемся. Будь ты мне младшим братом.

— Ну скажите вы мне, куда вы едете?

— Еду в такое-то государство, жениться на Анны Прекрасной.

— Ладно, — говорит, — я знаю, только не видать тебе жены, что своих ушей будет. Пострадало от нее человек двадцать, а то может и более. Ну, не кручинься, все будет в порядке, все сделаем, я тебе помогу.

Пришли в тако-то государство, значит, пришли, царю сосватали невесту. Честным пирком да за свадебку. Вот пировали ночь, нужно молодым идти на покой. Когда пошли, Наплот-молодец и говорит Ивану-царевичу:

— Вот что, брат, — говорит, — ты повалишься с ней спать, она накинет на тебя руку, ты чуть только от ей вздыхать заможешь. А ноги не давай ей накинуть. Когда руку накинет, ты тогда ей взмолись и скажи: «Анна-царевна, отпусти меня в уборную». Ты тогда останешься в коридоре, а я пойду с ней спать.

По сказанному, как по писанному, выходит Иван-царевич, остается в коридоре, отправляется Наплот-молодец в спальню.

Они были обои одинаковы на личность. Пришел как ничуть не бывало, ложится с ней спать. Она накинула на него руку. Он как махнет ейную руку в стену, чуть в стены кулак не влип. Она накинула ногу и таким же побутом[1] нога отлетела тоже в стену. Полежал немного и говорит:

— Пойти, сходить в уборную.

Приходит в коридор и говорит:

— Иван-царевич, иди, больше этого не будет.

А сам не предупредил, что не говори, что был не я, а Наплот-молодец. Когда пришел, лег, она и говорит:

— Что ты, Иван-царевич, такой горячий пришел? Смотри, кулак своротил, ногу ушиб.

— Что ты, что ты, — говорит, — ничего этого не было, я ничего не делал.

— А кто же это был?

— Это, — говорит, — мой младший брат, Наплот-молодец.

— Ага, хорошо, — говорит, — завтра я с ним повидаюсь.

Пришло утро, Иван-царевич ничего не сказал Наплоту-молодцу. Утром вызывает Анна-царевна Наплота-молодца прокатиться по городу, а Наплот-молодец ничего про это дело не знает, что сказал Иван-царевич про него. Безо всякой задней мысли садится в экипаж, поехали. А она в это время запоезжала, взяла под платье саблю, так что ему незаметно. Прокатилась по улице, по второй, по городу. Приказала кучеру воротить вправо, выезжать за город, выехали за город далеконько, вытянула из-под юбки саблю, отрубила ему до колен ноги. Приказала кучеру вывалить прочь его из экипажа. Сама вернулась обратно в город. Он стал стонуть, реветь. Приехала домой, Ивана-царевича заставила коз пасти. А Наплот-молодец стонул, ревел целые сутки. Вдруг на этот крик приходит мужчина слепой.

— Чего ты, — говорит, — здесь кричишь и стонешь?

— А как же мне не стонуть, — говорит, — когда у меня по колен ноги отрубили.

— Забирай свои ноги, — говорит, — с собой и садись на меня. В каком направлении есть изба, правь, командуй мною и я привезу тебя к этой избы. Там у нас есть третий компаньон еще безрукий.

Вот пришли к избы и разговаривают:

— А в таком-то государстве сделал царь клич. Сидит царевна за двенадцатью венцами, кто прыгнет туда, достанет, за того замуж отдают.

Вот слепой и говорит:

— Что, ребята, не поедем туда-ка мы?

— Но как поехать, — говорят, — коня у нас нет.

---

[1] Образом.

— За коня отвечать буду я, — говорит слепой. — А седоком будет Наплот-молодец. Как только вскочу, бери царевну к нам наверх и унесем ее сюда, будет нам наместо хозяйки.

Сели и поехали, только пыль столбом стоит. Приезжают в город, там царей, богатырей, витязей — города больше. Подъезжают к толпе, Наплот-молодец и кричит:

— Давай дорогу!

Обернулись все, рассмеялись:

— На слепом безногий едет.

Не давают дороги. Рассердился Наплот-молодец, вынул плетку, отогнал публику — вдруг раз, разбежался слепой, вскочил на двенадцать венцов, схватил царевну и понесли. Имай хоть так, имай хоть так, и след простыл. Принесли в свою избушку и стали жить и поживать. Царевна стала им за хозяйку убираться.

В один прекрасный день стали замечать, что царевна заводится хуже и хуже. Стали промеж себя толковать, драться, безногой, безрукой и слепой, стали спрашивать у Настасьи-царевны:

— Чего ты заводишься хуже и хуже, или скучаешь по дому?

— Нет, я по дому не скучаю. Ко мне кажду ночь прилетат лесная ведьма и заставляет искать в головы, а сама сосет мою грудь.

— Ну ладно, не печалься, это мы все устроим.

Она только не боялась одного слепого, что он не видит ничего, эта ведьма.

— Вот как ты слепой, тебя не боится, ты оставайся в комнате.

Наплот-молодец выбирается из дому в окошко, а безрукий повалился спать. Вот Наплот-молодец и говорит слепому:

— Когда она прилетит, заставит в голове искать и будет сосать грудь, в то же время она уснет. Ты аккуратно через окошко подай ейны косы, а я удержу, тогда мы с ней расправимся.

По сказанному, по писанному, так и сделали. Выходит Наплот-молодец за окошко и садится там, слепой ходит по комнаты, безрукий спит. Вдруг в полночь прилетает ведьма.

— Ищи в голове и давай вашу грудь.

Царевна ищет в голове, достает грудь, сосет, значит. И ведьма крепко уснула. Тут слепой подал за окошко косы Наплоту-молодцу и в то же время крикнул:

— Держи, брат!

Тут соскочил безрукий и сел на ведьму. Ну, в то время, пока безногий держал, держал, подошел слепой, по-настоящему захватил за косы ведьму, пришел Наплот-молодец и начали эту ведьму драть железными прутьями.

— Что вам от меня надоть, то и сделаю, только отпустите меня на волю.

— Вот нам что надоть: веди нас, где жива вода и мертвая, и молодые яблоки.

Когда запоезжали, взяли убили маленькую птичку и сели все трое на ее (ведьму), она понесла и поехали. Несла, несла, спустила к озеру и говорит:

— Тут птичку мертву спустите.

Но птичка ничуть не пошевелилась.

— Врешь, ведьма.

Давай ее опять драть.

— Садись, донесу сейчас.

Летела, летела и спустилась опять.

— Тут, — говорит.

Спустили птичку, птичка вспорхнула, полетела. Наплот-молодец и говорит слепому:

— Пойдем, товарищ, мой глаза мертвой водой, потом живой вспрысни, а я буду держать ведьму.

Помыл мертвой водой, спрыснул живой, съел молодое яблоко и сделался прекрасный молодец. Ну, пришел опять и говорит:

— Теперь подьте, обои лечитесь, я один с ей справлюсь.

Мертвой водой один руки, другой ноги мыл. Ноги приросли, живой спрыснул, сделались живые, по молодому яблоку съели, сделались прекрасными молодцами. Садится на ведьму и говорит:

— Неси нас обратно, где жили.

Когда принесла их обратно ведьма к царевне, они взяли разложили костер и сожгли эту ведьму на огне, а золу раскидали по воздуху. Теперь говорят:

— Кому остаться с Настасьей-царевной, а кому куда идти?

Наплот-молодец говорит:

— Я, — говорит, — пойду за свои долги рассчитываться.

Безрукий то же говорит самое. Ну, а слепой говорит:

— Ну, а мне жениться остается, значит, на Настасье-царевне.

Вот и пошел Наплот-молодец, где пасет Иван-царевич коз. Приходит, у Ивана-царевича шапка чугунна одета и глаз не видать, и головы поднять не может. Обошел кругом стада, встречается Иван-царевич навстречу и говорит:

— Бог помощь, Иван-царевич, что ты за такой чудак? Разве Иваны-царевичи коз пасут?

И прошел мимо. Обошел кругом стада, опять встречается с Иваном-царевичем и говорит:

— Бог помощь, Иван-царевич, что за такая невежа загнала Ивана-царевича коз пасти?

Третий раз обошел, то же само говорит.

— Наплот-молодец, ты? — говорит.

— Да, — говорит, — я.

Признался, наконец.

— Снимай свою пастушью одежду, я погоню свиней, а ты одевайся в мою.

— Что ты, товарищ, пригонишь сполна свиней, затопят баню и распарят тебя насмерть.

— Не беспокойся. Снимай одежу, я приказываю. Одевай мою, ступай сзади, я погоню.

Пригоняет в полдень свиней, свиньи ни одна не идут в ворота. Всех перенимал, только осталось двадцать десятков живых. Побежала нянька с водоносом за водой.

— Постой, — говорят, — Анна-царевна надает тебе.

Он и той няньке дал, сразу за речку подетела. Приказала топить баню, а он на пастушье место забрался на нары (там нары были) и слушат. Есть не дают ничего, лежит голодом. Баня истопилась, приходит Анна-царевна.

— Ступай в баню.

— Сейчас иду, поди сама-то.

Второй раз приходит.

— Ступай в баню.

— Иди, иди, я-то иду, — говорит.

Она ушла, он встал, пошел в баню, она в бане.

— Раздевайся, — говорит, приказывает ему.

— Раздевайся, раздевайся, уж я-то разденусь, — говорит.

Она только разделась, он схватил железный прут и начал ее драть. Бьет и приговаривает:

— Умей Ивана-царевича почитать, да умей у Наплота-молодца и ноги сечь.

И потом она смолилась ему:

— Отпусти, — говорит, — буду Ивану-царевичу ноги мыть и воду пить. И больше никаких прожав навеку делать не буду.

С того времени стали жить-поживать и добра наживать. И лучше Анны-царевны во всем свете не было.

51. [ДОБРЫЕ СОВЕТЫ: ТРИ СЛОВА]

Жил-был старичок, у него был сын. Стали его ремеслу учить какому-нибудь, он никакого ремесла не хотел делать. Пошел воровать, его в арестанску посадили.

— Худо, — говорит, — ремесло это. А пойду, — говорит, — к царю денег просить.

В другой комнате сидит царска дочь и говорит:

— Татенька, пойду, — говорит, — я за этого мужичка замуж.

А он ей друго слово говорит:

— В чем пригодилась, в том и ступай.

Сейчас собрались и повенчались недолго, раз, два и готово дело. Не было у его своего дома, она купила небольшой домик и стали жить-поживать. Прошла неделя, прошла вторая, она зачинат приниматься за ремесло. Взяла вышила полотенце, утром напоила мужа чаем.

— Сходи на базар, — говорит, — продай это полотенце.

Он пошел на базар, кругом трактира целый день проходил. Этот трактирщик заметил, что мужчина целый день ходит.

— Что, молодец, — говорит, — тебе купить или украсть?

— Не украсть и не купить, а есть вещь продать.

— Покажи, покажи, — говорит, — что берешь? Сто рублей берешь или слово берешь? Первое слово: «Пойди и не бойся».

Возвратился домой, жена его не спрашивает, за что продал или как, ничего не спрашивает. На второе утро наготовила второе полотенце.

— Пойди, — говорит, — сходи, продай на рынок опять.

Он кругом этого самого трактира опять целый день ходит, целовальник выходит и говорит:

— Украсть или купить, человек?

— Не украсть и не купить, есть вещь продать.

— Покажи, покажи, — говорит, — двести рублей берешь или слово берешь? Второе слово: «Суди и не обсуди».

Пришел домой, жена отчету и не спрашивает. Поели и легли спать. На третье утро приготовили третье полотенце, опять посылает его продать.

— Сходи, продай на рынок.

Кругом самого трактира опять того же ходит. Целовальник выходит и говорит:

— Что, украсть или купить что?

— Не украсть и не купить, есть вещь продать.

— Кажи-ко, покажи, — говорит, — триста рублей берешь или слово берешь? За слово: «Замахнись, а не ударь, возьми, а не опусти».

Отошел от трактира и раздумался:

— Что я за дурак, жена нажила семьсот рублей деньги, а я ни копейки не взял.

В то время пришел в тот город флот тридцать кораблей. На этом флоте умер матрос и было место поступить матросом. Он пришел и заявляет капитану:

— Нет ли места поступить матросом?

Капитан говорит: «Есть».

Нанялся, пала благополучная поветерь, флот пошел в море.

Шел сутки, неделю, месяц, второй, вдруг среди моря стали все корабли. Фордовень тянет, паруса рвет, корабли не шевелятся ни с места. Вдруг капитан стал отзывать команду.

— Нет ли такого желающего человека, чтобы скочить в море?

Всех обыскал, никто не нашлись. Из бывшей команды новопоступающий говорит:

— Я, — говорит, — только с тем условием, если вернусь обратно, какой на меня корап глядит, такой я возьму.

Капитан говорит:

— Ладно.

Сделали условие, капитан подписался и все матросы. Взял документ в карман, выстал на реленгу и скочил в море. Только скочил в море, корабли до одного все пошли. Вдруг ему подвернулась в море дорога, он по этой дороге пошел. Шел близко ль, далеко, низко ль, высоко, скоро сказка сказывается, тихо дело делается, по своему справляется, будет завтра после обеда, когда поедим теплого, мягкого хлеба. Вдруг перед ним образовался серебряный дворец. Подошел к этому дворцу, сидят два старичка, выпивают шампанское и промеж себя спорят. Самы спорят и говорят:

— Ладно, царского затя дождемся, он нам все рассудит.

Он подумал: «Не меня ли это дожидают оне?» Открыл дверь, вдруг старики заклескали в ладоши.

— Ага, — говорят, — три года дожидались, все-таки дождались.

Стали старики, поддернули стул.

— Садись, садись.

Поднесли стакан, другой водки, так что говорить ему было много веселее.

— Вот что, царский зять, рассуди, — говорит, — что на Руси у нас всего дороже: булат-железо или золото?

Он и вспомнил: «Что мне трактирщик сказал: суди, а не обсуди».

Немного подумал и говорит старикам:

— Да, — говорит, — у нас на Руси золото очень дорогое, а при военном действии, — говорит, — булат-железо дороже.

Старики заклескали в ладони.

— Ха, ха, — говорят, — это правда и есть. Ну вот, мы знаем, что когда скакать заводили в море, то сделан у вас договор, чтобы получать корап, какой на вас глядит. Но не бери передовых, которы красивы и ходки и все новые, бери самой последний, котора хуже нет и старше. И вот мы даем тебе подарок, шкатулочку, с кем угодно бейся об заклад, только покажи одну шкатулочку. А в шкатулочке не показывай, что там есть.

Отвезли его на железную плиту эти старички. Вдруг видят идет флот тридцать кораблей, корабли к нему ближе, он к кораблям ближе, корабли подошли к самой железной плиты, он выскочил на корабли.

— Здравствуйте, вот и я приехал, сейчас, — говорит капитану, — ну, давайте мне корап, какой на меня глядит.

— Выбирай, какой те надоть.

— Вот мне, — говорит, — самый последний.

— Что ты, — говорит, — за твою услугу такой ли корап надо, вот впереди новеньки, коротеньки, ходкие.

— Ну нет, — говорит, — мне самый задний и дать мне капитана, матросов, чтобы приплыть домой.

Сейчас пошел флот двадцать девять кораблей, а на тридцатом пошел отдельно царевич. Приплывает в како-то государство, король созывает пир и приглашает моряков на угощенье. Пошли на угощенье с двадцати девяти кораблей, набирают всяких заморских подарков, понес королю подарок. С одного корабля царевич не знает, что нести. Взял достал подарену шкатулочку, открыл ее, вдруг у его в каюте все рассияло, рассветилось.

— Что такая редкость, — говорит.

Взял рассмотрел и увидел, что драгоценные камни. Взял вынул один камешек и завязал в беленький носовой платочек, и понес. Хорош, значит, подарок. Когда пришли к королю на пир двадцать кораблей, капитан принес целый тюк самых дорогих заморских парчей. А с одного корабля принес царевич носовой беленький платочек и что-то там в нем завернуто. Королю невтерпеж стало.

— Надо сходить посмотреть, что привезли, какие подарки, посмотреть, — говорит, — что с двадцати девяти кораблей принесли. Да, — говорит, — хорошие штуки, а что этот говняк принес беленький носовой платок разве у меня нет их?

Взял развернул платочек и сам очумел, все в комнате рассияло.

— Фу, какая редкость, — говорит.

Прибежал взял, где сидят гости, садится сам за стол, сажает один корап рядом себя, а у которого двадцать девять сажает рядом, у которого один корап. Стали есть, пить, веселиться. У которого двадцать девять кораблей, тот и говорит королю:

— Вот что, ваше королевское величество, так как мы сейчас подвыпили, и я осмеливаюсь вам сказать: неужели я принес меньше подарков с двадцати девяти кораблей, чем он принес с одного?

— Да, я думаю, что меньше.

— Неужели на двадцати девяти кораблях меньше капиталу, чем на его одном?

— Я этого не знаю. Царевич говорит, что меньше.

И пошел у них спор.

— Поскольку меньше, — говорит, — то побьемся о заклад, сделаем оценку на кораблях, у которого будет больше. Если

у меня на двадцати девяти кораблях будет больше, то я у тебя отбираю корап обратно и голова твоя с плеч. А если у тебя на одном корабле будет больше, то я тебе отдаю мои двадцать девять кораблей и моя голова с плеч.

Подписали договор, король подписался. Король назначил оценщиков оценивать на кораблях, на каких кораблях будет больше суммы. Когда оценщики поехали и говорят:

— Поедем, оценим на двадцати девяти кораблях, а на одном недолго.

Оценщики оценивали должно быть несколько сот миллиардов на двадцати девяти кораблях. А когда поезжали оценщики, тогда царевич дал ключик и написал записку своему штурману: «Достань из ящика такую-то коробочку и покажи, пускай ее оценивают, а в ей не показывай, что есть».

Когда оценщики приехали на один корап и говорят:

— Ну, этот мы недолго оценим.

Подавает штурману записочку, штурман прочитал, вскрывать сундук, достават оттуда коробочку, полагат на стол.

— Нате, — говорит, — оценивайте.

Они с того боку оглядят на коробочку, с другого, с третьего, с четвертого, никак цены применить не могут, сколько стоит одна эта коробочка. А в коробочки не знают, что и есть. И не могли оценить этой коробочки, сколько она стоит, какую сумму. С тем и приехали хорошо на обед. Вот и говорят оценщики:

— На двадцати девяти кораблях оценили на столько-то миллиардов сот. Когда приехали на один корап, нам штурман подал коробочку, положил на стол, говорит, оценивайте. Мы не могли ума применить, сколько стоит одна коробочка, а в коробочке не знаем, что и есть.

Тогда король и говорит:

— Вот вы и проиграли двадцать девять кораблей хозяину.

Отобрал царевич двадцать девять кораблей, стало у его тридцать сейчас, но головы рубить не стал, помиловал. Команду матросов взял полностью всех домыть до своего государства. Пала благополучная поветерь. Пошли в свой порт, к своей жене. И вот, когда поезжал, не знал, что жена осталась в положении. Скоро, скажем, приплывает в свое государство к тестю-батюшку. Приплыли в ночное время и отдал приказ царевич:

— Когда пристанем к стенке, с тридцати кораблей со всех по три выстрела залп.

По сказанному, как по писанному, так все исполнено. Приехали к стенке и вдруг залп тридцати кораблей три раза. Тесть-батюшка испугался, что вот неприятель пришел, а тут ничто не готово. Подняли таку суматоху, пошла работа самосильно. Приготовляются к военному действию. Он пошел на берег, отдал приказ:

— Утром часов в одиннадцать с тридцати кораблей по моему прибытию чтобы был дан три раза залп, с кем бы то я ни был, и до моего домишку расстеляны были самые дорогие парчи от дому до кораблей.

Время было ночью, вышел на берег, вдруг идет калека оборваной рваной. Говорит калеке:

— Снимай свое платье, одевай мое.

— Что ты, добрый человек, смеешься?

— Какой смех, говорю снимай, одевай мое и все.

Калека снял свое лохмотье, он снял свое чистое платье. Оделись, распростились и пошли в разные стороны.

Вот пошел он к своей жене. Приходит к двери, дверь закрыта, горит огонь, окна были не очень высокие. Он постучался в окно тихоньку, прибегает хозяйка к окошку и говорит:

— Кто там?

— Нельзя ли, хозяюшка, переночевать прохожему?

— Нет, нельзя, — отвечает.

А сама и раздумалась: «А где-то мой бедный муж, может так же где-нибудь странствует».

— А, дедушка, поди, поди, ночуй.

Пришел в комнату, она скипятила самовар, напоила его чаем, накормила чем было. Вдруг из другой комнаты несет большую пуховую перину.

— Дедушка, ложись, отдыхай.

— Благодарю, я на мягких перинах не привык спать. Вот мне старику на печку забраться, потеплее.

А у его под своим лохмотьем имеется шашка. Повалились спать, хозяйка тоже попила, поела, спать повалилась на кровати, а огонь остался гореть полный. Он лежит на печке и думат: «Сама спать повалилась, а огня нисколько не убавила». И подумал он, что она живет с другим мужем. На печке лежит и не спится. Часы пробили полночь, вдруг слышит по улицы идет две ступи. Хозяйка скочила, открыла дверь, заходит два бравых молодца. А хозяйка повалилась на кровать спать. Поели, попили, убавили огня, ложатся один по ту сторону матери, другой по другу, а он-то не знает, что сынова его.

Вот подронили огонь, старику не спится, слышит все уснули. Он спускается с печки, достает из-под лохмотья шашку и замахнулся. Вдруг вспомнил он слово, что сказал трактирщик, замахнись, а не ударь, сдыми, а не спусти. Когда он вспомнил это слово, взял шашку, махнул обратно в ножни и повалился на печку, заснул крепким сном. Когда проснулся, то у хозяйки уж самовар кипит и все приготовлено, разная закуска, и эти два молодца встают, умываются и говорят:

— Маменька, с добрым утром.

Он тут себя захватил за бороду: «Неужели таки у меня сыновья?»

Хозяйка говорит:

— Дедушка, вставай, иди с нами закусывать, чай кушать.

— Ладно, спасибо, не худо бы попить чаю, подзакушу и пойду.

Сели, пьют и разговаривают, сыновья и говорят матери:

— Вот, маменька, пришел ночью какой-то неприятель на тридцати кораблях. У дедушки не было ничего готово, вот мы и бегали до полуночи, все приготовляли.

Когда тот разговор кончился, хозяйка и говорит:

— Дедушка, разрешите вас спросить, какой ты, откулешный? Ты вот путешествовал, так не слыхал ли чего про моего мужа, охота узнать.

— Когда я, — говорит, — был юным, было у меня ремесло. Пошел воровать, меня в арестанску посадили. (А хозяйка в глаза глядит.) Отсидел срок, меня выпустили. Мне это ремесло не понравилось, стал искать второе и придумал к царю идти, денег просить. В другой половине сидит царска дочь и говорит: «Папенька, за этого мужичка я пойду замуж». А он говорит: «В чем пригодилась, в том и ступай».

Тут оне один одного узнали, поздоровались, с детьми обнялись. Послал сына позвать тестя-батюшку на привáльне. Вот приходит тесть-батюшка, подвыпили, позакусили и пошли на корабль смотреть, с чем пришел зять. В то время парчи расстелены были от самого дома и до кораблей, пошли по этим коврам они к кораблям. Только чуть успевают пройти, сзади шпана прибегает, кусок парчи отрежет да в кабак. И пока до кораблей шли, эти все шпана шла да ревала, и царю стало жалко.

— Что вы, ребята, нельзя так делать.

А зять отвечает:

— Брось, папаша, на наш век будет.

Только приходят к кораблям, с тридцати кораблей по три выстрела — залпа. Осмотрели все корабли, походили, полюбовались. И сделал царь пир на весь мир, и я там был, винопиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

Полина Павловна Кошелева, 61 г.

52. ПРО ГОРОШИНКУ

Жили-были дедушка да бабушка, они купили пуд гороху. У них был мост такой дырявый, горошина упала в подполье. Эта горошина росла, росла, бабушка дедушку и говорит:

— Дедушка, просеки-ка пол.

Старик пол просек, горошина росла, росла, выросла до потолка.

— Старик, просеки и потолок.

Старик потолок просек и крышу заран там просек. Горошина росла, росла и выросла уж до неба.

— Вот, старик, надо как-то небо прорубать.

— Ну, старуха, мне не выстать, давай.

Стал вставать.

— Не могу, старуха, я один, давай двое.

— Да как я могу?

— Да я тебя в мешок посажу.

Он ей в мешок посадил, да стал в мешке вздымать. Вздымал, вздымал, да старуха как-то пошевелилася. Четыре лестницы выстали, старуха пошевелилась, пала и убилась. И старик заплакал пошел.

— Вот старуха убилась, пошел плакальницу достать в лес.

Шел, шел, ему стрету попал волк.

— Дедушка, куды?

— Плакальницу нанимать.

— Возьми меня.

— А как ты плачешь?

— У-у-у-у.

— Не надоть.

Потом шел, шел, ему собака стрету попала.

— Куды ты, дедушка, пошел?

— Плакальницу нанимать.

— Так возьми-ка меня.

— А как ты плачешь?

— Ау, ау.

— Не надо.

Шел, шел, шел, ему кукушка стрету попала.

— Куды ты, дедушка, пошел?

— Плакальницу нанимать.

— Так возьми-ко меня.

— А как ты плачешь?

— Ку-ку.

— Не надо.

Ну, он шел, шел, ему корова стрету попалась.

— Куда ты, дедушка, идешь?

— Плакальницу нанимать.

— Возьми-ко меня.

— А как ты плачешь?

— Му-у-у.

— Нет, не надо.

Вот он шел, шел, ему лиса стрету попалась.

— Куда ты, дедушка, пошел?

— Плакальницу наживать.

— Возьми-ко меня.

— А как ты плачешь?

— Улы-поулы, улы-поулы, была добра старушка, она прила, валяла, через грядку клубья рыла.

— Пойдем.

Вот лисица и пришла.

— Дедушка, затяни ей за печку.

Он затянул за печку, она стала там ей оплакивать. Плачет там, оплакивает. Старик придет, спросит:

— Скоро ли, лисичка?

— Скоро, скоро, вот ножку оплакала.

— Лисичка, скоро ли?

— Скоро, скоро, другу оплакала.

— Лисичка, скоро ли?

— Скоро, скоро, ручку оплакала.

— Лисичка, скоро ли?

— Скоро, скоро, другу ручку оплакала.

— Ну, лисичка, скоро ли?

— Дедушка, открой маленько краечек дверей.

Дедушка дверей краечек открыл, а лисичка убежала, старуху всю съела. Вот и сказка вся.

Михаил Онуфриевич Нетужилов, 62 г.

53. [МУЖИК В РОЛИ ПОПА]

А то в одном приходе тоже был поп неграмотный и псаломщик неграмотный. Служили они, можно сказать, так, и миряне в конце концов поняли, что это так, какое-то дурачество. Ну и подали архирею заявление, что вот, в таком-то приходе у нас поп неграмотный, псаломщик неграмотный, нельзя ли их как-нибудь сменить или перепетировать, что они совсем не служат, только безобразят. Ну, архирей, когда, знаешь, прочитал, говорит:

— Проверю, правильно ли там миряне-граждане и тому подобное обиду приносят.

Ну, приехал он, конечно, к священнику на квартиру и говорит:

— Вот что, отец Василий, завтра сослужите службу, я послушаю, как вы служите.

— Хорошо, — говорит, — преосвященный владыко.

Ну вот, когда вечер пришел, архирей стал отдыхать, священник по своему делу не будь глуп идет к псаломщику.

— Вот что, Федор, не будь глуп, приехал архирей, завтра заказывают службу. Так что давай повеселее.

— Хорошо, — говорит, — батюшко.

Ну, утреня не знаю была ли, нет, когда проблаговестили к обедне, стали граждане-миряне собираться, и поп в свою очередь с псаломщиком, и начинают служить. Поп запел:

— Из-за острова — острова Кондострова,
Выплыват там лодочка осиновая,
Хорошо она изукрашена.
У ей нос и корма изувязана.

Выходит очередь до псаломщика. Ну и псаломщик сейчас, в свою очередь, как было заказано, повеселее.

— Ой, кали-лили, калинка моя,
В саду ягодка малинка моя.
На улицу не ходила, не пойду,
Да молодца не любила, не люблю.
У людей мужья добры,
Покупают женам бобры,
А у меня злодей не добрый до меня,
Не купил он мне черного соболя,
А купил он мне коровушку,
Загубил мою головушку.

Ну вот и закатили по песне, пропели, и священник заявляет:

— Граждане, можете идти домой, служба кончилась.

Пришли домой, архирей пришел, самовар у матушки готовый. Архирей и говорит:

— Кто тебя, — говорит, — священником поставил, когда ты неграмотный?

— А меня, — говорит, — поставила моя жена.

Архирей и говорит жене:

— Почему ты его поставила в попы, когда он неграмотный?

А она и говорит:

— Муж мой, воля моя, хочу, не только священником, но и архиереем поставлю.

Архирей испугался, что архиереем пожелат, так и его с места выгонят. Он:

— Ну, господь вас благослови, служите, как служили.

Наверно, архирей столько же понимал, сколько и поп.

Егор Сафронович Привалов, 73 г.

54. ПРО ИВАНА-СОСНОВЦА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старичок со старушкой, у них не было детей. Вот старик и говорит:

— Старушка, я схожу в лес, вырублю сосновый пень и принесу домой, отделаю как человека и пусть, — говорит, — стоит, все равно как сын.

Ну вот, поставил в избы и стоит этот самый Иван-сосновец.

Прошло там времени много ли, мало ли, старуха незамогла, а старик ушел в лес. Вот старуха и говорит, лежит на кровати и встать не может:

— Ну, Иванушка-пенечек, дай старухе напиться.

Пень молчит, пень так пень и есть. А старик ушел в лес на неделю.

— Иванушка, — говорит, — сходи, запри овец.

Иванушка все молчит.

— Иванушка-пенечек, — говорит, — сходи, дров принеси.

Пень молчит. Ну, старуха кое-как сама встала, напилась, овец заперла, дров принесла.

— Ну, Иван-пенечек, вставай с мамой обедать.

Иван-сосновец встает, к столу двигается, ну и заговорил:

— Ну-ка, маменька, дай-ка мне поесть.

Она там что было, подает на стол и дает хлеба кусок. Вот он говорит:

— Маменька, я не хочу этого, изжарь мне барана целого.

Старуха сходила, барана зарезала, изрезала ему и изжарила. Ну, вот он это и съел все, мякушку хлеба съел, барана съел. Опять садится на то место, где он стоял, опять стоит в углу. В это время уже старик пришел из лесу. Старуха и рассказывает:

— Вот, старик, у нас, — говорит, — сын заговорил.

Вот поутру со сна встают, старик и говорит:

— Ну, — говорит, — Иванушка, пойдем в лес, пособи мне дров порубить.

Вот и начали. Он не столько рубит, сколько ломит, наломал, так старику диво. Вот вечером приходят домой.

— Ну-ка, — говорит, — маменька, теперь зарежьте целого быка, я,— говорит, — есть хочу.

Вот зарезали целого быка, выжарили ему, сварили. Он это все скушал. Вот старик и говорит старухе:

— Если он так у нас исть будет, то, — говорит, — негде будет нам брать ничего, мы, — говорит, — сами помрем с голоду.

Вот старик и говорит:

— Иван-сосновец, мы тебя выкормили, вырастили, пойди по белому свету гулять, оставь, — говорит, — нас в покое.

Вот Иван-сосновец и отправился, взял сумочку за плечи и пошел. Простился со стариками. Шел долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, вдруг видит, стоит человек, лес переносит с места на место.

— Ну что, — говорит, — делаешь? — спрашивает Иван-сосновец.

— Да вот, — говорит, — делаю то: в ином лесу наросло много, в ином мало, так вот я переношу. А ты, — говорит,— куда идешь?

— Да, — говорит, — видать, у тебя силушки много.

— А вот Иван-сосновец, так у того силушки вдвойне.

— Да я, — говорит, — сам и есть.

— Ну дак вот, возьми, — говорит, — меня, вместе пойдем путешествовать.

Вот они и пошли вдвоем. Идут, шли-были там, вдруг видят человек лежит на горе и спрашивают они:

— Что, добрый человек, делаешь?

— Дак вот, — говорит, — я горы перекатываю, в одном месте высоко, в одном нет ничего, дак вот, — говорит, — горы перекатываю.

Вот Иван-сосновец и говорит:

— Да, — говорит, — дали тебе отец да мать силушки, не пожалели.

— Да, — говорит, — есть на свете Иван-сосновец, вдвое сильнее меня.

— Дак вот, возьмем тебя, втроем пойдем путешествовать, я самый и есть Иван-сосновец.

Вот они и идут, втроем уже шли-были. Вдруг встретилась им река, они пошли по берегу. Вдруг видят, лежит человек на берегу, ноги на той стороне, голова на другой. Ну вот они и спрашивают:

— Ну, что ты, добрый человек, делаешь тут?

— Дак вот, — говорит, — в оной реки мало воды, в оной много воды, так я наберу в себя воды да в другую и снесу.

— Да, видно дали тебе отец с матерью силушки довольно.

— Да, — он и говорит, — Иван-сосновец втройне сильнее меня.

— Да я, — говорит, — тут и есть.

Ага, хорошо.

— Ну и возьмите, — говорит, — меня с собой. Перейдите реку на мне, потом и пойдем четверо путешествовать.

Вот они и пошли. Идут себе преспокойненько, вдруг видят, стоит изба с двором, быков полный двор. Иван-сосновец и говорит:

— Ну вот, товарищи, здесь нам можно и пожить. Ну дак вот, завтра поутру встанем мы, — говорит, — пойдем втроем в лес.

Который лес переносил, того оставляют варить обед. Тот остался, быка зарезал и варит обед. Обед сварил и сидит под окошком, дожидат своих товарищей-братьев. Вдруг откуль ни возьмись идет мужичок с ноготок, а борода с локоток и везет с собой сорок пудов сена. Ну вот, этот самый мужичок с ноготек и говорит:

— Кто, — говорит, — имел право в мою избу зайти?

Берет этого за шиворот, даром, что маленький, и наколотил его порядочно, сколько ему хотелось, сам это все съел

и ушел. Ну вот, ушел этот старичок, а братья приходят из лесу, а он еле-еле на печь затянулся, лежит там. Ну и вдруг видит, что братья приходят.

— Ну что, — говорят, — лежишь на печи, вставай, обедать надо.

— Да я, — говорит, — не хочу обедать, я крепко угорел, изба угарна, встать не могу.

Ну вот этот день так и прошел. На другой день остается тот, который горы перекатывал, а те опять уходят в лес. Ну вот быка опять зарезал, сварил обед и сидит, дожидает братьев. Вот опять этот мужичок с ноготок, борода с локоток идет и за собой сено тащит. Он и кричит:

— Кто прежде меня в моем доме хозяйничал?

Вот опять мужичок с ноготок берет его, дует за шиворот, дует его, того, что горы перекатывал. Ну и опять, сколько хотелось наколотил, да и сам ушел прочь. Еле-еле на печь затянулся так он угостил его.

Вот братья и приходят опять.

— Ну что,— говорит,— лежишь на печи, дай нам пообедать.

— Ах, не могу, — говорит, — угорел, голова крепко болит,— братьям отвечает.

Ну, там что осталось поели, опять тот день и прошел.

Вот на третий день оставляют, который воду перенашивал, водовоз. Ну вот, опять быков зарезал и дожидат братьев. Вдруг опять этот самый мужичок с ноготок:

— Кто, — говорит, — имел право моих быков резать, в моем доме хозяйничать?

Ну, а тот что? Взял того, кто воду носил, взял наколотил-наколотил, да и ушел. Ну вот, теперь остался Иван-сосновец обед варить. Сварил обед и дожидает братьев, сидит под окошком. Вот он опять идет, этот мужичок с ноготок, и за собой сено тащит, а быки все убавляются.

— Кто, — говорит, — имел право в моем доме хозяйничать, моих быков резать?

— Да вот мы, — говорит, — гости. Ты должен гостей встречать, а не так по-собачьи, а будешь собачить, дак тебе и попадет.

Бежит и хватает Ивана-сосновца за шиворот, а тот его на место и давай полоскать этого мужичка, он посильнее оказался. Вот он его колотил, колотил сколько хотел, и на стену привязал. Вот и братья приходит из лесу.

— Ну что,— говорят братья, — обед?

— Садитесь обедать. Что же вы сказывали? Вот он, ваш старичок висит.

Он бился, старичок, да сорвался со стены и покатился, прикатился к яме, они за ним вслед, прикатился и упал в яму.

Вот Иван-сосновец и говорит:

— Узнать надо, что за яма? Кто, — говорит, — туда пойдет?

(А яма глубока.) Один говорит, я не пойду, второй то же само, третий то же само. Ну, Иван-сосновец и говорит:

— Ну, верно, мне приходится идти. Вы, — говорит, — идите убивайте быков, снимайте шкуры, режьте ремни, мне спускаться в яму.

Вот сходили, нарезали ремней, быков наубивали и приходят к этой яме. Вот эти ремни привязали друг к дружке и Иван-сосновец стал спускаться туда. Ну, вот он туды спустился, оказалась дорога хорошая, оказался колидор подземельный. Вот подошел, видит, стоит избушка. Вот он заходит в избушку, сидит девица, шьет. Вот он и спрашивает:

— Что, девица, сидишь делаешь, что шьешь? — говорит.

Иглой что раз тыкнет, то солдат выскочит. Вот Иван-сосновец и спрашивает:

— Что, — говорит, — девица, делаешь? На кого, — говорит, — силушку копишь?

— Да, — говорит, — силушку коплю для Ивана-сосновича. Он вчерась так дедушку нашего угостил, дак тот в постели лежит.

— Ну, девица, брось, — говорит, — эту работу. Я обратно пойду тебя увезу.

Вот пошел, опять изба ему встретилась. Вот в избушку заходит, опять девица шьет, как иглой раз тыкнет, так два солдата выскочат.

— Ну что, — говорит, — девица, делаешь, на кого силушку копишь?

— Силу, — говорит, — коплю про Ивана-сосновича, придет Иван-сосновец, так на его силу.

— А я, — говорит, — сам и есть Иван-сосновец. Брось, девица, эту работу, я, — говорит, — завтра пойду обратно, тебя выведу.

И пошел вперед опять. Идет опять, вдруг избушка стоит третья. Вот опять девица сидит шьет.

— Ну что, — говорит, — девица красна, делаешь, на кого силушку копишь?

Как стегнет, так три солдата выскочит.

— На кого силушку солдатов копите?

— Вот, — говорит, — копим на Ивана-сосновца.

— А вот я сам и есть.

От той девицы он пошел вперед опять. Видит, стоит терем, терем большой. Ну вот обошел кругом терем, в тереме под окошком сидит девица, плачет. Ну вот он спрашивает:

— Ну что, девица красная, плачешь?

— Вот, — говорит, — я царска дочь, а меня подземельный царь увел.

— Не плачь, — говорит, — скоро я тебя выручу, приставлю к отцу и матери. А где, — говорит, — этот ваш царь?

— Да вот он, лежит в другой комнате нездоровый, его Иван-сосновец набил.

— Да вот, как пойдешь к нему, дверь откроешь, на правой руки есть шкап, и в этом шкапу стоит две бутылки, в этом углу бутылка и в другом бутылка. Вот, — говорит, — ты эти бутылки перемени, котора в левом углу, поставь в правый, а котора в правом, поставь в левый. Вот, — говорит, — к ему пойдешь, дак не бойся, он тогда был маленький, а теперь во всю длину лежит такой большой.

Вот он открывает двери, видит, лежит старик во всю избу.

— А, — говорит, — Иван-соснович, ты явился ко мне опять? Ну, — говорит, — ты теперь от меня не уйдешь, будешь в моих руках.

Иван-соснович и говорит:

— Да вот посмотрим, чья сильнее, та и правее.

Вот старик встает и бороться схватились друг за дружку. Ну вот, борются и никоторый никоторого не могут победить. Вот старик бросает его и бежит к шкапу, где вода стояла, берет и выпивает. А Иван-соснович говорит:

— Ах, — говорит, — ты пьешь, а меня не подчиваешь, дайка, — говорит, — и я выпью.

Вот старик как выпил и совсем ослаб. Вот Иван-соснович выпил, у него больше силы прибавилось. Иван-соснович хватает старика и начинает его дуть. Ну, вот старик и свалился.

— Ну, — говорит, — Иван-соснович, оставь меня живого.

— Нет, — говорит, — я еще потешусь над тобой. (Еще до полусмерти его додул.)

Приходит к девице и говорит:

— Одевайся.

Тая уж совсем готова.

— Я, — говорит, — готова.

Вот и отправились. Идут. Она взяла платок из кармана вынула, избушка вся, знаешь, в платок, дом хороший. Ну, платок в карман и вот пришли ко второй, и тая оделась, и пошли опять к третьей уже. Тут опять тая уже готова, пошли уже четверо к последней йзбушке. Пришли туда и тая уже готова. Вот и отправились к этой самой ямы. Ну, вот Иван-сос-

новед потряс там за веревку, за ремни привязал женщину и ее вытащили. Ремни спустили и втору вытащили, опять спустили ремни и третью вытащили. Спустили ремней и царевну выдынули. Вот спустили ремней и Ивана-сосновца выдынули. Ну вот, вышел Иван-сосновец и говорит:

— Ну, девицы, вы теперь должны выйти замуж за моих братьев. А вы, — говорит, — царевна, желаете за меня, а нет, дак я вас к отцу и к матери представлю.

Она и говорит:

— Когда вы, — говорит, — меня сбавили, дак и за вас пойду.

Вот пришли в город, все повенчались. Вот она и говорит:

— Когда у нас дома нет, сделаем лучше отцовского.

Вот она махнула платком, дак дом оказался лучше дворца царского, а царь дивуется.

— Что за дом такой?

Вот она берет за руку своего жениха и к отцу является. Отец видит, что дочь явилась, обрадовались отец и мать. С радости рассказала, что где была и кто видела, и кто ее сбавил. Ну вот, отец благословил, повенчались и живут теперь преспокойно. Вот и все.

55. [ПОЙДИ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА]

Жил-был царь Никита, а он имел несколько охотников, знаешь, птиц стрелять. Ему, знаешь, шесть дён стрелки носят, государю, а один себе. Был у них главный стрелец Андрей. Пошел один день Андрей, никого не сумел застрелить. Вдруг он идет из леса, видит, сидит на дереве соколица. Вот он и думает: «Ах, дай-ко, — думает, — я соколицу застрелю». Подстрелил, соколица и пала. Подстрелил, домой несет. Вот эта соколица заговорила человечьим голосом:

— Вот что, — говорит, — Андрей-стрелок, придешь, — говорит, — домой брось меня за окошко и посмотришь, что с меня выйдет.

Вот хорошо. Он пришел домой, бросил за окошко, вдруг оказалась красная девица, была бы лучше, да некуда. Сейчас выходит Андрей на улицу, берет за руку. Она говорит:

— Ну, Андрей-стрелок, — говорит, — коль умел меня захватить, так умей и содержать.

Андрей взял на ней и женился. Ну вот, живут они себе преспокойно, прицеваючи, а бедно. Андрей действительно жил бедно. Вот раз они сидят, она и говорит:

— Андрей, — говорит, — как ты, — говорит, — бедно живешь и мы, — говорит, — бедно живем. Сходи, — говорит, —

нет ли у тебя братьев-товарищей, спроси у них сто рублей денег и купи мне шелковых ниток.

Андрей пошел по своим товарищам, взял деньги и пошел купил жене шелковых ниток, а жена его была Елена-краса золотая коса. Она взяла спила ковер. Вот и посылает:

— Ну, Андрей, — говорит, — иди на рынок и продай этот ковер. Не спрашивай цены, я тебе не назначаю, что тебе дают, то и бери.

Андрей пришел на рынок, народушку собралось много смотреть, знаешь, ковер. Вдруг едет мимо царский министр и спрашивает:

— Что народ тут сидит?

А народ отвечает:

— Вот продается ковер.

Вот государев министр подошел и смотрит на ковер, и на ковре весь нижний город вышит, там птицы, озера, рыба плавает, все на этом ковре. Государев министр спрашивает:

— Сколько, — говорит, — возьмешь?

— А сколько дашь.

— Я тебе даю тридцать тысяч.

Андрей получил деньги и уходит домой. Вот он приходит во дворец государя, министр, и хвастает, какую покупку совершил. Царь спросил:

— Сколько ты за это дал?

— Я, — говорит, — дал тридцать тысяч.

— Я, — говорит, — даю тридцать пять, продай мне.

— Я продам, — говорит.

Взял тридцать пять тысяч, а сам отправился заказывать второй ковер. Сходил к Андрею, посмотрел на жену.

— Ну и красавица Елена-краса золотая коса, была бы лучше да нельзя. — Он и забыл ковер заказать, прельстился на красоту.

Государь спрашивает:

— Ну что, заказал ковер?

— Да, — говорит, — ваше императорское величество, забыл заказать, прельстился, — говорит, — на красоту, жена у Андрея красивая.

Вот государь и говорит:

— Ладно, я закажу пойду.

Сам думает: «Посмотрю, какая у Андрея-стрелка жена красавица». Государь пошел, тоже прельстился на красоту и забыл все. Ну и приходит, и опечалился, как бы у Андрея жену отнять? Вот он собрал всех своих служащих министров, как бы только жену отнять. Убить его али нет, только бы отнять. Государь дал им на три срока, чтобы придумать, как бы жену отнять. Вот один министр и взялся придумать. Вот он ходил, ничего не придумал и вторые сутки думал. Ходил

ходил, ничего не придумал. Вот приходит царь и спрашивает его, что он придумал.

— Если ты не придумаешь, голова с плеч.

— Пойду, — говорит министр, — в лес. Если ничего не придумаю, — говорит, — задавлюсь, все равно мне не жить на свете.

Вот пошел, идет по лесу, ему попала старушка навстречу, она спрашивает:

— Зачем ты пошел?

— А тебе, — говорит, — какое дело?

Старуха пошла и он пошел. А потом думает:

— Вот, — говорит, — чего ж я старуху не спросил. Вдруг она поможет моему горю.

Вот он воротился.

— Эй, — говорит, — старушка, воротись, прости, что я тебя обидел, ты мне в беде помоги.

— Какая у вас, — говорит, — беда?

Он и говорит ей:

— Вот у Андрея жена красивая и император полюбил её. И не знаем, как у стрелка отнять Елену-красу золотую косу.

Вот старушка и говорит:

— Вот ты меня огрубил, лучше бы ты ласковым словом обошел. Вот, — говорит, — вы Андрея справьте за тридевять земель в тридевятое царство, и чтобы он достал овечку — золотую головку. И, — говорит, — весу нагрузите корап и дайте ему сроку три месяца, дайте корап текущий и команду пьющу.

Вот вдруг государь и призывает Андрея и говорит:

— Отдай, — говорит, — мне жену.

— Нет, — говорит, — не отдам, а лучше службу сослужу.

Вот он приходит домой печальный. Елена-краса золотая коса и спрашивает:

— Что ты такой печальный?

— Да вот, — говорит, — дали мне службу, сходить в тридевятое царство и принести овечку — золотую головку.

Жена и говорит:

— Это, — говорит, — не служба. Служба будет вся впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Вот Андрей поужинал, спать завалился. Жена встала в двенадцать часов, вышла на крылечко, платком белым махнула и выскочило три молодца.

— Что, — говорят, — угодно, Елена-краса золотая коса?

— Так вот, — говорит, — сходите за тридевять земель, принесите овечку — золотую головку. Времени только на четыре часа.

Вот молодцы все сделали, исполнили, как сказка сказывается, она закупорила все это в ящик и поставила. Вот и пришло шесть часов, она и будит Андрея. Вот она согрела чай,

Андрей подзакусил, с женой простился. А корап уже готовый и команда готова. Вот Елена-краса и говорит:

— Вот тебе шкатулка, тут тебе все. И ты, — говорит, — два месяца проплывешь, иди в одну сторону, потом пойдет тиха погода и вот, — говорит, — ты напой команду пьяну.

Он говорит, что: «выпьем, погода хорошая».

Ну, знаешь, все были пьяницы, вот и выпили. Все заснули. Он того побудил, другого побудил, корабль повернул и поехал обратно. Вот там долго ли, коротко ли, он приходит к своей пристани, а царь идет и уже встречает его на пристани и шашку несет.

— Ну что, — говорит, — Андрей, принес овечку — золотую головку?

— Вот, — говорит, — овечка — золотая головка.

Тут ему жены и не досталось. В горячке царь пошел во дворец. В это время он опять министров зовет, говорит:

— Как-нибудь сделайте, чтобы мне Елену-красу золотую косу добыть.

Вот опять и начали придумывать. Этот же самый министр к старушке приходит.

— Вот, — говорит, — ничего у нас не вышло.

— Да, — говорит, — Андрея-стрелка можно обмануть, а жены не обманешь. — Вот она и говорит: — Пущай, — говорит, — дайте сроку ему на четыре месяца и дайте ему команду пьющую и корап текущий. Отправьте по тем же следам, чтобы он привез свинку — золотую щетинку.

Вот опять Андрей пришел домой и опечалился. Жена и говорит:

— Ладно, — говорит, — Андрей, это не служба, а служба будет вся впереди. Ладно, Андрюшко, ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей повалился спать. Жена вышла на крылечко, платочком махнула, выскочило три молодца.

— Что нужно, Елена-краса золотая коса?

— Вот что, опять, — говорит, — служба. Сходите, принесите свинку — золотую щетинку. Сроку вам три часа.

Эти молодцы опять прибежали. Три часа прошло, уже эти прибежали, свинку — золотую щетинку принесли. Ну вот, она Андрея поутру разбудила, Андрей приходит на пристань, корап уже готов и уходит. Он проплавал опять два месяца. Вот опять пала хорошая погода, например, скажем, как сегодня. Вот он опять команде говорит:

— А что, — говорит, — погода хорошая, не выпьем ли?

Вот команда напилась вся допьяна и уснули все. В это время Андрей берет корап поворачивает в обратную сторону. Долго ли, коротко ли, вот он приходит к пристани, а царь его уже и встречает и шашку несет, что если не исполнит, голова

с плеч. А в это самое время, этот самый государь берет своих служащих, когда он отправился в путь, чтобы жену отнять, и пошел к Андрею. Поискали, поискали, дом найти не могут, царь говорит:

— Верно, Андрей взял ее с собой.

Вдруг и корап показался. Андрей выходит на берег, царь его и встречает.

— Ну, государь, — говорит Андрей, — сослужил я службу.

— Ну вот, — говорит, — ваше императорское величество, получайте свинку — золотую щетинку.

Царь опять разгорячился и ушел опять к себе обратно. Значит ничего не вышло, не мог царь жены взять.

— Вот хорошо, — этому самому министру говорит, — если ты в третий раз не сделаешь так, — говорит, — у тебя голова с плеч, не можешь придумать, так и знай, так голову и отрублю.

Вот этому министру пришла беда, он опять пришел к этой старухе и спрашивает:

— Никак, — говорит, — не можем у Андрея жены отнять. Пришла опять беда, никак избавиться от государя не могу, никак жены отнять не можем.

Она и говорит:

— Так вот что, я еще загону вам загадку. Вот, — говорит, — пусть этот Андрей сходит туда, не знаю куда, принесет то, не знаю что. И дать сроку на семь лет, а в это время государь возьмет Елену-красу золотую косу.

Вдруг опять государь Андрея зовет. Вот его позвал, угощает Андрея и говорит:

— Ну, Андрей, отдай жену, а то служба будет тебе великая.

Андрей и говорит:

— Нет, жены не отдам, лучше я служить буду. Какая служба, ваше императорское величество?

— Так вот, — говорит, — сходи туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что.

Вот Андрей пришел домой, опечалился.

— Вот, — говорит, — какая служба.

— Ну, ладно, как-не[1] мы справимся. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Вот она выходит в двенадцать часов, выскочили три молодца и спрашивают:

— Что, Елена-краса золотая коса, что угодно?

— Вот что, молодцы, вы не знаете сходить туда, не знаю куда, принести то, не знаю что?

---

[1] Как-нибудь.

Молодцы отказались. Вот она взяла свила клубок такой, что едва положила себе на крыльцо. Вот поутру Елена-краса золотая коса говорит:

— Вставай, Андрей.

Андрей встал со сна, она напоила, накормила, Андреюшка простился и пошел. Вот вышел на крыльцо, жена и говорит:

— Этот клубок ты покати и иди за ним.

Вот хорошо, этот клубок катится, а он вслед. Вот Андрей идет там себе долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, конец у него остался на крыльце.

— Вот, — говорит, — клубок кончится, там будет большой двор, ты войдешь и тебя там встретят.

И дала она ему свой утиральник, полотенце, прямо сказать.

— Вот, — говорит, — тебя там напоят, накормят и спать уложат. Поутру встанешь, — говорит, — дают тебе умывальник и дадут тебе полотенце. Ты, — говорит, — на их полотенце не умывайся, а возьми и достань свое.

Вот Андрей встает со сна и начинает мыться. Дают ему умывальник и полотенце. Одним словом, приняли как следует. Их там оказалось две девицы и мать третья. Вот и помылся, ему приносят полотенце.

— Нет, — говорит, — у меня есть свое дорожное полотенце.

Он только хочет достать, а они выхватили у него полотенце и побежали.

— Маменька, — говорят, — у нас наш зять, Андрей-стрелок.

— Да, — говорит, — зятюшка, знали тебя, можем тебе помочь. (Знаешь, вроде как волшебники были.)

— А, — говорит, — так вашему царю не найти моей дочери, хоть сто лет, так не найти.

Вот эта мать берет голик из-под порога и полетела. Там много птиц, она и спрашивает:

— Не знаете где принести то, не знаю что?

Птицы, знаешь, отказались.

— Мы, — говорят, — не знаем.

Вот она по своему волшебству позвала всех зверей, звери эти самые тоже отказались.

— Тоже не знаем принести то, не знаю что.

Больше ей спрашивать негде.

— Вот, — говорит, — живет лягушка в болоте, та не знает ли?

Она вдруг влетает в болото и у лягушки спрашивает:

— Не знаешь ли где принести то, не знаю что?

Лягушка и говорит:

— Да, — говорит, — знаю, только испарь мне пареного молока, и где, — говорит, — твой зять?

— Зять, — говорит, — мой в квартире.

— Зови, — говорит, — его.

Она прилетает и говорит:

— Вот, Андрей-зять, нашли.

Вот Андрей садится на коня и поехали в болото. Приехали в болото, лягушка молока выпила и говорит:

— Андрей, поедем к огненной реке, через огненную реку надо перейти.

Вот они и поехали, и приехали к этой самой огненной реки Андрей и говорит этой лягушки:

— Как же мы через эту огненну реку перейдем?

— Садись, — говорит она, — на меня, дай мне пареного молока.

Вот лягушка выпила пареного молока. Лягушка выше и выше и выросла, так куда угодно большая.

— Ну, держись, Андрей, крепче, будем теперь скакать через огненную реку.

Вот лягушка перепрыгнула через огненную реку и стрелка перенесла. Лягушка и говорит:

— .Ну, — говорит, — ты можешь идти, а я ворочусь обратно. И вот, — говорит, — встретится тебе байна не байна, дом не дом. Придешь в дом, зайди в печку, а там увидишь, что будет.

Вот он шел долго ли, коротко ли, сказка скоро сказывается, да не скоро дело делается, на семь годов дано сроку. Видит, стоит дом не дом, байна не байна, хлев не хлев, внутри красивый. Вот он стоит за печкой, вдруг приходят два человека в избу и говорят:

— Брат Разум, ну-ко, дай-ка, нас накорми.

Вдруг на столе оказалось все что угодно. Вот они поели и ушли. Андрей из-за печки выходит и говорит:

— А ну-ка, брат Разум, дай-ка, накорми.

Вдруг на столе оказалось все накрыто. Он говорит:

— Брат Разум, садись со мной за стол.

А человека не видно. Вот брат Разум и говорит:

— Этих дурин уже тридцать лет рупчею и никогда, — говорит, — сухой корки не видал. А теперь ты первый раз ко мне обедать заходишь и зовешь меня за стол.

Поели, попили и на столе ничего не оказалось. Ну, вот этот брат Разум говорит:

— Ну, я от тебя никуда, куда ты, туда и я. (А человека не видно.)

А в это время, когда Андрей пошел из дому, этот царь опять пошел искать Елену-красу золотую косу. Найти не могли, взяли дом сожгли у Андрея этого.

Вот они шли.

— Брат Разум, ты со мной?

— Я, — говорит, — с тобой.

Вдруг приходят они к морскому берегу, там посидели немножко. Вдруг видят, идут три корабля к берегу, и выезжают на берег три капитана со всех трех кораблей.

— Ну, брат Разум, как бы нам гостей угостить?

Сейчас стол тут, скатерть, кушанье готово. Капитанов угостили и спрашивают:

— Что у тебя за товарищ, человека не видно, а все подает?

— Он товарищ у меня очень хороший.

А этот брат Разум все слушает. А один капитан говорит:

— Да вот, — говорит, — у меня тоже есть вещь хорошая, у меня есть топор, если тяпнешь, тяп-ляп и сделается корап.

А второй капитан говорит:

— Да, у меня есть тоже вещь хорошая, есть трубочка, если я раз протрублю, вылетит войско и все с ружьями.

А потом говорит:

— У меня есть трубка, так выйдет кривой атаман.

А третий говорит:

— Да, — говорит, — вы хвастаете, у меня тоже есть. У меня есть сабля, если я этой саблей махну по воды, так сделается мост серебряный. Отмахну обратно, и моста не будет.

Вот брат Разум и говорит:

— Сменяй это все на меня, я тоже твой буду.

Вот Андрей и говорит:

— Ну, давай меняться.

Капитан и говорит:

— Давай меняться.

Андрей говорит:

— Ну, брат Разум, ты служи ему, как и мне.

Вот Андрей отошел и спрашивает:

— Где, — говорит, — брат Разум, ты?

— Я, — говорит, — здесь.

Вот эти все вещи взяли. А эти капитаны остались, так и ушли, неизвестно где они и теперь.

Вот пришел Андрей в свое царство. Смотрит, дома совсем нет. Вот он и говорит:

— Дома нет, видно, и жены нет.

Вот ему брат Разум и говорит:

— У тебя есть топор, делай тяп-ляп и сейчас будет у тебя дворец.

Вот хорошо, Андрей топором тяпнул и стоит дворец, и Елена-краса золотая коса стоит, дожидает его. Вот они поздоровались там, полюбовались друг дружкой.

— Ну, — говорит, — Елена-краса золотая коса, пойдем на поле.

Вот он приходит, сейчас в трубочку струбил, появилось войско.

— Пошлите, — говорит, — в этот город.

Царь испугался, откуда войско появилось. Высылает двадцать пять солдат разведать, война какая начинается. А Андрей и говорит:

— Ну вот, я двадцать человек оставлю здесь, а пятеро пусть идут к царю, чтобы царь сюда пришел.

Вдруг и царь сюда идет, испугался, что случилось? Как огляделся на Андрея-стрелка, в это время царь бух в ноги Андрею.

— Прости меня, что я тебя мучил так крепко.

— Ну вот, — говорит, — я тебя, царь, прощаю. Покорной головы, — говорит, — и меч не секет. А за это ты, когда меня мучил столько времени, так вот, — говорит, — я тебе даю службу на тридцать лет пасти коров. И до сих пор тот царь пасет коров.

56. ПРО НЕСТЕРА

Жил-был Нестер, у него было ребят шестеро, сам седьмой, жена восьма. Жил бедно, одним словом. Вот и думает, не знает, как семью прокормить. Вот пошел к соседу просить совету.

— Ежели мне пойти воровать?

Вот сусед и говорит:

— Если ты украдешь, будут тебя спрашивать, ты говори одно: «Не брал, конечно».

Вот пришел домой.

— А, пойду, — говорит, — к помещику воровать, к богатому человеку.

Вот подкрался к ему, к кулаку или там к кладовой, набрал, пришел домой и поживать себе. Вот раз услыхал, что ищут воров. «Ну, что, — думает, — попал я. Попал, не попал, а все-таки я пойду, — говорит, — в тюрьму».

Приходит к ему, богачу и подается на ночь. Тот пустил его.

— Ладно, — говорит, — дома не убудет.

А не знает, что он вор. Вот этот самый богач поезжает в город коров продавать, коров много у помещику. А тот самый Нестер и говорит:

— Пожалуйста, — говорит, — подожди до утра, у меня есть, — говорит, — долженник близко, на днях рассчитать меня должен расчет, — говорит, — выдать. Если долго не отдаст, то отдаст коровушку.

Вот до вечера прожили, повалились спать, а Нестер не спит. Помещик заснул, а Нестер не спит и пошел во двор,

и взял у него корову. Взял корову, в лес увел да там и лесине привязал и пришел, спать увалился. Поутру барин стал со сна, и он стал. Барин и говорит своей жены:

— Грей самовар, я в город пойду.

А Нестер его и просит.

— Вот что, — говорит, — барин, он мне дал корову, у меня, — говорит, — корова в лесях, пожалуйста, — говорит, — барин, мне недосуг, дак продайте мою корову. (А корова помещика.)

Барин говорит:

— Ну что ж, ладно.

Нестер и пошел в лес за коровой, и приводит. Привел, барин и смотрит на корову.

— Эта корова все равно, как наша Буренушка.

А Нестер и говорит:

— Что вы, барин, — говорит, — ведь корова на корову находит[1] как человек на человека, так и корова на корову.

Ну, барин и поехал, корову продал, свою продал и Нестерову продал, а обои свои. Из города приехал, Нестеру деньги отдал, Нестер поблагодарил и домой пошел. Вот пожил дома и говорит:

— Обокрал я, — говорит, — барина, а теперь, — говорит, — обокраду царя. Пойду к царю воровать.

Ну вот и отправился. Пошел, идет по дороге, вдруг стречается ему сусед Клим.

— Куда, — говорит, — сусед, пошел?

— Да задумал нехорошее дело, да придется идти.

— Ну как, — говорит, — нехорошее дело?

— Да, — говорит, — воровать.

— Ну, дак вот, пойдем вместях.

Подошли недалеко, видят стоит человек. Оглядели, а стоит Наум, тоже с той же деревни.

Ну и спрашивают:

— Куда, Наум, пошел?

— Да куда, какое дело, вот, — говорит, — задумал воровать, вынесет или нет, — говорит, — не знаю.

— Ну так пойдем, — говорит, — вместе, мы тоже пошли воровать.

Подошли к городу, стало уже темнеть.

— Ну, — говорит, — ребята, теперь пойдем к царю воровать.

— Что ты, — говорит.

— Ничего, — говорит, — ребята, идите за мной, не бойтесь.

Вот они подошли, и два часовых стоят у ворот. Ну, что делать? Попасть, дак никак нельзя. Они отошли и нашли соло-

[1] Похожа.

мы. Он взял в солому завернулся совсем, его завязали и катится по панели. Вот часовой и смотрит.

— Вот, — говорят, — солому ветром, видно, несет.

Ну, вот один и говорит:

— Завтра мы подберем, сегодня не стоит.

Они отошли прочь от воров, а Нестер взял развернулся прочь из соломы, да потихоньку, потихоньку и загнался во двор, и часовые не заметили. Нестер ходил по двору и нашел там старое какое-то генеральное платье, переоделся в это платье и вышел на крыльцо. Ну и говорит:

— Ну что, часовые, — говорит, — не замерзли?

А те и говорят:

— Холодновато, ваше высокородие.

— Воров нет, — говорит. (А вор на крыльцы.)

— Нет, — говорит, — ваше благородие.

— Ну, так идите спать ложитесь, раз, — говорит, — холодно да нет воров.

Часовые ушли, спать повалились, а Нестер в это время крикнул товарищей, да и пошли шарить, где что попало и набрали порядочно. Вот вынесли все на улицу, давай делить. Нестер и говорит им:

— Ну, ребята, — говорит, — мне нужно две доли, а вам по одной, потому что я лучше вас, — говорит, — воровал.

А товарищи не соглашаются.

— Нет, — говорят, — тебе так много. Давай, — говорят, — унесем домой, так там разделим.

Он говорит:

— Нет, вы, — говорит, — обманете меня. Я так не поверю. А вот что, — говорит, — вы здесь постойте, под окошком, а я к императору схожу.

Ну, вот и приходит, забрался он к императору в спальню, а этот император любил слушать сказки. А там у него сказочник сидел и заспал, и император спит, обои спят. Нестер берет этого сказочника, завязывает ему рот, чтоб он кричать не мог, и запихал его в мешок, да на гвоздь и повесил мешок, сам садится, где этот сказочник сидел. Садится на то место и сидит. Император пробудился.

— Ну, — говорит, — как долго спал, под сказку-то и заснул.

Нестер-то и сидит. Вот Нестер и начинает.

— Вот, — говорит, — жил-был вор Нестер, обокрал, — говорит, — барина одного и у барина корову обокрал, барину отдал, барин продал и деньги Нестеру отдал. (А царь сидит, слушает.) Ну, — говорит, — пожил дома, захотелось ему опять идти воровать. А товарищи, чуть живы сидят под окошком: «Бяда, — говорят, — пришла». Так вот, — говорит, — захотелось ему императора обворовать. И обокрал он императора. Я слы-

шал, из кладовых что-то украдено. (А в ту ночь, так император еще не знает, что украдено.) Так вот, — говорит, — ваше императорское величество, их, — говорит, — было трое: Нестер, Клим и третий Наум. Так вот, — говорит, рассудите, ваше императорское величество, один был главный вор. (А те слушают под окошком, а он говорит громче, чтобы те слышали.) Я думаю, ваше императорское величество, тому человеку, кто у них был главный вор, надо две доли.

Император и говорит:

— Да как же, как же, тому надо две доли.

Император и заснул. В это время Нестер вышел на улицу.

— Ну что, ребята, вы слышали, что император говорит? Мне ведь две доли.

— Да, — говорят, — слышали, тебе две доли.

Поутру со сна встали, у государя покража сделалась, давай вора искать.

— Где же, — говорит, — сказочник?

А сказочник в мешку на гвозду повешан. Висит и все. Вот развязали его и спрашивают:

— Ты каким манером в мешок попал?

— Не знаю, — говорит, — какой человек пришел, мне рот завязал да и забил в мешок.

Вот император и спрашивает:

— Ты, — говорит, — сказывал мне сказку про Нестера?

— Нет, — говорит, — я не сказывал, я только слышал в мешку.

Вот тогда император схватился:

— А, — говорит, — это видно Нестер и был.

Вот и начали искать этого самого Нестера. Вот привели его к государю. Государь и спрашивает:

— Как вас зовут?

— Меня, — говорит, — зовут Нестер.

— Вы сказку сказывали?

— Я, — говорит.

— И вы, — говорит, — обокрали меня?

— Я, — говорит, — ваше императорское величество.

— Так как же вы ко мне во двор попали?

— Я, — говорит, — в соломы прикатился, потом, — говорит, — во двор попал. А вот, — говорит, — как во двор попал, так тогда уже дело мое было. На дворе, — говорит, — я нашел офицерское платье, переоделся, да и ваших часовых спать отправил. Вот, потом уже воровать начали у вас, кладову чистить. А к вам, — говорит, — в комнату попал, сказочника в мешок запехал. И потом вот начал вам сказку рассказывать свою, про себя.

— Ну, — говорит, — Нестер, когда ты такой ловкий, и хорошо наживать умеешь, то, — говорит, — я тебя сейчас постав-

лю генералом и награжу тебя за то. И будешь ты жить в моем дворце.

Взял его наградил царь, поставил его начальником да не осудил его небось на каторгу.

— Ну, вот и будешь, — говорит, — у меня жить, да казну копить.

Так Нестер и к месту попал.

Ефимья Васильевна Рохмистова, 63 г.

57. КУРИЦА

Выбежала курица на улицу, а ястреб ей в лоб. Она думат, пуля полетела, испугалась да и побежала. Бежала, бежала, встретился петух.

— Куды, курица, бежишь?

— Ой, петух, война идет.

— От кого ты слышала?

— Сама я слышала, сама я видела, самой мне пулька в лоб прилетела.

Вот и побежали, петух напереди. Бежали, бежали, встретилась ворона.

— Куды, петух, бежишь?

— Война идет.

— От кого ты слышал?

— От курицы.

— А курица от кого?

— Сама я слышала, сама я видела, самой мне пулька в лоб прилетела.

Вот и побежали. Ворона напереди. Встретился мошник.

— Куды, ворона, бежишь?

— Ой, война идет.

— От кого ты слышала?

— От петуха.

— А петух от кого?

— От курицы.

— А курица от кого?

— Сама я слышала, сама я видела, самой мне пулька в лоб прилетела.

В лес все бежат, от деревни в лес, война идет. Вот и побежали, мошник напереди. Стречается заяц:

— Куды, мошник, бежишь?

— Война идет.

— От кого ты слышал?

— От вороны.

— А ворона от кого?

— От сороки. (Еще сорока была.)
— А сорока от кого?
— От петуха.
— А петух от кого?
— От курицы.
— А курица от кого?
— Сама я слышала, сама я видела, самой мне пулька в лоб прилетела.

Вот и побежали опять в лес. Бежали, бежали, бежали, встретился волк.

— Куды, заяц, бежишь?
— Война идет.
— От кого ты слышал?
— От мошника.
— А мошник от кого?
— От вороны.
— А ворона от кого?
— От сороки.
— А сорока от кого?
— От петуха.
— А петух от кого?
— От курицы.
— А курица от кого?
— Сама я видела, сама я слышала, самой мне пулька в лоб прилетела.

Вот и побежали, волк напереди. Бежали, бежали, встретилась лиса.

— Куды, волк, бежишь?
— Война идет.
— От кого ты слышал?
— От зайца.
— А заяц от кого?
— От мошника.
— А мошник от кого?
— От вороны.
— А ворона от кого?
— От сороки.
— А сорока от кого?
— От петуха.
— А петух от кого?
— От курицы.
— А курица от кого?
— Сама я слышала, сама я видела, самой мне пулька в лоб прилетела.

Вот и побежали, лисица напереди. Опять в лес побежали. Бежали, бежали, встретился медведь.

— Куды, лисица, бежишь?

— Война идет.
— От кого слышала?
— От волка.
— А волк от кого?
— От зайца.
— А заяц от кого?
— От мошника.
— А мошник от кого?
— От вороны.
— А ворона от кого?
— От сороки.
— А сорока от кого?
— От петуха.
— А петух от кого?
— От курицы.
— А курица от кого?
— Сама я слышала, сама я видела, самой пулька в лоб прилетела.

Вот и побежали, медведь впереди. Бежали, бежали, да в яму и пали. В каку-то яму пали и лежат. Лежали, лежали и захотелось исть. А лисица и говорит:

— Станемте, кумушки, имен считать. Чье имечко лучше?

А медведь и говорит:

— А считай, считай, кума, я не умею.

Она и говорит:

— Лисанька-лисавушка — хорошо имечко, Мишенька-мисавушка хорошо имечко, Волк-волкушка — хорошо имечко, Зайко-заюшко — хорошо имечко, Мошник Мошникович — хорошо имечко, Ворона Карповна — хорошо имечко, Сорока — хорошо имечко, Петух Петухович — хорошо имечко, а Курица — имя худое, давайте съедим.

Взяли косточки разделили и съели. А курицы много ли есть? Курицу и съели.

— Станемте, кумушки, имена считать?

А медведь и говорит:

— Я, кумушка, не умею считать, считай.

— Лисанька-лисавушка — хорошо имечко, Мишенька-мисавушка — хорошо имечко, Волк-волкушка — хорошо имечко, Зайка-заюшка — хорошо имечко, Мошник Мошникович — хорошо имечко, Ворона Карповна — хорошо имечко, Сорока — хорошо имечко, а Петух — имя худо, давайте съедим.

Ну вот и петуха съели. Съели, а много ли петуха? Опять стали имен считать. Опять лиса говорит:

— Станем, — говорит, — имена считать.

— Считай, лисонька, я не умею.

— Лисанька-лисавушка — хорошо имечко, Мишенька-мисавушка — хорошо имечко, Волк-волкушка — хорошо имечко,

Зайка-заюшка — хорошо имечко, Мошник Мошникович — хорошо имечко, Ворона Карповна — хорошо имечко, а Сорока — имя худо.

И сороку съели. Ну, вот опять лежали, лежали, лисица и говорит:

— Станем-ко, кумушки, имен считать.

А медведь и говорит:

— А считай, считай, кумушка, я не умею.

— Лисанька-лисавушка — хорошо имечко, Мишенька-мисавушка — хорошо имечко, Зайка-заюшка — хорошо имечко, Мошник Мошникович — хорошо имечко. У вороны имя худо, съедимте.

Съели ворону. Лежали, лежали, лиса и говорит:

— Станем-ко, кумушки, имен считать.

Медведь говорит:

— Считай, считай, кумушка, я не умею.

— Лисанька-лисавушка — хорошо имечко, Мишенька-мисавушка — хороше имечко. Зайка-заюшка — хороше имечко. У Мошника имя плохо, мошника и съедим.

Вот мошник теперь побольше. А как съедят, лисица все косточки под ж... сунет, да и сидит. Вот лежали, лежали, лисица и говорит:

— Станем-ко, кумушка́, имен считать.

— А считай, считай, кумушка, я не умею.

— Лисанька-лисавушка — хорошо имечко, Мишенька-мисавушка — хорошо имечко, Волк-волкушка — хорошо имечко. У зайца имя худо, съедим.

Вот тебе и зайца съели. Уж втроем остались. Лежали, лежали, лисица говорит:

— Станем-ко, кумушка, имен считать.

А медведь и говорит:

— Считай, считай, кумушка, я не умею.

— Лисанька-лисавушка — хорошо имечко, Мишенька-мисавушка — хорошо имечко. У волка имя худо, съедим.

Вот с медведем вдвоем волка и съели. Вот и остались вдвоем, лисица да медведь. Лежали, лежали, лисица сунет под ж... лапу, косточку вынет, котору подсунула, да и ест. Медведь-то видит, что она ест и говорит:

— Кумушка, что ты ешь-то?

— Что ем? Суну в ж... лапу, да кишку по кишке и ем. Запихай под ж... лапу да кишку по кишке и ешь, сытой будешь.

Медведь лежал, лежал, лапу запихал в ж.., кишку вытянул, да и пропал. Лисица одна осталась.

Ну, вот лисица полежала, полежала, выскочила на дорогу (зимой, видно). Зубы оскалила да будто мертва лежит на дороге. Лежит, зубы оскалены. Едет мужик, везет воз сигов. По

дороге едет и видит, что лисица мертва лежит. А лисица дорого стоит. Взял ее, на воз и бросил. Пока до дому ехал, на воз не оглянулся. А лисица все до единого сига утянула с воза, а сама убежала. Едет старик к воротам.

— Старуха, отворяй ворота. Воз сигов везу, лисица наверху.

Старуха прибежала. Ладно. Ничего нету, ничего, порожны сани.

— Где у тебя лисица?

Вот у старика горе, думал воз сигов и лисица, а нет ни сигов, ни лисицы. Так старик с горем и остался.

А лисица убежала куда-то к волку, где-то волк жил в какой-то избушке. Прибежала к волку и говорит:

— Волк, глянь-ко, я сигов сколько наловила, вари сиги.

С волком сигов наварили, наелись. А волк и говорит:

— Откуда ты берешь, кумушка, сиги-то?

— Ты бестолковый, ничего не умеешь. Я выйду на реку, в прорубь спущу хвост, сиг да два, сиг да два.

Пошел волк на реку. Мороз на улице большой.

— А пойдешь, — говорит, — на реку, так хвоста не шевели, она боится, рыба-то.

Волк на реку пришел, спустил в прорубь хвост, а мороз-то большой, не повернуть, так и примерз. Так ли подернет, эдак ли подернет, не вытащить хвоста. А лисица и говорит:

— На небе ясни, ясни, у волка хвост мерзни, мерзни.

Волк сидел, сидел до утра, хвоста вынуть не мог. Наутро как люди идут за водой, а волк тут сидит. Знаешь, волка кто не напужается?

— Ах ты, такой-сякой, переедакой.

Кто коромыслом, кто палкой начали волка бить. Волк рвался, рвался, хвост оторвал, убежал в лес и до сей поры там бегает. А лисица не знаю где, тоже там в лесях осталась.

58. СТАРУХА И ЗВЕРИ

До сего жили-были старик со старухой. У старухи старик помер, старуха одна осталась. У старухи дров не стало. Старуха и говорит:

— Надо в лес, видно, самой ехать.

А коня нету, старуха запрягла быка, хомут надела, поехала.

— Тюх ты, бычок, полевой хвостичёк, под горку бежит, оглобли звенят, гужи говорят.

Выскочил заяц.

— Куды, старуха, поехала?

— В лес по дрова по березовые.

— Пусти-ка подъехать.

— Тресни бересни, садись на комья.

Опять старуха вперед поехала.

— Тюх ты, бычок, полевой хвостичёк, под горку бежит, оглобли звенят, гужи говорят.

Выскочил волк.

— Куды, старуха, поехала?

— В лес по дрова по березовые.

— Возьми-ко меня.

— Тресни бересни, садись на комья.

Опять старуха вперед поехала.

— Тюх ты, бычок, полевой хвостичёк, под горку бежит, оглобли звенят, гужи говорят.

Ехала, ехала, выскочила лиса.

— Куды, старуха, поехала?

— В лес по дрова по березовые.

— Возьми-ко меня.

— Тресни бересни, садись на комья.

Опять старуха поехала.

— Тюх ты, бычок, полевой хвостичёк, под горку бежит, оглобли звенят, гужи говорят.

У старухи целый воз стал пассажиров. Выскочил медведь.

— Куды, старуха, поехала?

— В лес по дрова по березовые.

— Возьми-ко меня.

— Тресни бересни, садись на комья.

Медведь сел, так ничего, прибудет. Вот поехала старуха вперед за дровами. Ехали, ехали, у старухи оглобля сломалась. А старуке в лес идти не хочется, боится, что быка съедят. Послала она зайца.

— Поди-ко, принеси оглоблю.

Заяц принес маленьку тоненьку суху палочку.

— Ой ты бестолковой, разве такую палочку надо на оглобли?

Послала старуха волка в лес. Волк прибежал в лес, притащил немного потолще.

— Ой, беспутный ты, разве такую оглоблю надоть? Ну-ка, лисица, сходи, принеси потолще.

А лисица несет большую березу с сучьями.

— Ой, бестолкова, бестолкова, разве такую оглоблю надоть? Ну-ка, медведь, сходи, принеси оглоблю.

Медведь пошел в лес, принес толстую сосну с сучьем.

— Ну, беспутный, бестолковый, оглобли не толкуете вырубить. Пустите, я схожу.

Ушла старуха в лес рубить снова. Они взяли быка, распороли да мясо съели, да шкуру сеном набили, запрягли,

сами и убежали в лес. Старуха идет из леса, глядит, никого нет.

— Ладно, ушли, так легче, из-за них оглобля сломалась.

Запрягла старуха быка.

— Тюх ты, бычок, полевой хвостичёк, под горку бежит, оглобли звенят, гужи говорят.

Бычок ни с места.

— Эдакие, переэдакие, быка съели, а кожу набили да и убежали. Так я и знала, сама пойдешь, дак.

Старуха на дровни шкуру положила да и пошла, потянула дровни обратно без дров. Идет да плачет. Волк выскочил, спросил:

— Чего, старуха, плачешь?

— Ах вы, таки-сяки, переэдаки, быка съели.

— Не плачь, старуха, саму съедим.

— Не ешь, кормилец, телушку дам.

Опять старуха пошла вперед плакать по дороге, тянет дровни. Шла, шла, выскочил медведь.

— Чего, старуха, плачешь?

— Ох, вы, таки-переэдаки, быка у меня съели.

— Не плачь, старуха, саму съедим.

— Не ешь-ко, медведь, потом телушку дам.

Вот и старуха пришла домой, крышу наполивала водой, кругом дому наставила рогатин, сама повалилась на печь. Волк пришел под окошко.

— Старуха, подавай сулену телушку!

А старуха и говорит:

— А тепло бабе на печки, на войлочки.

— По трубы зайду, старуху съем, — волк говорит.

Зацепился, полез по крыше, а крыша на морозе замерзла. С крыши пал на рогатины, пропал, кишки вышли и пропал волк. Старуха на утро встала, волчью шкуру убрала.

— Ладно, — говорит, — продам, дак хоть хлеба дадут.

Старуха опять снова крышу наполивала, а то медведь придет, съест. Сама опять на печь повалилась. Лежит на печи, приходит медведь.

— Старуха, подавай сулену телушку!

Старуха говорит:

— Потому баба в лес не едет да дров не секет, не съешь.

Вот медведь и говорит:

— По трубы зайду, старуху съем.

Лепился, лепился, лепился да съехал с крыши, пал, да и кишки на рогатину, и пропал. Старуха утром со сна встала, принесла шкуру медведя. Ладно, хорошо, быка съели, дак старуха шкур напродавала, волчью да медвежью, разбогатела, богато оделась, стала жить да поживать. Сказка вся, больше врать нельзя.

59. ПРО ДРУГУ МАТЕРЬ

Вот до сего жили мужик с женкой, жили крестьяне. Жена принесла семь сыновей. Вот дети и говорят (а мать понесла восьмого), а они и говорят:

— Вот, мама, тебе настали роды. Мы не станем родов дожидать, пойдем в лес. Ты, мама, как сына родишь, положь ружье на ворота, а как дочерь родишь, положь прялицу на ворота. Ну вот, как сына родишь, так больше жить не придем. Там в лесях дом сработаем и больше не придем, а как дочь родишь, так и придем.

Вот мать родила дочерь, положила прялицу на ворота, а яга-баба пришла, сняла прялицу, положила ружье на ворота. Вот дети и пошли.

— Мать, наверно, родила, пойдем домой.

Шли, шли, шли и пришли, у матери ружье на воротах.

— Ну, не будем с матерью жить, пойдем в лесе дом сработаем, будем там жить.

Ну, вот они сработали в лесях дом и стали в лесях жить, а мать стала дочерь ростить. Вот разнеслись слухи, что мать родила не сына, а дочерь, они стали наказывать сестру в гости. Пусть мать в гости сестру пошлет. И справила мать дочерь к братанам в гости, дала с собой собачку. Вот и пошли. Пошли, собака впереди бежит. Шли, шли, шли, встретилась им навстречу яга-баба.

— Куды, девка, пошла?

— Не скажем.

А собака говорит:

— Девушка, не сказывай, не сказывай.

Она собаки щелкнула по ноги, собака на трех ножках и поскакала, они и пошли. Опять шли, шли, шли лесом. Опять яга-баба.

— Куды пошли?

— Не скажем.

А собака говорит:

— Не сказывай, девушка, не сказывай.

Яга-баба треснула по ноги, у ей и вторая нога отпала. Опять шли, шли, шли, опять яга-баба.

— Куды, девка, идешь?

Опять собаке и последню ногу отломала. Собака и покатилась. Катилась, катилась и пропала, а яга-баба выскочила и говорит:

— Скажи, куда пошла?

— Не скажу, яга-баба.

— А не скажешь, так не добро буде.

— К братанам в гости пошли.

— Пойдем вместе.

Вот и идут с ягой-бабой. Пришли к реке, она и говорит:

— Станем мы, девушка, купаться.

— Нет, тетушка, я не вспотела.

— Станем да станем.

Ну, вот не могла она отдуться, девушка скинула рубашки, она вперед девушки и скочила из воды и надела девушки сорочку. Она говорит:

— Отдай ты, тетушка, сорочку, отдай ты.

— Ладно, — говорит, — ладно. Маленько повремени, пойдешь лесом, я отдам тебе.

И пошли вперед. Шли, шли, шли, она и говорит:

— Тетушка, отдай ты платье-то.

— Ладно, подойдем.

Шли лесом и стали братневы поля видны. Она говорит:

— Тетушка, да уже братневы поля видны.

— Ну, ладно, подойдем к огороду, отдам.

Шли, шли, колько ни места к огороду подошли, стало уж братнин дом видно.

— Тетушка, отдай платье, вот беда-то.

— Ну, ладно, погоди, на крыльцо придем.

На крыльцо пришли. Она говорит:

— Тетушка, отдай ты платье.

(А как, красиво разве на крыльце, братья найдут?)

— Опосля как в избу придем, так у порога отдам.

А в избу двери отворила, она побаюкала:

— Здорово, братцы, здорово, родимы. (В ейном платье-то.) А та у порога стоит.

— Здорово, сестра, здорово, родима. А эта тут у тебя чья?

— А тут в лесу привязалась нака-то тряпошна да лохмотна, куда денешь?

Ну, гостью, забегали, застречали угощать, а она все у порога стоит, не смеет и пошевелиться. Говорит:

— Ой беда, что мне будет?

— Куда нам эту гостью? (Спрашивают братья.)

— А не знаю, привязалась ко мне, оставить на сеннике, завтра пошлем коней пасти.

На утро стали, брат и говорит:

— Ну-ка, вставай, пойти коней пасти.

Дали ей с собой камень да щепинку вместо хлеба, не гостья ведь, привязалась. Выгнала скота на поскотины, сама стала плакать.

— Дойдите худы вести матери Марье и отцу Ивану, ем камень, а грызу щепину.

Поплакала, поплакала. Вечер пришел да коней погнала домой. Пригнала домой, опять:

— Иди на сенник, там ночуй.

На другое утро опять пошла, коней погнала в лес на поскотину, опять камень да щепину дали. Стала плакать. А брат пошел смотреть, знаешь, как пастух коней пасет и слышит, что пастух плаче, и послушал, что пастух плаче. Ну, вечер пришел, опять скоро загонила в конюшню и опять завалилась на сенник спать. Брат и говорит:

— Что, — говорит, — ну, братья, думаю, что это нам не сестра, а сестра та, котора коней пасет.

— Ну ладно, — говорят, — завтра пойдем, так послушаем.

(А она) сидит в лесу да плачет, что «придите худы вести матушке Марье да отцу Ивану».

— У нас ведь мать Марья да отец Иван, так сестра, верно, уж.

Ну, наутро опять погнала коней пасти на поскотину. Опять пришла, пригонила, сама села на клочь да стала опять плакать, что «дойдите худы вести матушке Марье да отцу Ивану, ем камень да грызу щепину».

А опять другой брат и пошел слушать, что пастух там плачет. Слушал, слушал, вечер пришел, смотрит, пастух погонил коней.

— Вот, — говорят, — седни пастуха позовем в избу.

Ну позвали пастуха.

— Поди-ко, пастух, к нам.

А эту ягу-бабу выставили за дверь. Вот и спрашивают ее:

— Чего ты плачешь?

— Да яга-баба сманила меня, стали купаться, взяла мое платье. Вот она с вами поздоровалась, а я сказать не смела.

Ну, братья сестру посадили, напоили, накормили и спать повалили.

— Ложись отдохнуть, трое суток поголодала, так будет.

Ну, а ягу-бабу взяли на ворота, расстреляли. Стали жить да поживать, да добра наживать. Жили с братьями и до сей поры живут в лесе.

60. ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Вот жили-были старик со старухой. У их дому не было, они жили в старом корыте, и то колото. Ну, вот жили, старик все ловил рыбу. Закинул старик невод, старику попала рыбка, не простая, а золотая. Вот старик не знат, что с рыбой делать, куда рыбу положить? А рыба по-человечески заговорила:

— Отпусти, старичок, в море меня.

Старик спустил в море рыбку. Пришел домой старик и хвастает:

— Вот, старуха, попалась мне рыбка-то, не простая, а золотая.

— Куда клал рыбку-то?

— Да она вот по-человечьи заговорила, сказала: «Отпусти меня, старичок, в море, я тебе пригожусь». Я и отпустил.

Старуха говорит:

— Экой ты глупой, простофиля, взял и отпустил рыбку. Хоть бы что-нибудь попросил ты у рыбки, бесцутной старик.

Старуха старика наругала.

— Иди к морю, проси хоть ново корыто. Старо корытишко раскололось.

Старик пошел к морю. Приходит к морю и говорит:

— Смилуйся, государыня рыбка.

— Что тебе, старичок, надо?

— Старуха меня ругает, не дает покою, просит ново корыто.

— Иди, старичок, домой с богом, будет тебе ново корыто.

Идет, а старуха уже в новом корыте сидит, старого уж нету.

— Глупой ты, старик, просишь корыто, хоть бы просил избу, бестолковой и простофиля.

Старуха старика ругает, бранит. Старик опять пошел к морю.

— Смилуйся, государыня рыбка!

Рыбка и пришла.

— Что тебе, старичок, надо?

— Старуха еще пуще на меня ругается, «дурачина ты, простофиля». Старуха меня ругает и просит избу. Куда с корытом, как избы нет?

Рыбка говорит:

— Иди, старичок, спокойно домой, будет тебе изба.

Идет старик домой, старуха под окном в избы сидит, изба с косящатыми окнами и дверь. Старик приходит домой в избу. Старуха на старика еще пуще вздурила.

— Такой ты, сякой ты, простофиля, хоть бы просил еще. Не хочу быть крестьянкой, а хочу быть столбовою дворянкой, не хочу в этой келье жить.

Пошел старик опять к морю. Опять и говорит:

— Смилуйся, государыня рыбка, старуха еще пуще на меня сдурела, не дает мне покою. Старуха не хочет быть крестьянкой, а хочет быть столбовою дворянкой, чтобы все, — говорит, — мне на готовое подали.

— Иди, старичок, к дому, все тебе будет, иди с покоем.

Приходит старик домой. Старуха уже сидит не в той келье, старуха ходит столбовою дворянкой. Сидит старуха хороша, стала нарядна, бела. Старик и говорит:

— Ну, старуха, до житья теперь ты дожила.

А старуха на старика еще пуще-то сдурела.

— Такой ты, сякой, простофиля. Будто я буду жить столбовою дворянкой. Иди к морю, не хочу быть столбовою дворянкой, а хочу быть царицей. Уведите его прочь.

Пошел старик к морю, запечалился, думает: «Что рыбка мне скажет? Дурна старуха». Пришел старик к морю. Опять к рыбке поклонился.

— Смилуйся, государыня рыбка.

— Что тебе, старик, надо?

— Старуха моя еще пуще того сдурела, не хочет быть столбовою дворянкой, а хочет быть царицей.

Рыбка сказала:

— Иди, старичок, с покоем к дому, все тебе будет.

Идет, а старуха сидит в царской палаты, царская парча у ей на себе, слуги за ей ухаживают. Старуха и говорит:

— Не спускайте старика, простофилю беспутного, пусть там сидит на улице, куда мне с им, со старым.

Потом старуха старика позвала:

— Позовите-ка старика.

Сидит старуха в шелковой парчи. Пришел старик. Старуха старика еще пуще бранит:

— Такой ты, сякой ты, простофиля.

А старик и говорит:

— Ну, старуха, неужели у тебя душенька не наполнилась? Что тебе еще от меня надоть?

— Гоните его прочь, чтобы его не было. Не могу глядеть на старика, старый да худой, а я царица. Не хочу быть царицей, а хочу быть морской царицей, чтобы рыбка мне служила в услугах, что я захотела. Пойди к морю!

Старик пошел, бедный, к морю, опять запечалился. Думат: «Уж идти-то не смею, что делать-то со старухой?» Ну, старик приходит к морю. Печальный сел старик у моря, поплакал, поплакал, попечалился.

— Домой идти не смею, старуху боюсь и у рыбки просить не смею больше ничего.

И попросил. Снянул шапку, поклонился в море:

— Смилуйся, государыня рыбка, нету от старухи покою.

Вот рыбка приплыла.

— Что тебе, старичок, надоть?

— Не дает мне старуха покою. Все ругает, бранит, не знаю, что со старухой и делать. Не хочет быть царицей простой, хочет морскою царицей быть, чтобы ты у ней была в прислугах.

А рыбка сказала:

— Иди, старик-старичок, к старухе, а не хочет так жить, так пусть идет в старое корыто.

Пошел старик. Идет домой, а старуха в том же старом корыте сидит. Старик и говорит:

— Не умела ты, голубушка, в добре жить, так сиди-ка в старом корыте.

Остались старик со старухой в старом корыте жить и до сей поры живут, нового не могли нажить.

Сказка вся, больше врать нельзя. Весь рассказ, как глупая старуха не умела жить царицей.

61. [ЖЕНИХ-РАЗБОЙНИК]

У попа было три дочери. Они вечерины сидели. Пришли к ним три молодца, нарядны покрутно, повечерь были, по другой были, по третьей пришли это все нарядны, да красивы, да молоды. Один стал как будто уж и сватать младшую дочерь замуж, назвал «любушка-сударушка». Ну, вот они и спрашивают:

— Где вы живете?

Они говорят:

— Мы живем в лесях, дом у нас хороший, зеленой краской крашен, комнат много.

Зовет, знашь ты.

— К нам приходи, вот утром встанешь со сна, к нам приходи.

— Как мне, — говорит, — к вам попасть-то?

Ну, вот он и говорит:

— Как утром встанешь, пойди на берег таз полоскать и посмотри за левый угол пристани. Там есть горохова дорога и по этой дороге пойди, таз оставь на пристани и по этой дороге пойди в лес. Вот, — говорит, — там по гороховой дороге идешь, идешь, потом пойдут мостки, по мосткам идешь, идешь, — говорит, — потом придет зеленый дом большой. Вот придешь, открой дверь, и там есть у нас комната, и зайдешь в комнату. В этой комнате стоит стол, на столе три стакана стоит с хрустальными блюдцами и в каждом стакане серебряна ложка. Есть и три завесы, одна розового ситцу, друга красного, третья голубого. И мы тамотка и живем в этом доме.

Вот она это выслушала, он и говорит:

— Так, любушка-сударушка, к нам и бежи.

Она наутро встала, избу опахала веником, таз ваяла и пошла на реку узнать, где дроля живет, какой дом. Вот и пошла по левую руку, нашла там горохову дорогу. Как сказано по писаному, да по писаному шла, шла, шла, нашла мостки, по мосткам вперед пошла. Видит, стоит дом большой, зеленой краской, как сказал, так и есть. Она дошла до этого дому, открыла дверь и выстала на лестницу, и нашла комнату эту; стоит стол, на столи три стакана, серебряны ложки и потом три кровати, у кажной кровати завеса, у одной розово-

го ситцу, у другой голубого, у третьей красного. Пришла в комнату, нет никого, кавалеров нет. Она и подумала, подумала. Назад пойти не смет, да и сидеть не смет. Взяла под тую кровать свалилась, розового ситцу. Думат: «Однако, кто не придет, а свалюсь уж».

Много ли, мало ли она лежала, вдруг слышит стук, гром, идут. Отворили дверь, привели девицу-красавицу, нарядную покрутно и колец полны руки. И начали с ей плясать, танцевать, стали водить по комнаты, комнаты большие. А она-то все под кроватью сидит. А он говорит:

— Вот кабы любушка-сударышка была, так и ей бы такая честь была.

— Нет уж, — думает, — ой уж, не выйду, что еще будет.

Вот водили, водили. Старший и вскочил:

— Чурка!

— Ой, беда, — думает, — что еще будет.

Взяли у ей руки и отсекли, с руки покатились кольца и ей под кровать. Тут недосуг было любушке-сударушке выскакивать. А кавалер-то ейный и говорит:

— Вот кабы любушка-сударушка была, така же ей и честь бы была.

А она под кровати лежит.

— Тут мне и смеретушка.

Покатилось кольцо и ей под кровать, она и думат: «Вот как пойдут кольцо искать, мне и смерть».

А старший и говорит:

— Пойдем за кольцом?

А этот говорит:

— Нет, недосуг нам кольцо искать, пусть полежит. Пойдем, пока праздничная обедня идет. Потом найдем.

Ну, вот они и побежали, покуль праздничная обедня идет. Она как послушала, послушала, слышит, никого нет, выскочила из-под кровати и, унеси мое горе назад, по гороховой дороге. А дома дожидают:

— Куда ушла с тазом?

Как домой пришла, еле только дотянулась, чуть живая, колени не шевелились. Через порог как шагнула, так и пала. А родители думают: «Что с ей случилось?» К сударушке сунулась, дак. Ну вот, очуствовалась, все отцу рассказала, где была и что видела. Отец саблю наточил и сел гостей дожи-

дать. Вот наточил саблю отец и принял на вечеру. Она говорит этому любушке-государушке:

— Я сегодня во снях у вас была.

Он говорит:

— Как живется, так и врется.

— Будто, — говорит, — посмотрела за угол, там пороховая дорога. Я по пороховой дороге бежала, бежала и нашла мостик, по мостикам бежала, видела там зеленый дом будто в лесу стоит, большой, красивый, зашла в дом, нашла комнату, у вас там три стакана нашла и три кровати.

А он и говорит:

— Ну, любушка-сударушка, как живется, так и врется, у нас это правда есть, правда.

— Я это под розовую кровать и повалилась. Лежала, лежала под кроватью, вдруг слышу, идут. Привели девицу. Я из-под кровати вижу, девушку привели будто красавицу. Вот, — говорит, — будто вы стали с нею тайшевать, стали ее целовать.

— Так, — говорит, — любушка, это было у нас, как живется, так и врется.

А отец там за дверями стоит уж.

— А старший атаман, — говорит, — воскликнул: «Чуркуй!»

— Ну, — говорит, — этого у нас не было.

— А ты говорила: «Как бы любушка-сударушка была, такая бы ей честь была».

— Вспоминал, — говорит, — вспоминал.

— Вы у девицы руки отсекли, кольцо покатилось под кровать.

— Вот это, любушка, уж просто, этого уж у нас не было.

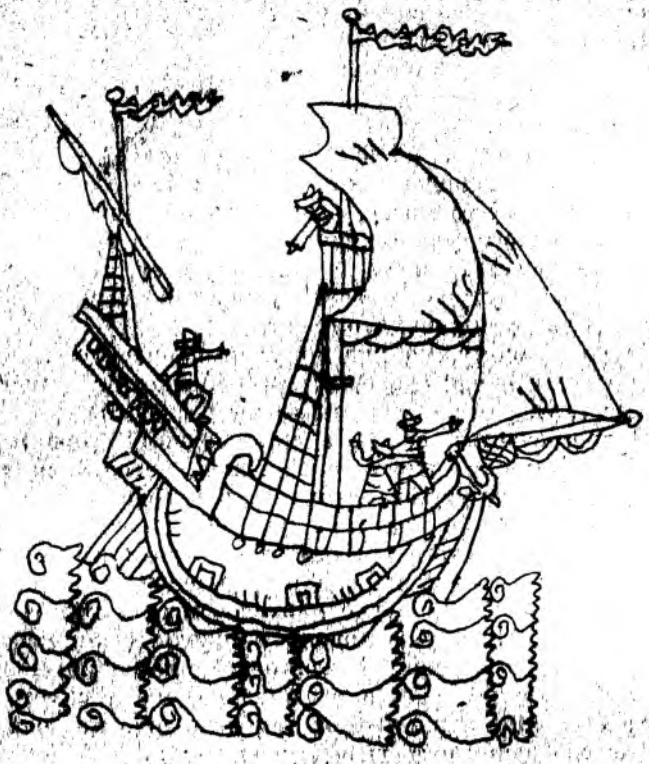
— Я, — говорит, — лежала под кроватью, боялась, как вы пойдете кольца искать, так бедной мне смерть. А один говорит, что «кольцо идти искать», а другой говорит: «Нет, пока празднична обедня еще, идем свататься».

— Ну, — говорит, — нет, это пусто.

— Я, — говорит, — из-под кровати выскочила, дай бог ноги.

Отец дверь раскрыл да все головушки отсек. В этом доме нашли столько капиталу, так и подумать не могли. Вот они и до сей поры живут с богатством.

Сказка вся, больше врать нельзя.



КОЛЕЖМА

Степан Павлович Егоров, 63 г.

62. ЧУДЕСНАЯ ПТИЦА

Жили-были в деревне два брата, один богатый, другой бедный. У богатого семья была только одна жена, а у бедного два мальчика и жена. Один занимался торговлей — богатый, а бедный большую часть времени работал у него на полевых работах. Бедный всегда боялся богатого, что он только его ни заставит, дак он всегда старался пораньше приходить на работу. Как-то раз богатый и говорит бедному брату:

— Приходи завтра пораньше на овин молотить.

Вот он утром встал рано-рано, еще никто не шевелился, и пошел на овин. Приходит к овину, а там уже кто-то молотит. Вот он и думает:

— Проспал долго, кого-то брат послал уже другого.

Подошел к овину и спрашивает:

— Кто овин молотит?

Ему отвечают те из овина:

— Это богатого счастье.

А он и говорит:

— Счастье, счастье, а где же мое-то счастье?

— Твое счастье под мостом, спрятано под мостом. Иди по тропинке к такому-то мосту, выруби дорогой дубичок рябиновый, приди на мост, ударь дубичком три раза по мосту и скажи: «Полно, счастье, спать, а мне, бедному, горе горевать». Оттуда выплывет утушка — золотые перышки, возьми ей и неси домой. И там увидишь, что будет.

Вот по сказаному, по писаному он направился таким путем к мосту. Срубил здоровый прутышек этот самый, пришел на мост, ударил три раза по мосту и сказал:

— Полно, счастье, спать, а мне, бедному, горе горевать.

Выплыла утушка — золотые перышки, которую он заимал, принес домой. Эта утушка стала садить золотые яйца. Стал продавать он эти яйца за хорошую цену и стал поправлять свое хозяйство. От этого разбогател, построил себе дом хороший, занялся торговлей и дело пошло очень хорошо. Потом, мало этого, он сработал судно парусное и стал ходить за границу торговать. Дети уже ходили в школу, были небольшие. Жена занималась домашней торговлей, домашними делами. Так как он уходил надолго в плавание, жена за это время прибрала себе любовника, и вот так дело шло несколько времени. Этот любовник стал выпытывать у ей:

— Вы раньше были бедны, а теперь сделались богаты в скором времени. Отчего вы так скоро разбогатели?

— А вот, — говорит, — у нас есть утушка — золоты перышки. И вот от этой утушки мы и разбогатели.

— А покажи-ка мне утушку.

Вот она и показала ему утушку. Хозяин и хозяйка были неграмотны и не знали, что было в этой утушке, особенности какие. Этот молодой человек был грамотный, а на утушке было на крылышках написано: «Кто право крылышко съест, если жарить, будет царем на царство. А лево — быть князем».

Он прочитал и говорит:

— Изжарь мне эту утушку завтра.

— Как же, — говорит, — я изжарю, а муж приедет, что мне скажет, куда девала?

— Ну как хочешь, — говорит, — не изжаришь, я тогда не буду к вам ходить.

Ну она решилась. Приказала служанке:

— Изжарь к завтраму эту утушку.

У них была служанка одна. Она слышала этот разговор, что говорил молодой человек. Когда изжарила эту утушку

на завтрашний день, то крылышки отдала, право крылышко старшему, а другое младшему, а мясо молодому человеку. Когда она принесла, то он и говорит:

— Где крылышки?

— Я крылышки отдала мальчикам.

— Мне, — говорит, — нужны крылышки, а утушка мне не нужна. Завтра ты изжарь-ка мне этих мальчиков.

Ну, жена так и сяк, и понекалась. Он опять пригрозил ей, и она решилась.

— Как, — говорит, — я скажу мужу? Приедет, — говорит, — муж, спросит, где мальчики.

— А я научу тебя, что делать. Зажги дом и скажи, что мальчики сгорели и все хорошо.

— А как же, — говорит, — мы тогда обеднеем.

Ну она приказала кухарке изжарить этих мальчиков, а кухарка была добрая, она любила этих мальчиков. Ей показалось страшно это сделать. Когда мальчики пришли из школы, эта кухарка им сказала все это, что вот так и так, вас приказано изжарить.

— Вот вам, возьмите на дорогу провизии и понемножку необходимое белье.

Дала своих денег, сколько у ей было, и ночью отправила их.

— Уходите, куда можете прочь, только подальше от своей деревни.

Ну, мальчики ушли ночью, а кухарка наутро зарезала двух собак-щенят, изжарила и принесла этому приятелю мясо. Вот он попробовал мясо это и говорит:

— Собачиной пахнет.

Ну, все-таки мясо дак мясо. Поел сколько мог и успокоился, думает получил, что хотел.

Время подошло к осени, когда нужно явиться мужу из плавания. Жене делать нечего, пришлось в ночно время подожгать свой дом. Дом сгорел, она вышла только-только что вынесла на себе, чтобы не было никакого подозрения, а сама выбралась на квартиру. Все дотла сгорело. Кухарка эта ушла прочь, делать нечего. В это время дорогой настиг шторм, и мужа на корабле разбило, корабль погиб. Он с командой вышел, только что вынес на себе. Думает, что приедет домой, все-таки жить можно, утешился хоть на это. Когда явился домой, от

дома одно пепелище. Осталось только одна баня, в котору они и поместились с женой.

Спросил про детей, где утушка.

— Все это сгорело, — сказала жена.

И он поверил.

Ну и вот стали жить в этой бане, пришлось работать, весь капитал рухнул сразу. Знала только одна кухарка да этот молодой человек.

Они, конечно, ничего не сказали.

Эти мальчики ушли ночью и потом пошли из деревни в деревню, все дальше и дальше. Прошли границы и перешли в другое государство, где не было тоже царя. Когда они подошли к столичному городу, то вызвались к одной старушке на квартиру. В это время собирались все люди в собор, покупали в руки свечку. Так же эта старуха отправила этих мальчиков, дала им денег, так как у них своих денег не было. И вот когда продолжалась служба, стояли все люди со свечкой в руках, но не зажигали. Постановлено было следить за любым, у кого свечка зажгется.

Вот когда эти люди все собрались, эти мальчики тоже пришли, вот у них у этих мальчиков у одних загорелись свечки в руках. Вот этих люди, говорят, назначили одного царем, а другого наследником, за малолетством их назначили людей, которые за их управляли. Вот они устроились эти два брата, прошло несколько времени, когда пришли они в совершенны лета, власть перешла полностью в их руки. Старший брат и говорит:

— Как бы нам узнать, что делается с отцом, жив он или нет?

На время оставили министров, а сами поехали наведываться на свою родину. Приехали в свою деревню бывшу, где жили раньше, не знают, что за это время случилось у их отца.

Пришли на то место, где стоял дом, дома нет. Спросили у прохожих:

— Где такой-то человек, имел дом и суда?

Ну, там им сказали, что дом их сгорел, судно разбило и он сделался такой же бедный, как был раньше, и живет в бане. Ну, они остановились где-то там на квартире в гостинице на время, а когда стемнело, пришли вот к этой бани, где отец, и стали даваться ночевать, оделись, конечно, в простое платье.

— Ну, старик вышел и говорит:

— Что вам нужно?

— Пусти нас, хозяин, переночевать на ночь. Мы запоздали в пути.

— Пустить-то, — говорит, — я не прочь, да видишь, у меня комната такая, что тесно будет.

— Ничего, дедушка, поместимся. Нам не сколько места надо.

А хозяйка ругается на старика:

— Куда напустил, самим тесно, а тут еще постояльцев.

Но хозяин все-таки настоял, пустил.

— Ну, нам ничего не надо, ни приготовлять, ни что, а только отдохнем, а утром в путь.

Ну, уговорились, приютились в уголочке, разместились все спать. Хозяин с хозяйкой тоже спать легли. А хозяину почему-то не заспалось, стал расспрашивать их, откуда да куда. Ну, они насказались прохожими, «ходим по работам». Вот хозяин говорит:

— Когда вы ходите, не знаете ли какой-нибудь бывальщины рассказать или сказки?

Один и говорит:

— Я-то, — говорит, — не знаю, а вот товарищ больше бывает, так бывал что-нибудь и расскажет вам.

А хозяйка ворчит:

— Какие тут еще сказки, спокою не даете ночью, да то, да другое, — говорит.

Вот они и начали рассказывать собственно про свое, что они знали, ту жизнь, как отец жил в бедности, как разбогател до того места, как они знали, как кухарка их отправила. Дальше они, конечно, ничего не знали. У старухи со стариком вышел скандал, когда они все рассказали. Ну, старик все-таки успокоил старуху, как умел. А они заставили достать огонька. Когда старик достал огонька, они успели уже снять с себя всю эту одежду и остались в форменных мундирах. Старик увидел, что тут не простые странники, а люди знатные, упал в ноги, прощать, старуха вслед. Ну, они подняли отца и сказались, «вот твои сыновья». Мать еще больше испугалась, повалилась в ноги, но на это не стали обращать внимания.

Отца они заставили одеться и взяли с собой, а матерь оставили.

— Ты не заслуживаешь нашего поднятия и оставайся как знаешь.

Увезли отца на квартиру, где они остановились. Потом расспросили, где эта живет няня, которая их спасла от смерти.

Когда няня явилась, она отцу досказала всю эту остальную историю, чего они не знали, как сгорел дом и все. И взяли они эту няню с собой и отца, стали царствовать и там стали жить.

Анна Тимофеевна Сопунова, 48 л.

63. КАК БРАТ СЕСТРЕ РУКИ-НОГИ ОТСЕК

Жил в деревне мужик да жена, у них были сын да дочка. Вот мужик да жёнка стали постарше, им стало жить беспокойно в деревне. Мужик своей женке и говорит:

— Сработаем себе келейку у реки, там старушка жила, да будем там жить, нам спокойнее будет, не слышно будет нам там, как с гармошкой ходят да с песнями.

Детей туды оны увели маленьких, жили оны в лесях, детей не спускали в деревни гулять. Никуда не пускали, сами за хлебом сходят. Ну дети этих родителей слушают. Потом родители эти стали пожиты. Потом отец уж заболел, умирать стал, отца не стало, оны на гулянку не ходют. Ведь время-то идет, сказка-то скоро сказывается. Потом мать заболела, потом померла. Как она запомирала, она сказала своим детям: сыну не жениться, а дочери замуж не выходить. Оны матерь похоронили, и стали брат с сестрой жить.

Брат и говорит:

— Сходить бы нам в деревню погулять.

А сестрица и говорит:

— Что нам мать сказала?

А брат сестру не послушал и пошел гулять в деревню. И там погуляет да и опять придет домой. Прибрал там барышню себе, а потом через несколько времени говорит:

— Сестрица, я женюсь.

Сестра брату и говорит:

— Братец, а что нам родители приказывали? Тебе не жениться, а мне замуж не выходить.

Брат и говорит:

— Я, — говорит, — женюсь, приготовляйся, я свадьбу приведу.

Ну, вот она и плачет да приготовляется, а он и собирается идти за невестой. Он ушел за невестой, а она все приготовила да ушла в другу келью сама, а потом видит, что свадьбу ведут. Свадьба пришла, за столы садятся, видят, что хозяйки нет. Брат пришел, видит, что сестры нет. Брату стало неловко, невеселый стал. Так свадьба прошла, все гости разъехались, оны остались только двое со женой-то своей. Потом брат стал к сестры ходить, а сестра к ему в дом не пошла. Он туды придет — спроситься, откуль придет — скажется. Потом у его жены стал ребенок они уже жили, верно, год. Потом жена не взлюбила мужа, что к сестры ходит. Муж уйдет, а она возьмет сад сожгет под окном. Муж придет, она и скажет:

— Вот, — говорит, — ты к сестры ходишь, а она, — говорит, — посмотри, сад сожгла.

Ну, дак муж ничего не сказал. Ну, потом она возьмет коня зарежет у него, это все жена. Он пришел, а жена опять и говорит:

— Вот ты к сестры ходишь, а она коня зарезала.

А он все сестры не говорит ничего, сам к сестры ходит да ничего не говорит. Потом она своего младенца зарезала. Вон он пришел, она и говорит:

— Вот ты к сестры ходишь, а она младеня зарезала. Я куда-то обернулась, в хлев пошла, а она заревала.

Затем он сестру позвал в гости. Ну, сестра сперва не шла, потом пришла, погостила, потом он запряг коня и говорит:

— Сестрица, поедем гулять в город.

Город был недалеко. Ну, вот она села и поехали. Несколько место в лес отвез, да и отсек руки да ноги у ей за это, что жена сказала. Ну и оставил ей на месте, отсек руки по локтя, да ноги по колен. Ну, она тут плавала да ходила, да нашла лисью нору и запихалась туда. А потом из города купца сын ходил на охоту с собакой. Вот он шел мимо этого места лесом. Ну вот собака учуяла человека и стала разрывать эту нору, разрывает и воет, а за ним вслед не бежит, он дальше пошел. Он потом приходит к этой норы да и спрашивает:

— Кто такой там есть? Ежели, — говорит, — старичок, дак пусть мне дедушка, а ежели старушка, будь мне бабушка, а ежели середи веку мужик, дак пусть мне дяденька, а ежели середи веку женщина, дак пусть мне сестрица, а если молодец, дак пусть мне братец, а если красная девица, дак пусть богосуженая.

Вот она и отвечает, что «девица, да выйти не могу, нет у меня ни рук, ни ног».

Ну, вот он и стал ее доставать оттуль. Достал и понес ее домой к отцу, к матери. Принес к отцу и к матери и сказал, что вот моя жена. Ну отец с матерью приняли, и потом они несколько там и жили год ли, два ли, а он все ходил полесывал. Она стала в положении и родила сына. А он все ходил да полесывал, да останавливался на квартеры у брата того. Она родила, да отец с матерью послали прислугу с запиской, что вот родила жена, а прислуга приносит записку, заходит в избу, и выходит ей женщина из верху, а они-то там вверху сидят и спрашивает у ней:

— Зачем пришла?

Она подает записку ей. Она записку взяла эту и понесла кверху, а до него не донесла и сама на другой стороне написала: «Отвезти в лес и жену и сына». (Она узнала, что это золовка.)

Прислуга пришла обратно со запиской, а прислуга думает, что от его записка. Принесла записку, сдала хозяевам, а хозяева прочитали и расплакались. Привязали ей младеня к гру-

дям, одели в теплую одежду и отвезли ей в лес. Отвезли в лес, да в лесях оставили там. А он пришел домой и спрашивает:

— Где там моя жена?

А они ему говорят:

— Зачем ты написал эту записку, что отвезти ей в лес с детенком?

А он и говорит:

— Я никакой записки не принимал.

Вот он пошел ей искать, а потом в лесях найти не мог.

Ну, вот она ходила, бродила, много горя приняла, без рук, без ног уж побродишь в лесе, а потом прибрела она к озеру. Ну и потом захотелось ей напиться, и стала она пить, а потом упустила своего младенца в озеро и стала плакать. А стать она не может, потому что у ей ног нету. А потом ей над головой и сказали кто-то, послышалось ей:

— Окуни свои руки и ноги и вырастут у тебя, и достанешь своего младеня.

И выросли руки и ноги у ей, и достала своего младеня. Только достала из воды младеня, и младень на ногах побежал, а только младеню три месяца времени.

Ну, потом младень ей и говорит:

— Мама, поди, — говорит, — я тебя доведу до твоего брата, больше нам идти некуды.

А она-то смешалась, не знат куды идти. Она и говорит:

— Что ты, дитя, тебе только три месяца, ты пойдешь, упадешь.

И он пошел, матери и говорит:

— Иди за мной вслед.

Ну она и пошла за им вслед. Там несколько времени шли по лесу, вот он и приходит к тому же месту, где брат у ей руки-ноги отсек.

— Вот, — говорит, — мама, на этом месте у тебя брат руки-ноги отсек.

А потом привел к той норы, где она жила и говорит:

— Вот, мама, ты в этом месте жила.

А потом повел к брату ейному. Ну потом приходит к брату, а брата дома нету. Подавались они ночевать к женщине, а женка брата не пустила.

— Куды, — говорит, — всяких нищих.

А у брата уже была лавка; торговал ларьнам. Они отворотились от ворот и пошли до брата, до хозяина. Дошли до хозяина и подавались. Он говорит:

— Подьте, хозяйка пустит.

Они говорят:

— Мы, — говорят, — были, а хозяйка не пустила.

Он говорит:

— Ну, сейчас я закрою и идем со мной.

И потом приводит он их к хозяйке, говорит:

— Ты зачем не пустила, когда ночь пришла, им на улицах не ночевать.

Потом он приказал ей их накормить. Ну, вот она их накормила и повалилася отдыхать. А в тое время само пришел полесник, ейный муж, этого младеня отец. Полесник туда ушел вверху, там они сидят чайничают.

А младень и говорит:

— Мама, какие у них гости?

— А не знаю, — говорит, — у них какой-то сидит мужик, полесник.

— Мама, позволь сходить кверху, а не мой ли папа сидит?

Потом она его не пускает. Все-таки он не послушал ей, пошел кверху. Прибежал, у дверей постучался да подавался, что можно ли зайти. Когда он зашел кверху и поздоровкался не так, что папа, а здравствуйте, — говорит, — им что-то и пало. (Я не умею как сказать, а что он маленький да так сказал.)

А они говорят:

— Мальчик, небось, — говорят, — ты побывальщины какой знаешь?

А он говорит:

— Я, — говорит, — знаю бывальщины сказать, а только эта женщина будет перечить, — это на хозяйку-то.

Вот ему стали говорить:

— Расскажи, а мы ей не дадим перечить, а как поперечит, дак мы ей скажем, пусть 100 рублей денег даст.

Младень-то и стал все рассказывать, как в лесу жили мужик да женка. Он как стал сказывать, она ему три раза и поперечила. Вот он стал сказывать, что жил мужик да женка и у них были сын да дочка, они поселились в лес, да детей своих на гулянку не пускали. Отец, мать померли да приказали одному не жениться, другой замуж не идти. Потом он сестры сказал, что я буду жениться. Он уехал за невестой, а сестра все приготовила и сама ушла в другу избушку. Ну вот свадьба пришла, видят, что хозяйки нету, и брат не с весельем свадьбу провожал. Ну, вот стали они жить, а он стал все к сестры ходить. Куды пойдет, спросится, откуль придет, скажется. А она, невестка, не взлюбила да сад сожгет.

Он как сказал это, она тут ему и поперечила:

— Не ври, — говорит, — всяких нищих пускаете, да все врут.

Он говорит:

— Ну не буду говорить.

А муж говорит:

— Неси сто рублей.

А он сидит на коленях у отца. Вот он деньгами принял да и говорит:

— Позвольте мне вниз спуститься да эти деньги мамы отдать.

Вот оны его и спустили, он и побежал. Он и говорит:

— Вот я тебе деньги принес.

— Да ты не украл ли?

— Нет, — говорит, — я не украл. Мама, — говорит, — там ведь наш папа сидит.

Он опять и побежал туда кверху. Пришел, опять сел на колени и стал опять вперед говорить. Потом стал сказывать.

Вот пришел муж домой, она и говорит:

— Вот ты к сестры ходишь, а она и сад сожгала.

Потом она взяла коня зарезала. Муж пришел, а она и говорит:

— Вот ты к сестры ходишь, а она коня твоего зарезала.

Он ей ничего не говорит, а к сестры все ходит. Потом опять взяла, больше делать нечего, она своего младеня зарезала. Муж пришел, она и говорит:

— Вот ты к сестры ходишь, ходишь, а она нашего младеня зарезала.

Вот она опять и поперечила.

— Вот, — говорит, — вралища, такой маленький, а врет, будет она своего младеня резать.

Он говорит:

— Ну, не буду говорить.

Она и вынула опять сто рублей. Он и говорит:

— Я пойду мамы снесу. (Верно боится, что отоймут.)

Потом опять и побежал кверху, снес матери дак уж, вот и стал рассказывать.

— Брат злился, а пригласил ее в гости, запряг коня и повез в город, завез в лес и отсек ей там руки да ноги. Ну, потом она горько плакала и нашла лисичкину нору, и потом туда она запихалась. Потом из города купца сын-охотник ходил на охоту, шел мимо этого места, собака прибежала к этой норы и лает, просто как плачет и не отходит от этого места. Воротился охотник к собаке и спрашивает:

— Кто в этой норы? — спрашиват. — Что старый старичок, будь мне дедушкой, а что стара старушка, будь мне бабушкой, а ежели среди веку мужик, дак пусть мне дяденька, а ежели среди веку женщина, дак пусть мне сестрица, а если молодец, дак пусть мне братец, а если красная девица, дак пусть мне богосуженая.

Ну, вот она там и сказалась. Он ей вытянул оттуль и принес к родителям, и стала она его жена, и она стала в положении. Когда она родила этого младенца, тогда не стало мужа дома, он ушел на охоту. Потом послали с прислугой запис-

ку, женщина и спрашивает ее, хозяйка-то. Она спросила эту записку, прочитала ее, до его не донесла, а сама написала, что отвезти младеня и матерь в лес.

Она поперечила.

— Ну, — он говорит, — не буду сказывать больше. Дайте сто рублей денег.

Ему отдали сто рублей. Да он их к матери снес, пришел обратно и досказывает.

— Свекор да свекровка заплакали, и повез свекор в лес ей. Она горько плакала, и немного в лесях она шаталась, немного времени, и пришаталась она к озеру, и захотелось ей напиться, и опустила в озеро младеня. Она плакала, и кто-то ей вверху сказал:

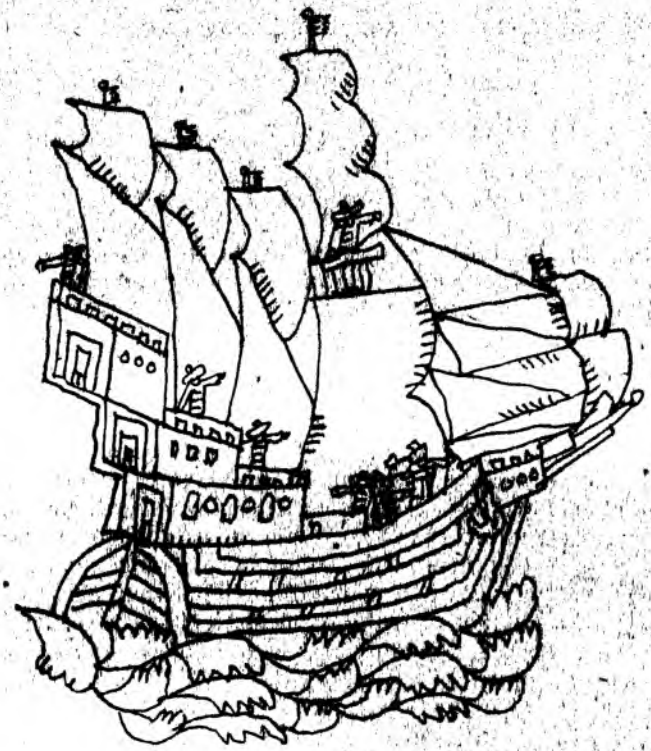
— Опусти руки и ноги в озеро и достанешь своего младеня.

И достала она своего младеня. А как достала, он и побежал, на ногах побежал, и привел ей к тому месту, где брат отсек руки и ноги, и к той норы, где она была и все ей показал, и потом привел к своему брату и подавался ночевать. Эта женщина не пустила их. Пришли мы, подавались к хозяину, хозяин пустил нас и напоили, накормили нас, и повалились мы спать, потому что мы устали. Ну и потом услышал я, что вверху есть какой-то гость, и я пошел посмотреть.

А потом говорит:

— Здравствуй, папенька, я твой сын.

А этот хозяин вышел из-за стола, жену связал и из ружья застрелил. Ну и потом полесник-то, охотник, забрал свою жену и поехал домой, и младеня забрал. Вот и все.



НЮХЧА

Клавдия Ивановна Анастасьева, 66 л.

64. КАК ПЕТУШОК ЗАДАВИЛСЯ ПОПОВЫМ ЗЕРНЫШКОМ

Жили-были братец да сестрица. У их был петушок, он все ходил к попу на поле клевать зарнышка. Клевал, клевал да и удавился зернышком поповым. Пошла сестрица, заплакала, что петушок задавился, и пошла к реки просить воды.

— Река, — говорит, — река, дай ты мне воды, петушок задавился поповым зернышком.

А река говорит:

— Иди к липы, проси листу. Липа пусть мне дает листу, дак я даю воды.

Она и пошла к липы:

— Липа ты липа, дай-ка мне листу. Лист надо воды, вода надо — петушок задавился поповым зернышком.

Липа не дала листу. Говорит:

— Иди к коровы, проси масла. Корова дает масло, дак я даю и листу.

Она и к коровы пошла:

— Корова ты корова, дай-ка мне масла. Масло надо липы, лист нать реки, река дает воды, петушок задавился поповым зернышком.

Корова говорит:

— Иди к сенокосцам, проси сена. Сенокосцы дают сена, дак я даю и масла.

Ну и пошла.

— Сенокосцы вы сенокосцы, дайте мне-ка сена. Сено нать коровы, корова дает масла, масло нать липы, липа дает листу, лист нать реки, а река дает воды, петушок задавился поповым зернышком.

Сенокосцы говорят:

— А иди к дровосекам, проси, дают дровосеки дров, дак мы даем сена.

Вот она и пошла к дровосекам.

— Дровосеки вы дровосеки, дайте мне-ка дров. Дрова нать сенокосцам, сенокосцы дают сено, сено нать коровы, корова дает масло, масло нать липы, а липа дает листу, лист нать реке, а река дает воды, а петушок задавился поповым зернышком.

Дровосеки дали ей дров, она дрова снесла сенокосцам. Сенокосцы дали сена, сено снесла коровы. Корова дала масла, масло снесла липы. Липа дала листу, лист снесла реки. Река дала воды, она воды принесла, петушка напоила, да и петушок запел:

— Ку-ка-ре-ку!

Вот и все.

Ксения Ивановна Кирьянова, 67 л.

65. ЗОЛОТАЯ СОЛОНОЧКА

Жил-был старик да старушка. Ну вот, старичок и говорит:

— Напеки блинов, я пойду с гостинцами к царю.

Бабушка напекла утром блинов, и дедушка пошел к царю с гостинцами. Ему царь подарил золоту солоночку. За блины, дак. Он потом пошел домой обратно по той же дорожке, ему попал мужичок стречу, ведет лошадь, коня, и спрашивает:

— Куда, старичок, ходил?
— Ходил, — говорит, — к царю с гостинцами.
— Что царь подарил?
— Золоту солоночку.
— А променяй, — говорит, — мне на конечка.
А дедушка:
— Давай, — говорит.
Ну, и он на конечка сел да и поехал. Ехал, ехал, опять идет старичок, ведет коровушку.
— Куда, старичок, ходил?
— Ходил к царю с гостинцами.
— Что царь подарил?
— Золоту солоночку.
— Где солоночка?
— Променял, — говорит, — на конечка.
— А променяй, — говорит, — мне конечка на коровушку.
— Ну давай.
Ну и променял. Потом повел коровушку домой на радостях.
— Вот, — говорит, — коровушка старушке. Молоко будет свое, жить будем хорошо.
Опять шел, шел, идет мужичок навстречу.
— Куда, — говорит, — мужичок ходил?
— Ходил к царю с гостинцами.
— Что царь подарил?
— Золоту солоночку.
— Где у тебя, — говорит, — солоночка?
— Променял на конечка.
— А где конечек?
— Променял на коровушку.
— А променяй мне, — говорит, — на овечку.
— Давай.
Ну, поменялись. Корову променял на овечку и пошел дальше. Шел по дорожке. Идет домой. Опять идет мужичок, ведет собачку, Опять спрашивает:
— Куда, старичок, ходил?
— Ходил к царю с гостинцами.
— Что царь подарил?
— Золоту солоночку.
— Где у тебя солоночка?
— Променял на конечка.
— Где у тебя конечек?
— Променял, — говорит, — на коровушку.
— Где у тебя коровушка?
— Променял, — говорит, — на овечку.
— А променяй мне, — говорит, — на собачку.

— Ну, давай, старик.

Опять и променял на собачку. Опять и пошел дальше. Бежит, собачку на веревочке ведет.

Ну, ладно. Идет опять старичок с палочкой навстречу и спрашивает опять:

— Куда, старичок, ходил?

— Ходил к царю с гостинцами.

— Что царь подарил?

— Золоту солоночку.

— Где у тебя солоночка?

— Променял, — говорит, — на конечка.

— Где у тебя конечек?

— Променял на коровушку.

— А где у тебя коровушка?

— Променял, — говорит, — на овечку.

— А где у тебя овечка?

— Променял вот на собачку.

— Променяй мне, — говорит, — на палочку. — С тросточкой идет.

Ну и променял на палочку и пошел домой с тросточкой. Идет, печалится.

— Вот, — говорит, — что теперь я буду своей старухе говорить?

Приходит домой, бабушка и спрашивает:

— Ну что? (Поздоровались.) Что тебе царь подарил?

— Золоту солоночку.

— Где у тебя солоночка?

— Променял, — говорит, — на конечка.

— Где у тебя конечек?

— Променял, — говорит, — я на коровушку.

— Где у тебя коровушка?

— Променял, — говорит, — на овечку.

— Где овечка?

— Променял, — говорит, — на собачку.

— А где собачка?

— А променял на тросточку.

А сам оставил тросточку в сенях.

— Неси сюда.

Ну, он принес. Старуха давай этой палочкой бить. Ну и так дедушка набила, наколотила... Вот и сказка вся, больше врать нельзя, говорят.

Феоктиста Никоновна Кичигина, 69 л.

66. МЕДВЕДЬ И МУЖИК

Мужик поехал в лес, попадат медведь встречу.

— Вот тебя сейчас, старик, съем да и с кобылой.

Он говорит:

— Давай, медведь, не ешь, приналадимся да переговоримся. Будем пашенку пахать да репу сеять.

Ну медведь согласился. Старик говорит:

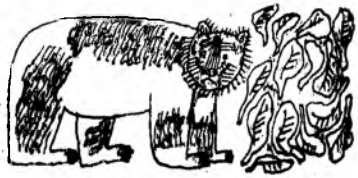
— Ты что берешь, вершки или корешки?

Медведь говорит:

— Я вершки возьму.

Старик говорит:

— Ну, тогда мне корешки.



Посеяли репу, репа хорошая родилась. Старик взял эту репу, убрал всю, а мятину оставил медведю. Медведь пришел — одна мятина. Он рылся, рылся, репы нет. Ну и потом говорит:

— Ну, обманул меня старик, сейчас я его, попадет встречу.

И попадат старик другой раз встречу ему.

— Ты, — говорит, — старик, обманул меня.

— Как же я обманул тебя?

— Ты мне одной мятины дал, а себе репу взял.

Он говорит:

— А ты же сказал, что тебе вершки, вот я тебе вершки и дал, а себе корешки оставил. — Ну ладно, в этот раз бросим. Давай станем жито сеять, — говорит. — Тебе что тогда?

— Я, — говорит, — больше вершков не возьму, — говорит медведь, — я возьму теперь корешки.

Ну и посеяли жито. Старик жито убрал, оставил одну солому. Медведь пришел, рылся, рылся, одна солома, жита нету. Ну вот, и опять медведю беда.

— Сегодня уж не спущу его, съем.

Опять старик попадает встречу.

— Вот, старик, ты опять меня обманул. Сейчас я тебя съем.

— Молчи, — говорит, — медведь, не ешь меня. Вот сегодня приедут медвежьего мяса набирать и тебя убьют, — говорит.

А он говорит:

— Старик, положи меня на дровни.

На дровни положил, попадаются охотники.

— Старик, кого везешь?

— Кокóру.

— Как кокóра? Кокóра была бы, так была бы веревками привязана.

Медведь это все слышит. Проехал мужик-охотник, медведь и говорит:

— Мужик, привяжи меня веревками.

Вот мужик взял, веревками медведя привязал и едут. Опять попадаются охотники.

— Мужик, кого везешь?

— Кокóру.

— Да как кокóру? Кокóра была бы, был бы топор влиплен.

Медведь говорит:

— Старик, влепи[1] в меня топор.

Ну вот, старик взял топор, влепил в медведя, в том месте топор падат, в другое место влепил, да и медведя засек. Старику досталось и мясо и шкура.

Парасковья Ефимовна Попова, 72 г.

67. ПРО РАКА РАКОВИЧА

Жил-был старик со старухой. Старик рыбачил, ходил к морю. Ему все никто в сети не попадет, а тут раз пришел, а ему рак попал, он выбросил.

Пришел к старухе и говорит:

— Никто, старушка, не попадает. Один рак попал, я и выбросил.

— А ты хоть бы рака-то взял.

Ну и вот пошел старичок опять. Пошел старичок и ему рак попал в сети, в мережку. (Мережки там в море.) Вот он этого рака принес, положил на торелочку. У их днем рак, а ночью мужичок, при калошах, при часах, в костюме, хорошой. Вот он ему и говорит:

— Папа, — говорит, — мне надо жениться.

— Жениться? Как же жениться тебе? На ком?

— А у царя на дочери. Сходи и посватай.

— Что ты, дитенок, будто за тебя пойдет.

— А сходи.

Вот старичок утром рано, вечером поздно и походит так. Вот пошел старичок, вышел на улицу, богу помолился, глаза перекрестил, умылся и пошел к царю.

— Царь ты царь, отдай свою дочерь за Ракá Ракóвича, за моего сына.

---

[1] Вонзи.

А царь и говорит:

— Пускай, — говорит, — такой же дом сработат, как у меня, у царя.

— О-о...

Идет старичок невесел, голову повесил, а сын и выскочил на крылечко.

— Чего, батюшка, невесел? Чего голову повесил? Каку тебе царь службу приказал?

— Службу большу, сын, царь приказал. Такой же дом сработать, как у царя,

— О, иди богу молись да спать ложись, а утро мудренее вечера.

Сын выскочил на крылечко.

— Сивушки-бурушки, вечны воронеюшки, как у батюшка служили, как у матушки служили, так же и мне послужите.

Конь бежит, земля дрожит, из ноздрей чад столбом стават, из ушей искорья скачут. Вот и дом сделался такой. Отец встает утром, дом такой же, как у царя. Вот опять сын и говорит:

— Вот, батюшка, богу помолись, да помойся и иди опять сватайся у царя на дочери.

Вот старик опять богу помолился, выходит на уличку и идет к царю:

— Царь ты царь, отдай свою дочерь за Рака Раковича, за моего сына.

Царь говорит:

— Пускай сделает кругом дому ограду и в ограды выкопат канаву, в канавы чтобы корабли ходили, а на кораблях были матросы.

Вот он и идет невесел, голову повесил. Сын выскочил на крылечко.

— Чего, батюшка, невесел, голову повесил? Какую тебе царь службу приказал?

— Служба, сын, большая, кругом дому чтобы канаву выкопать, корабли в канавы ходили и на кораблях были матросы.

— О, иди,— говорит,— богу помолись и спать ложись. Утро мудренее вечера.

Сын выскочил на крылечко.

— Сивушки-бурушки, вечны воронеюшки, как у батюшки служили, как у матушки служили, так же и мне послужите.

Конь бежит, земля дрожит, из ноздрей чад столбом встават, из ушей искорья скачут. Опять и така же канава, таки же корабли, матросы ходят на кораблях.

Вот отец встал, удивился. Опять сын ему и говорит:

— Ну иди, батюшка, сватайся, богу помолись да иди, сватайся, — говорит, — у царя на дочери.

Вот он и опять пошел к царю.

— Царь ты царь, отдай свою дочь за Ракá Ракóвича, за моего сына.

Вот царь говорит:

— Пускай сделает церкву и колокольню, чтобы они повенчались.

Вот и надо церква и колокольня, чтобы повенчаться царя дочке с этым Раком Раковичем. Вот он идет невесел, голову повесил. Сын выскочил на крылечко.

— Чего, батюшка, невесел, голову повесил, каку тебе царь службу приказал?

— Служба, дитенок, большая, надо сделать церкву и колокольню, чтобы повенчаться вам с дочéрью с его.

— О, — говорит, — служба небольшая.

Сын выскочил на крылечко.

— Сивушки-бурушки, вечны воронеюшки, как у батюшка служили, как у матушки служили, так же и мне послужите.

Конь бежит, земля дрожит, из ноздрей чад столбом встават, из ушей искорья скачут. Вот церква и колокольня и ладно все. Теперь и дочерь отдал царь. Отдал, днем был Рак Ракович на тарелочке, а ночью как посмотрела дочка его, а мужичок, при часах, при калошах, куда даже угодно. Вот они и пошли к царю в гости, она понесла на тарелочке. Ну, отец с матерью спрашивают:

— Скажи, у тебя что?

Она день не сказала, второй не сказала, третий не сказала, что у ей мужичок ночью, вот на третий день она и говорит:

— У меня ведь мужичок очень хороший, мама да папа.

Как пришла домой, торелочку положила, ночью нет, пуста торелочка. Пуста торелочка. Вот она и пришла к матери. Вопит:

— Я вам сказала, я потеряла мужа.

Ну, ей натакали старушки:

— Поди, ищи, поди по такой-то дорожке.

Она и пошла. Идет, идет, избушка стоит.

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазамы, ко мне воротамы, чтобы мне зайти и выйти.

Выскочила яга-баба.

— Фу, фу, фу, на Руси не бывала русского духу не слыхала. Куда ты идешь? Куда попадашь?

— Я вот иду Ракá Ракóвича искать.

— Он шел да прошел, — говорит. — Возьми ты платок вышивать уголок.

Вот она дала ей платок вышивать уголок. Опять и дальше.

— Поди, — говорит, — дальше.

Ну она и пошла. Идет, опять стоит избушка.

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазамы, ко мне воротамы, чтобы мне зайти и выйти.

Вот она зашла, а идет опять яга-баба.

— Фу, фу, фу, на Руси не бывала русского духу не слыхала, русский дух нанесло. Куда ты идешь? Куда попадешь?

— Иду Рака́ Ракóвича искать.

— Он шел да прошел. Возьми, — говорит, — вышивай на другом углу платок. Возьми клубок шелку и другой угол вышивай.

Вот она и взяла вышивать платок. Идет, третья избушка стоит. Она и подходит.

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазамы, ко мне воротамы, чтобы мне зайти и выйти.

Избушка повернулась, идет яга-баба.

— Фу, фу, фу, на Руси не бывала, русского духу не слыхала. (Титки через гряду веснут.) Куда ты идешь? Куда попадашь?

— Я иду Рака́ Ракóвича искать.

— Ты,— говорит,— возьми у меня лодочку, сядь в лодочку, вышивай платок этот; а к тебе с другой стороны придет егова сестра; и ты ей скажи, что у меня не продажной платок, а заветной.

— А что за завет?

— С Ракóм Ракóвичем ночь проспать.

Вот она и села в лодочку, стала платок вышивать. Вышиват платок, а пришла женщина, сестра Рака.

— Что, девушка, делаешь? Платок вышиваешь? Продай-ко мне этот платок.

— У меня не продажной, а заветной.

— А что за завет?

— А с Ракóм ночь проспать.

Вот она его будила, будила, будила, а он спит, и не могла добудиться. Вот и утро стало. Она говорит:

— Уходи.

Она опять и пришла (к бабе-яге). Пришла и говорит:

— Иди, шей, вышивай платок на другу ночь.

Она опять и вышиват. Опять пришла сестрица егова.

— Что, девушка, продаешь ли платок?

— Нет, не продаю, не продажной, а заветной.

— Что за завет?

— А с Ракóм ночь проспать.

Она опять его будила, будила и тут не могла добудиться. На третью ночь ей баба-яга говорит:

— Ты щупай, у его втыкнута сонная булавочка.

Вот на третий-то день она как села вышивать платка, середку вышиват она у платка уж, а опять и женщина вышла.

— Продай мне этот платок.
— Платок у меня не продажной, а заветной.
— Что за завет?
— А с Раком ночь проспать.

Она его стала щупать, иголку выдернула, он вскочил и говорит:

— Вот я чего к тебе доходил. Ну и я пробудился.

И все. И он стал ейным мужем, и стали жить-поживать и добро наживать. Сказка вся, боле врать нельзя.

Анастасия Григорьевна Сотникова, 69 л.

68. ПРО СТАРИКА И СТАРУШКУ

Жил-был старичок да старушка, да паренек, да девушка (я уж так по-старому расскажу), да было семеро овечек, да еще был соломенный хлевечек. Ну, вот они жили да поживали. Да затем как-то, каким-то побутом, медведь узнал, что у них семеро овечек да соломенный хлевечек. Вот медведь и пошел. Пришел сел под окошечко и запел:

— Старичок да старушка,
Паренек да девушка,
У вас семеро овечек
Да соломенный хлевечек,
Дайте-ко овечку съесть,

Старичок испугался и старушка испугалась, овечек жалко. Ну что? Пришлось отдать. Пришла старуха, ворота отворила, овечку отдала, а медведь овечку схватил да побежал в лес. Бежал, бежал, сел да стал есть. Ел, ел, остатки не мог, в снег закопал. Опять пошел. Уже все, семь раз пойдет к им. Опеть пришел, опеть и запел:

— Старичок да старушка,
Паренек да девушка,
У вас семеро овечек
Да соломенный хлевечек,
Дайте овечку съисть,
То дак я самых съем.

Ну вот, испугался старичок, испугалась старушка. Ну что? Надоть отдать медведю, чем самых съесть, дак. Ну и опять отдали овечку втору. А медведь опеть хватил овечку да побежал. Опеть прибежал в лес. Ел, ел, ел, остальное в снег закопал, да опеть пошел. Опеть пошел, пришел под окошечко и запел:

— Старичок да старушка,
Паренек да девушка,
У вас семеро овечек
Да соломенный хлевечек,
Дайте овечку съесть,
То дак я самых съем.

Жалко старичку, жалко старушке овечек, колько раз придет, а все поет «семеро овечек».

Пошли опеть овечку отдали. Жалко, не жалко, а надоть отдать. Опеть медведь овечку ел, ел, да остальное в снег закопал, опеть пришел. Опеть пришел в четвертый раз, опять под окно сел, опеть тое же и запел:

— Старичок да старушка,
Паренек да девушка,
У вас семеро овечек
Да соломенный хлевечек,
Дайте овечку съесть,
То дак я самых съем.

Опеть. старичку жалко овечки да старушки. Ну что? Надоть отдать. Опеть пошли, вот уж четверту отдали. Ну и вот *он опеть* хватил, побежал, опеть пришел, принес в лес. Сидел ел, ел, ел, опеть в снег закопал остатки, опеть пошел, пятый раз. Опеть пришел под окошечко сел и опеть так же и запел. Опеть и поет:

— Старичок да старушка,
Паренек да девушка,
У вас семеро овечек
Да соломенный хлевечек,
Дайте овечку съисть,
То дак я самых съем.

Жалко старику, жалко старухе. Как же? Всих отдать?

— Так как же мы сами-то будем без овечек? Чем самых съист дак уж придется отдать.

Опять отдали овечку. Боле не придет. Ну вот, медведь овечку хватил. Опять ел, ел да в снег закопал, остатки обрал. Опеть пошел, вот уж пятый раз. Опеть пришел, сел под окошечко, опеть поет:

— Старичок да старушка,
Паренек да девушка,
У вас семеро овечек

Да соломенный хлевечек,
Дайте-ко овечку съесть.
То дак я самых съем.

Вот беда. Испугались опеть, жалко, да надоть отдать. Ну и опять пошли, овечку отдали шесту. Ну, думают, теперь уж одна осталась, больше не прйдет.

Опять прошло там несколько. Опять идет медведь, опять так же сел под окно и поет:

— Старичок да старушка,
Паренек да девýшка,
У вас семеро овечек
Да соломенный хлевечек,
Дайте овечку съесть.

Ну, как не жалко? Одна оставается, остáтня. Ну, надоть отдать. Опеть пошла старушка, двери отворила, овечку отдала. Медведь схватил овечку побежал в лес. Пришел, опеть там ел, грыз, там остатки не доел, опеть пошел, за последней. Ой, как жалко старику да старухе. Опеть пришел да и запел:

— Старичок да старушка,
Паренек да девýшка,
У вас семеро овечек
Да соломенный хлевечек,
Дайте овечку съесть,
То дак я самых съем.

Ну, старику да старухе надо остатню отдать. Думают: «Еще придет».

— Поди, старуха, уж как-нибудь переживем.

Опеть остатню отдали. Двери закрылись, обрали́сь, больше не придет. Только... Опеть идет, опеть идет да опеть и поет. Опеть так же и поет, что:

— Старичок да старушка,
Паренек да девýшка

(А у их ведь никакой нету овечки-то больше).

У вас семеро овечек,
Да соломенный хлевечек,
Дайте...

Ну старик что? Стали хорониться. Старик свалился на печь, старуха за печь, паренек в подпечье, девушка в подполье. Ну, медведь идет в избу. Гремит, стучит. Как зашел, поглядел, а старичок на печи. Ну, он и давай.

— Ну-ко, дедушка, я теперь тебя съем!

Дедушко стал оправдываться.

— Что ты, медведушко, не ешь, как-нибудь уж, давай лодку роботать, да поедем рыбачить в море.

Ну, вот медведь подумал да и согласился.

— Давай, станем лодку роботать.

Так надо ехать в лес да кокоры копать. Лодку роботать, так нать опоры да кокоры, да в лесу все у старика. Ну и вот, а старик-то был такой хитрый. Медведь согласился. Он суседа позвал, сусед охотник.

— Мы поедем, — говорит, — с им за кокóрами, да за опругамы, а ты поди с ружьем, да подстрелишь.

Ну вот, оны уж как.., лошадь была ли, не было ли? Он стал лошадь запрягать, медведь свалился на дровни. Ну вот и поехали.

А охотник стрету идет, вот и говорит:

— Куда, дедушко, поехал?

— Да в лес поехал за кокóрамы.

— А кто на дровнях-то?

— Да вроде кокóра.

А тот и говорит:

— Кокóра была бы, так был бы топор влиплен.

А медведь и взмолился:

— Дедушко, влепи в меня топор.

Да дедушко ка-ак взял, размахнулся, да топором медведя в лобазину, да медведя убил. Не надоть ни охотнику стрелять, никому. Ну и вот, убил. Ну, ведь медведь! Шкура! Мясо! Ну и всих овечек оправдал, да стали со стариком да со старушкой, да с пареньком да с девушкой жить да поживать, да добра наживать.

Кто слышал, тому куний хвост, а кто не слыхал, тому навозу воз.

69. (МАЧЕХА И ПАДЧЕРИЦА)

Жил-был старик да старуха. У их была дочка, хорошенька-прехорошенька. Ну, случилось несчастье, мать померла, девочка осталась маленька, молоденька, ну и отцу надо жениться. Женился, взял женщину с девочкой тоже, а уж тая-то (старикова) девочка худа, грязнобайка. Уж мать своя, дак (ее дочь) беленька, чистенька, аккуратненька. Ну вот не любит (старикову дочь) и все.

— Ну, на рóпаку я отправлю прясть дочéрь, пусть прядет на рóпаке. Как ни пряди, веретена не отпусти.

Ну вот, она пряла, да была, да сидела, у ей веретешечко бух да и пало в пролубку. Вот она и говорит:

— Щучка, щучка, подай веретешечко, а нет, дак я сама опущуся.

А щучка хвостом вильнула, да веретешечко не подала. Ну, девушке пришлось за веретешечком спуститься. Спустилась как, и вот веретешечко по дну покатилось по дорожке, девушка за веретешечком вслед и пошла, пошла, пошла. Шла, шла, шла, пастухи конски пасут, она и ревет:

— Пастыри, пастыри, чьи вы есть, пастыри?

А они отвечают:

— Мы есть пастыри Ворона Вороновича, Грохота Грохотовича. Девушка, девушка, подпаши-ко под намы, да подгреби-ко под намы, мы тебе даем кобылу с жеребенком.

Девушка взяла подпахала, подгребла, пошла дальше.

— Девушка, возьми кобылку с жеребеночком.

— Обратно пойду, потом возьму.

Опеть шла, шла, шла, опеть коровьи пастушки пасут. Она опеть:

— Пастыри, пастыри, чьи вы есть, пастыри?

А оны ей отвечают:

— Мы есть пастыри Ворона Вороновича, Грохота Грохотовича. Девушка, девушка, подпаши-ко под намы, подгреби-ко под намы. Мы тебе даем коровушку с теленочком.

Она подпахала, подгребла и пошла.

— Девушка, девушка, возьми коровушку с теленочком.

— Обратно пойду, потом возьму.

Ну и пошла дальше. Опеть шла, шла, шла, овечьи пастушки пасут. А веретешечко вперед все катится. Ну вот, овечьи пастушки пасут. Она опять ревит:

— Пастыри, пастыри, чьи вы есть, пастыри?

А оны ей:

— Мы есть пастыри Ворона Вороновича, Грохота Грохотовича. Девушка, девушка, подпаши-ко под намы, подгреби-ко под намы, мы тебе даем овечку с ягненочком.

Ну, девушка подпахала, подгребла и пошла дальше.

— Девушка, девушка, возьми овечку.

— Обратно пойду, потом возьму.

Ну и пошла дальше. Шла, шла, шла, стоит избушка на курьих ножках. Она и говорит:

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазамы, ко мне воротамы, чтобы мне зайти да выйти.

Избушка повернулась к лесу глазамы, к ей воротамы. Вот она и зашла. Зашла, сидит баба-яга, костяная нога, титки через грядку веснут, носом уголья гребет, языком печку пашет. Ой, какая страшная. Ну и вот девушка испугалась. А она и говорит:

— Фу, фу, фу, на Руси не бывала, руського духу не слыхала, а теперь руський дух в избу пришел. Ты поди-тко, поди, девица, да поди-тко, поди, красная, затопи-ко баенку, да намойко у меня ребятишек, у меня семеро детей да семь сыновей.

Девушка уж не знает, что и делать. Пришла, дак надо делать. Ну и она ей накормила, напоила и говорит:

— Иди, вот, баню тони, да у меня детей мой моих.

Девушка пошла. Дала решето.

— Решетом воду носи, да решета не обмочи.

Вот загвоздка-то, ну как решетом воду носить? Попробуй-ка, поноси решетом воду. Ну и вот, пошла. Вышла на уличку, а птиченька летит.

— Девушка, девушка, гнилкой замажь.

Вот девушка взяла гнилкой решето замазала и воды наносила, и баню натопила. Баню натопила и говорит:

— Ну, вот давайте, пойдем в байну с ребятамы.

Первого сносила в байну, помыла. Пришел тот, матери и говорит:

— Ох, мама, как она меня намыла, отроду так я не мывался, как она намыла.

Второй пришел.

— Ох, мама, как она меня хорошо намыла.

Третий пришел:

— Мама, меня она так намыла, так не знаю как. Нать бы лучше, да некуда.

Четвертый пришел, опять:

— Ой, как хорошо меня намыла девушка.

Ну и вот. Пятый пришел:

— Мама, она меня хорошо намыла.

Шестой пришел.

— Ой, как я сегодня намылся, дак никогда так не мывался.

Седьмой пришел:

— Пуховы руки у девушки, как пухом меня намыла.

Ну, вот затем и сама девушка пришла. Пришла... Ну, старуха эта, баба-яга, радехонька, ей готова бы куды-нибудь хоть, и накормила, и напоила.

— Ну, уж я тебе расчет даю!

А спать-то повалила... пухова постель, пухова подушка, пухово одевало закрыла.

— А утром пойдешь домой, я тебе расчет дам.

Ну и вот, а девушка повалилась, как она обрадела после мачехи-то, у мачехи-то ей худа жизнь была. Утром встала, опять накормила, напоила, ей в расчет наклала, сумку полну наклала и говорит:

— До дому иди и не развязывай.

Наказ дала ей.

Ну и девушка пошла. Она ей поблагодарила, проводила, ну и она пошла по дорожке. Шла, шла, шла, а овечьи пастухи:

— Девушка, возьми овечку с ягненочком.

Девушка взяла да продала. Опять шла, шла, шла, опять коровьи пастухи:

— Девушка, возьми коровушку с теленочком.

Девушка взяла, продала. Все деньги ведь. Опять шла, шла, шла, опять конски пастухи:

— Девушка, возьми кобылочку с жеребеночком.

Взяла и продала. Ну и пришла к пролуби. А отец бедный ходит, дожидает. Пала уж туды, дак! Прялица сама пала в пролубу, сам ходит да караулит, да ищет, да. Затем, как пришел, ходил неделю уж да больше, а веретешечко плавает, у веретешечка веревочка. Ну и отец захватил веревочку и потянул. Ну, и ей вытянул, обрадовался. Уж как не обрадоваться, дочка да, появилась.

Пришел домой, как эту сумку-то разобрали, а полна сумка золота, в избе-то все розынуло, все рассветлилось. А мачеха-то и ходит.

— А, ходила, наворовала, наб...

Ну и ругается.

— Моя дочь пойдет, так еще не столько принесет.

У ей-то тоже дочь есть.

Ну, а отец-то уж не нарадуется. Что ты, из радости вон вышел.

— Моя дочь пойдет, дак в сто раз больше принесет.

Ну, отец:

— Отправляй свою дочь.

Вот она свою дочерь и отправила на рóпаку престь. Дала подгузку, да нарочно и говорит:

— Как ни пряди, да веретена не опусти.

Ну, вот пошла ейна дочь на рóпаку. Сидит, прядет, веретено никак не падат, а она ревет. Бросила затем, веретено пало. Тое же веретено-то дала мать. Ну вот опять спустилась, тая щучка (появилась).

— Щучка, подай веретешечко, не подашь, так я сама опущусь.

Щучка хвостом повернула, веретешечко не подала, она сама спустилась. Вот и пошла. Пошла по дорожке, а веретешечко катится. Она и идет. Пастыри пасут, а она ничего не говорит. А оны уж увидали ей. Вот и ревят:

— Девушка, — думают, тая идет девушка, — подпаши-ко под намы, подгреби-ко под намы, мы тебе даем кобылку с жеребеночком.

— Подьте-ко к лешему, не для вас пошла.

Ну и оны ей бьют, кидают палками. Ну и прошла. Опеть шла, шла, коровьи пастухи пасут. Опять думают, тая девушка идет.

— Девушка, девушка, подпаши-ко под намы, подгреби-ко под намы. Мы тебе даем коровушку с теленочком.

— Подьте-ко к лешему, я не для вас пошла. Рада я ващих коровушек да теленочка...

Ну и пошла дальше. Опять шла, шла, шла, опять овечьи пастухи. Опять ревят:

— Девушка, девушка, подпаши-ко под намы, подгреби-ко под намы. Мы тебе даем овечку с ягненочком.

— Подьте-ко к лешему. Не надоть мне ваших овечек да ваши ягненочки.

Оны опять бьют ей, толкают, кидают. Ну и что? Ушла. Шла, шла, шла, стоит избушка на курьих ножках. Она и говорит:

— Изба, изба, повернись к лесу глазамы, ко мне воротамы, чтобы мне зайти и выйти.

Изба повернулась к лесу глазамы, к ей воротамы, вот она и зашла. Вот опеть зашла, сидит баба-яга, костяная нога, титки через гряду веснут, носом уголья гребет, языком печку пашет, страшна, неприятна. Она испугалась. Вот и говорит:

— Поди-тко, поди, девушка, да поди-тко, поди, красная, истопи-ко баенку, да намой-ко у меня ребятишек, дак.

Та и говорит:

— Ну ладно, намою.

Дала решето.

— На, решетом воду носи да решета не омочи.

А как решетом воду наносишь? Ну вот, а птичка-то и бежит, опеть ревит:

— Девушка, девушка, гнилкой замажь, гнилкой.

— Сдохни, пропади, знаю без тебя.

Ну и вот, а сама все же уж замазала. Замазала, воды наносила, байну истопила, в байны не помыла, не опахала. Пошли в байну, повела первого сына. Первой пришел:

— Ой, мама, как меня худо намыла, ой, как плохо.

Второй пришел:

— Мама, меня переплохо, плохо (намыла).

Третий пришел:

— Мама, у меня одва ноги не оторвала.

Четвертый:

— Мама, у меня одва ноги не оторвала, руки не оторвала.

Пятый пришел, опеть худо. Шестой пришел, а седьмой говорит:

— У меня одва головы не сорвала.

Ну, вот баба разозлилась, разгорячилась, ну и пришла, стала кормить. Только хлеба да воды дала, такой. Уж как делала, так и кормят. И повалила спать, постелила постилаху, закрыла постилахой, не дала подушки, уж плохо делала, дак ничего. И говорит:

— До утра лежи, а утром пойдешь домой, расчет даю.

Ну и вот девушка бедна у матери спала, так на пуховиках да на хорошем, а тут на голой зени да постилаху дала. Ну, она лежит, думат: «Вот мне плохо». Утром выстала, она дала ей сумку, наклала.

— До дому, смотри, не тронь, не шевели.

Уголья наклала, кирпичев, гнилы кусков, расчет-то. Ну и вот, как делала, так и расчет.

— И до дому не шевель!

Ну, она бедна идет, несет, веретешечко катится. А мать-то уж бегат, что ты, к пролубы-то...

— Уж скоро ли у меня доченька-то придет со золотом-то.— Да уж старика-то (ругает): — Вы таки, да вы сяки, а моя дочь придет, так больше принесет.

Ну и вот шла, шла... Овечьи пастухи ей бьют, пинают, гаргают, одва только... Опеть шла, шла, шла, коровьи запинали да затолкали, опеть конски, одва бедна жива идет. А уж сумки нельзя развязать. Пришла к прорубки, а мать затем и бежит.

— Слава тебе, господи, веретено сплыло.

Пришла, потянула, сорвалась веревка. Она принесла, над стариком (кричит):

— Бежи, тащи что-нибудь ядреныше.

Другу принесла, друга сорвалась, затем старик и третью принес. Ну, затем на третьей как вытянули, как принесли домой, развязали, а гнила да каменья, да кирпичи. И мать ругается, бранится:

— Такая, сякая, что ты думаешь? Чего ты несла? Что ты?

Ну и тут стали с отцом расходиться, с девушкой разводиться (с падчерицей).

А тые со золотом, старик да дочь, живут да поживают, да добра наживают. Вот и сказка вся да больше врать нельзя.

70. [СВИНОЙ ЧЕХОЛ]

Жили-были старичок да старушка, у их была одна девушка хороша-прехороша, красива-прекрасива. А затем мама у них заболела, заболела да и померла. Остался старичок с девочкой. Ну, что? Как быть? Девочка готовить не умеет, стирать не умеет, ничего. Надо отцу жениться. А мать-то, когда помирала, так и говорила:

— Вот я умру, дак ты женись, кому ступень поладится, (ступень у ей остался), того и взамуж возьми.

Вот старичок затем пошел, кому ступень поладится, того он и взамуж возьмет. Ну и пошел по деревне. День ходил, кому тесной. День ходил, ничего не мог, никому ступень не ладится. Ну и вот опеть на второй пошел. Ходил, ходил, всю деревню обходил, кому тесной, кому большой, никому не ладится. На третий пошел. Опеть ходил, ходил, никому не ладится, кому тесной, кому большой. Пришел вечером на третий день, скинул ступень, положил. А дочь пошла да ступень-то и надела. А ступень-то как раз ей вокурат на ногу. А отец-то и увидал.

— Ну вот, доченька, пойдем за меня взамуж.

Разве хочется девке за отца взамуж, уж там больша ли, малая она есть? Ну и вот. Ой, она расстроилась, надо же, за своего отца взамуж идти.

Подумайте вы, добры людушки.

Ну вот, а была старушка, бабушка-задворенка, така колдунья, все знала. Вот она пошла к этой бабушке.

— Бабушка, ты задворенка, гляди, я дела-то наделала, папа день ходил, ничего не выходил, второй ходил, а тут пошел да ступень клал, я одела, а мне как раз. Так мне ведь нать за отца взамуж идти.

А бабушка-задворенка толкова и говорит:

— Нет, дитя, уж загонем ему загодку, что пусть привезет серебряно платье, так тогда я за тебя взамуж пойду (скажи ему).

Она пришла, отцу и говорит:

— Ну вот, папа, если купишь мне серебряно платье, то я за тебя замуж пойду.

Ну, вот отец задумался, ведь жениться нать. Поехал искать везде платье-то такого серебряного. Ездил, ездил, ездил, нашел, привез. Привез платье, она опять пошла.

— Бабушка, ты задворенка, привез платье-то.

— Ничего, ничего, еще загонем загодку, до трех раз.

— Ну вот, — говорит, — батюшка, купи мне золотое платье, то я за тебя взамуж пойду.

Отец опять запоходил. Жил да был, золотое платье нашел, кушил, привез золотое платье. Опять девушка вся расстрои-

лась, привез, так надо идти взамуж. Ну ладно. Пошла опять к бабушке-задворенке.

— Бабушка, ты задворенка, он золотое привез платье.

Тая говорит:

— Ну, вот еще третье даем, если третье исполнит, так уж придется идти..

Опять ездил отец, ездил везде.

— А третье дадим такое, что пусть с каждой птички по перышку платье пусть купит, тогда и взамуж за тебя пойду, скажи, — говорит.

Ездил, ездил отец и привез с каждой птички по перышку ей платьице. Ну что же? Надоть идти. Три загадки выполнил, дак надоть идти, так что? А уж никак идти не хочется. Ну вот, она говорит:

— Что сделаем?

— Так уж надо идти теперь.

— Так лучше меня уж оберни, либо что-нибудь.

А она говорит (бабушка-задворенка):

— А обернем курушкой-желтушкой.

Она принесла курушку, старушка обернула ей курушкой, она пришла домой, зашла в клеть, одно платье взяла под тое крыло-серебряно, золото под друго, перьяно под хвост и пошла. А отец уж справляется, свадьбу нать играть, жениться, уж все загадки выполнил, так нать жениться. Идет.

— Курушка-то у меня, желтушка-то у меня.

Курушка по межуточкам, курочка по подъизвозьицам, ко-ко-ко... да и убежала. Старик курушку и потерял. Курушка день ходила по лесу, другой ходила по лесу, вдруг охотник идет со ружьем, вот хочет ей подстрелить. Она к ему бежит:

— Ко-ко-ко-ко.

Курица да с беремем и прибежала. Ну охотник взял ей, принес домой матери и говорит:

— Сколько ни по лесам бывал, но такой птиченьки не видал. Бежит, просто, я хотел подстрелить, а она бежит с беремем, я взял живу и принес домой.

Поглядели с матерью, птица не птица, курица не курица. Ну и вот!..

— Я ей положу в свою спальню, и пускай она у меня там живет.

Ну и вот, Иван-царевич, досель все, что сам ест, пьет, то и курушке дает. Что сам ест, пьет, то и курушке дает. Ну и курушку кормил да поил, да.

А там затем пир сделался. Кто-то заженился, завыходил там, свадьба. Ну и Ивана-царевича пригласили на свадьбу. Вот Иван-царевич запоходил на свадьбу. Пришел в спальню одеваться, положил душно мыльце (досель душны мыльца все), ну, душно мыльце положил, а курушка из-под печья выскочила да душно мыльце сглотнула. А он:

— Ах ты, победна! (Он уж ей курицей стал звать.) Ах ты, победна птица-курица, бить тебя некому, взять с тебя нечего, а впервые бог простит.

Оделся, ушел на пир. Она так уж овернута. Она после него сняла кожушки, надела серебряно платье и на пир пошла. Пришла, на пиру там стояла, да где-то сидела ли, а уж Иван-царевич не ест, не пьет, все на ей глядит. На, а ему-то жениться нать было. Пришел с пиру, матери ночью и говорит:

— Мама, я сегодня видел девочку, да у ей тако платье, дак серебряно на себе. Как бы мне эту девку посватать, да взамуж за себя.

Ну, мать тоже:

— Как, да где найдешь?

Ну и справилась, пошла искать эту, всю деревню обошла, нигде нету, ни гостьей не была.

— Ну и вот что, — говорит, — день проходила, не нашла. Ну, уж есть где-нибудь

Вечером опять заспрaвлялся на пир-то, другой раз. Ну, и заспрaвлялся. Скинул голтяшечек с ворота, положил на опечек, а курушка схватила из-под печья, да голтяшечек опять и сглотнула. Он опять:

— Ах ты, победная птица, бить тебя некому, взять с тебя нечего, второй вины бог простит.

Ну, оделся и ушел. А она опеть после его вышла, одела золото платье и опять на пир туды. Ну, и вот сидят на пиру. А Иван-царевич и смотрит:

— Как же, у меня мама день ходила, уж где-нибудь есть.

Опять тая же девушка, опять пришла. То была в серебряном платье, а теперь пришла в голубом. Ну и вот, опять на второй день мать и отправил.

— Иди, мама, где-нибудь есть така-то така девушка.

Мать опеть справилась и пошла. Всю, из дома в дом, всю деревню обходила, нет ни у кого.

— Не была?

— Нет, не была.

Опеть успокоились. На третий день опеть запоходил на пир, стал одеваться, скинул кольцо имянно золото, положил на ок-

но, а курушка как схватила из-под печья, да колечко и сглотнула. А он: (Кольцо сглотнула курица, так подумай-ко!)

— Ах ты, — говорит, — победна курица-птица, бить тебя некому, взеть с тебя нечего, а третьей вины бог простит, а уж если четвертой, так не простит.

Ну и вот оделся да ушел, уж идти надоть. Ушел на пир, а она вышла, одела его гольтяшек на ворот, его кольцо золото на руку и с каждой птички по перышку платье. С каждой птички по перышку, худо ли платье? Ну и вот, пришла на пир. Пришла, а Иван-царевич опеть и сидит, опеть и увидал. Еще одно платье! Да где-нибудь она есть. На маму-то: « Неправильно ходит ищет». Ну и вот затем смекнул: «Дай-ко я пойду домой впереди, выйду». Как пришел домой-то, а курицы-то нет. На столе серебряно платье, на столи золото. А ему что делать? Он спички взял да кинул эти кожушки-то куричьи и сожег. Сожег кожушки, а она бежит. Прибежала, уж все.

— Фу, фу, фу, мои-то кожушки сгорели.

Ну да вот и стали свадьбу играть, стали жениться и свадьбу сыграли. И все.

Вот и сказка вся, боле врать нельзя.

71. ОДНОГЛАЗКА, ДВУХГЛАЗКА И ТРЕХГЛАЗКА

Были у старика одна дочь да жена, ну и жена умерла, осталась одна дочка. Ему пришлось жениться, взял бабу с трема дочерямы, у одной было два глаза, у другой один, у третьей три глаза. Ну и вот, а у них была корова, хороша красна корова да дойна, доила много. А вот когда умирала у этой девушки мать-то, дак вот и сказала:

— Вот как я помру, дак тебя будет коровушка омывать да обшивать, да охранывать, да все.

Ну вот, а мачеха-то пришла да уж так ей незалюбила, эту падчерицу-то, уж исть не дават, и белья не стират, ничего-то не дават. Ну вот, отцу-то жалко, отец ей жалел бедненьку, а она к коровы-то сходит да в одно ушко умоется, да в друго снарядится и будет чиста и бела, сыта и пьяна.

А ята-баба:

— Где же она ест? Я ей не даваю, а она ест. Я ей не стираю, а она все чистая ходит. Что же мне сделать?

А потом как-то заметила. Она как сходит туды в хлев (у нас ведь хлевы) и вот придет сыта и пьяна, чиста и бела. Ну и вот, она отправила этих (дочерей) коров пасти.

— Подьте-ко, девки, пасите коров, да узнайте, как она.

Ну и вот пошли пасти коров. Она своим дочерям наклала уж и белого, и шанег, и пирогов и всего.

— Да смотрите, ей не давайте, той падчерице, чтобы ничего не давать...

А коровушки ходят. А коровушка затем и ходит там по полю, и ревит:

— У-мы́, девка, у-мы́, красна, в одно ушко умойся, в друго снарядись.

А отправила-то одноглазку, старшая была одноглазка. Падчерица-то такая хитрая, говорит:

— Дай-ка, сестрица, я у тебя в головушке поищу.

И вот стала в головушке искать, самой надо сходить к коровушке. Вот и говорит:

— Спи, глазок, спи, глазок.

Глазок и уснул. А она в то время сходила к коровушке, в одно ушко умылась, в друго снарядилась, стала сыта и пьяна, чиста и бела. Пришла.

— Сестрица, вставай, погоним коровушки домой.

А когда па́ужинать-то стала, она ей ни крошечки не дала, ничегошеньки, а коровушек погнали домой. Вот пригнали, мать и спрашивает:

— Ну что? Опять давала, наверно, ты ей, накормила?

— Нет, мама, я ей ни крошечки ничего не дала. Она чего-то сама где-то.

— Ты, наверно, что-нибудь не видела?

— Не знаю.

Ну и вот так. У, она ей бранит, ругает. На второй день:

— Подь, двухглазка, сегодня поди ты, опять сторожи да карауль.

Ну вот, опять погнали с двухглазкой. Опять уж на этой двухглазке всего, что есть на свете, всего наклала. Опять и наказыват:

— Смотри, ей не давай ничего.

Ну и опять погнали, опять там ходили, коровушки-то были, опять коровушка и ревит:

— У-мы́, девка, у-мы́, красна, в одно ушко умойся, в друго снарядись.

А девушка как? Надоть опять:

— Сестрица, сестрица, дай-ко я в головушке поищу.

Вот искала.

— Спи, глазок.

Глазок уснул.

— Спи, другой.

И другой уснул. Ну, она в это время сбегала да там что надоть сделала. В одно ушко умылась, в друго снарядилась, стала сыта и пьяна, чиста и бела. Ну и опять пришла.

— Сестрица, погоним коровушек домой.

Ничего опять не видела. Пригнали коров, мачеха опять и спрашиват:

— Ну что, опять пришла чиста, бела, сыта, пьяна? Наверно, ты ей накормила?

— Нет, мама, ровночки ничего не дала, нисколечко не кормила.

Вот затем на третий день походят. Трехглазку отправляет, меньшу́, три глаза у той. Ну и вот, опять погнали коровушек. Пришли, опять там ели, она ела сидела, эта трехглазка ей ничегошеньки, она уж думала, ей бы корочки кусочек, либо хлебца бы кусочек. Ничего не дала. А корова-то ходит опять по полю, ревит:

— У-мы́, девка, у-мы́, красна, в одно ушко умойся, в друго снарядись.

А ей надоть, как ведь? Ей надоть засыпить, она и говорит:

— Сестрица, сестрица, дай-ко я в головушке поищу.

И вот стала искать.

— Спи, глазок, спи, глазок.

Глазок уснул.

— Спи, другой, спи.

И другой уснул, а третий-то и забыла, да и не засыпила. Ну и пошла, а глазок-то третий все и выглядел да высмотрел. Вот она к коровы пришла, в одно ушко умылась, в друго снарядилась, стала сыта и пьяна, чиста и бела, и пришла меня будить.

— Погоним коровушек домой.

Пришли, она мачехе все и рассказала. Ну, мачеха ходит така.

— Я знаю, я заметила, знаю, что она ей делает, — стала старику наговаривать. — Старик, освежим красну корову, корова и худа, да ничего не доит, да зря мы корову держим, да ну.

Вот старику напевает. Старик-то знал, что дочка-то тут растет да питается. Ну и вот, затем, старик пошел ножиков

точить. Надо уж корову бить. Уж жена велит, так как же. Нать убить. А девушка пришла, да и:

— Куколка ты, красулюшка, на тебя ножики точат, свежить заводят, как же я-то теперь жить буду?

А коровушка ей и говорит:

— Как меня будут свежить, да потечет кровь, ты возьми эту кровь и черепашечку, да под окошечко и вылей. А там вырастет лесйнка, будешь на лесинку посматривать, будешь сыта и пьяна, чиста и бела.

Ну и вот, освежили коровушку, коё продали, коё съели, а дочка все ходит чиста да бела, сыта и пьяна. Ну, вот мачехе опять нать узнать.

— Как же? Раньше ей корова умывала да убирала? Теперь корову-то решили, все равно чиста да бела. Что же тут-то нам делать?

Ну, вот она стала всяко уж, всяко караулить, смотреть, а потом эта девушка-то выросла больша, затем и женихи стали ей, да и замуж сосватали. А она потом уж сама стала все делать.

— Как же я замуж пойду, а лесинки эти?

Вот и сказала жениху своему, что вот так и так, рассказала все. Ну, а жених-то тоже треповатый был, да взял, да этой мачехе-то неродной и рассказал. И лесинку, все что вырвала с кореньем и девушку бедну совсем до смерти угробила. Ну и вот сказка вся да больше и врать нельзя. Из-за мужика она, бедна, ведь погибла.

Агафья Николаевна Фомина, 68 л.

72. КОТ ДА ПЕТУХ

Жили-были кот да петушок. Кот пошел в шалгу дров рубить, а петушка оставил дома и сказал:

— Сиди, петушок, не выглядывай из окошка.

Ну, ушел кот, а приходит лисица под окно и поет ему:

— Петушок, петушок, золотой гребешок,
Шелкова бородушка, масляна головушка,
Выгляни из окошечка,
Там девки да женки катаются,
Золото полозье ломается,
Красно яичко по горке катится,
Бело яичко о горку катится,
Бояра ехали, пшена насыпали,
Курушки клюют, петушкам не дают.

А петушок не стерпел да и выглянул, лисичка взяла петушка да потащила. Петушок кричит:

— Котя, котя, котя,
Несет меня лиса
Во темные леса,
За высоки горы,
За синее море,
Кот не слышит,
Слепой не видит.

Кот услышал да и отнял у лисицы петушка, принес домой и говорит:

— Сиди, петушок, да больше не выглядывай, я в дальню, в дальню шалгу пойду.

Ну, вот ушел кот в дальню шалгу, а петушок и сидит. А лисичка опять и пришла под окошко.

— Петушок, петушок, золотой гребешок,
Масляна головушка, шелкова бородушка,
Выгляни из окошечка,
Там девки да женки катаются,
Золото полозье ломается,
Красно яичко по горке катится,
Бело яичко о горку катится,
Бояра ехали, пшена насыпали,
Курушки клюют, петушкам не дают.

Петушок выглянул, лисичка опять цап-царап, да забрала и потащила. Петушок опять и кричит:

— Котя, котя, котя,
Несет меня лиса
За темные леса,
За высоки горы,
За голубы озера,
За синее море,
Кот не слышит,
Глухой не слышит,
Слепой не видит.

Ну кот и услышал. Опять отнял у лисы петушка, принес домой, опять строго петушку наказывает:

— Сиди, смотри, да не выглядывай, сегодня уйду в дальню шалгу, так не услышу.

Вот опять лисичка приходит, голоском опять так и подошла:

— Петушок, петушок, золотой гребешок,
Шелкова бородушка, масляна головушка,

Выгляни из окошечка,
Там девки да женки катаются,
Золото полозье ломается,
Красно яичко по горке катится,
Бело яичко о горку катится,
Бояра ехали, пшена насыпали,
Курушки клюют, петушкам не дают.

Ну, петушку не стерпелось, какой-то петушок-то малоумный, лисичка петушка забрала да и понесла домой. Петушок кричал:

— Котя, котя, котя,
Несет меня лиса
За темные леса,
За вы́соки горы,
За глубоки озера,
За синее море,
Кот не слышит,
Глухой не слышит,
Слепой не видит...

Да так и петушка унесла. Кот пришел, петушка дома нету. Кот пошел искать, пошел к лисы, где лиса живет и поет:

— У креста, креста у зо́лотого
Жила-была лиса красна,
У ей было́ три дочери:
Одна была Чучелка,
Друга была Палачулка,
Третья дочу́шка — Подай челонок.

Ну, лисичка и отправила:
— Поди-ка, Чучелка, открой, кто там?
Чучелка вышла, а кот шильцем в лоб, да лисичку в мешок, лисичку и убил, себе в мешок положил. Опять и поет:

— У креста, креста у зо́лотого
Жила-была лиса красна,
У ей было́ три дочери:
Одна была Чучелка,
Друга была Палачулка,
Третья дочу́шка — Подай челонок.

Ну, вот лисичка и другу отправила, Палачулку.
— Поди-ка, — говорит, — Палачулка, открой.
Ну, пришла Палачулка, открыла, а кот шильцем в лобок, да лисичку в мешок, забрал себе, опять и попеват себе:

— У креста, креста у зо́лотого
Жила-была лиса красна,
У ей было́ три дочери:

Одна была Чучелка,
Друга была Палачулка,
Третья дочу́шка — Подай челонок.

Она и третью отправила:

— Иди, — говорит, — открой, Подай челонок.

А кот опять шильцем в лобок, да лисичку в мешок, опять и тую убил. Да еще поет:

— У креста, креста у зо́лотого
Жила-была лиса красна,
У ей было́ три дочери:
Одна была Чучелка,
Друга была Палачулка,
Третья дочу́шка — Подай челонок.

А ей некого отправить, она и сама пошла. Кот и саму убил да всех в мешок со́брал, да петушка забрал, да домой понес. Пришли, да стали жить да поживать, да добра наживать, да лиха избывать.

Да сказка вся, боле врать нельзя.

СКАЗОЧНИКИ КАРЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ[1]

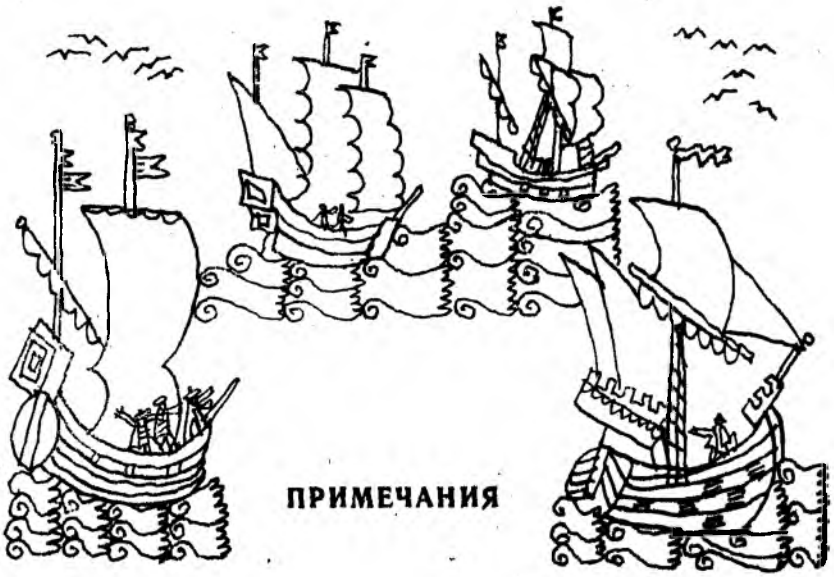
Ананьина Анна Александровна, 65 л. (Нюхча) — 403
Анастасьева Клавдия Ивановна, 66 л. (Нюхча) — 308—309, 359, 403
Анхимков Василий Петрович, возраст неизв. (Лоухи) — 370
Афанасьева Парасковья Демидовна, возраст неизв. (Черная Река) — 363
Балагурова Евдокия Михайловна, 63 г. (Шуерецкое) — 383
Бахилев Николай Александрович, 62 г. (Сумский Посад) — 12, 15, 16, 31, 232—237, 353, 392—393
Белая Александра Алексеевна, 72 г. (Шижня) — 175—178, 349—350, 388
Благодарова Елизавета Федоровна, 70 л. (Кемь, Выгостров) — 382, 388
Богданов Алексей Кузьмич, 64 г. (Боярская) — 10, 12, 371—372
Богданова Наталья Михайловна, возраст неизв. (Колежма) — 399
Валдаев Максим Фомич, 72 г. (Пертозеро) — 12, 401—402
Васькова Ольга Николаевна, 45 л. (Коросозеро) — 409
Власова Анна Александровна, 55 л. (Кемь) — 382
Волкова Пелагея Матвеевна, 44 г. (Кереть) — 45—52, 341, 364
Головина Степанида Ивановна, 80 л. (Вирма) — 12, 212—214, 351, 389—390
Горшкова Аксенья Ефремовна, возраст неизв. (Беломорск) — 384—385
Дементьева Мария Владимировна, 65 л. (Вирма) — 214—217, 351—352, 390
Дмитриев Анатолий, 14 л. (Поньгома) — 378—379
Дмитриев Федор, 11 лет (Поньгома) — 379
Дмитриева Александра Семеновна, 59 л (Поньгома) — 376
Дмитриева Серафима Васильевна, 55 л. (Поньгома) — 126—127, 345 378

[1] Цифры обозначают страницы настоящего издания.

Дмитриева Фекла Васильевна, 75 л. (Поньгома) — 379
Дорожков Владимир Андреевич, 25 л. (Кемь) — 382
Егоров Степан Павлович, 63 г. (Колежма) — 297—301, 358, 400
Екатерина Васильевна (фамилия неизвестна), 68 л. (Сумский Посад) — 399
Ефремова Александра Дементьевна, 39 л. (Калгалакша) — 374—375
Ефремова Анастасия Ивановна, 72 г. (Калгалакша) — 24, 101—106, 344, 375
Ефремова Марфа Семеновна, 83 г. (Калгалакша) — 375
Житнин Анатолий, 15 л. (Сумский Посад) — 393
Зайков Тимофей Семенович, 85 л. (Шуерецкое) — 12, 17, 18, 383
Зайкова Ульяна Тимофеевна, 67 л. (Шуерецкое) — 384
Захаров Иван Емельянович, 64 г. (Черная Река) — 363
Золотовский Петр Прохорович, 57 л. (Колежма) — 400
Иванова Анна Ивановна, возраст неизв. (Гридино) — 95—100, 343, 373
Игнатьев Кондратий Яковлевич, 66 л. (Беломорск) — 23, 165—269, 349, 385
Каманина Александра Николаевна, 83 г. (Сумский Посад) — 237—238, 353, 393
Кирьянова Ксения Ивановна, 67 л. (Нюхча) — 309—311, 359, 403
Кичигина Феоктиста Никоновна, 69 л. (Нюхча) — 312—313, 359, 403 — 404
Клевин Никифор Дмитриевич, 56 л. (Сумский Посад) — 13, 22, 23, 31, 238—261, 353—355, 393—394
Колчева Евдокия Андреевна, 70 л. (Гридино) — 373
Конарева Анисья Максимовна, 49 л. (Беломорск) — 385
Коровикова Мария Николаевна, 50 л. (Воренжа) — 406
Корыхалова Агафья Терентьевна, возраст неизв. (Кереть) — 364—365
Кошелева Полина Павловна, 61 г. (Сумский Посад) — 261—263, 355, 394
Кубасова Татьяна, 8 л. (Вирма) — 390
Кузнецова Устинья Максимовна, 70 л. (Сумский Посад) — 394
Ладина Евдокия Ивановна, 73 г. (Кереть) — 12, 30, 31, 52—56, 341, 365—366
Лукин Сергей Егорович, 89 л. (Калгалакша) — 106—108, 344, 375
Маровикова Марфа Никоновна, 72 г. (Коросозеро) — 408—409
Мартынов Петр Иванович, 34 г. (Вирма) — 217—219, 352, 390
Меньшиков Владимир Павлович, 63 г. (Кереть) — 10, 12, 16, 30, 56—67, 341—342, 366—367
Мехнин Василий Васильевич, 33 г. (Гридино) — 373
Мехнин Василий, 11 л. (Калгалакша) — 375
Мехнин Игнатий Егорович, 26 л. (Гридино) — 373
Мехнин Яков Егорович, возраст неизв. (Гридино) — 373—374
Миккова Павла Васильевна, 69 л. (Поньгома) — 20, 29, 33, 34, 35, 128 — 161, 345—348, 379—381
Митрякова Акулина Лазаревна, возраст неизв. (Коросозеро) — 407—408
Мокеева Парасковья Ивановна, 46 л. (Беломорск) — 387—388
Морозова Агния Андреевна, 59 л. (Вирма) — 390
Навагина Анна Ивановна, 59 л. (Шижня) — 178—179, 350, 388
Нетужилов Михаил Онуфриевич, 62 г. (Сумский Посад) — 27, 28, 31, 263—264, 355, 394—395
Никитина Анна Семеновна, 80 л. (Сумский Посад) — 24, 31, 33, 395
Никитина Наталья Григорьевна, 76 л. (Шуерецкое) — 163—164, 348—349, 384
Никонов Петр Яковлевич, 51 г. (Сухой Наволок) — 12, 13, 14, 180—211, 350—351, 388—389
Нифакина Анна Алексеевна, 58 л. (Черная Река) — 39—44, 341, 363—364
Нифакина Мария Ивановна, 68 л. (Черная Река) — 364

Парамонова Екатерина Ивановна, 49 л. (Пертозеро) — 402
Парамонова Марфа Семеновна, 65 л. (Беломорск) — 385
Пашина Парасковья Трофимовна, 45 л. (Сумский Посад) — 396
Петрова Антонина Александровна, 58 л. (Калгалакша) — 376
Петухова Фекла Егоровна, 63 г. (Нюхча) — 404
Плеханов Григорий Филиппович, 12 л. (Сумский Посад) — 402
Плеханова Анисья Ивановна, 73 г. (Шуерецкое) — 384
Пономарева Александра Ивановна, 66 л. (Вирма) — 390—391
Попова Анисья Ивановна, 77 л. (Кемь) — 26, 383
Попова Екатерина Васильевна, 68 л. (Нюхча) — 404
Попова Парасковья Ефимовна, 72 г. (Нюхча) — 29, 30, 313—317, 359—361, 404
Попова Степанида Ефремовна, 67 л. (Вирма) — 391
Попова Фатина Васильевна, 26 л. (Вирма) — 219—223, 352, 391
Поташева Мария Семеновна, 60 л. (Нюхча) — 404
Привалов Егор Сафронович, 73 г. (Сумский Посад) — 264—282, 355—356, 396
Привалова Татьяна Григорьевна, 67 л. (Сумский Посад) — 397
Редкин Владимир, 12 л. (Калгалакша) — 376
Редкина Капитолина Евдокимовна, 60 л. (Калгалакша) — 109—125, 344—345, 376—377
Редкина Наталья Андреевна, 62 г. (Калгалакша) — 377
Рохмистова Ефимья Васильевна, 63 г. (Сумский Посад) — 12, 20, 24, 25, 29, 31, 32, 282—296, 356—358, 397
Савин Егор Матвеевич, 45 л. (Кереть) — 19, 30, 67—89, 342, 367—368
Савин Федор Семенович, возраст неизв. (Кемь) — 383
Сахаров Борис Николаевич, 35 л. (Беломорск) — 35, 169—173, 349, 386
Сахарова Екатерина Андреевна, 66 л. (Беломорск) — 35, 36, 173—174, 349, 386—387
Сахарова Маша, 5 л. (Беломорск) — 35, 387
Сахарова Надежда Ивановна, 27 л. (Беломорск) — 35, 387—388
Свиньина Любовь Матвеевна, 71 г. (Воренжа) — 406—407
Семенова Валентина, 12 л. (Поньгома) — 381—382
Сержпинский Александр Николаевич, 57 л. (Кереть) — 368
Сержпинская Валентина Николаевна, 15 л. (Кереть) — 368
Скворцова Елена Петровна, 16 л. (Колежма) — 401
Соболева Анна Федоровна, 66 л. (Шижня) — 388
Соболев, 67 л. (Сумский Посад) — 398
Сопунова Анна Тимофеевна, 48 л. (Колежма) — 13, 24, 36, 302—307, 358—359, 400—401
Сотникова Анастасия Григорьевна, 69 л. (Нюхча) — 29, 317—332, 360—361, 405
Сошкова Александра Дмитриевна, 70 л. (Гридино) — 374
Стариков Андриан Егорович, 69 л. (Кереть) — 10, 12, 30, 31, 89—93, 343, 369—370
Степанков Ефим Семенович, 81 г. (Калгалакша) — 377
Степанкова Наталья Кирилловна, 36 л. (Гридино) — 374
Суслонова Анфиса Ивановна, 77 л. (Сумский Посад) — 24, 31, 32, 33, 398—399
Табаев Александр Анисимович, 27 л. (Гридино) — 374
Типаев Александр Анисимович, 21 г. (Калгалакша) — 377
Трифонова Анна Григорьевна, 64 г. (Сумский Посад) — 399
Фадеева Иринья Ивановна, 72 г. (Вирма) — 391
Федоров Петр Иванович, возраст неизв. (Лоухи) — 371
Федосеев Евстигней Николаевич, 63 г. (Нюхча) — 405
Филатов Дмитрий Владимирович, 37 л. (Вирма) — 223—225, 352—353 392

Филатов Михаил Владимирович, 45 л. (Вирма) — 225—231, 353, 392
Фомина Агафья Николаевна, 68 л. (Нюхча) — 30, 332—335, 361, 405
Черкасов Иван Иванович, 31 г. (Кереть) — 370
Швецова Анфиса Михайловна, 58 л. (Нюхча) — 405
Шмакова Феоктиста Ильинична, 47 л. (Нюхча) — 406
Щербаков Никита Александрович, 42 г. (Сухой Наволок) — 389
Щербакова, 67 л. (Сухой Наволок) — 389
Яковлев Николай Александрович, возраст неизв. (Кемь)—383



ПРИМЕЧАНИЯ

В примечаниях отмечены некоторые особенности поморских сказок. Для каждого текста дана ссылка на указатель Аарне — Андреева (сокращенно — Ук.), на указатель сюжетов, составленный В. Я. Проппом к русским народным сказкам А. Н. Афанасьева[1], где учтены варианты, опубликованные в главнейших русских народных сборниках, вышедших до 1956 года (сокращенно — доп. Проп)[2]. Кроме этого в примечаниях указаны варианты из наиболее известных сборников сказок, вышедших после 1955 года. Ссылки на сборники даются в хронологической последовательности их публикаций. Для изданий, имеющих последовательную нумерацию текстов, цифры обозначают порядковые номера сказок, для других изданий дана страница сборника, с которой начинается указанная сказка (напр. Гура, стр. 246). В том случае, когда издание сказок осуществлено в двух томах, первая — римская цифра обозначает том, а следующая — арабская — обозначает номер сказки (напр. КНС I, 41). Неопубликованные поморские варианты, хранящиеся в Архиве Карельского филиала АН СССР (сокращенно АКФ), указываются в хронологическом порядке их собирания (см. стр. 362 настоящего сб.). Материалы каждой экспедиции составляют отдельную коллекцию. Первые цифры в примечаниях указывают номер коллекции, цифры, следующие за запятой, обозначают порядковый номер единицы хранения (напр. 85, 35). Магнитофонные записи сказок, хранящиеся

---

[1] Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. М., Гослитиздат худож. лит., 1957.

[2] Из старых сборников, учтенных указателями, непосредственно в примечаниях дается ссылка на известный сборник «Великорусские сказки в записях И. А. Худякова», переизданный в 1964 г.

в фонотеке кабинета звукозаписи Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, тоже даны шифром: до запятой обозначен номер кассеты, после запятой — порядковый номер записи. Варианты, совпадающие с публикуемым текстом частично, заключены в круглые скобки.

1. **[Животные-зятья]**. Записала К. Прохорова в 1948 г. в д. Черная Река от А. А. Нифакиной, 58 л. Ук. (доп. Пропп) 552. АКФ 58, 56; варианты: 46, 6; 125, 32 — фонотека 906, 3. Публикации: Чист., стр. 62; Пот., стр. 23, 31; КНС I, 40; Худ. 22, 48; (118); Комовск. 15; Бал. (1), 24, (65). По сравнению с общерусскими поморские варианты данного сюжета особых отличий не имеют; брат выдает замуж своих сестер за птиц (орла, сокола, ворона), диких зверей (волка, медведя) или за Ветра Ветровича и Грома Громовича. Мотив сватовства дан схематично, а в публикуемом тексте отсутствует. Более подробно разработан эпизод посещения братом замужних сестер, одаривание его чудесными подарками, играющими большую роль при поисках и добывании невесты. Почти во всех поморских текстах данного сюжета имеется эротический элемент в эпизоде женитьбы героя. В отдельных вариантах (Худ. 48; АКФ 125, 32) героиней является Марья Моревна.

2. **Три венца не доскочил.** Записали К. Прохорова, А. Солякова в 1948 г. в с. Кереть Лоухского района от П. М. Волковой, 44 л. Ук. (доп. Пропп) 530* В. АКФ 58, 25; варианты: 29, 145; 50, 19; 79, 895. Публикации: Башк. 10; Никиф. III, 125; Комовск. 22; Померанц., стр. 108; Бал. 144. Сюжет о дураке, добывающем себе жену — царевну — с помощью чудесного коня, популярен среди современных сказочников. В Поморье более распространен сюжет 530 А (см. № 36 настоящего сборника); сюжет 530*В как самостоятельный не встречается.

3. **[Медный лоб]**. Записала К. Прохорова в 1948 г. в с. Кереть Лоухского района от Е. И. Ладиной, 73 л. Ук. (доп. Пропп) 502, 513 А. АКФ 58, 53; варианты: 29, 6; 29, 28; 29, 142; 56; 20 В. Публикации Башк. 19; Иваницк. 628; Никиф. 74; Худ. 4, 108; КНС II, (22); Бал. 6, (40). Одна из распространенных русских сказок, имела множество литературных изданий[1]. Для поморских вариантов контаминация сюжета Ук. 502 с другими сюжетами не характерна. В публикуемом тексте исполнительница умело использует мотивы других сюжетов, но упускает наиболее устойчивый мотив «царевич пасет скот».

4. **Валет червей.** Записала З. Рутковская в 1941 г. в с. Кереть Лоухского района от В. П. Меньшикова, 53 л. Ук. *611 I. АКФ 48, 1. Данный сюжет в русском репертуаре встречается редко. Сказка В. П. Меньшикова очень близка к варианту Коргуева № 31. Оба текста имеют одинаковое развитие сюжета, существенно отличаются от сказки Ломтева из сборника Д. К. Зеленина[2]. Меньшиков излагает сказку проще, чем Коргуев, многим эпизодам придает реалистический характер (герой попадает на остров в результате крушения корабля во время шторма, а не из-за вмешательства сверхъестественной силы). Для обоих сказочников характерна свободная манера изложения, типичное для поморских сказок использование морской терминологии.

5. **Барин и мужик.** Записал Г. Телкин в 1941 г. в с. Кереть Лоухского района от В. П. Меньшикова, 53 л. Ук. (доп. Пропп) 1538. АКФ 48, 34. Публикации: Чист., стр. 146; Молд. 58. Сюжет не имеет широ-

---

[1] Подробнее об этом см.: «Сказки и предания Северного края». Запись, вступительная статья и комментарии И. В. Карнауховой. Academia, 1934, № 91, примечания, стр. 408.

[2] Д. К. Зеленин. «Великорусские сказки Пермской губернии». Пг., 1914, № 8.

кого распространения. Публикуемый текст близок к сказке Аф. 497; Онч. 223; имеет острую антибарскую направленность.

6. Звериное молоко. Записала К. Прохорова в 1948 г. в с. Кереть Лоухского района от Е. М. Савина, 45 л. Ук. (доп. Пропп) 315 А, 300 А. АКФ 58, 19; варианты; 124, 81 — фонотека 613/5. Публикации: Чист., стр. 39; Никиф. 114; Худ. 42, 68; Гура, стр. 246; КНС II, 9; Бал. (56), 64, (95), (135). Сюжет — Ук. 315 А встречается в различных контаминациях; на севере, где он имеет распространение, выступает в соединении с сюжетом — Ук. 300 А (см. Бал. 64; Никиф. 114), что характерно и для сказок, записанных в Поморье. Главными действующими лицами бывают брат и сестра, реже мать и сын (Гура, стр. 246). Публикуемый вариант близок к записи Никифорова, № 114, к сказке Микковой — АКФ 124, 81, Балашова, 64. В отличие от нашего текста, где брат убивает сестру за измену, в сказке Микковой АКФ 124, 81 и из сборника Никифорова № 114 брат прощает сестру, но прежде заставляет ее выпить три кадки воды, съесть три копны сена или наплакать бочку слез, съесть угли.

7. [Хитрая наука]. Записали К. Прохорова, А. Солякова в 1948 г. в с. Кереть Лоухского района от Е. М. Савина, 45 л. Ук. (доп. Пропп) 325. АКФ 58, 17; вариант 58, 59. Публикации: Чист., стр. 231; Иваницк. 630; Никиф. 20, 86; Худ. 47, 119, приложения — стр. 276; Гура, стр. 236; Сев. Дв., стр. 112. Данная сказка устойчива в своей сюжетной основе. Различными бывают мотивы ухода сына из дома и поступления его в ученье: в одних случаях мать хочет отдать сына в науку, где бы он учился ничего не делать и хорошо жить, или же старик отдает сына учиться птичьему языку; в публикуемом тексте этот мотив приобретает иной характер: мать из-за нужды ведет сына в город устраивать на работу. Исполнитель хорошо сохранил в памяти элементы, присущие этой сказке, соблюдает традиционную обрядность.

8. Смерть-кума. Записала А. Солякова в 1948 г. в с. Кереть Лоухского района от Е. М. Савина, 45 л. Ук. 332. АКФ 58, 15; варианты: (125, 88 — фонотека 911/1); (127, 113 — фонотека 1182/13); публикации: Тум. 27; Пот. 22; Нов. 35; Гура, стр. 261; КНС II, (12). У Афанасьева сказка опубликована среди легенд. (См. Афанасьев, Народные русские легенды, 1859, 2-е изд., 1914, № 16). В большинстве известных текстов религиозный элемент утрачивается, сказка приобретает острую социальную направленность. В одних вариантах старик выбирает кумой смерть, потому что он бедный и никто не идет к нему в кумовья (см. сказки Ф. П. Господарева. Запись текста, вступ. ст. и примечания Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941, № 6); в других старик не может найти кума справедливее смерти. В публикуемом тексте социальный момент не ярок. В Поморье сюжет встречается редко.

9. [Голодный поп (или барин) на ночлеге]. Записала А. Солякова в 1948 г. в с. Кереть Лоухского района от Е. М. Савина, 45 л. Ук. 1775. АКФ 58, 10; варианты: 58, 11 (записан от того же исполнителя); 25, 2; 25, 13; 48, 2; 79, 693. Публикации: Молд. 38, 39; Урал. 87; Иваницк, 644; Дом. 180; Азад. 4, (45); КНС I, 74; Худ. 29; Гура, стр. 259, 269. Сказки о попе и работнике разнообразны по сюжетам. В Поморье встречаются в соединении мотивов ряда сюжетов (Ук. 1561; 1725; 1736). Общий замысел публикуемого текста сходен со сказкой № 644 из сборника Иваницкого, представляющий контаминацию трех сюжетов (Ук. 1537, 1739, 1775). От Е. М. Савина записано два варианта сюжета 1775. Во втором варианте (см. опись настоящего сборника, № 70) вместо барина выступает поп, его одурачивает работник, рубит дрова кряжами, ставит их стоя (см. КНС I, 74). Поведение работника подчеркивает глупость попа: голодный поп ест сено, тесто, убивает старика, отказывается от работника.

10. Марко Богатый и Василий Бесчастный. Записала О. Большакова в 1941 г. в с. Кереть Лоухского района от А. Е. Старикова, 69 л. Ук. (доп. Пропп) 461. АКФ 49, 5; варианты: 29, 5; 29, 88; 46, 2; 58; 34; 125 30—фонотека 905/6; 79, 954, (79, 686). Публикации: Иваницк. (658); Нов. 32; Никиф. 81; Сев. Двин,. стр. 119. Сюжет в Поморье устойчив, относится к циклу сказок о судьбе. Варианты отличаются друг от друга разнообразием поручений, которые выполняет герой: он идет к деду-всеведу за тремя золотыми волосинками, хочет узнать о том, как может перевозчик освободиться от перевоза, что можно сделать с пересыхающим садом или колодцем (АКФ 29, 5); сколько времени должна держать женщина бревно на своем плече, как долго будут грызть друг друга собаки (АКФ 125, 30); в одном из вариантов (АКФ 29, 88) поручения выражены в виде загадок: «День веселый, а ночь кручинный», «По ночам сад цветет, а днем вянет»; «Девка замуж выйдет, а ночью мужа съест».

11. [Чудесные дети]. Записала И. Этина в 1935 г. в д. Гридино Кемского района от А. И. Ивановой, возраст неизвестен. АКФ 56, 216; Ук. (доп. Пропп) 707; варианты: (56, 232); (46, 1); 58, 37; 58, 43; 58, 61; 79, 922; 126, 121— фонотека 1014/14; 127, 93—фонотека 1181/6. Публикации: Урал. 184, 216; Никиф. (126); КНС I, 48, 49; Худ. 49, (53), 63, (84), 85; Прикам. 13; Гура, стр. 238; КНС II, 38; Бал. 46, (145). Сюжет широко известен на Севере; поморские варианты имеют существенные различия: одни из них (58, 43; 126, 121; 127, 93) представляют собой пересказ, близкий к пушкинскому тексту, некоторые исполнители воспроизводят отдельные его части дословно; другие варианты (58, 61; 58, 37; 56, 216) отличаются от пушкинской версии, имеют мотивы, содержащиеся преимущественно в северных, а также отдельных карельских вариантах (см. КНС I, 48; Карельск. 14; Сок. 42; публикуемый текст; АКФ 58, 61 и некоторые другие опубликованные тексты). Отдельные мотивы следует отметить: царица рожает «в трех брюхах по три сына, девять сынков» (публикуемый текст, Карельск. 14; Бал. 46; КНС I, 48; то же у Аф. 284 — текст записан в Шенкурском уезде Архангельской области; Сок. 42; Гура, стр. 238); при рождении близнецов баба-яга — «яженя» сама предлагает себя в повивальные бабки (публикуемый текст, АКФ 58, 161; КНС I, 48; Аф. 284; Карельск. 14), она и причиняет зло, превращая детей в волчат (котят, щенят, сорочат); дети бегают «день волками, а ночью соколами» летают. В публикуемом тексте (то же Карельск. 14; Бал. 46) необычен мотив спасения сыновей; царица, брошенная в бочке в море, сохраняет одного из девяти сыновей в собственной косе (в карельском тексте — прячет ребенка в старинный женский головной убор «сорока», или под грудью; в тексте Прикам. 13 — зашивает в подушку; у Сок. 42 — убирает за пазуху; у Аф. 284 — в рукав). Сын находит братьев, скармливая им колобки, изготовленные матерью на ее грудном молоке (см. наш текст; КНС I, 48; Аф. 284; Гура, стр. 238; Прикам. 13). В отдельных поморских вариантах своеобразен мотив сватовства: в публикуемом тексте жених по приказанию отца ищет невесту в том доме, где в этот вечер горит огонек (то же у Сок. 42); в варианте АКФ 58, 61 необычен выезд невесты из родительского дома.

В сказках на данный сюжет, записанных на севере, наблюдается большое сходство в ряде формул (так, в публикуемом тексте, у Бал. 46; Сок. 42; Карельск. 14; Онч. 5 сходна формула, выражающая желание младшей из трех сестер выйти замуж за царевича); особая текстуальная близость формул наблюдается в нашей сказке и тексте с Терского берега. У Балашова № 46: «Одна-то завысказывалась: как у нашей-то тетушки и есть береги кисельные, река молока, ложки красные хлебай колько хошь». Наш текст: «У меня — у брателка — есть озеро хрустальное, берега кисельные, ложки серебряны, хлебай сколько хошь,

да убыли нет». Или у Бал. 46: «Как у нашей-то тетушки есть бык-третьяк, на хвости баня, под хвостом озеро, на рогах церковь. В бане помоются, в озере покупаются, в церковь придут, богу помолятся». Наш текст: «Есть у меня бык у брателка, на хвосте байна, на середке озеро; а на рогах церква; в байне помоются, в озере искупаются, в церкви помолятся». Имеются и другие примеры.

12. Иван-царевич и двенадцать лебедей. Записали А. Разумова, А. Митрофанова в 1965 г. в д. Калгалакша Кемского района от А. И. Ефремовой, 72 л. Ук. (доп. Пропп) 400*В. АКФ 124, 94 — фонотека 628/I; варианты: 58, 31; (56, 234). Публикации: Конкка, стр. 142; Нов. 6; КНС II, 13; Бал. (24), 57, (145). В сказочной традиции сюжет — Ук. 400*В не всегда устойчив. Русские его варианты разнообразны. У поморских сказочников основа сюжета сохраняется; вместо царь-девицы выступает девушка-лебедь. В публикуемом тексте мотив появления девушки-лебедя служит завязкой, первая часть сказки (герой просыпает свидание с невестой, усыпленный врагом) иногда объединяется с другими сюжетами; интересен мотив девичьей тоски, спрятанной в утиное яйцо (встречается у Коргуева, 25; КНС II, 13). Вторая часть текста (бегство жениха и невесты от царя-колдуна) напоминает мотив бегства Василисы Премудрой (Ук. * 313 I). Подобно Василисе, девушка-лебедь превосходит отца в превращениях. В итоге герой женится на избраннице, колдун погибает.

13. (Царь и солдат). Записала И. Этина в 1935 г. в д. Калгалакша Кемского района от С. Е. Лукина, 89 л. Ук: (доп. Пропп) 952. АКФ 56, 23; варианты: 29, 34; 29, 66; 56, 126; 56, 208. Публикации: Башк. 30; КНС II, 52. Типичная солдатская сказка с устойчивым сюжетом. Образ героя разработан более детально, чем образ царя; бывалому солдату, как одному из самых любимых сказочных персонажей, присущи смелость, находчивость, сметливость. В некоторых текстах (Госп. 53) спутником солдата является историческое лицо — Петр Первый, в таких случаях сказочник наделяет его чертами характера, отражающими представление народа о добром царе: великодушием, простотой, щедростью.

14. Про волка. Записала Е. Родина в 1937 г. в д. Калгалакша Кемского района от К. Е. Редкиной, 60 л. Ук. (доп. Пропп), (43), 15. АКФ 55, 20; варианты: 29, 51; 79, 860; 125, 16 — фонотека 904/7; 126, 130 — фонотека 1015/10; 126, 40 — фонотека 1009/6; (127, 124 — фонотека 1183/10). Публикации: Молд. 109; Никиф. 83; Гура, стр. 213; КНС II, 1; Бал. 103, 114. Сказки о хитрой лисе наиболее популярны среди поморского репертуара, встречаются в различных контаминациях. Наибольшее сходство с нашей сказкой имеют тексты с Терского берега Белого моря (Бал. 103, 114). Они совпадают по композиции; зачином в них служит также сюжет — Ук. 43. В публикуемой сказке основным является сюжет Ук. 15; эпизоды из других сюжетов использованы для зачина и заключения сказки. Для более контрастного изображения характеров героев исполнительница нарочито подчеркивает флегматичность, неповоротливость, тугодумство волка; в конце своего текста вводит не встречающуюся в подобных сказках контаминацию с басней «Ворона и лисица». Хитрая, ловкая лиса, одурачивающая глупого волка, нарисована исполнительницей с нескрываемой симпатией.

15. [Еруслан Лазаревич]. Записала И. Этина в 1935 г. в д. Калгалакша Кемского района от К. Е. Редкиной, 58 л. Ук. (доп. Пропп) *650 II. АКФ 56, 125; вариант: 58, 74. Публикации: Комовск. (12); Бал. 81. Сказка о похождениях славного богатыря Еруслана Лазаревича была распространена в сборниках XVII—XVIII столетий, а также в лубке (см. об этом у Аф. т. III, стрч. 402). Наш текст является вариантом известного сюжета; подобная сказка в Поморье была записана от М. М. Коргуева (см. Корг. 36); на Терском берегу от А. А. Попова (см. Бал. 81); в 1948 г. в с. Кереть записан фрагмент сюжета. Названные сказки близки

по композиции; наиболее полным является текст Попова, где началом служит эпизод женитьбы Лазаря Лазаревича. Во всех вариантах сохранены книжные имена героев, не характерные для русской сказки: Картус (Картаус), Ореш, Рош, (Араш), Ивашко-епанча, Долмат и т. п. При сравнении текстов обнаруживаются близкие выражения, например: «...у людей с мала на утешение сыновья, а под старость на кормление, а по смерти на помин души» (Бал., стр. 262); «...у людей родятся дети смолоду на потеху, под старость на замену, а при смерти души на поминки» (стр. 111. наст. сборника); «...людям родится дите в малости на утеху среди веку кормилец, а при старости на помин души» (Корг., ч. II, с. 138).

16. [Семь Симеонов]. Записала И. Этина в 1935 г. в д. Калгалакша Кемского района от К. Е. Редкиной, 58 л. Ук. (доп. Пропп) 653. АКФ 56, 221; вариант 49, 13. Публикации: Никиф. 58; Нов. 125. В Поморье сказка не распространена, имеющиеся варианты (Корг. 28; АКФ 49, 13) и публикуемый текст сходны с книжными изданиями лубочного характера, близки к сказке Афанасьева № 561, перепечатанной из книги «Лекарство от задумчивости и бессоницы, или настоящие русские сказки». М., 1819 г. На связь нашего текста с этой сказкой указывает сходная композиция, некоторые почти полностью совпадающие выражения; в конце публикуемого текста намечается иной ход событий. Сказка Редкиной отличается от книжной более простой манерой изложения, введением новых, своеобразных характеристик героя.

17. Жерновки. Записали А. Разумова, А. Митрофанова в 1967 г. в д. Поньгома Кемского района от С. В. Дмитриевой, 55 л. Ук. (доп. Пропп) 715. АКФ 125, 54 — фонотека 908/10, вариант 127, 123 — фонотека 1183/9. Публикации: Яросл., стр. 29; Ивaницк. 642; Нов. 41, 91; Азад. (32); КНС I, 50; Худ. 25, КНС II, 41; Померанц., стр. 210; Бал. 93. Публикуемая сказка близка к карельской традиции. Исполнительница карелка, уроженка д. Святнаволок бывшего Петровского района, более тридцати лет живет среди русского населения. В нашем тексте, также как и в карельских вариантах, волшебный жернов принадлежит детям-сиротам: его похищает царь (см КНС I, 50; КНС II, 41). Чудесный помощник детей — петух — возвращает их жернов, уличая царя в воровстве при всех гостях на балу. Сказка имеет социальную направленность, разоблачает жадность, жестокость царя по отношению к детям. В тексте очерчены неблаговидные черты отрицательного персонажа: «царь-ворина», «мерзавец», «сирот обидел».

18. (Медведь и три сестры). Записали А. Разумова и А. Митрофанова в 1965 г. в д. Поньгома Кемского района от П. В. Микковой, 67 л. Ук. 311. АКФ 124, 75 — фонотека 612/7; вариант 126, 71 — фонотека 1011/5. Публикации: Яросл., стр. 24; Нов. 27; КНС I, 16; КНС II. 7; Худ. 18; Бал. 76. Распространенный сюжет; в Поморье встречается реже, чем другие детские сказки. Среди известных по публикации вариантов один записан в Беломорском районе (Онч. 55); к нему близок наш текст. Как и у Микковой, в сказке Ончукова старик оставляет подарки дочерям (прялицу, палицу, кережку и т. п.) в лесу, девушки идут за ними и попадают к медведю. По некоторым мотивам наша сказка имеет сходство с карельскими вариантами: медведь хочет съесть старика или требует дочь замуж (см. КНС I, 16 и наш текст); старшая дочь обманывает медведя, делает куклу, одевает ее в свою одежду, создавая видимость своего присутствия, а сама попадает в родительский дом в корзине (см. КНС II, 7 и наш текст). Подобное завершение сказки имеется и в другом варианте, записанном в Беломорском районе — АКФ 126, 71.

19. Воловья шкура. Записали А. Разумова, А. Митрофанова в 1967 г. в д. Поньгома Кемского района от П. В. Микковой, 69 л. Ук. 314. АКФ 125, 45 — фонотека 908/1; варианты: 46, 3; 58, 23; 79, 855. В таком виде сюжет в русском сказочном репертуаре почти не встречается. В По-

морье сказка известна среди наиболее крупных исполнителей. Наш текст в своей основе сходен со сказкой Коргуева № 32, имеет другое начало. Наиболее близкими к коргуевскому тексту являются варианты АКФ 58, 23 (из Керети) и 46, 3 (из д. Боярской), в них аналогично и начало сказки (товары гибнут в реке, их спасает шут или водяной и требует у купца отдать то, что он дома не знает). Героем сказки Микковой выступает крестьянский сын Андрей, похищенный Кощеем. Публикуемый текст отличается от других поморских вариантов развязкой. Герой выполняет просьбу своей бескорыстной помощницы-кобылицы, убивает ее; превратившись в девушку, она возвращается в родной дом. Фантастические элементы в сказке снижены; исполнительница соблюдает сказочную обрядность, выдерживает троичность действий: герой трижды откармливает кобылицу, трижды купается она в росах, трижды выходит на поле боя и т. д.

20. Один след золотой, другой серебряный. Записали А. Разумова, А. Митрофанова в 1965 г. в д. Поньгома Кемского района от П. В. Микковой, 67 л. Ук. (доп. Пропп) 403 А. АКФ 124, 83 — фонотека 614/1; варианты: 29, 12; 29, 39; (29, 44); 29, 47; 47, 4; 55, 4; 56, 35; 56, 181; 58, 1; 59, 35; 79, 924; (79, 856); 126, 110 — фонотека 1014/2. Публикации: КНС I, 19, (21); Худ. 109, 116; КНС II, 15; Бал. 22, 49. В известных русских сборниках сказки данного сюжета встречаются редко, в Поморье они пользуются большой популярностью. В вариантах можно выделить несколько завязок, существенно отличающихся друг от друга: в одних — брат, убаюкивая маленькую сестру, обещает выдать ее замуж за Зарю — царевича, в таком случае сестра и сама изъявляет желание выйти замуж; в других — брат едет на пир к царю и хочет там похвастать своей сестрой, сестра уговаривает его не ездить, так как в силу родительского запрета она не сможет выйти замуж за царя, в третьих — царь по портретам выбирает себе невесту. Дальнейшее развитие сюжета в вариантах не имеет существенных отличий. Поморские сказки данного сюжета по целому ряду эпизодов сходны с карельскими текстами (КНС I, 19; КНС II, 15). В тех и других сказках аналогично разрабатывается мотив нежелания сестры выйти замуж за царевича (пока не сломается прялица, не изотрется жернов, порог и т. д.). В противоположность большинству русских текстов, где противник (нянька, мачеха) едет к царю вместе с невестой, в нашей сказке, как и в карельских вариантах, героиня встречает противника (бабу-ягу, Сюоятар) по пути к царю. Сходно с карельским текстом разработано и завершение сказки — бабу-ягу толкают в яму, вырытую в бане. Публикуемая сказка наиболее полно отражает особенности поморских вариантов данного сюжета.

21. Про черную овечку. Записали А. Разумова, А. Митрофанова в 1967 г. в д. Поньгома Кемского района от П. В. Микковой, 69 л. Ук. (доп. Пропп) 510 А. АКФ 125, 37 — фонотека 906/8; варианты: 55/15; 29, 42; 29, 67; 29, 110; 29, 147; 57, 2; 58, 55; 79, 923; 79, 890; 124, 90 — фонотека 615/4 (магнитофонная запись от П. В. Микковой произведена дважды). Публикации: КНС I, 28; КНС II, 19; Худ. 102; Бал. 25, 53. Сюжет «Золушка» в Поморье распространен довольно широко, исполнители раскрывают его различными приемами. В одних вариантах благожелателем выступает Финист-ясный сокол (АКФ 29, 42), в других героиня достает роскошную одежду с помощью волшебного батожка, который она получает в награду за доброту и трудолюбие (АКФ 58, 55), в этом случае коллизия мачеха — падчерица отсутствует; главными действующими лицами выступают три сестры. В большинстве вариантов завязкой служит женитьба старика на бабе-яге, превращение женщины в овцу. По ряду мотивов поморские варианты данного сюжета имеют сходство с карельскими сказками (ср. наш текст и первую часть текста КНС I, 28), сказки П. В. Микковой и карелки Н. М. Каллио из района Ка-

левалы имеют почти одинаковое название, близки и по композиции. В тексте Н. М. Каллио у крестьянина пропадает черная овца, при ее поисках Сюоятар превращает жену крестьянина в черную овцу, а сама становится на ее место; по настоянию Сюоятар овцу убивают. Оставшаяся сиротой девочка знает о превращении матери, получает от нее советы — не есть мясо, закопать кости в землю под березой. Ветка с волшебной березы (в вариантах — верба, яблонька, в нашей сказке цветы) превращает замарашку в красавицу. Как и в нашем тексте, у Каллио при выезде на пир с родной дочерью Сюоятар дает падчерице задания: отделить зерна трех сортов; сложить по-старому сломанную печь; отделить молоко от воды. Падчерица перед тем, как уйти с пира, теряет перчатку с руки, галошу с ноги, бросает кольцо. При поисках невесты царский сын меряет галошу, перчатку, кольцо; Сюоятар строгает ноги (руки) у родной дочери. Сюжет 510 А у исполнительницы Каллио контаминируется с сюжетом 409, который в русской традиции не распространен.

22. Про Иванушку-дурачка. Записали А. Разумова, А. Митрофанова в 1967 г. в д. Поньгома Кемского района от П. В. Микковой, 69 л. Ук. (доп. Пропп) 530 А. АКФ 125, 39 — фонотека 907/3; варианты: 58, 40; 56, 43; 56, 176; (46, 4); 126, 123 — фонотека 1015/3. В русской сказочной традиции варианты сюжета однообразны: характерным мотивом является получение младшим сыном коня от умершего отца за посещение ночью его могилы. В ряде поморских вариантов этот мотив утрачен и появление коня перед героем не объясняется (29, 55; 126, 123; 58, 40). Публикуемый текст содержит основные традиционные мотивы, имеет некоторые особенности: умерший отец заранее ставит в известность младшего сына о результатах его поездок на чудесном коне; герой знает, что он достанет невесту, которая поставит ему печать на лоб, что состоится их свадьба и он получит престол; отец обещает дать сыну совет даже о том, как нужно управлять государством.

23. Иван — лисицын сын. Записали А. Разумова, А. Митрофанова в 1965 г. в д. Поньгома Кемского района от П. В. Микковой, 67 л. Ук. (доп. Пропп) 545 В. АКФ 124, 84 — фонотека 614/2; варианты: 58, 41; 124, 88 — фонотека 615/2. Публикации: Тум. 9; Урал., стр. 145; КНС I, 37. Известный международный сказочный сюжет. В русских вариантах герою помогает большей частью лиса. В публикуемом тексте и в варианте АКФ 58, 41 в качестве жениха выступает сын лисицы; исполнительница отражает некоторые локальные особенности, черты поморского быта (лиса едет на карбасе по реке Двине). От П. В. Микковой записан другой вариант, здесь женихом является юноша-сирота; лиса выманивает у него козу, обманывает царя и женит героя на царской дочери. См. опись настоящего сборника № 229.

24. Тилли, вилли, мотовилли. Записали А. Разумова, А. Митрофанова в 1965 г. в д. Поньгома Кемского района от П. В. Микковой, 67 л. Ук. (доп. Пропп) 555. АКФ 124, 76 — фонотека 612/8; варианты: 56, 233; 29, 60; 46, 14; 125, 11 — фонотека 904/2; 126, 5 — фонотека 1006/5; 126, 36 — фонотека 1009/2; 126, 92 — фонотека 1013/4; 126, 116 — фонотека 1014/9; 127, 14 — фонотека 1177/1; 127, 15 — фонотека 1177/2; 127, 38—фонотека 1177/25; 127, 84—фонотека 1180/11. Публикация: Яросл. 27; Урал., стр. 178; Горьк., стр. 158; Иваницк. 636; Никиф. 128; КНС I, 41; Худ. 99. Принадлежит к циклу сказок о чудесном дарителе. В большинстве поморских вариантов, также как и в текстах Аф. 75, Карн. 107, Госп. 23 и других чудесным помощником выступает рыбка. Иногда в сказках на этот сюжет дарителем является волшебное дерево, коток — золотой лобок. В публикуемом тексте чудесной дарительницей выступает птичка, вылетающая из «лесины» (см. также комментарий к сказке Афанасьева № 76, 2-й вариант; АКФ 46, 14; 127, 14). В сказке Микковой нашли отражение черты местного быта: старики просят и получают от птички не только хлеб, соль и дом, но и озеро с рыбой, сети для ловли рыбы, лодку.

Концовка своеобразна, старики погибают во время бури на озере. Наша сказка близка к тексту из сборника Никифорова, № 128, но отличается ритмичностью рассказа. В варианте 46, 14, записанная в д. Боярская, старики за чрезмерные просьбы наказаны по-иному: они превращаются в собак, которые попадают к охотнику и живут у него до старости.

25. Вошь. Записали А. Разумова, А. Митрофанова в 1967 г. в д. Поньгома Кемского района от П. В. Микковой, 69 л. Ук. 621. АКФ 125, 29 — фонотека 905/5; вариант 126, 122 — фонотека 1015/2. Публикации: Бал. (33), 132. В русской сказочной традиции сюжет редкий; подобная сказка известна по сборнику Ончукова (56), а также в записи с Терского берега Белого моря. По композиции и ряду мотивов тексты различны: у Ончукова отгадчиком выступает черт, после долгих преследований невесты он погибает; у Балашова отгадчик старик, он гибнет от руки невесты-царевны. В сказке Микковой героиня простая девушка, отгадчик царевич, благодаря ее подсказке он правильно называет шкуру вши. Расчетливость героини и ее родителей придает публикуемой сказке бытовую окраску.

26. Про Емелю. Записали А. Разумова, А. Митрофанова в 1967 г. в д. Поньгома Кемского района от П. В. Микковой, 69 л. Ук. (доп. Пропп) 675. АКФ 125, 81 — фонотека 909/22; варианты: 49, 8; 79, 895. Публикации: Никиф. 10; Гура, стр. 240; КНС II, 33. Сказка про Емелю поморскими исполнителями рассказывается неохотно, так как считается слишком известной. Публикуемый текст традиционен в своей основе, рассказан с меньшими подробностями, в завершении имеет иную направленность: по «щучьему веленью» Емеля строит себе не дворец, как в большинстве известных вариантов, а избушку, устраивает пир и женится на царской дочери. Другой поморский вариант близок к сказке Аф. № 165, перепечатанной им из лубочного издания.

27. [Нерассказанный сон]. Записали А. Разумова, А. Митрофанова в 1965 г. в д. Поньгома Кемского района от П. В. Микковой, 67 л. Ук. (доп. Пропп) 725. АКФ 124, 89 — фонотека 615/3; варианты: 29, 135; 29, 136. Публикации: Тум. 15; Чист., стр. 199; Пот., стр. 67; Худ. 87, приложения стр. 264; КНС II, 42; Померанц., стр. 86; Бал. (54). В русском репертуаре сказка не имеет широкого распространения, в Поморье тоже встречается редко. Текст Микковой близок к традиционному сюжету, сказке Аф. 240, Корг. 15. Отец гневается на сына, так как он не рассказывает ему свой сон, привязывает его к дереву; с помощью чудесных предметов герой выполняет задания невесты царевича. Сущность нерассказанного сна раскрывается в конце сказки, когда герой возвращается домой. Исполнительница сохраняет мотив о воде, несколько видоизменяя его: «Утром вставает Иван-Нерассказанный сон, а отец несет ему воду умываться, а мать несет полотенце». После этого родители узнают сон. В другом поморском варианте (АКФ 29, 135) герой, выучившись у морской царевны птичьему языку, узнает о своей судьбе из разговора птиц; он помогает царскому сыну жениться на морской царевне, а сам спасается, превращаясь в животных.

28. (Мертвец). Записали А. Разумова, Т. Сенькина в 1968 г. в д. Шуерецкое Беломорского района от Н. Г. Никитиной, 76 л. Ук. 365. АКФ 127, 45 — фонотека 1178/5; вариант 125, 57 — фонотека 908/13. В русском репертуаре сюжет не распространен. Варианты известны по немногочисленным записям в северных районах: П. Коренной. Заонежские сказки. Петрозаводск, 1918, IX — из Олонецкой губернии; Ончуков, 39 — с Низовьев Печоры; (289) — с Летнего берега Белого моря. Составителями записано два варианта в Кемском районе КАССР; в своей основе тексты напоминают балладу В. А. Жуковского «Людмила». В отличие от нее наш текст имеет иную развязку: в балладе девушка умирает на могиле жениха, в сказке Никитиной она остается жива, но лишается рассудка. Некоторое сходство баллады и сказки прослеживается по отдельным стихам, например,

в балладе:	в сказке:
«...светит месяц, дол сребрится, Мертвый с девицею мчится, Путь их к келье гробовой. — Страшно-ль, девушка, со мной?»	« — Месяц светит Мертвец едет, Любушку везет. Боишься ли меня?» — А, любушка моя,

Очевидно, сказка испытала влияние поверий о покойниках, выходящих из могилы. Такие поверья в Поморье сохранились до настоящего времени у пожилых женщин, о чем свидетельствует другой поморский вариант данного сюжета, где девушка спасается от мертвого жениха в часовне и только пение петухов освобождает ее от тягостных мук и страха, покойник уходит в могилу.

29. Хитрый вор. Записали А. Разумова, А. Митрофанова в 1967 г. в г. Беломорске от К. Я. Игнатьева, 66 л. Ук. (доп. Пропп) 950; (1525 Д). АКФ 125, 102 — фонотека 912/6; варианты: (29, 7; 29, 25). Публикации: Молд. (3), 12; Конкка, стр. 112; Никиф. 47; Азад. (11). Широкоизвестный сюжет о ловком воре, древнейший текст встречается уже у Геродота (см. книга II, глава 121); имеет широкое распространение на Севере (см. Онч. 59; 160, 168; Карн. 119; Корг. 63; Госп. 4; Конкка, стр. 112; Никиф. 47); известен в различных контаминациях. Наш текст близок к сказке Афанасьева 390, в обоих текстах вступлением служит сюжет—Ук. 1525 Д.

30. Про Ивана-царевича, Ивана-коровича и про Ивана — кухаркина сына. Записали А. Разумова, Т. Сенькина в 1968 г. в г. Беломорске от Б. Н. Сахарова, 35 л. Ук. (доп. Пропп) 303, (301 А). АКФ 127, 114 — фонотека 1182/14; варианты: 56, 205; (125,8— фонотека 905/8). Публикации: Конкка, стр. 39; Никиф. 51, 66, 73, 99; КНС I, 14; Гура, стр. 226; Померанц., стр. 189. В публикуемом тексте сочетаются два сюжета. Другие варианты Поморья имеют иную контаминацию. Основой нашей сказки является мотив чудесного рождения: от куска съеденной рыбы рождаются дети у царицы, ее кухарки и коровы. Подобная завязка встречена в другом поморском варианте (см. опись № 129 наст. сборника), наиболее близкой к тексту Б. Н. Сахарова является завязка сказки, записанной М. А. Колосовым (см. Карельск., № 8). В отличие от других известных сказок в тексте Сахарова братья ищут счастье не в одиночку, а все вместе, но между ними нет согласия в дальнейших действиях. Два старших брата женятся, а коровьего сына бросают в пропасть, исполнитель подчеркивает презрительное отношение к нему со стороны братьев.

31. (Медвежья лапа). Записали А. Разумова, Т. Сенькина в 1968 г. в г. Беломорске от Е. А. Сахаровой, 66 л. Ук. (доп. Пропп)*161. АКФ 127, 88 — фонотека 1181/1; варианты: 126, 142 — фонотека 1016/1; 126, 147 — фонотека 1016/6. Публикации: Яросл., стр. 22; Нов. 29, 36; Никиф. 38; Худ. 31, приложение, стр. 267; Бал. (77). Широко распространенная древняя сказка. Варианты имеют различные развязки: в одних медведь съедает старика и старуху, или уходит, не отплатив старикам за обиду; в других он попадает в подполье и погибает; публикуемый текст принадлежит к числу последних. Сказка записана от исполнительницы дважды, общая линия сюжета в обоих случаях ею сохранена; данный текст более полный; содержит традиционную песню медведя, которая в сравнении с вариантами более близка к Никиф. 38 (из Заонежья).

32. Про быка. Записали А. Разумова, Н. Лавонен в 1968 г. в д. Шижня Беломорского района от А. А. Белой, 72 л. Ук. (доп. Пропп) 130. АКФ 126, 8 — фонотека 1006/8; варианты: 127, 104 — фонотека 1182/4; 127/112 — фонотека 1182/12. Публикации: Чист., стр. 150; Башк. 4; Урал., стр. 158; Никиф. 62; Пенз., стр. 132; Гура, стр. 219. Различают две разновидности данного сюжета: одни сказки близки к «Бременским музыкантам» братьев Гримм (см. об этом — Карельск., № 32), они менее

распространены в русской сказочной традиции. Другие являются вариантами русской сказки «Зимовье зверей», к ним принадлежит и наш текст. Эти сказки развиваются в ином направлении, нежели сказки типа «Бременские музыканты». Но в той и другой группе вариантов можно видеть единую линию — раскрытие силы дружбы; если в «Бременских музыкантах» звери совместно прогоняют разбойников из дома и поселяются в нем, то в публикуемом тексте они сообща пугают волка и медведя, желающих занять их жилище. Исполнительница подробно описывает причину ухода зверей от хозяина, детально рисует попытку совместного строительства дома.

33. (Мужик и медведь). Записали А. Разумова, Н. Лавонен в 1968 г. в д. Шижня Беломорского района от А. И. Навагиной, 59 л. Ук. (доп. Пропп) 154. АКФ 126, 13 — фонотека 1007/3; (126, 76 — фонотека 1011/10), см. № 68 наст. сборника. Публикации: Нов. 37. В вариантах данного сюжета началом сказки служит эпизод о хитром мужике, обманывающем медведя при дележе урожая (см. Аф. 23—25; Ук. 1030), затем следует основная часть, мужик убивает медведя с помощью лисы (Ук. 154) и заключение — бегство лисы от собаки. (Ук.* 154 I). Публикуемый текст, раскрывая лишь основную часть известных вариантов, является короткой самостоятельной сказкой о встрече мужика с медведем. Участия лисы здесь нет; мужик, проявив находчивость, сам одурачивает медведя, спасается от него и возвращается к старухе с добычей.

34. Заколдованное царство. Записали И. Колесницкая, М. Шнеерсон в 1938 г. в д. Сухой Наволок Беломорского района от П. Я. Никонова, 51 г. Ук. (доп. Пропп) 402, 400 А, (544), 302. АКФ 29, 141; варианты: 29, 64; 29, 144; 49, 4; 49, 17; 56, 70; (79, 684); 79, 894; 125, 31 — фонотека 906/2. Публикации: Чист., стр. 133; Иваницк. (626); Никиф. 55, (108); КНС II, 14; Бал. (27), (69). Впервые опубликована Чистовым в сборнике «Перстенек — двенадцать ставешков», Петрозаводск, 1958, стр. 133. Сказка оригинальна по содержанию. Излагая известный сюжет, исполнитель вводит в текст новый момент, связанный с превращением Марьи-царевны в лягушку. Сказка начинается не с традиционного выбора братьями невест, а с рассказа о судьбе Марьи-царевны, которую чародей за нежелание выйти за него замуж превращает в лягушку, вместе с ней заколдовывает и все царство на триста лет (ср. «Спящая царевна» — Ук. 410). В поморских вариантах иногда женой героя становится не лягушка, а старая старуха (Корг. № 17, АКФ 49, 4; 49, 16). Объяснение причины, из-за которой царевна принимает безобразный облик, встречается также у Коргуева (№ 17): отец девушки превращает ее в старуху для того, чтобы спрятать от Кощея Бессмертного. В карельской сказке (КНС II, 14) девушка попадает в колодец, когда ей исполняется восемнадцать лет; лягушку кто-то должен взять замуж, в противном случае девушка никогда не освободится от чар. В отличие от других вариантов, в нашем тексте отец Ивана-царевича знает о судьбе царевны-лягушки. Убив Кощея Бессмертного, герой освобождает от чар не только жену, но и все царство. Текст Никонова насыщен традиционными элементами, в нем соблюдена сказочная обрядность, вместе с тем использованы имена, не характерные для русской сказочной традиции: Ондрон, чародей Мухомор. Большое внимание уделено сказителем раскрытию внутреннего мира героев.

35. (Молодильные яблоки). Записали И. Колесницкая, М. Шнеерсон в 1968 г. в д. Сухой Наволок Беломорского района от П. Я. Никонова, 51г. Ук. (доп. Пропп) 551, 301 А, (В), (400*В): АКФ 29, 140; вариант: 48, 4. Публикации: Нов. 54, 83, 85; КНС I, 39; Бал. 27, 43. Один из распространенных сюжетов в русской сказочной традиции. У исполнителей Поморья встречается в контаминации с другими сюжетами. Публикуемый текст принадлежит к числу полных вариантов, рассказан ярким и образным языком, отличается тщательной разработкой отдельных деталей.

Обычно поездка героя за молодильными яблоками и живой водой является предлогом, на него нанизываются другие эпизоды, но яблоки и вода уже не играют важной роли. В данном тексте иначе, живая вода и молодильные яблоки нужны герою: он омолаживает старуху, которая помогает ему; живой водой герой излечивает свои ноги; в конце сказки исполнитель снова напоминает о живой воде: «только молодильные яблоки да живую воду достал». В сказке сохранена сказочная обрядность, текст насыщен типичными сказочными формулами.

36. Морозко. Записали А. Разумова, Н. Лавонен в 1968 г. в д. Вирма Беломорского района от С. И. Головиной, 80 л. Ук. (доп. Пропп) 480*В. АКФ 126, 133 — фонотека 1015/13; Варианты: 56, 179; 29, 58; .79, 996); 125, 38 — фонотека 907/2; (125, 55 — фонотека 908/11); 125, 56 — фонотека 908/12; 126, 105 — фонотека 1013/16; 126, 132 — фонотека 1015/12; 127, 37 — фонотека 117/24; 127, 106 — фонотека 1182/6. Публикации: Нов. 31; Худ. 100; Сев. Дв., стр. 126; Гура, стр. 221; КНС II, 18. Одна из популярных русских сказок, принадлежащая к циклу «Мачеха и падчерица». В многочисленных поморских вариантах имеются две разновидности данного сюжета: в одних отец отвозит дочь в лесную избушку, где лошадиная голова (АКФ 125, 56; 127, 106) или неизвестная сила (АКФ 29, 58; 126, 32) награждает девушку за кротость и послушание; в других девушку оставляют в лесу под елкой, чудесным дарителем выступает мороз (публикуемый текст, а также АКФ 56, 179; 125, 38; 126, 105; 127, 37). От исполнительницы Головиной записаны два варианта. В публикуемом тексте несколько необычны в сравнении с другими поморскими сказками ответы девушки Морозу: на вопрос Мороза «Тепло ли тебе, девка?» она дает двусмысленный ответ: «А божье тепло, божье холодно», в другом ее варианте (АКФ 126, 132) использован необычный для большинства вариантов мотив, встречающийся на севере: собирая в лес падчерицу, мачеха дает ей «пеплу вместо муки, пиловки (опилки) вместо крупы, песку вместо соли, льду вместо масла»; подобный мотив имеется в сказке Кортуева № 75 (Ук. 480*С) — где мачеха дает падчерице вместо хлеба камень, вместо крупы — золы, вместо масла — смолы; у Карн. 27 — «Баба ей короб пакости наклала, грези да песку, заместо питева, ёдива».

37. Про женку и про мужика. Записали А. Разумова, Н. Лавонен в 1968 г. в д. Вирма Беломорского района от С. И. Головиной, 80 л. Ук. (доп. Пропп) 1365*Д. АКФ 126, 131 — фонотека 1015/11. Публикации: Молд. 96, 98; Худ. 56. Из цикла анекдотических сказок об упрямой жене. По сравнению с известными вариантами (текст Аф. 438 и другие) сказка Головиной своеобразна: упрямство проявляет ленивый муж, он не хочет работать, его везут хоронить живого; ни одно предложение, призывающее его к труду, не встречено им положительно, мужа хоронят заживо. От С. И. Головиной записан другой вариант данного цикла. См. опись настоящего сборника № 358.

38. Никола Дубленский. Записали А. Разумова, Н. Лавонен в 1968 г. в д. Вирма Беломорского района от М. В. Дементьевой, 65 л. Ук. (доп. Пропп) 1380. АКФ 126, 143 — фонотека 1016/2; вариант 79, 921. Публикации: Башк. 33; Молд. 17; Дом. 56; Никиф. 105; Азад. 25, 38; КНС I, 60; Комовск. 7. В публикуемом тексте острие сатиры направлено против неверных жен, попадающих в ловушку из-за своей глупой набожности. Сказки данного сюжета носят также антипоповский характер; попы в них высмеиваются как глупые мужья или как неудачливые любовники. Любопытно, что роль обличителя неверной жены всегда выполняет бедняк: если события развертываются в поповской семье, им является работник (Азад. 25; Сок. 1), а в случае, когда неверной оказывается жена бедняка, роль обличителя берет на себя ее муж — крестьянин (Публ. текст; Никиф. 105; Дом. 56).

39. Про пантуфни. Записали А. Разумова, Н. Лавонен в 1968 г. в д. Вирма Беломорского района от М. В. Дементьевой, 65 л. Ук. (доп.

Пропп)* 1885. АКФ 126, 45 — фонотека 1016/14; варианты (56, 20А; 126, 46 — фонотека 1009/12). Публикации: Дом. (27), 28. Сказка Дементьевой имеет антирелигиозную направленность. Не получив ответа от судьи на земле, мужик с жалобой на быка попадает к богу на небо, но вопрос в его пользу не разрешается и там; неудовлетворенный жалобщик прыгает на землю и разбивается. С вышеуказанными вариантами наш текст сходен по одному мотиву — влезание старика на небо; прослеживается большая его близость к небылице, записанной в Котельническом у. Вятской губ. (См. ЗВ, № 53[1], а также к тексту Дом. 28.)

40. (Попов жеребенок). Записал Н. Алексеев в 1938 г. в д. Вирма Беломорского района от П. И. Мартынова, 34 л. АКФ 29, 83. Подобного сюжета в Указателях Аарне — Андреева и Проппа нет. Излюбленными сказками Мартынова являются анекдотические, преимущественно антипоповские. Публикуемый текст близок к анекдотическим сказкам антиклерикального характера. Мужик на исповеди сознается в краже жеребенка и осмеивает попа публично.

41. Ляганье и дрыганье. Записал Н. Алексеев в 1938 г. в д. Вирма Беломорского района от П. И. Мартынова, 34 л. Ук. 1825* Д. АКФ 29, 84; варианты: 29, 70; (29, 71). Публикации: Иваницк. 650; Дом. 74; Никиф. 21; Азад. 20; Гура, отр. 267. Принадлежит к группе анекдотических сказок о попах. Новые варианты в публикациях редки. Наиболее популярен вариант Иваницкого, 33. Сказка Мартынова близка к тексту Соколова, 12; содержит небольшое, но существенное резюме, придающее ей антирелигиозную направленность.

42. Про дьячка. Записали А. Разумова, Н. Лавонен в 1938 г. в д. Вирма Беломорского района от Ф. В. Поповой, 57 л. Ук. (доп. Пропп) 1643, 1600 А. АКФ 126, 127 — фонотека 1015/7; варианты: 29, 78; 58, 68. Текст объединяет два сюжета: о дураке, который находит деньги под деревом и о дураке-убийце, которого спасают братья. Вариант Поповой близок к тексту Аф. 402. Сказка записывалась от исполнительницы дважды; ранний вариант (записан в 1938 г.) текстуально совпадает с публикуемым.

43. Иванушка-дурак. Записал Н. Алексеев в 1938 г. в д. Вирма Беломорского района от Ф. В. Поповой, 26 л. Ук. (доп. Пропп)* 1681 I. АКФ 29, 77; варианты: 126, 128 — фонотека 1015/8, записан от той же исполнительницы; 58, 33. Публикации: Башк. 31; Молд. 88; Урал., стр. 137; Худ. 27; Прикам., стр. 137; Бал. 139. Распространенный сюжет, имеет много различных вариантов. Сказка Поповой компактна, близка к тексту Аф. 400. Ее повторная запись очень сходна с публикуемым текстом, отличается лишь завязкой: герой нанимается в работники и выполняет задания своих хозяев. Вариант АКФ 58, 33 отличается реалистично разработанными местными деталями, они используются сказочницей при характеристике героя и его братьев.

44. Поп, дьякон да пономарь. Записал Н. Алексеев в 1938 г. в д. Вирма Беломорского района от Д. В. Филатова, 37 л. Ук. 1730. АКФ 29, 85; варианты: (25, 15); 56, 194; 56, 206; 50, 21; 58, 13; 58, 26; 125, 97 — фонотека 911/11. Публикации: Молд. 36; Яросл., стр. 62; Дом. 102; Никиф. 28; Азад. 22, 23; КНС I, 72, 73; Гура, стр. 270. Сюжет из цикла сказок о попах. Варианты подобных сказок в Поморье разнообразны; попы всегда получают наказание: жена сажает «долгогривых любовников» в ларь с сажей, а муж везет ларь на рынок; «любовники», вымазанные сажей, убегают под общее осмеяние толпы; муж убивает «любовников» - жены, нанимает дурака утопить убитых и т. д. В отдельных вариантах сюжет принимает резкую социальную направленность (АКФ 125, 97), жена не

[1] Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии. Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии, т. XLII. Пг., 1915, № 53, стр. 185.

только наказывает духовных лиц, но и разоблачает их в присутствии начальства, поп и дьякон лишаются духовного сана. Данный эпизод сближает сказку с древнерусской повестью о Карпе Сутулове, но в сказке по сравнению с повестью выражен антагонизм между народом и служителями церкви. Публикуемый вариант принадлежит к числу наиболее популярных в Поморье, близок к сказке Коргуева № 67: поп, дьякон и пономарь напрашиваются на свидание к мужней жене, она позволяет им прийти в разное время (по очереди), муж, зная об этом, является в условленное время и вместе с женой учиняет над ними расправу.

45. Никифорово чудо. Записал Н. Алексеев в 1938 г. в д. Вирма Беломорского района от М. В. Филатова, 45 л. Ук. (доп. Пропп) (*449 А). АКФ 29, 80; варианты 126, 36 — фонотека 1015/16; 126, 41 — фонотека 1016/3; 50, 20; 125, 87 — фонотека 910/6. Публикации: Тум. 18; Никиф. 110; Бал. (50). Сказка представляет собой объединение нескольких самостоятельных мотивов вокруг основного стержня (поиск Никифорова чуда); в известных русских сборниках в таком виде не встречается. По композиции близка к сказке Афанасьева, № 254, 255 («Диво»). Наш текст имеет оригинальную завязку, рассказанную в виде бывальщины — необычный случай у рыбаков с завязыванием и развязыванием сетей. В качестве самостоятельной сказки эта завязка в устном бытовании в Поморье не зарегистрирована. Мотивы, содержащиеся в публикуемом тексте — превращение молодца в жеребца, а девушки в кобылицу; превращение ссорящихся жен в кроватку и березку; рассказ Никифора о своем чуде, встреча его с лесовиком, съедающим сыновей Никифора — не имеют соответствующих номеров в указателе за исключением одного — *449 А — превращение мужа в кобеля и селезня (см. Карн. 140; Сок. 65). В 1968 году составителями записан вариант, очень близкий к публикуемому тексту, от К. Я. Игнатьева в г. Беломорске; исполнитель утверждает, что усвоил сказку от своего отца. Другие подобные, но более краткие варианты записаны в Беломорском и Лоухском районах.

46. Поп и Сенька работник. Записал Н. Алексеев в 1938 г. в д. Сумский Посад Беломорского района от Н. А. Бахилева, 62 г. Ук. (доп. Пропп) 1539. АКФ 29, 29; варианты: 50, 16; 79, 688; 124, 92 — фонотека 616/2. Публикации: Чист., стр. 96; Молд. 33; Пот., стр. 184; Урал., стр. 68; Иваницк. 649; Дом. (159); Азад. 10. КНС I, 68, 69; Худ. 121, приложение, стр. 275; Гура, стр. 265, 266, (272); КНС II, (74); Померанц. (365). Сюжет широко распространен в русском и европейском репертуаре, большая часть вариантов имеет социальную направленность. Текст Бахилева близок к сказке «Шут Гаврила», записанной в Поморье Цейтлиным (см. Карельск., 21); представляет собой сатиру на духовенство. Герой сказки ловок, хитер и умен; обманывает попа, избавляется от его преследований, одурачивает барина, пожелавшего стать судьей. Остро подан исполнителем ответ работника на вопрос попа, как он вышел живым из-под воды.

47. Туру, туру, пастушок. Записали А. Разумова, Н. Лавонен в 1968 г. в д. Сумский Посад Беломорского района от А. Н. Каманиной, 83 л. Ук. *2015 I. АКФ 126, 99 — фонотека 1013/11; варианты: 126, 91 — фонотека 1013/3; 127, 121 — фонотека 1183/7. Публикации: Никиф. 78. Кумулятивная сказка, состоит из цепи ответов на вопрос «где». Публикуемый текст и другие подобные варианты бытовали в Поморье как развлекательные речитативные сказки; в настоящее время известны редким лицам пожилого возраста.

48. Василиса Премудрая. Записали И. Колесницкая, М. Шнеерсон в 1938 г. в д. Сумский Посад Беломорского района от Н. Д. Клевина, 56 л. Ук. (доп. Пропп) 313 С. АКФ 29, 21; варианты: 56, 42; 29, 38; 29, 46; 29, 98; 48, 5; (79, 855); 126, 59 — фонотека 1010/3; 127, 87 — фонотека 1180/13. Публикации: Башк. (13, 16); Никиф. 41, 49, (97), (106); Худ. 46, 78, (92); Прикам., стр. 114; КНС II, 8; Бал. (21), (44); (48), (95). Широко распространенная сказка, была обработана В. А. Жуковским («Сказка

о царе Берендее»). Варианты разнятся своим началом; в некоторых из них завязкой служит эпизод с Орлом-царевичем (Аф. 219; поморский вариант 48,5). Характерным началом северных вариантов является остановка корабля среди моря (Ончуков, 128, 153; поморские варианты 29, 38; 29, 46; 127, 87; публик. текст). Тексты из Поморья традиционно выдержаны, сохраняют троичность: герой получает три задания, трижды повторяется погоня водяника за дочерью и ее женихом; конец всегда благополучен. Сюжет Ук. 313 встречается в контаминации с другими, например, с сюжетами Ук. 314, 315 в сказке, записанной от Богданова А. К. из Полубояр (АКФ 46, 3) и в сказке, записанной от Савина Е. М. из Керети (АКФ 58, 23).

49. Вавилонское царство. Записали И. Колесницкая, М. Шнеерсон в 1938 г. в д. Сумский Посад Беломорского района от Н. Д. Клевина 56 л. Ук. *485 А. АКФ 29, 19; варианты: 29, 11; (29, 37); 29, 82; 79, 685. Публикации: Иваницк. 629; Никиф. (40). Известная в Поморье сказка, имеет отдаленное сходство с древнерусской повестью «О падении Вавилонского царства». Наш текст близок к сказкам, представленным в сборнике Ончукова (№ 31, 48, 181, 182, 282). Большое сходство наблюдается в имени героя: Барсуков (АКФ 29, 82 и публикуемый текст), Борсуков (Онч. 282 — с Летнего берега Белого моря), Бурмаков (Онч. 48 — с низовья Печоры), Кармаков (Онч. 181 — из Олонецкой губ.). В исполнении Клевина сказка приобретает более реалистический характер. Поморские варианты отличаются друг от друга завязками. В сказке А. С. Никитиной, записанной от нее дважды (Онч. 57, АКФ 29, 11) началом служит сватовство героя к царской дочери, выполнение трудных поручений, в частности добывание короны; в сказке АКФ 29, 82 царь просит найти не корону, а утерянную дочь; в сказке 29, 37 три брата отправляются путешествовать, младший меняет соль на золото, братья бросают его в море, после чего начинаются приключения героя.

50. Наплот-молодец. Записали И. Колесницкая, М. Шнеерсон в 1938 г. в д. Сумский Посад Беломорского района от Н. Д. Клевина, 56 л. Ук. (доп. Пропп) 519. Опубликована с небольшой правкой К. Чистовым в сб. «Перстенек, двенадцать ставешков», Петрозаводск, 1958, стр. 101; АКФ 29, 20; варианты: 58, 14; (50, 19). Публикации: Бал. (54). Сюжет «Слепой и безногий» исследователи сказки связывают с основным сюжетом немецкого сказания «Песни о Нибелунгах» (см. об этом Аф. 198 комментарий). Варианты сюжета немногочисленны, но разнообразны, целый ряд из них записан на Севере (Онч. 177, Сок. 111, 143; Карп. 166; Корг. 22; Сказки и песни Вологодской обл. Сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина, Вологда, 1955, № 14). В Поморье сказка встречается редко, записана от Коргуева (см. Корг. 22); в распоряжении составителей имеется два текста, третий совпадает лишь частично. В большинстве известных вариантов в начале следует эпизод женитьбы царевича на царь-девице, герой простого звания помогает ему в этом. В нашем тексте завязка иная: родители не могут научить сына никакому ремеслу, в гневе привязывают его к плоту (или зашивают в кожаный мешок — АКФ 58, 14) и сплавляют по течению в море. Расправа родителей с сыном (героем) встречается только в поморских вариантах и в сборнике Ончукова (177), хотя здесь мотив расправы иной: родители испугались сына-приплыша, которого мать «утром принесла, а ввечеру на ногах пошел». Интересно отметить устойчивость выражения желаний героя в этих сказках у Ончукова: «Кабы мне лук, я стрелять бы, кабы мне мець, а бы сець, кабы была красна девка, я бы спать». В публикуемом тексте: «Фу, какая тишь да гладь, да божья благодать! Был бы меч — стал бы сечь, был бы добрый конь — гулять бы съездил, была бы красная девица — ночь проспал». В варианте, записанном в д. Кереть Лоухского района (АКФ 58,. 14): «Ох, тишь да гладь, божья благодать, кабы мне, добру молодцу, на кони скакать, калену стрелу из лука спускать, булатным мечом голову

секать, а с красной девицей ночь проспать!». У Коргуева: «Эх, дать, божья благодать, кабы конь — мне гулять, кабы лук — мне стрелять, кабы мець — мне-ка сець, кабы красна девица — мне с ней спать». У Балашова (54) — «Кабы меч, так было кому сечь, а кабы лук, так было бы рук (любуется сам собой), а кабы красна девка, было бы с кем спать». Эти совпадения, а также сходство начала нашей сказки, варианта АКФ 58, 14 и сказки Ончукова, записанной Пришвиным на Карельском острове Выгозерского края, дают основание предполагать, что указанные особенности специфичны для северных сказок данного сюжета. В тексте Ончукова и поморских вариантах отражены черты местного быта, подробно разработан эпизод плавания героя на плоту, на корабле.

51. [Добрые советы: три слова]. Записали И. Колесницкая, М. Шнеерсон в 1938 г. в д. Сумский Посад Беломорского района от Н. Д. Клевина, 56 л.Ук. (доп. Пропп) 910 В, (677). АКФ 29, 22; варианты: 29, 8; 29, 101; (29, 123); 79, 925. Публикации: Никиф. 40; КНС I, 56. Сказки на сюжет Ук. 910 широко известны, основа их устойчива, контаминации редки. Целый ряд вариантов известен в записях из Северных областей (см. Онч. 12, 85, 91, 155; Сок. 58), к ним можно присоединить и поморские тексты. Следует отметить некоторые элементы, присущие поморским текстам: герой всегда простой парень, он женится на царской дочери, выполняет ее поручения; общими для Поморья являются «заветные слова» — «Пойди не бойся», «Суди и не обсуди», «Замахнись, а не ударь», в других северных вариантах эти слова иные; в поморских текстах используются былинные мотивы (оценка кораблей, подарки для иноземного короля). Из всех поморских текстов на данный сюжет в публикуемой сказке ярче отражен местный колорит: герой отправляется путешествовать матросом, быт царской дочери отождествляется с бытом поморок, она живет в простой избе, встает, как и все крестьянки, рано утром, греет самовар. Язык сказки богат местными словами; используется морская терминология (фордовень, реленга, поветерь и т. д.).

52. Про горошинку. Записали А. Разумова, Н. Лавонен в 1968 г. в д. Сумский Посад Беломорского района от П. П. Кошелевой, 61 г. Ук. (доп. Пропп 1960* G I, 37. АКФ 126, 94 — фонотека 1013/6; варианты: 79, 859; 126, 46 — фонотека 1009/12. Публикации: Никиф. (37), 90. Сюжет 1960* G I чаще встречается в соединении с другими сюжетами (37; *1425; *1885), в записи из северных областей известен ряд подобных текстов (см. Аф. 18 из Архангельской области; Никиф. 90 из Мезени; Онч. 37 с Печоры и другие). В публикуемой сказке соединены два сюжета. Репертуар исполнительницы ограничен, но мастерство ее рассказывания покоряет любого слушателя. Кошелева обладает исключительным умением образно интонировать голоса людей и животных, артистически передавать настроение того или иного персонажа.

53. [Мужик в роли попа]. Записали И. Колесницкая, М. Шнеерсон в 1938 г. в д. Сумский Посад Беломорского района от М. О. Нетужилова, 62 л. Ук. 1825 А, В. АКФ 29, 71; варианты: (29, 70; 29, 84). Публикации: Башк. 36; Молд. 26, 27; Дом. 76; Азад. 16, 17; КНС I, 77. Антипоповская сказка-анекдот. Публикуемый текст близок к сказке Ончукова № 63, записанной в селе Вирма Беломорского района, наблюдается не только сюжетное, но и текстуальное сходство (см. тексты песен попа «Из-за острова, острова Кондострова»). В сравнении с Ончуковым сказка Нетужилова имеет иное завершение: архиерей, испуганный угрозой попадьи, терпимо относится к службе попа и жалобе прихожан. Сходство вариантов возможно вследствие близости мест записи. Село Вирма, где записал сказку Ончуков, и Сумский Посад, где записан текст Нетужилова, находятся на расстоянии 20 километров.

54. Про Ивана-сосновца. Записали Е. Ленсу, Л. Хайкина в 1938 г. в д. Сумский Посад Беломорского района от Е. С. Привалова, 73 л. Ук. (доп. Пропп) 301 А, 301 В. АКФ 29, 4; варианты 29, 13; 29, 99; 29, 140;

49, 12; 58, 27; 58, 60; 125, 8 — фонотека 903/8. Публикации: Бал. (145); КНС I, 13; 47; КНС II, 29. Одна из наиболее распространенных русских сказок, широко известна и среди карелов (см. КНС I, 47 — примечание). Особенностью нашего текста является чудесное рождение героя из соснового пня, этот мотив характерен для севера (Никнф. 85; Корг. II; КНС I, 47; АКФ 49, 12; 58, 27). В отличие от традиционного сюжета, где герои идут на поиски исчезнувших невест, в публикуемом тексте Е. С. Привалова Иван-сосновец со своими спутниками отправляется путешествовать, не имея перед собой определенной цели; в сказке нарушена традиционная троичность: герой под землей встречает не трех, а четырех девиц, что соответствует четырем мужским персонажам, это устраняет конфликт героя и его спутников и обуславливает отсутствие дальнейшего развития событий.

55. [Пойди туда, не знаю куда]. Записали Е. Ленсу, Л. Хайкина в 1938 г. в д. Сумский Посад Беломорского района от Е. С. Привалова, 73 л. Ук. (доп. Пропп) 465 А. АКФ 29, 2; варианты: 48, 5; 79, 689. Публикации: Яросл. 32; Пот. 47, 59; Нов. 22, 82; Никиф. 107; КНС I, (24); Бал. (6). Широко распространенная русская сказка; публикуемый текст близок к сказке Корг. 2. В сравнении с известными вариантами исполнитель более реалистично передает происходящие в сказке события, из нее становится известно, что только один день в неделю стрельцы занимались охотой для себя, а шесть дней работали на хозяина; стремление к реальности отразилось и в лексике. Сказка носит острый социальный характер. Героем ее является простой охотник, царь наделен отрицательными чертами: завистью, самодурством, жестокостью. Несмотря на все препятствия, поставленные царем перед героем, он выходит из них победителем. За деспотизм царь наказан: должен тридцать лет пасти коров.

56. Про Нестера. Записали Е. Ленсу, Л. Хайкина в 1938 г. в д. Сумский Посад Беломорского района от Е. С. Привалова, 73 л. Ук. (доп. Пропп) * 1525 I. АКФ 29, 7; вариант 29, 25. Публикации: Дом. 160; Померанц. 253. Сказки о хитрых и ловких людях широко распространены в мировом фольклоре; встречаются в дореволюционных сборниках и сборниках советского времени. Различные версии сюжета о ловком воре известны в лубочных изданиях. Текст Привалова близок к сказке Аф. 388 (Наум идет воровать, встречает двух мужиков, берет их с собой, к месту кражи катится в соломе. Спор о краденом Наум разрешает у судьи, рассказывает ему сказки). Мотив бедности и большой семьи вора (семь детей) встречается в сказке Сок. 86; Корг. 62. Публикуемый текст отличается углублением сюжета. В большинстве известных вариантов герой становится вором не по своему желанию (барин дает задание украсть жеребца, быка и т. д., см. Сок. 25; барин просит украсть у него различные предметы, см. Сад. 31 [1]) или воровство не обосновывается, внимание в таких случаях направлено на факты ловкой покражи. У Привалова воровство обосновано, Нестер кормит им свою семью; внимание сосредоточено на изображении удачи и ловкости героя. Сюжет расширен за счет того, что Нестер обворовывает двоих, барина и царя.

57. Курица. Записали И. Колесницкая, М. Шнеерсон в 1938 г. в д. Сумский Посад Беломорского района от Е. В. Рохмистовой 63 л. Ук. (доп. Пропп) 20 С. А, 21, 1, 2. АКФ 29, 50; варианты: 50, 1; 126, 112 — фонотека 1014/4. Публикации: Никиф. 1, 31; Урал., (стр.152); Бал. 70, (142). Сюжеты «Звери бегут от кончины мира», «Звери в яме» встречаются на Севере (см. Онч. 216; Коренной III). Текст Рохмистовой представляет собой контаминацию нескольких сюжетов: звери бегут от

---

[1] Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. XII. СПб., 1884, № 31.

«войны»; звери в яме; пожирание собственных внутренностей; лиса и волк. Последний сюжет, один из наиболее распространенных среди животных сказок, чаще выступает в соединении с другими. В таком сочетании, как в публикуемой сказке, этот сюжет в известных сказочных сборниках не встречен. Мотив ложной тревоги, вызванной курицей, по-видимому, известен преимущественно на Севере. См. Онч. 216, текст записан в Олонецкой губернии; Никиф. 1, 31 — записаны в Карельской АССР, (Бал. 70), а также вышеуказанные варианты из Карельского Поморья.

58. Старуха и звери. Записали И. Колесницкая, М. Шнеерсон в 1938 г. в д. Сумский Посад Беломорского района от Е. В. Рохмистовой, 63 л. Ук. (доп. Пропп) 158,* 160 I. АКФ 29, 63; вариант 126, 72 — фонотека 1011/6. Публикации: Иваницк. 521; Худ., приложение стр. 277; КНС II, 4. Данная сказка служит примером того, как один и тот же сюжет у разных исполнителей в зависимости от характера героя приобретает различные оттенки (см. Онч. 127; См. 76, 225). Основным сюжетом сказки Е. Рохмистовой, так же как и сказки № 73 настоящего сборника, является сюжет Ук. 158: звери в отсутствие старухи съедают запряженного в сани быка. В сказке № 73 старуха нечестным путем завладевает быком и за это справедливо наказана. У Рохмистовой старуха является невинной жертвой. По сказочной традиции противник, причинивший зло положительному герою, должен быть наказан. Исполнительница умело вводит в сказку другой сюжет: звери, съевшие у старухи быка, погибают. Характер героини сказки, ее веселый нрав, доброта, находчивость раскрыт в диалоге с животными, который исполнительница передает очень удачно и красочно. Благодаря прекрасному умению разрабатывать отдельные детали и эпизоды, Е. В. Рохмистова может быть поставлена в ряд талантливых рассказчиков.

59. Про другу матерь. Записали И. Колесницкая, М. Шнеерсон в 1938 г. в д. Сумский Посад Беломорского района от Е. В. Рохмистовой, 63 л. Ук. (533 А), (451 — начало). АКФ 29, 49; варианты: 29, 10; 55, 13; 124, 95 — фонотека 628/2; 126, 118 — фонотека 907/6; 127, 94 — фонотека 1181/7. Публикации: КНС I, 35; Никиф. 80. В русском сказочном репертуаре сюжет широко не распространен. Имеющиеся в публикациях варианты записаны преимущественно на Севере (Карн. 96 — на Пинеге; Никиф. 80 — на Пинеге; Онч. 218 — из Заонежья), к ним близок публикуемый текст, но большее его сходство прослеживается с широко известной карельской сказкой (см. КНС I, 35 и комментарий). Все остальные поморские варианты представляют собой переложение сказки Андерсена «Двенадцать диких лебедей».

60. Золотая рыбка. Записали И. Колесницкая, М. Шнеерсон в 1938 г. в д. Сумский Посад Беломорского района от Е. В. Рохмистовой, 63 л. Ук. (доп. Пропп) 555. АКФ 29, 60. Вариант известного сюжета о чудесном дарителе. См. примечание № 24 настоящего сборника. Известные в Поморье тексты обнаруживают большое сходство с пушкинской сказкой о золотой рыбке. Многочисленные записи вариантов убеждают, что сказка прочно вошла в фольклорную традицию этого края. По-видимому, пушкинский текст был широко известен исполнителям, и поморские сказки близки к пушкинской не только по содержанию, но и по стилю. Почти в каждом поморском тексте встречаются строки и выражения, близкие к сказке Пушкина: «Не хочу быть крестьянкой, хочу быть столбовой дворянкой» — АКФ 126, 5; «жили-были старик со старухой у самого синего моря, они жили в ветхой землянке ровно тридцать лет и три года» — АКФ 126, 92; «чтобы служила мне рыбка золотая и была у меня на посылках» — АКФ 127, 38; «не хочу быть царицей, хочу быть владычицей морскою» — АКФ 126, 116. Публикуемый текст тоже близок к пушкинской версии, но не является простым пересказом, имеет черты сходства и отличия. На близость к пушкинскому тексту указывает все содержание и ряд

выражений: «дурачина ты, простофиля», «смилуйся, государыня-рыбка», «...старуха ... еще пуще вздурила» и др.; в отличие от него Рохмистова опускает картину постепенного нарастания бури на море, сокращает мотив о корыте (оно заменяет старикам избу); в сказке показаны переживания старика, прежде чем он выразит рыбке последнее требование старухи. Исполнительница вводит в свой текст ответ рыбки старику на его последнюю просьбу — «иди, старик-старичок, к старухе, не хочет так жить, так пусть идет в старо корыто». (Подобный ответ содержится в тексте Госп. 23). Однако черт сходства с пушкинской сказкой у Рохмистовой больше, нежели отличий, и это особенно интересно, так как собирателями отмечено, что исполнительница неграмотная, эту сказку она слышала в молодости от неграмотных старух.

61. [Жених-разбойник]. Записали И. Колесницкая, М. Шнеерсон в 1938 г. в д. Сумский Посад Беломорского района от Е. В. Рохмистовой, 63 л. Ук. (доп. Пропп) 955. АКФ 29, 57; варианты: 29, 43; 29, 130; 124, 85 — фонотека 614/3. Публикации: Никиф. 60; Бал. 60. Аналогичный текст использован Пушкиным в его балладе «Жених» (см. Карн. комментарий № 38). Публикуемая сказка особых отличий от других русских вариантов не имеет; близка к тексту Аф. 344. В отдельных вариантах начало разработано иначе: разбойники нападают на дом отца девушки; защищаясь, девушка убивает одного из них, затем происходит сватовство. У Рохмистовой сказка начинается со сватовства. В поморье сюжет распространен преимущественно среди женщин, имеет различные названия. «Гороховая дорожка», «Три разбойника». (Ср. «Жемчужная дорожка», См., 344 [1]).

62. Чудесная птица. Записали Е. Ленсу, Л. Хайкина в 1938 г. в д. Колежма Беломорского района от С. П. Егорова, 63 л. Ук. (доп. Пропп) 567, 735. АКФ 29, 109 А; варианты: 25, 9; 50, 2. Публикации: Башк. 23; Пот. 125; Иваницк. 625; Никиф. 101; Худ. 52, 86, 104; Гура, стр. 249; Сев. Дв., стр. 120; КНС II, 25, (44). Основой нашего текста является популярный на Севере сюжет «Чудесная птица», началом служит сюжет «Две доли». Счастье бедного брата олицетворяется непосредственно в утке. О том, где находится счастье бедняка, ему говорит неизвестный голос, и только после повторения услышанных слов бедняк видит чудесную утку. В дальнейшем действие развивается как и в других вариантах этого типа. Сказку Егорова отличают лишь некоторые особенности: чудесную утку обычно находят (на охоте, при ловле рыбы), у Егорова утка появляется из овина сама. Своеобразна мотивировка возвращения мужа домой: корабль настигнут штормом, и он вынужден вернуться. Братья проявляют гуманность по отношению к своей няне, спасшей их от смерти. Подобная сказка о счастье была записана в Колежме политическим ссыльным Цейтлиным (см. Карельск. № 18; также Корг. 9, 20). В нашем тексте сохранены некоторые детали, совпадающие с вариантом Цейтлина (любовником жены бедняка, так же как и в сказке Цейтлина, является дьячок, подозревающий, что его накормили мясом собаки).

63. Как брат сестре руки-ноги отсек. Записали Е. Ленсу, Л. Хайкина в 1938 г. в д. Колежма Беломорского района от А. Т. Сопуновой, 48 л. Ук. (доп. Пропп) 706. АКФ 29, 92; варианты: 56, 231, 124, 78 — фонотека 613/2. Публикации: Никиф. 39; КНС II, 37; Померанц. 70; Бал. 47, 134. Сказка известна по многочисленным дореволюционным русским сборникам, встречается в публикациях и записях советского времени. В Поморье записана в 1935, 1938 и 1964 гг. Сказка Сопуновой по композиции близка к известному сюжету (Ук. 706), но разработана исполнительницей более реалистично, чудесные моменты сюжета выражены менее ярко. В целом ряде вариантов сын безручки родится «по ло-

[1] А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества, вып. I, II. «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. XLIV. Пг., 1917, 344.

коть руки в серебре, по колен ноги в золоте», или «волосы жемчугом пересыпаны, в голове ясный месяц, в темячке ясно солнышко». В публикуемом тексте сын безручки отличается тем, что в три месяца он уже бегает, рассказывает сказку о судьбе матери. Прост у Сопуновой и момент исцеления безручки: неизвестный голос подсказывает, чтобы она опустила в озеро руки и ноги; женщина исцеляется.

64. Как петушок задавился поповым зернышком. Записали А. Разумова, Н. Лавонен в 1968 г. в д. Нюхча Беломорского района от К. И. Анастасьевой, 66 л. Ук. (доп. Пропп)*241 I. АКФ 126, 52 — фонотека 1009/18. Публикации: Урал. 161; Иваницк. 622; Никиф. 44, 93; Прикам. 113; Гура, стр. 218; Бал. 9, 89. Общеизвестная сказка, имеет широкое распространение на Севере, по своей композиции близка к кумулятивным; известные варианты почти не отличаются друг от друга. Особый интерес в данном сюжете представляют два условия, поставленные перед просителем: море (в нашем тексте река) может дать воды только тогда, когда ему принесут лист березы или липы, береза в свою очередь в обмен на лист просит принести ей пояс девушки (Никиф. 93), в других вариантах (Бал. 9; Гура, стр. 218; Никиф. 44) вместо пояса дерево требует в обмен на лист принести нитки, в нашем тексте данный эпизод утрачен. Эти примеры можно сопоставить с некоторыми обрядами, связанными с культом божества растительности у древних народов, например, с обрядом семицкой березки: украшение ее лентами, подвязывание поясом, бросание в воду. (Подробно об этом обряде см.: В. Пропп «Русские аграрные праздники». Изд. ЛГУ, 1963, гл. V, стр. 57—67).

65. Золотая солоночка. Записали А. Разумова, Н. Лавонен в 1968 г. в д. Нюхча Беломорского района от К. И. Кирьяновой, 67 л. Ук. (доп. Пропп) 1415. АКФ 126, 57 — фонотека 1010/1; вариант 126, 39 — фонотека 1009/5. Публикации: Пот., стр. 153; Никиф. 35, 122; КНС I, 64; КНС II, 69; Померанц. (326); Бал. 137. Публикуемый текст относится к большому циклу сказок о супругах; по своей композиции близок к кумулятивным: цепной процесс мены, повторяющиеся вопросы и ответы. Наиболее близкими к нашему тексту являются варианты: Бал. 137; Никиф. 35; КНС II, 69.

66. Медведь и мужик. Записали А. Разумова, Н. Лавонен в 1968 г. в д. Нюхча Беломорского района от Ф. Н. Кичигиной, 69 л. Ук. (доп. Пропп) 1030, (154). АКФ 126, 44 — фонотека 1009/10; варианты: 126 II — фонотека 1007/1; 126, 13 — фонотека 1007/3; 127, 105 — фонотека 1182/5; (46, 13). Публикации: КНС II, 55. Оба сюжета, составляющие данный текст, в Поморье встречаются и как две самостоятельные сказки, но широкого распространения не имеют.

67. Про Рака Раковича. Записали А. Разумова, Н. Лавонен в 1969 г. в д. Нюхча Беломорского района от П. Е. Поповой, 72 л. Ук. 425 А. АКФ 126, 30 — фонотека 1008/14; варианты: 29, 17; 29, 127; 29, 129: 49, 11; 58, 62; 79, 703; 79, 856; 79, 889; 126, 79 — фонотека 1012/2; 126, 107 — фонотека 1013/18. Публикации: Башк. II; КНС I, (21); КНС II, 16; Бал. (59), 88, 131. Поморские варианты данного сюжета условно можно разделить на две группы. В одних сказках жених до определенного времени невидим (АКФ 29, 127; 29, 129; 49, 11; 58, 62); он ставит условие отцу невесты — отдать дочь замуж, иначе старику запрещается рубить лес. Девушка может увидеть жениха, выполнив условие доброй колдуньи — зажечь лишь две спички (в некоторых вариантах — не уронив искру на спящего юношу). Невеста нарушает условие, зажигает три спички (роняет искру), жених исчезает. В этой группе сказок дана традиционная разработка сюжета. В другой группе вариантов, к ней принадлежит и публикуемый текст, чудесным женихом является Рак, пойманный сетями в море (АКФ 29, 17; 126, 79; 126, 107). Он становится названным сыном старика и старухи, настаивает на помолвке с царской дочерью. Все задания, предложенные жениху, выполняют

чудесные помощники Рака Раковича. Невеста видит жениха в образе юноши лишь ночью, как только она сообщает об этом родителям или сжигает шкуру Рака Раковича, он исчезает. Данная группа сказок отражает специфическую особенность поморских вариантов. Нигде, кроме Поморья, главное действующее лицо сказки не выступает в образе Рака. Общей для большинства поморских вариантов является вторая часть сказки, связанная с поисками жениха после его исчезновения. Получив добрые советы, девушка вызволяет жениха от бабы-яги, назвавшей себя его невестой. В публикуемом тексте вместо бабы-яги выступает сестра Рака Раковича.

68. Про старика и старушку. Записали А. Разумова, Н. Лавонен в 1968 г. в д. Нюхча Беломорского района от А. Г. Сотниковой, 69 л. Ук. (доп. Пропп)*162, 154. АКФ 126, 76 — фонотека 1011/10; варианты: 29, 74; 124, 74 — фонотека 612/6; 126, 22 — фонотека 1008/6; 126, 28 — фонотека 1008/12; 126, 47 — фонотека 1009/13; 126, 58 — фонотека 1010/2; 126, 61 — фонотека 1010/5; 126, 40 — фонотека 1015/20; 127, 107 — фонотека 1182/7. Публикации: Пот., стр. 44; Никиф. 76, (88); Прикам. 112; Бал. 73. Известная сказка о волке (медведе), выманивающем животных песней. Развязка в вариантах различна: в одних волк (медведь) выманивает всех животных, съедает старика, старуху и внуков, или съедает одного из стариков; в других волк (медведь) выманивает и съедает животных, а старик, старуха и внуки спасаются. К числу последних принадлежит и наш текст. В Карельском Поморье сказка популярна среди женщин. По сравнению с известными, данный вариант наиболее полный, традиционно выдержанный; отличается иным завершением, для чего сказочница удачно использует другой сюжет (Ук. 154). Выманив всех овец, медведь хочет съесть и старика, но он предлагает зверю заманчивую сделку — «Сроботать лодку и поехать в море рыбачить». Одураченный медведь погибает, старик выгодно наживается. Сказка слушается с большим интересом благодаря мастерству исполнения, умению Сотниковой интонационно передать детали диалога между стариком и медведем.

69. (Мачеха и падчерица). Записали А. Разумова, Н. Лавонен в 1968 г. в д. Нюхча Беломорского района от А. Г. Сотниковой, 69 л. Ук. 480 А. АКФ 126, 78 — фонотека 1011/12; варианты: 79, 690; 124, 73 — фонотека 612/5; 125, 40 — фонотека 907/4; 79, 690; 125, 63 — фонотека 908/2; 126, 83 — фонотека 1012/7; 126, 84 — фонотека 1012/8. Публикации: Чист., стр. 240; Конкка, стр. 47; Пот., стр. 38; Никиф. 63; КНС I, 25; КНС II, 17. Широко известный русский традиционный сюжет, в Поморье также пользуется большой популярностью, чаще встречаются версии Ук. 480 А*В*С. В публикуемом тексте использованы традиционные сказочные мотивы, характерные для русского севера; встреча с пастухами, со стадом лошадей, коров, овец; мытье детей бабы-яги в бане (см. Карн. 5; Никиф. 63; публикуемый текст). Использованная в сказке традиционная формула «подпаши-ка под нами, подгреби-ка под нами» характерна для сказок севера. Содержание данного текста подчинено одной цели — отражению нравственных идеалов трудового народа. Трудолюбие, вежливость вызывают всеобщую симпатию, а грубость, невежество высмеиваются. Наша сказка является наиболее полной из всех записанных в Поморье вариантов. В ней выражено личное отношение исполнительницы к происходящим событиям. Для раскрытия образа героя использована соответствующая терминология, очень точно характеризующая их; так падчерица в сказке — «маленька», «хорошенька», «молоденька», а родная дочь — «худа», «грязнобайка» и т. д. Исполнительница по-своему решает судьбу подаренных героине животных, девушка их продает, так как деньги, по ее мнению, в хозяйстве нужнее. Язык А. Г. Сотниковой богат местными словами и выражениями.

70. [Свиной чехол]. Записали А. Разумова, Н. Лавонон в 1968 г.

в д. Нюхча Беломорского района от А. Г. Сотниковой, 69 л. Ук. (доп. Пропп) 510 В. АКФ 126, 77 — фонотека 1011/11; вариант 126, 120— фонотека 1014/13. Публикации: Чист., стр. 39; Никиф. 61; КНС 1, 29, 30, 31; Худ. 14, 15; КНС II, 20; Бал. 4. Публикуемая сказка представляет собой вариант традиционного сюжета «Свиной чехол», широко распространенного на Севере, отличается своеобразной разработкой некоторых эпизодов; в отличие от известных сказок, где девушка, стараясь избежать брака с отцом, надевает на себя свиной чехол и становится «неузнаваемой» (Аф. 290), в публикуемом тексте она с помощью бабушки-задворенки превращается в курицу; конец также отличается от общеизвестных, царевич сжигает курьи кожушки и становится мужем девушки (ср. Ук. 402).

71. **Одноглазка, Двухглазка и Трехглазка.** Записали А. Разумова, Н. Лавонен в 1968 г. в д. Нюхча Беломорского района от А. Г. Сотниковой, 69 л. Ук. (доп. Пропп) 511. АКФ 126, 81 — фонотека 1012/4. Вариант: (79, 890). Публикации: Худ. 16; Бал. 130. В Карельском Поморье сюжет не распространен. В распоряжении составителей имеется всего один текст, близкий к сказке Ончукова № 129, в сравнении с ним и другими северными вариантами (Аф. 101; П. С. Ефременко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, часть 2, М., 1878, стр. 277) имеет сходство лишь с первой их частью. Обычно падчерица счастливо выходит замуж; в нашей сказке наоборот: ее мужем оказывается болтливый юноша, он раскрывает тайну своей жены; мачеха срубает дерево; падчерица погибает.

72. **Кот да петух.** Записали А. Разумова, Н. Лавонен в 1968 г. в д. Нюхча Беломорского района от А. Н. Фоминой, 68 л. Ук. (доп. Пропп) 61, II. АКФ 126, 21— фонотека 1008/8; варианты: 29, 52; 29, 73; 79, 858; 125, 14 — фонотека 904/5; 125, 17 — фонотека 904/8; 125, 48— фонотека 906/4; 126, 7 — фонотека 1006/7; 126, 29— фонотека 1008/13; 126, 35— фонотека 1009/1; 126, 42 — фонотека 1009/8; 126, 63— фонотека 1010/7; 126, 90 — фонотека 1013/2; 127, 21 — фонотека 1177/8. Публикации: Тур., 1; Никиф. 2, 69, 71; Нов. 25; Гура, стр. 214; Сев. Дв., стр. 180; КНС II, 2; Бал. 26, 71, 102. Одна из популярных сказок о животных. Широко бытует в Поморье, варианты разнообразны: в одних петух погибает, в других кот выручает его, и они снова живут вместе. В роли спасителя всегда выступает кот. Публикуемый текст принадлежит к числу наиболее полных: отняв петуха, кот убивает лису и ее дочерей. В другом варианте расправа над лисой более сурова: кот сажает лису в бочку, сводит ее и сжигает (АКФ 126, 90).

ОПИСЬ КОЛЛЕКЦИЙ ТЕКСТОВ СКАЗОК КАРЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ ИЗ АРХИВА КАРЕЛЬСКОГО ФИЛИАЛА АН СССР

Порядок расположения материалов в описи аналогичен расположению сказок данного сборника (по деревням с севера на юг, внутри деревень по исполнителям в алфавитном порядке). Нумерация сказок сплошная.

Все использованные материалы находятся в Архиве Карельского филиала АН СССР, разряд III, опись 1, коллекции:

№ 25 (записи 1932 г. А. М. Астаховой, И. В. Карнауховой, А. Н. Нечаева);

№ 56 (записи 1935 г. И. Этиной);

№ 55 (записи 1937 г. Е. Родиной);

№ 29 (записи 1938 г. Н. Н. Алексеева, И. М. Колесницкой, Е. Я. Ленсу, Л. В. Хайкиной, М. А. Шнеерсон);

№ 50 (собственноручная запись сказочников В. П. Анхимкова, П. И. Федорова);

№ 30 (записи 1940 г. Громова, Г. Н. Париловой, Черниковой);

№ 46 (записи 1941 г. Кикинова, З. Рутковской, Т. В. Сторожевой);

№ 48 (записи 1941 г. З. Рутковской, Г. И. Телкина);

№ 49 (записи 1941 г. Г. Н. Париловой, З. Рутковской, Т. В. Сторожевой, Н. Н. Хохлова);

№ 58 (записи 1948 г. К. Ф. Прохоровой, А. Ф. Соляковой);

№ 79 (1956 г. копии материалов экспедиции студентов Московского государственного университета под руководством Э. В. По-

меранцевой, участники экспедиции: А. Быковская, Т. Гоголь, Е. Костюхин, Е. Новикова, С. Ожегова, Н. Савушкина, Е. Ремезова);
№ 124 (записи 1965 г. А. П. Разумовой, А. А. Митрофановой);
№ 125 (записи 1967 г. А. П. Разумовой, А. А. Митрофановой);
№ 126 (записи 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен);
№ 127 (записи 1968 г. А. П. Разумовой, Т. И. Сенькиной).

Для публикуемых текстов в описи приводится заглавие, страницы и номер сказки настоящего издания. На неопубликованные материалы даны краткие аннотации, указан шифр архива и фонотеки, где хранится данный текст. Для всех сказок описи даны ссылки на указатель Аарне — Андреева (сокращенно — Ук.) Отсутствие ссылки означает отсутствие сюжета в указателе. В случае неполного соответствия номер указателя поставлен в круглые скобки.

Фамилии собирателей, записавших сказки от нескольких исполнителей, даны после названия населенного пункта; фамилия собирателя, записавшего сказки только от одного лица, дана после фамилии исполнителя; если сказка от одного исполнителя записана несколькими собирателями, то их фамилии даны после каждой сказки.

ЛОУХСКИЙ РАЙОН

ЧЕРНАЯ РЕКА

Зап. 1948 г. К. Ф. Прохоровой, А. Ф. Соляковой
Парасковья Демидовна Афанасьева, возраст неизвестен.

1. Невидимый жених сватается к царской дочери; желая увидеть его, невеста ночью зажигает огонь, жених исчезает. Девушка находит его у бабы-яги.— Ук. 425 А. АКФ 58, 62.

2. Царевич выбирает в жены младшую из трех сестер. У царицы родятся три чудесных сына. Баба-яга подменяет их щенками. Царица прячет младшего сына в своей косе, попадает с ним на остров, отправляет сына на розыски братьев. Все кончается благополучно.—Ук. 707. АКФ 58, 61.

Иван Емельянович Захаров, 64 г.

3. Непоследовательное изложение сказки «Хитрая наука». — Ук. 325. АКФ 58, 69.

4. Сын пастуха попадает к разбойникам; они обкрадывают амбар богача и запирают там подпаска; он обнаруживает в амбаре покойника, сажает его, а сам убегает. — Ук.*1527 I, (1536). АКФ 58, 67.

5. Дурак продает быка березе, ее скрип принимает за согласие. срубает березу, находит золото, убивает попа; брат прячет труп в подполье, подменяет его козлом; дурак сознается в убийстве. — Ук. 1643, 1600 А. АКФ 58, 68.

Анна Алексеевна Нифакина, 58 л.

6. Три брата по очереди варят обед, его съедает старуха, старший брат спускается за ней под землю, убивает ее. Братья не вытаскивают его наверх, он спасается сам, спасает царевен и женится на одной из них. — Ук. 301 А. АКФ 58, 60.

7. Девушка чудесным образом попадает к царевичу. Свекровь не любит невестку, поручает ей трудные задания (доить коров-медведей, носить глину из-за огненной реки и т. д.), с помощью бабушки-задворенки она выполняет эти задания. — Ук. 428. АКФ 58, 58.

8. Падчерицу отправляют в лесную избушку, лесной великан награждает ее за доброту и вежливость; родная дочь погибает. — Ук. 480*С. АКФ 58, 57.

9. В награду за доброту младшая из трех сестер получает волшебную палочку, она помогает ей красиво одеться. На праздничном игрище царевич находит девушку по утерянной галоше и золотому платью. — Ук. 510 А. АКФ 58, 55.

10. Животные зятья. См. стр. 39, № 1. — Ук. 552.

11. Дочь купца приобретает необыкновенные часы, ночью из них появляется мужчина, дарит ей кольцо; у девушки появляется сын, он знакомится с невестой своего отца, за это его хотят казнить; отец узнает сына по кольцу, разрешает ему жениться на избраннице, а сам возвращается к дочери купца. — Ук. 873. АКФ 58, 59.

Мария Ивановна Нифакина, 68 л.

12. За прилежание хозяин дает работнику совет: «Не опускай то, что поднимешь». Дома работник видит спящую жену с двумя мужчинами, хочет убить их, вспоминает слова хозяина, узнает своих детей. — Ук. (910 В). АКФ 58, 63.

13. Свекровь прячет деньги в подполье и умирает; невестка руками мертвой старухи достает их. АКФ 58, 65.

14. Сын ухаживает за старой матерью. В награду за почитание родителей получает большую сумму денег. АКФ 58, 64.

КЕРЕТЬ

Пелагея Матвеевна Волкова, 44 г.

Зап. 1948 г. К. Ф. Прохоровой, А. Ф. Соляковой

15. Старик делает из дерева сына, обладающего необыкновенной силой; сын отправляется путешествовать, встречает Горыню, Усыню; поочередно варят обед, убивают бабу-ягу, женятся на царевнах. — Ук. 301 В. АКФ 58, 27.

16. Три царских сына путешествуют, два старших попадают в подполье, младший брат выручает их и едет дальше; с помощью медведя-героя добывает Жар-птицу, Елену Прекрасную. Старшие братья убивают младшего, медведь оживляет его, царевич женится на Елене Прекрасной. — Ук. 301 В, 550. АКФ 58, 28.

17. Три венца не доскочил. См. стр. 45, № 2. — Ук. 530*Н. АКФ 58, 25.

18. По договоренности с мужем жена приглашает в гости попа, архиерея и протоиерея, за свидание получает с них большие деньги; муж разоблачает «гостей»; супруги стригут попам косы, выгоняют на посмешище народа. — Ук. 1730. АКФ 58, 26.

Агафья Терентьевна Корыхалова, возраст неизвестен.

19. Три царских сына едут за Жар-птицей, ее находит младший сын с помощью волка, добывает златогривого коня, Елену Прекрасную. Братья убивают его, завладевают находками. Волк оживляет младшего

брата; герой отыскивает Елену Прекрасную, женится на ней. — Ук. 550. АКФ 58, 72.

20. Сказка о похождениях богатыря, побеждающего все более сильных врагов. — Ук. (*650 II). АКФ 58, 73.

21. Герой бьется с войском царь-девицы, спасает Настасью Вахрамеевну от девятиглавого змея, женится на ней, борется с сыном, по именному кольцу узнает его. — Ук. *650 II. АКФ 58, 74.

Евдокия Ивановна Ладина, 73 г.

Зап. 1948 г. К. Ф. Прохоровой, А. Ф. Соляковой

Собиратели К. Прохорова и А. Солякова сообщают, что сказки исполнительница слышала от брата и женщин на «тонях»; рассказывает с увлечением. Репертуар ее исчерпан, он состоит преимущественно из волшебных сказок. АКФ 58, 54.

22. Прапорщик ищет исчезнувшую царевну; поочередно с двумя матросами варит обед; убивает немал-человека, освобождает царевну, ее выдают замуж за другого; по именному кольцу она узнает своего спасителя. — Ук. 301 А. АКФ 58, 29.

23. Царские сыновья караулят вора, младший брат находит его под землей, встречает там трех девиц, убивает царя Норку, возвращает зрение старику, летит на орле домой; женится. — Ук. (301 А). АКФ 58, 42.

24. Баба-яга хочет съесть юношу, попадает в печь сама, то же происходит с ее дочерьми. — Ук. 327 С, (1653). АКФ 58, 39.

25. Царский сын встречает девушек-лебедей, прячет платье одной из них, она обещает стать его женой; их свиданию трижды мешает дочь *бабы-яги. С помощью волшебного клубка* царевич находит свою невесту. — Ук. 400 А. АКФ 58, 31.

26. Брат везет сестру к царевичу на смотрины. В пути баба-яга бросает невесту в воду, подменяет ее своей дочерью. Царевич находит свою невесту, убивает бабу-ягу. — Ук. 403 А. АКФ 58, 35.

27. Краткое изложение сказки о «Марко богатом». — Ук. 461. АКФ 58, 34.

28. Медный лоб. См. стр. 52, № 3. — Ук. 502, 513 А.

29. С помощью чудесных предметов (кремешка и плеточки) герой достает чудесную лошадь, которая помогает ему жениться на царевне. Жена крадет у него эти предметы; герой находит их, казнит жену. — Ук. 530 А, 315 В. АКФ 58, 40.

30. У царицы рождается сын одновременно с жеребеночком, она прогоняет их. Жеребеночек становится помощником царевича. Царевич служит лакеем у князя, выполняет его поручения: достает Жар-птицу, кобылицу с тридцатью жеребятами, царевну; выполняет ее поручения, купается в кипящем котле, становится красавцем и женится на царевне. *Князь погибает в кипятке.* — Ук. 531. АКФ 58, 30.

31. Юноша стреляет в золотую птицу, щадит и откармливает ее. Птица уносит юношу в свои владения, ее сестры дарят герою волшебные подарки. Исчезает волшебный конек, хозяин ищет его под землей, женится на жене подземного царя. — Ук. 553, 531. АКФ 58, 38.

32. Лиса сватает своего сына за царскую дочь, уговаривает пастухов Кощея выдавать себя за слуг ее сына. Обманывает Кощея, завладевает его дворцом. — Ук. 545 В. АКФ 58, 41.

33. Царь женится на старшей из трех девиц; у нее рождаются дети, царицу врезают в столб. Дети ищут певучее дерево, превращаются в камни, их спасает сестра. Царь узнает всю правду. — Ук. 707. АКФ 58, 37.

34. Пересказ пушкинской сказки о царе Салтане. — Ук. 707. АКФ 58, 43.

35. Судья обещает простить старику долг, если он отдаст за него свою дочь замуж. В отсутствие родителей девушка иносказательно отвечает на вопросы судьи. Он женится на ней. Без разрешения мужа жена судит людей. Муж прогоняет ее, разрешает взять с собой, что в доме нравится. Жена поит мужа допьяна, увозит с собой. — Ук. 921, 875. АКФ 58, 32.

36. Царевич бесчестит двух сестер, хочет жениться на третьей, она мстит ему. Царевич хочет убить невесту, она подставляет вместо себя куклу; молодые мирятся. — Ук.*875 II. АКФ 58, 36.

37. Муж наказывает ленивую жену, обмазывает ее смолой и обсыпает перьями. Родные дети не узнают ее. — Ук. 1383. АКФ 58, 44.

38. Два старших брата разумно отвечают на вопросы дяди; младший говорит невпопад (на дереве в лесу можно повесить отца и дядю). Покупает горшки, надевает их на пни. — Ук. (*1681 I). АКФ 58, 33.

39. К девушке сватаются женихи. По ответам на вопросы она узнает, кто из них говорит правду. — АКФ 58, 45.

Владимир Павлович Меньшиков, 63 г.

Зап. 1941 г. З. Рутковской, Т. В. Сторожевой, Г. Телкина

Собиратели сообщают, что В. П. Меньшиков знал сказочника М. М. Коргуева. «Мы с ним вместе работали, — говорил Меньшиков, — и все вечера друг другу рассказывали сказки. Мы земляки с Богдановым Алексеем Кузьмичем, он знает много моих песен, я своих». АКФ 12, 34.

40. Герой ищет крест, утерянный царем; сражается на мосту с трехглавым, шестиглавым и девятиглавым змеем; находит царский крест в голове девятиглавого змея. Мужичок с ноготок крадет крест, отправляет героя на поиски Елены Прекрасной; с помощью чудесных товарищей герой выполняет поручения отца невесты, женится на ней; мужичок с ноготок погибает. — Ук. 300*В, 513 А. АКФ 48, 63.

41. Герой пасет коров, попадает в медный дом, освобождает богатыря, закованного в цепи; в следующий раз попадает в серебряный дом, затем в золотой; женится на дочери своего бывшего хозяина. — Ук. (301 А). АКФ 48, 61.

42. Старик кормит орла, откармливает его; орел одаривает старика, просит отдать то, чего он дома не знает. К орлу попадает сын старика, спастись от него помогает юноше дочь орла. — Ук. 313 А, (465 А, 553). АКФ 48, 5.

43. Бесстрашный солдат выигрывает у царя деньги; на кладбище отрубает голову у мертвеца; разоряет разбойничий притон; губит колдуна на свадебном пиру; умирает сам, на том свете пытается построить церковь, монастырь и школу. Сатана жалуется на солдата богу; бог изгоняет солдата, предлагает ему носить за плечами смерть. Солдат превращает смерть в муху, прячет в табакерку. — Ук. 326*В, 330 А, (804*). АКФ 48, 12.

44. Солдат три года работает за «спасибо», помогает купцу найти воров; отчитывает окаменелое царство; женится на царевне. — Ук. (475), *410 I. АКФ 48, 32.

45. Царские сыновья едут на подвиг, старшие братья попадают в подземелье, младший освобождает их, достает живую и мертвую воду. Братья бросают младшего в подземелье; он спасает жизнь дочери подземного царя; сам женится на Поленице. — Ук. 551, 300 А (400*В), (313). АКФ 48, 4.

46. Герой покупает волшебные предметы (кольцо, собаку, рожок), ими завладевает его невеста; он находит волшебные ягоды, возвращает свои предметы, женится на бедной девушке. — Ук. 566. АКФ 48, 31.

47. Валет червей. См. стр. 56, № 4. — Ук.*611, I. АКФ 48, 1.

48. Купец оставляет сыновьям наследство; младший пропивает свои деньги, видит разбойников, заходящих внутрь горы, повторяет их слова: «Сези, откройтесь!», берет в подземелье золото. Богатый брат хочет сделать то же, но погибает. Пытаясь найти вора, разбойники гибнут.— Ук. 676. АКФ 48, 3.

49. Барин и мужик. См. стр. 65, № 5. — Ук. 1538.

50. Купец нанимает работника, обещает есть одинаковую с ним пищу. При поездке купец забывает взять хлеб, работник угощает купца сеном, выслеживает любовника попадьи, наказывает их. — Ук. 1775, 1725. АКФ 48, 2.

51. В отсутствие мужа жена принимает любовника. При возвращении мужа жена умирает; с помощью чудесного креста он воскрешает ее. Муж странствует, мстит жене. — АКФ 48, 33.

52. Купец хочет иметь арапа (человека-статую). Арап помещен в спальне дочери купца; в отсутствие купца он убивает воров. Обман обнаруживается; герой женится на дочери купца. — АКФ 48, 62.

Егор Матвеевич Савин, 45 л.

Зап. 1948 г. К. Ф. Прохоровой, А. Ф. Соляковой

Собиратели сообщают о нем: «Грамотный. Сказки слышал и усваивал на тонях и во время лесозаготовок в лесных избушках. Рассказывает подробно и обстоятельно, обладает хорошей памятью. Записи его сказок производились впервые». — АКФ 58, 24.

53. Сын купца, обещанный черту, освобождается из неволи; попадает к царю, выполняет его задание; женится на царской дочери, побеждает войско, подступающее к царству. Царь благодарит зятя. — Ук. 313 А, 314. АКФ 58, 23.

54. [Звериное молоко]. См. стр. 67, № 6.—Ук. 315 А, 300 А.

55. [Хитрая наука]. См. стр. 77, № 7. — Ук. 325.

56. [Смерть-кума]. См. стр. 84, № 8.— Ук. 332.

57. Царь женится на простой красивой девушке (из ее глаз сыплется жемчуг). Баба-яга ослепляет невесту и подменяет своей дочерью. Невеста продает свою работу в обмен на глаза; ее убивают, вынимают сердце. Волшебный мальчик воскрешает невесту. — Ук. 403 А. АКФ 58, 1.

58. Сын купца не может научиться никакому ремеслу. Отец бросает его в море. Юноша попадает на корабль к царевичу, помогает выполнить все задания его невесты. Царевич женится, купеческий сын живет при его дворе. — Ук. (519). АКФ 58, 14.

59. Сорок братьев едут жениться. Мать невест, желая убить женихов, по ошибке убивает своих дочерей. Гибель братьев предотвращает младший из них. Не веря в его бескорыстие, братья хотят отомстить виновнику за смерть невест, его спасает лошадь. Герой находит перо Жар-птицы, служит царским конюхом, достает для царя невесту; купается в котле; становится красавцем. Царь погибает. — Ук. 327 В, 531. АКФ 58, 2.

60. Братья живут с девушками-лебедями, получают от них чудесные предметы (гривенничек и т. п.). Старшие братья богатеют, младший становится пьяницей. Царевна выманивает у младшего гривенничек; он мстит ей, «лечит» от недуга, женится на ней. — Ук. 566. АКФ 58, 3.

61. Каждый из трех ученых лишает себя части своего тела (руки, языка, глаза), отдают на сохранение трактирщику. Кошка съедает глаз, язык, руку. Трактирщик заменяет части человеческого тела языком и глазом животных; он признает свою вину. — Ук. 660. АКФ 58, 16.

62. Юноша выкупает у купца покойника и икону Николу; отправляется в плавание, берет с собой незнакомого старика; по его совету три ночи проводит в церкви с мертвой девушкой, пожирающей людей; в награду получает девять кораблей с товарами; возвращается с ожившей девушкой домой; трижды бросает девушку в огонь, она становится его женой. — Ук. * 849 В. 307. АКФ 58, 12.

63. Поп и попадья договариваются молчать (кто дольше выдержит уговор, получает пятирублевый золотой); вошедший солдат съедает их кушанье, любезничает с попадьей; поп протестует, проигрывает золотой. — Ук. 1351. АКФ 58, 18.

64. Жена посылает мужа за зубными лекарствами, в его отсутствие приводит любовника; муж тайно проникает в дом; прохожий в песне дает ему совет, как расправиться с женой. — Ук.*1361 I. АКФ 58, 4.

65. Упрямая старуха тонет в реке; муж ищет ее труп против течения. — Ук. 1365 А. АКФ 58, 6.

66. Старик находит клад; старается обмануть болтливую жену; показывает ей зайца в реке, щуку во ржи и т. п.; рев быка объясняет тем, что черт дерет шкуру с барина. Старуха рассказывает барину о кладе и обо всем увиденном ею. Судья признает старуху глупой, оставляет дело без последствия. — Ук. 1381. АКФ 58, 7.

67. Старуха шутя называет дочь кобылой. Девушке нравится офицеру, он покупает ее, ему привозят лошадь. Все выясняется. — Ук. 1440. АКФ 58, 9.

68. По договоренности с мужем жена в его отсутствие приглашает попа. Муж возвращается, поп прячется на полатях, его находят и обстригают. — Ук. 1725. АКФ 58, 13.

69. [Голодный поп (или барин) на ночлеге]. См. стр. 85, № 8. — Ук. 1775.

70. Поп заставляет работника рубить лес; он измеряет высоту деревьев. Голодный поп ест тесто, разбивает горшок о голову старика. В пути работник ест булку, угощает попа сеном. — Ук. 1775, 1736. АКФ 58, 11.

71. Еврей и русский считают праздники; еврей вытаскивает волосы у русского по волоску; русский рвет у еврея обеими руками. — Ук*2102 В. АКФ 58, 8.

72. Солдат угощает старуху вином, узнает, где у нее деньги. АКФ 58, 20.

73. Жена догадывается, что спит не с мужем, когда слышит храп. АКФ 58, 21.

Александр Николаевич Сержпинский, 57 л.

74. Отрывки из сказки про Ерша Ершовича, рассказанные в стихотворной форме. — Ук.*254. АКФ 25, 3. Зап. 1933 г. А. М. Астаховой.

Валентина Николаевна Сержпинская, 15 л.

75. Работник делает вид, что ест сено, угощает попа; поп ночью ищет ужин, засовывает руку в узкий горшок, ударяет по лысине старика. — Ук 1775. АКФ 25, 2. Зап. 1933 г. А. М. Астаховой.

Андриян Егорович Стариков, 69 л.

Собиратель Е. Родина о нем сообщает: «Родился в бедной семье, с девяти лет ходил с отцом на морской лов рыбы. Работал матросом у богача, а позже — рыбаком в колхозе. Грамоте учился самоучкой. Читал сборники сказок, былин, лубочные издания. Кроме сказок знает старинные поморские песни». АКФ 122, 60.

76. Герой родится чудесным образом (старик делает его из сосны); встречает силачей; они попадают к мужичку с ноготок, герой спускается в подземелье; освобождает оттуда девиц; их уносит Кощей Бессмертный; герой находит кощееву смерть; женится на царевне. — Ук. 301 В, 302. АКФ 49, 12. Зап. 1941 г. Н. Н. Хохлова.

77. Герой находит дочь, она похищает у него исчезнувшую царскую волшебную шашку, передает ее чужеземному князю. Князь и царевна наказаны; герой женится на служанке. — Ук. 301*С. АКФ 49, 2. Зап. 1941 г. З. Рутковской.

78. Братья ищут себе невест. Младшему достается старуха из болота; она превращается в царевну. Муж сжигает ее одежду; старуха исчезает. Герой отправляется на ее поиски, борется с Кощеем Бессмертным, освобождает Елену Прекрасную. — Ук. 402, 400 А. АКФ 49, 16. Зап. 1941 г. З. Рутковской.

79. Царь женит своих сыновей. Один из них попадает стрелой в болото и женится на старухе. Царь просит сына добыть ему мужичка в три вершка; просьбы выполняет невестка-старуха. Царь уступает престол сыну. — Ук. (402). АКФ 49, 4. Зап. 1941 г. Н. Н. Хохлова.

80. Царевич находит себе невесту. Девушка хочет видеть его, подносит к лицу свечу, он исчезает. Невеста находит его у бабы-яги. — Ук. (425 А). АКФ 49, 11. Зап. 1941 г. Н. Н. Хохлова.

81. Марко Богатый и Василий Бесчастный. См. стр. 89, № 10. — Ук. 461.

82. Конек-горбунок. Пересказ сказки Ершова. — Ук. 531. АКФ 49, 19. Зап. 1941 г. Н. Н. Хохлова.

83. Старик находит в лесу яйца, из них появляются юноши; старик передает их царю. Братья едут жениться, попадают к бабе-яге, которая по ошибке убивает своих дочерей. Заподозрив младшего брата в гибели невест, братья хотят убить его; волшебная кобылица спасает героя. Герой служит конюхом, достает царю невесту, она выходит замуж за конюха. — Ук. 531, 327 В. АКФ 49, 9. Зап. 1941 г. Н. Н. Хохлова.

84. Из царского сада пропадают яблоки. Вора выслеживает младший сын; он выполняет поручения отца: с помощью волка достает Жар-птицу и т. п. Братья убивают младшего, волк оживляет его. Герой находит смерть Кощея, возвращается домой с царевной. — Ук. 550, 302, (518). АКФ 49, 1. Зап. 1941 г. Г. Н. Париловой.

85. Герой покупает животных; за службу у волшебника получает мешок жемчуга, тушит им пожар, спасает змею, в награду за это змея дарит ему волшебное кольцо. Герой женится на царской дочери, она крадет у него кольцо, благодарные животные возвращают его хозяину. — Ук. 560. АКФ 49, 14. Зап. 1941 г. Алисова.

86. Братья женятся на девицах-лебедях, получают от них чудесные подарки. Младший брат соблазняет царя чудесным гривенником, ставит условие — проспать ночь с его дочерью. Герой трижды бывает в спальне царевны, попадает в подвал, освобождается; мстит царской дочери, у нее вырастают рога; освобождает ее от недуга, женится на ней. — Ук. 566. АКФ 49, 3. Зап. 1941 г. Т. Сторожевой.

87. У попадьи от медведя родится сын силач. Притворившись больной, мать посылает сына за целебной водой и спелыми яблоками. С помощью волшебного коня герой выполняет все задания. Мать убивает

сына. Конь относит тело к невесте героя, оживляет его. — Ук. (650 А). 315 А. АКФ 49, 15. Зап. 1941 г. Н. Н. Хохлова.

88. Дети-сироты живут у царя, каждый выполняет свою работу: один рубит столб, другой залезает на него и смотрит вдаль и т д. Младший привозит царю невесту. — Ук. 653. АКФ 49, 13. Зап. 1941 г. З. Рутковской.

89. Чудесную щуку вылавливает младший брат, в него влюбляется дочь царя. Разгневанный царь бросает дочь и зятя в бочке в море, они спасаются. Боясь расплаты, царь предлагает зятю престол, но он отказывается, живет с женой на острове. — Ук. 675. АКФ 49, 8. Зап. 1941 г. О. Большаковой.

90. Бедный брат видит в лесу разбойников, прячущих награбленные богатства; попадает в подземелье, привозит домой несколько мешков золота. Богатый брат попадает в подземелье, забывает волшебное слово, не может оттуда выйти. Разбойники хотят убить бедного брата, гибнут сами. — Ук. 676. АКФ 49, 17. Зап. 1941 г. З. Рутковской.

91. Пересказ пушкинской сказки о мертвой царевне. — Ук. 709. АКФ 49, 10. Зап. 1941 г. З. Рутковской.

92. Пересказ пушкинской сказки о попе и работнике его Балде. — Ук. 1045. АКФ 49, 7. Зап. 1941 г. Н. Н. Хохлова.

93. Жена губит своего мужа, хочет заморить голодом сына; он бежит из дома, состоит на службе у царя, влюбляется в его дочь; с помощью волшебных предметов побеждает своих врагов. — АКФ 49, 6. Зап. 1941 г. Н. Н. Хохлова.

Иван Иванович Черкасов, 31 г.

94. По договоренности с женой муж спорит с подполковником, полковником, генералом о том, что никто из них не может овладеть его женой; выигрывает пари, становится богатым. — Ук. 882*В. АКФ 25, 1. Зап. 1933 г. А. Н. Нечаева.

ЛОУХИ

Василий Петрович Анхимков, возраст неизвестен.

1939 г. Собственноручная запись

95. Неверная жена превращает мужа в собаку; колдунья возвращает собаке облик человека. Муж превращает жену в лошадь, уличает ее в колдовстве. Жена убивает мужа. — Ук.*449 А, *449 В. АКФ 50, 20.

96. Младший сын колдуна дежурит на могиле отца, получает чудесного коня; с его помощью добывает себе в жены царевну, достает для царя свинку — золотую щетинку, кобылицу-златогрицу с жеребятами; выполняет задания кобылицы, отдает ее и свинку зятьям за кожу, вырезанную из их спины. Дурак становится князем. — Ук. 530* В. АКФ 50, 19.

97. Поп и вдова занимаются знахарством. Знахарка угадывает, где находится украденный у барина жеребец, отыскивает пропавший у князя перстень и т. п. — Ук. 1641. АКФ 50, 22.

98. В отсутствие мужа к жене приходят поп, дьякон и псаломщик, она прячет их в печь. Муж убивает любовников жены, нанимает пьяницу, сбрасывают их в реку. — Ук. 1730,* 1730 I. АКФ 50, 21.

Петр Иванович Федоров, возраст неизвестен.

1939 г. Собственноручная запись

99. Курица и петух бегут от войны, к ним присоединяются дикие звери, все попадают в яму, пожирают друг друга; лиса попадает в капкан. — Ук. 20 А, 29 С, 21. АКФ 50, 1.

100. Гриб-боровик воюет с мухомором, зовет грибы на войну, они отказываются; боровика съедает холмогорская корова. — Ук.*297. АКФ 50, 11.

101. Ветер уносит дочерей царя, на их поиски отправляется мужичок-хлебопек с товарищами. Мужичок попадает в пещеру, борется со змеями, освобождает царских дочерей; женится на старшей дочери.— Ук. 301 А. АКФ 50, 14.

102. Солдат три ночи дежурит в доме мертвого колдуна. Поп хоронит колдуна и погибает. Храбрый солдат хоронит колдуна навсегда.— Ук. (307). АКФ 50, 10.

103. Солдат ночует в новом доме купца, где живут черти, заставляет их плясать, угрожает посадить в сумку; женится на дочери купца, становится признанным зятем. — Ук. 330 А. АКФ 50, 13.

104. Дети бедняка съедают сердце необыкновенной птицы; семья богатеет. В испуге отец ведет детей в лес. Один из братьев побеждает змея, спасает от смерти царевну, женится на ней. —Ук. 567, 300 А. АКФ 50, 2.

105. Необыкновенный маленький мальчик попадает к кузнецу, получает необыкновенную силу, нанимается в работники к попу, щелчком убивает попа, женится на молодой поповне, хоронит ее. — Ук. 700,* 1736 I. АКФ 50, 4.

106. У дочери купца родится сын от губернатора. Мать влюбляется в собственного сына, становится его женой; сын влюбляется в жену губернатора; губернатор приказывает казнить юношу, узнает в нем сына. Купеческий сын и губернатор меняются женами. — Ук. 873. АКФ 50, 3.

107. Ловкие люди продают купцу и дьякону овцу и кобылу, утверждая, что животные вместо навоза дают серебро; убивают своих жен, заведомо зная, что они встанут. Поп и дьякон повторяют действия ловких людей, мстят им, оказываются наказанными. — Ук.*1529 II. 1535*В. АКФ 50, 16.

108. Из яйца, высиженного вдовой, появляется ребенок-силач, сражается с неприятелем, побеждает его, получает от царя награды. — Ук. (1676* — частичное совпадение с мотивом высиживания яйца). АКФ 50, 15.

109. Охотник встречает в лесу черта, стреляет в него, избивает, загоняет в землю и избавляется от его преследования. — АКФ 50, 9.

БОЯРСКАЯ

Алексей Кузьмич Богданов, 64 г.

Зап. 1941 г.

Неграмотный. Сказки слышал в своей семье, а также от известного поморского сказочника М. М. Коргуева. Кроме сказок знает старинные песни. АКФ 122, 4.

110. Герой ищет утерянный крест царя, побеждает чугунного змея и других противников; по приказу старика с ноготь находит Елену Прекрасную, губит старика, возвращает крест царю. — Ук. 300*В, 513 А, 518, (301 А). АКФ 46, 5. Зап. Т. В. Сторожевой.

111. Крестьянский сын отдан чудовищу; в запретной конюшне герой находит чудесную лошадь, они убегают от чудовища с помощью чудесных предметов. Юноша женится на царской дочери; убивает лошадь, она превращается в царского сына. — Ук. (313 А), 314. АКФ 46, 3. Зап. Т. В. Сторожевой.

112. Марк Богатый. — Ук. 461. АКФ 46, 2. Зап. Т. В. Сторожевой.

113. С помощью чудесного коня герой добывает колью царевны и отдает его другому; ищет невесту, трижды спасает ее от смерти. Братья лишают его жизни. Невеста находит своего суженого. — Ук. 530 А, (550), 300 А. АКФ 46, 4. Зап. Т. В. Сторожевой.

114. По завещанию родителей брат выдает сестер замуж; животные-зятья дарят ему чудесные подарки (кошелек-самотряс и т. п.); юноша находит невесту, она бросает его в подземелье; герой женится на волшебнице. Молодожены возвращаются на родину жениха. — Ук. 552. АКФ 46, 6. Зап. Г. В. Кикинова.

115. Бедный старик получает от птицы-дарительницы хлеб, чудесную лошадь, деньги. Старуха хочет быть царицей. Птица превращает стариков в собак, они живут до старости лет у охотника. — Ук. 555. АКФ 46, 14. Зап. Г. В. Кикинова.

116. Передача сказки о волшебной лампе Аладина. — Ук. 561, (425 А). АКФ 46, 1. Зап. Г. В. Кикинова.

117. Женихи подслушивают разговор трех девиц, свитаются к ним. Жена крестьянского сына рожает семь мальчиков и прячет одного из них в своей косе. Баба-яга продает детей, а мать бросают в бочке в море. Юноша оборачивается воробьем, находит братьев. — Ук. 707. АКФ 46, 1. Зап. Т. В. Сторожевой.

118. Человек с чертом рубит лес, сеют хлеб, урожай достается тому, кто перехитрит другого: черт вместо орехов грызет камни, не может опознать животное, на котором приезжает человек и т. д.; проигрывает урожай. — Ук. 1052, 1061, 1085; АКФ 46, 13.

119. Мужик предлагает косому черту вставить глаз, требует за это сто штук волков, сто шкур лисиц, сто гусей и сто тысяч денег; расплавляет свинец, выливает его в здоровый глаз черта. — Ук. (1135), АКФ 46, 8. Зап. Г. В. Кикинова.

120. Поп нанимает дешевого работника; не хочет рассчитываться с ним; посылает искать утерянного быка с приметами медведя; работник пригоняет медведя во двор к попу; поп с попадьей бегут от работника, спрятавшегося у попа в кошеле за спиной; работник ночью переодевается в одежду попа; с помощью попадьи сбрасывают его в реку. — Ук.*1736 I, 1132, 1120, АКФ 46, 12.

121. За молебен мужик должен отдать попу лошадь. Продает ее вместе с кошкой, лошадь за двадцать копеек, кошку за большую сумму. Предлагает попу двадцать копеек. АКФ 46, 11. Зап. Г. В. Кикинова.

122. Поп нанимает работника, задает ему загадки, работник «выуживает» у попадьи сигов, а у попа окуней. АКФ 46, 9. Зап. Г. В. Кикинова.

КЕМСКИЙ РАЙОН

ГРИДИНО

Зап. 1935 г. И. Этиной

Анна Ивановна Иванова, возраст неизвестен.

123. Чудесные дети. См. стр. 95, № 11. — Ук. 707.

Евдокия Андреевна Колчева, 70 л.

124. По завещанию родителей брат не должен жениться, а сестра выходить замуж: брат женится. Невестка клевещет мужу на его сестру, брат отрубает руки сестре. Безрукая девушка выходит замуж за царевича, у них родится чудесный мальчик: муж получает известие о рождении чертенка, приказывает бросить жену в море. Родители отпускают ее на волю. У царевны вырастают руки, она встречается с мужем и братом, рассказывает им свою историю. Брат убивает жену. — Ук. 706, 707. АКФ 56, 231.

Василий Васильевич Мехнин, 33 г.

125. Одураченный мужиком барин догоняет его, дает тройку лошадей, просит доставить обманщика. — Ук. 1626. АКФ 56, 230.

Игнатий Егорович Мехнин, 75 л.

126. Пасынки попадают в город; младший спасает царевну, старший выдает себя за спасителя. В день свадьбы все выясняется. — Ук. 300 А. АКФ 56, 219.

127. Калики исцеляют Илью Муромца, он добывает себе коня; побеждает Соловья-разбойника, привозит его в Новгород; сражается с Кощеем Бессмертным; отрубает невесте за измену руки, ноги. — Ук.*650 I. АКФ 56, 217.

128. Молодой купец ищет спасения своей души в пустыне, неизвестный старец отговаривает его; купец повторяет свое намерение несколько раз. Три загадочных лебедя, появляющиеся в пустыне, озадачивают его, старец соотносит это с поступками купца. — АКФ 56, 218.

Яков Егорович Мехнин, возраст неизвестен.

129. Юноши родятся от съеденной рыбы. Старший брат освобождает царевен от змея, младший спасает товарища. Царевна становится женой своего избавителя. — Ук. 303, 300*В. АКФ 56, 205.

130. Купеческие сыновья выбирают невесту; один женится на бедной девушке, другой на богатой. Муж богатой жены сомневается в честности жены своего товарища, обманом достает у нее именное кольцо и вводит в заблуждение ее мужа, который в гневе бросает свою жену в море; она спасается, возвращается к мужу. — Ук. 882 А. АКФ 56, 202.

131. Солдат и царь попадают к разбойникам; солдат спасает царя от гибели, получает награду. — Ук. 952. АКФ 56, 206.

132. Богатый брат убивает у бедного единственную лошадь; бедняк выдает шкуру за ворожейку, получает большие деньги. Богатый убивает всех своих лошадей, получает за них гроши; мстит брату, но погибает сам. — Ук.*1360 I, 1535 А. АКФ 56, 207.

133. Солдат обманывает барыню и ее дочерей, предлагая услуги в изменении их пола; обманывает барина, заставив его стеречь шляпу,

под которой будто бы сидит сокол. — Ук. 1528. АКФ 56, 209.

134. По договоренности с мужем жена приглашает попа, обливает его водой, прячет в ящик с сажей. Муж продает ящик на людном месте. — Ук. 1730. АКФ 56, 206.

135. По договоренности с мужем жена назначает свидание попу, дьяку и дьячку, прячет их под печку; вместе с мужем обливают их кипятком; дурак топит трупы в проруби. — Ук.*1730 I. АКФ 56, 194.

136. Вместо своей мочи поп сдает на исследование мочу кухарки, врач признает попа беременным, от стыда поп бежит из деревни. На ночлеге у хозяев телится корова; поп, думая, что родил, в страхе убегает. — Ук. 1739. АКФ 56, 203.

137. Три друга поочередно идут к старику за спичками, получить их сможет тот, кто сумеет заставить старика сказать «неправда». Двоим приходится разрешить вырезать у себя из спины по ремню. Условие выполняет третий; получает спички. — Ук. 1920*Д. АКФ 56, 204.

138. Солдат служит «золотарем», идет на побывку домой в оборванной одежде; царь приказывает одеть солдата в генеральскую форму; вернувшись в часть, солдат женится на генеральской дочери; обман раскрывается. — АКФ 56, 210.

139. После смерти купца остается золотой котел; сыновья не могут его найти; прохожий подсказывает братьям, где находится их клад.— АКФ 56, 201.

Александра Дмитриевна Сошкова, 70 л.

140. Работник обманывает дьявола, предлагает рубить лес первому. Дьявол предлагает жать сок из камня и т. д. Мужик выполняет условия, возвращается домой с деньгами. — Ук. 1052. АКФ 56, 188.

Наталья Кирилловна Степанкова, 36 л.

141. Краткий пересказ пушкинской сказки о золотой рыбке. — Ук. 555. АКФ 56, 233.

Александр Анисимович Табаев, 27 л.

142. Солдат попадает к двенадцати девушкам-лебедям, женится на одной из них. Жена задает ему трудные задачи с тем, чтобы при выполнении их солдат погиб; он выполняет поручения. — Ук. 400 А, 569, 314. АКФ 56, 234.

КАЛГАЛАКША

Александра Дементьевна Ефремова, 39 л.

Зап. 1935 г. И. Этиной

143. Старик нанимает лису оплакивать старуху; лиса съедает ее. — Ук. 37. АКФ 56, 178.

144. Брат выдает замуж сестру-красавицу. Баба-яга подменяет невесту своей дочерью. Царь женится на настоящей невесте. — Ук. 403 А. АКФ 56, 181.

145. Неродную дочь везут в лес, за доброту и скромность Мороз награждает ее; родную дочь привозят мертвой. — Ук. 480*В. АКФ 56, 179.

146. Младший сын получает от умершего отца чудесного коня, с его помощью добывает царевну, женится на ней, становится королем. — Ук. 530 А. АКФ 56, 176.

147. Герой обещает трем купеческим женам взять замуж ту, которая лучше одурачит мужа: одна отдает сонного мужа в солдаты, другая перекрашивает дом, третья превращает свой дом в кабак. — Ук. (1406 А). АКФ 56, 180.

148. Бедняк убивает корову богатого мужика. Мать богача прячется в сундук и узнает, кто убил корову; бедняк убивает старуху, сажает ее верхом на поповскую лошадь, избавляется от наказания. — Ук. 1536. АКФ 56, 175.

Анастасия Ивановна Ефремова, 72 г.

Зап. 1965 г. А. П. Разумовой, А. А. Митрофановой.

149. Иван-царевич и двенадцать лебедей. См. стр. 101, № 12. — Ук. 400*В.

150. Краткий пересказ сказки братьев Гримм о двенадцати диких лебедях. — Ук. 451. АКФ 124, 95 — фонотека 628/2.

151. У старика со старухой рождается дочь, ее похищают татары; волшебник превращает девочку в крупинку, бросает ее в землю, вырастает поле гречихи. — АКФ 124, 97 — фонотека 627/12.

Марфа Семеновна Ефремова, 83 г.

Зап. 1935 г. И. Этиной

152. Фрагменты сказки о царевне-лягушке. — Ук. 402. АКФ 56, 70.

153. Контаминация сказок об оклеветанной девушке и царской собаке. — Ук. 883, 449 А. АКФ 56, 64.

154. Плешивый, пулеватый и вшивый договариваются переехать через реку; плешивому — не убивать комаров, пулеватому — пуль не обирать, вшивому — не чесаться. — АКФ 56, 60.

Сергей Егорович Лукин, 89 л.

155. (Царь и солдат). См. стр. 106, № 13. — Ук. 952.

Василий Мехнин, 11 л.

Зап. 1935 г. И. Этиной

156. Краткий вариант сказки о купце, отдавшем водяному то, что он дома не знает. — Ук. 313 А. АКФ 56, 42.

157. Прожорливый сын съедает детей, деда с бабкой, у него лопается живот, все выходят живыми. — Ук. 333*В. АКФ 56, 41.

158. Сказка о сестрице Аленушке и братце, который превращается в козленочка. — Ук. 450. АКФ 56, 39.

Антонина Александровна Петрова, 58 л.

Зап. 1939 г. И. Этиной

159. Ершишка-плутишка с семьей перебирается из Куйтежского озера в Ростовское, Ярославское, Переяславское; ростовские лещи жалуются на ерша, по решению суда его прогоняют; ерш смеется над судьями, попадает в сети. — Ук.*254. АКФ 56, 6.

Владимир Реджин, 12 л.

Зап. 1935 г. И. Этиной

160. Колдун выпивает у царя молочный ручей, попадает в погреб, царевич освобождает колдуна, в награду получает корову, она дает золотое молоко, золотой ручей, золотую утку. — Ук. 502. АКФ 56, 20 в.

161. Дочка, сделанная из снега, прыгает с детьми через костер и тает. — Ук.*703. АКФ 56, 20 б.

162. Старик влезает на небо по ели, попадает к бабе-яге, она кормит его блинами, провожает домой. — Ук. 1960*С I. АКФ 56, 20 а.

163. У стариков есть олень, он тонет в колодце, вместо него старик приносит бабе щуку. АКФ 56, 20.

Капитолина Евдокимовна Реджина, 60 л.

164. Про волка. См. стр. 109, № 14. — Ук. 15, (43).

165. Брат выдает сестру-красавицу замуж за царевича; баба-яга подменяет ее; брата сажают в погреб, невеста оборачивается лебедью, пивовары жгут ее кожушки, царевич женится на красавице, казнит бабу-ягу. — Ук. 403 А. АКФ 55, 4. Зап. 1937 г. Е. Родиной.

166. Краткий пересказ сказки «Аленький цветочек». — Ук. 425 С. АКФ 55, 12. Зап. 1937 г. Е. Родиной.

167. Неосторожное слово («Хоть бы меня водяник взамуж взял») обязывает девушку стать женой водяника. Брат, превращенный в козленонка, спасает ее, выдает замуж за царевича; баба-яга хочет стать на ее место; все выясняется. — Ук. 450, (*313 I), (*813 А). АКФ 56, 235. Зап. 1935 г. И. Этиной.

168. Сказка о двенадцати братьях, близкая к гриммовской. — Ук. 451. АКФ 55, 13. Зап. 1937 г. Е. Родиной.

169. Краткий пересказ сказки «Золушка». — Ук. 510 А. АКФ 55, 15. Зап. 1937 г. Е. Родиной.

170. Краткий пересказ «Конька-Горбунка» Ершова. — Ук. 531. АКФ 55, 19. Зап. 1937 г. Е. Родиной.

171. Сказка об Иване-царевиче и сером волке в соединении с сюжетом «Обманутые лешие». Ук. 550, 518. АКФ 56, 127. Зап. 1935 г. И. Этиной.

172. [Еруслан Лазаревич]. См. стр. 110, № 15. — Ук.*650. II.

173. [Семь Симеонов]. См. стр. 121, № 16. — Ук. 653.

174. Краткая передача пушкинской сказки о мертвой царевне. — Ук. 709. АКФ 55, 9. Зап. 1939 г. Е. Родиной.

175. Пастух просит монахов помочь ему выкопать клад, они бросают его в воду, пастух спасается, возвращается в монастырь, монахи наказаны. — Ук. (834*B), АКФ 55, 18. Зап. 1937 г. Е. Родиной.

176. Мальчику при рождении предсказано, что он убьет отца, женится на матери. Мать распарывает ребенку живот, бросает в лесу; ребенок попадает в другую семью. При случайной встрече сын убивает отца, женится на матери. — Ук. 931. АКФ 55, 14 а. Зап. 1937 г. Е. Родиной.

177. Солдат спасает царя от смерти, получает генеральский чин. — Ук. 952. АКФ 56, 126. Зап. 1935 г. И. Этиной.

178. Герой дает задание женщинам одурачить своих мужей; одна перекрашивает дом, другая заводит в доме казенку, третья отдает своего мужа в солдаты. — Ук. 1406 А. АКФ 55, 17. Зап. 1937 г. Е. Родиной.

179. Разбойники грабят старика со старухой, бросают старика в костер; костер гаснет, разбойники каменеют. АКФ 55, 10. Зап. 1937 г. Е. Родиной.

180. Солдат учит жену слушаться с первого слова, за непослушание он отрубает голову сначала коту, затем петуху, корове, лошади; жена становится послушной. АКФ 55, 72. Зап. 1937 г. Е. Родиной.

Наталья Андреевна Редкина, 62 г.

181. Брат везет красавицу-сестру к царевичу; в пути баба-яга бросает девушку в воду, заменяет ее своей дочерью; царевич женится на красавице, баба-яга наказана. — Ук. 403 А. АКФ 56, 35. Зап. 1935 г. И. Этиной.

Ефим Семенович Степанков, 81 г.

182. Лиса крадет рыбу с воза, встречает медведя, затем волка; учит волка ловить рыбу в проруби; бабы бьют его, он убегает без хвоста. — Ук. 1, 2. АКФ 56, 183. Зап. 1935 г. И. Этиной.

Александр Анисимович Типаев, 21 г.

Зап. 1935 г. И. Этиной.

183. Три сына при жизни отца получают наказ: караулить три ночи на его могиле; наказ выполняет лишь младший сын; получает в награду богатырского коня, с его помощью женится на царевне. — Ук. 530 А. АКФ 56, 43.

184. Сын купца женится на одной из трех сестер, в отсутствие мужа жена рожает ребенка, сестры посылают ему ложное письмо; муж приказывает бросить жену в бочке в море; жена погибает, муж женится на другой сестре. — Ук. (707). АКФ 56, 232.

ПОНЬГОМА

Зап. А. П. Разумовой, А. А. Митрофановой[1]

Александра Семеновна Дмитриева, 59 л.

185. Старик называет дочь «кобылой», в нее влюбляется купец, просит слуг купить кобылу, слуги приводят ему настоящую лошадь. — Ук. 1440. АКФ 125, 84 — фонотека 910/4.

Серафима Васильевна Дмитриева, 55 л.

По национальности карелка, более тридцати лет живет среди русских, разговорный язык русский. Сказки рассказывает с большой охотой, говорит выразительно, интонационно передает диалог персонажей, комментирует по ходу действия.

186. Брат и сестра съедают у бабы-яги суп, кладут в котел лапоть; баба-яга хочет сжечь их в печи, но попадает сама; ее богатство остается детям. — Ук. 327 А. АКФ 125, 62 — фонотека 909/2.

187. Родители везут детей в лес, они попадают к людоеду, уносят его семиверстные сапоги, сбрасывают людоеда в пропасть. — Ук. 327 В. АКФ 125, 67 — фонотека 909/7.

188. Покойник зовет девушку на кладбище, приказывает ей ложиться в гроб; с пением петуха исчезает. — Ук. (365). АКФ 125, 57 — фонотека 908/13.

189. Падчерицу везут в лес, лошадиная голова награждает ее за кротость и вежливость; родная дочь погибает. — Ук. 480 В. АКФ 125, 56 — фонотека 908/12.

190. По приказанию мачехи отец везет родную дочь в лес. Девушка попадает в роскошный дворец, где живет заколдованный юноша; он навсегда принимает человеческий облик, женится на падчерице. — Ук. (480*В), 425 С. АКФ 125, 55 — фонотека 908/11.

191. Мужик имеет чудесную корову, она помогает ему скрыться от барина, который хочет жениться на его дочери; девушка выходит замуж за охотника, он становится «руссейским» царем. — Ук. (563). АКФ 125, 61 — фонотека 909/1.

192. Жерновки. См. стр. 126, № 17. — Ук. 715.

193. При сватовстве шепелявые девушки обнаруживают свои недостатки в речи. — Ук. 1457. АКФ 125, 60 — фонотека 908/16.

194. Солдат обманывает старуху, хочет передать посылку ее погибшему сыну. — Ук. 1540. АКФ 125, 70 — фонотека 909/10.

195. Солдат уверяет жадную старуху, что может сварить суп из топора, незаметно выманивает у нее мясо, масло, крупу и т. д. — Ук. 1548. АКФ 125, 69.

196. Работник одурачивает попа, съедает сразу завтрак, обед и ужин; делает вид, что косит сено; когда поп отказывается платить, говорит: «Встань трава по-старому.» — Ук. 1561. АКФ 125, 71.

197. Ночью вор снимает у покойника пальто, покойник требует его обратно. — АКФ 125, 58 — фонотека 908/14.

Анатолий Дмитриев, 14 л.

198. Сказочник состязается во лжи с помещиком, заставляет помещика сказать «врешь», когда сам произносит, что видел его отца, пасущего свиней. — Ук. 1920*Д. АКФ 125, 76 — фонотека 909/17.

[1] Коллекция АКФ: колл. 124—1965 г.; 125— запись 1967 г.

199. Бедный мужик выкапывает волшебный чан, обладающий способностью увеличивать количество предметов, брошенных в него; богатый мужик отнимает у бедного находку; в чан попа попадает богатый отец; его сын разоряется, так как вынужден кормить множество старцев; чан разбивается. — АКФ 125, 77 — фонотека 909/18.

Федор Дмитриев, 11 л.

200. Маленький Липунюшка помогает отцу на пашне; барин покупает мальчика, он залезает в ухо барина, пугает его. — Ук. 700. АКФ 125, 68 — фонотека 909/8.

Фекла Васильевна Дмитриева, 75 л.

201. Падчерица ищет веретено, дорогой доит корову, моет лягушку, за это получает чемодан золота; родная дочь тоже хочет получить подарок, но все делает плохо, получает порох и смолу. — Ук. 480 А. АКФ 125, 63 — фонотека 909/3.

Павла Васильевна Миккова, 69 л.

Сказки усвоила в детстве от своей матери, читала в книгах. Основной ее репертуар — волшебные сказки. Рассказывает просто, тексты насыщены реалистическими деталями.

202. Звери (медведь, волк, коза) пытаются прогнать лису из лубяной избы зайца, это удается петуху. — Ук. 43. АКФ 125, 43.

203. Лиса занимает лубяную хату зайца; волк, медведь, баран пытаются выгнать лису, это удается сделать петуху. — Ук. 43. АКФ 124, 79 — фонотека 613/3.

204. Кот и петух живут в одной избе. Лиса уносит петуха, кот догоняет лису, отнимает петуха. — Ук.* 61 II. АКФ 125, 48 — фонотека 908/4.

205. Коза уходит добывать пищу детям, в ее отсутствие волк съедает козлят. — Ук. 123. АКФ 125, 44 — фонотека 907/8.

206. Медведь пением выманивает у вдовы скотину. Вдова хочет спастись в подполье, медведь съедает ее. — Ук.*162. АКФ 124, 74 — фонотека 612/6.

207. Царевич едет жениться, разнимает дерущихся мужиков, один из них помогает ему найти невесту у Кощея; герой находит смерть Кощея; все живут счастливо. — Ук. 302. АКФ 124, 91 — фонотека 616/1.

208. Сын вдовы строит судно и уезжает в море; с помощью старца спасает девушку, которую должен был съесть людоед, женится на ней. — Ук. (307). АКФ 124, 80 — фонотека 613/4.

209. Повторная запись. Неизвестный старец помогает герою спасти царскую дочь от людоеда, герой женится на ней, старец исчезает. — Ук. (307). АКФ 125, 35 — фонотека 906/6.

210. (Медведь и три сестры). См. стр. 128, № 18. — Ук. 311.

211. Герой попадает в дом к трем братьям-соколам; достает для их девушки похищенный головной убор; сватается к царской дочери, выполняет поручения ее отца. Царские слуги разрубают героя на куски; невеста достается другому; братья-соколы оживляют героя, на свадьбе все выясняется. — Ук. (313), (400 А). АКФ 125, 42 — фонотека 907/6.

212. Воловья шкура. См. стр. 130, № 19. — Ук. 314.

213. Черт в образе юноши входит в доверие девушки; притворившись больной, она посылает брата за звериным молоком; брат выполняет поручение, наказывает сестру; спасает от змея царевну, женится на ней, прощает сестру. — Ук. 315 А. АКФ 124, 81 — фонотека 613/5.

214. Охотник в лесу попадает к трем соколам, находит головной убор девушки, унесенной людоедом; девушка становится женою старшего сокола. Охотник выручает из неволи царскую дочь, людоед губит героя; братья-соколы оживляют его, празднуется свадьба. — Ук. (490 А), (313). АКФ 124, 87 — фонотека 615/1.

215. Юноша прячет платье одной из девушек-лебедей; во время свидания с ней дядя усыпляет племянницу сонной булавкой, девушка-лебедь исчезает, герой находит ее, состоится их свадьба. — Ук. 400*В. АКФ 125, 80 — фонотека 909/21.

216. Крестьянские сыновья ищут себе невест; по совету отца куют себе по ножику, срезают по прутышку, делают по стреле, находит свою судьбу; младший сын женится на лягушке-волшебнице. — Ук. 402. АКФ 125, 31 — фонотека 906/2.

217. Один след золотой, другой серебряный. См. стр. 134, № 20. — Ук. 403 А.

218. Отец привозит младшей дочери перо Пильвиста — ясного сокола, ночью перо превращается в юношу; вследствие зависти сестер герой ранит себя в окне; девушка находит его и исцеляет. — Ук. 432. АКФ 125, 78.

219. Купец хочет избавиться от работника, он не желает иметь такого зятя; посылает его к солнцу с вопросом — долго ли купцу жить. В пути работник встречает перевозчика, женщину с бревном на плече и т. д.; каждый из них просит принести ответ на свой вопрос от солнца. Работник выполняет просьбы, женится на дочери купца. — Ук. 481. АКФ 125, 30 — фонотека 905/6.

220. Мачеха мочить пряжу в проруби. Девушка отправляет падчерицу по дорогу ухаживает за скотиной, выполняет все поручения бабы-яги, с наградой возвращается домой; родная дочь получает в награду огонь в ларце, погибает вместе с матерью. — Ук. 480 А. АКФ 124, 73 — фонотека 612/5.

221. Повторная запись. Вариант, близкий к предыдущему. — Ук. 480 А. АКФ 125, 40 — фонотека 907/4.

222. Старуха отправляет падчерицу в лес, мороз дарит ей шубу, катаночки; старухина дочь замерзает. — Ук. 480*В. АКФ 125, 38 — фонотека 907/2.

223. Про черную овечку. (Повторная запись). См. стр. 138, № 21. — Ук. 510 А.

224. Колдунья превращает женщину в овцу, убивает ее, падчерица отказывается есть мясо овцы, зарывает ее кости в землю; выросший на этом месте цветок помогает девушке решать трудные задачи. Царевич влюбляется в падчерицу, по утерянной туфельке находит ее, женится на ней. — Ук. 510 А. АКФ 124, 90 — фонотека 615/4.

225. Про Иванушку-дурачка. См. стр. 145, № 22. — Ук. 530 А.

226. Мачеха хочет извести пасынка и его жеребца, они исчезают и попадают в белое царство; мальчик становится царским конюхом, с помощью лошади выполняет задания царя, женится на царевне. Царь гибнет в кипящем молоке. — Ук. 531. АКФ 124, 93.

227. Повторная запись. Мачеха хочет отравить пасынка, волшебный жеребец спасает героя; герой служит конюхом у царя, выполняет его задания; женится на морской деве; царь погибает в кипящем молоке. — Ук. 531. АКФ 125, 28 — фонотека 905/4.

228. Иван — лисицын сын. См. стр. 149, № 23. — Ук. 545 В.

229. Лиса хочет завладеть козой бедного юноши, он ставит условие: найти ему жену. Лиса обманывает царя, женит героя на царской дочери, получает козу. — Ук. 545 В. АКФ 124, 88 — фонотека 615/2.

230. Брат едет в гости к сестрам, выданным замуж за птиц, в пути попадает к Марье Моревне, женится на ней; Моревну похищает Кощей; герой находит жену, погибает сам, его оживляют птицы-зятья; герой

служит монюхом у бабы-яги; спасается бегством от Кощея. — Ук. 552, 400 А, (*313 I). АКФ 125, 32 — фонотека 906/3.

231. Тилли, вилли, мотовилли. См. стр. 152, № 24. — Ук. 555. АКФ 124, 76 — фонотека 904/2.

232. Герой за большие деньги покупает кошку и собаку, мать прогоняет его из дома; он нанимается на три года в работники; в награду вместо мешка с золотом берет мешок с песком; тушит песком пожар, спасает змею, в награду получает волшебное кольцо; женится на царевне; жена крадет у него кольцо, с помощью кошки и собаки герой возвращает себе чудесный предмет, наказывает жену. — Ук. 560. АКФ 124, 77.

233. Шесть чудесных товарищей помогают юноше-охотнику достать в жены царскую дочь; с помощью колдуньи царевна возвращается в дом отца; герой разыскивает жену, попадает в пропасть, его освобождает чудесный кот; царевна снова с мужем. — Ук. 560. АКФ 124, 86 — фонотека 614/4.

234. Повторная запись. С помощью чудесного предмета герой достает царскую дочь, колдунья возвращает ее родителям; юноша побеждает вражеское войско, завоевывает признание царя, женится на его дочери. — Ук. 560. АКФ 125, 86 — фонотека 910/5.

235. Солдат находит пропавшую дочь царя; она не желает быть его женой, солдат мстит ей (у царевны вырастают рога); лечит (бьет) ее в бане; женится на сестре царя. — Ук. 566. АКФ 125, 41 — фонотека 907/5.

236. Вошь. См. стр. 153, № 25. — Ук. 621.

237. Десять братьев путешествуют, в их отсутствие у родителей появляется одиннадцатый сын, обладающий огромной силой; он ищет братьев, помогает им победить соперников, братья женятся на царских дочерях, младший с женой возвращается к родителям. — Ук. (*650 II). АКФ 125, 53 — фонотека 908/9.

238. Про Емелю. См. стр. 154, № 26. — Ук. 675.

239. Брат отрубает сестре руки и ноги, она выходит замуж за царевича, у нее родятся сыновья, исцеляется и вновь возвращается к мужу. — Ук. 706. АКФ 124, 78 — фонотека 613/2.

240. Отец оставляет дочерей в лесу, их освобождают царские солдаты; сестры обещают царю одеть войско одной ниткой, накормить войско одной лепешкой, родить чудесных детей. Царь женится на младшей; чудесных детей подменивают, он прогоняет жену; сын находит мать; злые сестры наказаны. — Ук. 707, (315 А), (480), АКФ 125, 46—фонотека 908/2.

241. [Нерассказанный сон]. См. стр. 157, № 27. — Ук. 725.

242. Отчим проклинает пасынка. Черт уносит мальчика, откармливает, испытывает его; герой бежит от черта с его дочерью; отчим погибает. — Ук. *313 А. АКФ 125, 36 — фонотека 906/7.

243. Девушка приглашена в дом к разбойникам, видит, как они едят человеческое мясо, вместе с отцом разоблачает разбойников, уничтожает их. — Ук. 955. АКФ 124, 85 — фонотека 614/3.

244. В отсутствие мужа жена принимает любовника; муж застает его, избивает. — Ук. 1406. АКФ 125, 34 — фонотека 906/5.

245. Барин расплачивается за обед шляпой («плачено»); старуха просит старика приобрести эту шляпу; старик топит барина в проруби; шляпа достается старику. — Ук. (1539). АКФ 124, 92 — фонотека 615/2.

246. Работник грабит церковную казну, выдает себя за господа бога; сажает попа с его деньгами в мешок, сбрасывает с колокольни. — Ук. 1737. АКФ 124, 82 — фонотека 613/6.

Валентина Семенова, 12 л.

247. Лягушонок обещает выполнить просьбы девушки, обедает в ее доме, ложится в постель, превращается в юношу. — Ук. 440. АКФ 125, 83 — фонотека 910/3.

248. Проезжий человек угощает семью бедняка мясом барана, украденного у богача; на вопрос «когда он ел мясо?» бедняк отвечает: «Ел мясо, когда шел дождик». — Ук. (1381). АКФ 125, 75 — фонотека 909/16.

249. Солдат хвалится шинелью (спит на ней, кладет под голову, покрывается ею); барин покупает у солдата шинель, не умеет с ней обращаться. — Ук. *1547. АКФ 125, 52 — фонотека 908/8.

250. Мужик дарит барину гуся, искусно делит его, за смекалку получает награду; богатый мужик дарит пять гусей, не может разделить их, ему помогает бедный мужик. — Ук.* 1580. АКФ 125, 51 — фонотека 908/7.

КЕМЬ

Зап. 1967 г. А. П. Разумовой, А. А. Митрофановой

Елизавета Федоровна Благодарова, 70 л.

251. Лиса крадет рыбу с воза; волк по совету лисы опускает хвост в прорубь, хвост примерзает, бабы бьют волка. — Ук. 1, 2. АКФ 125, 4 — фонотека 903/4.

252. Фрагмент сказки о мальчике с пальчике. — Ук. 327 А. АКФ 125, 26 — фонотека 905/3.

253. У старика не ловится рыба, он проклинает черта; черт заставляет старика загонять рыбу в невод. — Ук. (*813). АКФ 125, 3 — фонотека 903/3.

254. Свекор ночью назначает свидание невестке, вместо нее приходит свекровь. — Ук. 141*. АКФ 125, 6 — фонотека — 903/6.

255. В отсутствие старухи солдаты вынимают из печи петуха и заменяют лаптем. — Ук. *1545. АКФ 125, 25 — фонотека 905/2.

256. Старик и старуха выдают себя за знахарей, угадывают, что подано на стол (ворона, гусь); поверив в знахарство, царь просит их вылечит его дочь. — Ук. 1641. АКФ 125, 2 — фонотека 903/2.

Анна Александровна Власова, 55 л.

257. Лиса крадет рыбу с воза; волк по совету лисы опускает хвост в прорубь; бабы избивают волка. — Ук. 1, 2. АКФ 125, 9 — фонотека 903/9.

258. В отсутствие кота лиса уносит петуха, кот отнимает его у лисы. — Ук. *61 II. АКФ 125, 14 — фонотека 904/5.

259. Колобок убегает от старика и старухи, от зайца, волка, медведя; лиса съедает его. — Ук. *296. АКФ 125, 13 — фонотека 904/4.

260. Падчерицу везут в лес, она играет в жмурки с медведем, мышка помогает ей; девушка возвращается домой с наградой; родная дочь погибает. — Ук. 480 С. АКФ 125, 10 — фонотека 904/1.

261. Фрагмент сказки о «Коньке-Горбунке» Ершова. — Ук. 531. АКФ 125, 12 — фонотека 904/3.

262. Краткий пересказ пушкинской сказки о рыбаке и рыбке. — Ук. 555. АКФ 125, 11 — фонотека 904/2.

Владимир Андреевич Дорожков, 25 л.

263. Сказка о приключениях Иванушки-дурачка, составленная исполнителем из эпизодов разных сюжетов — «Три царства», «Волшебное кольцо», «Медный лоб». — Ук. (301), (560), (502). АКФ 125, 3 — фонотека 903/8.

Анисья Ивановна Попова, 77 л.

264. Лиса под предлогом, что ее зовут бабить, съедает у волка масло и обвиняет в этом его. — Ук. 15. АКФ 125, 16 — фонотека 904/7.

265. Лиса в отсутствие кота уносит петуха. — Ук. *61 II. АКФ 125, 17 — фонотека 904/8.

Федор Семенович Савин, возраст неизвестен

1940 г. Собственноручная запись.

266. Поп хочет соблазнить девушку, она убегает, выходит замуж за царевича; в отсутствие мужа попадает в сложные ситуации, благополучно выходит из них. — Ук. 883. АКФ 57, 1.

Николай Александрович Яковлев, возраст неизвестен

1941 г. Собственноручная запись

267. Младшая из сестер посещает балы; сестры прогоняют ее в лес; девушка превращается в змею; становится женой царевича, сестры наказаны. — Ук. (510 А), (433 А). АКФ 57, 2.

268. Работник едет в лес за дровами; медведь съедает у него лошадь, впрягается вместо нее, портит скот, убивает попа с попадьей. — Ук. 1007. АКФ 57, 3.

БЕЛОМОРСКИЙ РАЙОН

ШУЕРЕЦКОЕ

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Т. И. Сенькиной

Евдокия Михайловна Балагурова, 63 г.

269. Старик делает деревянного мужичка, он съедает деда с бабкой и других людей; его разбивают, все выходят живыми. — Ук. 333* В. АКФ 127, 35 — фонотека 1177/21.

270. Падчерицу везут в лес; Морозко награждает ее за кротость и вежливость; родная дочь погибает. — Ук. 480 * В. АКФ 127, 37 — фонотека 1177/24.

271. Краткий пересказ сказки о двенадцати стоптанных башмачках. — Ук. (306). АКФ 127, 32 — фонотека 1177/19.

Тимофей Семенович Зайков, 85 л.

272. Юноша обещан водяному; живет у него, обманывает, убегает. — Ук. 313 А. АКФ 127, 66 — фонотека 1179/8.

273. Фрагменты сказки «Аленький цветочек». — Ук. 425 С. АКФ 127, 64 — фонотека 1179/6.

274. Краткий фрагмент сказки о получении силы Ильей Муромцем от прохожих старцев. — Ук. (* 650 I). АКФ 127, 69 — фонотека 1179/11.

275. Мужик зарабатывает три копейки, покупает кота за копейку, продает его царю за три корабля. АКФ 127, 78 — фонотека 1180/7.

Ульяна Тимофеевна Зайкова, 67 л.

Грамотная. Книги читает сама, слушает чтение своего мужа, страстного книголюба. Кроме сказок знает былички, байки; рассказывает кратко, увлекательно.

276. Колобок убегает от старухи, от зайца, волка и медведя, лиса съедает его. — Ук. *296. АКФ 127, 16 — фонотека 1177/3.

277. Береза исполняет все желания жадной старухи. Старуха хочет, чтобы ее боялись люди. Береза оборачивает стариков медведями. — Ук. 555. АКФ 127, 14 — фонотека 1177/1.

278. Пересказ пушкинской сказки о золотой рыбке. — Ук. 555. АКФ 127, 15 — фонотека 1177/2.

279. Герой пасет овец, играет на дудочке; хозяин и хозяйка пляшут. — Ук. 592. АКФ 127, 18 — фонотека 1177/5.

280. Сказка о репке. — Ук. 1960 * Д I. АКФ 127, 19 — фонотека 1177/6.

Наталья Григорьевна Никитина, 76 л.

Уроженка Архангельской области; в Карельском Поморье живет более сорока лет. Сказки усвоила от матери, читала и в книгах. Знает прекрасные тексты лирических и свадебных песен.

281. В отсутствие кота-лиса уносит петуха; кот догоняет ее и отнимает петуха. — Ук. *61 II. АКФ 127, 21 — фонотека 1177/8.

282. Старик со старухой лепят себе глиняного ребенка, весной он развалился. — Ук. (333 * В). АКФ 127, 40 — фонотека 1177/27.

283. (Мертвец). См. стр. 163, № 96. — Ук. 365.

284. Пересказ пушкинской сказки о золотой рыбке. — Ук. 555. АКФ 127, 38 — фонотека 1177/25.

285. Дед не может вытянуть репку, зовет бабку, внучку, Жучку. — Ук. 1960 *Д I. АКФ 127, 39 — фонотека 1177/26.

286. Фрагмент пушкинской сказки о попе и работнике его Балде. — АКФ 127, 48 — фонотека 1178/8.

287. Колдунья топит падчерицу в озере; с помощью волшебного цветка жених достает ее. АКФ 127, 47 — фонотека 1178/7.

Анисья Ивановна Плеханова, 73 г.

288. На хлеве вырастает трава; старик со старухой поднимают на хлев корову. — Ук. 1210. АКФ 127, 60.

289. Пошехонцы покупают ружье, не умеют с ним обращаться; один заглядывает в дуло, ружье стреляет. — Ук. 1228. АКФ 127, 59.

БЕЛОМОРСК

Аксенья Ефремовна Горшкова, возраст неизвестен.

Зап. 1938 г. Е. Я. Ленсу, Л. В. Хайкиной.

290. Падчерицу отправляют в лес, она возвращается с возом добра; родная дочь попадает в лапы медведю. — Ук. 480* С. АКФ 29, 116.

291. Солдат рассказывает сказки: мужик превращается в волка, солдат в медведя, они съедают старуху и корову. Мужик падает с полатей, рассказывает сон старухе. — Ук. *664 В. АКФ 29, 117.

292. Муж заставляет ленивую жену работать, стригает у нее волосы, жена в страхе, что ее не узнают дети. — Ук. 901 *В. АКФ 29, 114.

293. Жена хочет извести мужа, превращается в муху; муж завязывает ее в мешочек, вешает в дымовую трубу; муха высыхает. АКФ 19, 113.

Кондратий Яковлевич Игнатьев, 66 л.

Зап. 1967 г. А. П. Разумовой, А. А. Митрофановой

294. Солдат выгоняет чертей из дома, сажает смерть в торбу, люди перестают умирать; смерть снова на свободе. — Ук. (307), 330 А. АКФ 125, 88 — фонотека 911/1.

295. Невидимая сила в одну ночь развязывает, а в другую связывает у рыбаков сети; рыбак идет искать большее, чем это чудо, слушает разные истории (юноша и девушка превращают друг друга в кобылицу, муж превращает своих жен в кроватку, яблоньку и др. — Ук. (*449 А). АКФ 125, 87 — фонотека 910/5.

296. Хитрый вор. См. стр. 165, № 29. — Ук. 950, (1525 Д).

297. Герой продает купцу ворона, который будто бы помогает ему отыскать, где жена прячет угощение для попа.—Ук. 1535 А. АКФ 125, 89.

298. Жена принимает любовников, сажает их в корзину с сажей, муж стреляет по корзине, любовники убегают; доказательством является их одежда. — Ук. 1730. АКФ 125, 97 — фонотека 911/11.

299. Злая теща в яме, черти тяготятся ее присутствием. — Ук. 1164. АКФ 125, 98 — фонотека 912/2.

Анисья Максимовна Кокарева, 49 л.

Зап. 1940 г. Г. Н. Париловой

300. Жена посылает мужа за лекарством, приводит в дом любовника; жулики сажают мужа в кережку, ночуют в ее доме, советуют мужу, как расправиться с любовником. — Ук. *1381 I. АКФ 30, 79.

Марфа Семеновна Парамонова, 65 л.

Зап. 1938 г. Е. Я. Лепсу, Л. В. Хайкиной

301. Фрагмент сказки «Золушка». — Ук. 510 А. АКФ 29, 110.

302. Разбойники просят у царского лакея деньги; он говорит им слова: «Отвернись, допросись, не ударь». Разбойники выполняют совет лакея, предупреждают смерть своей сестры. — Ук. 910 В. АКФ 29, 123.

303. Мужик и поп спорят, кто из них больше знает; мужик учит попа надевать портки; поп учит мужика носить свет в избу в мешке. — Ук. 1286, 1245. АКФ 29, 121.

304. Воры крадут из-под попадьи и попа постель, а затем их. — Ук. 1525 А. АКФ 29, 119.

305. Поп нанимает дешевых работников, они сразу же после завтрака обедают, ужинают, а вместо работы отдыхают. — Ук. 1561, АКФ 29, 118.

306. Господь кует на наковальне двух суженых, чтобы они лучше жили; предсказывает гибель сына в воде, сын тонет в корыте. АКФ 29, 122.

307. У старухи есть корова, но нет корма, она просит мужчин убить корову, черт убивает и уносит ее. АКФ 29, 120.

308. Водяник попадает в сети старика, просит отпустить его, обещает загнать в сети рыбу, не выполняет обещания; старик снова ловит водяника, убивает его. АКФ 29, 126.

Борис Николаевич Сахаров, 35 л.

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Т. И. Сенькиной

309. Петух, гусь, свинья, бык уходят от своих хозяев; строят в лесу дом; прогоняют лису, волка, медведя. — Ук. 130. АКФ 127, 112 — фонотека 1182/12.

310. Лиса прячется в нору от собак, спрашивает части своего тела, что они делали во время бега; высовывает хвост на съедение собакам за то, что он мешал ей бежать. — Ук. *154 I. АКФ 127, 117 — фонотека 1183/3.

311. Про Ивана-царевича, Ивана-коровича и Ивана — кухаркина сына. См. стр. 169, № 30. — Ук. 303, (301 А).

312. Солдат встречает смерть, прячет ее в мешок, смерть убегает. Герой помогает старику избавиться от чертей, вылечивает девушку от недуга, попадает в чистилище, вновь возвращается на землю. — Ук. (330 В). АКФ 127, 113 — фонотека 1182/13.

313. Неоконченная сказка о Коньке-Горбунке. — Ук. 531. АКФ 127, 115 — фонотека 1183/1.

314. Схематично рассказанная сказка об Иване-царевиче и сером волке. — Ук. (550). АКФ 127, 116 — фонотека 1183/2.

315. Солдат добывает огниво, крадет девушку; собаки убивают судей; солдат становится царем. — Ук. 561. АКФ 127, 110 — фонотека 1182/10.

316. Старуха делает из кудели сына, он оживает, помогает отцу пахать: барин покупает мальчика, он возвращается к родителям. — Ук. 700. АКФ 127, 111.

Екатерина Андреевна Сахарова, 66 л.

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Т. И. Сенькиной

Грамотная. Любит сказки, песни, рассказывает былички, знает пословицы, поговорки, загадки. В семье Сахаровых сильна любовь к сказке, их знает сын Екатерины Андреевны, его жена и дочь. Исполнительница усвоила сказки от своей бабушки, знает и книжные тексты, ей известны все сказки Пушкина. Рассказывает спокойно (без жестов и мимики), увлеченно, сохраняет традиционную сказочную обрядность. В ее текстах немало бытовых и местных элементов.

317. (Медвежья лапа.) См. стр. 173, № 31. — Ук.*161.

318. Юноша обещан водяному; с помощью сестры водяного выполняет его задания (строит хрустальный дворец, мост и т. п.); бежит с Василисой от водяного; водяной гибнет в огненной реке. — Ук. 313 А. АКФ 127, 87 — фонотека 1180/13.

319. Мальчик с пальчик с братьями попадает к людоеду; меняет колпачки братьев и дочерей людоеда; людоед убивает своих дочерей, братья спасаются. — Ук. 327 В. АКФ 127, 89 — фонотека 1181/2.

320. Отец привозит младшей дочери в подарок цветок, за это она должна стать женой чудовища; чудовище умирает, девушка оплакивает его, возвращает к жизни. — Ук. 425 С. АКФ 127, 92 — фонотека 1181/5.

321. Мачеха превращает братьев в лебедей, прогоняет в лес, сестра находит братьев, шьет им рубашки из крапивы; выходит за царевича замуж; девушку обвиняют в колдовстве, перед казнью все выясняется. — Ук. 451. АКФ 127, 94 — фонотека 1181/7.

322. Пересказ пушкинской сказки о царе Салтане — Ук. 707. АКФ 127, 93 — фонотека 1181/6.

323. Пересказ пушкинской сказки о мертвой царевне — Ук. 709. АКФ 127, 95 — фонотека 1181/8.

324. Лутоня жнет хлеб на поле, крестьяне находят его серп, топят в воде, закапывают в землю, просят бога избавить их от кары. Лутоня учит крестьян убирать хлеб современными орудиями труда. Ук. (1202), (1650). АКФ 127, 108.

Маша Сахарова, 5 л.

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Т. И. Сенькиной.

Сказки перенимает от бабушки и отца: рассказывает свободно и просто.

325. Притворившись мертвой, лиса крадет рыбу с воза; волк по совету лисы опускает хвост в прорубь; бабы нападают на волка с коромыслами. — Ук. 1, 2. АКФ 127, 118 — фонотека 1183/4.

326. Лиса строит ледяную хату, прогоняет зайца из лубяной; съедает у него масло; собака помогает зайцу выгнать лису. — Ук. 43, (15). АКФ 127, 124 — фонотека 1183/10.

327. Старик теряет рукавичку, в ней поселяются звери; собака прогоняет их, приносит рукавичку хозяину. — Ук. 130. АКФ 127, 104 — фонотека 1182/4.

328. К соломенному бычку прилипают лисица, волк, медведь; звери откупаются, приводят домашних животных. — Ук. 159. АКФ 127, 102 — фонотека 1182/2.

329. Курочка сносит золотое яичко, мышка разбивает его, старик со старухой плачут, курочка приносит им простое яичко. — Ук.*241 III. АКФ 127, 91 — фонотека 1181/4.

330. Глиняный Иванушка съедает бабку с прялкой, дедку с палкой, девушку, дровосеков; его убивают, все выходят живыми.— Ук. 333*В. АКФ 127, 90 — фонотека 1181/3.

331. Человек и медведь работают вместе; медведь берет у репы вершки, у пшеницы корешки. — Ук. 1030. АКФ 127, 105 — фонотека 1182/5.

332. У деда чудесный жерновок; его крадет барин; петушок возвращает жернов деду. — Ук. 715. АКФ 127, 123 — фонотека 1183/9.

333. Кот притворяется мертвым, мыши радуются его смерти. АКФ 127, 103 — фонотека 1182/3.

Надежда Ивановна Сахарова, 27 л.

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Т. И. Сенькиной

Грамотная. Уроженка Смоленской области. Сказки слышала в детстве от своей матери, отца, старшей сестры.

334. Волк пением выманивает у старика Жучку, внучку, старуху; старик прячется под печкой, козы находят его. — Ук. *162, 1960*G 1. АКФ 127, 107 — фонотека 1182/7.

335. Падчерицу везут в лес, конская голова награждает ее; родная дочь погибает. — Ук. 480*В. АКФ 127, 106 — фонотека 1182/6.

ВЫГОСТРОВ

Зап. 1938 г. Н. Н. Алексеева

Парасковья Ивановна Мокеева, 46 л.

336. Отец привозит младшей дочери аленький цветочек, отдает ее замуж за чудовище. Супруги умирают. — Ук. 425 С. АКФ 29, 128.

337. С помощью яблоньки, выросшей на могиле матери, роскошно

одетая падчерица появляется на балу, оставляет туфелек на смоляном пороге, перчатку на дверной ручке, шляпу; король находит ее; мачеха и ее родная дочь умирают. — Ук. 510 А. АКФ 29, 147.

Елизавета Федоровна Благодарова, 39 л.

338. Старик со старухой нанимаются к царю в лекари, должны угадать, чем их угощают («залетела вброка в царские хоромы», «села курица на царские яйца»; «к этому гусю и я подтянулся»). — Ук. 1641. АКФ 29, 148.

ШИЖНЯ

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. И. Лавонен

Александра Алексеевна Белая, 72 г.

339. В отсутствие кота лиса трижды крадет петушка, кот отнимает его у лисы. — Ук.*61 II. АКФ 126, 7 — фонотека 1006/7.

340. Про быка. См. стр. 175, № 32. — Ук. 130.

Анна Ивановна Навагина, 69 л.

341. Лиса крадет у старика с воза рыбу. Волк по совету лисы опускает хвост в прорубь, бабы избивают его коромыслами. — Ук. 1, 2. АКФ 126, 14 — фонотека 1007/4.

342. (Мужик и медведь.) См. стр. 178, № 53. — Ук. 154.

343. Колобок убегает от старика и старухи, от зайца, медведя, волка, трех молодиц, сорока девиц; лиса съедает колобок. — Ук.*296. АКФ 126, 16.

344. Младшая из трех сестер просит отца привезти ей серебряное блюдечко и наливное яблочко, отец с помощью волшебной палочки выполняет ее просьбу. — Ук. (425 С). АКФ 126, 15 — фонотека 1007/5.

345. Дед с медведем делят урожай; медведь выбирает корешки пшеницы, вершки репы. — Ук. 1030. АКФ 126, 11 — фонотека 1007/1.

Анна Федоровна Соболева, 66 л.

346. Пересказ пушкинской сказки о рыбаке и рыбке. — Ук. 555. АКФ 126, 6 — фонотека 1006/5.

СУХОЙ НАВОЛОК

Петр Яковлевич Никонов, 51 г.

Зап. 1938 г. И. М. Колесницкой, М. А. Шнеерсон

Собиратели сообщают о Никонове, что большую часть сказок он знает от отца, незаурядного сказочника. По словам односельчан, «Яков Никонов рассказывал долгие сказки, заведет, так на несколько ночей; и спать не хочешь». Сказки Петра Никонова сложные по сю-

жету. К сожалению, от него записано всего четыре текста; плохо рассказывать он не хотел, а много говорить не мог. Рассказывает внимательно, обдумывая каждое выражение, стараясь не пропустить и не сказать ничего лишнего. АКФ Ф—I, оп. 38, ед. хр. 35, стр. 214.

347. Заколдованное царство. См. стр. 180, № 34. — Ук. 402, 400 А, (554), 302.

348. Золотой мужичок портит у старика хлебное поле, попадает в тюрьму, его выпускает царевич; в наказание царевич изгнан из дома; слуга вынуждает его поменяться одеждой. С помощью золотого мужичка царевич женится, невеста узнает его по одежде, сшитой его матерью. — Ук. 502. АКФ 29, 142.

349. (Молодильные яблоки). См. стр. 192, № 35. — Ук. 551, 301 А, (В), (400*В).

350. Герой попадает в сложные ситуации: по портретам выбирает себе в невесты дочь короля, участвует в ряде войн, побеждает, принимает турецкое подданство; женится на дочери короля. — АКФ 29, 139.

Никита Александрович Щербаков, 42 г.

351. Герой покупает кота и собаку; женится на царевне, она похищает кольцо; животные возвращают его хозяину. — Ук. 560. АКФ 29, 143. Зап. 1938 г. И. М. Колесницкой, М. А. Шнеерсон.

Щербакова, 67 л.

Зап. 1938 г. И. М. Колесницкой, М. А. Шнеерсон.

352. Схематичное рассказанная сказка о царевне-лягушке. — Ук. 402. АКФ 29, 144.

353. Герой получает от отца-колдуна волшебного коня, с его помощью он доскакивает до царевны, женится на ней, выполняет поручения, становится царем. — Ук. 530*В. АКФ 29, 145.

ВИРМА

Степанида Ивановна Головина, 80 л.

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен

В молодости знала немало сказок, но в силу преклонного возраста многие из них забыла, рассказывает предельно кратко. Настоящими сказками считает большие по объему.

354. Лиса съедает у волка масло, обманывает его. — Ук. 15, АКФ 126, 130 — фонотека 1015/10.

355. Сын женится против воли матери; свекровь решает извести невестку; опасность предотвращает муж, при участии доброй колдуньи невестка выполняет задание свекрови. — Ук. 428. АКФ 126, 134 — фонотека 1015/14.

356. Падчерицу отправляют в лес, дают ей пепел вместо муки, опилки вместо крупы, песок вместо соли, лед вместо масла; она возвращается с богатством; родная дочь погибает. — Ук. 480*В. АКФ 126, 132 — фонотека 1015/12.

357. Морозко. См. стр. 212, № 36. — Ук. 480*В.

358. Упрямая старуха попадает в реку, старик ищет ее против течения. — Ук. 1365 А. АКФ 126, 135 — фонотека 1015/15.

359. Про женку и про мужика. См. стр. 214, № 37.— Ук. 1365* Д.

360. Схематично рассказанный эпизод из сказки «Никифорово чудо». АКФ 126, 136 — фонотека 1015/16. См. комментарий к № 45 настоящего сборника.

Мария Владимировна Дементьева, 65 л.

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен

Грамотная, любит читать газеты, журналы, книги; ежедневно слушает радиопередачи, интересуется вопросами внутренней и внешней политики нашего государства, международной жизни. Много сказок слышала в детстве от отца; рассказывает артистически. Знает много песен, частушки, пословицы, загадки.

361. Никола Дубленский. См. стр. 214, № 38. — Ук. 1380.

362. Про пантуфни. См. стр. 216, № 39. — Ук.*1885.

363. Посеял горошину, собрал большой урожай — хорошо; урожай съели козы — плохо; козы убиты, насолен целый амбар мяса — хорошо; поповы кошки съели мясо — плохо; из кошек сшита шуба — хорошо; шубу разорвали собаки — плохо; жена до сих пор хворает — хорошо. — Ук. 2014. АКФ 126, 125 — фонотека 1015/5.

364. У рыбаков распускают и связывают сети; одного из них колдунья превращает в жеребца, он то же проделывает с нею; колдунья указывает рыбаку, где можно найти большее чудо. — АКФ 126, 144 — фонотека 1016/3.

Татьяна Кубасова, 8 л.

365. Старики лепят из глины парня, он прожорлив, съедает весь хлеб, молоко, бабку, дедку, быка, лесорубов и т. д. Козел разбивает его, все выходят из брюха живыми. — Ук. 333*В. АКФ 126, 139 — фонотека 1015/19. Зап. 1968 г. Н. А. Лавонен, А. П. Разумовой:

Петр Иванович Мартынов, 84 г.

Зап. 1938 г. Н. Алексеева

Собиратель Н. Алексеев о нем сообщает: «Грамотный, славится как знаток коротких анекдотических сказок, рассказывает во время отдыха на колхозных работах; любит шутки; острое словцо». АКФ Ф—1, оп. 39, ед. хр. 35, стр. 221.

366. (Попов жеребенок). См. стр. 217, № 40.

367. Лягание и дрыганье. См. стр. 218, № 41. — Ук. 1825*Д.

Агния Андреевна Морозова, 59 л.

368. Краткое неполное изложение сказки «Медведь — липовая нога». — Ук. *161. АКФ 126, 142 — фонотека 1016/1. Зап. 1968 г. Н. А. Лавонен, А. П. Разумовой.

Александра Ивановна Пономарева, 66 л.

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен

369. Падчерицу везут в лес; она получает мешок золота; родная дочь погибает. — Ук. 480*С. АКФ 126, 138 — фонотека 1015/18.

370. Медведь выманивает у старика кошечку; собачку и других животных; старики прячутся, медведь уходит. — Ук.*162. АКФ 126, 140— фонотека 1015/20.

Степанида Ефремовна Попова, 67 л.

Зап. 1938 г. Н. Н. Алексеева

371. Петух, кот и лиса живут вместе. Лиса уносит петуха; кот отнимает его. — Ук.*61 II. АКФ 29, 73.

372. Волк съедает семь овец, дочку, сына. — Ук.*162. АКФ 29, 74.

373. Брат и сестра остаются сиротами; мачеха (баба-яга) плохо относится к ним; сестра умирает. У брата есть баран «золоты рожки», он приносит ему в жизни удачу. — АКФ 29, 75.

Фатина Васильевна Попова, 26 л.

Зап. 1938 г. Н. Н. Алексеева

Собиратель сообщает: «Местная активистка, организатор хорового кружка в своей деревне, работала заведующей избой-читальней. Любит читать. Впервые сказки от нее записаны в 1938 году. Лучше знает анекдотические сюжеты, героем которых является Иван-дурак. В 1968 г. запись сказок Поповой производилась вновь; небольшой ее репертуар сохранен почти полностью. Сказки рассказывает детям и подругам. АКФ Ф—1, оп. 39, ед. хр. 35, стр. 229.

374. Сестра едет в гости к братьям; баба-яга подменяет девушку своей дочерью; братья принимают дочь бабы-яги за свою сестру; родная сестра пасет свиней, все выясняется. — Ук. 403 А. АКФ 29, 79.

375. Дурак продает быка; рубит дерево, из него сыплются деньги; убивает дьяка, сообщает об этом людям. Братья кладут в могилу вместо дьяка барана, спасают дурака от наказания. — Ук. 1643. 1600 А. АКФ 29, 78.

376. Повторная запись. Про дьячка. См. стр. 219, № 42. — Ук. 1643, 1600 А.

377. Иванушка-дурак. См. стр: 221, № 43. — Ук.*1681 I.

378. Дурак нанимается в работники, едет в город, покупает горшки, бочонок масла, мешок соли; горшки одевает на пни, масло выливает на дорогу и т. д. — Ук.*1681 I. АКФ 126, 128 — фонотека 1015/8.

379. Мать посылает дурака поучиться у людей «уму-разуму»; дурак говорит все невпопад (на похоронах: «Дай вам, господи, носить, не выносить»; на свадьбе: «Святый боже, святый крепкий»; на пожаре: «С законным браком» и т. д.). — Ук. 1696 А. АКФ 29, 76.

Иринья Ивановна Фадеева, 72 г.

Зап. 1938 г. Н. Н. Алексеева

380. Родители договариваются о браке детей заблаговременно. Девушка загадывает жениху загадки, он не может отгадать, ищет ответ, встречает девушку, она отвечает на все вопросы; они бегут из дома; жених отрубает ей голову, девушка превращается в деревянную чурку. — Ук. (461). АКФ 29, 88.

381. Бедная девушка продает золотые яйца за большие деньги; родители ее богатеют; на девушку клевещет дядя; она прячется в медвежьей берлоге; ее находит охотник, женится на ней; дядя наказан. — Ук. 883. АКФ 29, 87.

Дмитрий Владимирович Филатов, 37 л.

Зап. 1938 г. Н. Н. Алексеева

382. У старика и старухи рождается дочь, они называют ее мужским именем, женят на девушке, которая выражает неудовольствие, т. к. ее муж не уделяет ей внимания. Герой жалуется старику на то, что не может обзавестись семьей; старик делает ее мужчиной. — Ук. 514. АКФ 29, 86.

383. Поп, дьякон да пономарь. См. стр. 223, № 44. — Ук. 1730.

Михаил Владимирович Филатов, 45 л.

Зап. 1938 г. Н. Н. Алексеева

Собиратель о нем сообщает: «С малых лет ходил в море на ботах на лов трески; сказки слышал на промысле и от отца дома. В момент записи сказок М. Филатов работал лесником; во многих случаях его аудиторией при рассказывании сказок были охотники. Рассказывает спокойно, медленно, необходимые повторы воспроизводит в тех же выражениях. Его волшебные сказки сложны по сюжету. АКФ Ф — 1, оп. 39, ед. хр. 35, стр. 220.

384. Никифорово чудо. См. стр. 225, № 45. — Ук. (*449 А).

385. Юноша едет на поиски царевны, отрубает голову колдунье, ослепляет одноглазого старика, помогает льву в борьбе со змеем, понт льва змеем, заковывает его в цепи. — Ук.*455 А. АКФ 29, 82.

386. Мачеха посылает пасынка на необитаемый остров; он встречает там дерущихся лешего и черта, убивает лешего, получает от черта чудесное зеркальце с двенадцатью винтиками, женится на царской дочери, лишается волшебного зеркальца. Черт возвращает герою зеркальце и царевну. — Ук. 560, 518. АКФ 29, 81.

387. Муж оживляет умершую жену, она изменяет ему и становится женой полковника; первый муж служит солдатом в полку второго мужа. Жена прячет часы полковника в одежду солдата, его обвиняют в краже, судят, расстреливают; с помощью волшебной книги солдат оживает, странствует, вылечивает дочь царя; женится на ней; мстит полковнику, убивает свою первую жену. — Ук. 612. АКФ 29, 90.

388. Сын разоблачает мать, изменившую своему мужу; мать пытается погубить сына, но слуги спасают его. Юноша выучивается ремеслу, неузнанным возвращается в родительский дом, рассказывает о неблаговидных делах матери, остается с отцом, мать кончает жизнь самоубийством. — АКФ 29, 89.

СУМСКИЙ ПОСАД

Николай Александрович Бахилев, 62 г.

Зап. 1938 г. И. М. Колесницкой, М. А. Шнеерсон

Собиратели о нем сообщают: «Грамотный, много читал, знает книжные сказки, другие слышал в лесных избушках, когда работал лесником. От Бахилева записаны волшебные и новеллистические сказки, они

отличаются сложным контаминированным сюжетом, подробной разработкой деталей; мотивированностью событий. Исполнитель при рассказывании строго соблюдает сказочную обрядность. АКФ Ф—1, оп. 39, ед. хр. 35, стр. 223.

389. Лопарь-охотник дважды попадает в подземное царство, выходит на землю богатым и счастливым. — Ук. (301 А). АКФ 29, 24.

390. Фрагменты сказки «Хитрая наука». — Ук. 325. АКФ 29, 31.

391. Сестра короля влюбляется в солдата. Король в гневе сажает солдата в яму, едет жениться на дочери волшебника. Солдат помогает королю в его женитьбе: в пути встречает дерущихся чертей, овладевает их чудесными предметами, с помощью которых помогает королю добыть невесту. Герой (солдат) возвращается домой, женится на дочери короля. Свадьба короля и солдата справляется одновременно. — Ук. (313 А), (873), (518). АКФ 29, 27.

392. Герой ищет работу, пасет царский скот, ему мешает мужичок с ноготок. Пастух трижды уничтожает противника, трижды попадает в роскошный дом, встречается с богатырями, которых в случае надобности вызывает чудесными гуслями; женится на царской дочери, с помощью богатырей защищает ее от царя.— нечистой силы, остается навсегда со своей женой. — Ук. (502), (301 А), (560), (300 А). АКФ 29, 28.

393. Контаминация мотивов ряда сюжетов о состязании человека с чертом. За строптивость и непослушание муж бросает жену в озеро. Черти просят убрать ее, обещают ему в жены царскую дочь; мужик становится лекарем, обманывает чертей; женится на царевне. — Ук. 1164, 1060, 1060*. АКФ 29, 26.

394. Жена трех разбойников будет принадлежать тому из них, кто лучше покажет мастерство воровства. — Ук.*1525 I, 1526. АКФ 29, 25.

395. Поп и Сенька-работник. См. стр. 232, № 46. — Ук. 1539.

Анатолий Житник, 15 л.

396. Царские сыновья путешествуют; младший попадает на остров, нагружает судно солью, меняет ее на золото, получает при этом царскую дочь; братья бросают его в воду; он спасается, женится на царевне.— Ук. 1651*. АКФ 29, 37. Зап. 1938 г. И. М. Колесницкой.

Александра Николаевна Каманина, 83 г.

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен

397. Туру-туру, пастушок. См. стр. 237. № 47. — Ук.*2015 I. АКФ 126, 99 — фонотека 1013/11.

398. Репка. — Ук.*2020. АКФ 126, 97— фонотека 1013/9.

Никифор Дмитриевич Клевин, 56 л.

Зап. 1938 г. Н. И. Колесницкой, М. А. Шнеерсон

Собиратели сообщают: «В молодости ходил на промысел, был на военной службе. В момент записи сказок работал на сплаве; все лето жил один в лесной избушке у реки, запруженной лесом. Иногда к нему находили рабочие поговорить, послушать его сказки. Рассказывает те сказки, которые слышал от промышленников и на военной службе, все они волшебные. Для встречи с собирателями специально готовился. Рассказывает спокойно, медленно, красочным языком; продумывает каж-

дую деталь; употребляет поговорки, меткие выражения. Отличительной чертой сказок Клевина является большая динамичность их композиции». АКФ Ф-1, оп. 39, ед. хр. 35; стр. 224.

399. Василиса Премудрая. См. стр. 238, № 48. — Ук. 313 С.

400. Вавилонское царство. См. стр. 243, № 49. — Ук*985 А.

401. Наплот-молодец. См. стр. 250. № 50. — Ук. 519.

402. Падчерица пытается отравить пасынка; мальчика спасает волшебная лошадь. Юноша трижды побеждает змей, получает от них перстень; женится на царевне; расправляется с мачехой. — Ук. 531, 300 А. АКФ 29, 23.

403. [Добрые советы: Три слова]. См. стр. 255, № 51. — Ук. 910 В, (677).

Полина Павловна Кошелева, 61 г.

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен

404. Падчерицу везут в лес, Морозко награждает ее за вежливость. Мачехина дочь погибает. — Ук. 480*В. АКФ 126, 105 — фонотека 1013/16

405. Про горошинку. См. стр. 261, № 52. — Ук. 1960*GI, 37.

Устинья Максимовна Кузнецова, 70 л.

Зап. 1938 г. И. М. Колесницкой, М. А. Шнеерсон

406. Царский сын попадает к водяному, выполняет его трудные поручения, ему помогает Устинья Премудрая. Царевич и Устинья спасаются от водяного бегством. Юноша забывает Устинью, она напоминает о себе. — Ук. 313 А, 313 С. АКФ 29, 46.

407. Младший сын царя женится на лягушке; она лучше всех выполняет задания царя (печет хлеб и т. д.), превращается в царевну; царский сын сжигает ее кожушки; царевна исчезает, он отыскивает жену, возвращается с нею домой. — Ук. 402, 400 А. АКФ 29, 64.

408. Баба-яга убивает любимого барана падчерицы; девушка закапывает его косточки в землю; вырастает волшебное дерево, оно помогает падчерице во всем; в церкви девушка встречается с царевичем, теряет туфель; царевич разыскивает девушку, женится на ней. — Ук. 510 А, (511). АКФ 29, 67.

409. Купеческий сын трижды караулит гробницу царевны; девушка оживает, выходит за него замуж. Неизвестный старец исцеляет ее от нечисти. — Ук. 307,*849 В. АКФ 29, 65.

410. Петр I с солдатом попадают в разбойничий дом; хитрый солдат убивает разбойников, спасает царя; богатство разбойников достается солдату. — Ук. 952. АКФ 29, 66.

Михаил Онуфриевич Нетужилов, 62 г.

Зап. 1938 г. И. М. Колесницкой, М. А. Шнеерсон

Собиратели сообщают: «Сын небогатых родителей, с ранних лет работал по найму, ходил на рыбный промысел, где по его словам, выучился мастерству рассказывания; прекрасно излагает новеллистические и анекдотические сказки. Говорит медленно, спокойно, постепенно оживляясь, жестикулирует, изображает события в лицах, передает интонации

и мимику действующих лиц. Сюжеты сказок Нетужилова принадлежат к числу мало распространенных». АКФ Ф-1, оп. 39, ед. хр. 35, стр. 226.

411. Лев и лошадь договариваются о состязании: с разбегу ударяют по камню, чтобы камень ушел в землю; лошадь бьет подковой, высекает искры и т. д. Увидев превосходство лошади в состязаний, лев душит медведя, спасает лошадь и уходит. — Ук. 118. АКФ 29, 72.

412. Муж уступает жене старшинство в семье. Жена отказывается платить подати, прячется в мешок; старшина по совету мужа топчет мешок; жена отказывается от старшинства. — Ук.*1375. АКФ 29, 68.

413. Поп вымогает у мужика единственную корову, обещая за это божью щедрость. Корова бедного мужика приводит в свой хлев девять коров попа. Поп жалуется архиерею. Мужик уличает архиерея в блуде, получает всех коров. — Ук. 1735. АКФ 29, 69.

414. Солдат негодует, что он неграмотный; его слезы поп принимает за усердие, выдает за него свою дочь; назначает зятя псаломщиком. Солдат уходит из церкви. — АКФ 29, 70.

415. [Мужик в роли попа]. См. стр. 263, № 53. — Ук. 1825 А, В.

Анна Семеновна Никитина, 80 л.

Зап. 1938 г. Е. Я. Ленсу, Л. В. Хайкиной

Собиратели сообщают, что большая часть жизни А. С. Никитиной связана с морем, тринадцать лет водила она карбас на расстояние девяти километров от берега к пароходу, идущему в Мурманск; работала гребцом, грузчиком, возила людей на Соловецкие острова. Сказки слышала в детстве. Ее дочь — А. И. Суслонова помнит, как мать рассказывала сказки детям, мужу и собравшимся соседям. Анна Семеновна любила читать, знала наизусть ряд строф из «Конька-Горбунка» Ершова, пела былины и баллады. АКФ Ф-1, оп. 39, ед. хр. 35. стр. 231.

416. Поповский сын обладает необыкновенной силой: вместо коровы приводит медведя, приносит необыкновенный жернов, избавляет царскую дочку от лешего. Вместе с богатырями Горыней и Рекиней попадает во владения мужичка с ноготок; убивает его быков, находит в подземелье девушку; Долыня женится на царевне. — Ук. 301 В. АКФ 29, 13.

417. Юноша покупает икону Николая чудотворца и отправляется в плавание; его кормщик (старец Никола) дает герою полезные советы; охраняя летающую гробницу, юноша трижды выдерживает это испытание, излечивает девушку от недуга, женится на ней. — Ук. 307. АКФ 29, 15.

418. Брат выдает сестру замуж за царевича; баба-яга подменяет невесту; сестра превращается в лебедь, оплакивает брата; принимает человеческий облик, выходит замуж за царевича. — Ук. 403 А. АКФ 29, 12.

419. Старик вылавливает в море рака, он становится его сыном, выполняет трудные задачи царя; женится на царевне. Жена сжигает кожушки рака, он исчезает. Царевна находит мужа с помощью добрых колдуний. — Ук. 425 А. АКФ 29, 17.

420. Пересказ сказки Андерсена «Двенадцать диких лебедей». — Ук. 451. АКФ 29, 10.

421. С помощью мудрой девушки герой выполняет задания царя; приживает с еретицей ребенка, спасается от нее бегством, попадает к кривому старику, лишает его зрения; возвращается домой, женится на мудрой девушке. — Ук.*485 А. АКФ 29, 11.

422. Вариант сказки «Иван-царевич и серый волк». — Ук. 550. АКФ 29, 16.

423. Княжеский сын выбирает себе жену по портретам, рассказывает об уловках женщин, обманывающих своих мужей. — Ук. (1406 А) АКФ 29, 9.

Парасковья Трофимовна Пашина, 45 л.

Зап. 1938 г. И. М. Колесницкой

424. Юноша едет в плавание с неизвестным старцем; ночует в церкви у гробницы девушки, она встает, становится его женой. По наговору злых людей убивает жену; старец оживляет ее; женщина возвращается к мужу. — Ук. 307. АКФ 29, 40.

425. Царевич обещан водянику; с помощью Устиньи Премудрой выполняет его задания, они спасаются от водяника бегством, женятся.— Ук. 313 А, С. АКФ 29, 38.

426. Брат выдает замуж красивую сестру (один след золотой, другой серебряный); баба-яга заменяет ее своей дочкой, топит невесту в море. За обман брат посажен в тюрьму. Правда выясняется. — Ук. 403 А. АКФ 29, 39.

427. Баба-яга подменяет невесту своей дочерью, выдает ее замуж за царевича. Царевна оборачивается птицей, топит корабль с молодоженами. Царь стреляет в птицу, плюет на нее; от слюны появляются дети, они находят своего отца. Баба-яга губит детей, их оживляет мать (птица). Царь узнает в птице свою жену. Бабу-ягу хоронят. — Ук. (403 В). АКФ 29, 44.

428. Падчерице помогает Финист — ясный сокол, она оставляет башмачок на смоляном полу; царевич находит девушку, женится на ней; злые сестры мстят падчерице, губят сокола. — Ук. 510 А. АКФ 29, 42.

429. Девушка попадает к разбойникам, на ее глазах происходит убийство; она убегает, прячется от разбойников; разоблачает разбойников при свидетелях. — Ук. 955. АКФ 29, 43.

430. Царица выгоняет пасынков из дому, об этом узнает кукла-говорунья; находит царских детей; царь живет с детьми и куклой-говоруньей. — АКФ 29, 41.

431. Царь с сыном оказывается в избушке на берегу моря; появляется петушиная голова, ее разрубают. Появляется много петушиных голов, они съедают царского сына. — АКФ 29, 45.

Егор Сафронович Привалов, 73 г.

Зап. 1938 г. Е. Я. Ленсу, Л. В. Хайкиной

432. Про Ивана Сосновца. См. стр. 264, № 54. — Ук. 301 А, 301 В.

433. [Пойди туда, не знаю куда]. См. стр. 270, № 55. — Ук. 465 А.

434. Царевич выпускает из клетки Жар-птицу; отец прогоняет его, царевич странствует в сопровождении кривого лакея, попадает в колодец, за спасение отдает лакею свое платье; с помощью Жар-птицы преодолевает препятствия, получает чудесные предметы, борется с войском, женится на царской дочери. — Ук. 502, АКФ 29, 6.

435. Вдовый царь посылает сыновей искать ему новую жену; с помощью волка добыть ее удается младшему сыну. — Ук. 550, 302. АКФ 29, 3.

436. Бедный мужик женится на царской дочери. Нужда заставляет ее ткать ковры, муж продает их за три совета, становится богатым человеком, признанным зятем царя. — Ук. 910 В. АКФ 29, 8.

437. Про Нестера. См. стр. 278, № 56. — Ук.*1525 I.

438. Солдат пропивает свою шашку, заменяет ее деревянной. При осмотре войска царь приказывает солдату рубить ему голову. Находчивый солдат произносит: «Господи, преврати железо в дерево» — рубит царя, деревянная шашка ломается. — АКФ 29, 1.

Татьяна Григорьевна Привалова, 67 л.

439. Старик и старуха не имеют детей, ловят сына (водоплавника) в реке; он женится на царской дочери; выполняет поручения царя, оставляет его перевозчиком в лодке. — Ук. 461. АКФ 29, 5. Зап. 1938 г. Е. Я. Ленсу, Л. В. Хайкиной.

Ефимья Васильевна Рохмистова, 63 г.

Зап. 1938 г. И. М. Колесницкой, М. А. Шнеерсон.

Собиратели сообщают, что Е. В. Рохмистова сказки слышала в детстве, часть их усвоила от деда, крупного мастера-сказителя. Репертуар исполнительницы разнообразный; главный ее дар заключается в умении рассказывать, особенно удачно она передает диалог, меняет голос, интонацию. АКФ Ф-1, оп. 39, ед. хр. 35, стр. 229.

440. Лиса съедает у волка масло и обвиняет в этом его самого.— Ук. 15. АКФ 29, 51.

441. Курица. См. стр. 282, № 57. — Ук. 20 С, 20 А, 21, 1, 2.

442. Лиса в отсутствие кота уносит петуха. Кот идет к лисе, дразнит ее, съедает лису, ее детей, возвращается с петухом. — Ук.*61 II. АКФ 29, 52.

443. Старуха и звери. См. стр. 286, № 58. — Ук. 158,*160 I.

444. Вопреки наказу родителей брат выдает сестру замуж за царя; едут в лодке; баба-яга сбрасывает невесту в воду, переодевается в ее платье. Брат посажен в тюрьму, сестра навещает его; все выясняется. — Ук. 403 А. АКФ 29, 47.

445. Братец превращается в козленка; сестру выдают замуж за царя; баба-яга губит ее и становится женой царя; все выясняется; бабу-ягу уничтожают. — Ук. 450. АКФ 29, 53.

446. Про другу матерь. См. стр. 289, № 59. — Ук. (533 А). (451 — начало).

447. Падчерицу везут в лес, она возвращается домой с наградой. Родная дочь возвращается домой, не выполнив задания матери. Все мирятся, живут вместе. — Ук. 480*В. АКФ 29, 58.

448. Падчерица ищет для мачехи бердо; выполняет задание бабы-яги, возвращается с наградой. Родная дочь возвращается без награды. Все живут в одной семье. — Ук. 480 А. АКФ 29, 59.

449. Фрагменты сказки о Сивке-бурке. — Ук. 530 А. АКФ 29, 55.

450. Золотая рыбка. См. стр. 291, № 60. — Ук. 555.

451. Неоконченный фрагмент сказки об Илье Муромце. — Ук. (*650 I). АКФ 29, 61.

452. Иван-царевич женится на царской дочери. Жена дважды рожает ему по три сына, баба-яга подменяет детей щенками; на третий раз царица рожает двух сыновей и дочь, прячет их под грудью; царицу бросают в бочке в море; царь женится на дочери бабы-яги; царица с детьми возвращается к мужу. — Ук. 707. АКФ 29, 18.

453. [Жених-разбойник]. См. стр. 294, № 61. — Ук. 955.

454. Поп нанимает работника, оплата — щелчки в лоб попу и попадье; с наступлением расплаты поп с попадьей бегут из дома; работник оказывается с ними; вместо работника попадья сталкивает в воду сонного мужа. — Ук.*1736 I, 1132, 1120. АКФ 29, 54.

455. Старуха посылает старика рубить мотовило в лес. Неизвестный голос запрещает старику это делать, иначе старуха умрет. Старик не слушает совета, старуха умирает. — АКФ 29, 62.

Соболев, 67 л.

Зап. 1938 г. И. М. Колесницкой

456. Солдат и неузнанный царь попадают к разбойникам. Солдат спасает товарища от смерти, получает от него вознаграждение; узнает в товарище царя. — Ук. 952. АКФ 29, 34.

457. Барин просит мужика привести ему на ночь девушку; мужик приводит старуху. Старуха возвращается к барину днем; барин обманут. — Ук. 1441*. АКФ 29, 32.

458. Ленивый старик объявляет себя колдуном, получает от царя вознаграждение. — Ук. 1641. АКФ 29, 33.

Анфиса Ивановна Суслонова, 77 л.

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен

Сказки слышала от матери А. С. Никитиной в детстве; рассказывает предельно кратко. Грамотная, знает сказки Пушкина, воспроизводит их близко к книжному тексту.

459. Неожиданный шум курица принимает за начало войны, сообщает об этом зверям, все прячутся в яме, по очереди съедают друг друга: лиса уговаривает медведя съесть свои внутренности. — Ук. 20 С, 21. АКФ 126, 112 — фонотека 1014/4.

460. Сын получает от отца наследство, приобретает икону, нанимает неизвестного старца капитаном. Старец помогает юноше добыть невесту, изгнать из нее беса. — Ук. 307. АКФ 126, 111 — фонотека 1014/3.

461. Незавершенная сказка о черте в ранце. — Ук. 330 В. АКФ 126, 115 — фонотека 1014/8.

462. Брат выдает сестру замуж за царевича; баба-яга бросает невесту в воду, она оборачивается лебедью, посещает царских пивоваров, дарит им драгоценности. От поцелуя царевича невеста навсегда принимает человеческий облик. — Ук. 403 А. АКФ 126, 110 — фонотека 1014/2.

463. Старик и старуха вылавливают рака, он становится их сыном, сватается к царской дочери; выполняет трудные задачи царя; превращается в красивого юношу. Царевна сжигает шкуру рака, он исчезает; царевна находит мужа. — Ук. 425 А. АКФ 126, 107 — фонотека 1013/18.

464. Отец привозит дочерям подарки, младшей — золотое блюдечко и наливное яблочко. Старшие сестры убивают младшую, на могиле вырастает дудка, она играет, разоблачает сестер. — Ук. 425 С, 780. АКФ 126, 114 — фонотека 1014/6.

465. Краткий пересказ гриммовской сказки о двенадцати братьях. — Ук. 451. АКФ 126, 118 — фонотека 1014/11.

466. Краткое изложение сказки «Мачеха и падчерица». — Ук. 480*С. АКФ 126, 119 — фонотека 1014/11.

467. Иван-царевич выпускает из заключения чудесного пленника, отец прогоняет сына; юноша служит конюхом, женится на дочери царя, выполняет его задания; царь отдает ему престол. — Ук. 502, АКФ 126, 109 — фонотека 1013/20.

468. Отец хочет жениться на дочери, она спасается от него бегством; отец тонет в огненной реке, дочь становится немой; девушка выходит замуж за царевича, сила колдовства исчезает. — Ук. 510 В, 313*1. АКФ 126, 120 — фонотека 1014/13.

469. Краткий пересказ сказки о Сивке-бурке. — Ук. 530 А. АКФ 126, 123 — фонотека 1015/5.

470. Начало сказки Ершова «Конек-Горбунок» — Ук. 531. АКФ 126, 113 — фонотека 1014/5.

471. Краткий пересказ пушкинской сказки о золотой рыбке. — Ук. 555. АКФ 126, 116 — фонотека 1014/9.

472. Царевна ставит условие женихам: отгадать, из чего сшиты башмачки; отгадывает черт, башмачки сшиты из шкуры вши. — Ук. 621. АКФ 126, 122 — фонотека 1015/2.

473. Краткое изложение сказки о царе Салтане. — Ук. 707. АКФ 126, 121 — фонотека 1014/14.

474. Схематический пересказ пушкинской сказки о мертвой царевне с использованием эпизодов из гриммовской сказки о двенадцати братьях. — Ук. 709. АКФ 126, 117 — фонотека 1014/10.

475. Сын попа — силач, вместо коров приводит в дом медведя, вместо жернова — водяника; избавляет от чертей царскую дочь; освобождает девушек от мужичка с ноготок. — Ук. 1045, 1162, 301 А, В. АКФ 126, 106 — фонотека 1013/17.

Анна Григорьевна Трифонова, 64 г.

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен

476. Кот песней выманивает лису и ее детей. — Ук. *162. АКФ 126, 90 — фонотека 1013/2.

477. Фрагмент сказки о рыбаке и рыбке Пушкина. — Ук. 555. АКФ 126, 92 — фонотека 1013/4.

478. Туру-туру пастушок. Кумулятивная сказка. — Ук. *2015 I. АКФ 126, 91 — фонотека 1013/3.

Екатерина Васильевна (фамилия неизвестна), 68 л.

Зап. 1938 г. И. М. Колесницкой

479. У старика и старухи нет детей, они делают сына из ольховой чурки; он уходит «наживать добро», встречает бабу-ягу и двух ее сестер, жарит их в печи, забирает богатство, возвращается к родителям. — Ук. 327 С. АКФ 29, 48.

КОЛЕЖМА

Наталья Михайловна Богданова, возраст неизвестен

Зап. 1938 г. Е. Я. Ленсу, Л. В. Хайкиной

480. Лиса крадет рыбу с воза у старика; волк удит рыбу хвостом в проруби, на волка нападают бабы, волк убегает без хвоста. Лиса и волк строят по хате; хата волка весной тает, звери живут врозь. — Ук. 1, 2, 43. АКФ 29, 103.

481. Колобок убегает от зайца и волка; лиса съедает его. — Ук. *296. АКФ 29, 102.

482. Падчерицу отправляют в лес, она возвращается с богатством. Родную дочь находят почти мертвой. — Ук. 480*С. АКФ 29, 104.

Степан Павлович Егоров, 63 г.

Зап. 1938 г. Е. Я. Ленсу, Л. В. Хайкиной

483. Чудесная птица. См. стр. 297, № 62. — Ук. 735, 567.

484. Сын купца получает клеветническое письмо о плохом поведении жены-царевны; ее убивают. Женщину оживляет врач, пытается завладеть ею; царевна убегает, одевает мужское платье, становится царем, наказывает виновных в своих злоключениях; остается с мужем, передает ему престол. — Ук. 881, 1651. АКФ 29, 108.

Петр Прохорович Золотовский, 57 л.

485. Дурак выдает шкуру убитого нетеля за ворожейку; на ночлеге у богача обнаруживает любовника хозяйки, получает за это большие деньги. Братья, завидуя дураку, убивают свой скот, не получают денег; хотят убить дурака, по ошибке убивают мать. Дурак несет труп матери в церковь, обвиняет в ее смерти попа. Испуганный поп дает дураку деньги, просит сохранить тайну. Братья мстят дураку; погибают сами.— Ук. 1535, *1360 II, 1725. АКФ 29, 106. Зап. 1938 г. Е. Я. Ленсу, Л. В. Хайкиной.

Анна Тимофеевна Сопунова, 48 л.

Зап. 1938 г. Е. Я. Ленсу, Л. В. Хайкиной

Собирательницы сообщают о Сопуновой следующее: «Анна Тимофеевна небольшого роста, подвижная, ловкая, в обращении проста и несколько неприветлива, но когда начинает рассказывать сказки, совершенно преображается. Увлекаясь, говорит скороговоркой, с выразительной мимикой, со смешками. Когда замечает, что сказка производит впечатление, радуется и говорит: «Что, смешно? А дальше еще смешней». Некоторые выражения, местные слова объясняет, часто приводит аналогию с окружающей обстановкой. Рассказывает в основном волшебные сказки, но сказочная фантастика сохранилась в них лишь как условная традиционная рамка, содержание ее сказок необычайно реалистично». АКФ Ф-1, оп. 39, ед. хр. 35, стр. 234.

486. Царь дает имена сыновьям мужика (Утро, Вечер, Заря-молодец); юноши разыскивают похищенных царских дочерей. Старшие братья с царевнами попадают в подземелье; младший брат пасет скот слепого старика, убивает змей, пожирающих коров; восстанавливает зрение старику. Невеста младшего сына выходит замуж за другого, он напоминает о себе; посредником между ними выступает прозревший старик. — Ук. 301 А. АКФ 29, 99.

487. Девушка, встающая из гроба, дает солдату деньги и исчезает; солдат находит невесту, она выходит замуж за другого. С помощью колдуна солдат женится на своей невесте.— Ук. (301 А), 307. АКФ 29, 100.

488. Обещанный Кощею юноша хочет жениться на младшей его дочери; она помогает жениху выполнить задания ее отца, бегут от Кощея. Герой возвращается в родительский дом, забывает невесту, она напоминает о себе, состоится их свадьба. — Ук. 313 А, С. АКФ 29, 98.

489. Отец выдает дочь замуж за лешего; выясняется, что жених — сын богатого купца; раздосадованные сестры кончают жизнь самоубийством; младшая дочь счастлива. — Ук. 361. АКФ 29, 93.

490. Как брат сестре руки-ноги отсек. См. стр. 302, № 63.— Ук. 706.

491. Строптивая дочь царя высмеивает всех женихов; в наказание отец выдает ее замуж за нищего. Муж заставляет жену трудиться (плести лапти т. д.). Нищий оказывается переодетым царевичем; все раскрывается. — Ук. 900. АКФ 29, 95.

492. Солдат проникает в комнату царевны, женится на ней; она вышивает узор для повойника, муж продает его за слова «пойди и не бойся» и т. п. Жена прогоняет мужа, он нанимается матросом на корабль; попадает на дно моря, разрешает спор стариков, получает драгоценности, возвращается к жене, видит двух взрослых сыновей. — Ук. 854, 910 В. АКФ 29, 101.

493. Муж попадает на необитаемый остров, находит золото и прячет его в кирпичи, женится на дочери своего хозяина, жена умирает; по местным обычаям живой муж ложится в могилу вместе с женой, берет с собой пищу, с помощью старца выходит из-под земли, возвращается к жене. — АКФ 29, 97.

494. Ревнивый муж приказывает утопить жену. Она подслушивает разговор леших, которые причиняют бедствия жителям (высушивают реку, закрывают коров за изгородью и т. п.), освобождает жителей от этих неудобств. Богатый муж разоряется; жена упрекает его в неправильном отношении в ней. — АКФ 29, 96.

495. Сыновья делят деньги отца при его жизни; четвертую часть отец передает младшему сыну, он плохо содержит отца. Хитрый друг советует старику, как ему улучшить свою жизнь. Сыновья разбивают кувшин, оставшийся после смерти отца, но денег не находят; сыновья обмануты. — АКФ 29, 94.

Елена Петровна Скворцова, 16 л.

496. Бедняк подслушивает разговор разбойников, повторяет их слова «дверь открой», находит в земле бочонок золота. Богатый брат делает то же самое; разбойники убивают его, хотят найти бедного брата, проникают в его дом в бочках. Девушка ошпаривает разбойников кипящей смолой. — Ук. 676. АКФ 29, 107. Зап. 1938 г. Е. Я. Ленсу, Л. В. Хайкиной.

ПЕРТОЗЕРО

Максим Фомич Валдаев, 72 г.

Зап. 1938 г. Н. Н. Алексеева

Собиратель сообщает о нем: «Валдаев по национальности карел, рассказывает сказки на русском языке; знает главным образом волшебные сказки. Остальные известные ему сюжеты принадлежат к числу малораспространенных в русской традиции». АКФ Ф-1, оп. 39, ед. хр. 35, стр. 163.

497. Взяв с собой волка, медведя и кошку, царевич уходит из дома по наиболее трудному пути, везде ему помогают звери; юноша попадает к колдуну, трижды борется со змеями; выручает трех девушек, одна из них становится его невестой; герой возвращается в родительский дом, женится и получает полцарства. — Ук. 300. А. (315 А). АКФ 29, 133.

498. Купеческий сын учится птичьему языку у морской царевны. Ворон предсказывает отцу, что он выпьет воду после вымытых портянок сына; отец бросает сына в море; юноша помогает достать невесту царевичу; на дне моря достает ключи морской царевны, возвращается домой, отец моет его портянки, пьет воду, становится здоровым. — Ук. 725. АКФ 29, 135.

499. Царевич не хочет рассказывать свой сон отцу; сын нанимается в услужение к иноземному царю; с помощью чудесных предметов добывает ему морскую царевну. — Ук. 725, 518. АКФ 29, 136.

500. Отец привозит дочерям подарки. Старшие из зависти убивают младшую сестру, хоронят ее. Дудочка из ягеля, выросшего на ее могиле, выдает убийц. Родители убивают дочерей. — Ук. 780. АКФ 29, 106.

501. У царя и кузнеца одновременно рождаются сыновья; царевич уходит из дома, родители посылают за ним погоню; юноша дает иносказательные ответы на вопросы, добивается царской власти, временно получает трон и корону, сближается с царицей; царь приказывает повесить самозванца; царевич трубит в рог, собирается народ; на виселицу попадают царь, царица и палач. — Ук. 920, 905. АКФ 29, 132.

Екатерина Ивановна Парамонова, 49 л.

Зап. 1938 г. Н. Н. Алексеева

502. Старик выдает дочь замуж за необыкновенного юношу; жених красив только днем, ночью он превращается в чудовище; жена роняет искры, муж исчезает, его находит бабушка-задворенка. — Ук. 425 А. АКФ 29, 127.

503. Братец превращается в козленочка. Колдунья топит его сестру, подменяет своей дочкой. Барин оживляет девушку, превращает козленка в юношу, убивает дочь колдуньи. Появляются родители братца и сестрицы; все живут у барина. — Ук. 450. АКФ 29, 137.

504. Старик продает царю ржаное поле; волшебник портит колос; царь сажает его в тюрьму. царевич освобождает волшебника, получает за это наказание; с помощью волшебника женится на царевне. — Ук. 502. АКФ 29, 128.

505. Разбойник хочет жениться на девушке, она убегает, прячется в бочке с дегтем; старик, торгующий дегтем, получает за это вознаграждение. — Ук. 956 В. АКФ 29, 130.

506. Гроб с живым человеком оставляют на ночь в доме, хозяйка выпроваживает «гостя» в холодные сени, он замерзает; хозяйка от страха встает перед иконой и каменеет. — АКФ 29, 131.

Григорий Филиппович Плеханов, 12 л.

Зап. 1938 г. Н. Н. Алексеева

507. Солдат караулит гроб с мертвой царевной; в церкви появляются черти; солдат действует по советам девушки, встающей из гроба, женится на ней. — Ук. 307. АКФ 29, 36.

508. Старик отдает дочь замуж за неизвестного человека, превращающегося в красавца только ночью, девушка хочет посмотреть на него, при зажигании третьей спички жених исчезает, найти его помогают добрые колдуньи. — Ук. 425 А. АКФ 29, 129.

НЮХЧА

Анна Александровна Ананьина, 65 л.

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен.

509. Волк пением выпрашивает у старика со старухой семь овечек, съедает их. Старики спасаются. — Ук. *162. АКФ 126, 47 — фонотека 1009/13.

510. Курочка сносит золотое яичко, мышка разбивает его, старики плачут, курица обещает снести простое яйцо. — Ук. *241 III. АКФ 126, 48 — фонотека 1009/14.

Клавдия Ивановна Анастасьева, 66 л.

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен

511. Как петушок задавился поповым зернышком. См. стр. 308, № 64. — Ук. *241 I.

512. Фрагмент сказки о Финисте — ясном соколе. — Ук. (432). АКФ 126, 51 — фонотека 1009/17.

Ксения Ивановна Кирьянова, 67 л.

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен

513. В отсутствие кота лиса крадет петушка, кот живет один. — Ук. *61 II. АКФ 126, 63 — фонотека 1010/7.

514. Медведь песней выманивает у старика со старухой семь овечек; проезжие люди прогоняют медведя. — Ук. *162. АКФ 126, 58 — фонотека 1010/2.

515. Юноша спасает царевен от змея, за освободителя принимают другого; во время свадьбы царевна узнает настоящего героя. — Ук. 300 А. АКФ 126, 64 — фонотека 1010/8.

516. Водяник приводит в движение мельницу, требует от мужика то, что утроится в его доме. Жена мужика рожает мальчика и девочку. Дети уходят из дома, бабушка-задворенка прячет их. В отсутствие брата сестра принимает к себе водяника, они хотят убить брата; юношу спасают звери. — Ук. 313 А, (315 А). АКФ 126, 59 — фонотека 1010/3.

517. Братец превращается в козленочка; сестра выходит замуж за царевича, баба-яга закапывает ее в землю, подменяет своей дочерью; козленочка хотят зарезать; все выясняется. — Ук. 450. АКФ 126, 62 — фонотека 1010/6.

518. Мачеха ненавидит падчерицу. Неизвестный человек превращает падчерицу в красавицу, на нее обращает внимание царевич; девушка оставляет на смоляном пороге свою туфлю; царевич женится на падчерице. Родных дочерей не берут замуж. — Ук. 510 А. АКФ 126, 65 — фонотека 1010/9.

519. Золотая солоночка. См. стр. 309, № 65. — Ук. 1415.

Феоктиста Никоновна Кичигина, 69 л.

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен

520. Лиса съедает масло у волка, обманув его тем, что ходит мыть ребенка; крадет рыбу с воза; советует волку ловить рыбу хвостом в проруби; обмазывает себя тестом; притворяется больной, едет на волке. — Ук. 15, 1, 2, 3. АКФ 126, 40 — фонотека 1009/6.

521. Лиса строит ледяную хату, прогоняет зайца из лубяной; с помощью петуха звери прогоняют лису. — Ук. 43. АКФ 126, 41 — фонотека 1009/7.

522. Лиса в отсутствие кота трижды крадет петуха, кот догоняет ее, отнимает петуха. — Ук. *61 II. АКФ 126, 42 — фонотека 1009/8.

523. В отсутствие козы волк съедает шестерых козлят, седьмой рассказывает об этом матери, коза толкает волка в костер, козлята выскакивают из брюха волка. — Ук. 123. АКФ 126, 37 — фонотека 1009/3.

524. Терешечка ловит рыбу. Ведьма, подражая голосу матери, заманивает его к себе, хочет зажарить, в печь попадает ее дочь; грызет дерево, на котором сидит Терешечка, его спасают гуси. — Ук. 327 С. АКФ 126, 38.

525. Пересказ пушкинской сказки о рыбаке и рыбке. — Ук. 555. АКФ 126, 36 — фонотека 1009/2.

526. Медведь и мужик. См. стр. 312, № 66. — Ук. 1030, 154.

527. Старик несет царю киселя; царь дарит старику золотую тарелочку; старик меняет тарелочку на коня, корову и т. д.; старуха бьет старика лопатой. — Ук. 1415. АКФ 126, 39 — фонотека 1009/5.

528. В подполье прорастает горошина; старик рубит пол, потолок, крышу. Старик лезет по стеблю горошины на небо, роняет мешок со старухой; нанимает вопленицу. — Ук. *1425, 37. АКФ 126, 46 — фонотека 1009/12.

Фекла Егоровна Петухова, 63 г.

529. В отсутствие родителей гуси-лебеди уносят братца, найти его помогает яблонька, речка, печка. Дети возвращаются домой. — Ук. 480*Е. АКФ 126, 75 — фонотека 1011/9. Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен.

Екатерина Васильевна Попова, 68 л.

530. Лиса уносит петуха, кот спасает его. — Ук. *61 II. АКФ 126, 35 — фонотека 1009/1. Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен.

Парасковья Ефимовна Попова, 72 г.

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен

П. Е. Попова малограмотная, обладает артистическим мастерством рассказывания. От нее записано лишь три сказки, но знает она больше. Прекрасна в ее исполнении сказка «Кот, петух и лиса». Кроме сказок знает духовные стихи, былички.

531. В отсутствие кота лиса уносит петушка. — Ук. *61 II. АКФ 126, 29 — фонотека 1008/13.

532. Медведь пением выманивает у старика семь овечек; старик и их внуки прячутся, медведь ищет их, но не находит. — Ук.* 162. АКФ 126, 28 — фонотека 1008/12.

533. Про Рака Раковича. См. стр. 313, № 67. — Ук. 425 А.

Мария Семеновна Поташова, 80 л.

534. Краткая передача сказки о волке, пением выпрашивающем у стариков всех овец. — Ук.* 162. АКФ 126,61 — фонотека 1010/5. Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен.

Анастасия Григорьевна Сотникова, 69 л.

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен

Малограмотная. К предложению собирателей рассказать известные ей сказки отнеслась со всей ответственностью и чувством долга. Сотникова интересная исполнительница сказок, вживается в развертывающиеся события, прекрасно передает диалог, рассказывает с увлечением. Присутствующие слушают ее рассказ с большим вниманием.

535. Про старика и старушку. См. стр. 317, № 68. Ук.*162, 154.

536. Колобок убегает от старика, старушки, зайца, волка; лиса съедает его. — Ук.*296. АКФ 126, 87 — фонотека 1012/11.

537. Колдунья превращает женщину в оленя, подменяет ее своей дочерью; отец носит ребенка туда, где пробегают стада оленей. Мать сбрасывает кожушки, кормит ребенка грудью, при третьей встрече муж сжигает кожушки, вместе с женой и сыном возвращается домой; колдунья и ее дочь казнены. — Ук. 409. АКФ 126, 80 — фонотека 1012/3.

538. Мачеха и падчерица. См. стр. 320, № 69. — Ук. 480 А.

539. Падчерица в лесной избушке; кормит кашей мышку, та помогает ей спрятаться от медведя; падчерица возвращается домой с богатством, родная дочь погибает. — Ук. 480*С. АКФ 126, 88.

540. [Свиной чехол]. См. стр. 326, № 70. — Ук. 510 В.

541. Одноглазка, Двуглазка и Трехглазка. См. стр. 329, № 71. — Ук. 511.

542. Докучная. — Ук.*2020. АКФ 126, 86 — фонотека 1012/10.

Евстигней Николаевич Федосеев, 63 г.

Зап. 1932 г. А. Н. Нечаева

543. Девушка-лебедь выбирает себе жениха; во время их свидания дядя усыпляет жениха сонной булавкой; герой идет на поиски исчезнувшей невесты, ему помогает старушка, угощает невесту яйцом, в котором спрятана ее тоска к жениху. — Ук. 400 А, *В. АКФ 25, 32.

544. Спящего солдата приносят в царский дворец, его навещает ангел, солдат обучает ангела строевой службе. АКФ 25, 33.

Агафья Николаевна Фомина, 68 л.

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен

545. Кот да петух. См. стр. 332, № 72. — Ук.*61 II.

546. Краткий пересказ сюжета «Пение волка». — Ук.*162. АКФ 126, 20 — фонотека 1008/4.

547. Повторная, более полная запись сюжета «Пение волка». — Ук.*162. АКФ 126, 22 — фонотека 1008/6.

Анфиса Михайловна Швецова, 58 л.

548. Старик и старуха вываливают в море рыбу, похожую на рака, рак превращается в человека, требует в жены царевну. Царь дает раку три задачи, он выполняет их, женится на царевне. — Ук. 425. АКФ 126, 79 — фонотека 1012/2. Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен.

Феоктиста Ильинична Шмакова, 47 л.

Зап. 1968 г. А. П. Разумовой, Н. А. Лавонен.

549. Старуха просится на ночлег со своей курочкой. Утром за якобы пропавшую курочку требует петушка, овечку, бычка. Запрягает бычка, сажает в сани встретившихся в лесу зверей, они съедают бычка. Старуха снова выпрашивает у хозяйки курочку.

550. Мачеха отправляет падчерицу к медведю, девушка возвращается с наградой. Родная дочь отказывается работать на медведя, не может попасть домой; сестры садятся в корзину с пирогами, медведь несет их к родителям. — Ук. (311). АКФ 126, 71 — фонотека 1011/5.

551. Падчерицу отправляют наниматься на работу; в пути она ухаживает за скотиной, получает вознаграждение.— Ук. (480 А). АКФ 126, 83 — фонотека 1012/7.

552. Падчерицу отправляют в работницы; девушка попадает к бабе-яге, выполняет все ее задания, с наградой возвращается домой. — Ук. (480 А). АКФ 126, 84 — фонотека 1012/8.

ВОРЕНЖА

Мария Николаевна Коровикова, 50 л.

553. Старуха находит деньги, утерянные барином, объясняет ему, что нашла их, когда выходила замуж. — Ук. 1381. АКФ 79, 694. Зап. 1956 г. А. Быковской, Н. И. Савушкиной.

Любовь Матвеевна Свиньина, 71 г.

Зап. 1956 г. Е. Костюхина, Е. Новикова, Н. И. Савушкиной

554. Мужик выдает дочерей за солнце, луну, ветер; идет к ним в гости; дома делает то же, что и зятья: печет у себя на голове блины, ночью в бане светит пальцами, хочет так же, как ветер, перевезти жену на плоту; плот опрокидывается, старуха тонет. — Ук.*299. АКФ 79, 681.

555. В награду за доброту солдат получает трубку-самокрутку и другие чудесные предметы, с помощью их выгоняет чертей из дома. — Ук. (307). АКФ 79, 692.

556. Водяной требует от мужика отдать то, что он дома не знает; мужик отправляет сына, он встречает девушек-лебедей, женится на одной из них, убегает от водяного; водяной тонет; герой забывает свою жену; кукушка, запеченная в его пирог, напоминает герою о жене. — Ук. 313 С. АКФ 79, 687.

557. Падчерица уходит от мачехи; встречает юношу, видит его только ночью; юноша исчезает; девушка ищет его. — Ук. 425 А. АКФ 79, 703.

558. Бедняку суждено быть наследником богатого; богатый пытается его погубить: оставляет голого на морозе, отправляет с письмом, приказывая убить и т. п.; бедный женится на дочери богатого; разгневанный богач бросается в море. — Ук. 461. АКФ 79, 686.

559. Девушка-соколица становится женой стрелка; она вышивает ковер, муж продает его. Жену героя хочет отнять царь, поручает стрелку трудные задачи. С помощью жены стрелок выполняет поручения царя, наказывает его. — Ук. 465 А. АКФ 79, 689.

560. Мачеха отправляет падчерицу к баге-яге; девушка выполняет все ее поручения, в награду получает яблоню, угощает яблоками проезжего молодца, выходит за него замуж. Родная дочь не получает вознаграждения. — Ук. 480 А. АКФ 79, 690.

561. По поручению царя герой ищет утерянную корону, богатырскую клюшку; находит эти предметы у женщины; обыгрывает ее в карты и убивает; побеждает змей, теряет корабль, возвращается к царю на льве, хвастает своей поездкой; спаивает льва, он молит о пощаде. — Ук.*485 А. АКФ 79, 685.

562. Старик тушит лесной пожар, в награду получает от ящерицы волшебный предмет; старик богатеет, завистливый сосед крадет этот предмет; кошка и собака возвращают его хозяину. — Ук. 560. АКФ 79, 684.

563. Схематичный рассказ сказки «Волшебная лампа Аладина». — Ук. 561. АКФ 79, 691.

564. Злая хозяйка предлагает работнику спуститься в колодец за золотом; пугает дьявола. Дьявол учит мужика лечить людей. Мужик нарушает уговор; баба вылезает из ямы. — Ук. 1164. АКФ 79, 680.

565. Старик обманывает попов: продает шапку, которой платит в трактире. Старика хотят утопить, вместо него тонут попы. — Ук. 1539. АКФ 79, 688.

566. Старуха удачно отвечает на вопросы: «Залетела ворона в царские хоромы» и т. п. — Ук. 1641. АКФ 79, 683.

567. По договоренности со старухой старик прячет лошадь, корову; старуха угадывает, где находятся животные. Воры воспринимают разговор старика и старухи, как разоблачение их кражи: «Что брюху, то и хребту». — Ук. 1641. АКФ 79, 682.

568. Барин пропивает все деньги, голодный возвращается домой, в дороге ест хлеб, предназначенный лошадям. — Ук. (1775). АКФ 79, 693.

569. Батрак хочет женится на дочери купца. Невесту крадут разбойники. Жених находит ее. — АКФ 79, 704.

570. Бедняк занимает у богача миску муки, ветер сдувает ее; дает взамен бедняку скатерть «самобранку», богач отнимает ее у бедняка. Бедный занимает у богатого тарелку студня, мороз замораживает студень, дает бедняку золотодойную козу и т. п. Чудесные молодцы избивают богатого, он возвращает все бедному. — АКФ 79, 698.

571. Схематичное изображение сказки Андерсена «Принцесса на горошине». — АКФ 79, 700.

КОРОСОЗЕРО

Акулина Лазаревна Митрякова, возраст неизвестен

Зап. 1956 г. Е. А. Ремезовой

572. Лиса съедает масло, обманывает старика, как будто ее зовут кумой. Мажет старика маслом, обвиняет в нечестности. — Ук. 15. АКФ 79, 860.

573. Лиса уносит петуха из избушки, кот отнимает петуха. — Ук.*61 II. АКФ 79, 858.

574. Отчим отдает пасынка лешему; юноша проникает в запретную комнату, откармливает тощего коня; уезжает из неволи, женится на царской дочери, становится царем. Конь просит отрубить ему голову, превращается в названного брата героя. — Ук. 313 А, 314. АКФ 79, 855.

575. Брат везет сестру на смотрины; баба-яга подменяет ее; сестра превращается в утку; брат посажен в тюрьму. Царь подслушивает их разговор, сжигает утиные перья, все выясняется. — Ук. 403 А. АКФ 79, 924.

576. Брат отдает сестру замуж; ее суженый появляется только ночью; девушка роняет искру, жених исчезает; невеста находит его. — Ук. 425 А. АКФ 79, 856.

577. Баба-яга губит сестру, хочет зарезать козленочка. Царевич подслушивает просьбы братца, освобождает сестру; женится на ней.—Ук. 450. АКФ 79, 857.

578. Сказка о Марко Богатом. — Ук. 461. АКФ 79, 854.

579. Царевич на пиру трижды выбирает себе невесту. С помощью чудесного кольца падчерица одевается в дорогие наряды, появляется на пиру, теряет башмачок, царевич находит ее. — Ук. 510 А. АКФ 79, 923.

580. Царевич выбирает невесту; царица рожает девять чудесных детей; баба-яга подменяет их щенками; царица прячет одного сына; поселяется с ним на острове; находятся остальные восемь сыновей. Царь узнает свою жену. — Ук. 707. АКФ 79, 922.

581. Муж продает вышитые женой ковры за три совета: «замахнись, а не ударь» и т. п. Корабли героя в пути останавливаются, он спускается на дно моря, решает спор черта с дьяволом, возвращается домой, видит жену с двумя юношами, хочет убить их, вспоминает советы. Все выясняется. — Ук. 910 В. АКФ 79, 925.

582. Отец перед смертью дает сыну советы: «Не говори работающим людям «бог помощь», «ешь хлеб с медом», «каждый день делай себе обновку» сын выполняет совет, разоряется; истинный смысл советов раскрывает бабушка-задворенка; сын приходит раньше других на работу, ежедневно в доме делает что-то новое. — Ук. 915. АКФ 79, 963.

583. Жена хочет избавиться от мужа, кормит его масляными блинами; муж притворяется слепым, убивает любовника жены, наказывает ее. — Ук. 1380. АКФ 79, 921.

584. Жена в отсутствие мужа развлекается с любовником; прохожий прячет мужа в мешок; песней советует расправиться с женой и ее гостем. — Ук.*1361 I. АКФ 79, 917.

585. Старик бьет старуху за то, что она хочет накрошить хлеба в похлебку, которой нет. — Ук. 1430 В. АКФ 79, 967.

586. Старик со старухой «отгадывают», где находится спрятанный ими скот; счастливая случайность помогает им найти царский перстень, они должны угадать, какая птица приготовлена на сковороде и т. п. — Ук. 1641. АКФ 79, 918.

587. Старик сеет репу на крыше, пропалывает ее, старается вытянуть; сажает старуху в мешок, она падает и разбивается. Старик нанимает лису-плачею, она съедает старуху. — Ук. (1960*GI), 37. АКФ 79, 859.

588. В царской семье появляются близнецы. Свекровь клевещет на невестку, сажает в тюрьму, отправляет в лес. Одного из близнецов похищает львица; царевна с сыном возвращается домой, свекровь лишает себя жизни. — АКФ 79, 854 а.

589. Усердный работник везет товар, попадает к разбойникам, служит у них. Разбойники привозят девушку, вместе с работником она бежит из дома. АКФ 79, 919.

590. В присутствии любовника жена не пускает в дом мужа. Удивленный муж ищет свой дом. — Ук. (1406 А). АКФ 79, 920.

Марфа Никоновна Маровикова, 72 г.

Зап. 1956 г. С. С. Ожеговой, Т. И. Гоголь

591. По совету отца (царя) братья стреляют из лука, находят свою судьбу; женой младшего брата должна стать лягушка; царевич сжигает шкуру лягушки, она оборачивается змеей, куницей, веретеном, он ломает веретено, лягушка навсегда принимает человеческий облик. — Ук. 402. АКФ 79, 894.

592. Девушка отдана замуж за невидимого жениха; ночью она сжи-

гает три спички, муж-красавец исчезает; с помощью чудесных предметов жена находит мужа. — Ук. 425 А. АКФ 79, 889.

593. Мачеха (Ягибовна) плохо относится к падчерице, хочет убить ее корову. На пиру царевич обращает внимание на падчерицу, находит ее по ступню, оставленному на смоляном пороге, по кольцу. Мачеха оборачивает падчерицу лебедью; царевич останавливает лебединые стада, сжигает кожушки девушки-лебедя; женится на ней. — Ук. 511, 510 А, 409. АКФ 79, 890.

594. Дураку в ведро попадает щука, по ее веленью он женится на царевне, живет с нею на задворках; побеждает царского неприятеля, становится признанным зятем царя. — Ук. (675). АКФ 79, 895.

595. Мачеха не любит пасынка за то, что отец оставил сыну в наследство чудесные предметы; мачеха лишает юношу этих предметов; с помощью бабушки-задворенки он покупает чудесный ящик, в котором спрятана его будущая невеста; она вышивает ковры и продает их; отправляет жениха к своим родителям, выходит замуж за своего суженого. — АКФ 79, 888.

596. Ангел предсказывает детям, что они должны пожениться после того, как девушка будет три года воровать и т. п. Отец мальчика распарывает ей живот, оставляет в стоге сена; по рубцу на животе жених находит свою суженую. — Ук. (*934). АКФ 79, 892.

Ольга Николаевна Васькова, 45 л.

597. Мачеха ненавидит подчерицу, по ее приказанию старик зажимает руки дочери в распиленную березу: девушка бродит по лесу с оторванными руками, выходит замуж за царевича; в отсутствие мужа у нее рождается необыкновенный сын (во лбу солнце, в затылке месяц). Злая задворенка сообщает царю о рождении урода; муж приказывает засмолить жену с сыном в бочку, пустить по морю; бочку выкидывает на берег, царица находит своего мужа. — Ук. (480*В), 707. АКФ 79, 896.

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ[1]

1. Лиса крадет рыбу с воза. — 182, 251, 257, 325, 341, *441*, 480, 520.
2. Волк у проруби. — 182, 251, 257, 325, 341, *441*, 480, 520.
3. Лиса намазывает голову сметаной. — 520.
15. Лиса-повитуха. — *164*, 264, 326, 354, 440, 520, 572.
20 A. Звери пожирают друг друга. — 99, *441*.
20 C. Звери бегут от «войны». — 99, *441*, 459.
21. Пожирание собственных внутренностей. — 99, *441*, 459.
37. Лиса-плачея. — 143, 405, 528.
43. Ледяная и лубяная хатка. — *164*, 202, 203, 326, 480, 521.
*61 II. Кот, петух и лиса. — 204, 258, 265, 281, 339, 371, 442, 513, 522, 530, 531, *545*, 573.
118. Лев и лошадь. — 411.
123. Волк и козлята. — 205, 523.
130. Зимовье зверей. — 309, 327, *340*.
154. Мужик, медведь и лиса. — *342*, *526*, *535*.
*154 I. Лиса и хвост. — 310.
158. Звери в санях у лисы. — *443*, 549.
159. Звери откупаются от человека. — 328.
* 160 I. Медведь и старуха. — *443*.
*161. Медведь — липовая нога. — *317*, 368.
* 162. Пение волка. — 206, 334, 370, 372, 476, 509, 514, 532, 534, *535*, 546, 547.
170. «За скалочку — гусочку». — 549.

[1] Указатель и заглавия сюжетов даны по системе Аарне — Андреева, далее следуют номера сказок из описи настоящего сборника. Публикуемые тексты выделены курсивом.

* 241 I. Смерть петушка. — *511.*
* 241 III. Курочка снесла золотое яичко. — 329, 510.
* 254. Ерш Ершович. — 74, 159.
* 296. Колобок. — 259, 276, 343, 481, 536.
* 297. Война грибов.— 100.
* 299. Солнце, Месяц и Ворон — зятья. — 554.
300 A. Победитель змея. — 6, 45, *54*, 104, 113, 126, 392, 402; 497; 515.
300*B. Бой на калиновом мосту. — 40, 110, 129.
301. Три царства: золотое, серебряное и медное. — 263.
301 A. Герои идут на поиски за исчезнувшими царевнами. —6, 22, 23, 41, 101, 110, *311, 349,* 389, 392, *432,* 475, 486, 487.
301 B. То же самое, но с вступлением: силач и его спутники. — 15, 16, 76, *349,* 416, *432,* 475.
301*C. Солдат находит исчезнувшую царевну на острове.—77.
302. Кощеева смерть в яйце. — 76, 84, 207, *347,* 435.
303. Три брата чудеснорожденные. — 129, *311.*
306. Ночные пляски. — 271.
307. Девушка, встающая из гроба. — 62, 102, 208, 209, 294, 409, 417, 424, 460, 487, 507, 555.
311. Медведь и три сестры. — *210,* 550.
313. Чудесное бегство. — 45, 211, 214.
313 A. Юноша обещан морскому царю. — 42, 53, 111, 156, 272, 318. 391, 406, 425, 488, 516, 574.
313 C. То же самое, с добавлением: юноша забывает девушку-невесту. — *399*, 406, 425, 488, 556.
* 313 I. Бегство с помощью бросания чудесных предметов. — 167, 230, 468.
314. Чудесное бегство. — 53, *111*, 142, *212*, 574.
315. A. Звериное молоко. — *54*, 87, 213, 240, 497, 516.
315*B. Неверная жена. — 29.
325. Хитрая наука. — 3, *55,* 390.
326 *B. Бесстрашный. — 43.
327 A. Брат и сестра у колдуньи.—186, 252.
327 B. Мальчик с пальчик у великана. — 59, 83, 187, 319.
327 C. Ивашка и ведьма. — 24, 479, 524.
330 A. Солдат и смерть. — 43, 103, 294.
330 B. Черт в ранце. — 312, 461.
332. Смерть-кума. — *56.*
333*B. Глиняный Иванушка. — 157, 269, 282, 330, 365.
361. Неумойка. — 489.
365. Жених-мертвец. — 188, *283.*
400 A. Муж ищет исчезнувшую жену. — 25, 78, 142, 211, 214, 230, *347,* 407, 543.
400*B. Царь-девица. — 45, *149*, 215, *349*, 543.
402. Царевна-лягушка. — 78, 79, 152, 216, *347,* 352, 407, 591.
403 A. Подмененная невеста: живут брат и сестра. — 26, 57, 144, 165, 181, *217,* 374, 418, 426, 444, 462, 575.
403 B. Подмененная жена. Падчерица становится женой царя. — 427.
409. Мать-рысь. — 537, 593.
* 410 I. Окаменелое царство. — 44.
425 A. Амур и Психея. — 1, 80, 116, 419, 463, 502, 508, *533,* 548, 557, 576, 592.
425 C. Аленький цветочек. — 166, 190, 273, 320, 336, 344, 464.
428. Царевич-волк. — 7, 355.
432. Финист — ясный сокол. — 218, 512.
433 A. Царевич-змея. — 267.
440. Царевич-лягушка. — 247.
* 449 A. Царская собака. — 95, 153, 295, *384.*
* 449 B. Жена-колдунья. — 95.

450. Братец и сестрица. — 158, 167, 445, 503, 517, 577.
451. Братья-лебеди. — 150, 168, 321, 420, *446*, 465.
461. Марко Богатый. — 27, *81*, 112, 219, 380, *439*, 558, 578.
465 А. Пойди туда, не знаю куда. — 42, *433*, 559.
475. На службе в аду. — 44.
480. Мачеха и падчерица. — 240.
480 А. Падчерица роняет веретено в колодец. — 201, 220, 221, 448, *538*, 551, 552, 560.
480*В. Морозко. — 145, 189, 190, 222, 270, 335, 356, *357*, 404, 447, 597.
480С. Падчерица играет в жмурки с медведем. — 8, 260, 290, 369, 466, 482, 539.
480*Е. Девушка ласково обращается с встречающимися ей предметами. — 529.
* 485 А. Борма-ярыжка. — 385, *400*, 421, 561.
502. Медный лоб. — *28*, 160, 263, 348, 392, 434, 467, 504.
510 А. Золушка. — 9, 169, *223*, 224, 267, 301, 337, 408, 428, 518, 579, 593.
510 В. Свиной чехол. — 468, *540*.
511. Одноглазка, Двуглазка, Трехглазка. — 408, *541*, 593.
513 А. Шесть чудесных товарищей. — *28*, 40, 110.
514. Перемена пола. — 382.
518. Обманутые лешие. — 84, 110, 171, 386, 391, 499.
519. Слепой и безногий. — 58. *401*.
530. А. Сивко-бурко. — 29, 113, 146, 183, *225*, 449, 469.
530*В. Сивко-бурко и свинка — золотая щетинка. — *17*, 96, 353.
531. Конек-Горбунок. — 30, 31, 59, 82, 83, 170, 226, 227; 261, 313, 402, 470.
533 А. Говорящая лошадиная голова. — *446*.
545 В. Кот в сапогах. — 32, *228*, 229.
550. Иван-царевич и серый волк. — 16, 19, 84, 113, 171, 314, 422, 435.
551. Молодильные яблоки. — 45, *349*.
552. Животные-зятья. — *10*, 114, 230.
553. Ворон-помощник. — 31, 42.
554. Благодарные животные. — *347*.
555. Золотая рыбка. — 115, 141, *231*, 262, 277, 278, 284, 346. *450*, 471, 477, 525.
560. Волшебное кольцо. — 85, 232, 233, 234, 263, 351, 386, 392, 562.
561. Лампа Аладина. — 116, 315, 563.
563. Чудесные дары. — 191.
566. Рога. — 46, 60, 86, 235.
567. Чудесная птица. — 104, *483*.
569. Сумка, шляпа и рожок. — 142.
592. Чудесная скрипка. — 279.
* 611 I. «Пиковый валет». — *47*.
612. Оживленная неверная жена. — 387.
621. Шкура вши. — *236*, 472.
650 А. Иван — Медвежье ушко. — 87.
* 650 I. Илья Муромец. — 127, 274, 451.
*650 II. Еруслан Лазаревич. — 20, 21, *172*, 237.
653. Семь Симеонов. — 88, *173*.
660. Три доктора. — 61.
* 664 В. Солдат рассказывает сказки. — 291.
675. «По щучьему велению». — 89, *238*, 594.
676. Два брата и сорок разбойников. — 48, 90, 496.
677. В подводном царстве. — *403*.
700. Мальчик с пальчик. — 105, 200, 316.
* 703. Снегурочка. — 161.
706. Безручка. — 124, 239, *490*.

707. Чудесные дети. — 2, 33, 34, 117, *123,* 124, 184, 240, 322, 452, 473, 580, 597.
709. Мертвая царевна. — 91, 174, 323, 474.
715. Петух и жерновцы. — *192,* 332.
725. Нерассказанный сон. — *241,* 498, 499.
735. Две доли. — *483.*
780. Чудесная дудочка. — 464, 500.
804*. Соломон в аду. — 43.
*813. Неосторожное слово. — 253.
*813. А. Проклятая дочь. — 167, 242.
834*В. Предназначенный клад. — 175.
*849 В. Образ-порука. — 62, 409.
854. Золотой козел. — 492.
873. Царь и купеческая дочь. — 11, 106, 391.
875. Семилетка. — 35.
*875 II. Хитрая девушка. — 36.
881. «Про весь белый свет». — 484.
882 А. Спор о верности жены. — 130.
882*В. Верная жена. — 94.
883. Оклеветанная девушка. — 153, 266, 381.
900. Гордая невеста. — 491.
901*В. Исправление ленивой. — 292.
*905. Соломон и его неверная жена. — 501.
910 В. Три слова. — 12, 302, *403,* 436, 492, 581.
915. Мудрые советы. — 582.
920. Сын царя и сын кузнеца. — 501.
921. Умные ответы. — 35.
931. Кровосмеситель. — 176.
* 934. Предназначенная жена. — 596.
950. Дядя и племянник. — *296.*
952. Царь и солдат. — 131, *155,* 177, 410, 456.
955. Жених-разбойник. — 243, 429, *453.*
956 В. Девушка и разбойники. — 505.
1007. Порча скота. — 268.
1030. Дележ урожая: — 331, 345, *526.*
1045. Угроза морщить озеро веревкой. — 92, 475.
1052. Переноска дерева. — 118, 140.
1060*. Кто сильнее пожмет руку. — 393.
1060. Кто раздавит камень. — 393.
1061. Кто раскусит камень. — 118.
1085. Кто проткнет дерево. — 118.
1120. Жена брошена в воду вместо работника. — 120, 454.
1132. Бегство от работника. — 120, 454.
1135. Как вылечить или сделать сильным. — 119.
1162. Железный человек и черт. — 475.
1164. Злая жена в яме. — 299, 393, 564.
1202. Пошехонцы жнут. — 324.
1210. Тащат корову на крышу. — 288.
1228. Пошехонцы стреляют из ружья. — 289.
1245. Носят свет в мешках. — 303.
1286. Пошехонцы впрыгивают в брюки. — 303.
1351. Кто заговорит первый? — 63.
* 1360 I. Любовник в виде черта. — 132.
*1360 II. Наказанный любовник. — 485.
*1361 I. Гость Терентий. — 64, 300, 584
1365 А. Упрямая жена. — 65, 358.
1365* Д. Жена с досады притворяется мертвой. — *359.*
* 1375. Жена хочет взять верх над мужем. — 412.
1380. Никола Дубленский. — *361,* 583.

1381. Жена-доказчица. — 66, 248, 553.
1383. Жена не узнает себя. — 37.
1406. Бабьи увертки. — 244.
1406 А. Кто лучше одурачит мужа. — 147, 178, 423, 590.
1415. Мена. — *519,* 527.
* 1425. Глупая старуха. — 528.
1430 В. Мечты о счастье. — 585.
1440. Лошадь вместо девушки. — 67, 185.
1441. * Старуха вместо девушки. — 254, 457.
1457. Шепелявые девушки. — 193.
* 1525 I. Кому должна достаться шуба? — 394, 437.
1525 А. Ловкий вор. — 304.
1525 Д. Герой обманывает воров. — *296.*
1526. Старый нищий и воры. — 394.
* 1527 I. Бегство из амбара. — 4.
1528. Сокол под шляпой. — 125, 133.
* 1529 II. Чудесная овца. — 107.
1535 А. Дорогая кожа. — 132, 297, 485.
1535*В. Человека хотят бросить в мешке в воду. — 107.
1536. Покойница-воровка. — 4, 148.
1538. Мужик мстит барину. — *49.*
1539. Шут. — 245, *395,* 565.
1540. С того света выходец. — 194.
* 1545. Солдатская загадка. — 255.
* 1547. Солдат и барин. — 249.
1548. Солдат варит кашу из топора. — 195.
1561. Усердный работник. — 196, 305.
* 1580. Умный мужик. — 250.
1600 А. Дурак-убийца. — 5, 375, *376.*
1641. Знахарь. — 97, 256, 338, 458, 566, 567, 586.
1643. Дурак и береза. — 5, 375, *376.*
1650. Счастье от наследства. — 324.
1651. * Соль. — 396, 484.
1653. Разбойники под деревом. — 24.
1676. * Кобылье яйцо. — 108.
*1681 I.Дурак делает покупки. — 38, *377,* 378.
1696 А. Набитый дурак. — 379.
1725. Влюбленный поп. — 50, 68, 485.
1730. Поп, дьякон и дьячок. — 18, 98, 134, 298, *383.*
* 1730 I. Мужик хоронит трех попов. — 98, 135.
1735. «Кто отдаст последнее, получит десятерицею». — 413.
1736. Скупой поп и работник. — 70.
* 1736 I. Поп выбирает работника. — 105, 120, 454.
1737. Поп в мешке поднимается на небо. — 246.
1739. Как поп телился. — 136.
1775. Голодный поп (или барин) на ночлеге. — 50, *69,* 70, 75, 568.
1825 А. Мужик в роли попа. — *415.*
1825 В. Безграмотный поп. — *415.*
1825*Д. Поп велит прихожанам делать то же, что и он. — *867.*
* 1885. Человек влезает на небо по дереву. — *862.*
1920*Д. Огонь в обмен на небылицы. — 137, 198.
1960*GI. Небесная избушка. — 162, 334, *405.*
1960*Д I. Репка. — 280, 285, 587.
2014. Хорошо да худо. — 363.
* 2015 I. Кумулятивные сказки. — *397,* 478.
* 2020. Докучные сказки. — 398, *542.*
* 2102 В. У кого больше святых. — 71.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ

Ба́нка (морск.) — подводная мель, опасная для плавания крупных кораблей. Банки никакой нет, ничего не знат, почему корап нейдет. № 48, стр. 238.

Большо́й угол — угол, где ставят в избе иконы, главное и почетное место. Царь сажает его в большой угол, выше зятевей своих. № 2, стр. 52.

Вешало́ — козлы из жердей для просушки рыболовных сетей. Невод развесили они на вешало. № 45, стр. 225.

Вя́зья — прутья для вязки некоторых частей телеги, саней. В ездовых санях вязками поперек связывали копылья. Как семы (седьмые сани) только прикатились, они на семы меж вязьев вокурат и бах. № 45, стр. 231.

Га́ргать — кричать. Овечьи пастухи ей бьют, пинают, гаргают... № 69, стр. 325.

Гна́ла — глина. Гнилкой замажь (решето). № 69, стр. 322.

Голтя́шечек — гайташечек, гайтан — шнурок, на котором носят нательный крест. Скинул голтяшечек с ворота... № 70, стр. 328.

Голя́шки — верхняя часть сапога, чулка. А в тот период носили сапоги с длинными голяшками... № 41, стр. 218.

Гря́дка — жердь, протянутая в помещении для просушки белья. Через грядку клубья рыла. № 52, стр. 263.

Дава́ться — проситься. Подавается на ночь. № 56, стр. 278.

Доло́нь (арх.) — ладонь. И хлопнул его долонью. № 15, стр. 112.

Досе́льный — давний, старинный. Досельны люди не таковы, как теперь. № 11, стр. 96.

Дуть — бить, ударять. Иван Соснович хватает старика и начинает его дуть. № 54, стр. 269.

Жара́ток — место в передней части русской печи с углублением, куда сгребают угли. Голову чесала да волосья бросила в жараток. № 1, стр. 40.

Заклеска́ть — захлопать. Все и заклескали в долони. № 25, стр. 154.

Зень (арх.) — земля. Сидит на зени да и сыр в роте держит. № 14, стр. 110.

Зо́бать — есть жадно, не разжевывая. Ну, кто ребята, муки зобать. № 3, стр. 54.

Изо́тчина — отчество. По имени называешь и по изотчину нарекаешь. № 15, стр. 111.

Ка́лайдать (прибалт.-финск.) — стучать, колотить. Ложки калайдают. № 43, стр. 222.

Ка́рбас (прибалт.-финск.) — гребное парусное судно для речного и прибрежного морского плавания. Приехала прежде его (царя) на Двину и повернула этот карбас. № 23, стр. 150.

Ка́танцы, катанки — валенки. Катанки-то вот тебе (чтобы не замерзла). № 36, стр. 213.

Клеть — кладовая. Зашла в клеть. № 70, стр. 327.

Клочо́к — болотная кочка. Сяду на клочок, съем пирожок. № 18, стр. 129.

Ко́мья—вершина, сучья и листва у дерева. Садись на комья. № 58, стр. 287.

Кори́стоваться — получать выгоду, пользу. На, кривая собака, тем и корыстуйся. № 49, стр. 247.

Крень — подбойный брус под килем судна. Если не возьмешь, то вверх кренем (лодку) переверну. № 20, стр. 136.

Кропа́ть — штопать, починять. Старик кропает сидит на улице свои опорки. № 35, стр. 208.

Куйпога (прибалт.-финск.) — самая малая вода в морском отливе, стр. 35.

Леси́на — дерево. Завел лошадь в сторону в лес, привязал к лесины. № 9, стр. 86.

Межу́ток — узкий промежуток между двумя домами. Курушка по межуточкам, курушка по подъизвозьицам, да и убежала. № 70, стр. 327.

Мере́жа — конусообразная, растянутая на нескольких обручах снасть для ловли рыбы. И ему рак попал в сети, в мережу. № 67, стр. 313.

Мошни́к — глухарь. № 57, стр. 282.

Обра́ть — спрятать. У нас дедко-Угрюмко обрал глаза. № 3, стр. 53.

Обре́я — плотно сколоченный из досок в виде корыта ящик, в котором засаливается рыба. Притащили обрез деревянный большой. № 25, стр. 153.

Оверну́ться — превратиться. Сама овернулась щукой. № 12, стр. 105.

Ове́тный — заветный, обещанный.

— Продай кувшин, молодец.

А он говорит:

— Не продажный, а оветный. № 1, стр. 41.

Озу́бки — огрызки, корки. Из рукава озубки посыпались. № 34, стр. 187.

Осве́жить — убить, зарезать, снять шкуру с убитого животного. Старик, освежим красну корову. № 71, стр. 331.

Оселка — кремнистый камень, на котором точат ножи, бритвы и т. д. Возьми зеркало, гребень да оселку. № 19, стр. 131.

Осто́риться — остановиться или перестать. Он остопорился и саблю на гвоздь клал. № 15, стр. 119.

Опру́ги, опруга, — ребро судна. Поедем за кокорами, да за опругами. № 68, стр. 320.

Отна́мочки — специально сшитые тряпки, которыми обхватывают горшки. Дарю вам отнимочки суконца тафтяного. № 20, стр. 137.

Па́нтуфни — туфли. А бык Варвару съел, одни пантуфни остались. № 39, стр. 216.

Па́стырь — (здесь) пастух. Пастыри коней пасут. № 23, стр. 151.

Па́ужин — полдник. А когда паужинать-то стала, она ей ни крошечки не дала. № 71, стр. 330.

Пахáть — мести, подметать, обметать. Нечем будет выпахать пол. № 6, стр. 69.

Пешнú — орудие для долбления во льду прорубей. А у них ни лопаты, ни пешни, прорубь выпешáть нечем. № 46, стр. 236.

Плáвать — ползать. Ну, она тут плавала, да ходила, да нашла лисью нору. № 63, стр. 303.

Плящий мороз — самый жестокий, лютый. Уж такой мороз, что прямо плящий. № 36, стр. 213.

Пóдволок — чердак. Забралась затем на подволок. № 14, стр. 109.

Подегýзка — подстилка для сидения. Отправила на ропоку престь, дала подгузку. № 69, стр. 323.

Покрýтно — покрута — одевание (невесты). Нарядны покрутно. № 61, стр. 294.

Порáто — сильно, крепко, много. Болею порато, маменька. № 3, стр. 53.

Привальнú — привальное. Угощение в связи с приездом. Послал сына позвать тестя-батюшку на привальнё. № 51, стр. 261.

Пропадáть — гибнуть, погибать. С крыши пал на рогатины, пропал, кишки вышли, пропал, вышли и пропал. № 58, стр. 288.

Пýля слúна — сопля (сопли со слюной — пуля слина). Вот мы пойдем, а ты, пуля слина, лежи тут, дурачок. № 22, стр. 147.

Реветь — кричать, звать. Опять коровушка и ревит. № 71, стр. 330.

Реленга (морск.) — горизонтальные стальные прутья, идущие в несколько рядов у леерного (веревочного) ограждения на палубе. Встал на реленгу и скочил в море. № 51, стр. 257.

Рóпока — (прибалт.-финск.) — куча льда около проруби после ежедневной ее расчистки. На ропоку я отправлю престь дочёрь. № 69, стр. 320.

Рýпчевать — рупчею, по-видимому, от прилагательного заботливый, старательный. Этих дурин уже тридцать лет рупчею и... сухой корки не видал. № 55, стр. 276.

Рыть — бросать, откидывать. Через грядку клубья рыла. № 52, стр. 263.

Сподобля́ться — отправляться, наряжаться, приготовлять что-либо. Садись на меня и будем сподобляться. № 19, стр.130.

Став — крестьянский холст, простое полотно. Сидит под окном девица и ткет вроде как став. № 35, стр. 200.

Стýпень — кожаный женский башмак. Кому ступень поладится, того и взамуж возьми. № 70, стр. 326.

Тоня — часть озера или реки, где обычно в промысловые сезоны наблюдается скопление рыбы. № 45, стр. 225.

Тяга — дверная ручка. Как схватились за тягу, так кольцо и осталось. № 21, стр. 143.

Ужó — погодя, позже, после. А у Настасьи Ахрамеевны ужо сын родился. № 15, стр. 120.

Урядка — договор, порядок. Ну, делать нечего — Урядка. Урядка-матка. № 12, стр. 105.

Уходáть — погубить, извести. Вот задумал опять Марко Богатый уходить Василия Бесчастного. № 10, стр. 92.

Ухорони́ть — спрятать. Она его взяла накормила и ухоронила. № 1, стр. 40.

Фóрдовень (морск.) — искаж. от фордовинд — полный ветер. Фордовень тянет, паруса рвет. № 51, стр. 256.

Харщистый — сытый. Щука харщиста. № 7, стр. 81.

Шáлга (прибалт.-финск.) — лес, пригодный для рубки и заготовки дров. Кот пошел в шалгу дров рубить. № 72, стр. 332.

Шáмрать — искать вслепую. Старуха руками шамрат. № 35, стр. 203.

Шáять — тлеть. Волосья бросила в жараток, видно, волосы шают. № 1, стр. 40.

Ширúнка — полотенце. Я бы вышила шириночку шелком. № 11, стр. 96.

Эття — здесь. Есть ли этта какое живое существо? № 4, стр. 56.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Ук. — Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929.

АКФ — Архив Карельского филиала Академии наук СССР (первая цифра обозначает номер коллекции, вторая цифра — номер текста).

Фонотека — Фонотека Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР (первая цифра обозначает номер кассеты, вторая — номер текста).

Азад. — Народные сказки о боге, святых и попах. Составитель М. К. Азадовский, редакция и вступительная статья Л. Н. Пушкарева. М., 1963.

Аф. — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. Подготовка текстов и примечания В. Я. Проппа. М., 1957.

Бал. — Сказки Терского берега Белого моря. Издание подготовил Д. М. Балашов, ответственный редактор Э. В. Померанцева. Л., 1970.

Башк. — Русское народное творчество в Башкирии. Составители С. И. Минц, Н. С. Полищук, Э. В. Померанцева, под общей редакцией Э. В. Померанцевой. Уфа, 1957.

Гура — Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края. Сказки, песни, частушки. Под редакцией В. В. Гура. Северо-западное книжное издательство, 1965.

Дом. — Русское народно-поэтическое творчество против церкви и религии. Составление, вступительная статья и примечания Л. В. Домановского и Н. В. Новикова, ответственный редактор В. П. Вильчинский. М. — Л., 1961.

Иваницк. — Песни, сказки, пословицы, загадки и поговорки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии. Подготовка текстов,

вступительная статья и примечания Н. В. Новикова, Вологда, 1960.

Комовск. — Сказки, рассказы, песни Горьковской области. Вступительная статья, редакция текстов, комментарии Н. Д. Комовской. Горький, 1956.

Конкка — Карельские народные сказки. Составление, вступительная статья и примечания У. С. Конкка, научная редакция В. Я. Евсеева. Петрозаводск, 1959.

КНС I. — Карельские народные сказки. Издание подготовила У. С. Конкка, общая редакция В. Я. Евсеева. М. — Л., 1963.

КНС II — Карельские народные сказки. Южная Карелия. Издание подготовили У. С. Конкка, А. С. Тупицына, общая редакция В. Я. Евсеева. Л., 1967.

Молд. — Русская сатирическая сказка. Предисловие, примечания и редакция текстов Дм. Молдавского. М., 1958.

Никиф. — Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. Издание подготовил В. Я. Пропп. М. — Л., 1961.

Нов. — Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века. Составление, вступительная статья и комментарии Н. В. Новикова. М. — Л., 1961.

Пенз. — Песни, сказки. Сборник составила А. П. Анисимова. Пенза, 1962.

Померанц. — Русские народные сказки. Сказки рассказаны воронежской сказочницей А. Н. Корольковой. Составитель и ответственный редактор Э. В. Померанцева. М., 1969.

Пот. — Народная поэзия Горьковской области. Выпуск первый. Составитель и редактор В. Потявин. Горький, 1960.

Прикам. — Меткое слово. Песни, сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья. Собрал В. Н. Серебренников. Составитель и автор вступительной статьи Т. И. Вершинин, редакция, послесловие и примечания Г. И. Бомштейна. Пермь, 1964.

Сев. Дв. — Народное творчество Северной Двины. Старинные песни, прибаутки, детские песенки, считалки, байки, загадки, сказки, свадебные обряды. Составители сборника и авторы вступительной статьи В. В. Митрофанова и Л. В. Федорова, ответственный редактор Г. Г. Фруменков. Архангельск, 1966.

Тум. — Русские народные сказки казаков-некрасовцев. Собраны Ф. В. Тумилевичем. Ростов, 1958.

Урал — Русские народные сказки Урала. Составители Галкин, Китайник, Н. Куштум. Свердловск, 1959.

Худ. — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издание подготовили В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева. Главная редакция: А. М. Астахова, В. Г. Базанов, Б. Н. Путилов. М. — Л., 1964.

Чист. — Перстенек — двенадцать ставешков. Избранные русские сказки Карелии. Составление, вступительная статья и комментарий К. Чистова, научная редакция Н. Полищук. Петрозаводск, 1958.

Яросл. — Песни и сказки Ярославской области. Под общей редакцией Э. В. Померанцевой. Ярославль, 1958.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 3
Сказки и сказочники Карельского Поморья. *А. Разумова* 5

ЛОУХСКИЙ РАЙОН

Черная река

Анна Алексеевна Нифакина, 58 л.
1. [Животные-зятья] 39

Кереть

Пелагея Матвеевна Волкова, 44 г.
2. Три венца не доскочил 45
Евдокия Ивановна Ладина, 73 г.
3. [Медный лоб] 52
Владимир Павлович Меньшиков, 53 г.
4. Валет червей 56
5. Барин и мужик 65
Егор Матвеевич Савин, 45 л.
6. [Звериное молоко] 67
7. [Хитрая наука] 77
8. [Смерть-кума] 84
9. [Голодный поп (или барин) на ночлеге] . . . 85
Андриан Егорович Стариков, 69 л.
10. Марко Богатый и Василий Бесчастный 89

КЕМСКИЙ РАЙОН

Гридино

Анна Ивановна Иванова, возраст неизвестен
11. [Чудесные дети] 95

Калгалакша

Анастасия Ивановна Ефремова, 72 г.
12. Иван-царевич и двенадцать лебедей 101
Сергей Егорович Лукин, 89 л.
13. (Царь и солдат) 106

Капитолина Евдокимовна Редкина, 60 л.
14. Про волка 109
15. [Еруслан Лазаревич] 110
16. [Семь Симеонов] 121

Поньгома

Серафима Васильевна Дмитриева, 55 л.
17. Жерновки 126
Павла Васильевна Миккова, 69 л.
18. (Медведь и три сестры) 128
19. Воловья шкура 130
20. Один след золотой, другой серебряный 134
21. Про черную овечку 138
22. Про Иванушку-дурачка 145
23. Иван — лисицын сын 149
24. Тилли, вилли, мотовилли 152
25. Вошь 153
26. Про Емелю 154
27. [Нерассказанный сон] 157

БЕЛОМОРСКИЙ РАЙОН

Шуерецкое

Наталья Григорьевна Никитина, 76 л.
28. (Мертвец) 163

Беломорск

Кондратий Яковлевич Игнатьев, 66 л.
29. Хитрый вор 165
Борис Николаевич Сахаров, 35 л.
30. Про Ивана-царевича, Ивана-коровича и про Ивана—кухаркина сына 169
Екатерина Андреевна Сахарова, 66 л.
31. (Медвежья лапа) 173

Шижня

Александра Алексеевна Белая, 72 г.
32. Про быка 175
Анна Ивановна Навагина, 59 л.
33. (Мужик и медведь) 178

Сухой Наволок

Петр Яковлевич Никонов, 51 г.
34. Заколдованное царство 180
35. (Молодильные яблоки) 192

Вирма

Степанида Ивановна Головина, 80 л.
36. Морозко 212
37. Про женку и про мужика 214
Мария Владимировна Дементьева, 65 л.
38. Никола Дубленской 214
39. Про пантуфни 216
Петр Иванович Мартынов, 34 г.
40. (Попов жеребенок) 217
41. Ляганье и дрыганье 218
Фатина Васильевна Попова, 57 л.
42. Про дьячка 219
43. Иванушка-дурак 221
Дмитрий Владимирович Филатов, 37 л.
44. Поп, дьякон да пономарь 223
Михаил Владимирович Филатов, 45 л.
45. Никифорово чудо 225

Сумский посад

Николай Александрович Бахилев, 62 г.
46. Поп и Сенька-работник 232
Александра Николаевна Каманина, 83 в.
47. Туру, туру, пастушок 237
Никифор Дмитриевич Клевин, 56 л.
48. Василиса Премудрая 238
49. Вавилонское царство 243
50. Наплот-молодец 250
51. [Добрые советы: Три слова] 255
Полина Павловна Кошелева, 61 г.
52. Про горошинку 261
Михаил Онуфриевич Нетужилов, 62 г.
53. [Мужик в роли попа] 263
Егор Сафронович Привалов, 73 г.
54. Про Ивана-сосновца 264
55. [Пойди туда, не знаю куда] 270
56. Про Нестера 278
Ефимья Васильевна Рохмистова, 63 г.
57. Курица 282
58. Старуха и звери 286
59. Про другу матерь 289
60. Золотая рыбка 291
61. [Жених-разбойник] 294

Колежма

Степан Павлович Егоров, 63 г.
62. Чудесная птица 297

Анна Тимофеевна Сопунова, 48 л.
63. Как брат сестре руки-ноги отсек 302

Нюхча

Клавдия Ивановна Анастасьева, 66 л.
64. Как петушок задавился поповым зернышком . . 308
Ксения Ивановна Кирьянова, 67 л.
65. Золотая солоночка 309
Феоктиста Никоновна Кичигина, 69 л.
66. Медведь и мужик 312
Парасковья Ефимовна Попова, 72 г.
67. Про Рака Раковича 313
Анастасия Григорьевна Сотникова, 69 л.
68. Про старика и старушку 317
69. (Мачеха и падчерица) 320
70. [Свиной чехол] 326
71. Одноглазка, Двухглазка и Трехглазка 329
Агафья Николаевна Фомина, 68 л.
72. Кот да петух 332
Сказочники Карельского Поморья 336
Примечания 340
Опись коллекций текстов сказок Карельского Поморья из архива Карельского филиала АН СССР 362
Указатель сюжетов 410
Словарь местных слов 415
Список сокращений 418

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ
КАРЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ

Составители А. П. РАЗУМОВА и Т. И. СЕНЬКИНА

Редактор В. И. Чернецова
Художник М. С. Майофис
Художественный редактор Р. С. Киселева
Технический редактор Л. В. Шевченко
Корректоры Л. Т. Падафей, Б. В. Пугачева

Сдано в набор 24/I 1974 г. Подписано к печати 24/IX 1974 г. Е 02850. Формат 60×90¹/₁₆, бумага типографская № 3. 26,5 печ. л., 28,09 уч.-изд. л. Изд. № 32. Тираж 10000. Заказ № 99. Цена 1 р. 97 к.

Издательство „Карелия". Петрозаводск, пл. им. В. И. Ленина, 1, Сортавальская книжная типография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Карельской АССР, Сортавала, Карельская, 42.

Р89 **Русские** народные сказки Карельского Поморья. Сост. А. П. Разумова и Т. И. Сенькина. Ред. канд. филол. наук И. М. Колесницкая. Петрозаводск, «Карелия», 1974.

424 с. с илл.

(Академия наук СССР. Карельский филиал. Институт языка, литературы и истории).

В сборник включено 72 сказки, записанных в 30—60-е годы. Публикуемые сказки раскрывают с новой стороны богатство и своеобразие устного поэтического творчества поморов. Особенности местной творческой традиции характеризуются во вступительной статье. Научный аппарат сборника включает полную опись коллекций текстов русских сказок Карельского Поморья, хранящихся в архиве Карельского филиала АН СССР. Книга предназначена для фольклористов, но интересна и для всех читателей, любящих устное народное творчество.

Р $\frac{0731-075}{M127(03)-74}$ 34—74 / РФ